Юрий ВАВИЛОВ

В ДОЛГОМ ПОИСКЕ

Физический институт им. П.Н. Лебедева Российской академии наук

Ю.Н. Вавилов

В долгом поиске

Книга о братьях Николае и Сергее Вавиловых

Издание второе, дополненное и переработанное

ФИАН
Москва 2008

P.N. Lebedev Physical Institute of Russian Academy of Sciences

Yury N. Vavilov

Long Search

Book about Brothers Nikolai and Sergei Vavilov

The Second Edition

FIAN
Moscow 2008

Посвящается светлой памяти
моей многострадальной матери
Елены Ивановны Барулиной–Вавиловой

УДК 575(092) + 53(092) Вавиловы

Вавилов Ю.Н.
В долгом поиске. Книга о братьях Николае и Сергее Вавиловых. /Ю.Н. Вавилов. — М.: ФИАН. 2008. — 368. Издание второе, дополненное и переработанное.

Под редакцией члена-корреспондента РАН И.А. Захарова

Жизнь, научный и гражданский подвиг, трагическая судьба великого русского ученого Николая Ивановича Вавилова, приговоренного к расстрелу с согласия Сталина, давно вызывает большой интерес не только среди ученых в России и за рубежом, но и у значительно более широкого круга лиц.

Автор книги – сын Н.И. Вавилова – Юрий Николаевич Вавилов, – физик, доктор физико-математических наук, помимо своей основной работы способствовал изданию сохранившихся, ранее не опубликованных трудов отца, его Международной переписки собирал и опубликовал воспоминания его учеников и соратников, зарубежных ученых.

Книга содержит архивные документы, связанные с жизнью и деятельностью, арестом и заключением в тюрьму Н.И. Вавилова, обнаруженные Ю.Н. Вавиловым во многих архивах: ФСБ, Президента РФ (фонд Сталина), Архиве РФ, Главной военной прокуратуры РФ, Национальном архиве США, Архиве Лондонского Королевского общества и других, ранее опубликованные им в журналах. Ряд документов публикуется впервые.

В книге приводятся краткие воспоминания о жизни автора: его детских годах в Ленинграде, в военные годы в Саратове, а также рассказы о встречах автора во время зарубежных поездок с известными людьми: русским художником и общественным деятелем С.Н. Рерихом, сенатором и будущим вице-президентом США Альбертом Гором, директором библиотеки Конгресса США Биллингтоном и другими.

В книге публикуются также статьи и воспоминания Ю.Н.Вавилова, посвященные его дяде, выдающемуся русскому и советскому физику Сергею Ивановичу Вавилову, оказавшему огромную помощь семье своего брата в тяжелые для нее годы.

The life, scientific and civic deeds of a great Russian scientist, Nikolai Ivanovich Vavilov, who was sentenced to death with Stalin's consent, has been long attracting the interest not only of Russian and foreign scientists, but the general public as well.

The author of the book is Yury Nikolaevich Vavilov, the son of N.I. Vavilov, Professor physicist. In addition to his main research work, Yu. Vavilov has promoted the publication of his father's unpublished papers, collected and helped in the publication of the memoirs of N. Vavilov's pupils and collaborators and the International correspondence of N.I. Vavilov. The book contains documents about the life and activity, arrest, sentence and imprisonment of N.I. Vavilov. Documents from many archives have been used: that of the Federal Security Service (former KGB), the President of the Russian Federation (Stalin's Fund), the Main Military Prosecutors office of the Russian Federation, GARF, the National Archives of the USA, the Archives of the London Royal Society, and others.

In this book you will also find the articles by Yu.N. Vavilov and co-authors, and his reminiscences devoted to outstanding Russian and Soviet physicist, Sergei Ivanovich Vavilov, the brother of Nikolai Vavilov.

Some of the material presented in the book is published in English (see the Contents).

© Ю.Н. Вавилов
© Физический институт им. П.Н. Лебедева РАН

Предисловие

О моем отце – биологе, генетике, растениеводе, географе, путешественнике, организаторе науки и общественном деятеле Николае Ивановиче Вавилове – со времени его посмертной реабилитации в 1955 году в связи с необоснованным арестом в 1940 году и обвинением в «измене Родине, шпионаже, вредительстве» и т.п. написано много книг, огромное число статей в газетах и журналах, как советских, российских, так и зарубежных. Однако, на протяжении более тридцати лет, вплоть до осени 1987 г. – года столетия со дня его рождения, было запрещено публиковать факты о трагических последних двух с половиной годах его жизни: аресте, заключении в московские тюрьмы, приговору к расстрелу, этапировании в октябре 1941г. в Саратовскую тюрьму, смерти в тюремной больнице предельно истощенного Н.И. Вавилова от голода и болезней.

Так, например, в конце статьи о Н.И. Вавилове в третьем, последнем издании Большой Советской Энциклопедии (1972), говорится, что «научная деятельность Вавилова была прервана в 1940 г.» и ни слова больше.

Автору предлагаемой вниманию читателей книги довелось участвовать в подготовке к печати многих книг и статей об отце, начиная с первой изданной после его реабилитации книги А.И. Ревенковой (1962 г.).

В начале шестидесятых годов я организовал публикацию хранившейся в личном архиве моей покойной матери части неоконченной очень интересной рукописи отца о его путешествиях по странам пяти континентов. Другую часть рукописи сохранила с риском для себя стенографистка Н.И. Вавилова А.С. Мишина. Все сохранившиеся главы книги, названной отцом «Пять континентов», были опубликованы впервые в 1962 г. Книга переиздавалась дважды в Москве, издавалась в Эстонии на эстонском языке, а позднее была опубликована в Японии и Италии. В 1963, 1973 и 1987 гг. мне удалось опубликовать воспоминания об отце. Я был их составителем.

Автор настоящей книги способствовал также созданию комиссии Академии наук СССР по сохранению и разработке научного наследия Н.И. Вавилова, и являлся ее членом. Он также помог спасти от уничтожения в 1968-м году 90% тиража (90 000 экз.) биографической книги о Н.И. Вавилове Семена Резника, опубликованной в 1968 г. в серии «Жизнь замечательных людей», подробнее об этом будет сказано в книге.

В книге приводятся документы, касающиеся Н.И. Вавилова, полученные мною в архивах ФСБ, Главной военной прокуратуры РФ, Президента РФ (фонд Сталина), Национального архива США, Архива Российской Федерации, Архива Лондонского Королевского Общества и других. Многие из этих документов были опубликованы мною в различных журналах с коммен-

тариями. Эти документы проливают свет на причины ареста Н.И. Вавилова, следствие по его делу, заключение в тюрьмы, гибель в Саратовской тюрьме. Ряд документов публикуется впервые, в том числе отчет отца, направленный в ЦК ВКП(б), о командировке в Северную, Центральную и Южную Америку в 1932-1933 гг., а также некоторые его письма.

Книга содержит краткие воспоминания о довоенных годах жизни с отцом и матерью в Ленинграде (до конца мая 1941), жизни в эвакуации в Саратове и о возвращении в Ленинград, а также короткие рассказы о встречах автора во время его зарубежных поездок с такими известными личностями как русский художник и общественный деятель Святослав Рерих, сенатор США Альберт Гор (будущий вице-президент США), директор библиотеки Конгресса США Джеймс Биллингтон и другими. В книгу также включены статьи, посвященные моему дяде, брату Н.И. Вавилова, Сергею Ивановичу Вавилову, выдающемуся русскому и советскому физику, Президенту Академии наук СССР, оказавшему огромную помощь семье репрессированного брата в тяжелые для нее годы.

Автор благодарен руководителям и сотрудникам архивов, оказавшим содействие в получении документов, вошедших в книгу: архива Президента РФ, ФСБ, ГАРФ, РАН, Главной военной прокуратуры РФ и лично В.К. Виноградову, В.А. Гончарову, А.В. Короткову, Б.В. Левшину, А.В. Маринину, С.А. Мельчину, Н.Я. Московченко, Г.И. Прониной, Г.А. Савиной, Е.А. Тюриной, помощнику Главного военного прокурора В.А. Левицкому.

Автор благодарен Президенту РАН академику Ю.С. Осипову, вице-президенту академику Г.А. Месяцу, директорам Института общей генетики и ФИАН академикам Ю.П. Алтухову и О.Н. Крохину за поддержку издания книги.

Я также признателен соавторам Б.М. Болотовскому, Л.Е. Горбатенко, В.Д. Есакову, А.Н. Киркину, Э.Н. Мирзояну, М.Е. Раменской, С.Е. Living Living Резнику, Я.Г. Рокитянскому, а также И. Азманову, Е.А. Балеранд (Скворцовой), П.П. Бережному, В.Л. Гинзбургу, С. Дичбалису, В.А. Драгавцеву, В.Г. Карпеченко, Т.К. Колесниковой, Т.И. Коротковой, Н.С. Королевой, К.А. Котельникову, В.М. Максименко, Н.В. Михайловой, Л.П. Петровскому, В.А. Попову, М.Е. Раменской, В.Ф. Сенникову, А. И. Сизоненко, О.А. Смиту, В.М. Федорову, Е.Л. Фейнбергу и А.П. Шмелевой за содействие и ценные советы. С.Ф. Сабировой и Т.В. Метловой за помощь в работе.

Предисловие ко второму изданию

Первое издание книги было хорошо встречено научной общественностью Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Дубны, Самары и получило высокую оценку в нескольких рецензиях, опубликованных в центральных газетах и журналах.

Состоялись успешные презентации книги в Институте общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН, в Объединенном институте ядерных исследований, в Курчатовском научном центре (институте ядерного синтеза), Всероссийском институте растениеводства им. Н.И. Вавилова, в Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

В настоящее издание внесены дополнительные материалы, связанные с жизнью моего отца и дяди (С.И. Вавилова), а также автора книги.

Я благодарен Елене Федоровне Лихонос за предоставление воспоминания о моем и ее детстве для публикации в книге «В долгом поиске».

Автор настоящей книги просит читателей извинить его за встречающиеся в книге повторения, особенно во II-ой части книги. Это было сделано, в частности, с целью показать возрастающий интерес к жизни и деятельности С.И. Вавилова, о чем, в частности свидетельствует публикуемая во 2-м издании книги статья «Светило русской физики» из журнала Европейского центра ядерных исследований в Женеве «Церн Курвер».

Положительные рецензии на книгу «В долгом поиске» были опубликованы в газетах: «Медицинская газета», «Поиск», «Тимирязевка» (орган Тимирязевской с.х. академии), в журналах «Вопросы истории естествознания и техники», «Природа», «Наука и жизнь», «Знамя».

Я благодарен В.С. Воробьеву, Е.А. Понариной, А.В. Белых, М.И. Ахметьеву, В.М. Максименке, М.Е. Раменской авторам рецензий в указанных изданиях.

Автор очень благодарен заведующему издательским отделом ФИАН Павлу Дмитриевичу Березину, а также сотрудникам этого отдела Татьяне Викторовне Алексеевой и Татьяне Валерьевне Алексеевой за большую работу по подготовке к печати второго издания настоящей книги.

ЧАСТЬ I. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И ДНЕВНИКОВ АВТОРА КНИГИ

Глава 1. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ

ДЕТСКИЕ ГОДЫ В ДОВОЕННОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Я родился в 1928 г. в Ленинграде. Мой дед по линии отца Иван Ильич Вавилов, выходец из подмосковных крестьян, был крупным предпринимателем в Москве, эмигрировавшим после Октябрьской революции в Болгарию в 1918 г. В год моего рождения он возвратился в Россию (его возвращение осуществилось с помощью моего отца) и умер в Ленинграде в том же 1928 г. Моя бабушка по отцовской линии Александра Михайловна Вавилова была дочерью художника и гравера Прохоровской мануфактуры в Москве Михаила Асоновича Постникова. Моя мать Елена Ивановна Барулина была моложе моего отца на восемь лет. Она родилась в Саратове в 1895 г. Отец матери Иван Ефремович Барулин был выходцем из крестьян. Он родился в селе Букатовке, в нескольких десятках километров от Саратова вверх по Волге, получил только начальное образование. В конце позапрошлого века и начале прошлого он работал приказчиком на торговой пристани в Саратове.

Мое детство прошло в Ленинграде, где я жил до конца мая 1941г. в доме на углу Невского проспекта и улицы Гоголя. Теперь эта улица называется Малой Морской.

Номер нашей квартиры был 13. Суеверные люди могут считать, что несчастья, постигшие нашу семью, связаны с этой цифрой. Квартира находилась на втором этаже и была довольно «сырой» и холодной: под нами находился продуктовый магазин, плохо отапливаемый зимой. Двор дома был очень маленький, так что детям оставалось очень мало места для игр, даже с использованием двора соседнего дома, соединявшегося аркой с нашим. Квартира имела четыре комнаты (в начале 1940 г. к ней была присоединена еще одна комната из соседней коммунальной квартиры). Входили мы в квартиру почти всегда с «черного» хода, с Кирпичного переулка. Сразу же за наружной дверью была маленькая кухня. Кухня, кроме наружной двери, имела еще две двери: одна – напротив входной двери вела в столовую комнату, другая, слева от входа, вела в ванную. Квартира и ванна отапливались дровами. Столовая комната размером приблизительно 20 кв. м имела камин. В столовой стоял старинный раздвижной дубовый обеденный стол, а вдоль двух стен размещались составные «американские» книжные шкафы, та-

кие же как в кабинете Ленина в Кремле. Рядом с входной дверью в столовой на стене находился телефонный аппарат, имевший две кнопки «А» и «Б». Связь осуществлялась через телефонисток.

Из столовой можно было пройти в просторный домашний кабинет отца, минуя проход, вдоль которого также стояли книжные шкафы с доступом к книгам со стороны кабинета. В кабинете находился большой письменный стол, на котором обычно лежали стопки рукописей работ отца, его сотрудников, журналы и необходимые ему для текущей работы книги, а также стоял большой глобус. Работая за письменным столом, отец сидел на массивном кресле с головами львов. В кабинете было два таких кресла, а также диван и несколько простых стульев. На стене за письменным столом висела карта растительности земного шара, а на другой стене обращали на себя внимание заключенные в рамки со стеклами портреты Микеланджело, Леонардо да Винчи, Гете и Дарвина, и фотографии некоторых ландшафтов, снятые Н.И. во время его путешествий: оазис в пустыне Сахара, караван верблюдов и другие. Стену украшал также старинный кремниевый пистолет, подаренный отцу во время его поездок в Дагестан. Он был изъят среди большого числа других предметов при обыске в квартире сотрудниками НКВД 7 августа 1940 года.

Личная библиотека отца размещалась в квартире в не менее чем 15 шкафах. В библиотеке, помимо специальной литературы, посвященной вопросам сельского хозяйства, биологии, генетики, географии, была и художественная литература, например, полное собрание сочинений Гете на немецком языке. Отец также был подписан на полные академические издания сочинений Пушкина и Гоголя. В библиотеке было большое количество словарей по разным языкам, разнообразная справочная литература. Имелась Большая Советская Энциклопедия (первое издание), много географических атласов.

Я помню некоторые события своей жизни лет с четырех. В 1932-33 гг. отец совершил длительную поездку в Северную и Южную Америку, продолжавшуюся более полугода. Оттуда он присылал мне цветные открытки с видами Нью-Йоркских небоскребов, природы в американских заповедниках, видами Рио-де-Жанейро, южноамериканскими аллигаторами, пароходами, на которых он плыл по Атлантическому океану в Америку и обратно.

Возвратившись зимой 1933 г. в Ленинград, отец подводил меня к уже упомянутому большому глобусу и начинал меня экзаменовать: просил показать на глобусе Тихий и Атлантический океаны, Африку, Северную и Южную Америку. Отец нанес на глобусе жирными линиями авторучки («вечным пером», как их тогда называли) маршруты своих экспедиций по странам пяти континентов, которыми, как я понял позже, он очень гордился.

Моего отца знали и любили, чувствуя его доброту, дети нашего двора на Кирпичном переулке. Когда он приезжал с работы на автомашине, дети, играющие во дворе, дружно бежали ему навстречу, здоровались с ним и просили покатать их на автомобиле. В то довоенное время автомобилей в Ленинграде было мало. Если время позволяло, отец просил шофера покатать детей немного по Ленинграду.

Из довоенного дошкольного детства запомнились события, связанные с убийством С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. У отца были хорошие отношения с Кировым. Киров, будучи первым секретарем Ленинградского обкома партии, интересовался работой Института растениеводства, бывал в институте, выступал на организованном Н.И. Всесоюзном съезде по генетике и селекции в январе 1929 года. Поэтому неслучайно, что отец был членом комиссии по организации прощания с С.М. Кировым в Ленинграде. Я помню, что видел его дома с траурной повязкой на рукаве в день прощания ленинградцев с Кировым. Вечером, когда было уже совсем темно, в день отправки гроба с телом Кирова в Москву, я вышел на Невский проспект (тогда Проспект 25 октября) и увидел

шествие огромного числа людей, заполнивших весь проспект, с зажженными факелами в направлении Московского вокзала.

В дошкольные годы я побывал в Москве всего один раз. Во время приезда в Москву в 1934 или первую половину 1935, когда отец был еще членом ЦИК (Центральный Исполнительный Комитет) и имел постоянный пропуск для входа на территорию Кремля, он решил показать мне Кремль. Мы довольно быстро прошли по кремлевскому двору. Отец показал мне царь-пушку и царь-колокол.

В 1935 я поехал с мамой в Крым. Мама тогда болела плевритом и поехала лечиться в санаторий КСУ (Комиссия содействия ученых) – «Гаспра» на Южном берегу Крыма. Меня мама устроила на проживание в татарскую деревню Кореиз, расположенную неподалеку ниже санатория. Я часто бегал в гору к маме в санаторий. Кормила и ухаживала за мной татарская женщина средних лет. Помню приезд отца в Крым в этот 1935. Я тогда побывал вместе с ним и мамой в Никитском ботаническом саду. Сохранилась фотография, на которой мой отец сфотографировался вместе с сотрудниками Никитского сада. Рядом с Н.И. сфотографировались в группе мама и я. Фотография приводится в настоящей книге. Кроме Никитского ботанического сада я вместе с отцом ездил в знаменитый винодельческий комбинат «Массандра». Директор комбината показал отцу длинные подземные хранилища дорогих вин.

СВЕТЛОЕ ДЕТСТВО

Воспоминание Е.Ф. Лихонос

Елена Федоровна Лихонос – дочь сотрудников Всесоюзного института растениеводства Федора Дмитриевича Лихоноса и его супруги Виктории Ивановны Мацкевич.

Е.Ф. Лихонос родилась в один год с автором настоящей книги и в детстве была дружна с ним. В первых четырех классах 1-ой образцовой школы Ленинграда она училась в одном классе с Ю. Вавиловым.

Виктория Ивановна была близким другом моей мамы. В 1937-м году В.И. Мацкевич была арестована по ложному обвинению в шпионаже и бесследно исчезла. Теперь известно, что она была приговорена к расстрелу.

Переживания, связанные с арестом Виктории Ивановны, наряду с тяжелыми переживаниями, связанными с травлей Николая Ивановича со стороны Лысенко и его группой, очень сильно подорвали здоровье моей мамы и она вскоре была вынуждена прекратить работу в ВИРе, став инвалидом.

Отец Е.Ф. Лихонос после ареста жены также подвергался репрессиям: был сослан из Ленинграда в Архангельскую область. Ф.Д. Лихонос участвовал в Отечественной войне, после войны вернулся в Ленинград, но возобновил работу в ВИРе только в 1959-м году.

Ю.Н. Вавилов

Елена Ивановна Барулина-Вавилова и моя мама были подругами, а я и Юра (я так буду называть Юрия Николаевича Вавилова) – ровесники. Фактически с ним я была знакома уже с пеленок. Направляясь к Елене Ивановне в гости на улицу Гоголя, моя мама иногда забирала меня с собой. Разговаривая, они усаживались за небольшой стол недалеко от окна, а меня отправляли к Юре. Юра всем своим видом давал мне понять, что он очень занят; у нас были слишком разные интересы: у него – машины и марки, а у меня – одежда и дома для кукол. Потоптавшись возле него, я облегченно вздыхала и начинала путешествие по квартире.

Вначале надо было пойти и посмотреть на книги. Книги, книги, книги – в шкафах и на стеллажах. Дальше – мимо ванны на кухню к Паше –домоправительнице и няне. Иной раз Паша готовила очень вкусные «снежки» (взбитые белки, сваренные в молоке и потом политые сладким соусом). От Паши – в столовую. Выдвигала тяжелый стул,

садилась за большой стол, покрытый по будням клеенкой с изображением то ли козликов, то ли барашков (в те времена клеенка была редкостью). Однажды, слезая со стула, я его опрокинула, и он упал на многоуважаемый книжный шкаф. На нижней полке разбилось толстое стекло, после чего мы с Юрой здорово поссорились, но больше всех была расстроена моя мама. Из столовой небольшая дверь вела в комнату Паши; вход в комнату был под ее строгим запретом. Из столовой также вела дверь в кабинет Николая Ивановича, но чтобы туда попасть, необходимо было отсутствие Николая Ивановича и разрешение Елены Ивановны. Я возвращалась к собеседницам, прячась незаметно за стеллаж и выжидая, когда они на секунду замолкнут.

Будучи рядом с Еленой Ивановной, я погружалась в атмосферу добра, спокойствия, тихой радости. Милая, хрупкая, умная Елена Ивановна! Позже я бывала у нее на даче в Детском Селе, а последний раз виделась с ней в Ленинграде, в квартире на Васильевском острове. Елене Ивановне нездоровилось, она лежала в постели, а я, сидя рядом, слушая ее неторопливую речь, не могла себе представить, сколько надо было иметь силы и мужества, чтобы пронести через минувшие годы этот непосильный крест...

Итак, я стою за стеллажом. Наконец, пауза! В один миг надо было очутиться подле Елены Ивановны и принять выжидательную позу. Она внимательно на меня смотрела, склонив голову, и велела: «Ступай в кабинет, только ничего не трогай и надень шапку, там холодно». Нахлобучив шапку, я переступала порог кабинета, вдыхала прохладный воздух, закрывала глаза и чувствовала чуть заметный запах сухих листьев и непонятной мне старины. Представляла, что стою в начале огромной площади, которую надо перейти, ни до чего не дотронувшись. Потом восхищалась стулом Николая Ивановича с головами львов, рассматривала шкафы с книгами, картины, экспонаты, привезенные из разных стран мира. Однажды в кабинете меня застал Николай Иванович, он весело поздоровался и начал со мной разговаривать. Я всегда прислушивалась, как он говорит. Это был незабываемый голос, идущий из глубины, и мягкий, и внушительный. Это был голос могучего жизнеутверждающего человека.

Года за два до школы родители взялись за нашу подготовку. Появилась воспитательница – Валерия Леонтьевна, которая преподавала азы различных наук, начиная с математики и кончая географией. Но самое главное – это было изучение немецкого языка. Занимались мы поочередно: одну пятидневку в квартире у Вавиловых, а другую – на Галерной улице (в ту пору она называлась Красной), где жила моя семья. День начинался с завтрака. Потом, если это было на Галерной, мы переходили в комнату, где стояли парта и столик. Тут начиналась возня: кому сегодня сидеть за партой! Наконец, Валерия Леонтьевна рассаживала нас по местам, и начинался урок. В перерыве между занятиями воспитательница играла с нами в бирюльки, которыми она очень дорожила. Кроме того, проводилась своеобразная игра: задавался вопрос, и мы, не зная предмета, должны были что-то сообразить и ответить. Например, был задан вопрос: «Где добывается соль, употребляемая нами в пищу?». Я ответила: «Из гор». А Юра: «Из соленых морей и озер». Потом наши ответы обсуждались, и находился правильный вариант. Кроме того, предлагалось рассказать, какое интересное событие было у нас за прошедший месяц. Требовалась ясная и четкая речь. Юра однажды рассказал, как они с папой ехали поздно вечером в темноте на машине, возвращаясь в Ленинград из поездки в опытные хозяйства ВИРа Елизаветино, а впереди мчался заяц, освещенный светом фар. Я возмутилась: «Ведь они могли задавить зайца!». Юра ответил: «Возможно, но он свернул с дороги и убежал». Я помню эти занятия, потому что все наши изречения и отметки заносились на специальные листки, которые передавались родителям. Я хранила эти записи, но они пропали в блокаду; вероятно, для поддержания тепла были сожжены в «буржуйке» вместе с книгами, картинами, мебелью. После занятий нас сна-

ряжали на прогулку в Александровский сад. Было беспрекословное правило: разговаривать только по-немецки. Мы шли рядом с воспитательницей, отвечая на ее вопросы, но когда она задумывалась и отвлекалась, оказывались позади нее и, пританцовывая, строили друг другу страшные рожи. Звенело злополучное: «Kinder!», – и мы снова чинно вышагивали рядом. Наконец, воспитательница усаживалась на скамейку и разрешала нам побегать. Убежав далеко, мы вволю голосили по-русски. После прогулки – обед, потом немного занятий, а там уже кто-нибудь приходил, чтобы отвести домой. Родители долго совещались, в какую школу нас определить. Выбрали первую образцовую, что на улице Плеханова (ныне Казанская). Учились мы в одном классе, но у Юры были свои приятели, а у меня – свои.

В 1937 году арестовали мою мать, она погибла. Отец был сослан в Архангельскую область, село Черевково. После всего пережитого он остался жив.

Так закончилось мое светлое детство.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ В ЛЕНИНГРАДЕ

Первого сентября 1936 г. в возрасте восьми с половиной лет я пошел в школу. Маме удалось записать меня в одну из лучших тогда ленинградских школ – первую образцовую школу. Школа находилась на улице Плеханова (теперь Казанская) на углу ул.Плеханова и Демидова переулка (теперь переулок Гривцова). От нашего дома до школы было минут пятнадцать ходьбы. Я обычно шел в школу по Кирпичному переулку, потом по набережной Мойки, а затем по ул. Дзержинского (теперь восстановлено дореволюционное название – Гороховая улица). По Гороховой я доходил до ул. Плеханова и через несколько минут приходил в школу. Осенью 1936 г. я считал себя вполне самостоятельным и ходил в школу с первого сентября без сопровождения взрослых. Читать небольшие книжки, писать и началам арифметики я научился еще до школы. Зимой утром я шел в школу по темным, плохо освещенным улицам. К сожалению, ныне из-за криминальной обстановки в Москве, моей дочери, жене или мне приходилось сопровождать внучку вплоть до пятого класса до школы и обратно домой после уроков, хотя школа расположена близко от нашего дома.

Недавно мне стало известно, что первую образцовую школу окончила перед войной Галя Говорова, дочь ближайшего соратника и друга моего отца Леонида Ипатьевича Говорова, приговоренного к расстрелу одновременно с Н.И. В этой же школе на класс старше учился мой приятель Алик Шванвич, сын известного профессора энтомолога Бориса Николаевича Шванвича. Эту же школу перед войной окончил и Сигизмунд Дичбалис, человек с очень драматичной и интересной судьбой, друживший до войны с моим двоюродным братом Виктором Вавиловым.

С 1945 по настоящее время С. Дичбалис живет в далекой Австралии. Он часто приезжал в Москву и Санкт-Петербург и издал в Москве интересную книгу о своей жизни, одобренную А.И. Солженицыным. У меня с ним установились теплые дружеские отношения.

К школьному двору непосредственно примыкает здание Всероссийского Географического общества (до распада СССР – Всесоюзного Географического общества). Мой отец с 1931 г. вплоть до ареста в 1940 г. был президентом этого общества, и я часто бывал в Географическом обществе до войны, посещал интересные лекции: «Крупнейшие города мира».

Первую нашу учительницу в первом и втором классах звали Ольга Михайловна. Это была невысокого роста симпатичная молодая женщина. Она особенно следила за отработкой хорошего почерка своих учеников. Лучшим учеником у нас в классе был

Неля Конфисахар. У него был великолепный почерк, и Ольга Михайловна ставила его всем ученикам в пример. Я с ним дружил. Дружил я в первых трех классах и с Германом Яговдиком. Мой дядя Сережа (С.И. Вавилов) смеялся, когда я ему называл фамилии своих друзей по школе. Их фамилии казались ему очень смешными.

В третьем классе Ольгу Михайловну сменила другая преподавательница – Елена Федоровна Прошкина. Она нам тоже нравилась. Начиная примерно с четвертого класса школы, я увлекся чтением приключенческих книг для юношества, читал Жюля Верна. Майна Рида, Вальтера Скотта и др. Книги эти тогда достать было трудно, но они были в детской библиотеке ленинградского Дома ученых, где я был записан. Помню также, что отец посоветовал мне в сороковом году прочитать книгу «Потомки скифов». Автором этой великолепной книги был украинский писатель-фантаст Владимир Владко. Я ее прочитал, не отрываясь. Мне также было интересно читать детские ленинградские журналы «Еж», позже «Пионер» и «Пионерскую правду». Эти журналы и газету выписала для меня мама.

30 ноября 1939 г. началась советско-финская война. Известно, что эта война была тяжелой. Советские войска несли большие людские потери. Было много убитых и раненых. К тому же зима 1939-1940 гг. отличалась суровостью. Морозы в Ленинграде и на Карельском перешейке достигали сорока градусов и более. Было много случаев тяжелых обморожений среди бойцов и командиров–участников финской кампании. Здание нашей школы было занято под госпиталь.

Наш класс «раскидали» по разным школам Октябрьского района Ленинграда. Помню, что в четвертом классе я сменил две школы и, наконец, оказался первого сентября 1940 г. в пятом классе 210-й школы на Невском проспекте – совсем рядом с нашим домом. Во время Ленинградской блокады на воротах, ведущих во двор школы, появилась надпись: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». В память о блокаде эта надпись сохраняется и сейчас. В мае 1941 я закончил пятый класс 210-й школы с похвальной грамотой. Наверху похвальной грамоты слева был портрет Ленина, а справа – Сталина.

Вернусь к 1937 г. В феврале этого года мне исполнилось девять лет. Конечно о суде над «троцкистско-зиновьевскими бандитами», о массовых арестах людей в этот год, год максимума сталинских репрессий, родители мне ничего не рассказывали. Этот год мне запомнился широко отмечавшимся в стране столетием со дня гибели Пушкина. Было выпущено очень много книг большими тиражами с произведениями Пушкина. Вышли первые тома первого академического собрания его сочинений. Отец был подписан на это издание. Помню, что я посмотрел фильм «Поэт и царь», в котором император Николай первый был показан как чуть ли не главный виновник гибели великого поэта.

На новый 1937 г. у нас дома, в комнате, где была столовая, поставили довольно большую елку, верхушка которой была увенчана пятиконечной звездой, почти упиравшейся в потолок. Кстати, вплоть до этого года, установка новогодних елок для детей с приглашением Деда Мороза и Снегурочки была запрещена: считалось, что это пережитки дореволюционного быта. На елке было закреплено много свечей. Внизу вокруг елки стояли ватный Дед Мороз и другие ватные игрушки. Елка была организована, как теперь говорят, с вопиющим нарушением пожарной безопасности. И вот, когда вокруг елки собрались приглашенные мною дети и на елке были зажжены свечи, через некоторое время вспыхнули ватные игрушки под елкой. Я и другие дети очень испугались. К счастью, вскоре после воспламенения в квартиру вошел отец. Он, увидев начавшийся пожар, схватил большую кастрюлю с супом, находившуюся на плите в кухне рядом со столовой, вылил суп на начавшие гореть игрушки. Начавшийся пожар отцу удалось быстро погасить.

7 ноября 1937 г. в Ленинграде, как и всюду в СССР, широко праздновалось двадцатилетие Великой Октябрьской революции. В дни ноябрьских праздников центральная часть Ленинграда вечером была хорошо иллюминирована. Отец попросил одного из вировских шоферов покатать меня по наиболее иллюминированным улицам города. Особенно мне понравилась иллюминация военных кораблей, традиционно вошедших в Неву на время ноябрьских праздников.

К сожалению, из-за малого возраста мне не посчастливилось принять участие в длительных поездках отца на Кавказ, в Среднюю Азию, в Хибины, где были опытные станции, «отделения» Всесоюзного института растениеводства (ВИР), директором которого был мой отец, и куда отец нередко брал с собой старшего сына Олега, жившего в Москве. Олег был старше меня на целых десять лет.

Не раз отец выезжал на опытные станции Кавказа не на поезде, а на автомобиле прямо из Ленинграда. В детстве я очень увлекался автомобилями: знал почти все марки зарубежных легковых автомобилей того времени. Типов советских автомобилей в то время было совсем мало. Отец привез мне из зарубежных поездок альбом с цветными фотографиями разных марок автомобилей: Форд, Бьюик, Паккард, Линкольн, Шевроле, Испано-Сюиза и др. Помню, что я интересовался на каких автомобилях ездит Сталин: оказалось, в основном, на Паккарде. Я спрашивал об этом шоферов ВИР, с которыми был дружен. Особенно мне запомнился опытный шофер Андрей Иванович Байков, возивший отца много лет по Ленинграду и на Кавказ. После войны мне сказали, что А.И.Байков трагически погиб, перевозя во время блокады Ленинграда на грузовике людей и продукты по льду Ладожского озера –«дороге жизни».

По Ленинграду и на Пушкинскую станцию ВИР я ездил на автомашине с отцом довольно часто. Сначала, до 1938 г. был «газик» с брезентовым верхом, затем М-1 – «Эмка». Во время поездок в Пушкин, или более длительных в совхоз «Красный пахарь», где сотрудники ВИР занимались селекцией различных плодово-ягодных культур, устойчивых к северным холодам, отец обычно обсуждал научные проблемы с сотрудниками, которых брал с собой в машину. На всю жизнь я запомнил название некоторых видов и сортов пшениц: тритикум персикум, тритикум дуром, лютесценс и другие, которые я часто слышал в разговорах отца в автомобиле. Пшеница была его любимой культурой.

Во время одной из поездок с моим участием в Пушкин осенью отец увидел в поле возле Пулковских высот работающий комбайн. Он попросил шофера остановить машину и пошел посмотреть на работу комбайна и поговорить с комбайнером.

Когда мне исполнилось 11 лет, мама купила мне новый фотоаппарат «Турист», и я им сфотографировал отца в его домашнем кабинете. Фотографировал я и во время поездки с мамой летом 1939 г. по каналу Москва-Волга в Калинин (теперь Тверь) на туристическом теплоходе «Вячеслав Молотов».

До войны было трудно приобрести велосипед. Наконец, это было в 1938 г. или начале 1939, отец приобрел взрослый велосипед по записи через профком ВИР. На этом велосипеде я научился ездить в Пушкине, живя летом в доме для сотрудников ВИР на Московском шоссе. Я очень полюбил езду на велосипеде и даже ездил на нем несколько раз из Пушкина в Ленинград.

Уже в детстве, лет в 9-10, я знал о сильных разногласиях моего отца с Т. Лысенко. Однажды я купил в газетном киоске напротив нашего дома газету «Социалистическое земледелие» с дискуссионными выступлениями Н. Вавилова и Т. Лысенко. Уже тогда я чувствовал неприязнь к Лысенко.

В Москве в детские дошкольные и школьные годы я побывал всего три раза вместе с мамой. О первой, дошкольной поездке, я уже упоминал.

Во время третьей поездки в Москву в 1939-м году мы с мамой жили в московской квартире отца на Земляном валу, недалеко от Курского вокзала. После гибели Валерия Чкалова, жившего в доме приблизительно напротив дома, где жил мой отец, Земляной вал переименовали в улицу Чкалова. Теперь этой части Садового кольца возвращено старое название Земляной вал. В московской квартире отец занимал две комнаты из четырех. В двух других комнатах жил во время приезда в Москву академик А.А.Чернышов, большую часть года проживавший в Ленинграде. Много лет спустя я узнал, что, несмотря на то, что я с мамой постоянно жил в Ленинграде, отец в 1938 г. прописал меня и в свою московскую квартиру.

Помню, что во время второй или третьей поездок в Москву я побывал на утреннем спектакле МХАТ «Синяя птица».

Во время поездки в Москву в 1939 г. я ездил с отцом посмотреть опытные поля Института генетики Академии наук СССР, директором которого был мой отец, где был построен оранжерейный корпус и пять теплиц, а также строилось здание Института генетики.

Поля Института генетики располагались за Калужской заставой, тогда окраине Москвы. Они занимали большую территорию, где сейчас находится универмаг «Москва» и ул. Губкина, с расположенным на ней Институтом общей генетики им.Н.И. Вавилова РАН. Интересно, что, став после ареста моего отца директором Института генетики, Т. Лысенко передал прекрасное здание института, построенное в 1939-м году по проекту знаменитого архитектора Щусева, Институту удобрений, заявив, что его «мичуринская генетика» (фактически лысенковская) развивается и будет развиваться преимущественно в колхозных и совхозных хатах-лабораториях.

Я очень рад, что институты, связанные с именами моего отца и дяди, Институт общей генетики и созданный С.И. Вавиловым Физический институт им. П.Н. Лебедева РАН (где я работаю много лет) находятся рядом друг от друга.

Часто в мои довоенные школьные годы я проводил летние, а иногда и зимние каникулы в г. Пушкине (до 1937 г. – Детское Село, а до революции – Царское Село) на территории Пушкинского отделения ВИР. Жил я с мамой в двухэтажном деревянном доме, имеющем архитектурную (а теперь и историческую) ценность. В этом доме, расположенном на Московском шоссе, проживали сотрудники Института растениеводства, работавшие на Пушкинской станции ВИР. На первом этаже дома была квартира семьи заведующего отделом генетики ВИР Георгия Дмитриевича Карпеченко, а также небольшая квартира Н.И.Вавилова. Отец часто ездил в Пушкин знакомиться с работой сотрудников, проводивших эксперименты на опытных участках и в оранжереях станции. Сотрудники станции называли эти оранжереи Вавиловскими. Обсуждения отца с сотрудниками часто продолжались вплоть до полуночи. Ввиду затруднений с очень поздним возвращением в Ленинград Н.И. оставался ночевать в доме на Московском шоссе 23 (сейчас этот дом, сохранившийся после войны, значится под номером 27).

Дом 23 находился в саду. В нем вокруг дома росли разнообразные деревья: дубы, вязы, два кедра, ель, тополь серебристый и другие, а также яблони. Мальчишки, включая меня, обычно обрывали плоды этих яблонь еще недозревшими.

Недавно две санкт-петербургские школьницы 10-го и 11-го классов сестры Оснидские, Лена и Ирина, провели интересное краеведческое исследование о доме по Московскому шоссе 27(23), назвав свою работу «Дом, который нельзя забыть» (Люди и судьбы).

Находясь летом в Пушкине, я дружил с детьми некоторых сотрудников, живших в этом доме, а также в других близко расположенных домах на Московском шоссе. Я был дружен с Толей Федотовым, сыном В.С. Федотова, видного сотрудника ВИР, специалиста по бобовым растениям, работавшего под общим руководством Н.И. Вавилова с 1923 г. Особенно я дружил с младшим сыном директора Детскосельского отделе-

ния ВИР В.Е. Писарева Гариком, к сожалению, умершим еще в детском возрасте, а также с сыном известного цитолога и генетика Г.А. Левитского – Ваней. На территории вировского отделения в Пушкине был расположен довольно большой пруд. Я любил бывать на берегу пруда – ловил рыбу удочкой, преимущественно довольно мелкую плотву. Этот пруд памятен мне также тем, что в нем я научился плавать. Я очень радовался, когда смог сначала переплыть пруд с одного берега на другой, а затем по более длинной дистанции – вдоль всего пруда.

В Пушкинской квартире, которую мы с мамой называли дачей, были книги для взрослых, которые читала мама. Некоторые из них читал и я. Помню, что с большим интересом прочитал Дон Кихота Сервантеса.

После внезапного ареста Николая Ивановича 6 августа 1940 г. во время его экспедиции на Западную Украину мама делала все возможное в ее силах, пытаясь вызволить моего отца из тюрьмы. В октябре 1940 г. она ездила в Москву и с огромным трудом попала на прием к прокурору СССР Бочкову. Копию письма мамы Бочкову мне удалось получить в архиве Главной военной прокуратуры Российской Федерациии в 2002 г. Оно публикуется впервые в этой книге. Второй раз мама приезжала в Москву хлопотать об отце в марте 1941 г. В конце мая 1941 г., после окончания пятого класса в Ленинграде, я с мамой приехал в подмосковный поселок Ильинское (по Казанской железной дороге), чтобы провести лето на даче отца Галины Сергеевны Карпеченко Сергея Ивановича Осипова. Мы были приглашены туда женой Георгия Дмитриевича Карпеченко и ее родителями. Будучи родственниками арестованного НКВД Г.Д. Карпеченко, они не побоялись пригласить жить летом 1941 г. на своей даче семью Н.И. Вавилова.

Кстати, после ареста Н.И. Вавилова большинство сотрудников ВИР прекратили какие-либо контакты с мамой, боясь преследований НКВД.

В Ильинском мы с мамой жили около двух месяцев. Там нас и застала война. Помню первый налет немецкой авиации на Москву 22 июля 1941 г. и несколько последующих налетов. Над Москвой стояло огненное зарево, вызванное пожарами от зажигательных немецких бомб и стрельбой наших зенитных батарей. Это зарево было хорошо мне видно, когда я залезал на большую ель, росшую на дачном участке С.И. Осипова. Опасаясь падения немецких авиабомб на дачный дом, брат Галины Сергеевны Карпеченко Николай Сергеевич, вместе со своим отцом, вырыли небольшое бомбоубежище глубиной метра два. Сверху оно было перекрыто толстыми бревнами. Конечно, такое бомбоубежище могло защитить только от осколков авиабомб.

Мимо железнодорожной станции «Ильинское» проносилось много товарных поездов, с открытыми дверями вагонов, заполненных едущими на фронт мобилизованными призывниками.

ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА КАРПЕЧЕНКО

Я познакомился с Галиной Сергеевной в середине тридцатых годов, во время своего летнего проживания с мамой в Детском селе, переименованном в 1937 году в город Пушкин в связи со столетием со дня гибели А. С. Пушкина.

Галина Сергеевна в 1932 году (вскоре после окончания Института иностранных языков) вышла замуж за Георгия Дмитриевича Карпеченко, талантливого генетика, друга и соратника моего отца. Отец пригласил его в 1925 году, тогда 26-летнего молодого ученого, организовать лабораторию генетики ВИРа и заведовать ею. Лаборатория располагалась главным образом на Пушкинской опытной станции (отделении) ВИР. Семья Г. Д. Карпеченко жила в деревянном двухэтажном доме на Московском шоссе, на краю опытной станции. Она занимала квартиру на первом этаже. Рядом была небольшая

квартира моего отца, состоявшая из двух комнат и веранды. Окна квартиры семьи Карпеченко и квартиры моего отца выходили в сад. В эти довоенные годы Галине Сергеевне было менее тридцати лет. Она была очень красивой и обаятельной женщиной. На территории Пушкинской станции находились два теннисных корта. Я помню, как Галина Сергеевна увлеченно играла в теннис с сотрудниками ВИРа. В 1934 году у Г. Д. и Г.С. Карпеченко родилась девочка, названная Валентиной. В общем, это была очень счастливая семья. Моя мама, работавшая до получения инвалидности с Г.Д. Карпеченко, была очень дружна с Галиной Сергеевной, несмотря на значительную разницу в возрасте. Мама была старше Галины Сергеевны на 16 лет.

Но вот наступил 1940-й год, трагичный для судьбы наших семей, институтов, руководимых отцом: ВИРа и Института генетики. 6 августа в Черновцах (Западная Украина) был арестован мой отец, а через полгода, в феврале 1941 года, арестовали и Георгия Дмитриевича. Галина Сергеевна уехала с шестилетней дочкой на родину в Москву, где жили ее родители: отец Сергей Иванович и мать Надежда Афанасьевна Осиповы.

Надо сказать, что С.И. Осипов, очень интеллигентный рабочий механик, пригласив жену и сына репрессированного человека провести лето 1941 года на его даче, проявил большое мужество. Тогда это могло грозить ему, мягко говоря, крупными неприятностями. Мама с радостью приняла это приглашение: ввиду ареста отца, жить летом на служебной квартире в Пушкине, было невозможно – дай бог не выселили бы из ленинградской квартиры, отправив в ссылку.

Отец и мать Галины Сергеевны постоянно жили на даче в Ильинском. С.И. Осипов ездил на работу в г. Раменское, неподалеку от Ильинского. Надежда Афанасьевна, как и ее муж, прекрасно относилась к моей маме и ко мне. Она помогала моей маме готовить обед и даже стирать белье. Мама выезжала из Ильинского в Москву, делая тщетные попытки выяснить причину необоснованного ареста мужа. Она ничего не рассказывала мне о своих хлопотах, считая, что говорить об отце со мной ей не следует, чтобы не травмировать психику тринадцатилетнего подростка. Увидеть отца моей маме не удалось — всякие контакты с ним, включая переписку, были запрещены НКВД.

После войны, уже будучи аспирантом Физического института АН СССР, а затем научным сотрудником я несколько раз навещал Галину Сергеевну на даче в Ильинском. Мне стало очень грустно, когда я узнал, что в семидесятые годы дача ее отца сгорела по неизвестным причинам.

Очень жалею, что довольно редко навещал Галину Сергеевну в ее московской небольшой квартире, сначала на Севастопольском проспекте, а потом на Новопесчаной улице.

Во время последней встречи с ней, приблизительно за два года до ее кончины, 16 сентября 1999 года она подробно рассказала мне, как тяжело ей было жить во время войны. Она не могла устроиться на работу. Семья выжила во время войны благодаря огороду, яблоневому саду и удачно приобретенной козе, приносившей много питательного молока, что позволило кормить дочь Валю и всю семью.

В конце пятидесятых годов академик Н.П. Дубинин (в то время он был членом-корреспондентом) смог принять Галину Сергеевну на работу в возглавляемую им лабораторию радиационной генетики, и потом, работая в Институте общей генетики, Галина Сергеевна проводила большую работу по редактированию статей и книг Н.П. Дубинина, переводя их на английский язык, который знала очень хорошо. В институте она с теплотой относилась к молодым сотрудникам, помогала им в работе с иностранной литературой.

В 1990 году Г.С. Карпеченко была награждена орденом Трудового Красного Знамени вместе с большой группой генетиков старшего поколения «за особый вклад в со-

хранение и развитие генетики и селекции». Орден ей был вручен в Кремле. На церемонии награждения группы генетиков присутствовал президент СССР М.С. Горбачев.

К сожалению, лишь несколько лет тому назад я осознал, что Галина Сергеевна и ее отец С.И. Осипов, пригласив маму и меня на лето приехать и жить на их даче в Ильинском, фактически спасли нам жизнь, ибо если бы мы остались после начала войны в Ленинграде, то почти наверняка погибли бы в Ленинградскую блокаду. Мама погибла бы быстро, она ведь была инвалидом 1-й группы. Эвакуировать нас вместе с Институтом растениеводства в Красноуфимск, куда были эвакуированы сотрудники ВИР, администрация института не стала бы, ибо мы были членами семьи «врага народа» Н.И. Вавилова.

САРАТОВ

В начале августа сорок первого года, когда немецкая армия развивала наступление на Москву, а наши войска отступали, ведя тяжелые бои, а в Москве продолжалась эвакуация женщин с детьми в восточную часть страны, маме удалось вместе со мной уехать из Ильинского в ее родной город Саратов. Отъезд в Саратов осуществился благодаря большим усилиям маминого брата Константина Ивановича Барулина, очень заботившегося о нас. Он добыл эвакуационные удостоверения для мамы, инвалида первой группы, эвакуируемой вместе с несовершеннолетним сыном; без такого документа невозможно было достать билет на поезд. К.И. Барулин проводил нас на вокзал и посадил в поезд. Доехали мы благополучно, избежав налетов немецкой авиации.

В Саратове недалеко от центра города на Первомайской улице в частном доме жила сестра мамы Полина Ивановна Барулина с мужем Максимом Петровичем Давыдовым и их сыном Геннадием, студентом геологического факультета Саратовского университета. П. И. Барулина жила очень скромно. Она работала библиотекарем в городской библиотеке, а ее муж был проректором университета по заочному обучению. Геннадий Давыдов примерно через год после начала войны был призван в армию. Перед отправкой на фронт он обучался в танковом училище и получил звание техника-лейтенанта. Во время его приезда с фронта на непродолжительную побывку мы с ним играли в шахматы, которыми я начал увлекаться еще в Ленинграде, учась в четвертом классе школы.

Одноэтажный дом, в котором мы поселились в Саратове, принадлежал родителям мамы и после их кончины вскоре после гражданской войны перешел в собственность их детей: двух братьев Константина Ивановича и Николая Ивановича Барулиных и двух сестер Полины Ивановны и Елены Ивановны.

В небольшом дворе дома во время войны был огород в несколько грядок. По соседству в том же дворе был небольшой одноэтажный дом, где жили два двоюродных брата мамы: Николай и Лаврентий Сокулины. У Николая во время войны родилась дочь Ирина. До выхода на пенсию она работала на кафедре кибернетики Саратовского университета (была доцентом), я поддерживаю с ней дружеские отношения.

Приехали мы в Саратов недели за три до начала учебного года. Война, как мне тринадцатилетнему подростку представлялось тогда, осенью сорок первого года, не очень чувствовалась в Саратове. В то время Саратов был удаленным от мест военных действий тыловым городом. Меня приняли в шестой класс школы. В моем классе оказалось много детей, мальчиков и девочек, приехавших в Саратов из разных городов. В основном это были дети, эвакуированные из Ленинграда и Москвы.

Но одна девочка приехала из Владивостока. Оттуда тоже эвакуировали детей в связи с возможным вступлением Японии в войну с СССР на стороне гитлеровской Германии. В первый день занятий классная руководительница спросила девочку – откуда она приехала. Девочка под громкий смех учеников ответила, что она «акуировалась»

из Владивостока. Дети смеялись как неправильно произнесенному слову, так и тому, что им казалась тогда смешной эвакуация из Владивостока, когда война шла на западе и в центральной части СССР.

Школа находилась недалеко от центра города, площади Революции, где до и после войны устраивались демонстрации 1 мая и 7 ноября. В этой школе, номер которой не помню, я проучился два учебных года: в шестом и седьмом классах. После окончания седьмого класса меня перевели в другую школу, мужскую № 21. В то время вышло правительственное постановление о раздельном обучении мальчиков и девочек. 21-я школа находилась на улице Рахова, бывшей Камышинской, недалеко от Большой горной улицы. В этой школе я учился в восьмом и девятом классах. В обеих саратовских школах, где мне довелось учиться во время войны, школьники да и, пожалуй, учителя не знали, что отец мой был арестован как «враг народа». Только в конце шестидесятых годов мне стали известны подробности заключения отца в тюрьмах от писателя Марка Поповского, каким-то чудом допущенного к прочтению следственного дела Н.И. Вавилова. Стало известно, что в конце октября 41-го года после двухнедельного тяжелейшего этапа в товарных вагонах мой отец, находившийся перед этапом, начавшимся 15 октября, во внутренней тюрьме НКВД на площади Дзержинского (ныне Лубянка), был заключен в Саратовскую тюрьму № 1. Тюрьма находилась на Астраханской улице и до нее от нашего дома было приблизительно 15 минут ходьбы. Мы с мамой долго не знали о судьбе отца. Мы думали, что он по-прежнему находится в московской тюрьме, а он мучился в саратовской тюрьме, находившейся близко от дома, где жила его семья.

Из книги Марка Поповского, опубликованной им на русском языке впервые в США в начале 80-х годов, мне также стало известно, что мама, не зная, что отец в Саратове, тайком от меня находила каким-то образом возможность послать отцу в Москву по почте несколько посылок с продуктами, купленными за счет экономии денег, присылаемых ей академиком Сергеем Ивановичем Вавиловым из Йошкар-Олы почтовыми переводами.

С.И. Вавилов находился в то время в Йошкар-Оле в эвакуации вместе с руководимым им Государственным оптическим институтом, имевшим важнейшее оборонное значение. Весной 42-го года мама получила от дяди Сережи письмо, в котором он сообщал, что приглашает меня приехать в Йошкар-Олу на период летних школьных каникул. Я ответил ему открыткой. В ней, отправленной 20 июля 1942 года, я написал: «Дорогой дядя Сережа! Большое спасибо тебе за приглашение приехать на лето к вам. Но я решил поехать с мамой в деревню, так как мне не хочется оставлять её одну в Саратове. К тому же меня, наверное, возьмут (в конце лета) со школой работать в колхоз. В деревню мы едем вверх по Волге в 150 километрах от Саратова к маминым знакомым. Там, говорят, неплохо с продовольствием, во всяком случае лучше, чем тут в Саратове...».

Эту открытку С.И. Вавилов сохранил. Она находится в архиве Академии наук. Сохранил он и письма к нему моей мамы. Так, в письме к С.И. Вавилову от 7 декабря 1943 года мама писала: «Деньги от Вас получаем регулярно. Не нахожу слов, чтобы выразить Вам глубокую благодарность. Без Вашей помощи нам бы не просуществовать это время...».

Деревня, куда мы с мамой поехали на большом катере, называлась Букатовка. Оказалось, что она была родиной маминого отца Ивана Ефремовича Барулина. В открытке к С.И. Вавилову я значительно преувеличил расстояние до этой деревни от Саратова. Она находится от него не далее 50 км и расположена на реке Терешке, притоке Волги. Живя в Букатовке, я однажды ушел довольно далеко от деревни в лес и набрел на поляну, где было поразительно много крупной лесной земляники. Нигде потом больше не встречалось мне такого обилия земляники: можно было сразу собрать целое ведро крупной сочной ягоды. К сожалению, ходить за ягодой в лес тогда было опасно. Можно

было встретиться с немецкими парашютистами-диверсантами, о возможной высадке которых в Букатовке ходили слухи.

После возвращения из Букатовки мальчиков нашей школы направили недели на две на сельхозработы в семхоз, находившийся неподалёку от города. Мы собирали в поле скошенную кормовую траву в копны для вывоза её на грузовике.

Жить в Саратове во время войны моей маме было очень трудно. Я же переносил эти трудности гораздо легче. На продуктовые иждивенческие карточки нам выдавали в день по 300 г черного хлеба на человека.

Осенью 42-го года мама дала мне деньги купить на базаре мешок картошки. С большим трудом я принёс на спине тяжелый мешок – ехал на трамвае и от остановки до дому шел пешком. Мешок я втащил в погреб, который был в нашем доме. Через один или два дня мешок с картошкой украли. Замок с двери в погреб был сорван. Очевидно, кто-то из соседей выследил как я принес мешок домой и куда его поместил. Мама переживала кражу очень тяжело — она плакала, я её успокаивал.

Дома в нашей комнате была железная печка-буржуйка, которая быстро согревала холодную комнату и на которой мама готовила скудный обед. К сожалению, очень быстро после погасания огня в такой печке комната остывала и приходилось одевать пальто. Дрова для буржуйки я пилил один двуручной пилой на козлах, которые были в нашем дворе.

Пойти помыться в баню была проблема. Жидкое мыло также выдавали по карточкам.

Как я уже упоминал, жить маме в военные годы в Саратове было, конечно, неизмеримо тяжелее, чем мне. Со своими больными руками она стирала белье, готовила мне и себе еду и даже штопала мне чулки и носки. Она пыталась устроиться на какую-нибудь работу в Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Юго-востока, где у нее были знакомые ученые, но её не принимали. Мама имела ученую степень доктора биологических наук. Пенсию по инвалидности она тоже не смогла получить — в Собесе ей сказали, что жене «врага народа» никакой пенсии не будет. Так и жили мы в Саратове попрежнему фактически на денежные переводы дяди Сережи из Йошкар-Олы.

В выходной день я любил ходить на пристань на берег Волги. Там иногда можно было встретить телеги или грузовики, нагруженные колобом — так саратовские мальчишки военной поры называли жмых — твердые плитки; остававшиеся на фабрике, где вырабатывали подсолнечное масло, в процессе его производства. Этот колоб можно было жевать — он неплохо утолял чувство голода, которое, правда, у меня бывало не так часто.

Весной 44-го года я посадил на грядке во дворе огурцы, семена которых оказались очень хорошими. Осенью, благодаря моему хорошему уходу (я удобрял их собранным на улице лошадиным навозом от проезжавших повозок и часто поливал), выросли прекрасные огурцы. Их было так много, что однажды я понес килограмма полтора огурцов продать их с рук к Крытому рынку. Мне было очень трудно решиться на этот поступок — я считал, что школьнику заниматься торговлей не пристало. К счастью, огурцы были проданы почти мгновенно — наверное, я продавал их очень дешево.

Напротив Саратова расположен город Энгельс. До войны это была столица автономной республики немцев Поволжья. По решению сталинского политбюро немцы вскоре после начала войны были выселены в Казахстан.

В Энгельс с пристани в то время ходил бесплатный паром. Однажды я решил съездить на нем в Энгельс — посмотреть этот город (тогда небольшой) и проехать по широкой возле Саратова Волге.

Электричество в саратовских домах во время войны часто отключали, особенно по вечерам, когда я приходил из второй смены школы. Я помню, что во время учебы в девятом классе, я с большим интересом читал с коптилкой «Войну и мир» Толстого, а

также «Граф Монте Кристо» Дюма. Наверное, такое долгое чтение с коптилкой и испортило мне глаза. Начав посещать лекции в университете в 1946 году в Ленинграде, я обнаружил, что страдаю близорукостью, пришлось заказать очки.

Осенью 1942 года Саратов подвергся несколько раз налетам немецкой авиации. Немцы бомбили Заводской район города, где был расположен нефтеперегонный завод «Крекинг» и авиационный. Эти налеты приводили к пожарам и, по-видимому, к большому ущербу. Выходя на улицу из дома, можно было видеть, что небо в направлении на Заводской район Саратова было окутано черным дымом. К счастью, наша военная авиация и, по-видимому, система ПВО города работали хорошо. На центральной площади города, площади Революции, был установлен остов сбитого немецкого бомбардировщика для подъема боевого духа саратовцев. Многие здания Саратова во время войны были заняты под госпитали. Однажды, проходя по Радищевской улице, я видел как из автобуса выносили тяжелораненых, эвакуированных со Сталинградского фронта, до которого от Саратова всего несколько сот километров. Было очень тяжело видеть людей с ампутированными ногами и руками.

Летом или осенью 1942 года в Саратов удалось эвакуировать из блокадного Ленинграда профессоров и преподавателей Ленинградского университета с семьями. Их разместили в одной из больших гостиниц в центре города. От них мы узнали подробности о страшной блокадной зиме 41-го - 42-го годов в Ленинграде. Еще до войны я дружил с Аликом Шванвичем, сыном профессора ЛГУ Бориса Николаевича Шванвича, крупного ученого-энтомолога, хорошо знавшего моего отца. Алексей Шванвич был примерно на год старше меня. Я очень обрадовался, когда узнал, что среди эвакуированных в Саратов из блокадного Ленинграда семей сотрудников ЛГУ была и семья Б.Н. Шванвича. Им удалось выжить в неимоверно тяжелых условиях блокадной зимы в осажденном Ленинграде, но они заболели дистрофией.

В Саратове семьи эвакуированных сотрудников Ленинградского университета получали специальные обеды и пайки, чтобы восстановить их здоровье. Я иногда ходил с Аликом Шванвичем на прогулки по окрестностям Саратова на Лысую гору. Вскоре, однако, Алексей Шванвич уехал из Саратова в Куйбышев, где поступил в подготовительное отделение военно-морского училища и после года обучения был зачислен курсантом военно-морского инженерного училища им. Дзержинского, эвакуированного во время войны из Ленинграда в Куйбышев.

Живя в Саратове, я как-то не замечал, что моя бедная мама была одета очень плохо. А вот что написал об этом писатель Марк Поповский в своей книге «Дело академика Вавилова»: «Селекционер из Днепропетровска И.С. Чернобривенко, встретивший Барулину в Саратове летом 1942 года (наверное до нашей поездки в деревню Букатовку, *Ю. В.*) вспоминает, что «выглядела жена Вавилова до крайности истощенной, одета была нищенски». И далее в этой же книге М. Поповский пишет: «В начале этой зимы (после кончины отца в Саратовской тюрьме 26 января 1943 года, *Ю.В.*) Елену Ивановну вызвали в «серый дом» – Саратовское управление НКВД. По воспоминаниям ее сестры, Полины Ивановны Барулиной, шла она туда с едва скрываемым ужасом: ей казалось, что власти готовятся арестовать сына Юру, которому не исполнилось еще и пятнадцати. О сыне работники госбезопасности не вспоминали, зато настойчиво выспрашивали, где и когда Барулина видела в последний раз своего мужа академика Вавилова, что она о нем знает. О том, что Николай Иванович умер, о том, что находился он все эти месяцы здесь же в Саратове, ей так и не сказали. Об этом Елена Ивановна узнала более чем через год...».

В июле 1943 года неожиданно для меня и мамы в Саратов приехал мой брат Олег. Олег был старше меня почти на 10 лет. После окончания в 1941-м году физфака МГУ он поступил на работу в Физический институт им. П.Н. Лебедева Академии наук (ФИАН).

Его мать, Екатерина Николаевна Сахарова, была первой женой Николая Ивановича. Олег обожал нашего отца, а мать, как я узнал много позже, к сожалению, ценил мало. Отец брал его во многие поездки по Советскому Союзу: на Кавказ, Среднюю Азию, в Хибины, в г. Козлов (ныне Мичуринск) к И.В. Мичурину и другие места. В1931 году отец взял с собой 13-летнего Олега даже в Англию в Лондон, куда он поехал на Международный конгресс по истории науки в составе большой делегации советских ученых, возглавляемой Н.И. Бухариным. Бухарин уже тогда находился в опале у Сталина. Он был действительным членом Академии наук и хорошо относился к моему отцу. Сохранилась открытка отца к моей маме. Отец в ней сообщил, что летит в Лондон вместе с Олегом и Бухариным в одном самолете. Открытка была отправлена из Берлина, где самолет совершил промежуточную посадку. Отец писал, что Бухарин и Олег чувствуют себя хорошо, а он плохо, так как с трудом переносил качку на море и в самолетах того времени.

Очень скоро после разговора Олега наедине с мамой мы с ним пошли в областное управление НКВД, находившееся в центре Саратова. Помню, что Олег постучал в окошко приемной, а я стоял рядом. Олег откуда-то узнал, что отец находился в тюрьме в Саратове. Дежурный сотрудник НКВД через некоторое время ответил Олегу, что справку о Н.И. Вавилове в Саратове ему не дадут, надо обращаться в НКВД в Москве.

В то время в Саратове я не очень-то осознавал какие тяжелейшие переживания испытала моя мать в связи с приездом Олега и его сообщением, что отец находился в Саратовской тюрьме.

Возможно, что Олегу сказали о кончине отца, но он решил пока не сообщать мне о постигшей нас трагедии. Так или иначе, но Олег, находясь в июле 1943 года в Саратове, узнал о смерти отца и ее точную дату: 26 января 1943 года. Об этом он сообщил маме и телеграммой С.И. Вавилову в Иошкар-Олу. От мамы я узнал о постигшем нас горе только через несколько месяцев в конце 1943 года.

В письме к С.И. Вавилову в Иошкар-Олу она написала: «... Юра учится прилежно. За первую четверть (8-го класса, Ю.В.) получил хорошие отметки. Он очень остро переживает утрату отца. Недавно со слезами сказал, что когда-нибудь его оценят». Наше горе усугубляется еще и тем, что с нами нет никого из близких людей, с кем можно было поделиться.

Из Саратова Олег поехал в Москву. В это время (лето 1943 года) эвакуированные в Казань сотрудники ФИАН начали возвращаться в Москву. В Москве Олег пошел в приемную НКВД получить сведения об отце, которые нам отказались дать в саратовском управлении НКВД. Ему устно сообщили, что отец, находившийся в саратовской тюрьме, скончался. Дату смерти сообщить отказались[1].

Олег сообщил об этом Сергею Ивановичу в Йошкар-Олу, а затем сообщил и моей маме. Мама долго скрывала от меня это трагическое известие. Я узнал об этом от нее только в конце 1943 года.

В 21-ой школе были хорошие преподаватели. Особенно мне нравились уроки преподавательницы литературы Антонины Васильевны Пашкиной. Мы с увлечением писали в 8-м и 9-м классах сочинения на предложенные ею темы. Я обрадовался, когда она мне сказала, что одно из моих сочинений было представлено среди лучших сочинений школьников района (заняло на конкурсе 2-е или 3-е место, не помню точно какое). В одном классе со мной учился Дима Худяков. Он жил в доме на Первомайской улице, напротив нашего дома. Дима был разносторонне способный школьник. По литературе он писал прекрасные сочинения, занимавшие первые места на конкурсах района и города. Он, по-

[1] Как я узнал лишь в конце девяностых годов, оказалось, что Олег, находясь в Саратове, каким-то образом все-таки узнал о кончине отца 26 января 1943 года.

видимому, был лучшим учеником нашего класса. После окончания школы он поступил на физический факультет Саратовского университета, увлекался туризмом, стал мастером спорта по туризму, выступал по саратовскому телевидению с интересными, подготовленными им передачами по истории саратовского края. В 2000 году, исполнилось 40 лет ведения этих передач Д.С. Худяковым. За эти передачи губернатор саратовской области Дмитрий Аяцков наградил его орденом.

ПИСЬМО ЮРИЯ ВАВИЛОВА ИЗ САРАТОВА БРАТУ ОЛЕГУ

Здравствуй дорогой Олег!

На днях получил твое письмо. Я благополучно закончил экзамены в школе. Получил 2 четверки, остальные 5-ки.

Теперь о моих планах на будущее. Прежде всего, как ты сам понимаешь, мне надо закончить ср. образование. Но дело в том, что на следующий год мне исполнится 17 л. И вот поэтому, мне кажется нужным поступить в техникум. В Саратове имеется 3 техникума, дающие отсрочки, из них наиболее подходящий для меня – электротехнический. Мне больше, конечно, хотелось бы учиться в 9-м кл. ср. шк., но не в этом дело. Но, ведь потом поздно будет что-либо менять. Из техникума потом можно поступить в вуз. Я думаю поступать или в кораблестроит. или электротех. институты.

Олег, я понимаю, что ты бы хотел, чтобы я пошел по стопам отца, выбрал бы с-х специальность. Это бы помогло развитию его учения, и нам с тобой было бы легче увековечить заслуги отца. Но беда, что у меня нет призвания к с-х науке. Но, я думаю, найдутся люди, которые помогут нам там, где будут нужны специальные знания.

Теперь о поездке в Ленинград. Одного желания скорее попасть туда еще мало. Мы сделали несколько попыток выбраться из Саратова. Обращались с просьбой к нескольким влиятельным лицам, но положительного ответа не получили. Хотя площадь (столовая) пока и не занята, но нас не пропишут по известной тебе причине. Я написал дяде Сереже письмо в Москву, но он кажется сейчас в Йошкар-Оле. Не знаю, когда они будут переезжать в Ленинград. Очень прошу тебя поговорить с дядей Сережей, чтобы он помог нам в этом направлении.

Ты, конечно знаешь, что все материалы и рукописи остались в Ленинграде. Мама делала запрос управхозу и он ей ответил, что все цело. Но так ли это в действительности. Ведь прошло уже 3 года со дня нашего отъезда. В Московской квартире оставалось много рукописей готовых к печати и ценных рисунков. Предпринимал ли ты что-либо для их спасения?

Со школой мне нужно было ехать в лагеря, но меня освободили из-за болезни мамы, у нее плеврит.

Привет Лиде от меня и мамы! Мне надо решать до августа, а в августе уже сдавать экзамены в техникум.

29.6.44. Твой Ю. Вавилов

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛЕНИНГРАД

В конце июля 1945 года для меня совершенно неожиданно в наш дом принесли телеграмму из Москвы с грифом «Правительственная», адресованную мне.

В телеграмме было напечатано примерно следующее: «Сотруднику Академии наук СССР Ю.Н. Вавилову надлежит выехать к месту работы в Ленинград вместе с матерью Е.И. Барулиной» Подпись: «Вице-президент Академии наук СССР генерал-полковник Л.А. Орбели». Эта телеграмма была послана в Саратов конечно по просьбе С.И. Вавилова, ставшего 17 июля 1945 года президентом Академии наук СССР с согласия Сталина.

Нас провожал на поезд Николай Ананьевич Тюмяков, саратовский ученый, профессор-растениевод, хорошо знавший моего отца. Во время войны он работал главным агрономом совхозов Рязано-Уральской железной дороги. Он же приобрел нам билеты на поезд в Москву. В Москве мы с мамой жили дня три в очень маленькой комнате маминого брата профессора К. И. Барулина рядом с метро «Красные ворота».

На следующий день после приезда в Москву мы пошли к дяде Сереже. Он временно, до окончания ремонта второго этажа в двухэтажном особняке на Арбате, жил в номере люкс гостиницы «Москва» на Охотном ряду, рядом с Красной площадью. У дяди Сережи, как академика и директора Физического института Академии наук, еще с довоенных времен была небольшая квартира на улице Спиридоновка, но, видимо, Президиум Академии наук по согласованию с правительством решил, что президенту Академии не пристало жить даже временно в квартире на Спиридоновке.

Позднее мне стало известно, что Президиум Академии наук решил предоставить для проживания дяди Сережи с семьей второй этаж небольшого, очень скромного по нынешним временам, особняка, занимаемого до своей кончины знаменитым ученым, академиком Владимиром Ивановичем Вернадским. Особняк этот находился на Арбате в Дурновском переулке, недалеко от его пересечения с улицей Вахтангова. Рядом была известная старым москвичам небольшая площадь, называвшаяся Собачьей площадкой.

В гостинице «Москва» мама разговаривала с дядей Сережей минут тридцать без моего участия, я в это время находился в соседней комнате гостиничного номера. Разговор мамы касался, в основном, как я от нее вскоре узнал, нашего устройства на проживание в Ленинграде. Дело в том, что в 1944 году после снятия блокады Ленсовет решил выселить семью «врага народа» академика Н.И. Вавилова с занимаемой ею довольно большой квартиры на углу улицы Гоголя и Невского проспекта, предоставив эту квартиру балерине Кировского театра Наталье Дудинской. Дядя Сережа об этом узнал и заранее побеспокоился о временном жилье для мамы и меня в Ленинграде.

Дядя Сережа рассказал маме, что руководство Всесоюзного географического общества, президентом которого мой отец был вплоть до ареста в августе сорокового года, позаботилось о том, чтобы большое число книжных шкафов с книгами отца и наиболее ценная мебель были вывезены из нашей квартиры в помещение географического общества.

Дядя Сережа сообщил также маме, что он договорился с дочерью первого советского президента Академии наук А.П. Карпинского Е.А. Толмачевой-Карпинской уступить временно нам одну из двух квартир, занимаемых ее семьей в знаменитом «Доме академиков» на набережной лейтенанта Шмидта: так иногда называют этот дом в Ленинграде (Санкт-Петербурге). В этом доме, построенном в пятидесятых годах восемнадцатого века, считающегося памятником архитектуры классицизма, проживали помимо А.П. Карпинского многие выдающиеся русские ученые: физиолог И.П. Павлов, физик В.В. Петров, математики В.А. Стеклов и М.В. Остроградский, востоковед И.Ю. Крачковский и другие.

Во время короткого пребывания в Москве после приезда в столицу из Саратова в начале августа 1945 года, я ездил в ФИАН повидаться с братом Олегом. Разговаривал я тогда с Олегом недолго в вестибюле Института. Вход в ФИАН (тогда Институт находился в старом здании на 3-й Миусской улице) в то время был свободным.

На следующий день К.И. Барулин проводил маму и меня на скорый поезд в Ленинград. Вещей у нас было мало и я вполне справлялся с их переносом.

Во время поездки на поезде из Москвы в Ленинград я подолгу смотрел в окно в коридоре вагона. Запомнились мне многочисленные следы войны. Почти все вокзалы станций, встречавшиеся на пути в Ленинград, были превращены в руины. Приехав в Ленинград, мы прямо с вокзала поехали на Васильевский остров. Об этом доме и квар-

тире уже рассказывалось выше. В эту квартиру заранее, благодаря управляющему делами ленинградского отделения Академии наук Ивану Андреевичу Ванину, выполнявшему просьбу С.И. Вавилова, была привезена часть мебели из нашей ленинградской квартиры, ремонтируемой для Н. Дудинской, а также 5 книжных шкафов с частью особенно ценных для памяти об отце книг, отобранных мамой из его личной библиотеки. Уступленная на время (как оказалось почти на целых 5 лет) Е.А. Толмачевой-Карпинской квартира состояла из одной большой комнаты и второй совсем маленькой. Книжные шкафы позволили перегородить большую комнату на две приблизительно равные части. В одной из них располагалась мама, в другой жил я. Вскоре, после возвращения в Ленинград, мы с мамой узнали, что во время блокады города в дом на углу улицы Гоголя и Кирпичного переулка, соседний с нашим домом, попала фугасная авиабомба, сильно разрушившая этот дом. Он находился на расстоянии от нашего дома не более пятнадцати метров и была большая вероятность попадания бомбы в наш дом и уничтожения квартиры и библиотеки моего отца.

Сразу после приезда в Ленинград я отнес свои документы в школу, расположенную поблизости от нашего дома. Примерно через месяц занятий в этой школе часть школьников из десятого класса была переведена в другую школу, мужскую школу № 24, находившуюся на Среднем проспекте Васильевского острова. Эта школа была очень хорошей. Не случайно она носила имя великого баснописца И.А. Крылова. Из преподавателей мне особенно запомнилась уже весьма пожилая преподавательница литературы Антонина Александровна, награжденная орденом Ленина, а также преподаватель математики Нина Александровна Кирсанова. Она была очень строгим, но хорошим педагогом, не давала поблажек своим ученикам, мы решали довольно сложные задачи по стереометрии, тригонометрии и примеры по алгебре. Перед контрольными работами по математике для поднятия бодрости духа пели «Врагу не сдается наш гордый Варяг, пощады никто не желает ....».

Почти все ученики Кирсановой хорошо сдавали экзамены по математике на аттестат зрелости и вступительные экзамены по математике в ВУЗы Ленинграда. Через несколько лет после окончания школы я узнал, что Н.А. Кирсанова была удостоена звания Героя Социалистического Труда.

В июне 1946 года я закончил среднюю школу и, благодаря удачно сданным экзаменам, получил аттестат зрелости с серебряной медалью. Перед началом экзаменов я не ожидал, что получу медаль. Золотыми и серебряными медалями было удостоено человек восемь выпускников нашего класса. Мы с мамой были очень счастливы этой медали, особенно в связи с тем, что в то время она давала возможность поступить в любой ВУЗ Ленинграда без экзамена. Я подал заявление на физический факультет Ленинградского университета и в конце августа был зачислен студентом 1-го курса физфака. Меня иногда спрашивают, как мне удалось поступить в университет, несмотря на то, что власти считали моего отца «врагом народа». Он был посмертно реабилитирован в 1955 году.

Здесь, возможно, сыграли роль прогрессивные взгляды руководителей Ленинградской партийной организации, многие из которых через несколько лет были расстреляны. В анкете, которую я заполнил при поступлении в Ленинградский университет, не было вопроса о репрессированных ближайших родственниках. Через шесть лет дочь соратника отца, крупного генетика Г.Д. Карпеченко, расстрелянного в июле 1941 года, Валя Карпеченко, несмотря на окончание школы с золотой медалью, не смогла поступить на филологический факультет Московского университета из-за того, что ее отец был репрессирован.

Глава 2. ВСТРЕЧИ В ДАЛЬНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ

ВСТРЕЧА СО СВЯТОСЛАВОМ РЕРИХОМ В ИНДИИ

В апреле 1980 г. мне посчастливилось поехать в командировку в Индию по линии научного обмена между Академией наук СССР и Индийской академией наук. Я был приглашен на срок один месяц директором известного в Индии и далеко за ее пределами Тата института фундаментальных исследований профессором Шрикантаном, крупным специалистом в области физики космических лучей. Тата институт расположен неподалеку от Бомбея. Его сотрудники ведут исследования по многим разделам физики: физика твердого тела, радио и гамма-астрономия, физика космических лучей, теоретическая физика, а также прикладная математика. По плану командировки после ознакомления с работами по космическим лучам в институте в Бомбее была запланирована моя поездка на подземные установки Тата института в шахтах Колар Голд Майн на юге Индии и на горную станцию института для исследования космических лучей на южной оконечности Индии в городе Отакамунда.

Прошло несколько дней жизни в Бомбее, огромном городе, где ужасающая нищета большинства населения соприкасается с роскошью богатых слоев общества, и вот после трех часов полета я уже в Бангалоре – большом южном городе Индии. От Бангалора мне предстояло проехать на автомобиле приблизительно 100 километров на юго-восток в небольшой провинциальный город Колар Филдс. Неподалеку от города находятся шахты глубокого бурения, вплоть до глубин более двух километров. В начале двадцатого века здесь были обнаружены золотоносные слои, залегающие на большой глубине, и была организована добыча золота, продолжавшаяся в течение многих десятилетий.

В нескольких шахтах, по договоренности с руководством, физики Тата института установили аппаратуру для регистрации наиболее проникающих частиц космических лучей, мюонов и нейтрино, а также фундаментально важного для проверки современой физической теории элементарных частиц и природы их взаимодействий, поиска распада протона, предсказанного в работах известных зарубежных физиков-теоретиков, а также академика А.Д. Сахарова.

Согласно предсказаниям теории распад протона происходит чрезвычайно редко: время жизни протона должно быть больше 10^{30} лет. Поэтому, чтобы избавиться в эксперименте от разнообразных фоновых событий, имитирующих распад протона, необходимо помещать регистрирующую аппаратуру на очень большую глубину под землей.

В Колар Голд Филдсе мне была предоставлена возможность испытать острое ощущение спуска на большом скоростном лифте под землю на глубину более двух километров для осмотра подземных установок индийских физиков, работающих вместе с японскими физиками. Перед спуском я должен был надеть на голову каску желтого цвета.

После возвращения из Колар Голд Филдс в Бангалор индийские физики посоветовали мне совершить интересную однодневную экскурсию в древний город Майсур.

Мне было известно, что в Индии постоянно проживает знаменитый русский художник и общественный деятель Святослав Николаевич Рерих, сын еще более известного художника, писателя и ученого Николая Константиновича Рериха.

Я знал, что мой отец был знаком с Николаем Рерихом и переписывался с ним. Мне очень хотелось получить от Святослава Рериха копии писем Николая Ивановича Вавилова к Николаю Рериху, однако, я не знал его адреса. О Святославе Рерихе, очень хорошем художнике и интересном человеке, часто писали советские газеты. Он многократно приезжал в Москву. В Москве и других городах Советского Союза устраивались выставки его картин. Я знал, что Николай Рерих вместе с сыном Юрием организовали в предъгорьях Гималаев на севере Индии Институт Гималайских исследований, получивший название «Урусвати». Институт являлся центром изучения археологических и этнографических материалов, а также природы Гималаев.

Во время поездки в город Майсур я увидел в городском музее несколько картин Святослава Рериха. У сотрудницы музея я узнал, что Святослав Рерих живет близко от Бангалора, однако адреса его мне не дали.

В моей программе пребывания в Индии не было запланировано посещение Рериха. В то советское время отклонение от утвержденной Управлением Внешних связей Академии наук СССР программы пребывания за границей не разрешалось.

Вечером, вернувшись в гостиницу в Бангалоре из поездки в Майсур, я начал просматривать справочную книгу, находившуюся в номере гостиницы, нашел в ней номер телефона Рериха и позвонил. К телефону подошел кто-то из окружения Рериха. Я сказал, что звонит ученый из Москвы, не называя своей фамилии, и, что я хотел бы встретиться с Рерихом, сообщив название своей гостиницы. Утром, когда я только собирался вставать, раздался телефонный звонок, позвонили из приемной гостиницы и сказали, что за мной приехала машина. Я подумал, что машину прислали физики из Астрофизического института в Бангалоре. Однако оказалось, что машина от доктора Рериха. За мной приехало такси, заказанное Рерихом, чтобы привезти меня в его загородный дом, находившийся примерно в 20 километрах от гостиницы.

Рерих с женой Девикой Рени, в прошлом известной в Индии танцовщицей, жили в одноэтажном доме, расположенном в приусадебном саду. В саду было много ярких цветов среди субтропических деревьев. Знакомство с Рерихом и его супругой произошло на веранде, примыкавшей к дому. Посреди веранды находился небольшой круглый стол. Святослав Николаевич предложил кофе. Он разговаривал на превосходном русском языке и сказал, что его жена понимает русский язык, но стесняется говорить по-русски. Я сразу же сказал, что я сын Н.И. Вавилова. Узнав это, Святослав Николаевич очень обрадовался. Далее я рассказал Рериху, что я давно, с 1957 года, после кончины матери занимаюсь научным наследием отца и знаю, что мой отец переписывался с Николаем Рерихом, и я хотел бы получить копии его писем. Святослав Николаевич ответил, что мой отец переписывался и лично с ним. Н.И. просил его прислать семена некоторых редких растений, растущих у подножья Гималаев. К сожалению, оказалось, что письма Н.И.Вавилова находятся в Фонде Рерихов в США. После беседы Святослав Николаевич повел меня в свою просторную светлую мастерскую с большими окнами. На стенах были развешаны несколько, по-видимому, последних картин хозяина мастерской: пейзажи Гималаев. На одной из стен мое внимание привлекла фотография. На ней была группа известных лиц: Джавахарлар Неру, Индира Ганди, Н.С. Хрущев и Святослав Рерих с женой. Глядя на фотографию, я заметил, что знаком с дочерью Хрущева Радой. Святослав Николаевич тут же продекламировал: «Не имей сто рублей, а женись

как Аджубей». Рерих часто приезжал в Москву, хорошо знал новости в Советском Союзе, новые шутки и поговорки.

В саду Рериха я увидел несколько небольших обезьян, сидящих на развесистом дереве. Святослав Николаевич заметил, что обезьяны, всего их было, кажется, двенадцать, слушаются только мужчин и не реагируют на команды женщин. В завершение почти трех часов пребывания в гостях у Рериха я сфотографировал его в саду на цветную пленку для слайдов.

Яркое впечатление о теплой встрече со Святославом Николаевичем, замечательном человеке, навсегда сохранилось в моей памяти.

ИЗ АМЕРИКАНСКОГО ДНЕВНИКА. ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В США: НОЯБРЬ 1991–МАРТ 1992

6 января 1992

В этот день запланировано мое выступление в Центральной сельскохозяйственной библиотеке, находящейся в Научном центре Белтсвилл. Это большой научный центр по сельскому хозяйству Министерства земледелия США. Он находится приблительно в 30 километрах от Вашингтона в штате Мериленд.

В 12-25 приехала за мной в гостиницу заведующая редакцией международного журнала «Diversity»[1] («Разнообразие») Дебора Страус, симпатичная энергичная женщина средних лет. Мы поехали на ланч в маленький ресторан в центре Вашингтона. Там нас уже ждал известный в кругах генетиков растений доктор Джон Виллиамс. Я познакомился с ним еще в декабре 1987 г. во время Международного симпозиума памяти Н.И. Вавилова в Гаттерслебене (ГДР), приуроченного к 100-летию со дня его рождения.

Во время симпозиума д-р Виллиамс подарил мне только что опубликованную к юбилею Николая Ивановича хорошо изданную издательством Принстонского университета книгу «Генетические банки и пища земного шара». Книга была посвящена памяти Н.И. Вавилова со словами: «Памяти Николая Вавилова, исследователя растений, генетика и биогеографа». Одним из четырех авторов книги был Джон Виллиамс. В книге Н.И. упоминается многократно и опубликована впервые ранее неизвестная фотография Н.И.Вавилова рядом с Роже Вильмереном, известным французским селекционером. Во время относительно долгой дороги в Белтсвилл возникали «пробки» из-за ремонта дороги. Дебора Страус хорошо вела машину.

На мою лекцию в зале на 15-м этаже Библиотеки в Белтсвилле пришло довольно много народу, ~70 человек (аудитория рассчитана на 80 мест). Я пригласил на свое выступление Семена Резника, биографа Н.И.Вавилова, опубликовавшего в 1967 г. в Москве в серии «ЖЗЛ» книгу «Николай Вавилов». С. Резник еще в 1982 г. эмигрировал с семьей в США и жил неподалеку от Вашингтона.

Название моего приблительно 40-минутного выступления с показом слайдов было: «Три длительные поездки Н.И. Вавилова в США в 1921, 1930 и 1932 – 1933 гг. и его научные связи с учеными США».

Я был рад, что из города Туксон (штат Аризона) прилетел на один день, чтобы услышать мое выступление, известный в США селекционер Нидерхаузер, лауреат премии имени Нормана Борлауга, известного американского селекционера и генетика, лауреата Нобелевской премии мира.

Оказывается, еще в 1938 г. Нидерхаузер один год учился в Тимирязевской академии и лично познакомился с моим отцом. Он ездил к нему в Ленинград в ВИР.

[1] Этот журнал издается Международным сообществом генетиков растений при активном участии Международного института генетических ресурсов растений в Риме.

ИЗ АМЕРИКАНСКОГО ДНЕВНИКА
14 января 1992 г.

Эдгар По

Атташе Российского посольства в Вашингтоне по сельскому хозяйству Оверчук Логвин Алексеевич познакомил меня с заведующим отделом информации Департамента земледелия США – Эдгаром По. Встреча происходила в кабинете Эдгара По в Главном здании Департамента земледелия в Вашингтоне. Цель моего визита – получение поддержки со стороны ученых Департамента издания на английском языке двух книг моего отца и одной книги о нем.

Речь шла об издании в США прежде всего известной популярной книги Н.И. Вавилова «Пять континентов» (изданной к этому времени в СССР четыре раза, включая издание в Эстонии на эстонском языке). В следующую очередь я поставил вопрос о переводе на английский язык выпущенной издательством «Советская Россия» в 1990 г. в серии «Публицистика классиков отечественной науки» книги «Жизнь коротка, надо спешить».

В книгу вошли статьи, доклады, выступления Н.И. Вавилова, его письма, записки, обращения (составителями сборника были М.Е. Раменская и я, редактором – Марина Черникова, изд-во «Советская Россия»). Наконец, третьей книгой, по моему мнению представляющей интерес для перевода на английский язык, была подготовленная к изданию в Ленинградском отделении издательства «Наука» книга «Николай Иванович Вавилов в документах и фотографиях»[1].

Хозяин кабинета Заведующего информационным отделом Департамента земледелия Эдгар По оказался симпатичным, энергичным человеком, на вид лет пятидесяти пяти. Выяснилось, что он является потомком знаменитого американского писателя XIX века Эдгара По, родоначальника детективной литературы. В честь писателя Эдгара По хозяин кабинета специально был назван Эдгаром. Эдгар По оказался большим поклонником моего отца. Когда я ему рассказал о желании издания в США трех книг, он высказал одобрение идее издания этих книг и высказал мысль, что все сохранившиеся фотографии, документы и письма Н.И. Вавилова должны быть сохранены для потомков и для этого записаны на лазерный диск. Мы договорились, что в Национальной библиотеке Департамента земледелия в Белтсвилле вскоре будет проведено специальное совещание, с его, Эдгара По, участием, по изданию книг Н.И. Вавилова. Беседа моя с Э. По продолжалась около часа. В начале беседы присутствовал Л.А. Оверчук.

Перед уходом из Департамента земледелия я подарил Э. По конверт с изображением здания ВИР им. Н.И. Вавилова в Ленинграде и хорошую фотографию моего отца. Э. По сделал несколько копий моего письма в Национальное географическое общество о поддержке издания книги «Пять континентов», а также написанную с помощью моего друга физика Анджея Вротняка, поляка, живущего в США, аннотацию к книге «Пять континентов». Подарил я Эдгару По также хорошую большую статью «Н.И. Вавилов как географ», написанную известным американским географом Чанси Харрисом, профессором Чикагского университета.

---

[1] Эта книга, рукопись которой пролежала в Ленинградском отделении издательства «Наука» около шести лет из-за отсутствия средств на ее издание, наконец, в 1994 году была опубликована в Санкт-Петербурге, благодаря поддержке Фонда Сороса.

ВСТРЕЧА С СЕНАТОРОМ АЛЬБЕРТОМ ГОРОМ, БУДУЩИМ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТОМ США. 5 февраля 1992 г.

В один из уик-эндов в начале января 1992 г. я зашел в Вашингтоне в книжный магазин, расположенный неподалеку от Капитолия и Библиотеки Конгресса. На одной из многочисленных полок я увидел книгу в яркой суперобложке с портретом автора. Заглавие книги было «Earth in the balance» с подзаголовком «Ecology and the human spirit». Автором книги был известный сенатор Альберт (сокращенно Эл) Гор. В переводе на русский язык книга Гора называется «Земля в равновесии. Экология и человеческий дух». Позднее книга была издана в русском переводе в Москве с более поэтическим названием «Земля на чаше весов». У меня уже давно появилась привычка просматривать книги, где что-то говорилось о моем отце. Взяв в руки книгу Гора, я подумал, что маловероятно увидеть в ней что-либо о Н.И. Вавилове. Однако оказалось, что мое предположение было неверным. В тематическом и именном указателях имя моего отца фигурировало трижды. Я начал читать соответствующие страницы. Эл Гор назвал Н.И. Вавилова легендарным биологом. На двух страницах была дана карта знаменитых центров происхождения и разнообразия культурных растений: на контурах всех континентов земного шара были обозначены двенадцать вавиловских центров (очагов) разнообразия культурных растений с наименованиями этих очагов и перечислением культурных растений, разнообразие которых связано с каждым из них. Общее название карте Гор дал такое: «Карта великих генетических сокровищ».

В своей книге, цитируя Вавилова, Эл Гор пишет: «Большинство центров разнообразия находится в полосе между двадцатым и сорок пятым градусами северной широты, вблизи высоких горных хребтов Гималаев, Гиндукуша, а те очаги, которые расположены на Ближнем Востоке – на Балканах и Апеннинах». В Старом Свете эта полоса тянется вдоль широт, тогда как в Новом Свете – вдоль долгот, в обоих случаях следуя общему направлению больших горных хребтов.

Эл Гор рассказал и о героизме соратников Вавилова, сотрудников Ленинградского института растениеводства, спасших во время 900 дней блокады города мировую коллекцию культурных растений, собранную Вавиловым и его коллегами в путешествиях по земному шару. Прочтя в магазине эти страницы книги Гора, я был приятно взволнован и, не задумываясь, приобрел книгу, хотя она была для меня дорогая – 32 доллара.

Очень захотелось встретиться с сенатором Эл Гором. Оказалось, что осуществить это не так просто. Я позвонил Майклу Страусу, знакомому сотруднику Американской Ассоциации Содействия развития науки – организации, расположенной в Вашингтоне. Он обещал помочь организовать посещение Гора. Однако прошло больше месяца, прежде чем Майкл Страус сообщил, что Эл Гор может принять меня 5 февраля. Мое двухмесячное пребывание в Вашингтоне заканчивалось 1 февраля. Пришлось попросить Эдгара По позвонить в Принстон в офис принимающей меня в США организации Айрекс, чтобы увеличить на неделю срок моего нахождения в Вашингтоне в ущерб запланированному сроку пребывания в Гарвардском университете.

К назначенному для встречи с Гором времени (три часа дня) вместе с Майклом Страусом мы подъехали на такси к зданию Капитолия.

После строгой проверки на отсутствие оружия на посту охраны, как в аэропортах, секретарша сенатора провела нас в его кабинет. Эл Гор оказался довольно молодым энергичным высокого роста располагающим к себе человеком. В год моего знакомства с ним ему было немногим больше сорока лет. Я взял с собой книгу Гора и попросил его поставить свой автограф на книге. Он сопроводил автограф теплым текстом в мой адрес.

Поблагодарив Гора за то, что в своей книге он уделил достойное место Н.И. Вавилову, я попросил его оказать содействие в издании английского перевода книги моего отца «Пять континентов», сказал также о желании издания в США биографической книги о Н.И.Вавилове. В качестве наилучшего писателя такой книги я назвал имя Резника, эмигрировавшего в США из СССР в 1982 г. Ранее Резник уже написал книгу «Николай Вавилов», изданную в 1968 г. в серии «Жизнь замечательных людей». Книга эта была хорошо встречена читателями.

Во время посещения Гора я подарил ему мемориальный конверт со спецгашением, выпущенный Министерством связи СССР к 100-летию со дня рождения Н.И. Вавилова. На конверте были наклеены две разные почтовые марки с портретами моего отца. Был передан сенатору также текст воспоминаний о Н.И. Вавилове известного американского генетика, Нобелевского лауреата Германа Меллера, хорошо знавшего моего отца. Он работал в 1934-1937 гг. в Москве в Институте генетики Академии наук СССР по приглашению Н.И. Вавилова и выступал с резкой критикой лженаучных концепций Лысенко. Наверное, Элу Гору было интересно познакомиться также с ранее неизвестным письмом другого американского генетика Чарлза Давенпорта Госсекретарю США в защиту трех советских генетиков от репрессий: Н.И. Вавилова, И.И. Агола и С.Г. Левита. Копию этого письма я передал Гору. Подлинник письма Давенпорта Госсекретарю США с просьбой обратиться к советскому правительству с требованием прекратить репрессии по отношению к трем названным выше советским генетикам и ответ – отписка заведующего Европейским отделом Госдепа – я обнаружил в декабре 1991 г., работая в Национальном архиве США в Вашингтоне.

Вернувшись в конце марта 1992 г. из США в Москву, я передал текст письма Давенпорта Госсекретарю вместе с ответом Госдепартамента в редакцию журнала «Вестник РАН», и он был вскоре опубликован[1].

Попрощавшись с Гором и надев пальто, я вспомнил, что имею с собой фотоаппарат и попросил секретаршу Гора сфотографировать меня с ним. При выходе из кабинета Гора я заметил на небольшом столе соседней с кабинетом комнаты книгу «Власть и наука» (история разгрома генетики в СССР), написанную хорошо мне знакомым известным биологом эмигрантом Валерием Сойфером. Потом я узнал, что Сойфер дружит с Гором.

Вернувшись в Москву, я рассказал о книге Альберта Гора своему двоюродному брату В.С. Вавилову, очень хорошо знающему английский язык и имевшему опыт перевода на русский язык американских книг. Он высказал большое желание перевести книгу Гора с моим участием. К сожалению, это не удалось нам осуществить. Книга была переведена в Москве без моего и В.С. Вавилова участия.

Однако по моей инициативе сотрудник Института истории естествознания и техники им.С.И. Вавилова Э.Н. Мирзоян и я опубликовали на русском и английском языках рецензию на книгу Гора в «Вестнике Российской Академии наук»[2]. Журнал Вестник РАН со статьей Гора я подарил Гору. Он был передан Альберту Гору советником Б.Н. Ельцина по экологии членом-корреспондентом РАН А.В. Яблоковым во время очередного приезда Гора в Москву на заседание комиссии Гор – Черномырдин. В своей книге Э. Гор назвал А.В. Яблокова своим другом.

[1] Текст письма Ч.Давенпорта Госсекретарю США и ответ Госдеапартамента публикуется в настоящей книге.

[2] Рецензия публикуется в настоящей книге.

ИЗ АМЕРИКАНСКОГО ДНЕВНИКА
10 февраля 1992, КЕМБРИДЖ, ШТАТ МАССАЧУСЕТС

Неожиданная встреча в здании биологических лабораторий Зоологического музея Гарвардского университета

Придя днем в здание биологических лабораторий Зоологического музея Гарвардского университета, я спросил на первом этаже повстречавшегося мне пожилого человека, где находится столовая. На вид ему было лет восемьдесят или больше. Он шел с палочкой. Мы начали разговаривать, и оказалось, что я встретил известного в Гарварде очень симпатичного профессора Поппенхаймера, члена Бостонской академии наук и искусств. Когда я сказал профессору, что приехал из Москвы, он проявил явный интерес ко мне. После того, как профессор узнал, что разговаривает с сыном Николая Ивановича Вавилова, он пришел в искренний восторг. Оказалось, что Поппенхаймер был участником Международного Физиологического Конгресса в Москве и Ленинграде в 1935 г. Председателем конгресса был великий физиолог И.П.Павлов. Н.И.Вавилов принимал участников конгресса в Институте растениеводства. В 1935 г. Поппенхаймер был молодым, только что окончившим университет, ученым. Как он рассказал, его отец, известный физиолог, решил взять сына с собой на Конгресс. Мой отец решил пригласить в свой институт, а также в центральную генетическую лабораторию в Детском Селе (с 1937 г. г.Пушкин), вместе с другими иностранными учеными отца и сына Поппенхаймеров. Поппенхаймер показал мне ксерокопии страничек, посвященных теплой встрече с Н.И. Вавиловым, из своих мемуаров, подготовленных к печати.

Через восемь дней, 18 февраля, проф.Поппенхаймер пригласил меня на ланч в Президиуме Академии наук и искусств в Бостоне. Как выяснилось, это был ланч для старейших, убеленных сединами, членов Бостонской академии во главе с его президентом. Вскоре после начала ланча проф. Поппенхаймер решил поднять тост в мою честь. Мне пришлось отвечать без переводчика (мое знание разговорного английского языка тогда все еще было не на должной высоте). Однако, по-видимому, приятное расположение после выпитых двух бокалов прекрасного сухого вина позволило мне «не ударить лицом в грязь» и благополучно без запинки произнести ответную приблизительно восьмиминутную речь, поблагодарив президента Академии, проф. Поппенхаймера и других известных ученых за приглашение. Было особенно приятно, что среди присутствовавших был очень известный физик-теоретик Виктор Вайскопф. Виктор Вайскопф хорошо знал многих советских крупных физиков: И.Е.Тамма, Я.И.Френкеля и др. Мне удалось минут 10 с ним поговорить. В.Вайскопф был первым директором Международного центра ядерных исследований в Женеве (ЦЕРН).

ИЗ АМЕРИКАНСКОГО ДНЕВНИКА
6 марта 1992 г. Писатель Эдуард Тополь

Знакомство в библиотеке Колумбийского университета

В этот день я провел часа два в большом читальном зале главной библиотеки Колумбийского университета. Мое внимание привлек читатель за соседним столиком. Глядя на его лицо, я подумал, что он из России. Проходя рядом с его столиком, я увидел на нем книги на русском языке. Мы начали разговаривать. Оказалось, что сосед по читальному залу – русский писатель, эмигрант из СССР Эдуард Тополь. Сейчас его многочисленные книги широко издаются в России. Диапазон тематики книг Э. Тополя очень широк: от закулисной жизни обитателей Кремля до секса. Эдуард Тополь очень удивился тому, что я опознал в нем выходца из России, сказав, что он еврей и уже более

десяти лет как эмигрировал в США из СССР. Эдуард Тополь рассказал, что он живет в Северной части Манхеттена, севернее Гарлема. Наш разговор продолжался около часа. В библиотеке Колумбийского университета Тополь читал литературу, связанную с историей Крыма, об этой истории решил писать книгу.

Э. Тополь посоветовал мне написать книгу о моих поисках документов и материалов, связанных с жизнью и деятельностью отца, и даже посоветовал назвать эту книгу «В долгом поиске». Я благодарен Э. Тополю за этот совет.

В начале 1999 г. я прочитал в газете «Аргументы и факты» открытое письмо Э. Тополя к российским миллиардерам-олигархам еврейской национальности – Березовскому, Гусинскому, Ходорковскому и другим – с пожеланием скорее отдать народу присвоенные ими капиталы, иначе могут начаться еврейские погромы. Оказывается, Э. Тополь в детстве был свидетелем еврейского погрома на Украине. В конце нашей беседы с Тополем мы обменялись адресами.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА В КЕМБРИДЖЕ С ПРОФ. ПОППЕНХАЙМЕРОМ, ЗНАВШИМ Н.И. ВАВИЛОВА[1]

Недалеко от Бостона в городе Кембридже (штат Массачусетс) находится старейший в Соединенных Штатах Америки Гарвардский университет. Основан он был как колледж еще в 1636 году, а с 1639 года носит имя английского министра, бакалавра искусств Дж. Гарварда, эмигрировавшего в Америку и завещавшего колледжу половину своего имущества и библиотеку. Со второй же половины XIX века Гарвардский университет стал центром культурной жизни США. Эта традиция сохранена и до нашего времени.

В этом центре культуры Соединенных Штатов Америки в феврале 1992 года я впервые познакомился с Александром Моисеевичем Некричем. В Гарварде он был профессором в Русском центре университета, преподавал советскую историю и работал над новыми книгами. При первой встрече он принял меня в небольшой комнате-офисе. Передо мной был невысокого роста, подтянутый, даже несколько худощавый человек. Впервые же я узнал имя Александра Моисеевича Некрича в 1965 году, когда увидел в книжном киоске Физического института имени П.Н. Лебедева Академии наук СССР его книгу «1941. 22 июня». Книга эта была раскуплена быстро. Она произвела сильное впечатление на меня и на моих коллег по Физическому институту. В то время расследовать правду, основанную на документах, о преступлениях и просчетах Сталина и его окружения, поставивших нашу страну на край завоевания ее гитлеровской Германией, было далеко не безопасно. На это требовалось мужество, осознание большого долга честного ученого-историка перед своими соотечественниками. Позднее в газете «Морнинг стар» (орган Компартии Великобритании) я прочел маленькую заметку, в которой сообщалось, что за эту книгу А.М. Некрич был исключен из партии. Потом я узнал, что автор вынужден был, через десять лет после исключения из КПСС, покинуть СССР. И много позже я прочел его книгу «Отрешись от страха». Это воспоминание советского историка, которое раскрывало «тайную лабораторию» его преследований в нашей стране. Страницы этой книги рассказали о том, как тяжело было крупному ученому в СССР, когда вслед за исключением из партии и запрещением его книги «1941. 22 июня» последовала многолетняя травля и возведение препятствий на пути его исследований на историческом поприще.

«Вот и пришло время, – пишет он с горечью в 1972 году еще в Москве, – для воспоминаний. Мне 52 года. Я уже чувствую безостановочное движение времени. Оно измеряется все меньшими и меньшими величинами: сначала то была вечность, затем десятилетия, потом годы, а теперь счет идет уже на месяцы, недели, дни и снова наступит вечность...

[1] Опубликовано в сборнике «Отрешившийся от страха. Памяти А.М. Некрича». Институт всеобщей истории РАН. Москва 1996 г.

Уже прошло шесть лет, как круг моих служебных обязанностей сгущается все больше и больше. Мое исследование по истории внешней политики Великобритании третий год лежит без движения, апробированное специалистами, утвержденное к печати Ученым советом института и заблокированное в редакционно-издательском совете Академии наук СССР. Мои протесты оставлены без внимания. У меня нет аспирантов, так как мое начальство полагает, что ничему хорошему я их научить не могу.

Время от времени, раз в год или в два, напечатают в институтском малотиражном издании мою статью, и все мои коллеги поздравляют меня с таким радостным видом, как обычно восхищаются успехами второгодника, который наконец-то перешел в следующий класс...»[1].

Понятно, что Александр Моисеевич Некрич задыхался в той атмосфере, которая была организована власть имущими вокруг талантливейшего историка. И еще строки, которые раскрывают А.М. Некрича, как человека, который всегда думал о людях: «Я знаю, – пишет он, – что расскажу не о всех событиях и не о всех их участниках, так как большинство из них живет в Советском Союзе, и я боюсь ненароком повредить им. Но хочу упомянуть добрым словом моих друзей и знакомых, даже не называя их по именам. Пусть не сочтут мое умолчание за обиду»[2].

Из этого можно заключить, что автор «Отрешись от страха» понимал, что его воспоминания могут быть опубликованы только за рубежом. И как же он, думающий о судьбе людей, которым хотел отдать свой человеческий долг, ибо знал их с положительной стороны, волновался в период написания работы, чтобы не повредить им.

Потом я узнал, что, будучи исключенным из партии, Александр Моисеевич трижды обращался с личными письмами к Леониду Брежневу, но генсек остался глух, как и все его окружение. «Я вырос, – пишет он в письме к генсеку от 4 июля 1967 года, – в семье советских патриотов. Отец был одним из старейших советских журналистов-международников. Старший брат, политработник Красной Армии, погиб на Курской дуге. Сам я также был политработником во 2-й Гвардейской армии и прошел с ней весь ее боевой путь от Сталинграда до Кенигсберга. На фронте же я вступил в партию (до того был комсомольцем). Боевые награды — свидетельство честного служения нашей семьи Отечеству... Я писал книгу, исходя из главного побуждения: чтобы 22 июня 1941 года никогда больше не повторилось»[3].

Узнал я, что Александр Некрич в 1941 году, когда ему был 21 год, ушел в рядах отдельного артдивизиона Краснопресненской ополченской дивизии простым бойцом защищать Москву. Войну он окончил в звании гвардии капитана и наградами: двумя орденами Красной Звезды, медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией» и др. И этот человек, воин-патриот, после войны приступил к кропотливым историческим исследованиям, чтобы новые поколения молодежи знали правду о самой страшной в истории человечества — второй мировой войне. И ему не давали говорить эту правду.

При встрече на его лице можно было прочесть, что он прошел через многие испытания. Но разговор сложился так, что расспрашивал меня больше именно он. И я рассказал Александру Моисеевичу о своих поисках в архивах США писем и других материалов, связанных с моим отцом. Было видно, что мой рассказ заинтересовал его. Он рассказал, вспоминая свои поездки в СССР, которые были незадолго до нашей встречи, что ему удалось получить документы в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС для изучения, ряд интереснейших из них копировать, которые раскрыли тайны заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) за период с конца

[1] А. Некрич. Отрешись от страха. Воспоминания историка. Лондон. Многоязыковый издательский центр. 1979. С.7.

[2] Там же.

[3] «Кентавр». 1994. № I. С.100.

1920-х годов. Он не только рассказал об их содержании, но и подарил мне выписку, подготовленную им для новой книги, где содержалась информация о том, как Сталин взял под свой контроль деятельность Академии наук СССР. В выписке говорилось о создании комиссии в связи с предстоящими выборами в члены Академии наук СССР. Выборы состоялись в январе 1929 года. Цель комиссии: изменить состав АН СССР, чтобы поставить ее под контроль Сталина. Все кандидаты в академики были поделены на три категории. Первая – члены ВКП(б), вторая обозначена так: «кандидаты ближе к нам» и третья – «кандидаты приемлемые», и среди них были Н.И. Вавилов, В.А. Обручев, И.А. Каблуков. Было признано необходимым, чтоб один из вице-президентов Академии наук был бы «абсолютно своим человеком». В конце беседы Александр Моисеевич позвонил директору Русского центра, известному американскому историку Адаму Уламу, автору объемного труда о Сталине, и обратился к нему с просьбой принять меня для беседы. Понятно, что право на въезд в СССР Александр Моисеевич получил лишь в самом конце 80-х годов. По его лицу и из разговора можно было заключить, что ему трудно без родины. Теперь, при нашей встрече, чувствовалось, что он очень рад, доволен тем, что я нашел его в Кембридже. Перед уходом я подарил Некричу ксерокопии найденного мной в Национальном архиве США в Вашингтоне подлинника письма американского генетика Давенпорта от 17 декабря 1936 года на имя госсекретаря США с просьбой обратиться к Советскому правительству с протестом по поводу состоявшихся и готовящихся арестов генетиков Н.И. Вавилова, И.И. Агола и С.Г. Левита. В документе-ответе Госдепартамента говорится, что это не имеет непосредственного отношения к интересам США и его гражданам. Александр Моисеевич обещал использовать этот материал в своей книге. Во время трехнедельного пребывания в Гарварде я еще несколько раз встречался с Александром Моисеевичем и оценил его большую доброжелательность и открытость. Во время семинара в Русском центре университета я убедился как высоко ценили ученые мнение Александра Моисеевича Некрича. Я с нетерпением ждал известий о выходе его книги. Но жизнь А.М. Некрича трагически оборвалась.

Он умер 31 августа 1993 года в Бостоне после непродолжительной тяжелой болезни. Ему шел 73-й год. 17 лет он провел на чужбине. Некоторое время тому назад я прочел статью Л.П. Петровского «Дело А.М. Некрича». Из нее я узнал, что в трудное для Академии наук СССР время, в период проведения кампании борьбы с «безродными космополитами» мой дядя Сергей Иванович Вавилов, в то время президент АН СССР, помог Некричу, издав приказ о зачислении его в штат Института истории СССР младшим научным сотрудником. Было это в феврале 1950 года.

Только сейчас вышло из печати 2-е, дополненное и переработанное издание книги А.М. Некрича «1941. 22 июня». Думаю, что этому порадуются его друзья и товарищи, коллеги по научным исследованиям в России и США. Правда истории медленно, но пробивает себе дорогу к новым поколениям.

В Гарвардском университете хранят память о многих видных ученых, которые еще при рождении университета и до наших дней трудились в его стенах, отдавали свои знания и передавали традиции любви к людям. Среди таковых был и известный всему миру выдающийся американский поэт XIX века Генри Лонгфелло, автор всемирно почитаемых «Стихов о рабстве», «Песни о Гайавате» и многих других произведений. Строками из его стихов я хочу окончить эти небольшие воспоминания:

Так славной жизни свет
К отваге нас зовет,
Не гаснет он во мраке лет
И нас ведет вперед.

Александр Моисеевич Некрич жил, сражался, творил, чтобы приносить людям счастье. Он и сегодня среди тех, кто ведет сражение за правду в истории.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ВЫСТУПЛЕНИИ Ю.Н.ВАВИЛОВА В ЧИКАГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
GEOGRAPHY & ENVIRONMENT WORKSHOP

Three Trips of Academician N. I. Vavilov to the U.S: His Scientific Relations with American Scientists
(with slides and transparencies)

Dr. Yuriy N. Vavilov
Lebedev Institute of Physics
Academy of Sciences, Moscow

Academician N. I. Vavilov (1887-1943) was one of the most distinguished figures of Russian and international science in the 20th century. He was agronomist, botanist, geneticist, plant breeder, geographer, and explorer for wild progenitors of cultivated plants. His *Origin of Cultivated Plants*, 1926, a classic in the history of science, was also a major contribution to geography.

****

Wednesday, February 26, 1992, at 3:30 pm

Albert Pick Hall for International Studies, Room 319
5828 South University Avenue

Articles on N.I. Vavilov can be obtained
at Pick 301 and the third floor lounge a few days prior to the presentation.

ПРОФЕССОР ДЖЕК ХОУКС – АНГЛИЙСКИЙ УЧЕНИК Н.И. ВАВИЛОВА

В октябре-ноябре 1993 г. состоялась моя командировка в Англию по договору о научном обмене между учеными Российской академии наук и Лондонским Королевским Обществом (Английской Академии наук). Цель моей поездки – сбор материалов о научных связях Н.И. Вавилова с учеными Великобритании в связи с подготовкой к изданию институтом Истории естествознания и техники РАН многотомной международной переписки Н.И. Вавилова. Были запланированы также мои выступления в ряде университетов о научных связях отца с английскими учеными.

Помог осуществить поездку в Англию директор Института кристаллографии РАН академик Борис Константинович Вайнштейн. Он, будучи председателем комиссии Российской академии наук по научному сотрудничеству РАН с Лондонским Королевским Обществом, написал письмо Президенту Королевского Общества Очайя, в котором подтвердил актуальность получения в архивах Англии материалов о научных связях моего отца с учеными Англии.

Большую часть пребывания в Англии я провел в Лондоне, посещая Королевское Общество, Линнеевское Общество, Лондонский университет. С однодневным визитом я посетил университеты близких от Лондона городов: Кембридж, Норич, Рединг и Саутхемптон, а в университете города Бирмингема я был с двухдневным визитом.

В Бирмингемском университете я был гостем проф. Хоукса, тогда 78-летнего эмеритус-профессора, выдающегося английского растениевода, лично знавшего Н.И. Вавилова и считавшего его своим учителем. Знакомство с ним состоялось еще в 1987 г. на Международном семинаре в г. Гатерслебене (ГДР), посвященном 100-летию со дня рождения Н.И. Вавилова, куда я приехал в составе советской делегации, направленной АН СССР на празднование 100-летия Н.И. Вавилова в ГДР.

Из беседы с Джеком Хоуксом я узнал, что еще совсем молодым ученым, окончившим знаменитый Кембриджский университет, он приезжал в Москву и Ленинград и познакомился лично с моим отцом. В 1994 г. он прислал мне в Москву текст своего дневника, где описаны его впечатления от поездки в СССР, встреч с Н.И. Вавиловым, Т.Д. Лысенко и др.

Странички дневника проф. Хоукса я передал для публикации в старейший научно-популярный журнал АН СССР «Природа». Английский текст дневника Хоукса был хорошо переведен на русский язык заместителем главного редактора «Природы» проф. А.К. Скворцовым и опубликован в 12-м номере журнала в 1995 г.

В ноябре 1987 г. Д. Хоукс, будучи членом весьма престижного Линнеевского общества Англии, основанного в 1788 г., организовал научную сессию общества, посвященную 100-летию со дня рождения Н.И. Вавилова.

Научные доклады на этой сессии были изданы в специальном выпуске журнала Линнеевского общества в 1988 г.

Мой двухдневный визит в Бирмингемский университет был очень приятным, начиная от встречи с Хоуксом на железнодорожном вокзале станции, находящейся поблизости от университетского городка. Хоукс приехал на своем недавно приобретенном «Форде», которым управлял сам. Он привез меня в свой офис на биологическом факультете университета. На одной из стен комнаты висел большой плакат с портретом Н.И. Вавилова, извещавший о конференции, посвященной его 100-летию, состоявшейся в 1987 г. в Римском Международном институте генетических ресурсов растений.

В Бирмингемском университете состоялось мое выступление. Было приятно видеть среди присутствовавших слушателей много молодежи, студентов и аспирантов из

так называемых развивающихся стран, учащихся в Бирмингемском университете, выходцев из стран Латинской Америки и Африки. После моего выступления ко мне подошел аспирант из Эфиопии, особенно интересовавшийся жизнью и деятельностью моего отца. Я ему подарил на память несколько фотографий Н.И.

Третий раз я был рад увидеться с проф. Д. Хоуксом в Санкт-Петербурге осенью 1994 г., когда там торжественно отмечалось 100-летие со дня основания Всероссийского института растениеводства им.Н.И. Вавилова. Д. Хоукс выступал на заключительном юбилейном заседании с теплыми словами в адрес института и его создателей.

Ниже публикуются краткие сведения о жизни и деятельности Д. Хоукса, опубликованные в журнале «Природа», и странички дневника Хоукса 1938 г.

АКАДЕМИК Н.И. ВАВИЛОВ

Дж. Г. Хоукс

Автор публикуемых заметок о Н.И. Вавилове – Дж.Г.Хоукс (J.G. Hawkes) – выдающийся английский специалист в области растениеводства, исследования и сохранения генетических ресурсов растительного мира.

Хоукс родился в 1915 г. в Бристоле; в 1937 г. окончил Кембриджский университет. Находясь под впечатлением публиковавшихся в 30-е годы работ Вавилова, решил специлизироваться по прикладной ботанике. На самом пороге Второй мировой войны, в августе-сентябре 1938 г., Хоуксу удалось посетить СССР и непосредственно познакомиться с работами Вавилова и руководимых им институтов. Сразу по возвращении в Англию, в декабре 1938 г., Хоукс отправился в составе экспедиции Британского бюро прикладной генетики в 10-месячную экспедицию в Южную Америку. В пяти странах было собрано 2 тыс. образцов дикого и культивируемого картофеля. По словам самого Хоукса эта экспедиция определила всю его дальнейшую жизнь. До 1948 г. он работает в Кембридже с коллекцией картофеля, изучая биологию и систематику, рассылая живой материал селекционным учреждениям во все страны Британского содружества. В последующие три года по приглашению правительства Колумбии организует исследовательскую и селекционную работу с картофелем в Боготе. Возвратившись в Англию, читает лекции в университете Бирмингема, где впоследствии заведует отделом биологии растений. Продолжая интересоваться преимущественно картофелем, организует еще ряд экспедиций почти во все страны Средней и Южной Америки.

Вместе с тем в 60 – 70-е годы Хоукс наряду с другими выдающимися западными деятелями в области прикладной ботаники и интродукции растений выступает как пропагандист и организатор формирования широкой программы «Генетические ресурсы растений» в качестве самостоятельной научной дисциплины, со специальной подготовкой соответствующих научных кадров, особенно из числа начинающих исследователей в странах третьего мира. Сам Хоукс воспитал целую плеяду молодых ученых из этих стран. В течение 30 лет он возглавлял секцию генетических ресурсов в Европейской ассоциации селекционеров растений и активно способствовал организации генных банков в ряде стран. Автор, соавтор и редактор множества научных публикаций по картофелю, семейству пасленовых и по растительным ресурсам, награжденный несколькими международными почетными медалями (в том числе имени Н.И. Вавилова), он и после выхода на пенсию в 1983 г. продолжает активную деятельность.

Свидетельством признания научных заслуг профессора Хоукса было избрание его в 1990 г. на пост президента Линнеевского общества в Лондоне – старейшего научного общества Англии, основанного в 1788 г. (этот пост Хоукс занимал вплоть до 1994 г). В 1987 г. он организовал научную сессию общества, посвященную 100-летию со дня рождения Н.И. Вавилова.

Публикуемые ниже заметки сделаны во время посещения СССР. Этот визит имел целью познакомиться с результатами русских экспедиций Н.И. Вавилова, С.М. Букасова и С.Ю. Юзепчука в Южную Америку для сбора образцов картофеля, чтобы, отталкиваясь от русских работ, организовать в 1938–1939 гг. британскую экспедицию. Автор был тогда начинающим исследователем в Кембриджском университете и работал над диссертацией по систематике и эволюционным связям дикого и культурного картофеля. Заметки были присланы автором сыну Н.И. Вавилова, Юрию Николаевичу Вавилову, который любезно передал их нашему журналу. Нам кажется, что они и сейчас представляют интерес; публикуем их с согласия Дж. Хоукса с незначительными сокращениями. Сведения о биографии автора частично почерпнуты из журнала «Diversity» (1993, V.9, N1-2, P.37-39).

26 августа

Утром меня встретил С.М. Букасов и проводил в Академию сельскохозяйственных наук им. Ленина[1], где я был представлен директору Н.И. Вавилову и его сотрудникам. Затем мы отправились на экспериментальную станцию «Красный Пахарь», расположенную рядом с Ленинградом.

Вернулись около 8 часов вечера; я был приглашен Вавиловым на обед. У него небольшая квартира (жена и сын были в это время в Москве); здесь я встретил также Е.В. Вульфа, специалиста по географии растений. Мое первое непосредственное впечатление от Вавилова: это веселый, общительный человек, с которым сразу чувствуешь себя свободно, и очень интересный собеседник.

Я спросил Вавилова о Лысенко. Казалось, он не чувствует никакой угрозы со стороны Лысенко; скорее он относится к нему как к своего рода развлечению. Весь разговор я не запомнил, но суть сводилась к следующему. Лысенко сделал хорошую работу по яровизации и по предотвращению «вырождения» картофеля путем выращивания в более холодное время года. Я спросил Вавилова: быть может, причина «вырождения» – не жара, а вирус, и прохладная погода благоприятна для картофеля не сама по себе, а потому, что (по наблюдениям в Англии) на холоде отсутствуют насекомые-переносчики вируса. Это предположение заинтересовало Вавилова, и он обговорил его с Букасовым (в России соответствующих энтомологических исследований еще не было).

В теории, развиваемые Лысенко, Вавилов не верил. Он считал, что тот просто везуч и способен что-то интуитивно угадывать, но, в сущности, не ученый и уж во всяком случае не генетик, поскольку не имеет никакого представления о современной генетике. Лысенко признает только три авторитета: Дарвина, Бербанка в Америке и Тимирязева в России. Все прочие ученые – «буржуазные и антидарвинисты». Но Лысенко обладает замечательной способностью себя рекламировать, и правительство и широкая публика – на его стороне. Все свои результаты он получает быстро. Его последняя теория касается картофеля – это получение якобы вегетативных гибридов путем прививки Solamun demissum на S.tuberosum. Этим якобы доказывается ошибочность всей хромосомной теории наследственности. Единственное, что беспокоит Вавилова – то, что Лысенко за его счет получает для своей работы больше денег. Правительство постоянно требует от Вавилова практических результатов, а от Букасова – новых хороших сортов картофеля.

27 августа

Снова день в Красном Пахаре. Знакомство с коллекциями картофеля и обсуждение планов предстоящей британской экспедиции; в Ленинград вернулись около 10 часов вечера на квартиру Вавилова. А затем я пошел с ним в оперу. Хотя половина спектакля уже прошла, мы заняли места прямо в середине первого ряда.

[1] Имеется в виду посещение ВИР (Всесоюзного института растениеводства) в Ленинграде, входившего в состав ВАСХНИЛ.

28 августа

Небольшой завтрак с Вавиловым. Он мне показывает заметку в газете о моем приезде в Россию. Затем мы отправляемся в Пушкин, где расположены экспериментальные участки Института генетики. За день хождения по участкам я получил столько информации, что ее всю трудно было усвоить.

Прежде всего Вавилов показал мне свою коллекцию пшениц со всего света. В ней представлены все мыслимые типы. Образцы из Китая все совершенно безостые, и он думает, что это, возможно, особый вид. В Китае он нашел также безостый ячмень. Поэтому считает, что в некоторых районах возможна параллельная или конвергентная эволюция разных культур. Мутации, имеющие разную направленность, отбираются в определенной среде таким образом, что сходные фенотипические признаки, возможно, возникают из очень различных исходных генотипов. Это теоретическое заключение имеет бошую практическую ценность. Скажем, если мы знаем, что в Китае встречается безостая пшеница, и хотим найти также и безостый ячмень, то скорее всего его можно встретить в том же Китае. Конечно, дело вовсе не в родстве пшеницы с ячменем, а в определенном едином типе внешней среды. Проблема центров происхождения культурных растений связана также с факторами, специфически присущими тем или иным цивилизациям. При этом не всегла сразу видно, насколько человек формирует среду и насколько, наоборот, среда воздействует на характер цивилизации; вероятно, обе стороны взаимно влияют друг на друга.

Мы также подробно осмотрели участки селекции льна. Поставлена задача: придать мощным прямостебельным формам, дающим хорошее волокно, высокую урожайность масличных семян. По ходу работы в ряду скрещиваний были получены некоторые совершенно неожиданные результаты. Например, при скрещивании обычной, средней по признакам европейской линии льна с малорослой простертой формой из Туркестана получили необычно сильнорослое потомство. Обращая внимание на этот случай, Вавилов замечает, что нельзя точно предсказать все результаты скрещиваний, поэтому генетика пока что еще не может вооружить селекционера таким предвидением, какого хочет правительство. Отсюда и появление Лысенко.

После ланча дома у Вавилова в Пушкине (у него три квартиры: в Ленинграде, Москве и Пушкине) Букасов повел меня осматривать поля картофельных гибридов. Это были гибриды Solanum acaule с другими различными видами.

Говоря про Вавиловские пшеницы, я забыл упомянуть яровизацию. Ее эффект поистине поразителен. Нeяровизированные растения – еще зеленые, с недозрелым зерном, некоторые еще только цветут. Яровизированные же стоят желтые, с вполне зрелым зерном, готовые к уборке. Однако легко было заметить, что у яровизированных урожайность меньше – и это недостаток метода яровизации.

Затем мне показали работы Карпеченко и его сотрудников: Луткова, Щавинской и Разумова.

29 августа

В Институте растениеводства мне показали гербарные образцы Solanum iuzepczukii и несколько карт распространения видов картофеля в Америке. Затем вместе с Букасовым еду в Пушкин. Здесь меня представляют Федотову – специалисту по люпину; у него есть безалкалоидные люпины, которые он намеревается селекционировать на высокую урожайность в кормовых целях. На вкус похож на обычный горох. Федотов просит меня собрать в Южной Америке семена Lupinus mutabilis и других видов.

31 августа

Весь день в Красном Пахаре. Вечером приезжает Вавилов и увозит меня на автомобиле к себе домой в Пушкин. Здесь показывает мне экземпляр журнала «Яровизация» с большой статьей Лысенко против генетики. Лысенко изображает менделистов и

морганистов самыми черными красками как псевдоученых. Вавилов собирается дать критический ответ, но сомневается, что сможет его опубликовать.

Мне Вавилов желает привезти из предстоящей экспедиции в Южную Америку не менее 12 новых видов картофеля!

1 сентября

В Ботаническом институте (впоследствии имени В.Л. Комарова. – *Ред.*) встретился с С.В. Юзепчуком, который дал мне несколько очень полезных советов, где в Южной Америке следует проводить сборы.

2 сентября

Вавилов, Букасов, Юзепчук и я в машине Вавилова снова отправились в Пушкин. Здесь Вавилов показывал пшеницы Юзепчуку и излагал свои взгляды на систематику культурных растений. Видимо, он считает, что в этой области подошло время революции в идеях и методах. Старую систематику он пытается заменить дифференциальным анализом форм. Этот же метод он хочет применить к картофелям S.andigenum и S.tuberosum. Он теперь думает, что первичный центр происхождения картофеля – Анды, в районе озера Титикака, в Чили – вторичный центр. То же и с пшеницей: первичный центр – Юго-Западная Азия, а Китай – вторичный центр, возникший благодаря ряду экологических и агрикультурных факторов. Я заключаю, что методы Вавилова должны еще шире применяться к картофелю Андов и Чили и, думаю, особенно – к промежуточно расположенным районам. Вавилов пишет статью о систематике культурных растений для редактируемого Дж. Хаксли сборника «Новая систематика» (вышел в свет в 1940 г.: «The New Systematics», Ed. J.Huxley – *Ред.*).

3 сентября

Мы едем в Павловск, затем в Красный Пахарь. Вавилов сообщает мне, что необходимая подготовка к моему визиту в Москву сделана. Выезжаю в Москву ночным поездом.

4 сентября

Из Москвы – в Институт картофеля в Кореневе (Малаховка) и обратно в Москву.

5 сентября

Вавилов в Москве; пригласил меня в Институт генетики, показал лаборатории и познакомил с коллегами. Институт пока во временном помещении, новое здание почти достроено, но еще не готово принять лаборатории. Это первый генетический институт в Союзе, для которого строится специальное здание, и Вавилов этому очень радуется. Так, вопреки Лысенко, Вавилов все же еще мог получать от правительства деньги на подобные проекты. Здесь я встретил Д. Костова (болгарина) и имел с ним длинный разговор.

Вавилов познакомил меня со своей новой схемой диверсификации пшениц, льна, некоторых бобовых, имеющих центром разнообразия Малую Азию. Отсюда культуры распространились в Азию, Африку, Европу. Это все – он подчеркнул – травянистые однолетники. Перечисляя признаки каждой формы в каждом регионе, он смог показать, что у обитающих в одном регионе, но не родственных между собой растений проявлялись некоторые общие признаки. Очевидно, что это может очень помочь поискам нужных селекционеру качеств – например устойчивости к болезням и др.

Сравнительный анализ различных пищевых бобовых из Азии показал, что в ходе прогрессирующего окультуривания доминантные признаки окраски теряются. Наоборот, размеры и пищевые достоинства увеличиваются.

Вавилов также показал мне карту главных центров одомашнивания животных – как и можно было ожидать, они в грубых чертах соответствуют центрам окультуривания растений.

6-7 сентября

В институте Вавилова, с Букасовым. Затем у меня взял интервью корреспондент «Правды». Я критиковал работу Лысенко и хвалил Вавилова. Корреспондент

попросил меня написать статью для «Правды» – мнение британского ученого относительно Лысенко.

10 сентября

Последний день в Ленинграде. Я сказал Вавилову про мою статью на счет Лысенко. Он засмеялся и заметил, что она, конечно, не будет напечатана. В этом он ни минуты не сомневался. Показал мне еще некоторые ведущиеся в институте работы.

Он все более и более восхищает меня – такая редкая комбинация человека практики и теоретика. Он сделал обзор экологических условий России для целей земледелия и рекомендовал для каждого региона наиболее подходящие культуры. Его мировая коллекция сохраняемых в институте семян колоссальна, она требует много рабочих рук для ее поддержания. Семена высеваются в среднем через каждые три года на подходящих по климатическим условиям опытных станциях института, разбросанных по всей стране. Он провел меня через все отделы института, познакомил со всеми, но, конечно, я не запомнил почти ни одного имени.

Вавилов надеется приехать в Англию на генетический конгресс в 1939 г. Проблемы денег нет, в этом году он получил бюджет даже больший, чем в прошлом. Однако идет борьба между ним и Лысенко, что делает ситуацию напряженной, поскольку в глазах правительства Лысенко не может быть неправ. В этом году Лысенко уже президент, а Вавилов – вице-президент ВАСХНИЛ. И когда Вавилов будет испрашивать разрешение на выезд в Англию, Лысенко может воспротивиться.

Мне кажется, я теперь понял, почему советское правительство такого высокого мнения о Лысенко: он представляет не столько конкретную личность, сколько идею. Из крестьян он поднялся до академика – высшей ступени советской интеллектуальной элиты. Заслуживает ли он этого – уже другой вопрос. Главное – что при новом режиме человек может с самых низов подняться до самых высших ступеней благодаря только своим достоинствам. Это, конечно, великое дело, но мне кажется, что выбиравшие Лысенко на высокий пост исполняли чье-то желание. Вавилов не мог иметь подобных притязаний, ибо он смог получить образование еще до революции, притом даже и в Англии, и в Америке. Вавилов не говорит, как это делает Лысенко, что он обязан всем коммунизму. Вавилов был бы велик при всех обстоятельствах.

Попрощавшись с Вавиловым и Букасовым, я вернулся в гостиницу и вечером выехал домой поездом через Финляндию.

Перевод А.К. Скворцова

ВСТРЕЧА С ГЛАВНЫМ БИБЛИОТЕКАРЕМ США ДЖЕЙМСОМ БИЛЛИНГТОНОМ

В центре Вашингтона на Капитолийском холме, недалеко от зданий Конгресса расположены здания главной библиотеки США – библиотеки Конгресса. Это самая крупная библиотека в мире. Она была основана в 1800-м году при президенте Джоне Адамсе.

Во время своей первой поездки в США я несколько раз посетил эту знаменитую библиотеку. Это было в декабре 1991 и январе 1992 годов. В отделе рукописей и газет, где имеются микрофильмированные тексты всех номеров главной газеты США «Нью Йорк Таймс», я нашел упоминания о приезде в США моего отца, а также о репрессиях советских генетиков: Агола, Левита и моего отца[1].

В библиотеке Конгресса приятно было встретить хорошее отношение. Так, например, заведующая испанского отдела Блазиер, зная о моем интересе к поездкам отца в

[1] Сообщение об аресте Агола, Левита и Н.И. Вавилова появилось в «Нью-Йорк Таймс» в декабре 1936 года. Агол был арестован в Киеве. Левит в следующем, 1937-м году, а Н.И. Вавилов только в 1940-м. Мой отец давал опровержения по поводу своего ареста в 1936 году в газету «Известия».

Центральную и Южную Америку, сделала для меня ксерокопии из журналов, где были упоминания о работах Н.И., связанных с Латинской Америкой.

В один из дней посещения библиотеки Конгресса я и находившаяся в Вашингтоне научная сотрудница Института всеобщей истории РАН Ирина Супоницкая были приглашены на встречу «русскоговорящих» в одной из комнат библиотеки Конгресса. Там я познакомился с Еленой Александровной Баллеранд (урожденной Скворцовой), русской женщиной, дочерью русского эмигранта Александра Скворцова, которая, прожив много лет в Гонконге, переехала в восьмидесятые годы в США со своим мужем и жила недалеко от Вашингтона в Вирджинии. Елена Александровна превосходно говорит по-английски. Впоследствии я узнал, что дядя Е.А. Баллеранд Борис Васильевич Скворцов был известным ботаником и переписывался с моим отцом. Переписка Н.И. Вавилова со Б.В. Скворцовым опубликована во 2-м, 3-м и 4-м томах «Международной переписки Н.И. Вавилова».

Во время моего второго приезда в США весной 1999 года я посетил директора библиотеки Конгресса Джеймса Биллингтона вместе с Е.А. Баллеранд с целью получить его рекомендацию на подготовку к изданию в США биографии Н.И. Вавилова. Е.А. Баллеранд предварительно послала письмо Джеймсу Биллингтону с просьбой принять меня и договорилась с его помощниками о дне приема. Попасть на прием к Биллингтону, чрезвычайно занятому человеку, довольно сложно.

Директор библиотеки Конгресса, высокий представительный человек, приветливо принял нас в своем просторном кабинете. Вместе с ним в кабинете находились помощница Биллингтона Ирена Стеклер и сотрудник европейского отдела, специалист по России Гарольд Леих. В США директора библиотеки Конгресса называют библиотекарем Конгресса и известен он не только в США, но и во многих странах мира, особенно в России.

В 2001 году, Д. Биллингтон был избран иностранным членом Российской академии наук. Д. Биллингтон – крупный историк русской культуры, особенно религии. Он автор ряда книг по истории русской культуры. Биллингтон много раз посещал Советский Союз и Россию. Он был учеником и другом известного ученого и общественного деятеля академика Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Еще в 60-е годы Д. Биллингтон долго жил в СССР вместе с семьей. Он хорошо изучил русский язык и свободно, почти без акцента, говорит по-русски.

Во время тридцатипятиминутного нашего визита к Биллингтону он подтвердил, что издание биографической книги о Н.И. Вавилове представляет интерес для американцев и он готов подписать рекомендательное письмо американским издателям.

Я подарил Джеймсу Биллингтону книгу отца «Пять континентов» о его путешествиях по земному шару. Книга была издана на английском языке Международным институтом генетических ресурсов растений в Риме совместно с учеными министерства земледелия США. Передал я Биллингтону также оттиск статьи о С.И. Вавилове на английском языке сотрудников ФИАН Б.М. Болотовского, А.Н. Киркина и Ю.Н. Вавилова, опубликованную в журнале «Успехи физических наук» в 1998 году, а также изданную позже в ФИАНе отдельным оттиском.

В конце нашего посещения Д. Биллингтона мы сфотографировались.

ЧАСТЬ II. Н.И. ВАВИЛОВ: ПИСЬМА, ВЫСТУПЛЕНИЯ, ДОКУМЕНТЫ, СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ О НЕМ

Н.И. Вавилов не просто человек, а это явление природы.
Совершенно исключительное явление природы
Н.В. Тимофеев-Ресовский

Глава 1. ПИСЬМА И ВЫСТУПЛЕНИЯ Н. И. ВАВИЛОВА

ИЗ МОСКВЫ В САРАТОВ ЕЛЕНЕ ИВАНОВНЕ БАРУЛИНОЙ

Ночь.
1 октября 1920 года.

«Милая Лена, сегодня приехал в Москву и получил твое первое письмо. Оно было мне так нужно. Ведь, право, так много недоговорено. Как ни досадно, лучше все же общаться хоть почтой. Нам надо близко знать друг друга. Ты, конечно, должна все сказать, что связывает тебя. Все, что узнал из письма, еще дороже сделало для меня тебя, милая Леночка. Я не мог не думать, что ты не любила и не была любима. Это так естественно. Мне больно причинять горе другому, я всегда хотел бы избежать этого. Это удерживало долго от признания. Я бы хотел, чтобы все вышло возможно мягче. Я очень близко знал свою покойную сестру Лиду, которую очень любил и которую нельзя было не любить, и пережил много ее увлечений и ее увлечения были в среде моих ближайших друзей. Когда-нибудь ты об этом узнаешь. Жизнь научила осторожно относиться к людям.

Но жизнь надо строить, как подсказывает чувство и разум. И у меня нет сомнений, что оба мы правы. Мне м. б. проще, ибо давно не первый год мне ясно, что между женой и мной мало общего. Это чувствовалось, и не мною одним. Как натуралист я объективно мог анализировать себя. Научная работа давала импульс жизни, позволяла не углублять анализа. Но результаты его мне были ясны давно. Любить — это постоянно хотеть видеть любимого человека, хотеть постоянно делиться с ним своими переживаниями, жить с ним в унисон и, если возможно, работать с ним вместе. Этого, Лена, не было. Любовь я понимал как святое святых души. Можно увлекаться, можно м. б. любить?.., но всерьез нельзя любить много раз.

Для того, чтобы любовь была крепка, сильна, надо знать друг друга, понимать. Милая Лена, мне страшно хочется после твоего ответа, чтобы любовь наша была сильна и крепка. Не зная тебя в личной жизни, я полюбил тебя. По мелочам, по обрывкам твоей личной жизни на моих глазах я реставрировал в уме твою жизнь. Я понял инту-

итивно, что я могу тебе сказать, что люблю тебя. О самом себе мне по существу сказать, вероятно, можно немногое.

Я не пессимист, скорее оптимист. Юношеская жизнь прошла не так полно, как хотелось бы. Жену свою знаю давно, со студенческих лет, но не близко. Это была самая умная, образованная слушательница в Петровке, которую уважали все от студентов до профессоров. Она была старше меня на год. Была попытка пойти одной дорогой, но из этого ничего не вышло. Тем более, что этому мешал и тяжелый характер Екатерины Николаевны.

И единственное, что связывает нас, — сын, которого нельзя не любить. Я очень хотел бы, чтобы он был дорог и тебе. В нем многое моего и мне хотелось бы передать ему все лучшее, что смогу. Я привык жизнь свою связывать с будущим. Это путь верный,— в этом я глубочайше убежден и как биолог и иначе не могу думать. Мать моя добрая простая, уже почти старуха. Горе за горем в семье сделали ее нервной, плохо разбирающейся в людях. Нас она мало понимает, но очень любит, и я очень ее люблю. Она не скоро поймет все и за Олега будет строга.

Брата Сергея я люблю, хоть мы и не очень близки с ним. Он очень способный и будет, вероятно, выдающимся физиком. Он очень уважает Ек. Ник-ну и, конечно, будет не на моей стороне, по крайней мере первое время. У нас в семье держатся старых традиций, которые я сам не одобряю. Старшая сестра, пережившая сама многое, относится очень просто и спокойно, как и я сам поступил бы. Жизнь свою каждый решает сам.

Нас в семье трое, сестра Александра Ивановна очень энергичная, дельная, у ней двое детей и она недавно вышла снова замуж, на мой взгляд, неудачно, мы не очень близки. В начале войны умерла от черной оспы сестра Лида, которая была общей любимицей. Она была замужем за проф. И. П. Макаровым. Ей он посвятил свою книгу «Эволюция крестьянского хозяйства». Отец был крупным промышленником и коммерсантом. Начал с ничего. Пользовался большим уважением. Отец, по-видимому, умер, но точно я не знаю. Все мы очень самостоятельные, хотя были очень богаты и потому не привыкли к устроению своей внешней жизни. Семья теперь бесповоротно разорена.

Мне будет 25 ноября 33 года. Вот краткое откровение. Пишу для того, чтобы вызвать тебя на то же. Мне все интересно знать. Мне хотелось бы, чтобы когда-нибудь, когда со всем примирятся, а это, конечно, будет, быть близким твоей семье, если ты это найдешь нужным.

Вот уже 4-й час, завтра много дела. Пора кончать и заставить себя спать. Милая, любимая Лена, мне так хочется, чтобы во всем мы поняли друг друга, чтобы любовь была сильна. Мне хочется, чтобы мы были друзьями, у которых все общее, и горе и радость. Я бесконечно рад, что мы будем работать вместе. Милая и прекрасная Леночка, мне хочется, чтобы ты была счастлива. Мы правы в поступках. Все сложное разберется. Все трудное преоборимо.

Работы так много. Все говорит за переезд в Петроград. Там будем устраивать вместе жизнь. Пиши, милая, мне так хочется видеть тебя.

Твой Н. В.

2.X. Утро.

Мне хочется многое сделать. Ты знаешь немного планы, да они не вполне оформились. Ты пойдешь вместе, и я счастлив иметь самого близкого милого друга. Жизнь я привык связывать с наукой. Чтобы ты была довольна (будь очень строга), я приложу все усилия. Иногда, как теперь, я чувствую, что смогу сделать что-нибудь. Счастье дает силу. И я давно не был так счастлив.

Твой Н. В.»

ПИСЬМО Н.И. ВАВИЛОВА Е.И. БАРУЛИНОЙ ИЗ МОСКВЫ В ПЕТРОГРАД ЗА ДВА МЕСЯЦА ДО ОТЪЕЗДА В ПЕРВУЮ КОМАНДИРОВКУ В США

26/VI (1921, Ю.В.)

Милая Ленушка!

Все никак нет места и почти времени, чтобы написать тебе, хотя каждый день мне это хочется сделать.

Я чаще думаю о тебе, чем вероятно тебе кажется.

Как вы все живете? Мне часто приходят в голову всякие затруднения и боязнь за вас.

28/VI. Милая, дорогая Ленушка. Это письмо первое за две недели и меня даже мучает совесть, что я не смог писать тебе письма раньше.

Если бы я знал раньше, каких хлопот будет стоить Америка, может быть я воздержался бы от этого предприятия. С утра до ночи хожу пишу бумаги и обхожу всю Москву. Нужны замечания всех ведомств: чека, иностранных дел, наркомзем, первым делом рабкрина (рабочее крестьянская инспекция, *Ю.В.*), внешторга, совнаркома etc. Вчера дело застряло в Чека.

Я все еще не уверен, что выйдет из этого. Хлопоты веду один, здесь конечно никто ничего нам не сделал. Ячевский уже в Питере и я даже боюсь, выпустят ли его из России.

Выехать за границу да еще с золотом это такое предприятие, что мне еще самому кажется невероятным.

Но попробую дерзать. Слишком много затрачено энергии.

Съезд для меня мало был интересен.

Все не ново. Но видел много людей, кое-что сделал для Отдела, делал доклад о нашей будущей и настоящей работе в Петрограде. Получил единогласное одобрение. Доклад я написал и, когда перепишут, перешлю вам в Петроград.

Увидел новую литературу из Америки, Германии.

Немного читаю, но в общем все в Америке.

Мне самому удивительно за терпение и настойчивость.

Но я решил со своей стороны сделать все. Поездка нам всем даст очень много, что надо попытаться. Ты ведь, милая, одобришь. Это нужно.

В Москве живут терпимо. Дома у нас ничего. Олег молодцом, очень развитой и стал еще лучше. Брат и мать живут терпимо. Е.Н. (Е.Н. Сахарова, *Ю.В.*) лучше саратовского (периода *Ю.В.*), но как всегда не может устраиваться и наше расхождение только укрепилось.

В Саратове и на Юго-Востоке началась катастрофа, началось бегство. А.А. Рыбников делал доклад в Москве ...... на съезде, взывая к помощи, отправили делегацию к Ленину. Голод, самый реальный.

Студенты и профессура, население бежит.

В Москве много саратовской профессуры, устраивающейся. Зернов, Богушевский, Привалов, Бушинский, сам Рыбников, ... Попов И.Г.

Неурожай хуже 1891 г. и откуда придет помощь неизвестно.

Граница по существу закрыта.

Холера, чума, etc. Да, вам вероятно, поведал это Орлов. Я раньше думал, что это гипербола. Но правды много. И нет сомнения, на севере год будет легче.

Надо быть бодрыми, спокойными, настойчивыми.

Милая и любимая Леночка, мне хотелось бы быть с Вами в Петрограде, который я люблю больше Москвы.

Мы попытаемся устроить жизнь как хотим. Я уверен, что мы это сможем. Вы только до меня держитесь. Подбадривай всех, кто унывает.

Наша работа идет нормальней, чем во многих местах в России и Москве, ее станции оставили грустное впечатление.

Осенью непременно поезжай на Шатиловскую станцию и в Харьков.

Далее следует английский текст (*Ю.В.*) его перевод: Я не знаю, как кончится вся история с Америкой. Если благополучно (что мало вероятно), то может быть я поеду прямо из Москвы. Я тогда напишу. Изучай английский, дорогая. Ты знаешь, что я хочу, чтобы ты его знала в совершенстве; лучше, чем я. Помогай людям, нуждающимся в помощи. Будь добра ко всем.

Ты всегда в моей памяти.

Твой Н.

ПИСЬМО Н.И. ВАВИЛОВА Е.И. БАРУЛИНОЙ ИЗ США В ЛЕНИНГРАД

Итака 24 VIII (1930 г. *Ю.В.*)

Вот уже пять дней в Америке. Итоги подводить рано, но участие мое[1] мне не очень по душе. Язык только английский. Товарищи мои его не знают и вообще за исключением Крицмана, вообще человека очень культурного и вдумчивого не достаточно опытны и очень слабо подготовлены.

Доклады привезли не переведенными; сам я ... далеко не в совершенстве владею английским, чтобы взять на себя воз.

Да и люди мы разные и интересы разные. Через неделю от компании я удеру. И в Америку ехал один. Один я себя чувствую свободнее и лучше. И своего дела по горло. Подготовленным к конференции я оказался лучше других, так как привез не очень плохой доклад на английском.

Был у Эмерсона, узнал дела хромосомные. Они исключительно интересные.

Был в Нью-Йорке у ... Томпсона в физиологическом институте. Это все деловые части.

Но дней 10 придется потратить на конференцию, которая, хотя и интересна, но вне моих планов.

Твой N.V.

Писем пока от тебя не имею.

26/VIII Дела пошли серьезнее. “Советский день” первый прошел при исключительном внимании.

Посылаю тебе свой доклад и вырезку. Температура около дел советских высокая. Но это все-таки интересно. Половина времени занимаюсь своими делами.

Через 2 дня окончательно думаю уйти в свои дела.

I kiss you many times, fair.

Your N.

[1] Речь идет о Международной конференции по экономике сельского хозяйства. Н.И. Вавилов был назначен главой советской делегации на эту конференцию как президент ВАСХНИЛ. (Примечание *Ю.Н. Вавилова*).

ПИСЬМО Н.И. ВАВИЛОВА Е.И. БАРУЛИНОЙ ИЗ ВАШИНГТОНА В ЛЕНИНГРАД[1]

16 IX (1930 г. *Ю.В.*)

Черкнул тебе открытку об изменении плана.

Пришло 1000 долларов, т.е. сумма на полтора месяца путешествия по субтропикам.

До последнего дня не знал о ней.

Посему ни о визах, ни о чем не хлопотал, думал ограничиться Флоридой и Калифорнией.

Теперь обдумываю план 3-4 недельного дополнительного путешествия в Мексику, Гватемалу и в Гондурас, чтобы исчерпать субтропики.

Тогда на 1932-ой год останутся тропики и вообще останутся в мире тропики.

Надо, дорогая, видеть. Рассчитывать на получение командировок все труднее.

Конечно вижу многое. И горизонты субтропические и тропические расширяются.

План, конечно, еще полностью сообщить не могу. Виз нет. И получать их стало трудно, после нашего вытеснения из Мексики.

Но попытаюсь.

Во всяком случае пока так:

18-27 (сентября, *Ю.В.*) – Флорида

28-30 Лузиана, Тексас (Мюллер*)

1-9 октября Аризона (индейское земледелие)

10-18/X Калифорния

20-30/X Мексика

1-8 XI Гватемала

9-14 Гондурас

15-22 Канзас, Небраска, Чикаго

25/XI Вашингтон

1/XII Выезд в Европу.

Это самые поздние сроки. Но сообщаю их тебе.

Пока об них не говори особенно.

Может быть еще в какую либо республику не пустят.

Твой Н.

Поцелуй мальчика.

---

[1] Письмо написано в отеле Cosmos CLUB.

* Будущий нобелевский лауреат Герман Меллер.

РЕФЛЕКС СВОБОДЫ[1]

К сожалению, только после выхода в свет номера «Природы», посвященного И.П. Павлову, Ю.Н. Вавилов (сын Н.И. Вавилова) вспомнил и разыскал в своем архиве письмо отца к его старшему другу П.П. Подъяпольскому* в Саратов о лекции Павлова, прочитанной в 1922 г. Рукописный текст письма Юрию Николаевичу передала дочь Подъяпольского Елена Петровна, оставив себе машинописную копию с ошибкой в дате написания. В известном издании «Эпистолярного наследия» (Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия 1911–1928 гг. М., 1980. Составитель и автор комментариев В.Д. Есаков) на с. 76–77 письмо напечатано по этой копии, но без одного абзаца: включение его тогда могло сорвать все издание. Предлагаем полный текст письма.

Доклад Павлова, о котором идет речь, впервые опубликован в 1975 г. в сборнике «Неопубликованные и малоизвестные материалы И.П. Павлова», как это отмечено В.Д. Есаковым в комментарии к письму. В этой публикации экскурс в политику, выделенный нами курсивом, естественно, тоже отсутствует.

12/XI-22, Петроград
Морская 44

Дорогой Петр Павлович

Сегодня были на докладе Ив. Петр. Павлова «Общее физиологическое понимание всего поведения животного» в Обществе естествоиспытателей. Доклад был блестящим, и, зная, что Вас больше, чем кого-либо, он поинтересует, пишу Вам об нем. Вся деятельность животного регулируется рефлексами: условными и безусловными, рефлексами синтетическими, аналитическими, рефлексами торможения и индукции. Мозг представляет в обычном виде деятельности мозаику участков в активном и пассивном (заторможенном) состоянии. Путем развития условных рефлексов (что доказано сотнями опытов) можно определенно активировать и тормозить деятельность разных участков. Гипнотизм сводится к тем же условным рефлексам. В экспериментальной строго расчлененной обстановке с собаками физиолог в сущности проделывает то же, что и гипнолог. Вся психология теряет метафизический облик и становится рефлексологией. Многое еще непонятно, работы хватит на много поколений, но пути постижения найдены. Научились количественно (по учету слюны, активности мускульных движений и т.д.) учитывать реакцию полушарий мозга на внешние факторы.

Вот все в двух словах, что говорилось за два часа.

В начале была политика. Рефлексы есть и другие, кроме упомянутых. Есть безусловно рефлекс свободы. Это не метафизика, а реальный факт. У собак, у некоторых, он хорошо выражен, сначала его не понимали. Одна собачка никак не поддавалась опытам. В станке она рвалась и металась и никакими угрозами и прикармливанием не удалось ее смирить. Но средство нашлось. Стали регулярно не кормить дня по полтора собачку, отощала, извелась... И тогда, тогда все наладилось, собачка стала послушной... «Что такое диктатура пролетариата, система террора и насильствий — это тоже лишение

[1] Опубликовано в журнале «Природа», N 11, 2000.

* Подробнее о П.П. Подъяпольском, профессоре гипнологии и гипнотерапии Саратовского государственного университета, см.: Наука против паранауки // Природа. 1987. №7. С. 80-99.

свободы. И большевики преуспели, так как проделали над страной тот же опыт, что физиолог с собачкой».

...Это все было сказано резко, смело.

Вообще, и сам Иван Петрович, и вся аудитория (председательствовал И.П. Бородин[1], рядом сидел Карпинский[2], был весь ученый Петроград) надолго останется в памяти. И.Петр бодр. Я нередко бывая на разных заседаниях смотрю на него, Карпинского, Бородина и как-то не верится, что это семидесятилетние старцы, да еще в наше время, после 19 и 20 года в Питере. Жив дух, и много еще моральной силы и жизни. Прочитайте в «Наука и ее деятели»[3] об юбилее Карпинского и Бородина.

Ну, надо за дело. Сижу над курсом «Основы селекции». Хочется, чтоб он был хорошим. Подъитоживаю все, что видел, читал и что сами сделали. Много несовершенного.

Ну, а как курс гипнотизма (или, кажется, правильно гипнологии)? Надо непременно написать и издать.

Слышал от Евг. Серг. Кузнецовой[4], что Drang nach West[5] продолжается. Двигаются коренные саратовцы... Как номад понимаю это движение, но боюсь давать советы.

Привет всем.
Ваш ***Н. Вавилов.***

P.S. Книга Wunig «Die pflanzen im alten Aegypten»[6] есть у проф. Баллода[7] в Саратове.

Публикация ***Ю.Н. Вавилова и М.Е. Раменской***

---

[1] Иван Парфентьевич Бородин (1847–1930), академик, в те годы президент Русского ботанического общества.

[2] Александр Петрович Карпинский (1847–1936), геолог, академик, президент Академии наук с 1917 по 1936 г.

[3] Ферсман А.Е. Два юбилея // Наука и ее работник. 1922. №1. С.3-7.

[4] Евгения Сергеевна Кузнецова – выпускница агрономического факультета Саратовского университета, ученица Н.И. Вавилова.

[5] Drang nach West (движение на запад, нем.) – употреблено автором письма с целью сообщить о массовом переезде саратовцев, как правило, в Москву и Петроград, вызванному голодом в Поволжье. Уехали в эти города и большинство детей П.П. Подъяпольского.

[6] Растения Древнего Египта (нем.).

[7] Фран Владимирович Баллод – археолог, с 1916 г. – профессор Саратовского университета.

ПИСЬМО Н.И. ВАВИЛОВА ЖЕНЕ Е.И. БАРУЛИНОЙ ИЗ МОСКВЫ В ЛЕНИНГРАД

23.06.1931

Прекрасная Леночка,

Через пять часов аэропланом лечу с Бухариным[1] и Олегом[2] в Лондон на конгресс Истории наук и техники. Все для меня тут сделал. Денег мало – 200 долларов. На двоих для Лондона при стоимости билетов в 150 р. это мало. Будем выворачиваться. Доклад написал «Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований».

В Англии пробуду дней 10-12. Ротамстед, Мертон, Уэльс, Кембридж, Kew Gardens. Буду обдумывать Индию. В Германии дня три у Баура[3]. Вот и все. Через 2 с половиной недели, максимум три, буду обратно в Ленинграде.

Пиши. London Poste restante. Prof.N.Vavilov. Все это скоропалительно. Я только кончил ревизию Никитского сада, где мне немногое по душе. Это полуживое учреждение, в которое душу вдохнуть трудно. Ковалев[4] принял дела. В Ленинграде тихо. Около 20 июля думаю двигаться на юг и, очевидно, на Харьков в первую очередь.

До свидания, дорогая. Я целую тебя много-много раз. Поцелуй мальчика. Напиши, что необходимо купить.

Обдумываю поворот института в новое русло. Сегодня долго говорил с Яковлевым[5].

Вообще будем двигаться.

<... ...>

Ну прощай, родная Ленуша. Прости, что замотался, некогда было писать. В Крыму пять дней спал по 3-4 часа и все-таки не все сделал.

Просился у наркома в Индию по частным делам. Не пускает.

До свидания, дорогая.

Твой Н.В.

ПИСЬМО Н.И. ВАВИЛОВА Е.И. БАРУЛИНОЙ[6]

15 августа 1932

Моя дорогая, любимая Леночка,

Пишу на пароходе в гавани. Вероятно, через час пароход двинется.

Американский консул, несмотря на предписание Вашингтона, не захотел давать визы, как члену ЦИКа. Полтора часа вели допрос <...> Говорил откровенно и этим тоже смутил, ибо явно, что персона сочувствующая.

Начал бомбардировку Вашингтона.

Визу обещали дать к неудовольствию консула (Его сведения основаны на данных Рижской разведки).

Но зато через Баура[3], написавшего прекрасное письмо боливийскому послу, имею визы в страны для меня самые важные: Перу и Боливию.

Все помыслы в Боливии и Перу. Теперь надо еше Аргентину и Бразилию, да Тринидад. Вот и главное.

Примечания Ю.В.:

[1] Бухарин Н.И. – партийный деятель, академик, глава советской делегации на Международном Конгрессе по истории науки и техники в Лондоне, 1931 г. В 1937 г. – арестован. В 1938 – расстрелян.

[2] Олег – старший сын Н.И. Вавилова.

[3] Баур – крупный немецкий генетик.

[4] Н.В. Ковалев – заместитель директора Всесоюзного института растениеводства (ВИР).

[5] Яковлев Я.А. – нарком земледелия СССР (1929-1934). В 1937 году арестован и расстрелян.

[6] Письмо написано на бланке пароходной компании "Norddeutscher Lloid Bremen D "Europa".

Еду один от всей СССР[1]. Ничего не поделаешь. Везу прекрасные экспонаты.

И теперь буду шлифовать доклад. Хочу взять на этот раз из Америки тьму, так как вряд ли поеду еще. Теперь главное Индия и Китай. И вот и все, весь мир.

До свидания дорогая

<...>

Поцелуй мальчика.

Я должен писать ему <...>.

Твой Н.В.

ПИСЬМО Н.И. ВАВИЛОВА Е.И. БАРУЛИНОЙ ОТ 03.09.1932[2]

My dear

Брожу по Канаде.

В несколько дней пытаюсь понять ее душу. При диапазоне интересов это довольно мудрено.

Но что можно сделаю. Числа девятого, думаю, буду снова в Соединенных Штатах. Маршрут большой. Штат Вашингтон, Монтана, Колорадо, Вайоминг, Канзас, Техас, а затем Нью-Йорк и Вашингтон, добыча виз для Южной Америки.

Народ тут относится хорошо и в короткое время вбираю довольно много.

Конгресс[3] прошел очень хорошо. И СССР был представлен не плохо. Выставка наша удачная. Настолько – что в сущности оставили вопрос о следующем конгрессе открытым и нам предоставлено право буде пожелаем, у нас его собирать.

Попытаюсь в поезде написать для «Известий» статью, если выйдет.

Твой Н.В.

Пока не задерживаюсь и дело подвигается.

ПИСЬМО Н.И.ВАВИЛОВА Е.И.БАРУЛИНОЙ. 03.09.1932 г.[4]

Canada

3.9.

Dear fair

Брожу по Канаде. 2 дня занимался иммунитетом в Виннипеге. Еще буду собирать материалы в США и Германии и на будущий год начинаем снова по новому иммунитет.

За 12 лет хоть и много сделали, но мы пойдем своей дорогой.

Море пшеницы в Западной Канаде ... .

Большой урожай. Цены пали, фермеру за бушель (<...>) платят 30 центов; когда-то нормальная цена была доллар и 1,5 доллара (т.е. 3 рубля). Стоит частично неубранный хлеб. Нет по-видимому расчета убирать.

Урожай большой и в Европе.

Вывозить некуда. Был вчера на хлебной бирже в Виннипеге. Биржевики устроили ланч; доказывали, что движутся к социализму. Сказал им в ответной речи, что людей способных, включительно до капиталистов, при будущем соц.строе в Канаде без работы не оставим.

Примечания Ю.Н. Вавилова:

[1] Одна из целей поездки Н.И. Вавилова в 1932г. – участие в VI-ом Международном генетическом конгрессе в США. Н.И. Вавилов был единственным участником конгресса от СССР.

[2] Написано на бланке отель Александра, Оттава, 3.9.1932.

[3] VI Международный генетический конгресс в США в г.Итака (1932г). На конгрессе Н.И.Вавилов был единственный делегат от СССР. Он был избран одним из вице-президентов конгресса и был организатором выставки достижений советских генетиков.

[4] Написано на бланке Canadian National Railways.

По иммунитету поход шагнул, но еще мало. Обучился методам. 2 дня сидел студентом в Rust Research Laboratory. Дня через 3 перехожу от иммунитета и дел Канадских к ирригации хлебов, объеду все районы орошения хлебов: штат Вашингтон, Монтану, Колорадо и затем буду читать пару лекций в Канзасе. Оттуда Нью-Йорк и подготовка к Южной Америке.

Очевидно в ряд стран из-за восстаний не пустят.

За лесами и болотами Онтарио, пошли степи, холмы с пшеничными полосами. Здесь я первый раз. Чортовы просторы. После войны площадь под пшеницей увеличилась вдвое.

На конгрессе[1] большое внимание привлек доклад Гольдшмидта[2] о географической изменчивости. Слушая его думал, что, если бы с бобовыми мы наладили всерьёз, то сделали дела интереснее Гольдшмидта.

Надо, дорогая, все внимание количественным географическим различиям.

Я целую тебя много раз.

Мальчику буду посылать открытки из больших городов.

ПИСЬМО Н.И. ВАВИЛОВА СЫНУ ОЛЕГУ

2 августа 1940 г.

«Дорогой мальчик!

Еду сегодня в Буковину, в Черновцы, оттуда в Карпаты. Места красивые. Проехал всю Подолию, Львовскую и Тернопольскую области. Пробуду (в дороге) еще недели две с половиной. Трудности с передвижением. Но пока выкручиваюсь. Философию Карпат надеюсь постичь. Привет всем!

Твой отец».

Н.И. ВАВИЛОВ – СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(Б) А.А. АНДРЕЕВУ, НАРКОМУ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И.А. БЕНЕДИКТОВУ

1940 г.

«Во время моего отъезда на Кавказ в научную командировку распоряжением президента Сельскохозяйственной Академии акад. Т.Д. Лысенко, подписанным им и ученым секретарем Академии Н.Я. Чмора, постановлено утвердить ученый совет Всесоюзного Института Растениеводства в новом составе. Совет утвержден помимо представления директора, без всякого согласования с ним, в его отсутствие, что считаю действием, совершенно противоречащим конституции наших научных учреждений. Это тем более странно, что я состою директором Института Растениеводства 20 лет и поэтому обход директора в важнейшем вопросе состава квалифицированного совета по меньшей мере является странным.

Более того – из состава совета Института, действовавшего до настоящего времени, распоряжением президента изъяты наиболее крупные научные работники, профессора, доктора, заведующие крупными лабораториями и разделами, сколько могу понять – по принципу изъятия главным образом лиц, придерживающихся научных воззрений иных, чем Т.Д. Лысенко. Так, изъяты:

1. Заведующий лабораторией генетики, проф. Г.Д. Карпеченко, крупнейший со-

Примечания Ю.Н. Вавилова:

[1] VI Международный конгресс в г.Итаке, США (1932 г.).

[2] Гольдшмидт – немецкий генетик.

ветский генетик, с мировым именем, создавший большую лабораторию, имеющий большую школу, разработавший метод преодоления бесплодия отдаленных гибридов.

2. Профессор д-р Г.А. Левитский, заведующий цитологической лабораторией Института, самый крупный советский цитолог, создавший большую школу цитологов в нашей стране, разработавший новые методы цитологического исследования культурных растений. Более авторитетного цитолога нет в нашей стране.

3. Профессор д-р М.А. Розанова, заведующая секцией ягодных культур, крупный генетик, ботаник, сделавшая чрезвычайно много по вопросам классификации, селекции и генетики ягодных культур, бесспорно лучший в Союзе специалист по данному разделу.

4. Профессор д-р Е.В. Вульф, заведующий гербарием культурных растений, крупнейший советский ботаник и географ растений, основной редактор «Культурной флоры СССР».

5. Профессор д-р Л.И. Говоров, заведующий отделом зерновых бобовых, создатель мировой коллекции зерновых бобовых, выведший большое число сортов. Крупный селекционер, как теоретик, так и практик.

6. Д-р В. А. Рыбин, заведующий секцией физиологии наследственности, выдающийся генетик. Работы его по разработке методов отдаленной гибридизации и синтетического получения видов и по цитологии табака, картофеля и плодовых многократно отмечались, как выдающиеся, премиями Академии Сельхознаук и Наркомзема.

7. Профессор д-р С.А. Эгиз, крупнейший советский специалист по табаководству и культуре чая, основатель Всесоюзного Института табаководства, старейший исследователь в области табаководства нашей страны, ведущий и по настоящее время активнейшую работу по применению отдаленной гибридизации в табаководстве, крупный генетик и селекционер и в то же время специалист по вопросам табаководства и чайной культуры.

8. Д-р Ф.А. Крюков, крупный плодовод, имеющий большой теоретический и практический стаж, один из лучших специалистов Союза по косточковым.

9. Профессор д-р Г.М. Попова, заведующая разделом масличных культур, выдающийся знаток культурных растений Средней Азии, крупный селекционер и растениевод, автор ряда сортов масличных и зернобобовых культур, принятых в государственные стандарты.

10. Д-р Н.А. Базилевская, заведующая секцией цветоводства, талантливый ботаник, автор многочисленных трудов по растительным ресурсам.

11. Д-р Е.А. Столетова, заведующая секцией гречихи, автор крупных монографий – «Возделываемые растения Армении», «Кориандр» и другие работы.

Кроме докторов, т.е. официально наиболее квалифицированных работников, утвержденных в звании Комитетом по высшей школе, изъят из состава научного совета ряд кандидатов наук, заканчивающих подготовление к докторской диссертации и в то же время наиболее авторитетных работников в соответствующих областях растениеводства, как:

1. Г.А. Рубцов, крупный специалист по плодоводству, автор руководства по селекции плодовых, заканчивающий обширную монографию по груше, один из наиболее авторитетных специалистов по селекции плодовых.

2. Н.Р. Иванов, заместитель заведующего Отделом Зерновых Бобовых, лучший специалист Союза по сидерационным культурам, автор больших работ по зерновым бобовым.

3. В.А. Кузнецов, старейший работник Института, работающий с 1909 года, один из лучших знатоков культурных растений и в особенности кормовых.

4. К.Ф. Костина, специалист по косточковым плодовым, автор крупной монографии «Абрикос» и ряда работ по плодовым Средней Азии, один из крупных работников по плодоводству.

5. Г.Г. Тарасенко (член ВКП(б)), заведующий Отделом Плодоводства, молодой работник, автор ценной книги «Плодоводство в Карелии».

6. Н.М. Павлова, один из лучших специалистов по ягодным культурам, постоянный эксперт Наркомзема РСФСР по этому разделу, автор ряда крупных работ по ягодным культурам.

7. А.И. Мордвинкина, заведующая секцией овса, лучший в стране специалист по этой культуре, автор крупных трудов по ней.

8. Ф.Х. Бахтеев (член ВКП(б)), заведующий секцией ячменя, автор ценных работ по ячменю.

9. И.В. Кожухов, заведующий секцией кукурузы, один из лучших знатоков этой культуры в нашей стране.

10. Е.С. Якушевский, заведующий секцией сорго и лучший в нашей стране специалист по этой культуре.

11. М.М. Якубцинер, крупный специалист по пшенице, автор ряда больших работ по данной культуре, один из лучших знатоков по апробации зерновых культур.

12. Е.В. Эллади, лучший знаток по культуре льна, автор ряда ценных сортов масличного льна, принятых в стандарты.

13. Т.В. Лизгунова, один из лучших специалистов по овощным культурам, со стажем более 10 лет.

14. В.С. Лехнович, специалист по картофелю, автор большой работы по ракоустойчивым сортам.

15. В. С. Мошков, талантливый физиолог, имеющий большое количество работ по фотопериодизму у растений.

16. А.Е. Вотчал, физиолог, сконструировавший аппараты по изучению засухоустойчивости и хладостойкости растений.

Помимо этого, я считаю совершенно необходимым включение в состав научного совета директоров наших опытных станций, крупных работников, специалистов по различным разделам растениеводства, как Н. В. Ковалев (член ВКП(б)), директор Майкопской станции, крупный специалист по плодоводству; Е.Е. Поволоцкая (член ВКП(б)), директор Кубанской станции Института Растениеводства; т. Цейтлин (член ВКП(б)), директор Среднеазиатской станции, кандидат сельскохозяйственных наук, специалист по винограду; М.И. Гилев (член ВКП(б)), директор Дальневосточного Отделения Института, кандидат сельскохозяйственных наук, специалист по кормовым растениям.

Представленный и утвержденный список включает ряд лиц, которых я бы не мог представить, учитывая требования, предъявляемые к члену ученого совета учреждением большой квалификации, как Бабич А.Г., Переверзев Г.А., Бельденкова А.Ф., Тюлина М.Д., Поташникова Б. Г.

Нужно учитывать, что Институт Растениеводства — учреждение очень большой квалификации, имеющее более 20 докторов и около 80 кандидатов наук.

Изъятие из состава научного совета наиболее квалифицированных лиц является случаем совершенно исключительным в истории советской науки, ничем не оправданным, кроме вмешательства в науку сугубо административного начала, по принципу подбора президентом Академии членов Совета, ему угодных по научным воззрениям. Это недопустимое сведение счетов, путем административного вмешательства, с наиболее квалифицированной группой по специальности генетики, селекции и растениеводства. При проведении в жизнь этого постановления, не прошедшего при том через президиум Академии, не может идти нормально жизнь Института. Директору его, а также и изъятым из Совета руководителям разделов, придется выйти из состава Института. Это тем более недопустимое явление, что большинство указанных работников — создатели лаборато-

рий, отдавшие значительную часть своей жизни работе в Институте, поднявшие эту работу на большую высоту, что являлось до сих пор общепризнанным.

Я прошу Вашего срочного вмешательства в это дело, чтобы приостановить угрожающий учреждению развал, оставление его наиболее квалифицированным персоналом, уход из Института большого числа наиболее квалифицированных работников, неизбежный при такого рода отношении президента к Институту.

Я должен сказать заодно, что это вмешательство президента является не первым. Помимо согласования с директором, заместителем по научной части назначен С.П. Хачатуров, с которым фактически я не могу работать, ибо он не только не помогает в работе, но мешает руководству Институтом. Такого же рода вмешательство имело место и в назначении заместителя директора по научной части на Майкопскую станцию. Эти факты показывают глубокие аномалии, которые имеются в руководстве Сельскохозяйственной Академии им. Ленина и которые не могут быть решены в самой Академии.

Проведение в жизнь постановления президента лично для меня делает также невозможным продолжение руководства Институтом и заставляет задумываться над необходимостью отхода от этого дела, что является как Вы поймете, болезненной хирургической операцией, поскольку делу Института, поднятию его на большую высоту, созданию сильного коллектива мной отдано 20 лет жизни».

ИЗ ПИСЬМА Н.И. ВАВИЛОВА СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(Б) А.А. АНДРЕЕВУ

15 июля 1939 г.

... [x] Академия наук СССР, ведающая данным разделом науки [генетики], возбудила ходатайство перед правительством о делегировании советских ученых на VII-й Международный конгресс генетики и о разрешении мне быть председателем его, согласно избранию, полагая, что этим затрагиваются не личные вопросы отдельных ученых, а всей советской науки. Поручение советским ученым ответственных обобщающих докладов показывает высокую оценку за границей научной работы, ведущейся в нашей стране.

Осталось немного времени до конгресса: 14 августа в Лондоне перед конгрессом собирается конференция по научной терминологии в области генетики и селекции, на которую также приглашены некоторые из советских генетиков, в том числе и нижеподписавшийся. Английский Оргкомитет выражает настойчивое желание, чтобы советские ученые приняли участие в конгрессе. Уже точно намечены, согласно обычаю Международных конгрессов, дни и часы выступлений докладчиков, давших принципиальное согласие участвовать в конгрессе. Кроме того, ряд научных организаций, в том числе Общество культурной связи с СССР в Англии, выражает пожелание, чтобы советские ученые помимо участия в конгрессе выступили с докладами о советской науке. Как избранный председатель конгресса, я получил много писем от генерального секретаря с пожеланием активного участия советских ученых в наиболее ответственных заседаниях конгресса, с тем, чтобы мы председательствовали на ряде секционных заседаний. Конечно, мной было сообщено Оргкомитету, что вопрос делегирования наших ученых разрешается правительством СССР, а не является их личным делом.

Обращаюсь к Вам, как к одному из руководителей организации научной работы в нашей стране, с просьбой ускорить разрешение данного дела. Если оно будет положительным, то необходимо определить состав советской делегации с привлечением к этому наиболее компетентных исследователей, достаточно владеющих иностранными языками, чтобы принять участие в конгрессе и достойно представить нашу страну. Если же это решение окажется отрицательным, то следует заблаговременно уведомить Оргкомитет и дать ему возможность заменить отсутствующих советских докладчиков и не

вызывать нареканий по нашему адресу. Я полагаю, что такое извещение заблаговременно будет более правильным, чем неявка советских ученых, могущая послужить поводом к неправильным толкованиям как среди участников съезда, так и в прессе.

Обратиться к Вам меня побуждают не мои личные интересы. Роль председателя такого конгресса сугубо трудна, требует большого такта и напряжения в работе, в особенности в условиях Англии, где председатель конгресса является до некоторой степени его хозяином. Меня беспокоит неблагоприятное впечатление, могущее быть вызванным отсутствием советских ученых без предупреждения на таком крупном, в полном смысле слова Всемирном конгрессе по одному из наиболее актуальных разделов биологической и агрономической науки.

Я также считаю, что участие советской делегации в составе наиболее компетентных работников в данной области будет способствовать поднятию престижа советской науки. У советских ученых есть что сказать, т.к. по ряду разделов биологическая наука Советского Союза занимает ведущее положение. Для нас крайне существенно из первоисточников ознакомиться с современным уровнем науки, путем живого обмена выяснить наиболее актуальные направления исследовательской работы. Данный конгресс в этом отношении, судя по тщательной подготовке к нему, по привлечению к нему огромного коллектива наиболее компетентных исследователей, является особенно значимым.

Сознание огромной ответственности в данном деле заставляет меня обратиться к Вам с настоящей просьбой уделить внимание этому вопросу, не терпящему отлагательства.

В курсе данного дела полностью находится президент Академии наук СССР академик В.Л. Комаров, обращавшийся со своей стороны от имени Академии к правительству, поддерживая делегирование советских ученых на VII Международный конгресс генетики в Англии[1].

Академик Н. Вавилов

Адрес: Ленинград, Всесоюзный институт растениеводства, ул. Герцена, 44. тел.: 5-86-68.

Домашн. – Ленинград, ул. Гоголя, 2, кв.13, тел. 2-25-29.

Москва, Институт генетики Академии наук СССР, Б. Калужская ул., 75, тел. В 2-30-00.

Приложение [x]: программа VII Международного конгресса генетики, полученная мною 10.VII с.г., переведенная на русский яз.[2]

[x] Не публикуется.

[1] Опущена часть письма, в которой излагается предыстория организации конгресса.

ТЕЛЕГРАММА Н.И. ВАВИЛОВА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВНАРКОМА СССР В.М. МОЛОТОВУ В МАЕ 1940 ГОДА[1]

Москва Совнарком Молотову

Сегодня получена следующая телеграмма Нью-Иорка: Американский национальный комитет состоящий 75 выдающихся ученых подготовляя второй международный конгресс чистых и прикладных наук физики химии и биологии при Колумбийском университете Нью-Иорке сентябре 1940 года весьма желает обеспечить ваше участие и других ученых вашей страны чтобы обеспечить международный характер конгресса. Расходы будут оплачены. Пожалуйста телеграфируйте Колумбийскому университету Нью-Йорке ваше согласие. Президент конгресса Меликан президент национального комитета" Меликан крупнейший физик Нобелевский лауреат президент Академии наук США. Информировал президиум Академии наук СССР Прошу инструкций

Академик Николай Вавилов

Адрес Ленинград ВИР Вавилову
Отправитель: ВИР, Ленинград, ул. Герцена 44, Директор
4/V-1940 г. Лицевой счет N 21.

НАУКА И ЖИЗНЬ №1, 1993, 26 С.
(публикация и комментарий Ю.Н. Вавилова)

ЗА ДВА МЕСЯЦА ДО АРЕСТА

В январе 1993 года исполняется 50 лет со дня трагической смерти в тюрьме великого отечественного генетика академика Николая Ивановича Вавилова (1887 – 1943). К этой дате мы приурочиваем публикацию недавно обнаруженного письма Николая Ивановича, которое прежде в печати не было. Оно адресовано Дончо Костову, известному болгарскому генетику, который в 1932 – 39 годах работал в Институте генетики АН СССР по приглашению Н.И. Вавилова.

Дорогой доктор Костов.

Большое спасибо за присланный некролог. Очень тронут. Портрет наконец достал, один экземпляр, какой Вы хотите; его переснимут и пришлют Вам.

Плохо справляюсь с обязанностями, тем более, что они все расширяются: пришлось заниматься новыми районами Финляндии, присоединенными к нашей стране; в июле придется ехать в западную Украину и в Белоруссию, а, кроме того, еще придется участвовать в Госкомиссии по сортоиспытанию.

Сортовой материал для Вас подбираем. Ваш материал получили и высеяли. Александра Юльевна, вероятно, уже подобрала Вам вику. По плодовым дело сложнее: так как зимовка нынешнего года была исключительно тяжелой (морозы в Москве доходили до −52, а в Ленинграде до −47), то огромное количество плодовых погибло и надо прежде всего восстановить их. Ввиду этого, Ваш заказ будем выполнять исподволь.

Из крупных событий отмечу выход книги И.И. Туманова «Зимостойкость растений». По-видимому, в этой области эта книга представляет самый обстоятельный труд.

---

[1] Текст телеграммы Меликена дан в переводе с англ. языка.

Посылаю Вам экземпляр. Вышел также VII том «Биохимии культурных растений» под редакцией Н.Н. Иванова. И это Вам посылаю. Это – два наиболее крупных труда в области растениеводства. Вышел том Трудов ИГЕН, посвященный главным образом животноводству. Пришлю его Вам из Москвы. В ближайшие недели выйдут еще два тома «Культурной флоры» по льну и конопле и по масличным культурам. Их также пришлем Вам. Сейчас посылаю Вам несколько своих статей, вышедших за последнее время. Из них наиболее существенна статья по обобщению наших американских экспедиций, а также краткое изложение современного состояния учения о происхождениях культурных растений, которое, может быть, было бы целесообразно напечатать в одном из болгарских журналов, если на то будет желание, поскольку она дает квинтэссенцию всей 20-летней работы.

Пытаюсь подытоживать одну за другой работы, но не успеваю. Самое основное – работа по иммунитету, которую, вероятно, в этом году опубликую. «Законы естественного иммунитета к инфекционным заболеваниям культурных растений» – ключ к нахождению иммунных форм, с большим количеством итоговых таблиц по комплексному иммунитету культурных растений. Это – самое основное, что удалось сделать.

Что касается положения с генетикой, то оно устойчиво. Логически уже дошли до ламаркизма, в частности, в адекватности. Вегетативная гибридизация считается не только доказанным фактором, но методом в селекции. Стоим твердо и неуклонно на своих позициях.

Тетраплоидный кок-сагыз растет неплохо. В этом году невероятное количество тетраплоидных форм по льну, картофелю, подсолнечнику, ячменю, ржи у Карпеченко, Луткова, Рыбина.

Готовим сборник «Критический пересмотр основ генетики» в кратком виде.

Имеем трех новых докторов – Колесника, Патрушева и Кушнера, прекрасно защитивших свои докторские диссертации. Вероятно, в этом и в следующем году будем иметь еще 10 докторов. Генетики, как видите, не переводятся. Жалеем часто, что Вас нет с нами, а я в особенности.

Получил, наконец, том «Новой систематики» из Англии. Только что приступил к чтению. Оттиска своей статьи еще не получил. Книга довольно интересная, хотя меня она не очень поразила. По существу, это – линия, по которой сейчас неизбежно должно идти изучение растительных и животных организмов. Но все же книга свежая, старательно сделанная и, вероятно, все же лучший компендиум по вопросам эволюции.

От Дарлингтона, к своему удивлению, получили недавно пожелание подготовить первый том «Теоретических основ селекции» к переводу. Их находят наиболее подходящим сводом, а не немецкий Handbuch; за пять лет придется порядочно менять.

Лусу теперь несколько неловко: его 3 аспиранта стали докторами, а он еще ходит без чина.

Гершензоновский труд по направленным мутациям не подтвердился ни Нуждиным, ни Рапопортом.

Вот пока все наши главные новости.

Привет Анне Анатольевне. По ней мы тоже соскучились. Все шлем Вам привет.

Ваш Н.И. ВАВИЛОВ

4. VI-1940 г.

В Москве все прекрасно растет; кок-сагыз замечательный. В оранжереях битва народов: расширяются садоводы, мичуринцы. «Вегетативной гибридизацией» занимаются Керкис, Медведев, Краевой. Оранжереи переполнены.

На полях сухо: весь май не было дождя. Недели через две, вероятно, направимся в Дербент; будем просматривать и Ваши гибриды.

Снова открылась выставка, на которой появились и тетраплоиды, и формальные генетики. В этом отношении выставка в этом году значительно полнее прошлогодней.

Привет Вам от А. А. Шмук; он Вас часто вспоминает: множество полиплоидногенных веществ некому испытывать.

Еще раз привет.

Ваш Н.И. ВАВИЛОВ

• *КОММЕНТАРИЙ*

Публикуемое письмо Николая Ивановича Вавилова написано им всего за два месяца до ареста (25 мая 1940 года с дополнением от 4 июня). Оно ранее не публиковалось. Подлинник письма хранится в архиве Российской академии наук.

Арест Н. И. Вавилова произошел 6 августа 1940 года в предгорьях Карпат вблизи города Черновцы во время его экспедиции в Западную Украину.

Положение в советской генетике в 1940 году было очень тяжелым. Т. Д. Лысенко и его группа благодаря поддержке Сталина, Молотова, других высших руководителей страны организовала травлю Н.И. Вавилова и его ближайших соратников, достигшую к этому времени своего апогея.

Лысенко, будучи президентом ВАСХНИЛ, препятствовал нормальной работе Всесоюзного института растениеводства (ВИР), руководимого Н.И. Вавиловым. Финансирование института было сильно сокращено. Т.Д. Лысенко сделал попытку изъять из Ученого Совета ВИР крупнейших специалистов, противников научных взглядов Лысенко (смотри письмо Н.И. Вавилова секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву и Наркому земледелия И.А. Бенедиктову («Жизнь коротка, надо спешить». М., Сов. Россия, 1990 г.).

По воспоминаниям хорошо знавших Н.И. Вавилова людей, накануне его отъезда в последнюю экспедицию состоялась встреча Николая Ивановича с Лысенко.

Н.И. Вавилов сказал Лысенко всю правду о роли Лысенко в разгроме советской биологической и сельскохозяйственной науки. По-видимому, этот разговор ускорил арест Вавилова, запланированный НКВД, как теперь стало известно, еще в 1939 году.

В письме Дончо Костову Н. И. Вавилов очень кратко сообщает о тяжелом положении в советской генетике. Николай Иванович не мог подробно написать Д. Костову о ситуации в генетике, так как знал, что его письма читаются сотрудниками НКВД.

В публикуемом письме обращает на себя внимание не характерный для Н.И. Вавилова грустный тон, отсутствие присущего Николаю Ивановичу в письмах к своим друзьям и коллегам юмора и шуток. Правда, совсем без шутки Николай Иванович не может. Так, некрологом он называет характеристику его научной деятельности, написанную Д. Костовым в связи с избранием Н.И. Вавилова почетным доктором Софийского университета. Но это невеселая шутка. Вавилов предчувствовал, что близка развязка его борьбы с лысенковской кликой – фактически противостояния сталинскому режиму.

С эпистолярным наследием Н.И. Вавилова можно познакомиться по книгам: **Научное наследство, Николай Иванович Вавилов.** М., «Наука», том 5, 1980, том 10, 1987 гг.

Ю. ВАВИЛОВ

О СОСТОЯНИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ И О ПОВЫШЕНИИ КВАЛИФИКАЦИИ НАУЧНЫХ КАДРОВ

Н.И. Вавилов

(Доклад на выездном заседании Ленинградского областного бюро Секции научных работников профсоюза вузов и научно-исследовательских учреждений во Всесоюзном институте растениеводства. 15 марта 1939 года)[*]

Сельскохозяйственная наука представлена в нашей стране в ее исследовательской части приблизительно 500 исследовательскими учреждениями, число которых продолжает быстро расти, и уже в этом году прибавилось несколько десятков новых единиц. Естественно, что к Всесоюзному институту растениеводства (ВИР) приходится подходить с учетом всей сложной системы учреждений и разделения труда между общими, отраслевыми и областными организациями, тем более что больше половины существующих опытных учреждений являются полеводческими.

Основные задачи, возложенные на ВИР, относящийся к категории так называемых головных, или общих, институтов, входящих непосредственно в число немногих учреждений, составляющих Сельскохозяйственную академию, следующие: научное обоснование государственных мероприятий в области правильного размещения и выбора культур, сортов, семян и проведение мероприятий растениеводческого порядка — всесторонняя оценка культур не только в смысле количественной характеристики их урожайности, но и в смысле качества.

Исторически в силу направленности, корни которой можно проследить довольно глубоко, в самой начальной и эмбриональной стадии, наш Институт растениеводства вырос из учреждения, работавшего в области прикладной ботаники, и старое наше название – «Отдел прикладной ботаники». Позже к нему прибавилось – «и селекции»[1]. Так органически выросло наше учреждение в силу развертывания растениеводческой работы в стране, разверстки всей деятельности между растениеводческими учреждениями, специального подбора работников.

Всегда, когда приходишь в учреждение, учитываешь и свою подготовку, и куда ты идешь. Я попал в это учреждение 19 лет тому назад как работник в области прикладной ботаники, хотя и был агрономом в то время. Я считал, что та линия, которую взял наш Отдел, а именно – внедрение в растениеводство научных биологических методов, глубоко правильна. И сейчас мне это так же представляется. В то время наш Отдел был небольшим, но оригинальным учреждением, которое уже тогда начало обращать на себя внимание высотой своего научного уровня, передовым характером работы, которые определили теперь место этого учреждения в нашей системе.

Исторически на наш институт выпала очень крупная задача, которую мы продолжаем развивать и в настоящее время, – мобилизация растительных ресурсов, вовлечение в систему практической селекционной работы нашего советского растениеводства всего ценнейшего материала как из нашей страны, путем его подробного исследования, так и из других стран, в особенности из стран с умеренным и субтропическим климатом, где мы находим наиболее интересные для нас объекты.

Всецело исходя из эволюционного учения Дарвина, мы считали, что с самого начала разворота работы, который принял широкие масштабы в советское время, все растениеводство и вся селекционная работа велись раньше в значительной мере со случайным материалом. Конечно, естественный и искусственный отбор играли свою тысячелетнюю и вековую роль, так как собирались местные ценные сорта. Но в насто-

ящее время, после подробного исследования, мы знаем, что в основных очагах видообразования находятся тысячи видов и что многие виды растений даже не вышли из основных своих областей обитания[2].

То, что в суровые годы засух гибнут наши лучшие сорта, заставило после 1921 года поставить вопрос о попытке мобилизации всего ценнейшего в мире для улучшения наших культур. Так, мы пришли к необходимости широкого внедрения [мировых растительных ресурсов], исходя из простой мысли, что, для того чтобы улучшить существующие сорта, надо взять все лучшее, что создано природой и человечеством[3]: В некоторых случаях это и в готовом виде представляет интерес. (Бывает так, что результаты американской и западно-европейской селекции представляют для нас огромный интерес сами по себе и в первую очередь наше внимание бывает направлено на максимальное использование ценнейших готовых сортов.)

На базе работ института за последнее время выявилось огромное количество ценнейшего материала, который после размножения занимает в нашей стране по приблизительным подсчетам около 15 млн га, включая лучшие сорта кукурузы, овса, хлопчатника, овощных и плодовых культур и т.д.

Наряду с этим была поставлена задача широкого использования ценных компонентов для скрещивания. Очаги происхождения наших культурных растений находятся в Передней Азии, в странах, окружающих берега Средиземного моря, в странах засушливых, где земледелие доходит иногда до больших высот. Оказалось, что в этих суровых условиях можно искать ценные компоненты для улучшения наших сортов, для придания им качеств болезнестойкости, холодостойкости и засухостойкости.

Коллективу работников института, как никогда и нигде в мире, удалось в короткое время провести огромную работу по исследованию и мобилизации растительных ресурсов. Надо сказать, что исследования в этой области превзошли наши ожидания. Действительно, оказалось, что отсутствие эволюционного подхода к селекции привело к тому, что даже важнейшие для существования человечества объекты, по существу, в своем грубом видовом составе были неизвестны.

Очень скромные экспедиции, по одному–два человека, посылавшиеся с большими усилиями за границу, открыли много новых видов. Здесь сидит в зале доктор Букасов[4]. На примере его результатов можно видеть, каким образом развертывается работа. Доктор Букасов возглавляет отдел картофеля и корнеплодов, он руководит исследованиями, исходя из того, что европейская селекция работает по картофелю на ограниченном материале, на ничтожно малом количестве клубней, которые когда-то были привезены конкистадорами из Америки. Мы пришли к выводу, что, для того чтобы улучшить наши сорта, нужно направиться за новыми сортами на их родину. Место нахождения родины мы в то время толком не знали, знали только континенты. Первое же последовательное планомерное исследование, проведенное доктором Букасовым и сотрудником Ботанического института Юзепчуком[4], обнаружило в пределах Кордильер и Перу, Чили и Боливии 18 видов культурного картофеля, который, оказывается, не вышел за пределы своей родины и возделывается до сих пор индейцами. Но этот картофель требует короткого экваториального дня, и для его использования нужно искусственно укорачивать день. Были обнаружены десятки видов дикого картофеля с ценнейшими свойствами, как иммунитет к болезням, холодостойкость, засухоустой-

[*] Доклад печатается по тексту стенограммы, сохранившейся в личном архиве Ю.Н. Вавилова. Текст для печати подготовлен Г.А. Савиной. Впервые доклад был напечатан в журнале «Сельскохозяйственная биология», N 5, 1998 г.

* Цифры в тексте указывают номер комментария. Комментарии приведены в конце Заключительного слова Н.И. Вавилова.

чивость. Словом, была буквально открыта Америка. А открыта она была потому, что участники этой экспедиции, наш скромный доктор Букасов пользовались методами физиологии, биохимии, цитологии и биологии, которые позволяли очень глубоко подходить к материалу и вскрывать то, что ботаники и агрономы раньше не замечали. Открыты десятки новых видов пшеницы, даже в пределах нашей страны, в горных районах Закавказья и т.п.

Таким образом, основная задача ВИР исторически определилась в форме широкой мобилизации растительных ресурсов, вовлечения в практическую селекционную работу всего ценнейшего материала как из нашей страны, так и из зарубежных стран и обеспечения практической селекции необходимым исходным материалом. Мы базировались на этом задании, так как известно, что успех работы по селекции определяется правильным выбором исходного материала. Весь мировой опыт и опыт наших корифеев (как Мичурин и др.) показывает, что правильный выбор исходного материала – залог успеха. Естественно, на головной институт была возложена задача правильной и всесторонней оценки исходного материала, культурных растений: привлечение всех современных методов для этой цели, а именно методов биохимии, анатомии, генетики, цитологии и т.д. В то же время из этого естественно вытекала практическая задача селекционного освоения — оказание помощи в селекционном освоении огромного и разнообразного материала. Исторически нашему учреждению выпала очень ответственная миссия в нашей стране – проведение работ по земледельческому и растениеводческому освоению новых территорий.

В нашем государстве даже по сей день только 7% всей суши использовано под земледелие[5]. Огромные пространства, в сущности, еще земледелием не охвачены: 93% суши находится вне земледелия. Естественно, что в советское время в связи с огромными сдвигами, которые мы переживаем, встала задача продвижения земледелия на север, на восток, в засушливые районы. Трактор, глубокая и плужная вспашка, механизация сельского хозяйства и современный арсенал земледельческих орудий позволяют смелее идти на новые земли, продвигать земледелие в более засушливые районы. Естественно, что перед головным растениеводческим институтом стоит задача разработки научных методов внедрения новых культур. В соответствии с этими основными заданиями структура нашего института в настоящее время уже определена, неоднократно продумана и выглядит сравнительно просто.

Несмотря на то, что мы являемся большим учреждением, у нас есть определенный стержень, позволяющий ориентироваться в нашей работе. Прежде всего наш институт имеет крупнейший в Европе отдел растительных ресурсов, который охватывает полевые хлебные, зерновые бобовые, технические, овощные, бахчевые, плодовые, ягодные, виноград, субтропические и новые культуры. В этот отдел входят лекарственные растения, табак и вопросы озеленения, которые в настоящее время не могут быть обойдены и хоть и в скромном виде, но тоже представлены.

Таким образом, наше учреждение охватывает все растениеводство Союза в целом. В настоящее время мы возделываем в производственном масштабе примерно 400 различных культурных растений, и все они, в большей или меньшей степени, курируются нашим коллективом. В задачи названного отдела входит изучение сортового материала, учет всего сортового состава. Эта цель была впервые поставлена в советское время. Раньше мы в течение долгих лет не знали, что возделывается в нашей стране. Сейчас нам известно, что строгий учет является основой социализма, и он простирается у нас не только на посевные площади, но и на сортовой состав, ведется точный учет видов растений. Задачей этого отдела является подготовка руководств для проведения сортосеменной работы.

Одним из крупнейших мероприятий в области сельского хозяйства на ближайшие годы, согласно указаниям партии и правительства, становится замена маловыгодных, малоурожайных и низкокачественных сортов по всем культурам сортами ценными. Эта чрезвычайно сложная работа требует учета того, что мы возделываем. Поэтому в нашей стране ежегодно десятки тысяч апробантов оценивают состояние полей, посевов и насаждений плодовых культур и учитывают, какие посевы являются ценными, какие – малоценными. Подготовка апробации, позволяющей отличать сорта малоценные от ценных, является одной из наших практических задач. В частности, в 1938 году большой коллектив института по поручению Наркомзема очень много работал над составлением четырех томов «Руководства по апробации», на основе которого фактически проходила вся работа с сортосеменами по всей стране.

Для удобства распознавания растений в сортовом разрезе мы имеем при нашем институте небольшое компактное учреждение – Гербарий культурной флоры, который, как известно, является единственным в мире, дающим представление о сортовом составе культурных растений в масштабе нашей страны с учетом всех интересующих нас заграничных сортов.

Следующий раздел нашего института – наши методические лаборатории, которые работают в комплексе с отделом растительных ресурсов, но помогают оценивать сорта растений под разными углами зрения – с точки зрения химика, технолога и т.д. Это весьма трудоемкая работа. В зависимости от условий растение меняется, происходят изменения и по годам. Наши лаборатории являются довольно сложными коллективами, по существу, маленькими институтами. Например, биохимическая лаборатория — одно из крупнейших учреждений этого рода в стране.

Важнейшая особенность нашей структуры, вытекающая из «заземления» нашей работы, – это наличие опытных станций в основных земледельческих районах, где происходит вся экспериментальная деятельность нашего коллектива[6]. В настоящее время значительная часть наших работников отправилась на места.

У нас есть три категории опытных учреждений. Основные учреждения, где приходится оценивать то, что мы изучаем. Такая работа ведется в Пушкине, в «Красном Пахаре» около Слуцка, где имеются большие питомники. Здесь, под Ленинградом, вы можете видеть богатейший, единственный в Европе питомник всех северных плодово-ягодных культур, ассортимент которых может у нас произрастать. Далее крупная станция по изучению полевых культур около Армавира, на Северном Кавказе — «Отрада Кубанская», Майкопская опытная станция, расположенная у подножья Кавказских гор около огромного массива диких плодовых лесов, которые состоят наполовину из диких яблонь и диких груш. Таких лесов в нашей стране около 7 млн га. Это естественные богатства, которые еще плохо используются, и создание станции было вызвано необходимостью разработки рациональных мер по привлечению этих огромных естественных богатств. Родина многих кормовых растений – наш Кавказ. Закавказье — самая замечательная область в мире по части кормовых культур; здесь же имеется богатейшая база для изучения семеноводства. В этих районах семеноводство укоренилось издавна, и мы здесь ведем исследование овощных культур. И, наконец, наша станция около Ташкента, в Тарнау, которая работает над самыми разнообразными среднеазиатскими культурами, виноградом и другими косточковыми плодовыми.

Следующая группа наших учреждений – пионерские станции, открытые в самых труднодоступных местах, где не так давно началось земледелие. В нашей стране за последние годы произошли огромные сдвиги. Все меняется. Еще не так давно (до строительства Хибиногорска и Апатитов) Хибинская станция была, по существу, островом среди огромных необитаемых пространств. Лет пять тому назад мы создали другую

такую же станцию, которая имела задачей уже не продвижение земледелия к северу, а освоение огромных пустынных пространств Казахстана. И около Аральского моря, около Челкара, была создана небольшая станция, ведущая работу по освоению пустынных районов. В Каракумах, в Туркмении и подобных районах требуется обеспечить население продовольствием, здесь нужно создать хотя бы небольшие оазисы, где произрастали бы культурные сельскохозяйственные растения.

В долине Копет-Дага, по границе с Персией[7], пришлось открыть небольшую станцию в Кара-Кале. Горная Туркмения, Копет-Даг – это родина фисташки. Фисташка, которую мы с вами едим, – не культурное, а дикое растение. Там же мы встречаем дикий инжир, дикий виноград, дикий миндаль, которые по качеству не уступают нашим лучшим культурным сортам. Поэтому при развитии субтропического хозяйства нами была поставлена перед Наркомземом задача оказания помощи в освоении этих огромных диких массивов и в превращении их в культурное хозяйство.

Такое же положение дел мы имеем на Дальнем Востоке. Дальний Восток замечателен тем, что имеет весьма богатую оригинальную древнюю третичную флору, среди которой встречаются опять-таки интереснейшие дикие плодовые – дикие груши, абрикосы, виноград и пр. И освоение этой плодовой флоры является одной из основных задач. В том же районе имеется исключительное богатство натуральных лекарственных растений, и там необходима помощь земельных органов и растениеводов в деле правильного выбора сортов.

Еще одна категория подразделений института — опорные пункты, которые мы имеем для проведения работ специального назначения с небольшими площадями. Те станции, о которых я уже говорил, обладают площадями от 150 до 500 га, а опорные пункты более скромных размеров, они располагаются примерно на 50 га площади. Так, Ташкентский опорный пункт открыт специально для отбора сортов винограда и обслуживания курортной зоны. Около Бахчисарая имеется опорный пункт, где мы размножаем ценнейшие сорта для снабжения ими страны. И третий опорный пункт, Дербентский, очень удобен в смысле климата, топлива, орошения; там мы размножаем мировую коллекцию пшеницы.

Мы с вами находимся здесь, по существу, в своего рода государственном банке, потому что институт обладает огромными ценностями в результате той мобилизации сортов, которую он провел. По одной пшенице у нас около 35 тыс. образцов, собранных во всех странах мира. Эта коллекция чрезвычайно ценна для поддержания работы по селекции в вузах, техникумах, для преподавателей начальных школ и учебы, для практических целей селекции. Для поддержания этой коллекции в живом виде (чтобы наш банк был не музеем, а банком) пришлось продумать систему, охватывающую земледельческие районы, посадить коллектив «на землю», чтобы эти ценности могли быть апробированы в жизни и войти в практику.

Такова наша структура. И этим до некоторой степени определяются задачи института. Коллектив наш большой. Мы представляем собой одно из очень больших учреждений не только в системе Наркомзема, где мы занимаем по масштабам первое место. Наш штат определяется, включая постоянный персонал на опытных станциях и опорных пунктах и рабочий персонал, в 950 человек. Из них одна треть в центре и две трети работают на периферии. Какова квалификация этого штата? 110 кандидатов и 22 доктора биологических, химических и, главным образом, сельскохозяйственных наук и 4 академика[8]. Наш бюджет в настоящее время определяется приблизительно в 7,6 млн руб.

Я забыл сказать о том, что в нашу систему входит чрезвычайно интересное учреждение, руководство которым осуществляется нами и в котором работает наш пер-

сонал, но состоит оно на бюджете Наркомзема, а не Сельскохозяйственной академии. Это тропический интродукционный питомник в Сухуми, где растения испытываются, апробируются и вводятся в селекцию. Там ведется селекционная работа со всеми основными тропическими растениями, с тунговым деревом, цитрусовыми и другими культурами. Это наше учреждение, но в силу его стоимости и особых задач оно было передано в систему Главного тропического управления.

Таковы в самом кратком виде итоги работы и баланс больших государственных затрат института, который можно сравнить только с единственным в мире учреждением – Бюро растительной индустрии в США. Это еще более крупное учреждение. Бюро растительной индустрии построено по нашему типу, но в еще большем масштабе. Мы много учились у Америки, но и еще предстоит учиться.

Об итогах своей работы трудно говорить, особенно директору, который в течение 19 лет занимает эту должность и может быть субъективным и даже ошибаться. Однако некоторые объективные моменты достаточно ясны. Основной работой, которую проделало данное учреждение, мы считаем создание научного растениеводства, разработку заново всего учения о культурных растениях в отношении их видового и сортового состава. Работа подытоживается в виде многотомного издания. Вы видите пять томов «Культурной флоры СССР», которые представляют собой попытку впервые подвести итог всем знаниям о культурных растениях нашей страны, причем с учетом всего интересного, что имеется по интересующим нас культурам за границей. Фактически по таким культурам, как пшеница и ячмень, – это попытка впервые создать описание мировой флоры с учетом сортов и их ценности. Должно выйти 22 тома этого труда.

По существу, институтом раскрыто огромное новое богатство, неизвестное в прошлом, включающее в себя десятки новых видов культурных растений, причем по таким важнейшим культурным объектам, как пшеница и картофель. Вся практическая работа по апробации поставлена на научную основу благодаря тому, что мы ввели в дело изучения сортов ботанический метод. Поэтому наше руководство является доступным и точным, позволяющим давать тонкие различия сортов, что чрезвычайно важно при апробации.

В настоящее время коллектив наших работников по овощным культурам усердно занимается подготовкой «Руководства по овощным и бахчевым культурам». На будущий год мы приступаем к еще более сложной и запутанной задаче – к созданию основ апробации плодовых культур, ассортимент сортов которых очень сложный.

Понятно, что, мобилизуя материал и изучая его всесторонне, мы должны были бы вводить наиболее ценные культуры и сорта в практику растениеводства. Я уже говорил вкратце, что нами было взято все наиболее ценное из таких стран, представляющих для нас наибольший интерес, как Северная Америка и Западная Европа. Консультационная ответственная работа по отбору всего рационального из существующего опыта проходила и проходит при непосредственном участии нашего института.

Попутно с консультациями, разрабатывая сами методы селекции, нам, естественно, приходилось и апробировать эти методы при введении сортов. Хотя над этой проблемой работают государственные селекционные станции и отраслевые институты, в значительной мере и наше учреждение занималось этой задачей, особенно в прошлом, когда еще не было такой резкой разверстки, как в последние годы. Так что и над этими практическими задачами нам приходилось работать.

Институтом было введено несколько десятков сортов разных культур. В текущем году 75 тыс. га земель в Ленинградской области будут заняты льнами-долгунцами под названием ДС-30 и ДС-37. На Северном Кавказе введен новый сорт сои, в этом году под него отведено 12 тыс. га. Почти по каждой культуре мы можем дать один или не-

сколько ценных сортов для той или иной крупной области. Мы связаны с селекционной системой, а каждая государственная селекционная станция имеет от 1 до 3 тыс. га земли, связанных с практическим семеноводством. Наше дело – предоставить материал, из которого она выделит ценные сорта. Фактически из огромного материала, который мы передавали станциям, выведены сотни ценнейших сортов.

Мы можем говорить с гордостью о том, что больше половины всего хлопчатника, выведенного в Союзе, составляют сорта, полученные из материала, который коллектив собрал в экспедициях и предоставил отраслевым институтам. Больше половины сортов ячменя, выведенных в Союзе, получены из исходного материала, хранящегося в ВИР. Хорошие результаты институт получил в работах по овсам.

Здесь присутствует доктор Розанова[9]. Она работает в секции ягодных культур. Это молодое подразделение, последовательно вовлекающее в орбиту нашей деятельности новые культуры. Когда я пришел в Отдел прикладной ботаники, работа велась только с тремя культурами – пшеница, ячмень, овес. Сейчас мы работаем с 350 культурами. Из 100 сортов по [. . .][1] более 50 выведено из материала ВИР, введен ряд новых видов растений.

С большим удовлетворением всегда сам себя проверяешь. Как ни увлекательна задача теоретическая, научная, но все же требуется апробация на практике. Большое удовольствие испытываешь, когда видишь, что из экспедиций, которые всегда проходят нелегко, материалы доходят до жизни, занимая тысячи гектаров земель. В текущем году в Азербайджане вошел в производство новый вид пшеницы, который удалось отыскать в Сирии. Этот вид замечательный в отношении болезнеустойчивости и неполегаемости. Им занято 16 тыс. га земли, но несомненно, что площадь под этой пшеницей в ближайшие годы увеличится. Мы сейчас готовим труд к Сельскохозяйственной выставке, который подытожит нашу практическую работу. Множество новых культур, впервые вышедших на колхозные и совхозные поля в советское время, прошло через институт[10]. Например, безалкалоидный люпин и сладкий люпин, где мы обеспечили саму возможность отыскания этих редких форм. Мы ввели в практику у нас в стране тунговое дерево. Благодаря нам много новых культур появилось на Черноморском побережье, в Ленкорани, в Азербайджане.

Сейчас мы работаем над очень трудной проблемой, у которой есть скептики, – над освоением культуры хинного дерева, что говорит само за себя, потому что только в 1936 году мы выписывали хинина на 8 млн руб. золотом. Монополия на хинин принадлежит Голландии. Хинное дерево встречается на о. Ява, и там из его коры добывается препарат. По оборонным соображениям стране нужно было во что бы то ни стало освободиться от импорта хинина, поэтому мы приложили большие усилия к тому, чтобы достать семена хинного дерева. Для этой цели специально была послана экспедиция в Перу и Боливию, которая сумела добыть эти семена. Но, поскольку у нас нет районов с тропическим климатом, который необходим для произрастания хинного дерева, пришлось дерево, по существу, переделать и превратить в травянистую однолетнюю культуру. Такая необходимость была продиктована тем, что в наших субтропиках температура зимой бывает довольно низкая, а хинное дерево при –10 °С уже погибает. Таким образом, мы это дерево переработали, приготовили черенки и рассаду. Черенкование прошло прекрасно, потому что нам помогли химики и физиологи, которые дали особый раствор необходимого гормона[11] (если опустить в такой раствор черенок, то укоренение идет чрезвычайно хорошо). В парниках и оранжереях мы приготовили рассаду. В апреле, когда в Сухуми, Гаграх и Батуми кончаются морозы, на плантациях высевается хинное дерево. В этом году мы имели большие достижения. На днях пришлось докладывать в Наркомздраве о том, что мы уже имеем около 3 га хинных планта-

ций, которые дали превосходный хинный алкалоид. Этим хинином лечили больных тропической и другими формами малярии, и результат получился прекрасный. Хинин нисколько не уступает по своим качествам импортному препарату. Как мне сообщили, Наркомздрав открывает в этом году два хозяйства (в Батуми и Гаграх) по размножению хинного дерева. Всего нам потребуется 700-800 га хинных плантаций, чтобы совершенно освободиться от импорта хинина. Я привожу эти факты здесь, чтобы показать диапазон той работы, которую приходится вести.

Таким образом, апробация, обеспечение исходным материалом всей страны, разработка селекционных методов, внедрение новых культур и ценных сортов, помощь по сортосменам – вот наши основные задачи.

Большую роль в деле осуществления этих задач играет наша биохимическая лаборатория, возглавляемая ее основателем профессором Н.Н. Ивановым[12]. Биохимическая лаборатория провела очень большую работу по оценке химического состава всех культур, возделываемых в Союзе, в географическом и сортовом аспекте, и оказала большую помощь в деле познания химических качеств растительного сырья. В настоящее время итоги этой работы подводятся в издании «Биохимия культурных растений», где, по существу, впервые дается химическая оценка всей растительной продукции нашей страны. В частности, в последнее время по указанию соответствующих наркоматов особое внимание было уделено вопросу растительных витаминов, и лаборатории удалось найти чрезвычайно ценные объекты как среди культурных форм, так и среди диких видов. Лаборатория разрабатывает также и методики, так как от головного учреждения требуется помощь всей сети учреждений. Наша наука стоит так высоко, что каждая селекционная станция не только ведет рутинную работу, но и оценивает химически и физиологически свои сорта. Для того, чтобы как следует пользоваться методикой, нужно единообразие, более ускоренный метод оценки.

Наша физиологическая лаборатория, находящаяся в Пушкине, – одна из крупнейших и занята в нашем учреждении прикладными вопросами засухоустойчивости, холодостойкости и зимостойкости. Физиологи чрезвычайно помогли в оценке этих свойств у сортов.

Генетическая и цитологическая лаборатории являются помощниками нашего большого коллектива в освоении селекционерами видовых и сортовых богатств. Генетическая лаборатория, руководимая профессором Карпеченко[13], – молодое подразделение, работающее над вопросами отдаленной гибридизации. Этот вопрос был поднят Мичуриным, который работал на плодовых. Мы перенесли свой опыт на растения, размножающиеся семенным путем. Лаборатория исключительно оригинально подошла к проблеме и разработала метод преодоления бесплодия у гибридов, применив способ удвоения хромосом. В 1938 году мы особенно прояснили этот вопрос. При помощи как физических, так и химических факторов удается вызвать крупные наследственные изменения[14]. Увеличение числа хромосом имеет большое значение, потому что они по современным представлениям являются весьма важными составными частями клетки. Передача по наследству свойств главным образом связана с хромосомами[15] и, оказывается, в настоящее время имеются хорошие методы, позволяющие очень глубоко воздействовать на изменение количества ядерного вещества, что приводит к увеличению массы и размеров семян.

Я боюсь сейчас углубляться в эту теоретическую область, но скажу, что, изучая эволюцию видов цветковых растений, мы везде находим кратность числа хромосом. Каждый вид характеризуется определенным числом хромосом, и во многих группах растений мы имеем различия по видам, проявляющиеся в повторяющейся кратности

[1] В этом месте стенограммы пропуск. О сортах каких культур идет речь, установить не удалось.

числа хромосом для данного вида. Так, одни пшеницы имеют 7, другие – 14, третьи – 21 и т.д. (пар хромосом).

Если мы возьмем розу, то одни виды имеют [хромосомный набор] 14, другие – 21 и т.д. Бесспорный факт, что в эволюции очень многих растений увеличение кратности хромосом имело огромное значение. Надо сказать, что нашей лаборатории удалось искусственно увеличить такого рода кратности, что приводит к интересным новообразованиям, которые подводят не только к проблеме сортообразования, но и образования новых видов. Когда мы это проделываем с бесплодным гибридом, давая ему соответствующую пару, то мы делаем, по существу, чудо, вызывая из совершенно бесплодного гибрида плодовитые формы.

Если вы приедете в Пушкин в этом году, то мы вам буквально покажем чудо с биологической точки зрения. Должен сказать как биолог, что я по крайней мере до последних лет такого явления не видел. Берутся совершенно бесплодные гибриды двух разных видов – одного, скажем, австралийского, другого американского, которые в эволюции очень много лет тому назад, когда разделились эти континенты, разошлись. Вы скрещиваете эти совершенно бесплодные растения, не дающие ни одного семени, и, применяя некоторые химикалии, уже можно вызвать удвоение хромосом[16]. Этим самым мы делаем из бесплодного растения плодовитое. Обработали химическим веществом какой-нибудь отводок, и коробочка полна цветов, а рядом совершенно бесплодная ветвь.

Наш коллектив работает в направлении освоения тех огромных видовых богатств диких и культурных растений, которые мобилизованы институтом. Исследования по отдаленной гибридизации особенно увлекательны, и поэтому в нашей работе истекшего года им уделялось большое внимание. На Майкопской станции получен гибрид земляной груши и подсолнечника. Пока корзинка гибрида довольно бесплодна и это еще силосное растение, но задача в дальнейшем будет заключаться в том, чтобы получить и клубни, и корзинки.

Доктор Пангало[17] по приглашению хозяйственных органов провел на Востоке интересную работу по бахчевым культурам. Заканчивается скрещивание плодов от диких ядовитых арбузов пустынь – колоцинтов (когда-то мне пришлось отравиться в пустыне этим диким арбузом, так как я попробовал его на вкус, потому что искал сладкие арбузы) с культурными сортами сладких арбузов. Наши работники по плодоводству и ягодным культурам много и успешно работают в области отдаленной гибридизации.

Работа Полярной станции является признанной. По результатам работы Полярной станции в настоящее время закладываются хозяйства, растут колхозы и совхозы в этом районе. В течение 14-летней упорной работы станции удалось в очень тяжелых климатических условиях подобрать ассортимент и выяснить возможность широкого применения культур. Опыт Хибин с Кольского полуострова распространен на весь север. Директором Полярной станции является академик Эйхфельд[18].

Приаральская станция возглавляет работу по изучению растений полупустынных районов. И надо отметить очень интересные результаты по разработке траншейного метода, которые получены в истекшем году. Роются траншеи в 2 м глубиной, делаются определенные скосы, выбирается участок с легкой почвой, супесями и песчаной почвой, канал прорывается почти до грунтовых вод, сверху набрасывается черная земля. В таких траншеях, где можно легко подвести растение к грунтовой воде, в условиях Актюбинска (на голом пространстве) получают до 1000 ц томатов. Эта работа трудоемкая, но, учитывая, что необходимо ограниченное пространство для обеспечения городов овощным материалом, такого рода траншеи рентабельны. Постановлением актюбинских районных организаций закладка траншей будет произведена в четырех

районах для обеспечения их населения продовольствием.

Позвольте кратко остановиться на выполнении плана 1938 года. В настоящее время широко принято соцсоревнование, и мы приняли вызов Одесского института, руководимого академиком Лысенко, и взяли очень большие обязательства, которые вытекают из самого объема и разностороннего охвата нашей работы. Эти обязательства нами выполнены. Позволю себе остановиться на некоторых из них.

Одно из главных обязательств, которое выполняет наш коллектив, – разработка новой классификации культурных растений для селекционных целей. Дело в том, что недостаточно привести все разнообразие в ботаническую систему. Чтобы селекционер знал, с чем он работает, он должен учитывать анатомические, биохимические, физиологические, экологические особенности растений. Чтобы дать основу для подбора пар для практической селекции, нам приходится разрабатывать вопросы экологии для культурных растений, что является очень трудоемкой работой, требующей оценки многих тысяч и десятков тысяч сортов по устойчивости их к различным заболеваниям в разных условиях, в отношении засухоустойчивости и холодостойкости. Эту большую работу мы начали несколько лет тому назад на наиболее важных объектах. Как обязательство мы ее в основном закончили, и в ближайшие два-три дня мы ее завершаем подготовкой к печати. После проведенной мобилизации растительных ресурсов и охвата в широком аспекте огромного материала интересующих нас культур нашей священной обязанностью является помощь практическому селекционеру в нахождении всего наиболее ценного.

Я уже говорил о работе доктора Букасова, об освоении им огромного видового материала, о том буквальном открытии Америки, которое было сделано советскими работниками. Только сегодня я видел книжку, выпущенную Сельхозгизом, о том, что сделано доктором Букасовым и его сотрудниками по картофелю. Это буквально роман. Благодаря вооруженности соответствующими методами и помощи физиологов, генетиков и цитологов ему удалось открыть огромное количество видов в Америке. Но весь этот ценный материал требует напряженной работы, чтобы путем скрещиваний соединить свойства новых найденных видов с полезными качествами нашего картофеля. Легко давать задания вывести сорт иммунный, вкусный, устойчивый к болезням, но, чтобы вывести сорт путем отдаленной гибридизации, приходится очень много работать. И не случайно, как мы знаем, И. В. Мичурин работал 50 лет, а ощутимые результаты у него стали появляться только в последнем десятилетии. Метод отдаленной гибридизации мы применяли, но, как правило, он требует повторной проверки результатов. В этом отношении коллектив, руководимый доктором Букасовым, работает ударно под Ленинградом и в Хибинах, потому что необходимо учитывать разные условия, различную среду.

Выполняя государственное задание, которое так выпукло поставлено товарищем Сталиным, о распутывании путаницы в семеноводстве, об обеспечении нашего сельского хозяйства ценными сортами, все наши станции, работающие на земле, были нацелены на то, чтобы лучшие сорта размножить, дать возможно большее количество элиты лучших сортовых семян. Мы взяли на себя очень трудное задание по полевым и техническим культурам и его выполнили. В отношении новых культур отмечу только два момента: позволю себе отметить работу по хинному дереву Якимова, которому удалось добывать хину не только из коры и корней, но и из листьев (это не удавалось еще никому и увеличивает урожайность хинина на одну треть с гектара). Мы получили в начале этого года листовые хинные алкалоиды, и они испытываются. Это большое достижение. И укажу еще на работу Переверзева и Культиасова над введением у нас новой культуры – джута, который возделывается в Индии, в Бенгалии. Мешки из конопли промокают, а джутовые не промокают. Вся наша сахарная промышленность

использует джутовые мешки, и тратятся огромные деньги на ввоз джута. После длительной работы удалось найти сорта этой культуры, которые вызревают в Средней Азии. В прошлом году под ними было занято 27 га земель, в этом году отводится 100 га, и в ближайшее время мы надеемся иметь новую культуру джута.

Позвольте указать на еще одну задачу, которую нам удалось выполнить. В настоящее время правительством поставлен перед нами и другими отраслевыми институтами большой вопрос оборонного характера. За границей (в Германии, Эстляндии, Финляндии) на картофеле свирепствует страшная болезнь – рак картофеля. Когда-то свирепствовала фитофтора, и с ней справились, а сейчас идет рак. В нашей стране на картофеле нет рака, но он уже подошел к границе. Надо самыми быстрыми темпами ввести на границе ракоустойчивые сорта картофеля. В этой работе принимает активное руководящее участие доктор Букасов с его группой, которые проделали большую работу по использованию мирового опыта в борьбе с таким заболеванием картофеля, как рак, по оценке сортов на устойчивость против этой болезни. Несмотря на трудности с изданием трудов, сейчас вышла книга «Ракоустойчивые сорта картофеля». Кроме того, уже размножили из выведенных им ракоустойчивых сортов наиболее ценные (как раз для Ленинградской области) в количестве до 600 ц, то есть в довольно заметном количестве, которым производство уже может оперировать.

Далее, мы имеем отдел агрометеорологии. В прошлом году по постановлению правительства к нам был присоединен Всесоюзный агрометеорологический институт. По существу, наш отдел – тоже целый институт, имеющий после сокращения штат в 45 человек. В порядке выполнения социалистических обязательств отдел агрометеорологии проделал в истекшем году очень важную работу, подготовив мировой Агрометеорологический атлас, который можно использовать в земледелии, потому что он позволяет нам узнавать, откуда получить подходящий сортовой материал для наших условий.

В целом мы наш план и обязательства, которые были приняты, выполнили и сейчас выполняем те обязательства, которые взяли на себя к XVIII съезду партии.

Позвольте теперь остановиться на вопросе о подготовке кадров. Естественно, что от такого крупного учреждения, как наше, требуется большая работа по подготовке кадров. Ежегодное число аспирантов по институту составляет человек 70, не говоря о товарищах с опытных станций, приезжающих сюда обучаться тому или иному методу. У нас ежемесячно бывают десятки работников с мест.

Я сам много учился и за границей, и в нашей стране, и сейчас приходится много учиться. (Наш брат, вступивший на путь науки, обречен на вечную учебу.) Поэтому я могу сказать, что условия для аспирантуры в такой системе, как наш институт, совершенно особенные. Мы имеем исключительной квалификации руководящий персонал, о котором я уже говорил, состоящий из людей, знающих свое дело не только в целом, но и конкретно, с учетом культур, мирового опыта и всей литературы.

Затем, у нас замечательная библиотека. Позволю откровенно сказать, что мы гордимся нашей библиотекой. Я много работал в зарубежных библиотеках, когда учился, и кое-что мы использовали в нашей библиотеке из американского опыта. Наша библиотека имеет огромный книгообмен со всем миром, мы, фактически, получаем почти все. Но самое главное, что благодаря исключительной энергии и умению заведующего библиотекой, фаната своего дела и энтузиаста, у нас есть замечательно организованная библиография. Каждый журнал со статьями на каком бы то ни было языке разносится по мере поступления на карточки по разделам. Таким образом, мы имеем каталог не только книг, но и журнальных статей, и притом приведенный в строго научную систему, которая позволяет вам в 5 мин найти в деталях все, что вам нужно. Если вас, скажем, интересуют болезни картофеля, вы находите букву «К» и смотрите слово «Картофель». Там имеется

раздел «Болезни», и вы там находите все, что выходит из года в год и из месяца в месяц, а также данные, где это находится в библиотеке. Вы можете найти все, что нужно.

Мы помогаем товарищам изучать иностранные языки, потому что нам очень важно знать, что делается в мире. Возьмите вопрос о ракоустойчивых сортах картофеля. Болезни у нас в стране еще нет, но мы уже должны знать, что делается за рубежом, какие иммунные сорта там выводятся.

У нас прекрасные лаборатории, охватывающие все методы, до технологии включительно. Мы даже проводим оценку всего советского богатства злаков на мукомольные качества. Сейчас имеется большая лаборатория по прядильным изделиям. У нас есть большая система станций, где можно в течение вегетационного периода работать под квалифицированным руководством. Я думаю, что нигде нет аналогичных условий, где можно было бы с таким успехом учиться аспиранту. И, конечно, никто из нас в свое время не мог мечтать о тех возможностях, которые созданы в советское время. Подготовка кадров идет усиленно. За 8 лет в нашем институте закончили аспирантуру 184 человека, из них большинство получило кандидатские степени. Одна наша биохимическая лаборатория воспитала около 40 кандидатов химических наук, а это исключительно важный раздел. И в отношении постановки личного эксперимента каждый аспирант теперь имеет такие возможности, о которых мы в прошлом не могли и мечтать.

Как у каждого уже сложившегося стройного учреждения, так и у нас был определенный стержень, ибо, если бы такого стержня не оказалось, руководить подобным институтом, где работает почти 1000 человек, было бы невозможно. В последние годы мы усиленно вели сокращение штата, а в годы «разбега» число сотрудников доходило до 2000 человек.

Какие основные трудности? Они очень существенны, и помощь в их преодолении крайне важна. Начну с самого ясного для всех. Как ни странно, такой колосс, как ВИР, является нищим миллионером. Мы имеем прекрасное здание, библиотеку, коллекции, которые нельзя оценить даже золотом (такова их стоимость!), и все это находится в порядке. Что было в прошлом, в 1922-1923 годы, когда мне пришлось приступить к делу? Все было в картонках, здание полно моли, в некоторых помещениях просто был ад. С этим мы справились. За последние годы все семена переведены в металл, мы их храним в металлических коробках.

У нас имеются иные ценности — прекрасные станции, особенно в Пушкине. Но в то же время сам рост института, оформление его и его ценностей требуют большого ухода, особенно в таких центрах, как Ленинград и Пушкин. Здесь необходимы большие расходы по приведению в порядок зданий, отопления, электрификации, водоснабжения, а те сокращения, которые в силу необходимости проводятся в соответствие с бюджетом, обычно сугубо болезненно отражаются на жизни такого рода институтов. Дело в том, что в подобных нам учреждениях имеется огромная сумма обязательных расходов, так как нельзя не освещать и не отапливать помещения. И если в нынешнем году мы имеем сокращение смет по всем институтам примерно на 20%, то это чрезвычайно болезненная операция, которая отразится, конечно, прежде всего на научной работе. Вы понимаете, что с воды, топлива, электричества, ремонта крыш и оплаты сторожей я снять средств не могу. В результате ситуация отражается на научном персонале: высококвалифицированный персонал получает за свою исследовательскую работу скудную оплату. Поэтому то сокращение бюджета, которое было проведено в текущем году, исключительно больно коснулось нас, как и других институтов Москвы и Ленинграда. Должен сказать, что это исключительно серьезный вопрос, и я упоминаю о нем не в силу привычки руководителя всегда говорить о финансах. (Я, грешным делом, может быть, более других повинен в этом, потому что, не прекращая исследовательской

работы, я, вероятно, больше других занимался финансовыми вопросами.) Но положение с бюджетом заставляет бить тревогу, потому что оно касается уже кровеносной системы и нервов института.

Вопрос зарплаты. Как ни странно, имея самый квалифицированный в Союзе персонал, по сей день у наших сотрудников наименьшие ставки. Они в 1,5-2 раза ниже, чем в вузах, в 2 раза ниже, чем в Академии наук, даже ниже, чем по государственной селекционной сети, которая имеет, естественно, значительно менее подготовленный персонал. Аномалии, например, таковы: мы выделили из нашего института персонал и часть территории для организации областной государственной селекционной станции; работает эта станция рядом с нами, а сотрудники ее оплачиваются в 2 раза выше.

Когда вы имеете дело с квалифицированным работником, который работе отдал всю жизнь, посвятив себя пшенице или кукурузе (от такого сотрудника кукурузы не отделишь, ее нужно с ним класть в гроб в качестве ордена), он от нас не уйдет, но с техническим персоналом положение стало таково, что директору впервые за 19 лет приходится сталкиваться с предложениями занять вакантные места технического персонала. Это недопустимая в советской стране аномалия, которая вызывает антагонизмы, нарушения дисциплины и оперативности работы.

В нашем деле мы связаны с сезоном, с посевом. Завтра вы приедете [в Пушкин] и увидите, что сотни людей насыпают пакеты, рассылая колхозам, совхозам, вузам и опытным станциям посевной семенной материал. Это большая работа, которую должен делать технический персонал под соответствующим руководством, а мы на этом вынуждены экономить.

Совершенно недопустимое и небывалое положение мы переживаем на издательском участке. Мы ушли из кабинета, в котором началось наше заседание, но вы там могли видеть все издания, которые выпустил институт за время своего существования. Это направление работы у нас поставлено на необычайную высоту. Институт регулярно отчитывался перед страной, публикуя огромное количество общедоступной литературы, сотни популярных брошюр по каждой культуре, капитальные труды и т.д. В настоящее время все свернуто и прекращено, за исключением совершенно неотложных руководств, без которых невозможно провести государственной сортосмены. Сначала централизация изданий в академии, затем в Сельхозгизе, потом трудности, которые мы переживаем на бумажном фронте, привели к тому, что такие учреждения, как ВИР и другие, перестали нормально функционировать. Это недопустимо безобразное явление, с которым надо вести активную борьбу. Наша потребность очень небольшая, тиражи ограничены (1500 – 2000 экз.), но нам это нужно как воздух для обмена опытом. Мы просим помочь в этом деле.

Крупным и специфическим дефектом в нашей обстановке является разноголосица, которая существует сейчас в науке. И этот вопрос гораздо сложнее, чем он кажется некоторым товарищам. Мы – большое учреждение, охватываем громаду науки, вопросы о культурах и их распределении, об их введении в жизнь, о земледельческом освоении территории. Речь сейчас идет не о всей громаде, а о генетике. Но участок стал злободневным, ибо наши концепции очень расширились. Конечно, как всегда в науке, вопрос решит прямой опыт, решат факты. Это длительная операция, особенно в нашем селекционном деле. Для выведения настоящего сорта нужен ряд лет и должен иметься ряд условий. Одно дело – областная или районная работа, и другое дело – работа таких головных учреждений, как наше. Разноголосица у нас здесь получается очень серьезная. Я не могу на ней подробно останавливаться, но скажу, что считается, что существуют две позиции – позиция Одесского института и позиция ВИР. При этом надо сказать, что позиция ВИР – это позиция современной мировой науки, написанной не фашиста-

ми, а просто передовыми тружениками. В этом нет никакого сомнения. Посмотрите их труды и вы увидите, что их позиция такая же, как наша, причем она апробирована и советской, и мировой практикой.

Но есть и другая точка зрения, которая, может быть, в некоторых частях покажется очень интересной. Следить за ней нужно, и каждый из нас это делает, но у нас существуют расхождения... И если бы мы собрали здесь аудиторию, состоящую из самых крупных селекционеров (практиков и теоретиков), то я уверен, что они голосовали бы с вашим покорным слугой, а не с Одесским институтом. Это дело очень сложное. Приказом, хотя бы наркома, оно не решается. *Пойдем на костер, будем гореть, но от своих убеждений не откажемся.* Говорю вам со всей откровенностью, что верил, верю и настаиваю на том, что считаю правильным. И не только верю, потому что вера в науке — это чепуха, но говорю о том, что знаю на основании огромного опыта. Это – факт, и от него отойти так просто, как хотелось бы и занимающим высокий пост, нельзя.

Эти разногласия вызывают большие сложности в нашей работе – чрезвычайно много нарушений дисциплины, которые происходят по линии аспирантуры, по линии дирекции и разлагают учреждение. Это у нас самое больное место на сегодняшний день.

Говорю вам по долгу гражданина и научного работника, который обязан говорить об этом со всей откровенностью: положение таково, что какую бы вы не взяли иностранную книжку, все они идут поперек учения Одесского института. Значит, эти книжки сжигать прикажете? Не пойдем на это. До последних сил будем следить за передовой мировой дарвиновской наукой, считая себя настоящими дарвинистами, ибо задачи освоения всех мировых ценностей, растительных ресурсов, которые создало человечество, могли быть выполнены только при дарвиновском революционном подходе к этому делу. И те клички, которые тут иногда даются, нужно сначала очень внимательно продумывать.

Полагаем, что все трудности в нашей жизни будут изжиты. Достижения, настойчивая работа, упорный труд в конце концов покажут, что же является правильным. Но сложности у нас имеются. Прежде всего в вопросе о печатном слове. Благодаря некоторой однобокости позиции получается такое положение, что одна сторона имеет возможность больше печатать, а другая меньше. Это тоже серьезный момент.

Вопрос о печатном слове, материальные трудности и, наконец, та разноголосица, мимо которой пройти, конечно, нельзя, – вот в чем заключаются наши трудности. Но я полагаю, что мы представляем собой сильный коллектив, много работающий, который всецело проникнут горячим желанием работать для советской страны, считает для себя честью, долгом, сутью и смыслом отдать свои знания своей стране, делать большое дело. Думается, что коллектив этот (я вам только кратко, куце смог рассказать о его работе) очень сильный, здоровый, внимательно следящий за всем новым, проверяющий себя постоянно, работает много. Биологическая наука чрезвычайно быстро движется вперед. Мы будем работать над собой и готовы учиться и переучиваться.

Ответы на вопросы в ходе заседания[19]

Н.И. Вавилов: Может быть, мне помогут товарищи, так как у меня нет с собой точных документов по аспирантуре, в смысле цифровых данных. За все время мы выпустили 180 аспирантов, окончивших аспирантуру полностью, большинство из которых должно было нормально провести экспериментальную работу и защитить диссертацию. Диссертации защитили не все, но все закончили и получили звание научного сотрудника или исполняющего его должность.

«Отход» за эти 8 лет составил примерно, я думаю, процентов 40. Иногда мы даже сами увольняли, а иногда эти работники направлялись обратно на ответственную работу. Это нам тоже приходилось делать, так что тут были причины и совершенно делового порядка. Надо сказать, что мы имеем довольно жесткую производственную систему в Нар-

комате, который иногда бывает вынужден забирать от нас работников. Сегодня, например, я получил сообщение, что очень хороший наш работник, член партии, товарищ Минкевич[20], который работал над докторской диссертацией, назначается директором Всесоюзного масличного института; несмотря на ходатайство, его берут от нас. И по линии аспирантуры мы имеем другие переводы. Аспиранты, как правило, прикреплены к кому-либо из квалифицированных сотрудников. Обычно мы привлекаем к этому докторов наук.

Укажу на крупнейшую аномалию, которая является недоразумением, которые у нас бывают. Я директор дважды. Как член Академии наук я, за отсутствием других работников-биологов, был назначен директором Института генетики. Институт генетики – маленькое учреждение, имеющее около 70 работников, но там мы имеем право присуждения ученых степеней, мы имеем там очень квалифицированный состав, имеем трех академиков[21], восемь-десять докторов. Но это учреждение по составу слабее, чем Институт растениеводства, который имеет 22 доктора, имеет академиков в своем составе. И тем не менее Институт растениеводства не имеет права присуждения ученых степеней. Мы обладали этим правом, и мы его лишились. Эта система неправильная. Если в Германии степени, как правило, получают в вузах, то для нас это – не закон. У нас огромная сеть крупных институтов. Может быть, в других странах исследовательская работа ведется при вузах, университетах, а у нас жизнь вызвала нужду в создании крупных исследовательских институтов, в которых проводится также и учебная работа. Мы проводим учебу с аспирантами, организуем различные курсы, иногда многолюдные. Недавно, например, прошли курсы по консервному делу, по плодоводству.

Нельзя исследовательскую работу отрывать от учебы. Академия сельскохозяйственных наук не сумела отстоять вопроса о предоставлении нам права присуждения степеней, о предоставлении этого права другим таким же крупным учреждениям, как наше.

С места: Раз есть аспирантура, должны это право дать. Я просил бы это отметить. Это очень серьезное обстоятельство.

Н.И. Вавилов: Подготовка к посевной кампании. Она в полном разгаре, несмотря на большие финансовые трудности, неожиданно нами претерпеваемые по операционным кредитам. Мы считаем необходимым провести нормально посевную кампанию. Мы менее всего затронули в отношении финансов нашу «заземленную» опытную часть, где мы считаем обязательным размножить все ценное, что мы возделываем, и всю площадь засеять, и хорошо засеять. Идет напряженная кампания. Директора, которые экзаменовались здесь, директора станций выезжают на места. Например, директор Майкопской станции отправится завтра на Северный Кавказ. Все наши филиалы являются органической экспериментальной частью института. Мы все больше и больше подходим к тому, что некоторые наши секции мы переводим прямо на землю. Скажем, по секции виноградарства у нас основная база находится в Средней Азии, где есть селекционный материал и должна разворачиваться большая селекционная работа, там же находятся и основные кадры. Понятно, что этим кадрам, чтобы быть в курсе науки, приходится по несколько месяцев работать у нас в библиотеке. Мы не отрываем их от центра, и такое правильное соотношение работы центра и периферии – самый большой плюс нашей системы. Это позволяет нам, работая на земле в районах, будучи связанными с районами, иметь при этом возможность общаться с нашим основным научным коллективом, с нашей превосходной библиотекой и другими библиотеками и учреждениями, которые имеются в городе Ленинграде. Это дает нам чрезвычайно много. Благодаря такому положению наши станции органически связаны с нами. Назначение директоров проводится из центра, даже подбор руководящего персонала согласуется с центром – это неотделимые части одного целого. Иногда проявляется центробежная сила, но она все-таки слаба.

Даже такое учреждение, которое находится не на нашем бюджете, а на бюджете Главного управления, как Сухумский интродукционный питомник, все-таки связано с нами. Тут важно, что центральные «подкованные» кадры сами берутся за экспериментальную работу и проводят ее. Идет обмен умственным багажом, и работники центрального учреждения принимают участие в работе периферии. Мы этого добились.

В отношении всей нашей системы в целом. Насколько я знаю, а я руковожу сельскохозяйственной наукой около 19 лет, и не только в нашем институте, должен сказать, что мы имеем исключительно прочно и стройно построенную систему, имеющую огромные плюсы. Какие интереснейшие результаты и какие экспериментальные возможности вы получаете, когда проводите опыты в географическом разрезе, когда вы осваиваете культуру в масштабе нашей страны! Я боюсь даже, что мы еще мало используем те возможности, которые имеем – от Полярного круга до Сухуми и Владивостока.

Сейчас посевная кампания в полном разгаре, и, несмотря на указанные трудности, она проходит все же нормально. Мы очень следим за этим участком. Нужно сказать, что в прошлом году мы с большой честью выдержали экзамен в смысле урожайности наших полей, которая оказалась исключительно хорошей, несмотря на трудный год. Так, например, урожайность здесь, под Ленинградом, доходила на наших полях по пшенице до 35 ц/га. Даже в засушливых местах, как "Отрада Кубанская" под Армавиром, наши урожаи значительно превышали колхозные. И в этом году работа идет очень напряженная, тем более что нам, как всегда в такого рода оперативных учреждениях, приходится давать огромное количество консультаций. Вопросы о культурах, о расширении их круга проходят при нашем участии и в центре (даже в Ленинградской области), где наши сотрудники ведут конкретную консультационную работу. Нас сейчас очень сильно отвлекли на составление альбома по культурам для XVIII съезда партии. Сельскохозяйственный отдел ЦК партии предложил издать альбом, и большое количество людей и художников (30 – 40 человек) пришлось бросить на это дело, чтобы к посевной кампании подготовить альбом для [делегатов] съезда.

Кампания идет нормально, хотя есть некоторые финансовые трудности. Ранней весны на юге нет, поэтому есть запас времени. Кавказ не переживает исключительно ранней весны, как это было в прошлом году. Работа разворачивается нормально, снабжение станций сортовым материалом идет по плану. Вы представляете себе всю напряженность работы, когда все образцы по той или иной мировой культуре люди требуют? Это – основа основ. Нужен исходный материал, и им снабжает институт. Мы имеем огромный материал и его пополнение: весь новейший селекционный материал по полевым культурам нами получен. Мы это делаем. Работа идет, но финансовые трудности поставили нас в сложное положение.

Вся система – и опорные пункты, и пионерские станции, и областные – находится в органической связи с институтом. Это неразрывные части. Мы имели, согласно требованиям республик, больше станций, но в последнее время их сеть сократилась, и мы оставили у себя основные учреждения. В будущем, если, например, будет сильная система по изучению пустынь, мы, может быть, пойдем на то, чтобы передать наши станции в финансово более сильную организацию. Но пока таковой нет.

Относительно вопросов зарплаты. Многие доктора, работающие у нас, являются сотрудниками института от 10 до 25 лет, есть и больше (доктор Фляксбергер работает 32 года[22]). Ставка доктора от 600 до 900 руб.

С места: Меньше!

Н.И. Вавилов: 550 – 800 руб. По Академии наук среди своих помощников я имею в большинстве лиц меньшей квалификации, чем в ВИР, но там нормальная ставка достигает 1200 – 1500 руб., и примерно к таким же ставкам перешел Наркомзем по линии

сельскохозяйственных станций. На круг для младших категорий работников (для техников, лаборантов и младших научных сотрудников) разница получается в 2 раза. Но мы, конечно, оптимисты. Все будет исправлено, ибо другого пути нет. Вся диалектика жизни к этому ведет. По нашим станциям мы уже имеем распоряжение перевести их на нормальный бюджет, но, к сожалению, мы еще не знаем, будут ли нам даны дополнительные кредиты. Пока такого извещения о том, что нам отпускаются дополнительные довольно большие суммы, мы еще не имеем, но это должно быть неизбежно. Это касается всей академии. Вообще мы находимся сейчас в одинаковом положении с другими головными учреждениями. В такой же ситуации пребывает семь головных институтов. Совершенно правильно, что дело сейчас на рассмотрении в Экономсовете, и думается, что в ближайшие недели этот вопрос будет решен. Но, конечно, по совести говоря, мы ждем уже очень долго. Мне уже 2 раза приходилось как члену президиума академии бывать в Наркомфине по этим делам. Долговато это решение проходит.

По вопросу о конкретных достижениях: вас интересует рожь и пшеница. Начну с пшеницы. Тут положение таково: мы, учитывая сортовой материал, открыли новые виды пшеницы, причем виды, занимающие большие площади в десятки и даже сотни гектаров. Мне, в частности, удалось на высокогорном Кавказе, в Дагестане, Грузии и Армении выявить новый вид пшеницы, занимающий около 100 тыс. га. Никто не знал, что это особый вид, путали его с другими, но при помощи генетики и физиологии, путем скрещиваний удалось установить, что это новый вид, характеризующийся исключительной болезнеустойчивостью. Я его еще не ввел, но мы уже знаем, что это не какая-нибудь обыкновенная пшеница, а замечательный вид, который нужно всемерно сохранять. И таких примеров много по разным культурам.

По пшенице, по нашим рекомендациям, Наркоматом введены в производство и занимают сотни тысяч гектаров ряд яровых пшениц, таких, например, как Гарнет – очень ценный канадский сорт, который занял сейчас примерно около 180 тыс. га. Далее ряд сортов нами введен для Кавказа, конкретно – Фулькастер. Мы получили новый материал из-за границы, дали новый сорт, вывели лучшие сорта. Этот сорт устойчив к ржавчине, и он будет введен как государственный стандарт в районах, страдающих от ржавчины.

Для севера наша Детскосельская станция вывела сорт озимой пшеницы, которая бьет на 15 % государственный стандарт – сорта Московская 2411 и Дюрабль. Для северных хозяйств, для Ленинградской области по озимым пшеницам это лучший перспективный сорт.

Профессором Писаревым был выведен сорт пшеницы Новинка[23], который занимал десятки тысяч гектаров (сейчас площадь под этим сортом несколько меньше, так как ему нашелся конкурент). Этот сорт является стандартным, а для некоторых районов и сейчас является лучшим сортом.

В Азербайджане ВИР при помощи Азербайджанской селекционной станции и нашем непосредственном участии удалось ввести в культуру новый сорт пшеницы – Хоранка[24] .

В отношении практической работы по пшеницам надо сказать о том. что все оценки пшениц по мукомольным и хлебопекарным свойствам проведены институтом; выяснение районов лучших качеств пшениц в химическом, мукомольном и хлебопекарном отношениях проведено в основном институтом, его лабораторией.

Еще не так давно государственная сеть сортоиспытания входила в состав института. ВИР поднял вопрос об организации государственного конкурсного сортоиспытания культур, и эта очень крупная государственная организация в несколько сот участков вначале была организована при ВИР. В первую очередь она работала с яровой и озимой пшеницами. Практическая оценка сортов государственной сетью была проведена в ВИР. Мы этим пользуемся и будем пользоваться, потому что стандартные

сорта не так-то легко вытесняются. Например, Цезиум 3 занимает огромные пространства. Вся работа по его оценке и районированию была проведена в ВИР.

Для второго государственного плана вопрос растениеводства был разработан институтом. Это план всего растениеводства в порайонном разрезе с указанием сортов на основе почвенной карты и статистических данных по всем полевым культурам. Это была огромная работа, в которой принимал участие громадный коллектив. Такого рода практические сугубо плановые работы нам приходится выполнять по поручению Наркомата. Вот к какой категории, практических или теоретических работ, вы это отнесете?

Передо мной лежит только что вышедшая книжка «Определитель сортов хлебов». Это единственное подобное руководство в нашей советской литературе, которое дает классификацию всего огромного разнообразия пшениц. Без этой книжки невозможно вести практическую работу в нужном направлении.

Нужно сказать, что наше учреждение сугубо практическое, оно имеет широкий кругозор, который и заставляет нас искать дикий картофель в Кордильерах и прочее. И отсюда наши задачи очень широки. Пребывание в системе Наркомата, да еще в годы реконструкции сельского хозяйства, повернуло нас в определенную сторону, но наши задачи остаются очень широкими.

Вот перед вами три тома «Теоретических основ селекции и семеноводства». Эта работа охватывает все культуры: там имеются большие разделы по пшенице, овощным, плодовым и прочим культурам. По каждой группе приводятся конкретные данные об исходном материале, о методах селекции и общетеоретическая часть. Но опять-таки это единственное подобное руководство не только в советской, но пока что и в мировой литературе. Англичане сейчас переводят этот труд. Немцы стали выпускать свой, но, как нам представляется, у них это получается хуже. Таким образом, это необходимое и единственное руководство для практической селекционной работы, без которого работать невозможно. Конечно, жизнь идет вперед. Я в этой книге писал ряд глав (она вышла 3 года тому назад) и должен сказать, что теперь я бы написал их лучше, во всяком случае по-другому. Здесь нет, к сожалению, доктора Фляксбергера, он мог бы дополнить мое сообщение.

Изучение вопросов болезнеустойчивости, в частности пшеницы, у нас особенно широко распространено. Здесь, как видите, переплетаются вопросы сугубой практики и теории. Нужно иметь в виду, что наши производственные станции являются, как правило, универсальными, и они не могут навалиться на одну какую-либо культуру. Так, Майкопская станция работает и с овощными, и с плодовыми, и с кормовыми культурами и т.д. В дифференциале это что-то очень скромное, а в интеграле получается что-то хорошее.

Насчет ржи. Работа с рожью ведется главным образом в Пушкине Антроповым[25], которым выведен чрезвычайно интересный сорт – РДС, отличающийся исключительной продуктивностью, особенно на хороших, дренированных землях, где он прекрасно растет. Сейчас уже идет его размножение, и в этом году он будет, вероятно, высеян на 1 тыс. га. Этот сорт превосходный в смысле продуктивности и качества зерна, но у него есть дефект, который заключается в том, что в очень суровые зимы он страдает от холода больше, чем обыкновенная рожь. Поэтому полного удовлетворения в отношении сорта нет. Создание лучшего сорта ржи — дело нелегкое, хотя мы и «ржаное царство», имеем под рожью 23 млн га, но селекционных сортов ржи чрезвычайно мало. Выведение сорта ржи должно идти не просто через сито; создать нечто вроде Петкусской ржи – дело долгое, а наша селекционная работа развернулась не так давно, лет восемь тому назад. По той системе, которую сейчас принял Наркомат, эта практическая работа по селекции проходит в крупных селекционных станциях по районам. По системе от нас требуют больше теории, но как только дело доходит до экзаменов, то говорят: «Давай-

те сорт!» В этом наша сложность.

Относительно последнего вопроса: в чем наш спор с Одесским институтом. Боюсь, что это трудно изложить здесь, всегда будет субъективизм. Подчас эти споры касаются небольшого теоретического раздела. Той громады работ, которую приходится выполнять по растениеводству, он, в моем понимании, не охватывает. Спор касается следующего: одна школа, одно вероучение возвращает нас в значительной мере назад, к Ламарку. Был такой почтенный французский зоолог, который опубликовал в 1809 году «Философию зоологии». Он высказал мысль о том, что наследственные изменения идут под влиянием внешних условий в результате упражнений у животных органов, в результате самых различных внешних условий и соответственно этим внешним условиям меняется наследственность. Некоторые селекционеры того времени держались этой точки зрения. Этой точки зрения, может быть, с некоторыми изменениями держится академик Лысенко.

Мы держимся другой точки зрения. Мы полагаем, что нужно различать наследственные изменения от ненаследуемых изменений. Мы полагаем, что если мы будем сильно удобрять растение, то мы получим крупные, мощные семена, но это не значит, что его наследственная природа изменилась, да еще и существенно[26]. От среды зависит многое, индивидуальные изменения могут быть огромными. Принципиально можно предположить, что под влиянием внешних условий и наследственность будет меняться. Как показал огромный опыт, здесь дело очень сложное. Было время до Вейсмана, когда думали, что если обрубать мышам хвосты, то выведешь породу бесхвостых мышей. Точный эксперимент показал, что это не так. Это большой, крупный раздел, над которым столетия работала наука, которая в итоге пришла к тому, что нужно различать наследуемую и ненаследуемую изменчивость. Это – одно из существенных наших различий.

Практически из этого глубокого расхождения большой беды, по счастью, не происходит, потому что и академик Лысенко, и все мы (кстати сказать, очень много таких, кто работал в генетике, нас довольно большая армия) думаем, что раз ты выводишь селекционные сорта, то еще в первой репродукции их нужно выращивать получше, побольше количеством, получше качеством, потому что нам известно, что даже самый замечательный сорт, если он запален (если был суховей и пр.), может очень пострадать, а нам нужно получить доброкачественные семена. И, учитывая существующие различия, мы (обе школы) сходимся на том, что элиту нужно выращивать в хороших условиях. Во всяком случае на первом этапе мы будем одинаково говорить, что надо улучшить агротехнику, получить возможно большие урожаи. Академик Лысенко предполагает, что он будет таким образом выводить сорта. Мы пока таких сортов не видели.

С места: И вы не выводите!

Н.И. Вавилов: Я думаю, что, для того чтобы выводить сорта, нужно иметь прежде всего материал. Тот коллектив, который мы здесь имеем, можно сказать фанатически при всех трудностях мобилизовал все, что имеется в Советской стране и на Земле, с той целью, чтобы прежде всего иметь то, из чего можно выбрать ценное. Это первая глава первой части и основа основ практической селекции – правильно и разумно подобрать исходный материал. Это первое, что мы отметим. Второе. Если ты хочешь выбрать из этого материала, выбери из него самое лучшее. Существуют очень ценные и хорошие сорта. Сирийская пшеница идет у нас на первом месте. Она без всякой селекции, простым сортоиспытанием и сортоизучением пошла в колхозы. Американские сорта кукурузы (Минезота 13 и Минезота 23), выведенные еще индейцами, настолько хороши, что их нужно только выбрать, почистить, провести отбор, скрещивание 3:1 на основе единственной проверенной теории – менделизма – во всем ее развитии. Это современная генетическая теория. У академика Лысенко здесь возникает сомнение, он

чрезвычайно мало работал в этой последней области (по яровизации он работал давно). Думаю, что и сам он изменится. Законы Менделя проверены в тысячах экспериментов. Много голов, умов работало по этому вопросу. Мы здесь расходимся. Он думает, что нет тех закономерностей, которые установила мировая наука.

Еще одно новейшее расхождение: академик Лысенко считает, что сложную гибридизацию можно заменить гораздо более простым приемом – прививкой[27] (привить на картофель помидор, на один вид картофеля – другой, на восприимчивый сорт – иммунный) и сорт от прививки изменится. Мы в это абсолютно не верим, и пока нам этого не докажут, не можем верить. Опытов делали тысячи. Я сам, будучи магистрантом, подводил итоги мировой науки и, сдавая магистерский экзамен, держал его по прививкам, влиянию подвоя на привой. Но думать, что половая гибридизация равносильна прививке, мы не можем. Есть четырехтысячелетний опыт, культурный опыт финикийцев: культурные сорта прививали на дикие сорта. Если бы можно было прививкой достичь результата, то получилась бы масса гибридов.

Далее, внутрисортовое скрещивание. Академик Лысенко полагает, что, для того чтобы улучшить пшеницу, ячмень, надо сделать перекрестное опыление[28]. Ячмень, горох являются самоопыляющимися, у них опыление происходит внутри собственного цветка. Академик Лысенко, опираясь на опыты Дарвина, которые указывали на то, что у многих растений перекрестное опыление действует благоприятно, полагает, что, для того чтобы улучшать сорта, нужно самоопылители переделать на перекрестное опыление, и делает это. Мы думаем, что вопрос сложнее. Эволюция, в которую мы веруем полностью, шла очень разносторонне: она приводила к тому, что очень многие организмы стали раздельнополыми, разнодомными, например, конопля.

В сторону усиления перекрестного опыления шла эволюция, но она шла и в сторону бесполых. На свете имеются бесполые, которые размножаются девственно. Возьмите апельсины и лимоны. Эти растения довольно живучи, и они размножаются девственным путем: у них что семена, что ветка – одно и то же, у них ответвлений нет. Даже [существуют] такие курьезы, что будто бы есть цветки у лимона и апельсина и апогамно можно превратить бесполых в перекрестные опылители. В этом большой нужды нет.

Из яровых сортов Лютесценс 62, из озимых – Украинка (которая занимает десятки миллионов гектаров), как показали опыты самой Одессы, не реагируют на это перекрестное опыление, которое ничего здесь не дает. А у некоторых культур, как, например, томатов (это вообще сорта нечистые), есть переход от перекрестных опылителей к самоопылителям и у них перекрестные опылители дают большой эффект. По гречихе здесь тоже получается большой эффект. Мы говорим так: где выходит – делайте, а где не выходит – не делайте. Но мы не считаем, что это такой замечательный метод, который решает вопросы гибридизации.

Вот вам ряд наших серьезных дискуссий. Тут сидит доктор Карпеченко, которому эти дискуссии тоже в печенку влезли, может быть, он меня дополнит.

[М.Д.] Мартынов[29]: Выходит, что вы исходите из неизменности природы данного растения?

Н.И. Вавилов: Тут хотят сделать из нас кого-то другого. В полемике все возможно. Мы же знаем, что Энгельс назвал Ньютона ни более ни менее как «индуктивным ослом» в своей «Диалектике природы». У нас «Диалектику природы» переводили с рукописи, и этот момент у нас имеется, а сам Энгельс, наверное, вычеркнул бы эту фразу. Ньютон остался Ньютоном – человеком, на памятнике которому в Кембридже написано, что он ум человеческий превзошел. Но в полемике Энгельс дал ему название «индуктивного осла». Таким образом, в ходе полемики не только ньютонов ослами делают, но и нам досталось.

Генетика – это прежде всего физиологическая наука, и ее основная задача состоит в том, чтобы переделывать организмы. Для этого она и существует, оформившись как наука. В ходе исследований она доказывает, что не так просто изменить наследственную природу, как многим казалось. Были попытки сломать природу: пытались ее сломать и не сломали. Оказалось сложнее. Клебс[30] – один из великих физиологов последнего времени, который очень много работал над переделкой организма (его работы классические), пришел к тому, что одно дело – крупнейшие индивидуальные изменения и другое дело – наследственные. Вот замечательное письмо Клебса, которое нужно было бы знать. К сожалению, в нашей полемике мы плохо знаем историю. Таких консерваторов, которые думали бы, что гены неизменны, нет. Вопрос есть об изменяемости исключительно. Есть мой приятель – один из крупнейших генетиков, доктор Мёллер, он сделал классическую работу, одну из крупнейших мировых работ, которая показала, что путем рентгенолучей можно очень резко изменить наследственную природу, и он вызвал наследственную мутацию, мутацию наследуемых изменений. В 1927 году это было одним из крупнейших открытий. Один из советских генетиков написал о нем: «Две страницы, которые потрясли мир», «нашли способ радикально изменять природу наследственную». Этот Мёллер тоже является «индуктивным ослом», оказывается, и он стоит за неизменность генов. Он в экспериментальной работе показал, что практически (без рентгена) есть очень большая устойчивость.

Должен вам сказать, что современная генетика, которую я обязан читать (я избран председателем Международного конгресса генетиков[31], но не знаю, буду на нем или нет), стоит твердо на основе изменчивости организмов, наследственной изменчивости, она вся устремлена на то, чтобы управлять этой изменчивостью. Над этим работают и делают замечательные вещи. Клочки этих фактов я вам кратко изложил. Мы уже подходим к таким крупным вещам, которые 5 – 10 лет тому назад казались совершенно невероятными, – к проблеме видоизменения. Генетика становится все более эволюционной и работает на основе дарвинизма.

Заключительное слово Н.И. Вавилова

(17 марта 1939 года)

Я не задержу вас. Картина, которая здесь обрисовалась и которую вы видели, довольно точная. Я старый руководитель учреждения, который достаточно аккумулировался в своем административном опыте, и должен сказать, что, конечно, переживаемый нами период требует продумывания мероприятий к оздоровлению нашего в основном очень сильного коллектива.

Уже из той картины, которая выяснилась здесь, а также на проходивших в последние три дня специальных совещаниях по работе аспирантуры, причем там в еще более резкой форме, потому что там еще более горячие головы по возрасту, вы могли видеть, что действительно создалась аномалия, что с чьей-то стороны были ошибки. Ошибки были прежде всего со стороны директора, который по Советской Конституции отвечает за работу института, и эти ошибки были допущены по его либерализму. Во всяком случае, когда вы слушаете кое-кого из наиболее ценных руководителей, таких руководителей, которые единицами насчитываются в стране по данным разделам, и когда вы чувствуете, что эти руководители говорят о том, что их работа находится в совершенно аномальной обстановке, то, конечно, проходить мимо этого нельзя. Отмахиваться от того, что говорил здесь, скажем, доктор Карпеченко, было бы неправильным. То, что говорил доктор Карпеченко, к сожалению, правда, и мы знаем это, и многие знают, что это так[32].

Доктор Розанова совершенно искренне, совершенно правдиво и коротко охарактеризовала положение[33]. Институт наш действительно представляет интересное учреждение, в котором увлекательно работать, в котором, если найти правильный путь, если

пойти по нему с открытой душой, представятся возможности широчайшей и глубочайшей работы на основе эволюционного учения Дарвина, на основе всего существующего широчайшего опыта, на основе опыта и нашего великого селекционера Мичурина, ибо, как вы знаете, мы широко поставили в институте исследования на основании его работ. И не случайно, что директор ВИР был в самых дружественных отношениях с Иваном Владимировичем Мичуриным[34] и именно наше учреждение впервые опубликовало итоги его работы, более того, уговорило И. В. Мичурина подытожить результаты его многолетней деятельности и приняло на себя трудную в то время задачу по опубликованию его работ и довело до широких масс результаты его работы.

Так было вопреки всем злопыхательствам, гнусностям и клевете, которые, к сожалению, допускают некоторые и допускают свободно только в силу того, что директорское положение таково, что если критикуют, то, естественно, по соображениям такта директор уже не вправе вмешиваться. Но коллектив партийный, общественный безмолвствует. Это, к сожалению, как рак. И то, что говорил товарищ Лусс, – глубокая правда[35]. Он нарисовал совершенно точную картину. Нечего это замазывать. Критическое, научное отношение таких работников, как он, вызывает, к сожалению, совершенно неправильную оценку, квалифицируется совершенно неверно. Вместо того, чтобы учесть здоровое ядро, которое есть в его критике как человека хорошо подкованного, молодого партийного работника, мы видим другое. Мы знаем, что имело место.

Мы – педагоги, преподаватели из любви к делу. Ибо каждый из нас имеет смысл жизни в том, чтобы сделать побольше в жизни, проложить тропу поглубже, и то, что мы сделали, накопили, передать стране, которой человек предан. Наш коллектив очень сильный. Я много учился, учился у больших ученых, и я могу критически оценивать удельный вес нашего коллектива. Я должен сказать, что глубочайшая аномалия, к сожалению, не устраняется, а углубляется весьма ответственными товарищами, весьма ответственным коллективом. Это средостение[1], это отчуждение.

Я имею двух товарищей, занимающих ответственные посты. Один – товарищ Шунденко[36], который носит большой титул заместителя директора по научной части и возглавляет очень важный участок – бюро интродукции. Есть еще в институте товарищ Шлыков[37], который до Шунденко заведовал бюро интродукции и руководит теперь бюро новых культур. Этот товарищ за все время работы ни разу не обратился за указанием к вашему покорному слуге, ну, хотя бы с вопросом о том, какую книжку прочитать. Вот эта атрофия желания учиться, эта идиосинкразия, это кабинетное отношение проявляется со стороны этого товарища. Вместо того, чтобы прийти по-товарищески и взять все, что можно (а взять можно достаточно: когда вы всю жизнь учились, работаете, вы можете дать много), люди этого не делают. Я много учился, работал подолгу у крупных специалистов в этой области, всех их знаю. В 60 странах мира я проводил исследования, имею интереснейшую библиотеку по вопросам интродукции. Ни Шлыков, ни Шунденко у меня даже книги не попросили, совета никогда не спрашивали.

С места: Они на новых путях!

Н.И. Вавилов: И мы считаем себя на новых путях. И когда мне предложили товарища Шунденко в качестве заместителя, я усомнился в том, что он пойдет, но никаких оснований отказываться от его помощи у меня не было. Опыт большой, директор в одном учреждении работает 19 лет, значит, он сработаться может. Сработанности нет, отчуждение, культивирование этого отчуждения, замкнутость. Основной недостаток – это неумение использовать коллектив, и это, к сожалению, распространяется и на аспирантуру. Отсюда антагонизм и аномалия, которые вы чувствуете среди наших самых

[1] Препятствие, мешающее общению, сближению чего-либо или кого-либо.

ответственных и ценных руководителей, а перед вами прошла значительная часть их. Мы слушали здесь Букасова, Синскую[38], Розанову, Иванова, Вульфа[39].

Вот перед вами профессор Вульф, один из крупнейших географов нашей страны, как никто знающий растения в широком масштабе, под углом, нас интересующим. А спросите, кто-нибудь пришел к нему, Шунденко, Шлыков или еще кто-нибудь, за научным советом. Нет, никто не приходил. А я к нему хожу очень часто и его спрашиваю, потому что никто из нас так внимательно не следит за литературой в широком географическом смысле, как он.

Я ни против кого никакого зла не имею, но когда я вижу, что в скрытой форме подготавливается взрыв внутри института, то я должен сказать, что я как путешественник привык проходить по трудным местам, привык ко всяким бурям, привык отличать бурю в стакане воды, но здесь, к сожалению, положение совершенно аномальное. Видимо, нужно Шунденко совершенно переработаться, чтобы идти в ногу, но это не значит, что мы должны одинаково смотреть на вопросы ламаркизма и дарвинизма, мы можем спорить. Я, например, как вице-президент Сельскохозяйственной академии сижу рядом с Лысенко каждый месяц, и целые часы мы с ним обсуждаем многие вопросы. Но здесь, у себя я боюсь, что я имею аномальную обстановку. Подумать над этим надо серьезно, прежде чем лечить других: врачу – исцелися сам. Это основное, товарищи.

Я думаю, что на теоретических путях опыт и факты решают все. Я нисколько не сомневаюсь в том, что они, во всяком случае на много процентов, не решат вопрос в пользу Лысенко. Может быть, я ошибаюсь, но я думаю, что, как говорили товарищи, дело именно все в фактах и в опыте. И, если я вижу, что у меня факты говорят против тех или иных положений, противоречат им, я не сомневаюсь в том, что, какие бы доводы мне не представляли и какие бы клички мне не приклеивали, я от своих убеждений не откажусь, раз факты говорят за них.

Вот эти погоня за кличками и гипертрофия – это действительно нездоровые явления, которые, по моему глубокому убеждению, мешают развитию советской науки. Разве можно считать нормальным такое явление, которое происходит в Москве на Всесоюзном совещании по селекции? Идет совещание, и вот выступает заместитель директора по научной части института и говорит, что благодаря «гнилой теории» ВИР не дал сортов. По счастью, через несколько минут после него выступает директор Кубанской станции, которой мы только что передали Красное знамя, и говорит о десятках сортов, которые занимают сотни тысяч гектаров на Кубани. Затем выходит товарищ с другой станции и рассказывает о сортах, которые мы вывели. Большинство этих сортов есть результат отбора, как и большинство сортов, выведенных в стране, за которые премируются селекционеры (в подавляющем большинстве случаев – за такое выведение сортов). Нужно иметь некоторую аберрацию, чтобы клеветать на учреждение, интересы которого ты должен защищать. Это есть глубокая аномалия. И я боюсь, что молодежь, которую мы любим, аспиранты, которым мы хотим помочь учиться, будут сбиты с толку.

Я нисколько не сомневаюсь в том, что данное учреждение, поскольку в него положены правильные идеи, всецело исходящие из основ учения об эволюции Дарвина, может работать. Коллектив работников отдает любовь делу, отдает знания. Доктор Букасов ездил в Колумбию и Мексику, все экспедиции проходили в тяжелейших условиях, буквально с опасностью для жизни. Доктор Букасов болел более полутора лет какой-то неизвестной болезнью. Или возьмите работника Жуковского[40], который ездил в Гватемалу, Колумбию и Мексику, собирал пшеницы. Он отдал все, для того чтобы собрать все лучшее, что можно отдать нашим полям. Все собирается путем отбора, путем гибридизации. Неужели это не есть действенность? Жуковский тяжело болел амебовидной дизентерией.

Я думаю, что у нас много аберраций. Надо об этом серьезно подумать.

Я оптимист. В основном идеи, положенные в работы учреждения, в смысле широкого отбора, мобилизации ресурсов, переброски на селекционные поля для колхозов материала для проработки и сам метод здесь разрабатываются. Критики типа Шлыкова и Шунденко говорят о работе ВИР. Они «большие» работники, а один из них особенно избегает полей и превратился в дешевого хлестаковского писаку, которого еще терпят советские журналы. Думаю, что и этому придет конец. Сосредоточившись на стоящих перед нами вопросах, в интересах правильного налаживания работы с вашей помощью, с помощью секции мы устраним имеющиеся дефекты, которые еще имеют место и обойти которые нельзя. Нужно подумать о том, чтобы повернуть общественность и парторганизацию к тому, чтобы она это средостение устранила, чтобы она вдумчиво, разумно, тактично сумела бы с этим трудным переломным периодом справиться. Это период, когда формируются теории, идет борьба теорий, причем теорий действенных. Что генетическая теория действенна, в этом никаких сомнений нет. И это зазнайство, невежество – так легко отмежевываться от генетической теории, ибо то, что мы имеем на советских полях, в значительной мере создано на этой основе. Те замечательные мировые сорта, которые мы выводим, созданы на основе этой теории. Отмежевываться от этого глупо, невежественно и просто нелепо. Мы знаем, что советская страна впитывает в себя все самое лучшее; и как мы берем [заграничные] трактора и комбайны, а потом строим свои, так и тут, и отмежевываться от лучшего нельзя.

Сейчас нужно спокойно подумать о том, как повернуть и общественные организации, и парторганизации на устранение этих средостений, на создание нормальных условий, при которых можно было бы всю энергию людей квалифицированных и большинства молодежи, которая рвется к работе, направить по прямому назначению. И тогда мы сумеем сделать неизмеримо больше.

Дефектов у нас, конечно, немало, они имеются на различных участках. Я, может быть, построил свой доклад не совсем так, как хотелось бы некоторым товарищам, но я строил его таким образом, чтобы показать идею института, как сконструировано это сложное учреждение, которое охватить чрезвычайно трудно и которое многие из работников совершенно не знают.

Я обращаюсь к вам с огромной просьбой. Я как директор могу быть освобожден за выслугой лет. Может быть, найдутся и более способные люди для управления таким сложным кораблем, руководить которым чрезвычайно трудно. У каждого из нас множество работы, но я думаю, что все равно нужно очень серьезно подумать о том, чтобы создать больше четкости в руководстве и в руководстве молодежью, которой у нас очень много. Учреждение мы очень интересное, мы здоровое учреждение, и это нас всегда спасает, потому что никто из института не уходит, даже те, кому следовало бы уйти. Вот посмотрите, никто не уходит, все работают по 10 – 20 лет. Драка идет, директор никуда негодный, но все-таки никто не уходит. И это обстоятельство я тоже прошу учесть. Но медикаменты здесь нужны серьезные, во всяком случае, без них обойтись трудно.

Комментарии

1. Краткая история образования Всесоюзного института растениеводства им. Н.И. Вавилова такова: в 1894 году в Петербурге при Департаменте земледелия было организовано Бюро прикладной ботаники, реорганизованное затем в Отдел прикладной ботаники и селекции. В 1917 году Н.И. Вавилов был избран помощником руководителя Бюро прикладной ботаники, а в 1920 году стал заведующим Отделом прикладной ботаники. С этого времени начинается быстрое, не имеющее аналогов в мировой практике развитие данного научного учреждения. На базе Отдела прикладной ботани-

ки в 1924 году был создан Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур (ВИПБиНК), с 1930 года переименованный во Всесоюзный институт растениеводства (ВИР). В 1967 году ВИР присвоено имя его создателя – Николая Ивановича Вавилова.

2. Для развития сельскохозяйственного производства и смежных с ним отраслей промышленности, с целью быстрой и эффективной мобилизации мирового генофонда растений Н.И. Вавилов разработал важнейшие научные положения: закон гомологических рядов в наследственной изменчивости, учение о линнеевском виде как системе, о центрах происхождения культурных растений, эволюционно-генетическую концепцию иммунитета, теорию и практику сбора, оценки и использования генофонда растений. Он организовал 180 научно-исследовательских экспедиций, в том числе 140 по нашей стране. Экспедиции были направлены в 65 стран мира, из которых свыше 50 стран посетил сам Н.И. Вавилов. Основные задачи изучения «глобуса» он сформулировал уже в 1917 году: исследование существующей культурной флоры в мировом масштабе с целью рационального использования растительных ресурсов земного шара; исследование дикой флоры с целью использования ее для введения в культуру новых ценных растений; овладение синтезом органических форм.

3. Гениальность научного предвидения Н.И. Вавилова в сочетании с организационными способностями, мужеством и энергией способствовали стремительному созданию в ВИР уникальной мировой коллекции растительного генофонда, которая уже при жизни Н.И. Вавилова достигла 250 тыс. образцов. С 1930 по 1940 год ВИР направил в различные научные учреждения около 5 млн пакетообразцов семян, свыше 1 млн прививок плодовых растений. В 1934 году мировая коллекция ВИР насчитывала 562267 образцов, представляющих 304 рода, 2260 видов, и являлась крупнейшей в мире. К коллекции ВИР обращаются сегодня более 700 научных организаций зарубежных стран, а в нашей стране она уже послужила выведению около 60% районированных сортов и гибридов, то есть 1000 сортов различных сельскохозяйственных культур, занимающих площадь почти 60 млн га. Из них почти 400 сортов выведено сотрудниками ВИР и его опытных станций.

4. *Сергей Михайлович Букасов* (1891 – 1983), ботаник, селекционер, систематик. С 1918 года работал в Отделе прикладной ботаники и селекции, с 1974 года – консультант. В 1925 – 1926 годы участвовал (совместно с С.В. Юзепчуком) в экспедициях, организованных Н.И. Вавиловым, и посетил Мексику, Гватемалу, Колумбию, Венесуэлу, о-ва Барбадос, Кюрасао, Тринидад. К известному в то время одному виду культурного картофеля добавил 18 новых и много дикорастущих, которые до сих пор эффективно используются в селекции.

Сергей Васильевич Юзепчук (1893 – 1959), ботаник, географ растений. В 1927 году временно работал во ВИПБиНК.

5. Здесь, по-видимому, техническая ошибка и речь идет не об СССР, а о земном шаре. В докладе «Учение о происхождении культурных растений после Дарвина» Н.И. Вавилов говорил, что общая возделываемая территория земного шара в настоящее время определяется приблизительно в 850 млн га, что составляет около 7% от всей суши.

6. Начиная с 1921 года, Н.И. Вавилов организовал при ВИР 11 опытных станций и опорных пунктов. В их числе были созданы: Центральная станция прикладной ботаники и селекции с пятью отделениями (1921), Мурманское опытное поле (1923), Северо-Кавказское отделение (1924), Сухумская опытная станция и Азербайджанское отделение (1925), Туркестанское и Туркменское отделения (1927), Дальневосточное и Шунтукское отделения (1930), Приаральская научно-исследовательская станция при Бюро освоения пустынь (1932), Дербентский опорный пункт (1935), Крымский помологический питомник (1937).

7. Историческое название Ирана.

8. Имеются в виду сотрудники ВИР – академики ВАСХНИЛ с 1935 года: П.М. Жуковский, А.И. Мальцев, В.В. Пашкевич и И.Г. Эйхфельд. Сам Н.И. Вавилов был избран академиком ВАСХНИЛ в 1929 году.

9. *Мария Александровна Розанова* (1885 – 1957), ботаник, одна из старейших сотрудниц Н.И. Вавилова. С 1925 по 1940 год работала в ВИПБиНК. В 1944 – 1950 годы – старший научный сотрудник Главного ботанического сада АН СССР, одна из основоположников исследований по биосистематике растений.

10. Теоретические разработки и практическое осуществление Н.И. Вавиловым и его сотрудниками экспедиций по мобилизации мирового растительного генофонда обеспечили интродукцию в нашу страну многих новых ценных растений, среди них хинное и тунговое деревья, длинноволокнистый хлопок, многие виды эвкалиптов, бразильские формы фейхоа, авокадо, джут, различные кормовые, эфиромасличные, дубильные, лекарственные, декоративные и другие растения.

11. Для лучшего укоренения растений использовали гетероауксин и другие препараты.

12. *Николай Николаевич Иванов* (1884 – 1940), биохимик и физиолог растений. С 1923 года – заведующий биохимической лабораторией Отдела прикладной ботаники и селекции, с 1929 года – профессор Ленинградского государственного университета (ЛГУ). Разработал и ввел в практику исследований оригинальные биохимические методы. Впервые в нашей стране (совместно с А.Е. Фаворским) выделил витамин С в кристаллической форме. Главный редактор многотомного труда «Биохимия растений».

13. *Георгий Дмитриевич Карпеченко* (1899 – 1941), цитогенетик. Окончил Московскую сельскохозяйственную академию (1922). В 20-е годы стажировался в Англии, Германии, позднее в Калифорнийском технологическом институте у Т. Моргана. В 1925 – 1941 годы заведовал лабораторией генетики в ВИР, в 1932 – 1941 годы – кафедрой генетики ЛГУ, с 1938 года – профессор. Основные исследования посвящены проблемам межвидовой гибридизации растений. В 1927 году разработал способ получения плодовитых отдаленных гибридов методом амфиплоидии. Разрешил кардинальные вопросы отдаленной гибридизации растений, выяснил причины бесплодия отдаленных гибридов и определил механизмы восстановления их плодовитости.

В феврале 1941 г. Г.Д. Карпеченко был арестован. В июле 1941 г. приговорен к расстрелу и расстрелян.

14. К тому времени уже были проведены ставшие классическими эксперименты по искусственному мутагенезу. В 1925 году российские ученые Г.А. Надсон и Г.С. Филиппов открыли радиационный мутагенез, в 1927 году к аналогичным результатам пришел в США Г. Мёллер. В 1927 – 1929 годы с помощью радиации были получены мутации на пшенице, кукурузе, ячмене и других культурах. В 1932 – 1934 годы в нашей стране В.В. Сахаров и М.Е. Лобашев разработали основы химического мутагенеза. Однако эти и другие прогрессивные научные достижения отвергались лысенковцами, чем тормозилось развитие генетики и селекции, сельскохозяйственного производства, микробиологии, медицины.

15. Полученные к тому времени теоретические и экспериментальные данные убедительно показывали значение хромосом как носителей наследственности. Сам термин «хромосома» был введен еще 1888 году В. Вальдейером. С 1910 года Т. Морган и другие исследователи экспериментально доказали хромосомную теорию наследственности. Многие работы были опубликованы, в том числе и на русском языке.

16. Вероятно, имеется в виду применение колхицина – алкалоида, содержащегося в растениях рода колхинум, впервые примененного в США в 1937 году для получе-

ния полиплоидных растений, а также открытие в нашей стране в Институте генетики А.А. Шмуком других органических соединений, прежде всего аценафтена.

17. *Константин Иванович Пангало* (1883 – 1965), ботаник, селекционер. С 1920 года работал в Отделе прикладной ботаники и селекции, с 1946 года – в Молдавском НИИ овощеводства. Создал свыше 30 сортов арбузов, дынь, кабачков.

18. *Иоган Гансович Эйхфельд* (1893 – 1989), биолог, член-корреспондент АН СССР (1953), академик ВАСХНИЛ (1935), академик АН Эстонской ССР (1946) и в 1950 – 1986 годы ее президент. В 1923 – 1940 годы – руководитель Мурманского опытного пункта ВИР, в 1940 – 1951 годы – директор ВИР. Основные исследования посвящены вопросам развития сельского хозяйства Крайнего Севера.

19. После доклада Н.И. Вавилову были заданы вопросы о работе аспирантуры (в частности, о пропорции между числом обучающихся и закончивших аспирантуру защитой диссертации), о подготовке коллектива института к весенней полевой кампании, о системе опытных станций и опорных пунктов ВИР, о результатах социалистического соревнования ВИР и Одесского селекционно-генетического института, о ставках оплаты труда сотрудникам института, об издательской деятельности ВИР и о достижениях в изучении культур пшеницы и ржи.

20. *Иван Алексеевич Минкевич* (1896 – 1968), растениевод, специалист по льну. С 1935 года – инспектор по сортоиспытанию Госсортосети, в 1935 – 1937 годы – сотрудник отдела масличных культур, в 1939 году – заместитель директора ВИР по научной части, с 1940 года – заместитель директора Всесоюзного НИИ масличных культур (Краснодар).

21. К весне 1939 года в Институте генетики АН СССР кроме Н.И. Вавилова (акад. АН СССР и акад. ВАСХНИЛ с 1929 года) работали А.А. Сапегин (акад. АН УССР с 1929 года) и А.А. Шмук (акад. ВАСХНИЛ с 1935 года).

22. *Константин Андреевич Фляксбергер* (1880–1942), ботаник, специалист по систематике хлебных злаков. С 1905 года – сотрудник Бюро по прикладной ботанике, где заведовал отделом по систематике пшениц.

23. *Виктор Евграфович Писарев* (1882–1972), селекционер. С 1925 по 1935 год работал в ВИР, с 1936 года – сотрудник, затем директор НИИ сельского хозяйства Нечерноземной зоны. Сорт Новинка выведен на основе мировой коллекции ВИР гибридизацией канадских сортов Prelude и Preston. Это был один из первых сортов, обеспечивавших продвижение пшеницы в более северные районы.

24. Сорт выведен из палестинского образца подвида *Triticum horanicum* Vav., районирован в 1938 году.

25. *Василий Иванович Антропов* (р. 1889), растениевод, агроном. С 1925 года – научный сотрудник Московского отделения Государственного института опытной агрономии, затем отдела генетики и селекции ВИПБиНК, руководитель отдела хлебных злаков ВИР. Специалист по агроботанической классификации и селекции ржи.

26. К тому времени наука и практика довольно убедительно доказали, что под действием факторов внешней среды могут быть два типа изменений: мутации, которые затрагивают генетический аппарат организма и наследуются, являясь предпосылкой эволюции и селекции; изменения соматических признаков организма, которые не затрагивают его генетический аппарат и не передаются по наследству. Уже были открыты явление гетерозиса (И.Г. Кельрейтер, 1761), законы наследственности (Г. Мендель, 1865), предложена мутационная теория происхождения видов (С.И. Коржинский, 1899), появился термин «мутация» и разработана мутационная теория (Г.Д. Фриз, 1901), введены термины «генетика» (У. Бэтсон, 1907), «ген», «генотип», «фенотип» (В.Л. Иогансен, 1909), установлена локализация генов в хромосомах, открыты законо-

мерности мутационной изменчивости генов, (Т. Морган, Г. Мёллер и др., 1910), разработаны генетические основы теории естественного отбора, сформулирован закон гомологических рядов в наследственной изменчивости, представлена эволюционно-генетическая концепция иммунитета растений, теория центров происхождения культурных растений (Н.И. Вавилов, 1926), с помощью физических (1925) и химических (1927) факторов были получены мутации, определены размеры генов (Г. Мёллер, А.А. Прокофьева–Бельговская, 1935), предложена схема молекулярного строения и матричной репродукции хромосом (Н.К. Кольцов, 1928) и многое другое. Однако все это абсолютно отвергалось лысенковцами.

27. Получение так называемых вегетативных гибридов, как это рекомендовали лысенковцы, невозможно, так как при этом отсутствует кариогамия, то есть слияние ядер. То, что описывают некоторые авторы, – это химеры (см. М.Е. Лобашев, 1967: Д.М. Щербина, 1973 и др.)

28. Для выполнения этой псевдонаучной рекомендации лысенковцев сотни тысяч колхозников с пинцетами и ножницами ходили по посевам, кастрируя колоски, вытаптывая, конечно, часть посевов и способствуя на семенных полях потере сортовых качеств семян.

29. По-видимому, *Михаил Денисович Мартынов* (помощник директора ВИР). Присутствуя на заседании, он заявил: «У меня, Николай Иванович, имеется просьба, чтобы вы разъяснили некоторые теоретические вопросы. Не забудьте, что среди членов бюро нет ни одного ботаника и ни одного агронома, мы люди других специальностей, и поэтому желательно было бы несколько осветить эти принципиальные вопросы».

30. *Георг Альбрехт Клебс* (1857–1918), немецкий биолог, один из основателей физиологии растений.

31. Н.И. Вавилов – участник многих международных конгрессов и конференций. В данном случае речь идет о VII Международном генетическом конгрессе, который должен был состояться в СССР в 1937 году. Однако из-за нагнетаемой лысенковцами сложной ситуации в биологической науке Международный оргкомитет постановил провести его в Эдинбурге (Шотландия) в 1939 году и избрал Н.И. Вавилова президентом конгресса. Но силы, дискредитирующие работы генетиков, добились того, что Н.И. Вавилов не смог возглавить работу конгресса. Открывая VII Международный генетический конгресс в качестве его президента, директор Института генетики животных в Эдинбурге профессор Ф. Крю сказал: «Вы пригласили меня играть роль, которую так украсил бы Вавилов. Вы надеваете его мантию на мои не желающие этого плечи. И если я буду выглядеть неуклюже, то вы не должны забывать: эта мантия сшита для более крупного человека».

32. В своем выступлении Г.Д. Карпеченко говорил об искусственно раздуваемой генетической дискуссии, которая привносит в работу вировцев дезорганизацию и дух сектантства, об исключении передовых работ генетической лаборатории из списка экспонатов, предназначенных для Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, об отстранении ряда крупных ученых института от руководства аспирантами.

33. М.А. Розанова подчеркнула, что работать в ВИР стало не только «чрезвычайно интересно», но и «чрезвычайно тяжело». В обстановке усиливающихся позиций лысенковщины она проявила твердость убеждений, заявив: «Нам говорят перестраиваться, но, простите, я не буду перестраиваться, если убеждена в правильности того, что я делаю».

34. Н.И. Вавилов впервые посетил И.В. Мичурина в г. Козлове еще в 1920 году и уговорил его написать о своих работах. Книга с предисловием Н.И. Вавилова вышла в 1924 году, создав И.В. Мичурину широкую известность.

35. *Андрей Иванович Лусс* (1899 – 1941), генетик, селекционер плодовых. В 1928 – 1930 годы – аспирант, затем сотрудник ВИР. В своем выступлении на собрании А.И. Лусс рассказал о том, какой организованной травле он подвергся после того, когда в двух своих статьях позволил себе обнародовать ряд расхождений во взглядах с И.В. Мичуриным на проблему вегетативного размножения растений.

36. *Степан Николаевич Шунденко* (р. 1908), агроном. После окончания аспирантуры ВИР (1932 – 1936) – старший научный сотрудник секции кукурузы во Всесоюзном институте селекции и семеноводства (Краснодар), затем заведующий отделом кукурузы и заместитель директора по научной части этого института. С конца 1938 года – заместитель директора по научной части ВИР, навязанный Н.И. Вавилову лысенковским руководством ВАСХНИЛ. Одновременно С. Шунденко являлся сотрудником НКВД и в 1940 году после ареста Н.И. Вавилова стал майором НКВД.

37. *Григорий Николаевич Шлыков* (1903 – 1977), агроном-полевод. В 1931 году закончил аспирантуру ВИР, в 1931 – 1942 годы – заведующий отделом новых культур и интродукции, в 1942 – 1945 годы – директор Всесоюзного института сухих субтропиков. Г.Н. Шлыков был сторонником Т. Лысенко и писал клеветнические доносы на Н.И. Вавилова.

38. *Евгения Николаевна Синская* (1889 – 1965), агроном, ботаник, генетик, географ. В 1925 году была приглашена Н.И. Вавиловым в Отдел прикладной ботаники и селекции, где работала до 1965 года, основав отделы кормовых культур, прикладной экологии и систематики; известна своими ботаническими исследованиями.

39. *Евгений Владимирович Вульф* (1885 – 1941), ботаник-географ, систематик. В 1914 – 1926 годы работал в Никитском ботаническом саду, с 1926 года — заведующий отделом географии культурных растений ВИПБиНК. Основные работы по флоре Крыма, систематике отдельных таксонов, истории ботаники. Убит осколком снаряда в осажденном Ленинграде. В 1969 году вышла его книга-справочник «Мировые ресурсы полезных растений», инициативу составления которой приветствовал Н.И. Вавилов.

40. *Петр Михайлович Жуковский* (1888 – 1975), ботаник, академик ВАСХНИЛ (1935), лауреат премии АН СССР им. Н.И. Вавилова (1967). С 1925 по 1934 годы – научный специалист ВИР, с 1931 года – научный руководитель отдела интродукции. Принимал участие в экспедициях в Малую Азию, Сирию, Месопотамию (1925 – 1927), Аргентину, Чили, Перу, Мексику (1956 – 1958). Главный редактор издания «Культурная флора СССР» (1958 – 1971), журнала «Генетика». В 1951–1960 гг. – директор ВИР.

Комментарии составил
канд. с.-х. наук ***Ю.Г. Бутаков***

Глава 2. ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВОВ[1]

В наши дни судьбу Николая Ивановича Вавилова
вполне правомерно сопоставляют с судьбой Джордано Бруно
академик Е.Л. Фейнберг

ОТЧЕТ О КОМАНДИРОВКЕ АКАДЕМИКА Н.И. ВАВИЛОВА В СЕВЕРНУЮ И ЮЖНУЮ АМЕРИКУ (Август 1932 г. – февраль 1933 г.)[2]

I

ЗАДАНИЯ КОМАНДИРОВКИ

Основными задачами командировки были:

1. Участие в VI Международном Конгрессе Генетики и Селекции в Соединенных Штатах Северной Америки в г. Итаке.

Я был избран Вице-Президентом этого Конгресса и членом Президиума Организационного Комитета.

2. Прочтение ряда лекций во Франции, Германии и Соединенных Штатах Сев. Америки об успехах агрономической науки в Советском Союзе за последние годы, по предложению иностранных научных обществ.

3. Ознакомление с условиями полевой культуры и возможности земледелия в странах, конкурирующих с нами на мировом рынке: Канаде и Аргентине.

4. Специальное изучение вопросов агротехники орошаемого полевого хозяйства в районах недостаточно увлажненных (Канада, С.А.С.Ш.), применительно к осуществлению проекта ирригации Заволжья.

5. Одной из основных задач поездки в Центральную и Южную Америку являлся сбор семян важнейших культурных растений, представляющих интерес для Советского Союза, как то: хлопчатника, картофеля, кукурузы, новых кормовых растений, хинного дерева и других медицинских растений.

6. Особое внимание должно было быть уделено новым культурам и выявлению растительных ресурсов Центральной и Южной Америки, как стран с исключительно богатой растительностью, в целях использования ее в СССР.

---

[1] Приводятся документы из архивов: Федеральной службы безопасности РФ (ФСБ), Главной военной прокуратуры РФ (ГВП), Президента РФ (фонд Сталина), Государственного архива РФ (ГАРФ); Национального архива США и других.

[2] Подлинник отчета находился в Архиве Президента Российской Федерации (фонд Сталина: фонд N 3 опись N 30 дело N 63 Л83-107).

II

УСЛОВИЯ ПОЕЗДКИ

Уже с первых шагов в Берлине, при получении американской визы, мне неожиданно, несмотря на уведомление Президиума Конгресса о высылке визы было отказано в немедленной выдаче ее для переезда в С.А.С.Ш. до получения дополнительных материалов. Рижская агентура Американского Консульства в Берлине, как потом выяснилось, сообщила сведения о том, что я состоял членом Коминтерна, спутав, очевидно, ЦИК, членом которого я состою, с Коминтерном.

Кроме того, многие экспедиции, в которых мне приходилось принимать участие за последние годы в разных странах, освещены в белогвардейской прессе заграницей как выполняющие специальные политические поручения Коминтерна. Даже экспедиция 1927 года в Абиссинию, неожиданным образом в глазах выживших из ума эмигрантов оказалась замыслом против Правительства Абиссинии и Лига Наций имеет специальное дело по этому поводу. Тем не менее настойчивое вмешательство Президиума Конгресса и Министерства Иностранных Дел в Вашингтоне оказало свое действие и виза в Америку мне была выдана без опоздания к сроку начала Конгресса.

Получение большого числа виз для въезда в многочисленные республики Южной и Центральной Америки, через которые мне нужно было частью проехать, а частью остановиться для исследовательской работы, встречало всевозможные препятствия. Консулы требовали бесконечное количество документов о поведении, о не принадлежности к анархистам и проч. Мое участие в качестве Вице-Президента на Конгрессе, в котором принимали участие представители многих стран, в частности, Южной Америки, чрезвычайно облегчило дело. Большую часть виз мне удалось получить через посредство различных научных работников, взявших на себя хлопоты по получению разрешения на въезд. Особые трудности возникли неожиданно во время получения визы на въезд в Мексику (Юкатан). Как выяснилось потом, это было вызвано тем, что обозленная Американская Каучуковая Компания «Intercontinental Co», узнав о посылке в 1931 г. Трестом «Каучуконос» по моим указаниям и разработанному мною плану специальной экспедиции по сбору гваюлы в Мексику и удачном выполнении этой миссии, подняла кампанию в Мексиканской Прессе о расхищении большевиками национальных богатств. Весьма существенно, однако, заметить, что культурой гваюлы в Мексике никто не интересуется; в ней заинтересована только упомянутая иностранная компания, но и она культуру гваюлы производит не в Мексике, а в Калифорнии. Как выяснилось потом, я оказался зачисленным в список иностранцев, особо опасных для Мексики.

В Чили и на Юкатане я был подвергнут кратковременному аресту, несмотря на то, что все мои документы были в полном порядке.

Наряду с этими, обычными для советского ученого, трудностями за границей, в особенности, в тех странах, где нет советских представительств, я должен отметить исключительное содействие со стороны научных и агрономических работников во всех странах, где мне пришлось быть. Со стороны Министерств Земледелия и министров земледелия Боливии, Аргентины, Чили, Перу, Бразилии и Тринидада, а также Канады мне пришлось встретить исключительно внимательное и доброжелательное отношение. Мне были предоставлены исключительные возможности ознакомления в краткое время со всеми материалами. В качестве спутников почти всегда меня сопровождали наиболее компетентные агрономы и руководители научных учреждений. Через них мне удалось достать много ценнейших материалов, необходимых для СССР. С Департаментом Земледелия в Вашингтоне давно уже налажены дружественные отношения научных учреждений СССР.

Интерес к Советскому Союзу огромный; работами наших научных учреждений чрезвычайно интересуются, хотя в некоторых странах (Бразилия) запрещен ввоз какой-либо литературы из СССР.

Вообще, с одной стороны, препятствия в получении виз послужили значительным тормозом, в смысле времени, с другой – содействие местных научных агрономических кругов позволило за короткое время сделать очень многое.

III

МАРШРУТ ПОЕЗДКИ

Из Нью-Йорка и Итаки, где происходил VI Международный Конгресс по Генетике, мы переехали в Канаду, останавливаясь, главным образом, там, где сосредоточены наиболее интересные исследовательские учреждения. Мы пересекли всю Канаду до Британской Колумбии, уделив внимание в особенности штату Альберта, где сосредоточены культуры орошаемых хлебов.

Канада – штат Вашингтон. Из Канады мы переехали в штаты Вашингтон, Колорадо и Монтана, ознакомились подробно с районами орошаемой культуры, как в практическом хозяйстве, так и на опытных станциях.

Штат Монтана – штат Канзас. В Канзасе особое внимание было уделено засухоустойчивым культурам сорго и озимой пшенице.

Город Вашингтон. Получение визы и работа в библиотеке Департамента Земледелия по изучению мировой литературы по земледелию Южной и Центральной Америки.

Г. Вашингтон – Флорида – Порт Майами, где находится в настоящее время отправной пункт аэропланного пути в Ю. и Ц. Америку. Во Флориде были посещены опытные станции, работающие с каучуконосными растениями.

Путь из Майами в Центральную и Южную Америку. Круговой путь самолетом по восточным и западным берегам Южной Америки от Майами через Центральную Америку налажен только в самое последнее время; мы им воспользовались для сокращения передвижения больших пространств, тем более, что по расписанию аэропланы останавливаются весьма часто и эти остановки позволяют задержаться на несколько дней или даже недель с использованием одного и того же билета кругового путешествия.

Майами – Куба. Здесь мы подробно ознакомились с состоянием культуры сахарного тростника, переживающей ныне глубокий кризис. Здесь же сосредоточена культура так называемых «гаванских» табаков.

Куба – Юкатан (Восточная Мексика) – респ. Сальвадор. Интересны исключительно богатым разнообразием сортов кукурузы и хлопчатника. Сюда впоследствии был направлен нами наш помощник – мексиканский студент Кэссельбреннер, который подробным образом собрал все интересующие нас материалы.

Сальвадор – респ. Панама. Посещена тропическая опытная станция Департамента Земледелия САСШ, работающая с большим числом новых промышленных, тропических и технических культур.

Панама – Колумбия Эквадор. В Эквадор, в связи с трудностями получения визы нам пришлось направить нашего помощника тов. Кэссельбреннера, которым в течение месяца был собран богатый исчерпывающий материал по местным культурам.

Эквадор – Перу Боливия (сухим путем). Здесь была организована специальная караванная экспедиция по добыче семян хинного дерева, хлопчатника, картофеля и пр. В Боливии в это время происходила война с Парагваем, но тем не менее, это работе сильно не помешало и все, что необходимо было сделать, было выполнено.

Боливия – Чили (сухим путем). Знакомство с современным состоянием производства селитры, а также земледелием в условиях орошения особенно широко распространенного в северной части Чили.

Чили – Аргентина (Буэнос-Айрес). В Аргентине подробно исследована зона возделывания пшеницы, кукурузы, льна и люцерны – 4 основных аргентинских культур.

В Уругвае, вместе с Торгпредом СССР тов. Миткиным, мы ознакомились с земледелием, животноводством и работой опытных станций.

Уругвай – Бразилия. В Бразилии нами были выборочно исследованы главным образом важнейшие земледельческие районы, как то: Рио-де-Жанейро, Сент-Паула, низовья Амазонки, области, где сосредоточены промышленные культуры: кофейного дерева, хлопчатника, какао и каучукового дерева, а также множество масличных и прядильных бразильских культур.

Из Бразилии, через три Гвианы (французскую, голландскую и английскую) мы направились на остров Тринидад, где подробно ознакомились с работой по хлопководству и культурой тропических растений.

Здесь находится один из крупнейших мировых исследовательских тропических институтов.

Тринидад – Порто-Рико – Гаити и порт Майами (Флорида). На обратном пути через Флориду и Вашингтон мы остановились на опытной станции в Гейнсвиле, главным образом, для изучения новых культур (Тунговое дерево) и новых кормовых растений.

С.А.С.Ш. – Франция

Германия – СССР.

IV

ЛЕКЦИИ И ДОКЛАДЫ

Во время путешествия нам по предложению различных обществ и научных кругов пришлось прочесть большое число докладов и лекций на английском, французском и немецком языках, собиравших многочисленные и самые разнообразные аудитории. В Соединенных Штатах было прочитано 9 лекций – в штатах Вашингтон, Нью-Йорк, Канзас, Флорида и в гор. Вашингтоне; была прочитана лекция в Рио-де-Жанейро в Бразилии, в присутствии всего Министерства Земледелия и большого числа агрономических и научных работников. Эта лекция привлекла большое внимание, так как была, по-видимому, первой попыткой осветить то, что делается советской наукой. Об этом можно судить по тому, что лекция была подробнейшим образом изложена во всех бразильских газетах. На острове Тринидаде был прочтен большой доклад в агрономическом обществе, на котором присутствовали все агрономические научные работники этого острова.

В газетах Чили нами была помещена большая статья «Наука и сельское хозяйство СССР».

В Париже Общество научного сближения с СССР устроило три наши двухчасовые лекции, посвященные агрономической науке и сельскому хозяйству в СССР. Эти лекции собрали очень многолюдную аудиторию с участием крупнейших представителей науки. На двух лекциях присутствовали Министр Земледелия и Министр Просвещения.

В Германии нами был прочтен большой доклад о работе в области растениеводства в Академии Наук в Галле.

Часть сделанных докладов – в обработанном виде, – нами сдана для напечатания в соответствующие иностранные периодические издания.

V

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГЕНЕТИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

Международные генетические конгрессы, посвященные теории селекции и генетики, происходят один раз в пять лет. Настоящий конгресс, несмотря на трудности

кризиса, собрал большое число иностранных работников и был несомненно Съездом чрезвычайно удачным. Огромная выставка демонстрировала большую мировую работу, которая проводится в области улучшения животноводства и растениеводства. Соединенные Штаты, где собрался Конгресс, за последние годы особенно двинулись в теоретической генетике.

Особенно многое сделано за последние годы в понимании механизма наследственности, в области междувидовой гибридизации и по выведению сортов, устойчивых к заболеваниям.

Роль советской науки несомненно весьма значительна в этом поступательном движении в генетике, что можно видеть уже потому, что в очень жестко составленной программе на общих собраниях, пять докладов были посвящены советским работам без ограничения времени. К сожалению, три из них были сняты за неприездом докладчиков и мне одному пришлось представлять весь Советский Союз. Интерес к нашим работам можно видеть хотя бы из того факта, что большинство участников конгресса изъявили желание о том, чтобы следующий конгресс был, по возможности, в Ленинграде или в Москве. Мое присутствие в единственном числе от СССР и недоговоренность в этом отношении с Ученым Комитетом ЦИКа СССР не позволил мне выступить с официальным предложением.

Вопрос о следующем конгрессе поручено выяснить в течение 2-х лет Комиссии в составе 15 лиц, представителей от различных стран, где работа в области генетики и селекции идет особенно интенсивно. От Советского Союза в этот Комитет избран я.

Организованная нами выставка достижений советской селекции и генетики привлекли большое внимание. Благодаря помощи нашего торгпредства мы смогли развернуть ее довольно широко. Нами были специально опубликованы на английском языке, еще в Союзе, две брошюры: «Селекция в СССР» и «Генетика в СССР», дававшие обзор новейших достижений. Подробный отчет об этом Конгрессе, о результатах его, имеющих интерес для СССР, будет мною опубликован в ближайшие недели.

Самое существенное, что выявил Конгресс, это новые пути к экспериментальному освещению проблемы эволюции животных и растений, области исключительно важной и практически и теоретически, как открывающая новые возможности по внедрению сортов животных и растений. Несомненно, в этой области можно ждать крупнейших открытий в ближайшие годы, и можно утверждать, что Советский Союз принимает активное участие в разработке этого исключительно обещающего раздела науки.

В некоторых направлениях мы, несомненно, уже заняли передовые позиции (планомерное использование мировых растительных ресурсов, яровизация как метод, дающий возможность использовать мировой ассортимент для селекционных целей и междувидовая гибридизация).

VI

ВАЖНЕЙШИЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ КАНАДЫ

Если в нашем земледелии максимальные трудности связаны с засухой и с неблагоприятными условиями зимовки озимых хлебов, то в Канаде определяющими моментами урожая пшеницы является в значительной мере эпидемия ржавчины и короткий вегетационный период, не дающий возможность в Северных районах нормального вызревания хлебов.

Большие работы развернулись в этом направлении. Надо отдать справедливость Канаде, что за последние годы исследовательская работа здесь значительно расшире-

на. В этом отношении эта страна отличается от всех капиталистических стран, свернувших работу. Только что закончено строительство большого национального исследовательского Института “Оттавия”, стоившее более 3 милл. долларов. Значительное место в этом Институте отведено оригинальным агрономическим работам.

Несомненно, исключительный интерес представляют для нас работы по борьбе с ржавчиной в Канаде, так же как и на Севере С. Штатов. Работы Канадской Лаборатории в Виннипеге подошли к пониманию процесса развития эпидемий и даже образования новых вирулентных рас паразитов. Чрезвычайно интересны новые исследования по выведению новых сортов, устойчивых к заболеваниям, и в методическом смысле, и в смысле результатов исследования; эти работы представляют для нас существенный интерес и должны быть у нас использованы.

Короткий вегетационный период Канады, в особенности в северных районах, заставил вести селекцию на скороспелость, главным образом, методом скрещивания. Принципиально новых открытий в этом направлении не сделано, чего-либо равноценного работе Лысенко мы ни в Канаде, ни в САСШ не видели, но тем не менее выведенный ряд скороспелых сортов пшеницы, как например, «Гарнет», позволил продвинуть культуру к северу. Северные ассортименты зерновых хлебов Канады должны быть всемерно использованы у нас, как для прямой культуры, так и для скрещивания с нашими сортами. Собранный нами материал от различных компетентных работников показывает, что продукция Канады по пшенице может быть увеличена в 1.1/2 – 2 раза в связи с возможностями ее расширения. Учитывая, что Канада увеличила в последнее 10-летие посевную площадь в 2 раза, факт этот представляет для нас, конечно, весьма существенный интерес и внимательное изучение опыта Канады, работающей в суровых условиях, близких к нашим, заслуживает большого внимания.

Как и мы, в последние годы Канада уделяет много внимания мукомольно-хлебопекарным качествам пшеницы. Химическая оценка зерна по белку, нашедшая уже применение в некоторых районах САСШ, пока не получила распространения в Канаде, хотя Центральная Лаборатория в Виннипеге и проделывает регулярно огромное число анализов на азот.

Сопоставление многолетних результатов определения белка в пшеницах Канады в разных районах с нашими данными показывают определенно, что в этом отношении мы имеем преимущество.

Большая работа сделана в отношении селекции кормовых растений и в особенности донника, заслуживающей всемерного использования у нас. Нами получен ценный новый ассортимент селекционных кормовых трав, выведенных Канадскими станциями, который уже пришел в Союз и будет высеян в нынешнем году.

VII

ИРРИГАЦИЯ ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР

В связи с разрабатываемым грандиозным проектом орошения Заволжья мы уделили значительное внимание усвоению опыта Сев. Америки в этом направлении, гл. образом в смысле агротехники и сортов. По этому вопросу мы готовим специальную статью.

Надо сказать, что даже Канада, не говоря уже о зап. районах САСШ, имеет значительный опыт по орошаемому земледелию не только в пустынных районах; вопросу орошения пшеницы и в более северных районах уделялось не мало внимания за последнее 10-летие.

Достаточно сказать, что даже в Канаде, в штате Альберта, в районе Датбриджа, в истекшем году орошалось более полумиллиона гектаров поливных культур, из которых почти половина была представлена пшеницей.

В штатах Калифорния, Колорадо, Монтана, Вашингтон многие сотни тысяч гектаров зерновых культур возделываются при орошении.

Спорный вопрос о качестве пшеницы при орошении, как нам удалось выяснить, в целом решается по новейшим данным положительно для орошаемой пшеницы, ибо снижение белка хотя и имеет место, практически столь невелико (в среднем максимум 1,5 – 2,5%), что не может послужить препятствием для орошаемой культуры пшеницы. Впоследствии в Аргентине нам удалось найти даже сорт пшеницы Альто-да-Осеро, который при орошении не только не ухудшает мукомольно-хлебопекарных качеств, но даже повышает их.

Чрезвычайно ценный опыт в Канаде и в САСШ имеется по севооборотам для орошаемых хозяйств, который несомненно может быть нами использован в Поволжье.

Подбор полевых культур для орошаемого хозяйства, если бы нам это потребовалось впоследствии, может быть очень велик даже в умеренной полосе, как показывает опыт Альберты в Канаде. Особенное значение уделяется участию бобовых в севообороте, в частности, доннику, как культуре наиболее быстро оставляющей поле, а также сахарной свекле, дающей высокий урожай при сравнительно высоком % сахара (до 18% Альберта).

Кризис сельского хозяйства в Америке заставляет отодвинуть в сторону крупные ...ирригационные... проекты. Новое правительство Рузвельта имеет в виду приостановить все начатые проекты ирригации, мотив – большая стоимость и общий финансовый кризис в стране. В условиях разваливающегося капиталистического хозяйства крупные затраты на ирригационные сооружения ныне представляются совершенно не рентабельными. Специфические особенности нашего социалистического хозяйства в условиях континентальной страны даже в районах основного земледелия заставляют подойти к этому делу иначе. На основе американского опыта нам представляется, что колоссальный проект орошения Заволжья еще больше получает стимулов для своего скорейшего осуществления.

VIII

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАСТИТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

Горные районы Ц. и Ю. Америки – Кордильеры представляют для нас исключительный интерес как основной мировой очаг по ряду важнейших культур как хлопчатник, картофель, кукуруза, а также по ряду медицинских растений, как хинное дерево, кокаиновый куст, не говоря уже о ряде других овощных и полевых культур меньшего значения.

Эти горные области являются основным центром возникновения перечисленных культур и здесь, как показали исследования, заключены исключительные сортовые богатства, до сих пор мало использованные человеком.

Американские экспедиции сделали пока сравнительно мало, и экспедиции советского Института Растениеводства, проведенные в последние годы, показали с полной очевидностью, что здесь нам еще суждено открыть не мало “Америк”. Достаточно указать на блестящее открытие скромной советской экспедиции в лице тт. Букасова и Юзепчука в районы Боливии, Перу и Мексики, нашедших впервые целый ряд новых, неизвестных науке видов культурного и дикого картофеля. Среди этих видов обнаружились формы, устойчивые к заболеваниям картофеля, формы, обладающие исключительной морозостойкостью и засухоустойчивостью. Насколько велико значение этих открытий, сделанных коллективом советских научных работников, можно судить хотя бы по тому, что на другой же год после предварительного сообщения о работах советс-

кой экспедиции Министерство Земледелия Соединенных Штатов отправило две экспедиции по нашим указаниям и нашим следам в поисках материала для практической селекции по картофелю. Тоже сделано в 1930 г. Министерством Земледелия Германии, командировавшим для этой цели своего наиболее крупного селекционера доктора Баура в Ю. Америку.

Планомерное и углубленное исследование, которое ведет Всесоюзный Институт Растениеводства по интродукции, за последние годы позволило впервые определить в мировом масштабе районы максимально интересные для привлечения новых видов и сортов растений.

Продолжая наши работы, я поставил себе задачей в настоящей поездке попытаться в целом выяснить области максимального интереса в смысле скопления сортовых богатств в Ц. и Ю. Америке. Поездка вдоль Кордильер дала возможность эту задачу выполнить, и мы можем ныне с большой точностью определить в пределах Сев. и Ю. Америки районы максимального значения для нахождения интересующих нас сортов.

Особенное внимание было уделено важнейшим интересующим нас культурам, как хлопчатник, кукуруза, картофель, хинное дерево. По всем этим культурам собран нами и нашими помощниками из числа научных работников, приглашаемых на местах, большой материал, ныне частью уже пришедший в Союз, частью находящийся в пути.

Исследования, проведенные по картофелю в Перу и Боливии, обнаружили здесь нахождение поразительного разнообразия сортов, о которых не подозревал до сих пор селекционер. Мое пребывание в Перу и Боливии в период цветения картофеля, когда особенно легко различимы сорта, позволило установить районы максимальной концентрации сортового разнообразия и мною налажены сборы необходимого для нас материала, который должен поступить в ближайшие месяцы.

В районах восточных склонов Анд нам удалось найти заросли хинного дерева со зрелыми семенами, которые были собраны в значительном количестве; кроме того, мы организовали специальные сборы материалов, которые должны поступить в ближайшие месяцы. Исследование на месте показывает значительные трудности в деле культуры хинного дерева. Хотя это дерево и доходит до высоты 2200 м, но не переносит заморозков и поэтому при культуре его у нас придется принимать специальные предосторожности, что нужно иметь в виду. В Эквадоре мы наладили также сборы особенно устойчивого вида хины, который, к сожалению, во время пребывания нашей экспедиции еще цвел.

По хлопчатнику собраны большие материалы, в частности, по длинноволокнистым сортам, нас особенно интересующим. Тринидадская опытная станция, которую мы посетили, выяснила в последние годы новые методы по получению плодовитых гибридов при скрещивании отдаленных видов и поэтому привлечение новых видов хлопчатника представляет для советской селекции исключительный интерес.

Особенное внимание нами было уделено культурам у крайних пределов Кордильер на высоте 4000 – 4200 метров, которые до сих пор мало использованы в Советском Союзе. Среди них необходимо отметить особый вид Хеноподиум, доходящий до крайнего предела культуры.

IX

СОБРАННЫЕ НОВЫЕ РАСТИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ НАШЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ

1. В Аргентине нами приобретен полный набор селекционных сортов зерновых культур, все лучшие селекционные сорта по льну, кукурузе, пшенице, выведенные за последние годы. Материал в количестве около 400 пуд. направлен Торгпредством и по полученным сведениям уже прибыл в Гамбург и будет всемерно использован в опытах государственного сортоиспытания в текущем году по всему Союзу. Среди собранного материала необходимо отметить сорта, обладающие устойчивостью к ржавчине, к по-

леганию, а также в небольшом количестве нам удалось получить сорт пшеницы, отличающийся высокими качествами при условии орошаемого земледелия.

2. Семена хинного дерева. Надо сказать, что получение их сопряжено с большими трудностями, ибо заросли дикого хинного дерева находятся вдали от культуры по восточным склонам Андов. Возделывается хинное дерево, главным образом, на Яве, вывоз откуда семян категорически воспрещен.

3. Собрано большое количество новых сортов и видов культурного и дикого хлопчатника для селекционных целей. Получены новые сорта земляной груши (топинамбура) – одной из новых культур, нас особенно интересующей в последние годы.

4. Получен большой набор новых сортов кормовых трав, выведенных в последние годы Канадскими селекционными станциями, который будет высеян в нынешнем году, в том числе новые сорта донника, выведенные известным селекционером Керком.

5. Собран набор новых видов кормовых трав, пригодных для субтропических районов и для зеленого удобрения.

6. По картофелю нами организованы дополнительные сборы к тем материалам, которые уже собраны предыдущими экспедициями; в особенности нас интересовали так называемые чуньевые сорта, пригодные для получения путем замораживания продовольственного продукта, сохраняющегося в течение нескольких лет. Ввиду зимнего времени материал будет получен позже.

7. Получен набор стандартных устойчивых сортов хлебных злаков к заболеваниям.

8. Из новых культур особый интерес представляют высокогорные формы растений Перу и Боливии (Хеноподиум кваньола). Нужно указать, что из Эквадора, из Сальвадора, равно как из Бразилии и Тринидада мы получаем впервые сортовой материал.

9. По эфиромасличным растениям нами получены от одного из французских специалистов-коммунистов очень ценные материалы об этих культурах во Франции и во французских колониях.

10. Собрана большая местная с.х. литература по всем исследованным странам.

X

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОБСТАНОВКИ СТРАН ЮЖНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ

Вероятно ни в одной части света хаос противоречий самых коренных и непреодолимых при капиталистическом строе не проявляется с такой отчетливостью как в Южной Америке. В этом отношении континент Южной Америки и страны, примыкающие к нему, представляют совершенно исключительный интерес для изучения, ибо здесь со всей очевидностью обрисовывается тот тупик, в который вступил капитализм с его империалистической политикой. Нас интересовали преимущественно технические проблемы, технические возможности земледелия и намечающиеся сдвиги в области мирового земледелия, но, тем не менее, ход хозяйственных событий настолько важен, что он бросается в глаза каждому исследователю. При этом весьма существенно, что здесь эти противоречия являются не только результатом общего кризиса капиталистического хозяйства, особенно остро проявившегося в последние годы, но имеют более глубокие корни и связаны с коренными изменениями мировой географии производства.

Приведу ряд фактов, которые, как нам представляется, совершенно бесспорны и которые обрисовывают хозяйственный тупик, в который пришла Ю. Америка.

Начнем с Кубы.

Богатый тропический остров еще никогда не переживал такой катастрофы хозяйства, в каком виде она проявилась в настоящее время. До настоящего времени все земледелие этой сельскохозяйственной страны было сконцентрировано на производстве са-

харного тростника. Падение цен и так называемое “перепроизводство”, проведение специальных тарифов, ограждающих ввоз дешевого сахара в Сев. Американские Соединенные Штаты и другие капиталистические страны привело в тупик сельское хозяйство Кубы. Огромные плантации сахарного тростника остаются неубранными, сахар не находит себе никакого сбыта. Надо переходить к другим культурам, но к каким неизвестно, все хозяйство было узко специализированным на сахаре и переход к другим тропическим культурам потребует многих лет, тем более, что многие из тропических культур являются многолетними и надо ждать 6 – 10 лет до плодоношения. При этом неизвестно какие культуры могут выдержать конкуренцию других тропических стран.

Половина населения острова без работы, университет закрыт три года из боязни революционных выступлений студенчества, профессура на улице, опытные станции закрыты за ненадобностью. Ужас сознания безвыходности, тупика царит среди всех кругов сколько-нибудь разбирающихся в ходе событий, а события идут.

Соседняя республика Порто-Рико, принадлежащая САСШ, могущая беспрепятственно ввозить товары в САСШ, как в свою метрополию, усиливает свою продукцию сахара, еще более обрекая на безысходность Кубу.

Общая картина безвыходной нищеты покрывается лишь кажущимся блеском больших городов, куда приезжают в большом числе туристы.

Возьмем другую крайность – Чили. Огромный спрос на селитру во время Мировой войны поднял чрезвычайно высоко цены. Это был апогей наживы. Но вот, в лабораториях изолированной Германии Габер решает практический синтез селитры из азота воздуха. После войны цены на синтетическую селитру стояли очень высоко и казалось, что вряд ли синтетическая селитра сможет конкурировать с огромными естественными запасами селитры Чили – монополией американских капиталистов. Привыкший к огромной наживе американский капитал Чили не пожелал снижать цен на натуральную селитру, не придавая сколько-нибудь серьезного значения синтетической селитре, которая оказалась соперником естественной селитры. Высокие цены на натуральную селитру принудили Европу развить производство синтетической селитры, и ныне синтетическая селитра, не уступая по качеству натуральной, стоит по цене ниже натуральной. То, на чем зиждилось богатство Чили, ныне рухнуло. Сотни тысяч рабочих остались без работы. Сотни заводов, добывающих селитру, стоят закрытыми.

Мы посетили один из крупнейших заводов Антофагасте, где еще около полутора лет тому назад было около 300 служащих в главной конторе; теперь их осталось 15 человек.

Рухнула финансовая система Чили.

Чили богата медью. Однако цены на эту медь не могут конкурировать с Американской медью и Чилийские рудники бездействуют. Покупная способность Чили совершенно пала. Стоят неподвижно тысячами автомобили из-за недостатка горючего материала. Казалось бы, просто обменять селитру или медь на советскую нефть, на советский газолин; но медь, как и селитра, принадлежит Чилийским капиталистам из САСШ и для того, чтобы выйти из тупика, нужно нарушить международные отношения.

Вот Бразилия с колоссальными естественными ресурсами. Высокие цены на кофе способствовали перед мировым кризисом огромному развитию кофейных плантаций, площади которых дошли до 3 милл. га. Цены на кофе в послевоенный период сильно возросли. Ныне, в связи с общим кризисом, цены на кофе упали почти в 3 раза. Чтобы поддержать взвинченные во время ажиотажа высокие цены, правительство Бразилии не придумало лучшей меры, как сжечь более 40 милл. пудов кофе за последние 2,5 года (11 милл. 60-килограммовых мешков). Пришлось строить целые сжигательные фабрики для уничтожения кофе; кофе стал источником удобрения. Но этим выход из кризиса не найден и уже на горизонте обрисовывается все более углубляющаяся конкуренция в Колумбии, производящей кофе лучшего качества, чем бразильские сорта.

Долина реки Амазонки в Бразилии – родина каучукового дерева, где еще так недавно процветал огромный промысел, снабжавший весь мир каучуком.

Американцы и голландцы вывезли семена каучукового дерева Хевса и ныне несколько миллионов га каучуковых плантаций в Юж. Азии производят более высокого качества и более дешевый каучук, окончательно убивающий естественный каучук Амазонки. Многие десятки тысяч рук остались без работы. Край опустел; надо переходить к иному хозяйству. Никто об этом не думал и найти выход их этого тупика при современных капиталистических условиях невозможно.

Затея Генри Форда в последние годы развить огромные искусственные плантации каучука в долине р. Амазонки, получившего концессии в полтора миллиона га в долине Амазонки, нами рассматривается как утопия, и даже управляющие огромной концессией Форда скептически относятся к затее патрона. Форд начал свое дело в период высоких цен на каучук. При современной расценке каучука в 4 цента фунт вместо 1,3 долл. во время войны, все сколько-нибудь понимающие это дело, считают новое предприятие Форда безумством или капиталистической прихотью.

Кризис переживает не только зерновая культура, но и животноводство. Развитие животноводства в Южной Бразилии и европейских странах снизило цены на мясо, и Аргентина уже не имеет достаточно обеспеченного рынка, несмотря на совершенно исключительные благоприятные условия животноводства и земледелия в условиях климата, не знающего зимы, с количеством осадков в среднем 800 – 1000 мм в год.

Трудно представить себе большую аномалию, чем нищета, в которой живет коренное индейское население в горах Перу и Боливии, по сравнению с жизнью господствующих классов в городах. Отмененные на бумаге рабские отношения фактически продолжают существовать в деревне. Целые поселки приписаны к имениям крупных землевладельцев. Здесь до сих пор можно еще видеть воочию крепостное право.

Специализировавшаяся на культуре какао республика Эквадор переживает катастрофу в связи с эпидемией “ведьминой болезни”, истребившей плантации.

Мы попали в период разгара военных действий между Боливией и Парагваем. Борьбу ведет население той и другой страны, но в основном эта борьба – состязание английского и американского капиталов в борьбе за нефть в Чако. И ни для кого не секрет, что война ведется при материальной поддержке с той и другой стороны.

Открылись военные действия между Перу и Колумбией. Национальные противоречия, особенно ярко отображающиеся в Южной Америке, еще более запутывают клубок. Выхода из него не видно в системе установившихся капиталистических взаимоотношений и все обостряющейся конкуренции и анархии производства. Глубокие противоречия нагромождаются с каждым днем и для многих становится ясной неизбежность общего краха всей системы.

Отсюда можно понять ту озлобленность, которая проявляется по отношению к советской стране в правящих кругах Южн. Америки. Вся купленная пресса полна набора измышленных сведений и подбора анекдотов, рисующих как в кривом зеркале жизнь советской страны. Все улицы в городах Перу, начиная с Лимы, во время нашего пребывания были полны плакатами, специально составленными церковниками против коммунизма.

На фоне этого нагромождения усиливающихся противоречий растет интерес к Советскому Союзу.

Настоящее краткое сообщение является предварительным отчетом о результатах нашей поездки.

ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
№6, 1992

Наследие: документы, публикации

В тридцатых годах слово «правозащитник» еще не существовало в политическом обиходе, но люди, которых мы ныне так называем, уже были. Один из них – американский генетик Чарльз Давенпорт, чье письмо в защиту советских коллег, не известное доселе международному сообществу ученых, удалось обнаружить в Национальном архиве США сыну академика Н.И. Вавилова – доктору физико-математических наук Ю.Н. Вавилову.

«ЭТО НЕ ТОЛЬКО НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОУБИЙСТВО, НО И УДАР В ЛИЦО ЦИВИЛИЗАЦИИ»

(Неизвестное письмо американского ученого в защиту советских генетиков)

В брежневские времена западные ученые неоднократно выражали протесты правительству СССР в связи с преследованиями по политическим мотивам представителей науки. Один из примеров их акций в защиту советских коллег – бойкот многими физиками США и Западной Европы в период травли Андрея Сахарова и Юрия Орлова международных конференций, проводимых в СССР. В последние годы стало известно о письме Сталину великого датского физика Нильса Бора по поводу ареста Л.Д. Ландау (кстати, после года заключения в тюрьме он был освобожден).

К сожалению, ни у нас в России, ни в США практически никто не знал до самого последнего времени о мужественных действиях американского генетика Чарльза Давенпорта[1] в защиту советских коллег еще в 1930-х годах. Недавно во время командировки в Америку мною найдено в Национальном архиве США (Вашингтон) его письмо на имя Госсекретаря США. Это письмо – реакция на сообщение газеты «Нью-Йорк Таймс» от 14 декабря 1936 года об аресте генетиков академика Н.И. Вавилова, И.И. Агола[2] и угрозе ареста С.Г. Левита[3].

К тому времени Николай Иванович Вавилов еще не был арестован (это случилось 6 августа 1940 года). Израиль Иосифович Агол же действительно был взят под стражу в Киеве. Соломона Григорьевича Левита арестовали в 1937 году. В конечном итоге все трое ученых были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу. Как недавно стало известно, приговоры приведены в исполнение в отношении И.И. Агола и С.Г. Левита. Н.И. Вавилову высшую меру наказания заменили двадцатью годами тюремного заключения, и он умер от голода и болезней в саратовской тюрьме.

В письме Ч.Б. Давенпорта к Госсекретарю США очень важна мысль о необходимости международной солидарности ученых в их противостоянии тоталитарным режимам. Оно содержит высокую оценку научной деятельности трех советских генетиков.

Ответ Госдепартамента последовал довольно скоро: он отказался предпринять какие-либо действия. К сожалению, мне неизвестно, направил ли Ч.Б. Давенпорт свое письмо в дальнейшем кому-либо из руководства СССР. Открытие архивов бывшего Союза, возможно, поможет ответить на этот вопрос.

Ю. Н. ВАВИЛОВ

ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ ВАШИНГТОН, Д.К. (Дистрикт Колумбия. – *Ю.В.)*

Дорогой Сэр!

«Нью-Йорк Таймс» сообщила, что Седьмой Международный генетический конгресс, намеченный в Москве на август 1937 года, отменен по решению Советского правительства. Мы также узнали, что профессора Вавилов и Агол арестованы в Киеве, а профессор С.Г. Левит находится под угрозой ареста.

Я буду рад, если Вы передадите подходящим дипломатическим способом мой протест как их коллеги-генетика правительству СССР по поводу преследования моих коллег.

Все генетики, как и другие ученые, должны быть преданны не только своей стране, но и своей науке. Именно благодаря преданности науке они совершают открытия и получают новые знания, чрезвычайно ценные как для собственных стран, так и для других цивилизованных государств. Если какая-либо страна будет настаивать на преданности исключительно себе, то в этом случае все академии и ученые прекратят посылать туда свои научные публикации только по той причине, что подчинение такой декларации поставило бы ученых этой страны вне научного сообщества, которое является по своей сущности интернациональным.

Если газетное сообщение верно, то я как генетик решительно протестую по поводу действий Советского правительства в отношении моих коллег Левита, Агола и Вавилова. Этим ученым принадлежат исследования высочайшего уровня, и именно благодаря их научной активности мировое сообщество генетиков информирует их о своих достижениях в генетике. Трое ученых, о которых идет речь, значительно увеличили наши познания в генетике, принеся при этом большую пользу СССР. Эти исследования, однако, были бы невозможны без предшествующих открытий генетиков других стран.

Работа профессора Левита тесно связана с работой американского евгенического бюро регистрации. Я часто рассказываю американским студентам по специальности «генетика человека» о том, что Россия ушла вперед по сравнению с США в этих исследованиях. Левит посылает мне все, что он и его помощники публикуют, а я ему все, что публикуем мы. Мы используем достижения Левита в нашей работе здесь, в Америке.

Вавилов пользуется большим уважением генетиков всего мира как ведущий генетик СССР. Его высокая образованность, широта идей, громадная энергия представляют неоценимую ценность не только для СССР, но и для мировой сельскохозяйственной науки. Учитывая связь прогресса в генетике с благополучием нации в сельском хозяйстве и других основополагающих составляющих жизни нации, можно утверждать, что мешать работе таких людей, как Вавилов, равносильно не только национальному самоубийству, но и удару в лицо цивилизации.

Еще одно слово. СССР не может быть сам свободной страной, распоряжаясь генетиками по воле кратковременного каприза. У него есть обязательство – платить долг цивилизации, особенно в генетике. Советский Союз многое черпает от открытий ученых и от применения этих открытий, поэтому его долг перед цивилизацией – внести вклад в мировой фонд знаний о природе и ее контроле. Если СССР теперь отказывается платить этот долг в какой-либо из отраслей науки, препятствуя исследованиям, то остальной мир не позволит ему получать блага от дальнейшего прогресса знаний. Советский Союз не может требовать от цивилизации всего, не возвращая ничего стоящего. Я бы не хотел предполагать, что такова политика, которую СССР собирается проводить.

Искренне Ваш
Ч. Б. Давенпорт
17 декабря,1936 г.

ОТВЕТ ГОСДЕПАРТАМЕНТА США АМЕРИКАНСКОМУ ГЕНЕТИКУ ПРОФЕССОРУ Ч.Б. ДАВЕНПОРТУ НА ЕГО ПИСЬМО НА ИМЯ ГОССЕКРЕТАРЯ ОТ 17 ДЕКАБРЯ 1936 ГОДА

29 декабря 1936 г.

Мой дорогой мистер Давенпорт!

Департамент получил Ваше письмо от 17 декабря 1936 года со ссылкой на сообщение, что Седьмой Международный конгресс по генетике, который должен был состояться в Москве в следующем августе, отменен по приказу Советского правительства. Вы также ссылаетесь на сообщение об аресте некоторых советских ученых и просите Госдепартамент передать через дипломатические каналы Ваш протест Правительству СССР.

Как частное лицо, Вы, конечно, имеете право сообщить свою точку зрения по поводу этого дела Советскому правительству каким-либо образом, который сочтете подходящим.

Американское же правительство, руководствуясь принятыми принципами, не может ни протестовать, ни передать через официальные каналы какой-либо частный протест Советскому правительству, поскольку речь идет об обстоятельствах, которые не затрагивают непосредственно американских граждан или американские интересы.

Госдепартамент поэтому не может удовлетворить просьбу, содержащуюся в Вашем письме.

Искренне Ваш

Начальник Отдела восточно-европейских дел

Роберт Ф. Келли

Примечания

[1] Давенпорт Чарльз Бенедикт (1866 – 1944). Американский биолог, известен работами в области генетики человека. Организатор и директор Станции экспериментальной эволюции и бюро регистрации по евгенике в Кольд Спринг Харбор (штат Нью-Йорк).

[2] Агол Израиль Иосифович (1891 – 1937). Советский генетик, академик АН УССР (с 1934 г.). В 1928 г. возглавил Биологический институт им. К.А. Тимирязева (Москва). В начале 30-х годов стажировался в лаборатории Г.Д. Меллера (США). В 1934 – 1937 гг. – заведующий отделом генетики Института зоологии и биологии АН УССР. Основные работы относятся к генетике и философским вопросам естествознания. Арестован в 1936, расстрелян в 1937 г.

[3] Левит Соломон Григорьевич (1894 – 1938). Советский генетик. С 1928 г. работал в Медико-биологическом институте; в 1930 г. возглавил его, преобразовав в 1935 г. в Медико-генетический институт. В 1930-1932 гг. по Рокфеллеровской стипендии стажировался в лаборатории Г.Д. Меллера (США). Участвовал в исследованиях структуры гена в лаборатории А.С. Серебровского. Руководил работами по изучению роли наследственности и среды в развитии заболеваний. В июле 1937 г. снят с должности директора Медико-генетического института, а институт – закрыт. Арестован в 1937 г., расстрелян в 1938 г.

Перевод, публикация и примечания
Ю. Н. Вавилова

РОЛЬ ТРОФИМА ЛЫСЕНКО В АРЕСТЕ И ГИБЕЛИ Н.И. ВАВИЛОВА И ЕГО БЛИЖАЙШИХ СОРАТНИКОВ КАРПЕЧЕНКО Г.Д., ГОВОРОВА Л.И., ЛЕВИТСКОГО Г.А.*

Зловещая роль Т.Д. Лысенко в травле, преследовании, аресте и гибели моего отца и его ближайших соратников известна многим историкам советской науки как в России и в бывших советских республиках, так и в «дальнем зарубежье», а также ученым и другим лицам, которые были знакомы с моим отцом или с С.И. Вавиловым. Так, известный генетик академик Н.П. Дубинин, хорошо знавший моего отца, писал: «В тридцатые годы величие Н.И. Вавилова было уже очевидно. Именно поэтому он стал объектом жестокой травли, недостойной лживой критики со стороны Лысенко, Презента и их единомышленников»[1]. Именно Н.И. Вавилов, его мужественная и принципиальная позиция в защите научных убеждений, был для Т. Лысенко главным препятствием, мешавшим ему стать диктатором в сельскохозяйственной науке и биологии в нашей стране в сталинский период.

Академик А.Д. Сахаров, знавший С.И. Вавилова, назвал Лысенко одним из главных виновников гибели его брата Н.И. Вавилова в своих «Воспоминаниях»[2]. «Убийцей Вавилова» считает Лысенко крупнейший современный ботаник академик А.Л. Тахтаджан в своей статье в «Литературной газете» по случаю 100-летия со дня рождения Николая Ивановича[3].

Однако большому числу лиц, особенно нынешней научной молодежи, знающей о роли Лысенко в разгроме советской генетики после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года, затормозившей на многие десятилетия прогресс отечественной биологической и сельскохозяйственной наук, знающих о сущности широко известного термина «лысенковщина», – тем не менее не известна гнусная роль Лысенко, его идеолога И. Презента, других лысенковцев в аресте и гибели моего отца, его соратников и друзей: Г.Д. Карпеченко, Л.И. Говорова, Г.А. Левитского.

Интересно, что об этой роли знали некоторые работники наркомата государственной безопасности СССР (МГБ). В «совершенно секретной» справке, направленной Сталину, Молотову и Маленкову 8 июля 1945 года генералом Федотовым за неделю до выбора нового президента АН СССР, которым стал С.И. Вавилов (журнал «Исторический архив», 1996 г. №2), об академике Лысенко сообщается: «Среди биологов академии наук СССР Лысенко авторитетом не пользуется, в том числе и у академиков Комарова В.Л. (президент АН СССР, Ю.В.) и Орбели Л.А., причем последние приписывают ему арест Вавилова Н.И.»[4].

Среди ярых лысенковцев большую роль в подготовке ареста моего отца сыграл Шунденко А.С., бывший аспирант ВИР, назначенный осенью 1938 года заместителем директора ВИР Н.И. Вавилова Президентом ВАСХНИЛ Т.Д. Лысенко вопреки решительному протесту Н.И. Ближайшая соратница моего отца Е.Н. Синская в своих воспоминаниях назвала Шунденко «страшным человеком». Другая соратница Н.И. Вавилова, Н.А. Базилевская, встретила Шунденко, исчезнувшего из института после ареста Вавилова, весной 1941 года в Москве в форме офицера МГБ.

Как достоверно пишет в книге «Дело академика Вавилова» писатель Марк Поповский: «Можно не сомневаться: майор Госбезопасности Шунденко оказался для следователя по делу Вавилова Хвата незаменимым помощником»[5]. Ведь Хват был совершенно незнаком с деятельностью ВИР, Н.И. Вавилова и его ближайших соратников.

В 1955 году помощник Главного военного прокурора СССР майор юстиции Н.И. Колесников проводил огромную работу по посмертной реабилитации моего отца. Не случайно, что летом 1955 года он вызвал академика Т.Д. Лысенко для допроса как сви-

* Нижеследующий текст был впервые опубликован Ю.Н. Вавиловым в газете «Тимирязевка» N 5-7, 2002 г.

детеля по делу Н.И. Вавилова в Главную военную прокуратуру СССР (ГВП).

Лысенко отказался явиться на допрос в ГВП, пользуясь своим высоким положением депутата Верховного совета СССР, Президента ВАСХНИЛ, академика и члена Президиума Академии наук. Он ограничился письмом в Главную военную прокуратуру СССР, в котором заявил, что он не причастен к аресту Н.И. Вавилова, что у него с Вавиловым были чисто научные расхождения.

Недавно мне стало известно, что И.И. Презент в июне 1939 года написал докладную записку Председателю Совета Народных комиссаров В.М. Молотову[6], одобренную Лысенко (в письме есть подпись Лысенко после слов: «с текстом письма согласен»[1]). Это письмо было посвящено ситуации с седьмым Международным генетическим конгрессом, который первоначально предполагалось проводить в СССР. Это письмо включало в себя донос на Н.И. Вавилова с обвинением его во враждебных антисоветских действиях. В письме, в частности, было написано: «<...> Хору капиталистических шавок от генетики в последнее время начали подпевать и наши отечественные морганисты. Вавилов в ряде публичных выступлений заявляет, что «мы пойдем на костер», изображая дело так, будто бы в нашей стране возрождены времена Галилея».

И далее, пишет Презент: «Поведение Вавилова и его группы приобрело в последнее время совершенно нетерпимый характер».

«... Вавилов и Вавиловцы в последнее время окончательно распоясались и нельзя не сделать вывода, что они постараются использовать международный генетический конгресс для укрепления своих позиций и положения.

Вавилов в последнее время делает все для того, чтобы изобразить, что в нашей стране происходит гонение на науку.

... В настоящее время подготовка к нашему участию в конгрессе находится целиком в руках Вавилова и это далее никоим образом нельзя терпеть. Если судить по той агрессивности, с которой в последнее время выступает Вавилов и его единомышленники, то не исключена возможность своеобразной политической демонстрации «в защиту науки» против ее «притеснения» в Советской стране. Конгресс может стать средством борьбы против поворота нашей советской науки к практике, к нуждам социалистического производства, средством борьбы против передовой науки».

Как видно, в записке Презента–Лысенко фактически содержится обвинение Н.И. Вавилова в антисоветизме, во враждебности советскому социалистическому строю, что само по себе явилось вполне достаточным поводом для ареста Н.И., даже без обвинений моего отца в других измышленных НКВД грехах, например, в членстве в антисоветской трудовой крестьянской партии (никогда не существовавшей, Ю.В.), вредительстве в семеноводстве и т.д.

16 июля 1939 г. Л. Берия, нарком внутренних дел, наверняка зная о письме Презента–Лысенко В. Молотову, направил Молотову записку, в которой сообщал, что НКВД рассмотрел материал о том, что после назначения Лысенко Президентом Академии сельскохозяйственных наук Н.И. Вавилов и возглавляемая им буржуазная школа так называемой «формальной генетики» организовала систематическую кампанию с целью дискредитировать Лысенко как ученого" (книга «Суд палача», М., 1999 г. Изд-во «Academia», стр. 62, 63) и просил дать санкцию на арест Н.И. Вавилова. Эта санкция последовала в следующем, 1940 году. Очевидно НКВД потребовалось некоторое время для окончательной формулировки обоснования ареста моего отца.

Из обоснования на его арест следует, что одной из причин его ареста было: «продвижение заведомо враждебных теорий и борьба против работ Лысенко, Цицина и Мичурина, имеющих решающее значение для сельского хозяйства СССР».

[1] См. приведенное в настоящей книге факсимиле последней страницы письма И.И. Презента В.М. Молотову.

Следует сказать, что, несмотря на то, что НКВД осуществляло слежку за моим отцом еще с 1930 года и собирало на него компрометирующие сведения, сообщая о них Сталину еще с начала тридцатых годов, до выдвижения Лысенко, тем не менее Сталин возможно не дал бы разрешения полностью контролируемому им НКВД, на арест моего отца, учитывая его большую международную известность, если б не донос Презента–Лысенко, доносы Шунденко и другого злобного и активного лысенковца Шлыкова, сотрудника ВИР. Эти доносы были написаны в последние годы, предшествующие аресту Н.И. Вавилова.

От ряда ученых я знал, что Лысенко после реабилитации моего отца, особенно в последние годы жизни (он умер в 1976 году), часто повторял: «Я не убивал Вавилова». Таким образом Лысенко хотел оправдать себя, зная о широко распространенном общественном мнении о его причастности к аресту Вавилова.

Приведенные выше обвинения Н.И. Вавилова Презентом–Лысенко, содержащиеся в ранее неизвестном письме (фактически доносе) Презента–Лысенко Молотову, полностью опровергают мнение об отсутствии свидетельств прямой причастности Т. Лысенко к аресту Н.И. Вавилова[7].

Таким образом становится очевидным, что заявление Т. Лысенко, направленное в Главную военную прокуратуру (ГВП) в июне 1955 года при подготовке реабилитации моего отца, о своей непричастности к аресту Н.И. Вавилова является целиком ложным.

Известно, что Н.С. Хрущев очень сильно поддерживал Т. Лысенко в течение значительного периода своего главенства в ЦК КПСС как 1-й секретарь ЦК КПСС. По-видимому, в связи с этим, стремясь угодить Н. Хрущеву, председатель КГБ В. Семичастный направил ему в сентябре 1964 года секретное письмо, в котором фактически поставил под сомнение мнение многих ученых, в том числе такого выдающегося ученого как академик Д.Н. Прянишников, о том, что «в смерти Н.И. Вавилова повинен академик Т.Д. Лысенко». Текст письма В. Семичастного Н. Хрущеву приводится в настоящей книге.

Использованная литература:

1. Дубинин Н.П. Генетика. Страницы истории. Кишинев, 1990. Изд.”Штиинца”, стр.8.
2. Сахаров А.Д. Воспоминания. М. Изд. “Права человека”, 1996, т.1, с.116.
3. Тахтаджан А.Л. “Континенты Вавилова”. Лит. Газета, 1987, 25 ноября.
4. Справка Наркомата государственной безопасности СССР о научной и общественной деятельности членов Академии наук СССР.
5. Поповский М.А. “Дело академика Вавилова”. М. Изд. “Книга”, 1991, с.199.
6. Докладная записка И. Презента В.М. Молотову находится в Государственном архиве РФ (ГАРФ), фонд 5446. Оп.23, д.1660, л.114-121.
7. Б.А. Викторов. “Возвращенные имена”. “Наука и жизнь”, 1988, №5.

Копия

ПИСЬМО Т. ЛЫСЕНКО В ГЛАВНУЮ ВОЕННУЮ ПРОКУРАТУРУ

На зачитанные Вами мне пункты обвинения академика Н.И. Вавилова в вопросах с/х науки и практики я могу сообщить следующее.

Н.И. Вавилов был крупным ученым, организатором науки. Из его деятельности, на мой взгляд, наибольшей положительной оценки заслуживает то, что он собрал большие мировые коллекции образцов семян различных сельскохозяйственных растений. Поэтому я не согласен с обвинением Н.И. Вавилова в том, что он якобы уничтожал коллекции, наоборот, он их создавал.

Все другие аналогичные пункты обвинения по вопросам науки, на мой взгляд также не обоснованы, с некоторыми теоретическими биологическими взглядами Н.И. Вавилова, как и с рядом других ученых, я был и остаюсь несогласным, как и эти ученые несогласны со мной. Но эти несогласия никакого отношения к следственным, судебным органам не имеют, так как по своему характеру они не являются антигосударственными. Они направлены на выяснение истины в биологической науке.

Я не могу согласиться и с обвинением Н.И. Вавилова и по таким пунктам, как вредительское районирование сельскохозяйственных культур, умышленная задержка культуры хлопчатника в УССР и на Северном Кавказе и ряд других. Эти вопросы прямого, непосредственного отношения к Н.И. Вавилову не имели, во-первых, и, во-вторых, такие вопросы, как, например, создание и закрытие научных учреждений всегда подвержены изменениям. О таких научных работниках, как академиках Прянишникове и Лисицине (оба они уже умерли), а также об акад. Жуковском (директоре ВИРа), Бахтееве (спец. ВИРа) и Синской я ничего плохого, такого, что это их компрометировало бы как советских граждан, я ничего не знаю.

П.п. Академик Т. Лысенко

25 июня 1955 г.

Верно – Военный прокурор отд. ГВП
майор юстиции Колесников

ПИСЬМО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КГБ В. СЕМИЧАСТНОГО Н. ХРУЩЕВУ

9.10.928.09.95 Бланк ГКБ док.12 11 сент. 1964 г.
28.09.95 Коллекция ф.89, перечень 5
Бланк КГБ док.12 Секретно
11 сент. 1964 г.
№ 2166-с

ТОВАРИЩУ ХРУЩЕВУ Н.С.

В связи с муссирующимися разговорами о том, что в смерти бывшего вице-президента Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина ВАВИЛОВА Н.И. повинен академик Лысенко Т.Д., Комитет госуд. безопасности считает необходимым доложить Вам следующее:

Академик Вавилов Н.И. был арестован НКВД СССР в августе 1940 года, а в июле 1941 г. Военной коллегией Верховного суда СССР осужден к высшей мере наказания. Впоследствии мера наказания Вавилову Н.И. была снижена до 20 лет лишения свободы. Отбывая наказание, он в январе 1943 г. умер.

Из материалов архивно-следственного дела видно, что Вавилов Н.И. обвинялся в том, что, являясь с 1925 г. активным участником антисоветской организации «Трудовая крестьянская партия», проводил вредительскую деятельность, направленную на подрыв и ликвидацию колхозного строя, используя при этом свое служебное положение президента Всесоюзной сельскохозяйственной академии и директора институтов растениеводства и генетики. В 1955 году Главная военная прокуратура Союза ССР установила, что Вавилов Н.И. осужден необоснованно, предварительное следствие по его делу было проведено с грубым нарушением норм уголовно-процессуального кодекса.

В процессе проверки обоснованности осуждения Вавилова Н.И. Главной военной прокуратурой допрошен ряд лиц, знавших его продолжительное время по совместной работе, которые характеризовали Вавилова Н.И. как крупного советского ученого, имеющего мировую известность, отрицали проведение им какой-либо вредительской или иной враждебной деятельности.

По представлению Прокуратуры военной коллегией Верховного суда СССР приговор в отношении Вавилова Н.И. в 1955 г. отменен с прекращением дела за отсутствием состава преступления. В архивных материалах КГБ и архивно-следственном деле на Вавилова Н.И. имеются данные, свидетельствующие о теоретической борьбе в области биологической науки по вопросам генетики, селекции и семеноводства, имевшей место в 30 – 40 годах между двумя группами академиков и профессоров Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук, а также о серьезных разногласиях между Вавиловым Н.И. и Лысенко Т.Д., которые по вопросам биологической науки стояли на противоположных позициях.

В агентурных сообщениях приводятся высказывания академика Прянишникова Д.Н. и других ученых о том, что арест Вавилова якобы был инспирирован Лысенко Т.Д. Однако каких-либо данных, подтверждающих это, в архивных материалах не имеется.

В архивно-следственном деле находится отзыв Лысенко Т.Д. о Вавилове Н.И., данный в 1955 г. в период пересмотра следственного дела, в котором Вавилов характеризуется крупным советским ученым, а имевшие между ними в прошлом теоретические споры, по заявлению Лысенко Т.Д., были направлены на выяснение истины в биологической науке.

Председатель Комитета госбезопасности *В. Семичастный*

На письме подписи Брежнева, Соломенцева и др.
и запись: тов. Хрущев Н.С. и тов. Микоян А.И. читали

Архив 20.X.64.

ЗАЯВЛЕНИЕ Н.И. ВАВИЛОВА Л.П. БЕРИЯ ИЗ БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ЛАВРЕНТИЮ ПАВЛОВИЧУ БЕРИЯ

осужденного бывшего академика
д-ра биологических и агрономических наук
Вавилова Николая Ивановича

ЗАЯВЛЕНИЕ

В связи с возбужденным Вами ходатайством о моем помиловании и отмене приговора Военной коллегии, а также учитывая огромные требования, предъявляемые всем гражданам Советского Союза в связи с военными событиями, позволяю себе ходатайствовать о предоставлении мне возможности сосредоточить работу на задачах, наиболее актуальных для данного времени по моей специальности — *растениеводству.*

1) Я бы мог закончить в *течение полугода составление «Практического руководства для выведения сортов культурных растений, устойчивых к главнейшим заболеваниям».*

2) В течение 6-8 месяцев я мог бы закончить при напряженной работе составление «Практического руководства по селекции хлебных злаков применительно к условиям различных районов СССР».

Мне также близка область субтропического растениеводства, включая культуры *оборонного* значения, как тунговое дерево, хинное дерево и др., а также растения, богатые витаминами.

Весь свой опыт в области растениеводства, все свои знания и силы я бы хотел отдать полностью Советской власти и моей родине, там, где я бы мог быть максимально полезен.

Николай Вавилов
8/VIII – 1941 г.
Бутырская тюрьма, к. 49.

Н. И. Вавилов. «Жизнь коротка, надо спешить». М., 1990, с. 635 — 636.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
№ 9/124сс

26 июля 1941 года гор. Москва

СЛУШАЛИ: 283.

Ходатайство о помиловании ВАВИЛОВА Николая Ивановича, осужденного 9 июля 1941 года приговором Военной Коллегии Верхсуда СССР в гор. Москве к высшей мере наказания по ст. ст. 58-1 «а», 58-7, 58-9 и 58-11 УК РСФСР.

ПОСТАНОВИЛИ:

Ходатайство о помиловании Вавилова Н. И. отклонить.

ЗАЯВЛЕНИЕ Н.И. ВАВИЛОВА НА ИМЯ Л.П. БЕРИЯ ИЗ САРАТОВСКОЙ ТЮРЬМЫ

ЗАМПРЕДСОВНАРКОМА СССР
тов. Л.П. БЕРИЯ

Бывшего члена Академии Наук СССР,
вице-президента с-х академии им. В. И. Ленина,
директора Всесоюзного Института растениеводства
и ин-та Генетики — Николая Ивановича ВАВИЛОВА.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Глубокоуважаемый Лаврентий Павлович!

6 августа 1940 года я был арестован и направлен во Внутреннюю тюрьму НКВД в Москву. 9 июля 1941 г. решением Военной Коллегии Верховного Суда СССР я приговорен по ст. 58 к высшей мере наказания.

Как при подписании протокола следствия за день до суда, когда мне были представлены впервые материалы показаний по обвинению меня в измене родине и шпионаже (показания Н. М. ТУЛАЙКОВА, проф. САВИЧА, Н. П. АБДУЛОВА, Л. П. БОРДАКОВА), так и на суде, продолжавшемся несколько минут, в условиях военной обстановки, мною было заявлено категорически о том, что это обвинение построено на небылицах, лживых фактах и клевете, ни в какой мере не подтвержденных следствием.

На самом следствии, продолжавшемся 11 месяцев (около 400 допросов в течение 1700 часов; следователь А. Г. ХВАТ), я смог лишь принять на себя вину, как руководящего научного работника, в отрыве моей научной работы от прямых задач социалистического производства и в выполнении мною в бытность мою президентом с-х академией (1930 — 1935 гг.) вредительских директив по руководству с-х наукой бывшего Наркома Земледелия СССР Я. А. ЯКОВЛЕВА, кому непосредственно была подчинена с-х академия (таковы: игнорирование областного опытного дела, узкая специализация институтов, обоснование завышенных планов с-х).

Перед лицом смерти как гр-н СССР и как научный работник считаю своим долгом перед родиной заявить, как уже писал Вам в августе 1940 г. вскоре после ареста, что я никогда не изменял своей родине и ни в помыслах, ни делом, непричастен к каким-либо формам шпионской работы в пользу других государств. Я никогда не занимался контрреволюционной деятельностью, посвятив себя всецело научной работе.

1-го августа 1941 г., т. е. три недели после приговора, мне было объявлено в Бутырской тюрьме Вашим уполномоченным от Вашего имени, что Вами возбуждено ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР об отмене приговора по моему делу, и что мне будет дарована жизнь.

4-го октября 1941 г. по Вашему распоряжению я был переведен из Бутырской тюрьмы во Внутреннюю тюрьму НКВД и 5-го и 15-го октября я имел беседу с Вашим уполномоченным о моем отношении к войне, к фашизму и об использовании меня как научного работника, имеющего большой опыт. Мне было заявлено 15-го октября, что мне будет предоставлена полная возможность научной работы как академику и что это будет выяснено окончательно в течение 2-3 дней.

В тот же день, 15-го октября 1941 г., через 3 часа после беседы, в связи с эвакуацией я был этапом направлен в Саратов в тюрьму № 1, где за отсутствием в сопроводительных бумагах документов об отмене приговора и о возбуждении Вами ходатайства об его отмене, я снова был заключен в камеру смертников, где и нахожусь по сей день.

Тяжелые условия заключения смертника (отсутствие прогулки, ларька, передач, мыла, большую часть времени лишение чтения книг и т. д.), несмотря на большую вы-

носливость привели уже к заболеванию цингой. Как мне заявлено начальником Саратовской тюрьмы, моя судьба и положение зависят всецело от центра.

Настоящим обращением позволяю просить Вас, Лаврентий Павлович, лично уделить внимание моему делу, моей судьбе.

Все мои помыслы — продолжить, завершить достойным для советского ученого образом большие недоконченные работы на пользу советскому народу, моей родине. Во время пребывания во Внутренней тюрьме НКВД, во время следствия, когда я имел возможность получать бумагу и карандаш, мною написана большая книга: «История развития мирового земледелия» (мировые ресурсы земледелия и их использование), где главное внимание уделено СССР. Перед арестом я заканчивал большой многолетний труд: «Борьба с болезнями растений путем внедрения устойчивых сортов» (на Сталинскую премию) незакончены остались «полевые культуры СССР», «Мировые ресурсы сортов зерновых культур и их использование в Советской селекции», растениеводство Кавказа (его прошлое, настоящее и будущее), большая книга «Очаги земледелия 5-ти континентов» (результаты моих путешествий по Азии, Европе, Африке и С. и Ю. Америке за 25 лет).

Мне 54 года, имея большой опыт и знания, в особенности в области растеневодства, владея свободно главнейшими европейскими языками, я был бы счастлив отдать их полностью моей родине, умереть за полезной работой для моей страны. Будучи физически и морально достаточно крепким, я был бы рад в трудную годину для моей родины быть использованным для обороны страны по моей специальности, как растениевода в деле увеличения производства растительного продовольственного и технического сырья, о чем уже писал Вам из Бутырской тюрьмы.

Прошу и умоляю Вас о смягчении моей участи, о выяснении моей дальнейшей судьбы, о предоставлении работы по моей специальности, хотя бы в скромнейшем виде, (как научного работника растениевода и педагога) и о разрешении общения в той или иной форме с моей семьей (жена, два сына — один комсомолец, вероятно на военной службе, и брат— академик-физик), о которых я не имею сведений более полутора лет.

Убедительнейше прошу ускорить решение по моему делу.

гор.Саратов *Н. Вавилов.*
тюрьма № 1 25. IV-42 г.

Верно:
Пом. Нач. 1 спецотдела НКВД СССР
Капитан госбезопасности: *Подобедов.*

ЦА ФСБ России, № Р-2311, т. 1, л. 459 – 461.
Опубликовано: Н. И. Вавилов. «Жизнь коротка, надо спешить», с. 637 – 641.

ПИСЬМО Е.И. БАРУЛИНОЙ–ВАВИЛОВОЙ (октябрь 1940 г.)[1]

ГЛАВНОМУ ПРОКУРОРУ СОЮЗА ССР
ТОВ. БОЧКОВУ

Академик Николай Иванович Вавилов является крупнейшим специалистом по сельскому хозяйству в целом, по растениеводству и в особенности по селекции, известным не только в СССР, но и за границей. Одаренность, совершенно сверхъестественная работоспособность, настойчивость в разрешении поставленных перед собой задач, в соединении с необычайной эрудицией, ставят его на большую высоту не только среди русских растениеводов, но и среди ученых зарубежных стран, признающих его превосходство и отдающих дань ему в сотнях писем, ежегодно получаемых им со всех концов света, с просьбой о консультации и помощи в научных исследованиях. Будучи неутомимым путешественником, бесстрашным исследователем, он изучил культурные растения четырех континентов – Европы, Азии, северной Африки, Северной и Южной Америки; нередко с риском для жизни он проникал в труднодоступные районы, совершая географические подвиги, с единственной целью – добыть для наших селекционеров все, что могло иметь значение для нашего социалистического земледелия.

Руководствуясь идеями Дарвина о происхождении культурных растений от представителей дикой флоры и о приуроченности отдельных культур к определенным областям земного шара, Н.И. ВАВИЛОВ планомерно обследовал районы наибольшего разнообразия основных с.х. культур – зерновых и кормовых, технических, плодовых, ягодных и субтропических.

С помощью хорошо подобранного научного коллектива Всесоюзного Института Растениеводства проведена гигантская работа по сбору материала в мировом масштабе: за 20 лет было проведено 70 экспедиций за пределами нашей страны и около сотни по Советскому Союзу. Самые трудные и ответственные экспедиции проводились лично Н.И. ВАВИЛОВЫМ (Иран, Афганистан, западный Китай, Абиссиния, Чили, Перу, Бразилия, Мексика и т.д.). Всего им собрано свыше 200 000 образцов по главнейшим культурным растениям. Все эти сортовые богатства дали в руки селекционеров огромный капитал, которым не обладает ни одна страна в мире, исходный материал для селекции по всем с.х. культурам, новый, до сих пор никем не изучавшийся материал, таивший большие возможности для селекционной работы.

Прекрасный организатор, Н.И. ВАВИЛОВ умел заставить своих сотрудников работать, он заражал их своим энтузиазмом, работоспособностью. До поздней ночи горели лампы в кабинетах Института, шла упорная, всегда напряженная работа коллектива, охваченного одной общей идеей – дать Советскому Союзу лучший материал, который обеспечит борьбу за высокий урожай, освободит страну от импорта технического и лекарственного сырья, поднимет сельское хозяйство на недосягаемую высоту. Сам Н.И. ВАВИЛОВ работал по 20 часов в сутки изо дня в день, из года в год, не пользуясь ни разу ни отпуском, ни домом отдыха, не оставляя своей творческой работы даже в поезде, в машине...

Результаты налицо. Под непосредственным руководством Н.И. ВАВИЛОВА весь огромный материал изучен, систематизирован, из него выделено все лучшее, представляющее ценность для нашей страны. Широким потоком направлен новый, свежий исходный материал на селекционные станции, в отраслевые институты и хаты-лаборатории. Советский народ получил из рук Н.И. ВАВИЛОВА ценнейший вклад, который сделает его богаче всех народов мира.

---

[1] Рукописный оригинал письма находится в архиве ГВП РФ.

Только в одном Институте Растениеводства и на его станциях выделено и выведено более 500 новых сортов зерновых, технических, плодовых, масличных и кормовых культур. Их них более 200 сортов уже передано в производство и около 300 сортов находится в государственном и межстанционном испытании. Значительное количество новых сортов выведено селекционерами исключительно благодаря притоку свежего ценного материала, найденного и привезенного лично Н.И. ВАВИЛОВЫМ, или на основании его теории советскими селекционерами. Так, селекция новых холодостойких сортов картофеля, дающих даже за полярным кругом высокие урожаи, проведена благодаря новому сортовому материалу, найденному экспедициями ВИРа в Центральной и Южной Америке на основе теории Н.И. ВАВИЛОВА о происхождении культурного картофеля. Собранные в Сирии и других средиземноморских странах образцы пшеницы послужили ценнейшим материалом для селекции засухоустойчивых высокопродуктивных сортов, размножаемых в настоящее время на тысячах гектаров (сорт Хоранка).

В последние годы Н.И. ВАВИЛОВ обратил особое внимание на развитие в Советском Союзе субтропических культур. Богатейшие коллекции плодовых, технических и лекарственных культур собраны им лично в субтропиках различных стран. В южных филиалах Института этот исходный материал был подвергнут проверке, селекции и размножению, для ряда культур вырабатывалась специальная агротехника. Благодаря углубленным исследованиям, проведенным при непосредственном участии Н.И. ВАВИЛОВА, многие из субтропических культур занимают ныне крупные производственные площади. Так, тунговое дерево в Аджарии, Абхазии и западной Грузии занимает 16 тыс. га, под субтропическими сидерационными растениями там же занято 20 000 га, под новым каучуконосом гвайюлой в Туркмении и Азербайджане занято до 1000 га; цветочно-луковичные культуры размножены до 8 млн. шт.; освоена в 2-3 года совершенно новая культура текстильного растения джута. Хинное дерево (семена собраны лично Н.И. ВАВИЛОВЫМ с опасностью для его жизни), дающее ценное лекарственное сырье для борьбы с малярией, по инициативе и под руководством Н.И. ВАВИЛОВА превращено в однолетнюю культуру и в настоящее время уже заложены впервые в Союзе производственные плантации хины.

Исключительно богатые коллекции собраны Н.И. ВАВИЛОВЫМ по цитрусовым – мандаринам, лимонам, грейпфруту и др. Ряд новых выведенных из них сортов уже вошел в производство.

Крупные работы проведены Н.И. ВАВИЛОВЫМ по иммунитету культурных растений к различным заболеваниям; работы эти имеют как теоретическое, так и большое практическое значение. Ряд ценных сортов различных культур, устойчивых против болезней, выведен Институтом Растениеводства под непосредственным руководством Н.И. ВАВИЛОВА.

Разносторонние всеобъемлющие работы Н.И. ВАВИЛОВА высоко поднимают знамя советской науки. Это – гигант в области мирового растениеводства. Каждый селекционер знает свою культуру, но Н.И. ВАВИЛОВ знает все культуры. Благодаря своим громадным знаниям и опыту, своей исключительной преданности Стране Советов, он смело синтезирует работу армии советских селекционеров и участвует в великом строительстве, в организации социалистического земледелия. Недаром один из советских академиков, характеризуя Н.И ВАВИЛОВА, сказал о нем: «Я знаю Вавилова со студенческих лет, знаю западную Европу и могу сказать, что равного Вавилову по эрудиции, по энергии, по сумме им сделанного я не знаю в Европе и желать от отдельного лица чего-то большего значит предъявлять требования сверхчеловеческие, значит желать чудес».

Е. Барулина–Вавилова

ПИСЬМО Е.И. БАРУЛИНОЙ–ВАВИЛОВОЙ АКАДЕМИКУ А.Н. КРЫЛОВУ В СВЯЗИ С АРЕСТОМ Н.И. ВАВИЛОВА

Глубокоуважаемый Алексей Николаевич!

Печальная необходимость заставляет меня беспокоить Вас своим обращением и просить помочь мне в создавшемся чрезвычайно тяжелом положении. Арест моего мужа Н.И. Вавилова является для меня совершенно непонятным и, несомненно, есть результат какого-либо недоразумения или ложного клеветнического доноса.

Я знаю Н.И. в течение более 20 лет как честного советского гражданина и ученого, искренне преданного советской власти и настоящего патриота своей родины. Обладая огромной эрудицией, являясь мировым авторитетом в области растениеводства, Н.И. все свои силы отдавал развитию советского социалистического сельского хозяйства, поднятию урожайности и обновлению сортового состава наших полей. Под непосредственным руководством Н.И. выведено более 500 новых сортов различных с/х культур, из которых более 200 передано в производство. Много сделал Н.И. для развития в Советском Союзе субтропических, плодовых, технических и лекарственных культур. Хинное дерево по его инициативе превращено в однолетнюю культуру и впервые в Советском Союзе заложены производственные плантации хины.

Подтверждением того, что Н.И. в течение всей своей научной работы был действительно настоящим советским ученым и гражданином может служить то, что во время его многочисленных заграничных командировок белогвардейская пресса поднимала буквально вой при его появлении. Перед его публичными выступлениями ему неоднократно делали предупреждения с реальной угрозой для жизни. С неизменной радостью и нетерпением он всегда стремился скорее вернуться к себе на родину, чтобы продолжить свое любимое дело.

Несмотря на принципиальную разницу социальных установок в различных странах, научные авторитеты всех этих стран сходятся в высокой научной оценке трудов Н.И., как советского ученого.

Теоретическая дискуссия, разгоревшаяся вокруг разногласий по некоторым разделам растениеводства и генетики, приняла очень резкие формы, что создало чрезвычайно тяжелую атмосферу, неблагоприятно отразившуюся на здоровье Н.И. Надо сказать, что он всю свою жизнь работал, буквально день и ночь, совершенно не щадя себя, и ни разу не пользовался ни отпуском, ни домом отдыха. У него не было жизни вне науки. Это привело Н.И. к неуравновешенности, излишней резкости при публичных выступлениях.

Естественно, что в связи с этой дискуссией, обострением ее, у него появилось много врагов, не стеснявшихся никакими средствами опорочить работу и всячески компрометировать Н.И.

Сообщая Вам все это, убедительно прошу Вас возбудить ходатайство перед правительством о скорейшем выяснении этого дела и реабилитации Николая Ивановича.

Я уверена, что Вы не сможете остаться равнодушным к судьбе человека такого большого таланта, честности и знаний, столько сделавшего для своей родины, как Н.И. Вавилов.

Е. Барулина-Вавилова.
23.IX.1940 г.
Ленинград, ул. Гоголя, д. 2, кв. 13.

Архив АН СССР, ф.759, оп. 3, д.36, л.1. Подлинник.

ГОЛГОФА[1]

Архивные материалы о последних годах жизни академика Вавилова (1940–1943)

Вниманию читателей предлагаются десять архивных документов о последнем трагическом периоде жизни гениального русского биолога, основоположника учений о биологических основах селекции и центрах происхождения культурных растений академика Николая Ивановича Вавилова. Шесть документов хранятся в Центральном архиве Министерства безопасности Российской Федерации, остальные – в Управлении внутренних дел по Саратовской области [1, 2].

О расправе над ученым рассказывалось в книге Марка Поповского «Дело академика Вавилова». Автору удалось ознакомиться в 60-х годах со следственным делом академика № 1500 в Центральном архиве КГБ, собрать воспоминания современников, другие материалы и дать представление о предыстории и причинах ареста, о ходе следствия и последних днях жизни Николая Ивановича [3]. Трагедия ученого освещалась в ряде книг, статей и других авторов [4 – 10]. В биографических трудах о Н.И. Вавилове иногда цитировались или упоминались некоторые из публикуемых сегодня документов [3, с. 191, 200 – 201; 8, с. 147 – 148]. Однако **полный их текст появляется в печати впервые.**

Прежде всего, хотелось бы отметить постановление на арест Н.И. Вавилова (док. 1). Оно было подписано 5 августа 1940 г. – за день до взятия Николая Ивановича под стражу. В его основу легли многочисленные показания арестованных коллег академика, сфабрикованные ОГПУ, а затем НКВД, а также доносы научных оппонентов. Методы фабрикации и фальсификаций раскрыты в последнем материале подборки – реабилитационном определении Военной коллегии Верховного Суда СССР (док. 10). Нельзя, однако, сказать, что все в постановлении – ложь и фабрикации. Есть там и более или менее достоверные биографические сведения (они, конечно, тоже нуждаются в документальной проверке). Биографы ученого, вероятно, учтут данные об отце Вавилова, содержание интервью Николая Ивановича одной парижской газете (февраль 1933 г.), неизвестные факты о его работе во Всесоюзном институте растениеводства в Ленинграде (ВИР), о его зарубежных поездках, контактах с учеными и дипломатами Запада и т.д.

Особый интерес вызовет та часть постановления, где говорится о попытках академика добиться освобождения 44 ученых, арестованных в начале 30-х годов по обвинению в причастности к деятельности так называемой «Трудовой крестьянской партии». Сейчас уже известно, что такая организация никогда не существовала. Она была «создана» Сталиным и руководством ОГПУ для расправы над группой выдающихся экономистов и кооператоров во главе с Н.Д. Кондратьевым, А.В. Чаяновым и Л.Н. Юровским. Академик Вавилов в данном случае продолжал традиции выдающихся представителей отечественной науки (В.И. Вернадского, И.П. Павлова, Д.Б. Рязанова и ряда других), которые смело вступались за своих репрессированных коллег. Поповский писал о Вавилове-ученом и человеке как о конформисте по отношению к власть имущим. В данном эпизоде, как и в целом ряде других, Николай Иванович предстает совершенно иным. Когда речь заходила о науке, о его коллегах, он не боялся оказаться не по вкусу партийным вождям.

Постановление на арест значительно расширяет сложившееся представление о предыстории трагедии. Оно показывает, что Вавилов находился под прицелом репрессивных органов уже с начала 30-х годов. За каждым его шагом следили. Начав преследования талантливых, самостоятельно мыслящих ученых, Сталин методично устра-

[1] Опубликовано Ю.Н. Вавиловым и Я.Г. Рокитянским в журнале «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК», т. 63, №9, 1993.

нял ненавистных ему лидеров тех или иных научных дисциплин и заменял их преданными людьми. Так было в философии, политической экономии, истории и ряде других наук. Академик Н.И. Вавилов с самого начала не импонировал генсеку. Независимо мыслящий ученый с весьма сомнительным социальным происхождением, беспартийный, пользовавшийся большим авторитетом у западных («буржуазных») коллег, часто бывавший за границей по своим научным делам, сохранивший доброжелательные отношения с главным оппонентом Сталина конца 20-х годов Н.И. Бухариным вызывал недоверие и неприязнь. Почему же Вавилова арестовали лишь в 1940 г.?

Расправляясь с учеными, Сталин принимал во внимание масштабы их личности и влияния. Он так и не решился репрессировать академиков Павлова и Вернадского, хотя ни для кого не были секретом их «немарксистские» политические и философские взгляды. Н.И. Вавилов пользовался таким же уважением, был одной из самых ярких фигур научной и общественной жизни нашей страны. Директор ВИРа и Института генетики, председатель Географического общества, основатель и первый президент ВАСХНИЛ, лауреат Ленинской премии 1926 г., один из руководителей всемирного движения генетиков, он по самым минимальным подсчетам занимал 18 различных научных и административных должностей. Со всем этим Сталин не мог не считаться. Но, судя по запечатленной в постановлении на арест активности карательных органов, его решимость расправиться с ученым становилась с каждым годом все сильнее.

Одна из причин – появление на небосклоне науки селекционера Т.Д. Лысенко, который был охарактеризован позднее в «Британской энциклопедии» «как самый знаменитый псевдоученый XX века» [10, с. 347]. Он пришелся по душе Сталину и своим крестьянским происхождением, и обещаниями при помощи яровизации быстро поднять урожайность сельскохозяйственных культур, горячей приверженностью политике генсека, склонностью переносить в науку методы идеологической борьбы. «Браво, товарищ Лысенко, браво,» – такими словами Сталин заключил на Втором съезде колхозников-ударников речь полюбившегося ему оратора, когда тот представил своих научных оппонентов классовыми врагами. В 1935 г. Лысенко стал академиком ВАСХНИЛ, в 1938 г. – ее президентом, а в 1939 г. – действительным членом АН СССР. Восхождение сопровождалось жестокими репрессиями, арестами и расстрелами биологов, генетиков, почвоведов, селекционеров. В их числе оказались и многие сотрудники возглавляемых Вавиловым институтов.

Неприятности у самого Николая Ивановича начались уже весной 1933 г., когда его вызвали в ЦК на «проработку». Сталину и его окружению были нужны от биологии и сельскохозяйственной науки сказочные урожаи. Ждать, пока постепенно проявятся результаты многолетней научной работы, они не собирались. Во второй половине 1934 г. было отменено празднование 10-летия ВИРа и чествование Вавилова в связи с 25-летием его научной деятельности. В 1935 г. ученого не избрали в ЦИК СССР, он вынужден был оставить пост президента ВАСХНИЛ и стал его вице-президентом. В 1937 г. на государственном уровне не было отмечено 50-летие ученого, сорвано проведение в Москве VII Международного конгресса генетиков, президентом которого он должен был стать. Конгресс состоялся в Эдинбурге в 1939 г. Но Вавилова туда уже не пустили. Английский генетик Ф. Кру, занявший место председательствующего, заявил: «Вы пригласили меня играть роль, которую так украсил бы Вавилов. Вы надеваете его мантию на мои не желающие этого плечи. И если в ней я буду выглядеть неуклюже, то вы не должны забывать: эта мантия сшита для более крупного человека» [3, с. 151].

В конце 30-х годов Сталин и Молотов неоднократно проявляли пренебрежительное отношение к Вавилову. Его травили в прессе. На сессиях ВАСХНИЛ Лысенко пытался опорочить ученого и возглавляемый им ВИР, внедрить в руководство института своих приверженцев, поставить под сомнение основополагающие принципы генетики

[10, с. 85 – 109]. Вавилов относился к Лысенко без всякой враждебности. Некоторые биографы даже упрекают его в том, что он будто бы содействовал его возвышению [3, с. 89 – 100]. Однако такой упрек вряд ли справедлив. Просто Вавилов искренне считал Лысенко способным селекционером и помогал ему, как и всем остальным ученым. Но когда во второй половине 30-х годов Николай Иванович осознал опасность его взглядов и действий для генетики, биологии и сельскохозяйственной науки, он открыто и решительно выступил против лысенковщины. Именно эта принципиальная научная позиция и стала главной причиной ареста и расправы.

В постановлении на арест об этом говорится лишь в нескольких фразах. В частности, цитируются его слова о твердом намерении противостоять идеям Лысенко, идти на костер за свои взгляды и не уступать позиции. Цитата, очевидно, передана более или менее достоверно. Она перекликается со следующим положением речи, произнесенной Вавиловым в ВИРе 15 марта 1939 г.: «Пойдем на костер, будем гореть, но от убеждений своих не откажемся» [11, с. 292].

Именно противостояние идеям Лысенко было инкриминировано академику в письме наркома внутренних дел Л.П. Берия В.М. Молотову от 16 июля 1939 г. «НКВД, – говорилось в нем, – рассмотрело материалы о том, что после назначения Лысенко Т.Д. президентом Академии сельскохозяйственных наук Вавилов Н.И. и возглавляемая им буржуазная школа так называемой «формальной генетики» организовала систематическую кампанию с целью дискредитировать Лысенко как ученого (...) Поэтому прошу Вашего согласия на арест Вавилова Н.И.» [9, с. 140].

Момент ареста (август 1940) был выбран, очевидно, не случайно. В сентябре 1939 г. началась Вторая мировая война. К лету 1940 г. Франция была повержена, непосредственная угроза нависла и над Великобританией. В этих условиях можно было «изолировать» известного во всем мире ученого, не опасаясь энергичных протестов международной общественности. Однако НКВД все же принял меры, чтобы избежать огласки. Николая Ивановича взяли не в столице, а в Западной Украине, причем это было сделано так, чтобы окружающие не смогли узнать о самом факте ареста [3, с. 172 – 174]. В отличие от многих других арестованных академиков Николай Иванович не был исключен из АН СССР на Общем собрании. Ни одно сообщение об аресте, следствии, а затем приговоре не просочилось на страницы газет. О судьбе ученого не было известно даже его семье. В результате западные ученые, да и отечественные, долгое время практически ничего не знали о расправе. Какая-то утечка информации вскоре, однако, произошла. Об аресте узнал, например, академик Д.Н. Прянишников и в начале 40-х годов предпринял отчаянные попытки спасти своего гениального ученика [3, с. 215 – 219; 10, с. 145 – 146].

Более двух с половиной лет продолжалась Голгофа Николая Ивановича. 16 августа 1940 г. он расписался в том, что ознакомился с постановлением о привлечении его «в качестве обвиняемого по ст. 58 п. 1а, 58 п. 7, 58 п. 9, 58 п. 11 УК». Документ был составлен помощником начальника следственной части Главного экономического управления НКВД старшим лейтенантом А.Г. Хватом.

58 статья входила в главу «Преступления государственные» Уголовного кодекса РСФСР. Имеет смысл привести полностью текст пунктов обвинения и таким образом дать представление о том, что же инкриминировалось академику:

пункт 1а: «Измена родине, т.е. действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной и государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу»;

пункт 7: «Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответственного использования государственных учреждений

и предприятий или противодействия их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций»;

пункт 9: «Разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных складов или иных средств народной связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений или государственного или общественного имущества»;

пункт 11: «Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой» [13, с. 28, 31 – 33].

Для вынесения смертного приговора было достаточно обвинить ученого лишь по одному из этих пунктов. Однако Сталин и Берия, очевидно, решили, что для «убедительности» требуется в несколько раз увеличить масштабы обвинения.

Следствие продолжалось более 11 месяцев. При этом к ученому применялись методы физического и психологического воздействия. Существует мнение, что Вавилов чуть ли не признал себя виновным [3, с. 195]. Это не соответствует действительности. Вот, например, как ответил ученый на представленные ему пункты обвинения: «Шпионом и участником антисоветских организаций я не был. Я всегда работал на пользу Советского государства»; «Категорически заявляю, что шпионажем или какой-либо антисоветской деятельностью не занимался». А вот его реакция на первый из публикуемых документов: «Я считаю, что материалы, имеющиеся в распоряжении следствия, односторонние и неправильно освещают мою деятельность и являются, очевидно, результатом разногласий в научной и служебной работе с целым рядом лиц»; «Я считаю, что это не что иное, как возводимая на меня клевета» [3, с.175 – 177].

Около 400 раз в течение 1700 часов следователь Хват допрашивал Николая Ивановича. «Лицо ученого было отечным, под глазами, как у сердечного больного, обозначались мешки, ступни вздулись и показались Филипповскому огромными, сизыми. Каждую ночь Вавилова уводили на допрос. На рассвете стража волокла его назад и бросала у порога. Стоять Николай Иванович не мог, до своего места на нарах добирался ползком». Такую картину рисует в своей книге Поповский, опираясь на рассказ одного из узников Внутренней тюрьмы НКВД [там же, с. 195].

Академику было ясно, что никакой справедливости и беспристрастности он добиться не сможет. Поэтому он решил выступить с рядом «самокритичных» оценок, чтобы таким образом несколько ослабить «давление» следователя. Он взял на себя вину «как руководящего научного работника» за отрыв своей работы от прямых задач социалистического производства. По поводу же «вредительства» он пошел лишь на «признание», что в 1930 – 1935 гг. выполнял вредительские директивы «по руководству сельскохозяйственной наукой бывшего наркома земледелия Я.А. Яковлева, кому непосредственно была подчинена сельскохозяйственная академия» [12, с. 637 – 638]. При этом следует учесть, что к этому времени нарком был уже давно расстрелян. Основные же обвинения Николай Иванович продолжал отвергать. Во время судебного заседания 9 июля 1941 г. (оно продолжалось лишь несколько минут) он заявил, что все обвинение построено на лжи и небылицах, которые не нашли подтверждения в ходе следствия. «Перед лицом смерти, как гражданин СССР и как научный работник, считаю своим долгом перед Родиной... заявить, что я никогда не изменял своей Родине и ни в помыслах, ни делом не причастен к каким-либо формам шпионской работы в пользу других государств. Я никогда не занимался контрреволюционной деятельностью, посвятив себя всецело научной работе», – писал он Берия [12, с. 638].

Академика Н.И. Вавилова приговорили к расстрелу по четырем пунктам 58 статьи Уголовного кодекса. Этот факт, как и отклонение Президиумом Верховного Сове-

та СССР ходатайства о помиловании (док. 3), показывает, что Сталин был полон решимости довести расправу до конца. Однако летом 1941 г. этого не произошло. После вероломного нападения Германии на Советский Союз Великобритания и США становились потенциальными союзниками. Не исключено, что именно поэтому было в конце концов решено воздержаться от расстрела столь известного ученого. Ведь в любой момент мог последовать запрос на самом высоком уровне. К тому же в условиях войны научный спор между Вавиловым и Лысенко, который Сталин хотел решить с помощью расправы над Николаем Ивановичем, отходил на задний план. В верхах начались даже разговоры о возможности улучшения условий содержания академика и разрешении ему заниматься научной работой [12, с. 639]. Но дальше разговоров дело не пошло.

15 октября 1941 г., когда над Москвой нависла смертельная угроза, академика Вавилова вместе с тысячами других заключенных этапировали в Саратов. Переезд длился две недели и проходил в ужасающих условиях [3, с. 223 – 224]. 29 октября Николай Иванович был помещен в Саратовскую тюрьму № 1.

Саратовский эпилог жизни академика Н.И. Вавилова представлен в подборке шестью документами. Ходатайство НКВД от 13 июня 1942 г. и постановление Президиума Верховного Совета СССР о замене смертной казни для него и академика И.К. Луппола на 20 лет лишения свободы в ИТЛ (док. 4 и 5) вряд ли можно рассматривать как акт милосердия. Поповский и Амусин, проанализировав материалы саратовского периода, пришли к выводу: «Мгновенная гибель от пули была заменена мучительным умиранием, унизительным и бесконечно долгим». «По-видимому, вместе с приказом о помиловании был и другой «неофициальный» и нигде не запротоколированный приказ – создать все условия для уничтожения несговорчивого ученого... Весь спектакль с помилованием – лишь страховка от пристального взгляда потомков» [3, с. 221; 9, с. 146, 148]. С этой точкой зрения нельзя не согласиться. Если бы кремлевские правители действительно хотели спасти жизни двух выдающихся ученых, они бы после помилования сделали более или менее сносными условия их жизни, питание, дали бы возможность заниматься наукой. Ничего подобного не произошло. Вавилов и Луппол продолжали беспросветную жизнь в невыносимых условиях переполненной заключенными камеры, при жаре в 30 градусов и явно недостаточном для поддержания сил питании. В пользу оценки постановления о помиловании как пилатовского решения «умыть руки» говорит и сама судьба двух ученых. Луппол был отправлен в один из трудовых исправительных лагерей в Мордовию и погиб там уже в 1943 г. Недолго прожил после постановления и Николай Иванович.

Сохранилось мало документальных материалов о пребывании Вавилова в Саратовской тюрьме. Некоторые историки, опираясь главным образом на воспоминания, допускают ряд неточностей. Так, например, утверждается, что одновременно с Вавиловым в Саратовской тюрьме отбывали наказание известные историки Ю.М. Стеклов и Д.Б. Рязанов [3, с. 224, 232, 238; 7, с. 104]. Они действительно находились в этой тюрьме. Но первый умер от бациллярной дизентерии 15 сентября 1941 г., то есть за полтора месяца до перевода Вавилова в Саратов [14, 15], а академик Рязанов был расстрелян 21 января 1938 г. [16, с. 144 – 147].

В подборке приводятся четыре материала из истории болезни Н.И. Вавилова о последних трех днях его жизни. Они опровергают утверждения некоторых авторов о том, что он умер от дизентерии [7, с. 105]. При знакомстве с материалами возникает вопрос, почему ученый был госпитализирован так поздно. По свидетельству врача З.Ф. Резаевой, он поступил в тюремную больницу «в предсмертной агонии». «Его можно было спасти за две недели до поступления в больницу, но этого не сделали», – отмечала она [9, с. 148]. Такое опоздание, конечно, не могло быть случайностью, учитывая личность заключенного. Оно скорее явилось результатом целенаправленных действий

тюремного начальства, спланированных сверху. Истощенный вид ученого, доставленного в тюремную больницу за два дня до смерти, говорит о голоде, и именно искусственно вызванная дистрофия обусловила трагический конец [9, с. 148]. Власть имущие, очевидно, полагали, что смерть Вавилова в далеком от Москвы провинциальном Саратове в разгар войны останется незамеченной. «Каким бы ни было медицинское заключение, истинная причина смерти – убийство» [9, с. 148]. Эту точку зрения одного из биографов Н.И. Вавилова разделяют многие.

Сталин и его окружение виновны не только в физическом уничтожении гениального биолога. По некоторым сведениям они причастны и к уничтожению его бесценных научных рукописей и биографических документов. Руководитель КГБ В.Е. Семичастный сообщил 4 сентября 1965 г. вице-президенту АН СССР В.А. Кириллину следующее: «Произведенной в связи с Вашим письмом проверкой установлено, что все изъятые у академика Вавилова научные и мемориальные материалы в июне 1941 г. уничтожены бывшими работниками НКВД, что подтверждено соответствующими документами». Среди этих материалов находились рукописи работ «Борьба с болезнями растений путем внедрения устойчивых сортов», «Полевые культуры СССР», «Растениеводство Кавказа (его прошлое, настоящее и будущее)», письма всемирно известных ученых и многое, многое другое. Судя по всему, была уничтожена и рукопись «История развития мирового земледелия (мировые ресурсы земледелия и их использование)», подготовленная академиком в тюрьме во время следствия в 1940 – 1941 гг. [12, с. 640 – 649; 17, с. 635 – 636].

Сейчас даже представить трудно, сколько научных трудов, открытий, ценнейших материалов по истории науки было уничтожено сотрудниками соответствующих органов в тюрьмах и на квартирах репрессированных ученых в различных городах нашей страны. Для всех, кто осуществлял акт «конфискации имущества», эти бесценные материалы были лишь ненужными бумажками, подлежащими сожжению.

Об обстоятельствах ареста Н.И. Вавилова вплоть до конца 80-х годов в биографических трудах запрещалось даже упоминать [18 - 20]. И до сих пор встречаются работы, в которых приводятся не точные сведения о гибели ученого. В недавно появившейся статье В. Холина, например, утверждается, что Вавилова расстреляли [21]. Будем надеяться, что наша публикация даст более конкретное представление о расправе над академиком Вавиловым – гнусном и тяжком преступлении не только против науки, но и против собственной страны. В Мексике, Индии, Пакистане, Китае, во многих других странах Азии и Южной Америки, где в ходе «зеленой революции» широко использовались научные открытия и разработки Н.И. Вавилова, в 1946 – 1966 годах удалось более чем в два раза увеличить производство зерна и предотвратить голод, неминуемый из-за быстрого роста численности населения [10, с. 347 – 348]. У нас же в этот трудный послевоенный период идеи ученого так и не были востребованы.

Выражаем сердечную благодарность за помощь в подготовке публикации кандидату исторических наук Л.П. Петровскому и сотруднику Управления внутренних дел по Саратовской области Г.А. Ульянову.

Ю.Н. ВАВИЛОВ,
доктор физико-математических наук,
Я.Г. РОКИТЯНСКИЙ,
кандидат исторических наук

ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный архив Министерства Безопасности Российской Федерации. Архивно-следственное дело Н.И. Вавилова. № 1500. Т.1.

2. Архив Управления внутренних дел по Саратовской области. История болезни Н.И. Вавилова. Ф. 109. Оп. 2. Д. 662. Л. 2, 8, 10; Журнал № 5 учета умерших заключенных тюрьмы № 1 г. Саратова. Ф.111.0п.1.Д.5.Л. 17-18.

3. *Поповский М.* Дело академика Вавилова. М.: Книга, 1991.

4. *Бахтеев Ф.Х.* Николай Иванович Вавилов. 1887–1943. Новосибирск: Наука, 1987.

5. *Бойко В.В., Виленский Е.Р.* Николай Иванович Вавилов, 1887 – 1943. Страницы жизни и деятельности. М.: Агропромиздат, 1987.

6. *Викторов Б.* Возвращение имени // Наука и жизнь. 1988. № 5.

7. *Тахтаджян А.* Континенты Вавилова // Возвращенные имена. Сборник публицистических статей в 2-х книгах. Книга I. М.: Изд-во Агентства печати Новости,1989.

8. О Николае Ивановиче Вавилове. По материалам юбилейных публикаций (вместо предисловия) // Жизнь коротка, надо спешить. М.: Советская Россия, 1990.

9. *Амусин А.* «Я служил Родине, а не правительству» // Волга. 1991. №2.

10. *Медведев Ж.* Взлет и падение Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929 – 1966). М.: Книга, 1993.

11. *Вавилов Н.И.* Из выступления на выездной сессии областного бюро секции научных работников // Жизнь коротка, надо спешить. М.: Советская Россия, 1990.

12. *Вавилов Н.И.* Заявление. 24 апреля 1942 г. // Жизнь коротка, надо спешить. М.: Советская Россия, 1990.

13. РСФСР. Уголовный кодекс. С изменениями на 15 ноября 1940 г. Официальный текст с приложением постатейно-систематизированных материалов. М.: Юридическое изд-во НКО СССР, 1941.

14. История болезни Ю.М. Стеклова // Архив Управления внутренних дел по Саратовской области. Ф. 109. Оп.1. Д.438.Л.9.

15. Журнал № 4 учета умерших заключенных тюрьмы № 1 г. Саратова // Архив Управления внутренних дел по Саратовской области. Ф. 111. Оп. 1. Д. 4. Л. 38-39.

16. *Рокитянский Я.Г.* Трагическая судьба академика Д.Б. Рязанова // Новая и новейшая история. 1992. №2.

17. *Вавилов Н.И.* Заявление. 8 августа 1941 г. // Жизнь коротка, надо спешить. М.: Советская Россия, 1990.

18. *Ревенкова А.И.* Николай Иванович Вавилов. 1887 – 1943. М.: Изд-во сельскохозяйственной литературы, журналов и плакатов, 1962.

19. *Резник С.* Николай Вавилов. М.: Молодая гвардия, 1968.

20. Николай Иванович Вавилов. Л.: ВИР им. Н.И. Вавилова, 1978.

21. *Холин В.* Главная тайна. Слово к номенклатуре // Независимая газета. 1993. 24 апреля.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

«УТВЕРЖДАЮ»
НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ВНУТР. ДЕЛ СОЮЗА ССР КОМИССАР
ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ I РАНГА
(БЕРИЯ)
«6» Августа 1940 г.

«АРЕСТ САНКЦИОНИРУЮ»
ЗАМ. ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР
(ПАНКРАТЬЕВ)
«7» Августа 1940 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ*
(НА АРЕСТ)

5 Августа 1940 года.

Я, Начальник 3 Отделения 3 Отдела ГЭУ НКВД СССР - Ст. Лейтенант Гос. Безопасности РУЗИН, рассмотрев имеющиеся материалы о к.р. вредительской деятельности ВАВИЛОВА Николая Ивановича, 1887 г.р., ур. г. Москвы, гр-на СССР, русский, б/п., директора Всесоюзного Института Растениеводства, члена Академии Наук СССР и вице-президента С.Х. Академии им. ЛЕНИНА, проживающего по адресу: Земляной вал, 21/23 кв. 54,

НАШЕЛ:

По имеющимся в НКВД СССР данным, ВАВИЛОВ Н.И. является сыном бывшего крупного московского купца, владельца фирмы «УДАЛОВ и ВАВИЛОВ».

Отец ВАВИЛОВА[1] состоял членом союза «Русского народа», в революцию бежал за границу и до последнего времени проживал в Болгарии, где с ним ВАВИЛОВ Н.И. встречался.

С первых дней установления Советской Власти ВАВИЛОВ Н.И. враждебно относится к существующему строю, клеветнически высказывается против руководителей Партии и Советского Правительства.

Политические взгляды ВАВИЛОВА резко враждебны к коммунистической Партии и Советской власти.

Парижская газета «Пари-Миди» в феврале м-це 1933 года в момент нахождения ВАВИЛОВА в Париже поместила интервью своего корреспондента с ВАВИЛОВЫМ, в котором от имени ВАВИЛОВА было сделано заявление такого содержания:

«Я служу не правительству, а моей стране. Я раньше был царским приват-доцентом, а остался жить в моей стране, которая является по-прежнему Россией».

ВАВИЛОВ ведет беседы о «кризисе советской власти» и «гибельности коллективизации».

ВАВИЛОВ Н.И., являясь одним из руководителей антисоветской шпионской к-р организации «Трудовая Крестьянская Партия», начиная с 1925 г. вел большую вредительскую работу в области культивирования хлопчатника в новых районах Советского Союза.

Особенно активизирует контрреволюционную деятельность ВАВИЛОВ Н.И. в 1927 году, с момента организации Всесоюзного Института Растениеводства (ВИР) и назначением его директором института.

Арестованный ОГПУ в 1933 году как участник «ТКП» ПИСАРЕВ[2] на допросе 24/II-1933 года показал:

«В этом ин-те нашло приют значительное количество специалистов с/хозяйства, настроенных в эсеровском и народническом духе».

---

* Во всех документах сохранены их стиль и орфография. – *Прим. авторов.*

«В указанное выше время (1927 – 28 гг.) с целью согласованного проведения в системе ин-та своих мероприятий, рассчитанных на противопоставление установкам сов. власти и коммунистической партии в области сельского хозяйства – наших планов и защиты этих планов в соответствующих инстанциях Наркозема, научных советах, совещаниях, съездах и т.д., нам нужно было создать свою, законспирированную организацию и эта организация была создана».

Комплектование ВАВИЛОВЫМ личного состава ВИР'а «своим» к.р. элементом подтверждается показаниями двух арестованных участников «ТКП». Так, арестованный ОГПУ по делу «ТКП» КУЛЕШОВ Н.Н.[3] на допросе 19/III-1933 года показал:

«К этой («Крестьянской партии») контрреволюционной организации я примкнул в 1927 году после годичной, примерно, службы в Всесоюзном ин-те Растениеводства (ВИР), куда я поступил по приглашению академика ВАВИЛОВА Н.И.»

Это же подтвердил в своих показаниях от 9/II-1933 г. третий участник "ТКП» БАЙДИН А.И.:

«С 1927 г. я работал в библиотеке Сельско-Хозяйственного ин-та, который помещается в Детском селе.

В ин-т я был принят по рекомендации академика ВАВИЛОВА, которого я знаю с 1916 г. по совместной работе в Московском Губернском земстве».

Материалами следствия, проведенного в период 1931 – 1934 годов, ВАВИЛОВ изобличен как один из идеологов и практических руководителей контрреволюционной организации ТКП.

Так, профессор ТАЛАНОВ В.В.[4] на допросе 25/IV-1933 г. показал:

«К.р. организация, к которой я принадлежу, являлась составным звеном широкой народнической организации, состоящей в основном из народническо-эсеровских элементов.

Организация руководилась единым центром, из состава которого мне известны ВАВИЛОВ Н.И., ТУЛАЙКОВ Н.М.[5], ПИСАРЕВ В.Е. В своей к-р работе я был связан с членами центра организации ВАВИЛОВЫМ и ПИСАРЕВЫМ, установки по работе организации я получал, главным образом, от ВАВИЛОВА».

Арестованный в 1933 году ДОМРАЧЕВ Д.В.[6], признавая свою принадлежность к ТКП, на допросе 31/III-33 года показал:

«Мне известны следующие группы, объединяемые организацией:

1. в ВИР'е наиболее активной является группа в составе академика ВАВИЛОВА, профессоров ПИСАРЕВА, ТАЛАНОВА...

Организация возглавлялась центром, в состав которого входили ВАВИЛОВ, ПИСАРЕВ, ТАЛАНОВ».

Арестованный в 1933 году руководитель к-р. организации в сельском хозяйстве Московской области, агроном КАЛЕЧИЦ на допросе от 11/II-1931 года показал:

«Московская областная организация объединялась и возглавлялась Всесоюзным политическим центром, в состав которого входили следующие лица: ВАВИЛОВ Н.И., ТУЛАЙКОВ Н.М., ЛИСКУН[7] и др...»

Арестованный в том же в 1933 году проф. СИЗОВ[8], передавая информацию, дававшуюся ему руководителями к-р организации в ветеринарии БЕЛИЦЕРОМ[9] и ЦИОНОМ[10] о руководящей роли ВАВИЛОВА в организации, показал следующее:

«Во главе организации стоит, т.н. политический центр, структура которого сводится к объединению 6 автономных центров: агрономического, животноводческого, ветеринарного, промышленного, военного и диверсионно-политического. Во главе каждого центра стоит определенное лицо: председатель акад. ВАВИЛОВ, руководитель агрономического центра – акад. ТУЛАЙКОВ, животноводческого – проф. ЛИСКУН,

ветеринарного – проф. ТАРТАКОВСКИЙ, диверсионно-повстанческого – зам. НКЗ СССР – МАРКЕВИЧ. В состав политцентра входил также замнаркома совхозов СССР – ВОЛЬФ.

(Показания СИЗОВА от 14/I- и 8/III-33 г.)

Участие ВАВИЛОВА в руководстве к-р организации подтверждено показаниями также арестованных в 1933 году ПИСАРЕВА, КУЛЕШОВА, МАКСИМОВА[11], БЕЛИЦЕРА, ГАНДЕЛЬСМАНА, КУЗНЕЦОВА и АНДРЕЕВА.

Проводя свою враждебную работу, ВАВИЛОВ в последующем вступил в контакт с правыми контрреволюционерами.

Связь «ТКП» с правыми была достигнута в 1928 году непосредственно ВАВИЛОВЫМ, как представителем «ТКП» и БУХАРИНЫМ[12], представителем центра правых.

Это обстоятельство вскрывает в своих показаниях от 13/VI-1937 г. арестованный участник право-троцкистской организации в Наркомземе СССР ТУЛАЙКОВ Н.М.:

«Соглашение не носило характер письменного документа. Оно было достигнуто на совещании, где в результате обмена мнениями, было констатировано полное единодушие по всем основным вопросам, было принято решение об объединении усилий обеих организаций в проведении антисоветской подрывной работы, преимущественно, по линии сельского хозяйства. Это совещание состоялось в Наркомземе, который тогда возглавлялся одним из лидеров подпольной организации правых – А.П. СМИРНОВЫМ. Последний осенью 1928 г. созвал у себя совещание, на котором от правых участвовали он и ТЕОДОРОВИЧ[13], а со стороны «Трудовой Крестьянской партии» КОНДРАТЬЕВ[14], ЧАЯНОВ[15], МАКАРОВ[16] и академик ВАВИЛОВ».

«Из числа вопросов, обсуждавшихся на совещании СМИРНОВА, заслуживает также внимания предложение БУХАРИНА об использовании заграничных связей КОНДРАТЬЕВА, ЧАЯНОВА, МАКАРОВА, ВАВИЛОВА и других в целях мобилизации «международного общественного мнения» против линии ВКП(б) на коллективизацию сельского хозяйства СССР.

Связь ВАВИЛОВА с БУХАРИНЫМ, как представителем к-р центра правых продолжалась вплоть до момента разгрома правых, о чем говорит в своих показаниях от 31/VIII-1937 года осужденный ТУЛАЙКОВ Н.М.: «Моя и ВАВИЛОВА встреча с БУХАРИНЫМ относится ко второй половине 1936 г... Центр пришел к единодушному заключению, – заявил нам БУХАРИН, – что вовлекать интеллигенцию в нашу организацию было бы большой ошибкой. Для интеллигенции должна быть создана своя особая, специфическая организация, которая могла бы объединить интеллигенцию всех групп, всех слоев и всех политических оттенков»... «Что такой широкой всеобъемлющей организацией интеллигенции может и должна являться неосменовеховство».

Будучи глубоко враждебным к советскому строю, ВАВИЛОВ после разгрома «ТКП», продолжал вести активную борьбу против Советской власти, сплачивая вокруг себя уцелевшие от разгрома остатки «ТКП», а/с настроенную часть интеллигенции, работающую в области с/х, ВАВИЛОВ осуществлял непосредственную связь с заграничными к-р. кругами.

После ареста основных деятелей «ТКП», ВАВИЛОВ принимал все меры к тому, чтобы добиться их реабилитации. Принимал от осужденных и их жен заявления, ходатайствовал о их освобождении, заявляя о невиновности арестованных. Представив ЯКОВЛЕВУ[17], арестованному впоследствии как враг народа, список на освобождение 44 чел.

О руководящей роли ВАВИЛОВА и его связи с заграницей говорит арестованный ТУЛАЙКОВ Н.М., который, будучи допрошен 31/VIII-1937 года, показал:

«После провала «Трудовой крестьянской партии» в 1930 г. и ареста ее руководителей, основные зарубежные связи «ТКП» перешли к организации правых. Последняя

осуществляла их, главным образом, через академика ВАВИЛОВА, который в 1930 году вошел в состав организации правых и являлся основным связывающим звеном между ею и уцелевшими остатками «Трудовой крестьянской партии».

Академик ВАВИЛОВ являлся для центра правых, особенно удачной, я сказал бы, даже незаменимой, кандидатурой в смысле установления зарубежных связей, так как он часто подолгу бывал за границей, имел огромные связи с научными работниками всех крупнейших европейских стран.

Свою контрреволюционную антисоветскую деятельность по осуществлению связей с зарубежными эмигрантскими кругами ВАВИЛОВ производил под непосредственным руководством центра правых, в частности лично БУХАРИНА».

Об этом же дал показания арестованный МУРАЛОВ[18] на допросе 7/VIII-1937 года:

«В селекции – вредительской деятельностью руководил ВАВИЛОВ, МЕЙСТЕР[19], КОНСТАНТИНОВ[20]. Особо следует отметить антисоветскую деятельность академика ВАВИЛОВА.

ВАВИЛОВ, продолжая демонстративно оставаться в составе фашистско-германского генетического общества, возглавлял собой борьбу с новейшими воззрениями в области генетики и селекции. При этом ВАВИЛОВ предпринял ряд шагов к тому, чтобы организовать против новейших воззрений и достижений советской науки, не только ученых в СССР, но и за границей».

По имеющимся данным ВАВИЛОВ имеет широкие связи с иностранными и белоэмигрантскими кругами, используя для этого научную переписку ВИР'а, посещение института иностранными учеными и делегациями, а также частые свои выезды в командировки за границу.

ВАВИЛОВ Н.И. является членом немецкого генетического общества, стоящего целиком и полностью на платформе фашистской расовой теории в вопросах генетики.

До последнего времени ВАВИЛОВ Н.И. был связан с германским и бывшим польским консульствами в Ленинграде. При посещении ин-та работниками польского консульства, закрываясь у себя в кабинете вел с ними разговоры без посторонних.

Приезжавших по рекомендации консульств иностранцев ВАВИЛОВ знакомит абсолютно со всеми работниками института, в том числе и с работами, результаты и итоги которых не подлежат передаче за границу, как работа по ракоустойчивости и фитофтороустойчивости картофеля, выведения льна, дающего волокно высокономеров, имеющего значение для оборонных работ и т.д.

В 1931 г. ВАВИЛОВ по приглашению Датского Королевского общества сельских хозяев выезжал в Данию для прочтения ряда лекций. Это предложение было инспирировано быв. с/х атташе Датского посольства в Москве А.А. КОФФОДОМ.

КОФФОД в прошлом крупный чиновник царского департамента земледелия, был скомпрометирован по делу «ТКП» рядом показаний как резидент белоэмигрантских организаций, связанных с «ТКП», в силу чего во время арестов по делу «ТКП» выехал из СССР.

Перед отъездом ВАВИЛОВА в Данию, КОФФОД звонил в посольство из Гельсингфорса, после чего консул выезжал в Ленинград, где ВАВИЛОВ лично с ним согласовал визу на въезд в Данию.

Среди иностранных связей ВАВИЛОВА имеется целый ряд лиц, изобличенных материалами б. ОГПУ в руководстве и финансировании к-р. движения в СССР. Таков проф. МЕТАЛЬНИКОВ С.И.[21] в Париже, член Торгпрома, вдохновитель к-р. организации ветеринаров и организаторов бактериологической войны с СССР, финансируемый американскими капиталистическими кругами; ШЛИППЕ – бывш. видный московский земец, белоэмигрант, член совета берлинского отделения Торгпрома; проф. АУХАГЕН – руководитель «Германского общества сельских хозяев», быв. сельскохозяйств. атташе гер-

манского посольства в Москве, широко поддерживавший ликвидированную ОГПУ к-р. организацию в с/х СССР и по представлении советского правительства отозванный из СССР, семеноводческие фирмы «Вильморен» в Париже и «Работке и Гизике» – в Германии, ведущие активную борьбу против советского семеноводства.

Установлено, что ВАВИЛОВ имел связь с группой ДЕМОНЗИ, бывшего французского министра просвещения, близкого к Французскому генштабу. Связанный с контрреволюционными группами в СССР Французский разведчик МАЗАН, близкий к ДЕМОНЗИ после возвращения из своей поездки в СССР осенью 1932 года, поднял через Всесоюзное Общество культурной связи с заграницей вопрос о приглашении ВАВИЛОВА во Францию для прочтения ряда лекций.

Также установлено, что в феврале 1933 года ВАВИЛОВ, находясь в Париже на обеде в квартире проф. ЛАНЖЕВАНА[22], встречался с ДЕМОНЗИ и МАЗАН, ведущими разведывательную работу для Французского генштаба и стоящими во главе руководства и финансирования к-р движения в СССР в подготовке вооруженного восстания на Украине.

Показаниями арестованного б. ОГПУ в 1932 г. научного сотрудника ВИР'а АВДУЛОВА П.П.[23] ВАВИЛОВ изобличается в шпионаже. АВДУЛОВ показал:

«ВАВИЛОВ пригласил меня к себе на дом и предложил пересылать для него письма за границу. Самому ему осуществлять это дело было неудобно, так как он слишком на виду, и он решил избрать меня посредником для своей вредительской и шпионской деятельности, мне обещана была оплата моих услуг в размере от 10 до 20 долларов с письма.

Оплату должно было производить учреждение, которому адресовать письма, т.е. польское министерство земледелия (получатель – мать АВДУЛОВА, проживавшая в Польше).

Предложение ВАВИЛОВА было мною принято, несмотря на то, что я сразу понял какую именно цель ВАВИЛОВ преследует. Пересылка конвертов состоялась в следующие сроки... (указываются даты – 7 передач).

Две из этих посылок были произведены мною через ЯНУШЕВСКОГО – сотрудника Польского консульства в Москве, прочие 5 пересылок я осуществлял через ОНОШКО (известный польский разведчик)».

(показания АВДУЛОВА от 4/IV-32 года).

Являясь одним из руководителей к-р организации, ВАВИЛОВ непосредственно направлял и руководил вредительством в области семеноводства и выведения новых, улучшенных сортов с/х культур.

Установлено, что вредительская работа в системе Всесоюзного института Растениеводства, направленная к подрыву и запутыванию семенного и селекционного дела в СССР, проводилась непосредственно и по прямым указаниям ВАВИЛОВА Н.И.

Пользуясь своим положением, ВАВИЛОВ Н.И., всю работу института в течение ряда лет вел не по линии вопросов, имеющих практическое значение для сельского хозяйства СССР, а по линии отвлеченного академизма. Решая вопросы и профиль отделов института, ВАВИЛОВ давал заведомо вредительские установки заниматься отвлеченными, научно-теоретическими вопросами, заниматься изучением культур, не могущих быть применяемыми даже в ближайшее время в хозяйстве СССР; одновременно исключая и тормозя разработку перспективных культур.

В книге, изданной ВАВИЛОВЫМ – «Растениеводство СССР» указывались заведомо ложные данные о посевных площадях СССР, в результате чего они являлись бесполезными и для хозяйственников и для научных работников.

ВАВИЛОВЫМ усиленно продвигались работы вредителей, как и работа по виноградарству осужденного врага народа ДОМОНСКОГО, «Пшеницы СССР» – ФЛЯКСБЕРГЕРА[24], содержащие вредительские установки.

Свою вредительскую подрывную работу ВАВИЛОВ проводил, опираясь на специально подобранные и расстановленные на руководящих участках ВИР'а кадры, создав из них контрреволюционную организацию, частично вскрытую и ликвидированную органами ОГПУ в 1933 году.

Установлено, что в целях опровержения новых теорий в области яровизации и генетики, выдвинутых советскими учеными ЛЫСЕНКО и МИЧУРИНЫМ, ряд отделов ВИР'а по заданию ВАВИЛОВА проводили специальную работу по дискредитации выдвинутых теорий ЛЫСЕНКО и МИЧУРИНЫМ[25].

Вредительская деятельность ВАВИЛОВА подтверждается показаниями ряда арестованных участников «ТКП», а также показаниями участников антисоветской организации правых в сельском хозяйстве.

Осужденный вредитель КУЛЕШОВ, бывш. специалист Всесоюзного института растениеводства в своих показаниях от 19-го марта 1933 года говорит:

«... В состав организации входил ВАВИЛОВ Н.И. Мы признавали одним из наиболее действительных методов нашей борьбы с советской властью вредительство, что по нашим расчетам должно было нанести существенный ущерб в работе научно-исследовательских и практических учреждений сельского хозяйства, снизить урожайность в стране, создать кризис в производстве сельскохозяйственных продуктов, голод, и этим вызвать народное возмущение и общественное движение с целью ее свержения».

Аналогичные показания дали и МАКСИМОВ Н.А„ ПИСАРЕВ В.Е., ТАЛАНОВ В. – осужденные по делу «ТКП».

Участник вредительской организации правых АЛЕКСАНДРОВ А.Б.[26] – заместитель ВАВИЛОВА по ВИР'у на допросе 13 – 14 июля 1937 года показал:

«... МУРАЛОВ мне дал прямую директиву в Ленинграде связаться с ВАВИЛОВЫМ Н.И., как с участником антисоветской организации, контактирующим свою деятельность с организацией правых.

МУРАЛОВ сказал мне, что ВАВИЛОВУ и его группе удалось расстроить дело семеноводства и селекции и этим нанести удар по сельскому хозяйству. Сказал, что в задачу входит углубить это состояние ВИР'а.

В мае 1935 года я приехал в Ленинград. В Ленинграде я сразу же связался с ВАВИЛОВЫМ. В первую же беседу я ВАВИЛОВУ сказал, что послан к нему МУРАЛОВЫМ. На это мне ВАВИЛОВ заявил, что он об этом уже знает от МУРАЛОВА и отметил, что это мероприятие с направлением меня к нему в заместители проведено очень хорошо и позволит нам продолжительное время «одурачивать ЦК».

С ВАВИЛОВЫМ мы договорились о совместных действиях, и он назвал мне некоторых участников антисоветской организации, через которых он осуществляет вредительскую деятельность в ВИР'е.

Как меня информировал ВАВИЛОВ, перед участниками нашей организации в ВИР'е стояла задача задержать и сократить темпы селекционной работы с тем, чтобы страна не могла получить нужные ей новые сорта.

МУРАЛОВ и ВАВИЛОВ рекомендовали мне вести себя чрезвычайно конспиративно и дали указания связаться с небольшим кругом участников организации в ВИР'е. ВАВИЛОВ мне указал на ЛАПИНА[27] и КОВАЛЕВА[28]".

Арестованный как участник право-троцкистской организации – бывш. член с/х академии им. ЛЕНИНА – МЕЙСТЕР Г.К. на допросе 19/X-1937 года показал:

«При встречах с бывшими участниками «ТКП» ВАВИЛОВЫМ, ТАЛАНОВЫМ, ШЕКУРДИНОВЫМ[29], ДАВИДОМ[30] и САМАРИНЫМ я неоднократно с ними вел беседы антисоветского характера, зная что они продолжают оставаться на антисоветских позициях. Все они как и я, оказались потом участниками право-троцкисткой организации, причем ВАВИЛОВ и ТУЛАЙКОВ, как я узнал впоследствии, вступили в эту организацию значительно раньше меня, сразу же после разгрома Трудовой Крестьянс-

кой Партии. ВАВИЛОВ мне говорил, что основная вредительская деятельность им ведется по линии госсортсети, у руководства которой он поставил своего человека АРТЕМОВА[31]».

Арестованный АРТЕМОВ подтвердил показания МЕЙСТЕРА, и, будучи допрошен 8/УШ-1937 года, показал:

«Вредительство происходило и по линии игнорирования местных сортов, в этом отношении я опирался на авторитет академика ВАВИЛОВА, распространявшего положение о том, что от местных сортов взято все».

О вредительской деятельности ВАВИЛОВА говорят также в своих показаниях в сентябре – октябре мес. 1937 года арестованные участники право-троцкистской организации ЛАПИН А.К. и ПЕРЕВЕРЗЕВ Н.С.[32].

Арестованный б. ученый секретарь ВАСХНИЛ'а МАРГОЛИН на допросе от 31/VШ-37 года показал:

«Я знал, что в системе НКЗ СССР действовало несколько к-р групп, и наиболее крупной а/с группой руководил ВАВИЛОВ, который на протяжении ряда лет со своими кадрами ведет вредительскую работу в области селекции».

О вредительской деятельности ВАВИЛОВА дал показания ДАВИД Рудольф Эдуардович на допросе от 27/XI-37 г. ДАВИД показал:

«... Зная лично тактику подрывной деятельности Саратовской агрономической школы, я легко и быстро установил тот факт, что в Академии под руководством ВАВИЛОВА, МЕЙСТЕРА и МУРАЛОВА сорганизовалась группа академиков, стоящая на право-троцкистских позициях.

Крупное ядро видных членов академии во главе с ВАВИЛОВЫМ (перечисляет других) активно выступали против революционной теории ак. ЛЫСЕНКО о яровизации и внутрисортовом скрещивании, которая тогда уже сравнительно широко внедрялась в практику социалистического движения».

И далее:

«... Наша право-троцкистская группа академиков во главе с ВАВИЛОВЫМ, МЕЙСТЕРОМ и др. выполняя задания право-троцкистского центра вредительски тормозила и срывала разрешение актуальнейших для сов. земледелия проблем, в частности, и в особенности проблему севооборотов и вопросы селекции и семеноводства».

После разгрома право-троцкистского подполья ВАВИЛОВ не прекращает своей к-р деятельности, группирует вокруг себя своих единомышленников для борьбы с советской властью.

Продвигая заведомо враждебные теории ВАВИЛОВ ведет борьбу против теории и работ ЛЫСЕНКО, ЦИЦИНА[33] и МИЧУРИНА, имеющих решающее значение для с/хозяйства СССР, заявляя, «мы были, есть и будем «анти» – на костер пойдем за наши взгляды и никому наших позиций не уступим. Нельзя уступать позицию. Нужно бороться до конца».

ПОСТАНОВИЛ:

ВАВИЛОВА Николая Ивановича, проживающего по адресу Земляной Вал дом № 21/23, кв. 54, подвергнуть аресту и обыску.

НАЧ. 3 ОТД. 3 ОТДЕЛА ГЭУ НКВД СССР
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ (РУЗИН)
НАЧ. 3 ОТДЕЛА ГЭУ НКВД СССР
КАПИТАН ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ (РЕШЕТНИКОВ)

«СОГЛАСЕН»
НАЧ. ГЛ. ЭКОНОМ. УПРАВЛ. НКВД СССР
КОМИССАР ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА (КОБУЛОВ)

2

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР

в составе:

Председательствующего Диввоенюриста СУСЛИНА

Членов: Диввоенюриста ДМИТРИЕВА и Бригвоенюриста КЛИМИНА

При секретаре мл. военном юристе МАЗУРОВЕ

В закрытом судебном заседании, в гор. Москве «9» июля 1941 года, рассмотрела дело по обвинению:

ВАВИЛОВА Николая Ивановича, 1887 г.р., бывш. директора Всесоюзного института Растениеводства, вице-президента сель. хоз. Академии Наук им. Ленина и члена Академии Наук СССР в преступл., предусмотр. ст.ст. 58-1 «а», 58-7, 58-9 и 58-11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что Вавилов в 1925 году являлся одним из руководителей антисоветской организации, именовавшейся «Трудовая Крестьянская Партия», а с 1930 года являлся активным участником антисоветской организации правых, действовавшей в системе Наркомзема СССР и некоторых научных учреждений СССР, Вавилов, используя служебное положение Президента Сельско-хозяйственной Академии, директора института Растениеводства, директора института Генетики и наконец вице-президента сельско-хозяйств. Академии наук им. Ленина и члена Академии наук СССР, в интересах антисоветской организации проводил широкую вредительскую деятельность, направленную – на подрыв и ликвидацию колхозного строя, и на развал и упадок социалистического земледелия в СССР. Кроме того Вавилов, преследуя антисоветские цели, поддерживал связи с заграничными белоэмигрантскими кругами и передавал им сведения, являющиеся государственной тайной Советского Союза.

Признавая виновным Вавилова в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 58-1а, 58-7, 58-9 и 58-11 УК РСФСР, Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила: Вавилова Николая Ивановича подвергнуть высшей мере уголовного наказания – расстрелу; с конфискацией имущества лично ему принадлежащего. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Председательствующий (подпись)
Члены (подписи)

3

ВЫПИСКА

из протокола заседания Президиума
Верховного Совета СССР №9/124сс

26 июля 1941 года гор. Москва

СЛУШАЛИ:283 Ходатайство о помиловании ВАВИЛОВА Николая Ивановича, осужденного 9 июля 1941 года
приговором Военной Коллегии Верхсуда СССР в гор.
Москве к высшей мере наказания по ст. ст. 58-1 «а»,
58-7, 58-9 и 58-11 УК РСФСР.

ПОСТАНОВИЛИ: Ходатайство о помиловании ВАВИЛОВА Н.И. отклонить.

ВЕРНО: ст. секретарь Военной Коллегии Верхсуда СССР военный юрист 3 ранга (МАЗУРОВ)

4

13 июня 42 г. Председателю Военной Коллегии Верхсуда Союза ССР – Армвоенюристу

№ 52/8996 тов. УЛЬРИХ.

8 июля 1941 года Военной Коллегией Верхсуда Союза ССР осужден к ВМН за преступления, предусмотренные статьями 58 п. 10, 11 и 17-58 п. 8 УК РСФСР бывший академик ЛУППОЛ Иван Капитонович[34], 1896 года рождения, уроженец гор. Ростова на Дону.

9 июля 1941 года Военной Коллегией Верхсуда Союза ССР осужден к ВМН за преступления, предусмотренные статьями 58 п. 1 «а» и 58 п.п. 7, 9, 11 УК РСФСР бывший вице-президент Сельско-Хозяйственной академии им. Ленина ВАВИЛОВ Николай Иванович, 1887 года рождения, уроженец гор. Москвы.

Ввиду того, что указанные осужденные могут быть использованы на работах, имеющих серьезное оборонное значение, НКВД СССР ходатайствует о замене им высшей меры наказания заключением в исправительно-трудовые лагери НКВД сроком на 20 лет каждого.

Ваше решение прошу сообщить.

Заместитель народного комиссара внутренних дел СССР

Меркулов

5

ВЫПИСКА

из протокола заседания Президиума Верховного Совета СССР № 10/4сс

23 июня 1942 года гор. Москва

СЛУШАЛИ: § 325. Об изменении постановления Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1941 года, № 9/124сс, п.п. 283 и 316, в отношении ЛУППОЛА Ивана Капитоновича, бывш. академика, и ВАВИЛОВА Николая Ивановича, бывш. вице-президента Сельскохозяйственной Академии им. Ленина, осужденных: 8 июля 1941 года (ЛУППОЛ) и 9 июля 1941 года (ВАВИЛОВ) приговором Военной Коллегии Верхсуда СССР к высшей мере наказания: ЛУППОЛ по ст. 17-58-8, 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР и ВАВИЛОВ по ст. 58-1-а, 58-7, 58-9 и 58-11 УК РСФСР.

ПОСТАНОВИЛИ: Во изменение постановления Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1941 года № 9/124сс, п.п. 283 и 316 – заменить ЛУППОЛУ И.К. и ВАВИЛОВУ Н.И. высшую меру наказания каждому двадцатью годами лишения свободы в исправтрудлагерях.

ВЕРНО: секретарь Военной Коллегии Верхсуда СССР техник-лейтенант 2 ранга (ПИРС)

6

ЗАПИСКА

Сартюрьма № 1 НКВД

ст. лейтенанту госбезопасности т. ИРАШИНУ[35]

**з/к Вавилова Николая Ивановича
1887 года рождения, осужденного по ст. 58 на 20 лет,
необходимо направить в больницу. *Т*° - 39.6**

**Диагноз: Pneumonia cruposa[1] ?
Корпус № 3 Камера № 57
24/1-43 г.**

Ф-ца (подпись)
17.00.

7

НАЧАЛЬНИКУ САНЧАСТИ

Рапорт

Довожу до Вашего сведения в 11 палате з/к Вавилов Николай Иванович 1887 год рожд., осужденный по ст. 58 на 20 лет, 26.1.43 г. в 7 утра умер.

26.1.43. *П. Сыченко.*

8

**ИЗ «ИСТОРИИ БОЛЕЗНИ» Н.И. ВАВИЛОВА
(5.11.1943 г.)**

ДНЕВНИК

< ... > 26.1.1943 в 7 часов утра умер при явлениях упадка сердечной деятельности.

Врач Степанова[36]

9

**ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 5 УЧЕТА УМЕРШИХ
ЗАКЛЮЧЕННЫХ ТЮРЬМЫ № 1 г. САРАТОВА**

Фамилия имя отчество	*Дата прибытия в больницу*
Вавилов Николай Иванович 1887 г. рожд.	**24/1-43 г.**

Дата смерти	*Где умер*	*Диагноз*
26/1-43 г.	в больнице	Воспаление легких крупозное

Откуда прибыл

Прибыл из внут. тюрьмы гор. Москвы 29/X 41г.

[1] Крупозное воспаление легких (лат.)

10

ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА ССР

Определение № 4 н-011514/55
Военной Коллегии Верховного Суда СССР

В составе председательствующего полковника юстиции Лихачева членов полковников юстиции Дашина и Сенина рассмотрен в заседании от 20 августа 1955г.:

Заключение Главного Военного Прокурора по делу Вавилова Николая Ивановича, рожд. 1887 г., урож. гор. Москвы, осужденного 9 июля 1941 г. Военной Коллегией Верховного Суда СССР по ст. ст. 58 -1 «а», 58 - 7, 58 - 9 и 58 - 11 УК РСФСР к расстрелу с конфискацией имущества.

23 июня 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР расстрел Вавилову заменил 20-ю годами лишения свободы. 26 января 1943 г. Вавилов умер в заключении.

Заслушав доклад т. Сенина и заключение пом. главного военного прокурора майора юстиции Колесникова

установила:

По приговору Вавилов признан виновным в том, что он в 1925 г. являлся одним из руководителей антисоветской организации, именовавшейся «Трудовая крестьянская партия», а с 1930 г. являлся активным участником антисоветской организации правых, действовавшей в системе наркомзема СССР. Вавилов, используя служебное положение Президента с/х Академии, директора и-та Растениеводства, директора и-та Генетики и наконец вице-президента с/х академии наук им. Ленина и члена Академии наук СССР, в интересах антисоветской организации проводил широкую вредительскую деятельность, направленную на подрыв и ликвидацию колхозного строя и на развал и упадок социалистического земледелия в СССР.

Кроме того Вавилов, преследуя антисоветские цели, поддерживал связи с заграничными белоэмигрантами, передавал им сведения «являющиеся государственной тайной Советского Союза» (из приговора).

Главная военная прокуратура в своем заключении просит об отмене приговора и о прекращении дела за отсутствием состава преступления по следующим основаниям.

Как видно из материалов дела, Вавилов в суде виновным себя признал частично. Однако после осуждения Вавилов подал заявление на имя зам. председателя СНК СССР, в котором отказывался от ранее данных им показаний и заявил, что он «никогда не занимался контрреволюционной деятельностью».

В качестве доказательства вины Вавилова, к его делу приобщены показания арестованных Муралова, Марголина, Авдулова, Кулешова, Писарева, Паншина, Бондаренко, Карпеченко[37], Фляксбергера, Ушарова, Городецкого, Золотарева и др., данные ими на предварительном следствии (в суд же эти лица по делу Вавилова не вызывались).

Проведенной дополнительной проверкой установлено, что первые девять человек из перечисленных лиц впоследствии от своих показаний отказались, как от вымышленных. Показания же остальных лиц неконкретны, противоречивы и крайне сомнительны.

Так, например, Сизов и Гандельсман показали, что со слов Белицера, Циона и Тартаковского им известно о принадлежности Вавилова к контрреволюционной организации. Однако в процессе проверки эти показания Сизова и Гандельсмана не нашли своего подтверждения в материалах дела на Белицера, Циона и Тартаковского.

Аналогичные показания и других лиц.

В процессе проверки установлено, что предварительное следствие по делу Вавилова проведено с грубым нарушением норм УПК, необъективно и тенденциозно, что видно хотя бы из следующего:

а) В деле Вавилова имеется ряд копий протоколов допросов, подлинники которых не обнаружены (протоколы допросов Чаянова, Трифонова, Сидорова[38], Иордановой и Зихерман).

В деле Вавилова имеется копия выписки из протокола допроса Муралова от 7 августа 1940 г., тогда как Муралов был расстрелян по приговору суда еще в 1937 г. Этот факт свидетельсвует о фальсификации следственных материалов.

б) При назначении экспертизы Вавилов заявил следователю Хват ходатайство о замене одного эксперта другим. Это законное требование Вавилова не было удовлетворено «по оперативным соображениям».

Назначенный следователем Хват председатель экспертной комиссии Якушкин в 1930 г. сам был арестован как член «Трудовой крестьянской партии» и давал показания на Вавилова. Проверкой же установлено, что Якушкин выполнял специальное задание органов ОГПУ-НКВД-МГБ СССР и представлял ряд документов о Вавилове, поэтому он не мог являться экспертом по делу Вавилова.

Допрошенный в ходе проверки Якушкин[39] подтвердил изложенное и показал, что, выполняя задание органов НКВД, он не мог быть объективным в оценке деятельности Вавилова и поэтому подписал заключение экспертизы, неизвестно кем составленное, со многими положениями которого он не был тогда согласен и не согласен в настоящее время.

Другой член экспертной комиссии Зубарев показал, что комиссия проверкой деятельности Вавилова не занималась, и лишь подписала заключение, неизвестно кем написанное.

в) В своем заявлении на имя зам. председателя СНК СССР Вавилов писал, что его допрашивали в общей сложности около 400 раз в течение 1700 часов. Это заявление находит свое подтверждение в материалах дела, среди которых имеется ряд протоколов допросов Вавилова на 1 – 2 страницах, в то время как сами допросы длились по 12 – 13 часов.

Из материалов проверки видно, что в подготовке материалов к аресту Вавилова принимали участие ныне разоблаченные враги народа Берия и Кобулов, а предварительное следствие по делу Вавилова вел бывший работник органов НКВД СССР Хват, в отношении которого в Особой инспекции КГБ при СМ СССР имеются материалы как о фальсификаторе следственных дел.

В расследовании дела Вавилова принимал участие враг народа Влодзимирский.

Допрошенные в процессе проверки Писарев, Константинов, Васильев, Эмме и другие, а также академик Лысенко, охарактеризовали Вавилова положительно, как выдающегося ученого, и высоко отзывались о его деятельности.

Высокая оценка научной работе Вавилова дана в статье БСЭ за 1927 и за 1950 г. [40].

В 1947 г. и позднее ряд советских ученых поставили перед Академией наук СССР вопрос об издании написанной Вавиловым научной работы: «Мировые ресурсы местных и селекционных сортов хлебных злаков» как имеющей большую ценность для сельского хозяйства и представляющую собой итог многолетних трудов Вавилова[41].

Изложенные обстоятельства не были известны суду при вынесении приговора по делу Вавилова.

Военная Коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев материалы дела и материалы проверки и соглашаясь с заключением прокурора,

определила:

Приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 9 июля 1941 г. в отношении Вавилова Николая Ивановича отменить по вновь открывшимся обстоятельствам и дело о нем производством прекратить за отсутствием состава преступления.

Председатель (подпись)
Члены (подписи)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Вавилов Иван Ильич (1863–1928) – коммерсант. В 1928 г. отец Николая Ивановича вернулся на родину, где он и умер.

[2] Писарев Виктор Евграфович (1882–1972) – селекционер, генетик, директор Центральной генетической и селекционной опытной станции, с 1925 г. зам. директора Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур, репрессирован в 1933 г., в 1934 г. работал в ВИРе, затем в НИИ сельского хозяйства.

[3] Кулешов Николай Николаевич (1890–1968) – растениевод, в 1926–1933 гг. – зам. директора ВИР, руководил экспедициями Института в Средней Азии, Монголии и Закавказье. Затем работал в с-х институтах в Иркутске, Омске и Харькове, с 1951 г. академик АН УССР.

[4] Таланов Виктор Викторович (1871–1936) – растениевод и селекционер, член-корреспондент АН СССР с 1931 г. В 1926–1932 гг. работал в ВИРе.

[5] Тулайков Николай Максимович (1875–1938) – агроном, почвовед, с 1921 по 1937 гг. – профессор Саратовского с-х института, академик АН СССР с 1932 г., с 1935 г. – академик ВАСХНИЛ, в 1929–1935 гг. – ее вице-президент, директор Всесоюзного Института зернового хозяйства Юго-Востока. Репрессирован в 1937 г. В 1938 г. расстрелян, реабилитирован в 1957 г.

[6] Домрачев Дмитрий Васильевич – ответственный работник объединения Союзсеменовод.

[7] Лискун Ефим Федорович (1873–1958) – зоотехник, академик ВАСХНИЛ с 1934 г., был директором Всесоюзного института животноводства.

[8] Сизов Иван Александрович (1900–1968) – растениевод, селекционер, специалист по культуре льна. С 1926 г. – директор Белорусского отделения ВИРа, в 1934–1968 гг. (с перерывом во время войны) – зав. отдела технических культур, в 1961–1965 годах – директор ВИРа.

[9] Белицер Александр Васильевич – биолог, ветеринар. В 20-х – начале 30-х годов опубликовал большое число книг о лечении и предотвращении болезней домашних животных.

[10] Цион Роберт Адольфович – биолог, ветеринар, в 20-х годах и в последующее время опубликовал ряд работ по диагностике заболеваний домашних животных.

[11] Максимов Николай Александрович (1894–1952) – физиолог растений, академик с 1946 г., один из основоположников экологической физиологии растений. В 1927–1933 гг. был ведущим научным сотрудником ВИР.

[12] Бухарин Николай Иванович (1888–1938) – видный деятель большевистской партии, член ЦК и политбюро, в конце 20-х годов отстранен Сталиным от руководства партии, вместе со сторонниками стал объектом преследований, репрессирован в 1937 г., затем расстрелян.

[13] Теодорович Иван Адольфович (1886–1937) – с 1917 г. на ответственной государственной работе, работал в Наркомате земледелия, член ВЦИК, ЦИК СССР.

[14] Кондратьев Николай Дмитриевич (1892–1938) – экономист, в 1920–1928 годах директор Конъюнктурного института при Наркомате финансов. Репрессирован в 1930 г.

[15] Чаянов Александр Васильевич (1888–1939) – экономист-аграрник, литератор, в 1921–1923 годах – член коллегии Наркомата земледелия, в 1922–1928 гг. – директор Института с-х экономики. Репрессирован в 1930 г.

[16] Макаров Н.П. – экономист-аграрник, провел в лагерях 25 лет, был женат на рано умершей сестре Николая Ивановича Лидии Ивановне.

[17] Яковлев (Эпштейн) Яков Аркадьевич (1896–1938) – в 1929–1934 годах нарком сельского хозяйства, с 1934 г. – заведующий с-х отдела ЦК ВКП(б).

[18] Муралов Александр Иванович (1886–1937) – в 1923–1929 гг. нарком земледелия, в 1933–1937 гг. – зам. наркома земледелия СССР, в 1935–1937 гг. – президент ВАСХНИЛ.

[19] Мейстер Георгий Карлович (1873–1938) – селекционер, генетик, в 1920–1937 гг. директор Саратовской с-х опытной станции, зав. кафедрой генетики и селекции Саратовского с-х института, с 1935 г. академик ВАСХНИЛ. Расстрелян в 1938 году.

[20] Константинов Петр Никифорович (1877–1959) – растениевод и селекционер, академик ВАСХНИЛ с 1935 г., в 1920–1929 – директор Краснокутской с-х станции, в 1929–1936 – зав. кафедрой Куйбышевского с-х института, с 1936 г. – зав. кафедрой Мос. с-х академии им. К.А. Тимирязева.

[21] Метальников С.И. – биолог, иммунолог, в 30-х годах профессор Института Пастера в Париже.

[22] Ланжевен Поль (1872–1946) – французский физик, общественный деятель, член Парижской Академии наук с 1934 г., почетный член АН СССР с 1929 г., выступал за развитие дружеских отношений между Францией и СССР, в 1946 г. стал президентом общества «Франция – СССР».

[23] Авдулов Николай Павлович (1899–1938) – цитолог, в 1928–1932 годах работал в отделе цитологии ВИРа, занимался цитологией злаков, репрессирован в 1932 и 1937 годах, погиб в заключении.

[24] Фляксбергер Константин Андреевич (1880–1942) – ботаник, агроном, сотрудник ВИРа, сыграл большую роль в организации коллекции пшениц и ее изучении, репрессирован в 1941 г.

[25] Мичурин Иван Владимирович (1855–1935) – известный селекционер, выводил новые сорта яблок и других культурных растений. В 1935 г. стал почетным академиком АН СССР и академиком ВАСХНИЛ. Н.И. Вавилов высоко ценил этого селекционера и оказывал ему необходимую помощь.

[26] Александров Аркадий Борисович (1898–?) – заместитель директора ВИРа по науке в 1935–1937 гг. Погиб в заключении.

[27] Лапин А.К. – в 30-х годах заведовал бюро по опытному делу ВАСХНИЛ.

[28] Ковалев Николай Васильевич (1888–1959) – агроном, плодовод, в 1928–1930 гг. – директор Никитского ботанического сада, в 1931–1936 гг. – зам. директора ВИРа, в 1936–1941 гг. – директор Майкопской опытной станции ВИРа.

[29] Вероятно речь идет о селекционере Алексее Павловиче Шехурдине (1886–1951). Он учился и работал в Саратове, вывел несколько десятков сортов пшеницы, в 1946–1948 годах – профессор Саратовского сельскохозяйственного института.

[30] Давид Рудольф Эдуардович – агроном, агрометеоролог, директор Института по изучению засухи, академик ВАСХНИЛ, арестован в 1937 г.

[31] Артемов П.И. – директор Государственной сортоиспытательной сети (находилась в ведении ВИРа).

[32] Переверзев Николай Сергеевич (1891–?) – агроном, с 1930 г. – заместитель директора ВИРа; с 1934 г. – зам. директора Госсортсети ВИРа, в 1936–1937 годах – ученый секретарь ВИР.

[33] Цицин Николай Васильевич (1898–1980) – ботаник, генетик, селекционер, академик с 1939 г.

[34] Луппол Иван Константинович (1896–1943) – философ, академик с 1939 г.

[35] Ирашин – начальник тюрьмы № 1 города Саратова.

[36] Степанова Наталья Леонтьевна – врач Саратовской тюрьмы № 1.

[37] Карпеченко Георгий Дмитриевич (1899–1941) – цито-генетик, в 1925–1941 гг. работал в ВИРе, в 1929–1931 гг. стажировался в Калифорнийском у-те в Беркле (США),

в 1932–1941 работал в ЛГУ (с 1938 г. – профессор и зав. кафедрой генетики). Расстрелян в 1941 г.

[38] Сидоров Борис Николаевич (1908–1980) – генетик, в 1930–1933 гг. работал в Московском зоотехническом институте, Биологическом ин-те АН СССР, в 1933–1948 гг. – в Ин-те экспериментальной биологии (позд. Ин-т цитологии, генетики и эмбриологии) АН СССР, позднее в Якутском филиале АН СССР, в Ин-те общей генетики АН СССР, в 1967–1980 гг. – в Ин-те биологии развития АН СССР.

[39] Якушкин Иван Вячеславович (1885–1960) – растениевод, академик ВАСХНИЛ с 1935 г., в 1917–1932 гг. – профессор Воронежского сельскохозяйственного института, с 1932 г. – заведующий кафедрой растениеводства Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

[40] В 8 томе «Большой Советсткой энциклопедии» (М.: Акционерное общество «Советская энциклопедия», 1927. С. 504) действительно опубликована статья о Николае Ивановиче. Он был назван «известным агрономом-ботаником», «крупным, пользующимся большим авторитетом и за границей исследователем полезных растений, особенно хлебных злаков СССР». Во втором издании БСЭ статьи о Н.И. Вавилове не было. В 6 томе, вышедшем в свет в 1951 г., был напечатан лишь биографический очерк о его брате академике С.И. Вавилове.

[41] В 1957 и 1964 гг. в издательстве АН СССР вышли два тома книги Н.И. Вавилова «Мировые ресурсы хлебных злаков, зерновых, бобовых, льна и их использование в селекции».

Публикация и примечания
Ю.Н. ВАВИЛОВА и Я.Г. РОКИТЯНСКОГО

ЗНАНИЯ, БРОШЕННЫЕ В ОГОНЬ[1]

Несколько новых страниц из жизни академика Н.И. Вавилова
(документы из архивов ФСБ и Президента РФ (фонд Сталина))

Ниже публикуются пять документов, связанных с жизнью Николая Ивановича Вавилова (1887 – 1943). Они обнаружены в Центральном архиве ФСБ и в Архиве Президента Российской Федерации. Биографы выдающегося биолога досконально исследовали различные этапы деятельности ученого [1 – 9]. И все же документы, которые мы предлагаем вниманию читателей, – это новые штрихи к портрету Н.И. Вавилова.

Несомненный интерес вызовет письмо Николая Ивановича, отправленное в ОГПУ из Ростова-на-Дону 9 апреля 1934 г. Известно, что уже в начале 30-х годов академик приложил немало усилий, чтобы добиться освобождения 44 ученых-аграриев, арестованных по сфабрикованному ОГПУ делу (1930 – 1931) о так называемой «Трудовой крестьянской партии» [5, с. 837]. В 10 томе «Научного наследства» помещено его письмо в Комиссию партийного контроля от 2 декабря 1934 г. в защиту председателя совета Дома ученых в Ленинграде В.М. Крепса [10, с. 246 – 248]. И вот еще одно свидетельство профессиональной солидарности – письмо в защиту профессора С.Л. Соболева.

Николай Иванович, несомненно, знал, что власть имущие отрицательно относятся к попыткам защитить «вредителей». Ведь это было противостояние официальной политике, которая пропагандировалась во всех газетах. С помощью ОГПУ генсек искал «козлов отпущения» за провал собственной авантюристической политики. Но академик, который не боялся и в это время оставаться беспартийным, отважился на еще один мужественный поступок.

Спасти Соболева удалось. 5 марта 1936 г. Вавилов с радостью сообщал в одном из своих писем: «Вернулся С.Л. Соболев вчистую обвинение снято, со всеми бумагами и свидетельствами о большой работе, которую он проводил в последнее время. Коротко говоря, вовлекаем его в нашу систему» [10, с. 313].

Письмо в защиту Соболева отнюдь не подтверждает представление некоторых биографов Вавилова о его конформизме, желании не раздражать власть имущих и ладить с ними, наступая на горло собственной песне [3].

Полностью опровергает утверждение о конформизме и второй документ – докладная записка вице-президента ВАСХНИЛ А.С. Бондаренко и секретаря партийной организации С. Климова, направленная Сталину 27 марта 1935 г. В исторической литературе до сих пор не придавалось особого значения факту смещения Н.И. Вавилова с поста президента ВАСХНИЛ, который он занимал с момента ее основания в 1929 г. [4, 7 – 9]. В книге С. Резника этот факт вообще не упоминается, а в разделе «Основные даты жизни и деятельности Н.И. Вавилова» говорится лишь о его избрании вице-президентом ВАСХНИЛ [1, с. 329]. Само по себе это неверно. Смещение и новое назначение были оформлены одним и тем же постановлением Совнаркома СССР от 4 июня 1935 г. [3, с. 148]. Некоторые биографы видят во всем этом лишь признак надвигающейся грозы. Имея в виду 1935 г., М. Поповский утверждает: «В том же году он, основатель сельскохозяйственной академии, был вынужден покинуть пост президента ВАСХНИЛ и остаться лишь вице-президентом» [2, с. 140]. В. Сойфер отмечает: «Пока мы не в состоянии сказать, было ли как-то связано внезапное для многих снятие Вавилова с поста президента ВАСХНИЛ и члена ЦИК и ВЦИК с затаенной обидой на него Лысенко. Возможно, совпадение событий – критики в адрес Лысенко и скорое после этого смещение Вавилова с важных постов – лишь случайно» [3, с. 129]. Публикуемый ниже документ впервые позволяет понять подоплеку событий.

---

[1] Опубликовано Ю.Н. Вавиловым и Я.Г. Рокитянским в журнале *«ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК», 1996, том 66, № 7, с.* 625–635.

Кремлевских властителей Н.И. Вавилов не устраивал. Независимо мыслящий русский интеллигент, с сомнительным, непролетарским, происхождением, пользующийся огромным авторитетом среди ученых у себя дома и за рубежом, не мог не раздражать Сталина, который с конца 20-х годов приступил к замене лидеров научных дисциплин на своих приспешников, беспрекословно выполняющих приказы и не возражающих против карательных акций «душегубца и мужикоборца».

В 1929 г. ученый, как вспоминают некоторые коллеги, отказался посылать приветственную телеграмму Сталину от имени Всесоюзного съезда по генетике, селекции и племенному животноводству. Этот ритуал становился тогда обязательным, но он был чужд Н.И. Вавилову. Свое отношение к нему Сталин выразил в 1934 г. на одном из совещаний в Кремле, на котором обсуждался вопрос об орошении засушливых земель. Как рассказывала жена академика Елена Ивановна, Николай Иванович предложил использовать опыт США. Сталин прервал ученого: «Это вы, профессора, так думаете, мы – большевики – думаем иначе».

В 1935 г. имели место и другие нападки Сталина. Однажды генсек демонстративно вышел из зала во время выступления Н.И. Вавилова, а в другом случае заявил ему: «Идите на выучку к стахановцам полей!» [2, с. 143]. Один из «тонкошеих вождей» В.М. Молотов на заседании Совнаркома также прервал Вавилова и сказал: «И когда вы, академик Вавилов, перестанете заниматься пустяками!» [2, с. 143].

В следственном деле, хранящемся в Центральном архиве ФСБ, было обнаружено письмо заместителя председателя ОГПУ Г.Е. Прокофьева и начальника Экономического управления Миронова. Оно адресовано Сталину. Письмо не датировано и, судя по содержанию, было направлено генсеку во второй половине 1933 или в первой половине 1934 г. Здесь Вавилов, а также вице-президент ВАСХНИЛ, директор Всесоюзного института зернового хозяйства академик Н.М. Тулайков, член президиума ВАСХНИЛ, директор Всесоюзного института животноводства Е.Ф. Лискун изобличались в контрреволюционной деятельности. Из восьми машинописных страниц шесть касаются Вавилова. Его политические позиции, отмечается в письме, "резко враждебны Коммунистической Партии и Советской власти. В узком кругу членов организации обычными является беседа о кризисе Советской власти, о голоде и забастовках на этой базе, о ряде советских мероприятий, которые «убили весь народ», о нежелании «подвергаться критике курьеров и дворников», о «кучке негодяев», об «изменении политического курса»". Ответственные сотрудники ОГПУ обвиняли ученого в «двурушничестве», «умелом скрывании убеждений и взглядов», в поддержании тесных неофициальных отношений «с иностранными и эмигрантскими к-р группами», в связях с французским министром просвещения, близким к генеральному штабу и т.д. Делая столь далеко идущие выводы, авторы ссылались на показания, добытые ОГПУ с февраля 1932 г. по март 1933 г. "Таким образом, – отмечалось в заключении письма, – на основе приведенных данных установлено, что ВАВИЛОВ и ТУЛАЙКОВ являлись ранее членами контрреволюционной организации в сельском хозяйстве, т.н. «Трудовой Крестьянской Партии» (ТКП), разгромленной ОГПУ в 1930 г., и после консолидации контрреволюционных сил являются активными руководителями вскрытого контрреволюционного заговора против Советской власти в сельском хозяйстве".

Широко известно как именно доблестные чекисты фабриковали по заказу Сталина показания арестованных людей. В ход шли пытки, психологическое давление, угрозы расправиться с близкими. Письмо Прокофьева и Миронова Сталину вероятно также готовилось по поручению генсека. Важно подчеркнуть, что оно противоречит утверждению В. Сойфера, будто «Сталин относился к Вавилову в течение ряда лет миролюбиво» [3, с. 129]. Хитроумный вождь просто выжидал, а тем временем карательные

органы собирали компромат, готовили удар. Представляется сомнительным и предположение Сойфера о том, что неприятности у Вавилова начались в 1935 г. из-за его выступления против Лысенко (кстати, в книге это ничем документально не обосновывается).

Письмо Прокофьева и Миронова показывает, что уже с 1934 г. над академиком навис дамоклов меч, который мог упасть в любую минуту. На VII съезде Советов, проходившем с 28 января по 6 февраля 1935 г., Н.И. Вавилов не был переизбран членом ЦИК СССР, а затем и ВЦИК. В феврале внезапно было отложено, а потом отменено санкционированное в августе 1934 г. наркомом земледелия празднование 10-летнего юбилея Всесоюзного института растениеводства, а также чествование ученого по случаю 25-летия его научной и общественной деятельности. «Должен сказать, что факт внезапной отмены юбилея... после большой напряженной подготовительной работы, больших затрат труда и даже средств вызвал тяжелое впечатление», – писал Вавилов 28 февраля заведующему сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) Я.А. Яковлеву [10, с. 275].

Публикуемая докладная записка, по существу, донос, – логическое продолжение действий, направленных против ученого. Документ находится в личном фонде генсека в Архиве Президента Российской Федерации и вплоть до конца 1995 г. значился под грифом «Секретно». Сверху карандашом было написано: «От тт. Бондаренко и Климова».

В докладной записке представлены основные линии тогдашней партийной политики в научной области. Цель – подчинить ту или иную дисциплину воле партийных верхов путем сокрушения независимо мыслящих ученых. Сотрудничество с исследователями других стран рассматривалось как дело безусловно вредное. В жизнь проводился нелепый принцип классовой науки. Разница между прикладным и фундаментальным знанием затушевывалась, наука превращалась в инструмент решения непосредственных хозяйственных задач. По существу, речь шла о внесении в науку иррациональных элементов, о ее разрушении.

Докладная записка показывает, что Н.И. Вавилов противостоял подобному обскурантизму, сопротивлялся попыткам различного рода партийных комиссий ограничить свободу научного творчества. Судя по записке, он объединил вокруг себя настоящих ученых и не давал их в обиду. Документ подтверждает, что его выступления в защиту репрессированных коллег в первой половине 30-х годов не были единичными фактами. Фраза «Вавилов всегда горой стоит за вредителей» говорит сама за себя.

Подобного рода доносы были приметами времени. Они появлялись на свет отнюдь не спонтанно. Инициатива демаршей исходила, как правило, от аппарата ЦК ВКП(б), который направлял активность руководителей партийных организаций в нужное генсеку русло, натравливал их на неугодных Сталину руководителей учреждений. Не случайно С. Климов – один из тех, кто подписал документ – был парторгом ВАСХНИЛа. А.С. Бондаренко, также член ВКП(б), выпускник Института красной профессуры, был готов выполнить любое задание ЦК. В данном случае речь шла о том, чтобы положить конец лидерству всемирно известного ученого, поставить во главе сельскохозяйственных наук человека, который бы беспрекословно проводил в жизнь партийную линию. К весне 1935 г. подходящий кандидат уже имелся – Трофим Денисович Лысенко.

Лысенко привлекал Сталина не только как сторонник партийной линии. Он обещал с помощью яровизации и других способов добиться сказочных урожаев. В данном случае социальная утопия сомкнулась с научной. В результате возникла гремучая смесь огромной разрушительной силы.

Сталин с явным удовольствием читал адресованный ему донос и сделал несколько карандашных подчеркиваний. Он, в частности, обратил внимание на фразу о враждебном отношении «старых ученых» к деятельности членов ВКП(б), состоящих в пре-

зидиуме ВАСХНИЛ, а также на слова об активных выступлениях Вавилова в защиту коллег, обвиняемых во «вредительстве» [11].

Судьба Николая Ивановича решалась в начале апреля 1935 г. На публикуемой докладной записке Бондаренко и Климова имеется собственноручная надпись диктатора: «членам ПБ. Ст.» В тот же день, 5 апреля 1935 г., как видно из третьего документа, донос на академика разослали членам и кандидатам в члены политбюро, а также будущему наркому внутренних дел Н.И. Ежову, который в это время был членом оргбюро и секретарем ЦК, заместителем председателя КПК и заведующим промышленным отделом ЦК.

Как шла дискуссия на заседании высшей партийной инстанции – неизвестно. Вероятно, обсуждались различные варианты. Сошлись на одном – сместить с поста президента ВАСХНИЛ. Это и было сделано 4 июня 1935 г. [3, с. 148].

В свете инсинуаций Бондаренко и Климова, а также упомянутого письма ОГПУ Сталину, решение может показаться мягким. Чем это объяснялось? В Академии наук имелось несколько ученых, известных скептическим отношением к большевистскому эксперименту, прежде всего это академики И.П. Павлов и В.И. Вернадский. У них был большой вес в науке и международная известность. Сталин не решался отправить их за решетку. Н.И. Вавилов пользовался столь же неоспоримым авторитетом среди генетиков и биологов в США, Великобритании, Германии, Франции, других стран. Поэтому немедленный арест неизбежно вызвал бы протесты, нанес бы вред режиму.

Интересно, что в конце 1936 г. в «Нью-Йорк Таймс» появилось пока еще не соответствующее действительности сообщение об аресте Н.И. Вавилова, а также генетиков И.И. Агола и С.Г. Левита (в действительности к этому времени был арестован только Агол, а Левит – несколько позднее). Американский генетик Ч.Б. Давенпорт немедленно обратился в Государственный департамент США с требованием передать дипломатическим способом его протест против ареста советскому правительству. «Вавилов, – писал он, – пользуется большим уважением генетиков всего мира как ведущий генетик СССР. Его высокая образованность, широта идей, громадная энергия представляют неоценимую ценность не только для СССР, но и для мировой сельскохозяйственной науки. Учитывая связь прогресса в генетике с благополучием нации в сельском хозяйстве и других основополагающих составляющих жизни нации, можно утверждать, что мешать работе таких людей, как Вавилов, равносильно не только национальному самоубийству, но и удару в лицо цивилизации» [12, с. 101].

«Кремлевский горец» предвидел волну протестов во всем мире, и в течение еще нескольких лет академик Н.И. Вавилов смог продолжить свою плодотворную научную работу. Но теперь на каждом шагу он чувствовал отчуждение властей. Атмосфера становилась все более враждебной по мере усиления отпора антинаучным идеям Лысенко, нарастания числа протестов против репрессий. «В архиве ВИРа, – отмечает М. Поповский, – хранятся многочисленные письма, адресованные в различные инстанции. Директор института просил вернуть в Ленинград арестованных и высланных, ручался за их лояльность, утверждал, что эти люди уникальные знатоки той или иной культуры (так оно чаще всего и было) и без них останавливается государственной важности дело... Спасти, однако, не удается никого» [2, с. 138].

Последняя встреча Вавилова и Сталина в ноябре 1939 г. показала, что враждебность генсека к ученому достигла апогея, Е.С. Якушевский вспоминал: "Вместо приветствия Сталин сказал: «Ну что, гражданин Вавилов, так и будете заниматься цветочками, лепесточками, василечками и другими ботаническими финтифлюшками? А кто будет заниматься повышением урожайности сельскохозяйственных культур?» Вначале Вавилов опешил, но потом, собравшись с духом, начал рассказывать о сущности проводимых в институте исследований и об их значении для сельского хозяйства. По-

скольку Сталин не пригласил его сесть, то Вавилов стоя прочитал устную лекцию о вировских исследованиях. Во время лекции Сталин продолжал ходить с трубкой в руке, и видно было, что ему все это совершенно неинтересно. В конце Сталин спросил: «У Вас все, гражданин Вавилов? Идите. Вы свободны»" [14, с. 221].

Арест последовал 6 августа 1940 г. Уже шла Вторая мировая война, и можно было не опасаться протестов западных ученых. О ненависти Сталина к ученому можно судить по характеру следствия и допросов, которые проводились с 10 августа 1940 г. по 14 июня 1941 г. В Центральном архиве ФСБ находится «Справка о вызовах на допрос заключенного ВАВИЛОВА Николая Ивановича, прибывшего во внутреннюю тюрьму НКГБ СССР l0/VIII–40 г. и числящегося содержанием за следчастью НКГБ СССР». Согласно справке, было проведено более 230 допросов, в основном следователем НКГБ А.Г. Хватом. Они продолжались примерно 900 часов. Два раза академика допрашивал известный своим изуверством Шварцман и 13 раз – Албогачиев. Часто проводились ночные допросы, их продолжительность доходила до десяти–двенадцати часов. Подобное изуверство объяснялось тем, что следователи выполняли задание Сталина, который более десяти лет накапливал неприязнь к ученому, а теперь хотел с помощью своих опричников наверстать упущенное, заставить его признаться во «вредительстве», шпионаже и других «преступлениях» [2, с. 175 – 201].

О звериной ненависти Сталина свидетельствовал и «окончательный и не подлежащий обжалованию приговор», вынесенный Военной коллегией Верховного суда СССР 9 июля 1941 г. по четырем пунктам 58 статьи: «Вавилова Николая Ивановича подвергнуть высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией имущества лично ему принадлежащего», а также отклонение Президиумом Верховного Совета СССР 26 июля ходатайства ученого о помиловании [5, с. 840 – 841].

Публикуемое постановление об уничтожении материалов, конфискованных у Николая Ивановича, датировано 29 июня 1941 г. Оно показывает, что смертный приговор был предрешен и сотрудники наркомата госбезопасности загодя освобождались от «вещественных доказательств». Документ свидетельствует о варварстве Сталина и взлелеянной им карательной системы.

Конфискация упомянутых в постановлении материалов была проведена в ходе обысков ленинградской и московской квартир академика вскоре после 6 августа 1940 г. Судя по публикуемому списку, изымались материалы, которые могли как-то скомпрометировать ученого: черновые записи о зарубежных поездках, записные книжки и блокноты, фотографии, визитные карточки зарубежных ученых, вырезки из иностранных газет, переписка. Обращает на себя внимание изъятие фотографии А.Ф. Керенского, книги Н.И. Бухарина, который был уже расстрелян и причислен к лидерам правотроцкистской контрреволюционной организации. В числе конфискованных вещей оказался и декоративный «кремниевый пистолет с отделкой из белого металла», подаренный ученому его дагестанскими друзьями во время одной из поездок на Северный Кавказ.

Список уничтоженных материалов расширяет представление о жизни и творчестве Н.И. Вавилова накануне ареста. На их основе могли бы появиться новые научные произведения. Увы, сотрудники НКГБ квалифицировали их как «не имеющие ценности». Широко известны факты вандализма Сталина и его окружения в области культуры. Публикуемый документ – пример вандализма в области науки, когда предавались огню бесценные рукописи, книги, журналы. Список может пробудить у исследователей и определенные надежды. Так, в нем не упомянуто уничтожение рукописи «История развития мирового земледелия (мировые ресурсы земледелия и их использование)», которая была подготовлена в 1940 – 1941 годах во время следствия [15, с. 639, 640].

9 июля 1941 г., в день вынесения смертного приговора Н.И. Вавилову, по трем пунктам 58 статьи был приговорен к расстрелу и А.С. Бондаренко, тот самый, который в марте 1935 г. подписал донос на академика. Теперь его тоже обвиняли в том, что он «с 1937 года являлся одним из руководящих участников антисоветской вредительской организации в системе сельскохозяйственной академии и был связан с агентурой американской разведки». Приговор привели в исполнение 27 июля 1941 г.

15 октября 1941 г. Н.И. Вавилова вместе с тысячами других заключенных этапировали в Саратов. 29 октября он оказался в саратовской тюрьме. Последний публикуемый ниже документ дает представление о предыстории отмены смертного приговора и замены его, согласно постановлению Президиума Верховного Совета СССР от 23 июня 1942 г., «двадцатью годами лишения свободы в исправтрудлагерях» [5, с. 842]. Он показывает, что этому шагу предшествовали переговоры между высшими чинами наркомата госбезопасности. На документе имеются карандашные пометки: «Тов. Меркулов, переговорите со мной. Л.П. Берия. 31/V-42», «Тов. Судоплатов. Доложите т. Берия. Переговорите со мной. М. 9.VI». В результате этих переговоров появилось ходатайство В.Н. Меркулова от 13 июня 1942 г. о замене высшей меры наказания [5, с. 841], а вслед за этим и упомянутое решение Президиума Верховного Совета СССР. Теперь ясно, что судьба академика решалась тогда не на заседании президиума, а на Лубянке.

Последующие события показали, что отмена высшей меры была не актом милосердия, а тактическим шагом. 26 января 1943 г. академик умер в больнице саратовской тюрьмы, если верить медицинской справке, от крупозного воспаления легких [5, с. 843]. В действительности же в больницу ученый поступил в безнадежном состоянии, совершенно истощенный от недоедания и невыносимых условий содержания. И нет никакого сомнения в том, что речь шла о санкционированном свыше убийстве [9, с. 148]. Так завершился трагический путь гениального ученого на Голгофу, который начался в середине 30-х годов.

В заключение хотелось бы выразить нашу признательность за помощь в работе заведующему Архивом Президента Российской Федерации А.В. Короткову, сотрудникам этого архива Л.П. Киевской и С.А. Мельчину, а также сотруднику Центрального архива ФСБ РФ В.А. Гончарову и кандидату биологических наук П.П. Бережному.

Я.Г. РОКИТЯНСКИЙ,
кандидат исторических наук,
Ю.Н. ВАВИЛОВ,
доктор физико-математических наук

ЛИТЕРАТУРА

1. *Резник С.* Николай Вавилов. М.: Мол. гвардия, 1968.

2. *Поповский М.* Дело академика Вавилова. М.: Книга, 1990.

3. *Сойфер В.* Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. Нью-Йорк: Эрмитаж, 1989.

4. *Медведев Ж.* Взлет и падение Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929– 1968). М.: Книга, 1993.

5. *Вавилов Ю.Н., Рокитянский Я.Г.* Голгофа. Архивные материалы о последних годах жизни академика Вавилова (1940 – 1943) // Вестник РАН. 1993. № 9.

6. *Левина Е.С.* Вавилов, Лысенко, Тимофеев–Ресовский... М.: “Аиро-XX”, 1995.

7. *Бахтеев Ф.Х.* Николай Иванович Вавилов. Новосибирск: Наука, 1987.

8. *Тахтаджян А.* Континенты Вавилова // Возвращенные имена. Сборник публицистических статей в 2-х книгах. М.: Изд-во АПН, 1989.

9. *Амусин А.* «Я служил Родине, а не правительству» // Волга. 1991. №2.

10. Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия. 1929–1940 // Научное наследство. Т. 10. М.:Наука, 1987.

11. Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 30. Д. 63. Л. 142– 146.

12. *Вавилов Ю.Н.* «Это не только национальное самоубийство, но и удар в лицо цивилизации» (неизвестное письмо американского ученого в защиту советских генетиков) // Вестник РАН. 1992. № 6.

13. *Соловьев Ю.И.* Забытая дискуссия о генетике // Вестник РАН. 1994. № 1.

14. *Лебедев Д.В., Колчинский Э.И.* Последняя встреча Н.И. Вавилова с И.В. Сталиным (Интервью с Е.С. Якушевским) // Репрессированная наука. Вып. II. СПб.: Наука, 1994.

15. *Вавилов Н.И.* «Жизнь коротка, надо спешить». М.: “Советская Россия”, 1990.

ПРИЛОЖЕНИЕ*

Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина. Президиум.
9 апреля 1934 года

ПИСЬМО Н.И. ВАВИЛОВА В ОГПУ**

ОГПУ
г. *Ростов-на-Дону*

1-го апреля с.г. на Станции Отрада Кубанская, где находится Северо-Кавказское Отделение ВСЕСОЮЗНОГО Института РАСТЕНИЕВОДСТВА, был арестован директор этого отделения профессор Сергей Леонидович СОБОЛЕВ[1] и направлен в Ростов.

Арест этот явился совершенно неожиданным и для местных работников и для Центра и поставил Отделение, представляющее крупнейшую С-Х Опытную станцию, в очень тягостное положение, – ввиду полного разгара посевной кампании, большой и сложной работы, которая была проводима под личным руководством проф. СОБОЛЕВА по множеству культур.

Хотя нами и приняты меры к тому, чтобы обеспечить проведение работы, но все же часть работ, которая была связана персонально с проф. СОБОЛЕВЫМ, провести, очевидно, не удастся.

Проф. СОБОЛЕВ является крупным научным работником и организатором. В Институте Растениеводства он работает с 1929 г., когда ему было поручено заведование Дальне-Восточным Отделением; с 1931 г. он принял на себя заведование Северо-Кавказским Отделением.

Надо отметить определенно огромные заслуги проф. СОБОЛЕВА по организации работы на Северо-Кавказском Отделении. Несмотря на большие трудности, связанные с недостатком рабочих рук, тяжелым положением с продовольствием и недостатком строительных материалов, проф. СОБОЛЕВ привел Отделение в порядок, наладил прекрасно работу. В короткое время Северо-Кавказская Станция начала становиться образцовым учреждением. Работа проф. СОБОЛЕВА, проходившая на глазах большого коллектива рабочих и научных работников, в том числе центральных, приезжавших для работы в летнее время на Станцию, вызывала всеобщее уважение. Не покладая рук, нередко буквально голодая, профессор СОБОЛЕВ показывал при-

* В публикуемых документах сохранены орфография и пунктуация оригинала. – *Ю.В., Я.Р.*

** Письмо Н.И. Вавилова напечатано на бланке Президиума ВАСХНИЛ.

мер, как надо работать. В каких трудных условиях проходила эта работа можно судить по тому, что в начале лета пр. года проф. СОБОЛЕВ и его жена от недоброкачественного хлеба (большого количества мякины) перенесли тяжелую болезнь.

Повторяю, что глубокая преданность работе, энтузиазм, организационные способности и большой научный авторитет выделяли проф. СОБОЛЕВА, вызывая к нему всеобщее уважение.

На Дальнем Востоке также проф. СОБОЛЕВЫМ проведена большая работа в довольно трудных условиях. В результате им опубликована книга «РАСТЕНИЕВОДСТВО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА». Несмотря на большую организационную и административную работу, проф. СОБОЛЕВ вел большую научную работу, подготавливая вторую книгу по культурам Северного Кавказа.

Мне известно также и прошлая работа проф. СОБОЛЕВА, когда он состоял профессором Ленинградского С-Х Института в первые годы, когда Институт только организовывался.

Во всей своей работе проф. СОБОЛЕВ проявил себя исключительно преданным делу, не взирая ни на какие трудности вел энергично продуктивную работу. Среди студенчества на Дальнем Востоке также, как и в Ленинграде, и в Детском Селе проф. СОБОЛЕВ пользовался исключительной любовью и уважением.

В последние годы, в особенности благодаря трудностям с питанием и нелегким условиям работы, здоровье проф. СОБОЛЕВА несколько пошатнулось, в особенности благодаря исключительно напряженной нервной работе, связанной с организацией Станции. Возраст проф. СОБОЛЕВА, несмотря на его внешнюю моложавость, – уже шестой десяток лет.

Принимая все вышеизложенное, учитывая большие заслуги профессора СОБОЛЕВА С.Л. в области советской науки, я позволю себе просить ОГПУ об ускорении следствия и о представлении профессору СОБОЛЕВУ возможно лучших условий его содержания.

Президент Академии с-х наук имени Ленина,
член ЦИК СССР, академик Н. Вавилов.

ВЕРНО: А. Хват.

(Центральный архив ФСБ РФ. Р–2311. Т. 8. Л. 230 – 231. Машинописная копия. Подпись А.Г. Хвата – автограф. На подписи штамп с надписью: «Наркомат государственной безопасности СССР»)

2

ПИСЬМО ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА ВАСХНИЛ А. БОНДАРЕНКО И ПАРТОРГА ВАСХНИЛ С. КЛИМОВА СТАЛИНУ

Секретно ЦК ВКП(б) т. Сталину И.В.

Считаем долгом большевиков довести до Вашего сведения нижеследующее. Наряду с тем, что подавляющее число наших научных работников самым *честным и добросовестным* образом отнеслось к решению ЦК и Совнаркома о ликвидации недостатков в работе Академии и, в первую очередь, ликвидации разрыва между теорией и практикой, группа старых ученых (Н. Вавилов, Е. Лискун[2], М. Завадовский[3], Д. Прянишников[4]) с явной враждебностью относятся к мероприятиям, проводимым партийной частью Президиума во исполнение этих директив.

Группа эта возглавляется Президентом Академии Н.И. Вавиловым, настроение которого стало особенно враждебным после лишения его звания члена ЦИК на VII

Съезде Советов и в связи с отменой чествования его юбилея, реклама о котором была им широко организована как внутри, так и за пределами нашего Союза[5].

Вавилов всегда горой стоит за вредителей. Когда ему указали на безобразное положение филиала Всесоюзного Института Растениеводства в ДВК, он, рассвирепев, заявил, что, когда там были Соболев и Савич[6] (вредители), то дела шли «блестяще» – «это были честные самоотверженные люди!» Не было случая, чтобы Вавилов о комлибо из установленных вредителей (Таланов[7], Максимов[8], Левитский[9] и др.) сказал, что они преступники. Этим он всегда мешал нам правильно направить настроение массы научных работников. Окружен он постоянно самой подозрительной публикой.

В качестве Президента он фактически представляет в настоящее время отрицательную величину, фигурируя, как таковой, лишь в торжественных случаях. В Президиуме Академии он проявляет себя наиболее энергично лишь при отстаивании увеличения штатов и денег для своего института. Он находится постоянно в Ленинграде и изредка выезжает в Москву в месяц на 1 день и то больше по делам Академии наук. Всегда предпочитает, взявши какого-либо иностранца (Харланда или Меллера)[10] уехать на 6 месяцев в турне по СССР совершенно бесконтрольно.

При начале обследования Института Удобрений и Агропочвоведения Вавилов заявил, что *«академик Прянишников немедленно уйдет из Института, если осмелятся обследовать его лабораторию».*

Такая постановка вопроса имела целью терроризировать всех проверяющих. Проф. Мейстер[11] – крупнейший селекционер, член ВКП(б), отказывался участвовать в проверке работ Института Растениеводства.

Вавилов возглавляет Институт Генетики Академии наук СССР и там орудует совершенно бесконтрольно, окружив себя иностранцами (Меллер, Костов[12] и др.).

По поводу наших проверок он заявил, что «если бы непременный Секретарь Академии наук Волгин[13] вздумал его проверять, то он немедленно ушел бы». Этим *он стремился сузить и вырвать когти у наших обследователей.*

Очень близкий к нему проф. Лискун (кандидат в академики), отдыхавший во время VII Съезда Советов в Узком, под Москвой, со многими учеными, утверждал будто ученые приняли крайне резко и «считают неправильным» выступление т. Чернова[14] на VII Съезде по поводу недостатков сельскохозяйственной науки. Он даже утверждал, что многие «лучшие ученые» (?) уйдут из системы Наркомзема. Такие разговоры ведутся в среде близких к нему людей.

Наряду с тем *Вавилов всюду твердит о своем стремлении* в Индию, Персию, Китай – куда угодно за границу, что убеждает в его стремлении – подальше от СССР.

Нами проведена большая положительная работа – проверка выполнения тематических планов институтов за 1934 г. и в связи с этим проверка научных кадров. Метод проверки – создание бригад с участием высококвалифицированных ученых, как партийцев, так и беспартийных, детально изучающих работу каждой лаборатории в отдельности в свете выполнения задач, поставленных партией и правительством.

Обследования эти позволили выявить, разоблачить и снять с работы двурушников-предателей, участников бывшей контрреволюционной троцкистско-зиновьевской оппозиции и выявить наличие значительной засоренности институтов классово-враждебными элементами. Проверка кадров в обследованных институтах, как правило, проводилась совместно с партийными организациями. В результате обследований оказалась снятой довольно большая группа работников, причем работа институтов стала заметно улучшаться. Одновременно мы всячески выявляем и укрепляем надежный советский актив ученых.

В процессе изучения работы каждой лаборатории нами ведется решительная борьба с оторванностью научно-исследовательской работы от запросов социалистической практики, с так называемыми переходящими темами и с дробностью тематики. В качестве актуальной задачи нами ставится организация действенной помощи со стороны наших ведущих институтов колхозам и колхозникам в нынешнюю посевную кампанию и вопрос о конкретной реальной связи и научно-методической помощи хатам-лабораториям.

В процессе и в результате обследований нами ведется борьба с лжеспециалистами, эксплуатирующими доверие партии и правительства в своих личных корыстных целях (Гаман[15], Чижевский[16], Ильин[17]).

Вот *эта-то борьба за решительный поворот и перестройку науки в сторону практических запросов социалистического сельскохозяйственного производства, на что указывал т. Сталин на XVII съезде партии, и вызывает глухое сопротивление части старых научных работников,* пытающихся уклониться от выполнения прямых и непосредственных практических боевых задач.

Эта группа ученых пытается прикрыться формальной аргументацией о том, что постановление СНК СССР от 16 июля 1934 г. о реорганизации Академии еще не введено в действие, что до настоящего времени СНК не утвердил списка академиков и членов-корреспондентов, что, по их мнению, – Академия с.х. наук им. Ленина попросту «не существует».

Академик Вавилов и другие весьма часто противопоставляют работе Академии с.х. наук «традиции» Академии наук СССР, никогда (по словам Вавилова) не проверяющей непосредственно лабораторий, научных работников институтов и их руководителей.

Академик Вавилов постоянно и публично заявляет, что *всякая проверка работы высококвалифицированных научных работников является* попросту оскорбительной и «лично для него неприемлемой».

Именно в связи с этой предстоящей проверкой Института Растениеводства и с учетом той эффективности, которой удалось добиться после проверки ряда институтов, – небольшая группа вышеуказанных ученых заняла враждебную позицию по отношению к Академии с.х. наук и ее мероприятиям.

Мы рассматриваем это сопротивление как одну из форм классовой борьбы на данном этапе и в то же время считаем, что только методами тщательно организованной, научно-углубленной публичной проверки и изучения работ каждого научного работника, каждой лаборатории и института в целом, – добьемся коренного сдвига в работе наших институтов и в самом деле ликвидируем отрыв сельскохозяйственной науки от бурнорастущих запросов колхозов и колхозников.

Нами организованы в настоящее время в институтах «научные советы», представляющие собою научную общественность Института, перед лицом которой происходит публично работа отдельных лиц. Эта публичность дала возможность показать некоторых ученых в их истинном свете, что, конечно, им не может нравиться.

Партийная часть Президиума Академии считает правильной линию, которую она энергично проводит в настоящее время по выкорчевыванию всех элементов отрыва сельскохозяйственной науки от практики, по очищению институтов от классововраждебных элементов, по поднятию самой теоретической работы на более высокий уровень в соответствии с указаниями партии и правительства.

Если раньше, три–четыре года назад, эти же ученые резко выступали против возможности планирования науки, то теперь они столь же, если не больше, враждебно

относятся к *проверке* их работы. Мы же считаем, что проверка исполнения столь же актуальна в науке, как и в производстве.

Вышеописанные настроения и поведение группы ученых во главе с академиком Вавиловым не могут не тормозить разворачивание научной работы.

Это тем более опасно, что партийная прослойка среди научных работников продолжает оставаться количественно слабой и в научном отношении молодой. Что касается группы старых ученых, недавно принятых в партию (Тулайков, Серебровский[18]), то они за редким исключением (Мейстер) плетутся в хвосте за Вавиловым.

Вице-Президент Академии с.х. наук им. Ленина: Бондаренко[19]

Парторг Академии, член Президиума: Климов

27 марта 1935 г.

(Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 30. Д. 63. Л. 142–146. Машинопись. Подписи – автограф)

3

Подлежит возврату во II часть ОС ЦК СТРОГО СЕКРЕТНО Пролетарии всех стран, соединяйтесь! ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ. №П1717 5 апреля 1935 г.

ЧЛЕНАМ И КАНДИДАТАМ ПОЛИТБЮРО: т.т. Андрееву, Ворошилову, Жданову, Кагановичу, Калинину, Косиору Ст., Микояну, Молотову, Орджоникидзе, Петровскому, Постышеву, Рудзутаку, Сталину, Чубарю, Эйхе.

Тов. Ежову.

По поручению тов. Сталина посылается Вам *для ознакомления* записка т.т. Бондаренко и Климова (Академия с/х наук им. Ленина) от 27.Ш.35 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ: экз. № – на 5 листах.

ЗАВ. О[собым] С[ектором] ЦК

(Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 30. Д. 63. Л. 141. Машинопись)

4

ПОСТАНОВЛЕНИЕ НКГБ ОБ УНИЧТОЖЕНИИ МАТЕРИАЛОВ, ИЗЪЯТЫХ У Н.И. ВАВИЛОВА

«УТВЕРЖДАЮ»

НАЧ. СЛЕДЧАСТИ НКГБ СССР МАЙОР ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ *Шварцман*

29 июня 1941 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Гор. Москва, июня «21» дня, 1941 года. Я, Следователь Следственной Части НКГБ СССР, Лейтенант Государственной Безопасности, рассмотрев материалы обыска по следственному делу № 1500 изъятые при аресте ВАВИЛОВА Николая Ивановича, руководствуясь ст. 69 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

I. Уничтожить, как не имеющие ценности:

1. Черновые материалы ВАВИЛОВА Н.И. по заграничным поездкам в Абиссинию, США, Англию, Японию и другие страны. Всего в 92 папках.
2. Записных книжек и блокнотов с различными записями – 90 штук.
3. Разных фотоснимков – 114 шт.
4. Вырезки из заграничных газет на 17 листах.
5. Визитных карточек разных лиц на иностранных языках – 112 шт.
6. Вырезки из различных газет – 101 листах.

7. Различных старых газет – 33 шт.
8. Разные иностранные книги и брошюры и журналы – 71 шт.
9. Различных альбомов со снимками и грамотами – 19 шт.
10. Грамоты на имя ВАВИЛОВА – в 4 трубках.
11. Карта субтропических растений Грузии.
12. Различных фотопластинок.
13. Фотолента – 1 рулон.
14. Старые справки и командировочные удостоверения – 10.
15. Личная и служебная переписка ВАВИЛОВА в 9 папках.
16. Разные рукописи ВАВИЛОВА на русском и иностранных языках – 8 папок.
17. Атлас малый с картами – 1.
18. Разных географических и других карт – 10.
19. Военно-топографических карт – 11.
20. Разных писем на имя ВАВИЛОВА – 2 папки.
21. Разных заявлений ВАВИЛОВА – 1 папка.
22. Разных научных брошюр и книг по вопросам сельского хозяйства – 157.
23. Разных журналов на русском языке – 123.
24. Фотография КЕРЕНСКОГО[20] – 1.
25. Книги Н.И. Бухарина[21]
а) «Этюды»[22] – 1;
б) «Борьба двух миров и задачи науки»[23] – 1;
в) «Дарвинизм и марксизм»[24] – 1;
г) «Техника и экономика современного капитализма»[25]- 1.
26. Книга П.А. КРОПОТКИНА – «Записки революционера»[26]- 1.

II. Передать через 2 Отдел НКГБ СССР во Всесоюзную сельскохозяйственную академию им. Ленина:

1. Книг на иностранных языках – 13 шт.
2. Книгу автора КРЮКОВА «Славянские земли»[27] – 1.
3. Брошюру А.Д. МАКСИМОВА «Рекордные урожаи картофеля» – 1.
4. Книгу автора СТЕБУТА «Основы полевой культуры»[28] – 1.

III. Сдать в комендатуру НКГБ:

1. Винтовочных боевых патрон – 2 шт.
2. Старый кремневый пистолет с отделкой из белого металла – 1.

Следователь следчасти НКГБ СССР лейтенант госбезопасности А. Кошелев

«СОГЛАСЕН»

Пом. нач 1 отд. с/ч. НКГБ СССР ст. лейтенант госбезопасности А. Хват

(Центральный архив ФСБ. № Р-2311. Т. 8. С. 191-193. Машинопись. Подписи – автограф)

5

СПРАВКА О ПРИОСТАНОВЛЕНИИ ПРИГОВОРА Н.И. ВАВИЛОВУ

СПРАВКА

ВАВИЛОВ Николай Иванович, 1887 года рождения, урож. г. Москвы, до ареста вице-президент сельскохозяйственной академии им. Ленина.

Арестован 7 августа 1940 года, обвиняется по ст. ст. 58-1-а. 58-7-9 и 11 УК РСФСР.

Военной Коллегией Верхсуда СССР 9 июля 1941 года осужден к ВМН – расстрелу.

Приговор исполнением приостановлен. ВАВИЛОВ Н.И. зачислен за 4-м Управлением НКВД СССР тов. Судоплатовым. Пом. нач. I спецотдела НКВД СССР капитан госбезопасности:

Подобедов

«19» мая 1942г.

(Центральный архив ФСБ. № Р-2311. Т. 8. Л. 177. Машинопись. Подпись – автограф)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Соболев Сергей Леонидович (1883–1954) – профессор сельскохозяйственного факультета Владивостокского университета, с 1929 г. – заведующий Дальневосточным отделением ВИРа, с 1931 г. – директор его Северокавказского отделения, после освобождения – заместитель директора Майкопского отделения.

[2]Лискун Ефим Федотович (1873–1958) – селекционер, академик ВАСХНИЛ с 1934 г., с 1923 г. – заведующий кафедрой частной зоотехники Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева, был директором Всесоюзного научно-исследовательского института животноводства.

[3]Завадовский Михаил Михайлович (1891–1957) – зоолог, академик и вице-президент ВАСХНИЛ с 1935 г., с 1927 г. – профессор МГУ, в 1930–1948 гг. – заведующий кафедрой и лабораторией динамики развития, один из организаторов Всесоюзного научно-исследовательского института животноводства.

[4]Прянишников Дмитрий Николаевич (1865–1948) – физиолог, агрохимик, с 1929 г. – действительный член АН СССР, с 1935 г. – академик ВАСХНИЛ.

[5]Явная передержка. Н.И. Вавилов не собирался отмечать 25-летие своей научной и общественной деятельности особо, а хотел совместить его с 10-летним юбилеем ВИРа. Когда празднование 10-летия института было отложено, ученый отказался и от проведения мероприятий по случаю своего юбилея. (Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия. 1929–1940 гг. // Научное наследство. Т. 10. М., 1987. С. 275).

[6]Савич Владимир Михайлович – лесовод, профессор Владивостокского университета.

[7]Таланов Виктор Викторович (1871–1936) – растениевод и селекционер, член-корреспондент АН СССР с 1932 г., в 1926–1932 гг. работал в ВИРе, первый арест – в 1931 г., в 1933–1934 гг. находился в ссылке, освободился в 1935 г.

[8]Максимов Николай Александрович (1880–1952) – ботаник, физиолог растений, член-корреспондент АН СССР с 1932 г., академик с 1946 г., арестован в начале 1933 г., обвинен в принадлежности к партии эсеров, в июне 1933 г. выслан на три года в Саратов.

[9]Левитский Григорий Андреевич (1878–1942) – ботаник, цитолог, морфолог растений, член-корреспондент АН СССР с 1932 г., арестован в январе 1933 г., сослан в Ачинск, вернулся в 1934 г., арестовывался в 1937 г. на сутки, затем 28 июня 1941 г., находился в Златоустовской тюрьме; по слухам, умер в тюремной больнице.

[10]Харланд Дж. – английский генетик и селекционер, директор Британской опытной станции по хлопководству на острове Тринидад; Меллер Герман Джозеф (1890–1967) – американский генетик, один из основоположников радиационной генетики, лауреат Нобелевской премии (1946), иностранный член АН СССР с 1933 г. Н.И. Вавилов пригласил Харланда и Меллера в СССР. Меллер работал в Институте генетики в 1933–1937 гг., Харланд приезжал в СССР в 1933 г.

[11]Мейстер Георгий Карлович (1873–1938) – селекционер и генетик, в 1920–1937 гг. – директор Саратовской сельскохозяйственной опытной станции, заведующий кафедрой генетики и селекции Саратовского сельскохозяйственного института, с 1935 г. –

академик ВАСХНИЛ, с 1937 г. – вице-президент ВАСХНИЛ, в 1937–1938 гг. исполнял обязанности ее президента, арестован в 1938 г.

[12]Костов Дончо Стоянов (1897–1949) – болгарский генетик, член Болгарской АН с 1946 г., в 1932–1939 гг. работал в Институте генетики АН СССР, в 1932–1936 гг. – профессор ЛГУ, в 1939–1947 гг. – директор Центрального сельскохозяйственного исследовательского института в Софии.

[13]Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962) – историк, академик с 1930 г., в 1930–1935 гг. –непременный секретарь АН СССР.

[14]Чернов Михаил Александрович – нарком земледелия СССР.

[15]Гаман А.Н. – сотрудник Электробиологической лаборатории ВИР.

[16]Чижевский Александр Леонидович (1897–1964) – биолог, один из основоположников гелиобиологии и космической экологии, в 1939 г. избран заочно почетным президентом первого Международного конгресса по космической биологии в Нью-Йорке.

[17]Ильин – сотрудник Института генетики АН СССР.

[18]Серебровский Александр Сергеевич (1892–1948) – биолог, генетик, с 1933 г. – член-корреспондент АН СССР, с 1935 г. – академик ВАСХНИЛ, в 1930–1948 гг. заведующий кафедрой генетики МГУ.

[19]Бондаренко Александр Степанович (1883–1941) – в 1925–1926 гг. – заместитель председателя Союзглавсахара, в 1926–1930 гг. – слушатель Института красной профессуры, с 1931 г. – академик ВАСХНИЛ, в 1931–1935 гг. – вице-президент ВАСХНИЛ, в 1935–1936 гг. – ученый секретарь ВАСХНИЛ, в 1936–1937 гг. – директор Института свекловодческого полеводства ВАСХНИЛ, – арестован 8 февраля 1941 г. и 27 июля расстрелян.

[20]Керенский Александр Федорович (1881–1970) – адвокат, лидер фракции трудовиков в IV Государственной думе, с марта 1917 г. – эсер; во Временном правительстве: министр юстиции, военный и морской министр, с 21 июля – глава правительства, с 12 сентября – верховный главнокомандующий, после октябрьского переворота эмигрировал.

[21]Бухарин Николай Иванович (1888–1938) – экономист, философ, публицист, видный деятель большевистской партии, член ЦК и политбюро, в 1929 г. отстранен Сталиным от руководства партии, в 1937 г. арестован, в 1938 г. расстрелян.

[22]Имеется в виду книга Н.И. Бухарина «Этюды» (М.-Л., 1932).

[23]В основу книги Н.И. Бухарина «Борьба двух миров и задачи науки (Наука СССР на всемирно-историческом перевале)» (М.-Л., 1931) лег доклад, прочитанный им в июне 1931 г. на выездной сессии АН СССР в Москве по теме “Что может дать наука для осуществления лозунга «догнать и перегнать» капиталистические страны?”

[24]Имеется в виду книга «Дарвинизм и марксизм» (М.-Л., 1932). Здесь воспроизведен доклад Н.И. Бухарина на торжественном заседании, посвященном 50-летию со дня смерти Ч. Дарвина. Оно проходило 19 апреля 1932 г. в Колонном зале Дома Союзов.

[25]Бухарин Н.И. Техника и экономика современного капитализма. Речь на торжественном годовом собрании Академии наук СССР 29 февраля 1932 г. (Л., 1932).

[26]Имеются в виду воспоминания теоретика анархизма Петра Алексеевича Кропоткина (1842–1921). Они были опубликованы в Лондоне в 1906 г. и после 1917 г. неоднократно переиздавались в нашей стране.

[27]Крюков Н.А. Славянские земли. Сельское хозяйство в славянских землях в связи с общим развитием этих стран. Т. 1-2 (Пг., 1914).

[28]Стебут И.А. Основы полевой культуры и меры к ее улучшению в России. Т. 1-2. 2-е изд. М., 1882–1884.

ПИСЬМО НОБЕЛЕВСКОГО ЛАУРЕАТА Г. ДЕЙЛА ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМИИ НАУК СССР[1]

Настоящее письмо было послано сэром Генри Г. Дэйлом, занимавшим пост президента Королевского общества с 1940 по 1945 год, президенту Академии Наук СССР. Оно было опубликовано в газете «Таймс» 27 ноября 1948 года[2].

Господин Президент!

Я пришел к решению, вынудившему меня к отказу от звания почетного члена Академии Наук СССР, каковым я был избран в мае 1942 года.

Когда Ваш выдающийся предшественник академик В. Л. Комаров письменно уведомил меня об оказанной мне чести, в своем письме он сослался на тот факт, что я в то время состоял председателем Лондонского Королевского общества. Я верю. что многие британские ученые расценили и приветствовали мое избрание в то время, как символ общности целей ученых наших двух стран, которые уже около года совместно вели войну против гитлеровской Германии, защищая, как мы верили, свободу науки, как и свободу всех других достойных видов человеческой деятельности, от угрозы агрессивной тирании.

В том же 1942 году Лондонское Королевское общество избрало Николая Ивановича Вавилова в число своих 50 иностранных членов. При поддержке и поощрении Ленина он имел возможность, будучи первым директором Института генетики имени Ленина, положить начало и способствовать дальнейшему быстрому росту участия исследователей СССР во всемирном прогрессе генетики, который последовал за признанием открытий Менделя. Использование им этих возможностей рассматривалось как приносящее большую пользу сельскому хозяйству Советского Союза. Мы хотели почтить эти заслуги как большой вклад в мировую науку. Однако, в Британии стало известно уже в 1942 году, что Н. И. Вавилов каким-то образом впал в немилость тех, кто пришел после Ленина, хотя причина этому оставалась неизвестной. Мы могли лишь предположить, что она имела политический характер и не имела отношения к его научным достижениям. Только в 1945 году Королевскому обществу стало известно, что он был смещен со своего поста, исчез вместе с некоторыми из своих сотрудников по генетике и умер неизвестно когда между 1941 и 1943 годами. Повторные запросы об указании лишь даты и места его смерти, адресованные Вашей Академии Королевским обществом через все открытые для этого возможности, остались без всякого ответа. Насколько мне известно, Королевское общество еще до сих пор не было официально уведомлено о том, был ли жив этот выдающийся русский ученый во время избрания его в число иностранных членов Королевского общества.

Недавние события, о которых теперь получены полные сведения, осветили то, что случилось. Покойный Н.И. Вавилов был заменен Т.Д. Лысенко, проповедником доктрины эволюции, которая по сути дела отрицает все успехи, достигнутые исследователями в этой области со времен, когда в начале XIX столетия были опубликованы рассуждения Ламарка. Хотя труды Дарвина все еще формально признаются в Советском Союзе, его основное открытие будет теперь отвергаться. Все великое построение точного знания, которое продолжает расти усилиями последователей Менделя, Бейтсона и Моргана, подлежит отрицанию и поношению; и последние немногие, которые еще содействовали его созданию в СССР, теперь лишены своих положений и возможностей.

---

[1] Президентом АН СССР в период 1945-1951 был С.И. Вавилов.

[2] Ниже приводится перевод письма Г. Дейла, опубликованный в газете «Британский союзник», N 50(331), 12 декабря 1948 г.

Это – не результат честного и открытого конфликта научных мнений. Из предъявлений и заявлений самого Лысенко ясно, что его догмат установлен и насильно введен Центральным Комитетом коммунистической партии как отвечающий политической философии Маркса и Ленина. Многие из нас, г-н Президент, с гордостью считали, что в науке, общей для всего мира, нет политических границ или национальных разновидностей. Однако теперь эта наука должна быть отделена от “советской науки” и порицаема как “буржуазная” и “капиталистическая”.

Постановления, изданные Президиумом Вашей Академии 27 августа текущего года, являются ясным выражением этой политической тирании. Мой старый уважаемый друг академик Орбели, выдающийся неврофизиолог, последователь школы вашего великого Павлова, снят с поста секретаря Отделения биологических наук Вашей Академии за то, что он не сумел предвидеть Ваши постановления, ограничивающие всю исследовательскую и преподавательскую работу в области генетики в СССР, подчиняя ее этой политически навязанной ортодоксии. Время покажет, потребуется ли такое подчинение догме и в других отраслях науки. Пока нам известно только то, что генетика, которую поощрял Ленин, теперь запрещается как чуждая его политической философии.

С тех пор как Галилей угрозами был принужден к своему историческому отречению, было много попыток подавить или исказить научную истину в интересах той или иной чуждой науке веры, но ни одна из этих попыток не имела длительного успеха. Последним потерпел в этом неудачу Гитлер. Считая, г-н Президент, что Вы и Ваши коллеги действуете под аналогичным принуждением, я могу лишь выразить Вам свое сочувствие. Что касается меня самого, пользующегося свободой выбора, я верю, что я оказал бы дурную услугу даже моим коллегам по науке в СССР, если бы я продолжал связь, которая казалась бы в согласии с действиями, согласно которым Ваша Академия теперь ответственна за тот ужасный вред, нанесенный свободе и целостности науки, под каким бы давлением это ни было бы сделано.

С глубоким сожалением я должен просить Вас исключить меня из числа почетных членов Вашей Академии.

Уважающий Вас *Генри Г. Дэйл*

ИЗ ПИСЬМА Ю.Н.ВАВИЛОВА ПИСАТЕЛЮ АРКАДИЮ ВАКСБЕРГУ

... В своей книге «Нераскрытые тайны» вы с неким сочувствием пишете о «профессоре-аграрнике» Г.Н.Шлыкове, которого пытал Шварцман (полковник Лев Шварцман, впоследствии расстрелянный. – А.В.). Наверное, вы не знаете, что Шлыков был автором многочисленных доносов на Н.И.Вавилова. Он был ярым сторонником главного организатора ареста моего отца – Т.Лысенко... Думаю, что Бог его покарал. Вспоминается в связи с этим поговорка: «Не рой другому яму – сам в нее попадешь»... Текст доноса Шлыкова есть во Всероссийском институте растениеводства им. Н.И.Вавилова в Санкт-Петербурге. Я его читал.

Ю.Н.Вавилов, сын Н.И.Вавилова, доктор физ.-мат. наук

ОТВЕТ А.ВАКСБЕРГА Ю.ВАВИЛОВУ («Литературная газета» 27.07.1994 г. N 30)

Дорогой Юрий Николаевич!

Еще из устных рассказов Марка Поповского тридцатилетней давности я хорошо помню о клеветнических доносах Шлыкова на Н.И. Вавилова. Но, увы, не соотнес «того» Шлыкова с «этим», так сказать, не идентифицировал его. Сожалею... Что же до сочувствия, то вопрос, мне кажется, не так прост.

Вот что написал я в книге о деяниях подручного Берии и Абакумова – чудовищного полковника Шварцмана, одного из лубянских палачей, перечисляя лишь некоторых из его жертв: «Профессор-аграрник Григорий Шлыков, на котором Шварцман проверял прочность своих подкованных сапог... Он... безуспешно пытался повеситься. Вынутого из петли Г.Н. Шлыкова Шварцман бросил в обледенелый карцер, не разрешив взять с собой никакой одежды и обуви, кроме тапочек и нижнего белья. Целые сутки при минусовой температуре профессор прыгал на месте, чтобы не замерзнуть, читая надписи на стенах, нацарапанные его предшественниками: «Да здравствует родная партия» и «Слава великому Сталину». Честно говоря, никакой радости от того, что доносчика постигло такое возмездие, я не испытываю. Тем более, что постигало оно далеко-далеко не всех. В этой случайной избирательности, бесконечно далекой от желанного торжества неизбежности, тоже заключена какая-то насмешка над справедливостью. Да и методы отмщения, мягко говоря, неприемлемы, безотносительно к тому, кто попал под жернова машины уничтожения.

Драма в другом: попав в ту яму, которую Шлыков и ему подобные рыли для других, какой урок они извлекли? Никакого. Никакого и не могли. Пострадав от Системы, которую сами же создавали и которой верно служили, они считали свои муки случайной и роковой ошибкой этой Системы, а не ее порождением. Самый наглядный пример – все тот же Судоплатов, отбухавший в ГУЛАГе 15 лет и до сих пор боготворящий режим, который его туда загнал. Я таких встречал немало, и вы, думаю, тоже. Раб, с упоением лижущий руку хозяина, – этим емким и зримым образом пользовался, помнится, их кумир.

ВОСПОМИНАНИЕ С.Э. ШАПОШНИКОВОЙ ОБ ЭТАПИРОВАНИИ Н.И. ВАВИЛОВА В САРАТОВСКУЮ ТЮРЬМУ[1]

В октябре 1941 г. заключенных переправляли из Москвы в Саратов. Несколько тысяч заключенных провели ночь – на корточках – на Курском вокзале, затем две недели в столыпинских вагонах. В Саратове, в пешем переходе от вокзала до тюрьмы, Сусанна Эмильевна видела академика Вавилова. Он шел очень трудно. Непомерных размеров опухшие ноги – одна была босая (конец октября!), на другой – привязанная веревкой калоша. Вещи заключенных везли на телегах.

Тюремная изоляция обостряет наблюдательность: камеру Сусанны Эмильевны выводили на прогулку сразу после обеда – около каждой двери еще стояли не унесенные пустые миски. Они были разные – для больничного питания и для обыкновенного. Около дверей соседней камеры, в первое время, всегда стояла одна больничная миска. По слухам там находился больной Вавилов.

[1] Опубликовано в книге: Т.П. Милютина. «Люди моей жизни» – Тарту. Крипта, 1997 г.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ИРИНЫ КАЗИМИРОВНЫ ЯНКОВСКОЙ (ПИОТРОВСКОЙ)[1]

Зимой 1942 года, находясь в третьем корпусе саратовской тюрьмы для подследственных политических заключённых, я заболела. Из камер стали выводить больных, чтобы отправить в тюремную больницу, и в ожидании «чёрного воронка» в тюремном дворе всех поставили лицом к стене. Я плакала то ли от болезни, то ли от страха... Справа от меня стоял пожилой, очень худой мужчина в длинном чёрном пальто. Разговаривать строго запрещалось, но он вполголоса всё-таки обратился ко мне: «Не плачь, ты ещё маленькая, большого срока не дадут. Пожалуйста, запомни меня. Я академик Вавилов...»

Подогнали «воронок», и началась посадка. В кузове в одиночные боксы нас вталкивали по двое, и я оказалась на коленях у академика. Он повторил ещё раз свою фамилию, сказал: «Когда будешь в Москве, расскажи, что в саратовской тюрьме встретила академика Николая Ивановича Вавилова, обязательно расскажи. Ты совсем ещё девочка, ты выживешь, береги себя». Путь был короткий, довезли нас быстро, но Николай Иванович успел рассказать смешной анекдот, чтобы меня подбодрить. Больше мы не встречались...

Я рассказала о встрече с ним лишь в пятьдесят восьмом...

ИЗ ДОКУМЕНТОВ, ПОЛУЧЕННЫХ Ю.Н. ВАВИЛОВЫМ В АРХИВЕ ФСБ

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ ЯКУШКИНА ИВАНА ВЯЧЕСЛАВОВИЧА, 1885 Г. РОЖДЕНИЯ, ЗАВ. КАФЕДРОЙ РАСТЕНИЕВОДСТВА ТИМИРЯЗЕВСКОЙ С.Х. АКАДЕМИИ АКАДЕМИКА ВАСХНИЛ, ЧЛЕНА КПСС С 1944 ГОДА

Москва 11 июня 1955 г.

Допрос проводит Военный следователь по важнейшим делам при Главном военном прокуроре Вооруженных сил Союза ССР, майор юстиции Колесников[2].

По существу дела показываю: Вавилова Николая Ивановича я знал со студенческих лет. Знал я его также по практической работе, но в одном учреждении мы с ним никогда не работали. Встречались иногда на разных совещаниях в Москве.

О Вавилове Н.И. могу сказать, что он был крупный ученый в области растениеводства, ученый с мировым именем. Он много путешествовал и написал ряд работ, которые представляют значительный интерес. Однако в личных беседах с Вавиловым, как мне припоминается, он высказывал некоторое неверие в колхозы того времени. Кроме того, он был очарован Америкой, слишком увлекался постановкой сельскохозяйственного дела в Америке. К недостаткам Вавилова Н.И. относится также его самолюбие, он был чрезмерно самолюбив. Непосредственного общения с Вавиловым Н.И. в руководимых им научных учреждениях я не имел, а поэтому сказать что-либо о его деятельности в этих учреждениях с достоверностью не могу. Однако в 1941 году в июле или августе меня, Водкова[3], Мосолова[4], Чуенкова[5] и Зубарева[6] вызвали в МГБ и следователь (фамилию не знаю) предложил нам дать заключение о работе Вавилова Н.И.

[1] Из книги Валерия Янковского «От гроба Господня до гроба ГУЛАГА», г. Ковров, 2001 г. Изд-во ООНПО Маштекс.

[2] Майор юстиции Николай Иосифович Колесников провел огромную работу по реабилитации Н.И. Вавилова, доказав, что обвинение против него было целиком сфальсифицировано.

[3] Водков А.П. – зам. начальника Главсортурпа Наркомзема СССР.

[4] Мосолов В.В. – вице-президент Всесоюзной сельскохозяйственной акакдемии им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ).

[5] Чуенков С.В. – зам. Наркома земледелия Союза ССР.

[6] Зубарев А.И. – Ученый секретарь секции растениевидства ВАСХНИЛ.

Мы знали, что Вавилов был перед этим арестован, но был ли он к этому времени осужден, я лично не знал. Тогда же Чуенков и Водков предложили готовый текст акта экспертизы, но кто его составлял, я не знаю, но возможно Чуенков и Водков. Однако могу сказать, что наша эта комиссия экспертов не занималась глубокой исследовательской работой по проверке деятельности Вавилова Н.И. Экспертиза была произведена очень быстро, под известным давлением со стороны следователя. Дача заключения по делу Вавилова выразилась в том, что один из наших экспертов, Чуенков или Водков, зачитал готовый текст заключения, мы его прослушали и стали подписывать. Я тогда, естественно, не мог вникнуть в суть этого заключения, со многими фактами, указанными в заключении, я был тогда не согласен, но не подписать заключение тогда я не мог, так как была такая обстановка, что боязно было отказаться от подписи заключения.

Почему не подписал заключение Мосолов я не знаю.

Из экспертов, кроме меня, в настоящее время живы Водков и Зубарев. Мне известно, что Водков работал последнее время директором Института зернового хозяйства в Саратове и в этом году за плохую работу он был снят с этого поста и уехал из Саратова, но куда – никто не знает.

Зубарев живет в Москве, он болен, не работает, находится на пенсии. Мне кажется, что Зубарев психически болен, так как два года тому назад он получил сотрясение мозга и сейчас при разговоре путается и заговаривается.

Чуенков и Мосолов умерли.

Дополняю свои показания тем, что и в настоящее время я не согласен со многими утверждениями заключения экспертизы о деятельности Вавилова Н.И., в частности, по вопросу о кукурузе, о чае, о хлопке, о создании институтов сои, цикория и т.д. Вся беда в том, что мы подписали готовый текст заключения, не исследовав глубоко деятельность Вавилова Н.И.

На следствии я признал себя виновным, хотя знал, что я ни в чем не виновен. Признал же я себя виновным потому, что хотел жить, а я знал, что если не признаю себя виновным, то жить будет невозможно. Насколько я припоминаю, на допросах по моему делу я касался и Вавилова Н.И., но точно этого не помню. Однако меня не судили, а в 1931 году мне было объявлено о прекращении моего дела и я был освобожден из-под стражи.

Хочу показать еще о следующем: в 1931 году, тотчас же после моего освобождения из заключения в гор. Воронеже я был завербован сотрудником ОГПУ в качестве секретного сотрудника ОГПУ, каковым я являлся до 1 ноября 1952 или 1953 года, когда меня освободили от этой работы. Являясь секретным сотрудником ОГПУ, я направлял в ОГПУ агентурные донесения, в частности, о Вавилове Н.И. Таким образом, я был очень привязан к ОГПУ и естественно не мог быть объективным при даче оценки работы Вавилова Н.И. Поэтому, когда я был назначен экспертом по делу Вавилова Н.И., то, будучи несогласным со многими положениями заключения, а также будучи слишком привязанным к ОГПУ, я не мог вносить либо требовать внесения каких-либо корректив в заключение экспертизы по делу Вавилова Н.И.

В 1941 году, когда назначалась экспертиза по делу Вавилова Н.И., я был предупрежден, но кем не помню из работников НКВД, о том, чтобы я никому не говорил о том, что в 1930 году я писал донесения в ОГПУ и в последующие годы – в отношении Вавилова Н.И.. Видимо, я был специально подобран в качестве эксперта, как секретный сотрудник НКВД, который мог легко пойти на дачу необходимого заключения по делу Вавилова Н.И.

В связи с тем, что я решил быть искренним до конца, хочу сообщить следующее: члены экспертной комиссии Водков, Чуенков, Мосолов и Зубарев были враждебно настроены против Вавилова Н.И. Водков просто ненавидел Вавилова Н.И., Чуенков был под большим влиянием Лысенко и являлся естественным противником Вавилова Н.И.; Зубарев также был сотрудником у Лысенко и находился под большим его влиянием, являясь также противником Вавилова, а Мосолов, являясь помощником Лысенко, также являлся противником Вавилова Н.И.

Таким образом, экспертная комиссия была создана следователем весьма искусно с определенной целью – дать заведомо предвзятое и обвинительное заключение о деятельности Вавилова Н.И.

В декабре 1954 года ко мне домой приходили 2 следователя из КГБ, которые показали мне заключение экспертизы по делу Вавилова Н.И., после чего один из них написал протокол моего допроса, в котором было указано о том, что в основном факты, изложенные в этом заключении, я подтверждаю. Хотя я и не был согласен со многими положениями заключения, но, как бывший сотрудник НКВД, я счел неудобным не подписать этот протокол допроса и я его подписал в том виде, как это было написано следователем. Протокол записан с моих слов правильно и мною лично прочитан.

Подпись — *Якушкин*

Военный прокурор отдела
майор юстиции — *Колесников*

ИНТЕРВЬЮ Н.И. ВАВИЛОВА В ПАРИЖСКОМ ТАКСИ[1]

В ноябре 1997 г. исполняется 110 лет со дня рождения гениального российского ученого Николая Ивановича Вавилова (1887–1943). Вниманию читателей предлагается перевод интервью ученого, опубликованного 14 февраля 1933 г. в парижской газете «Пари Миди». Перевод хранится в следственном деле академика в Центральном архиве Федеральной службы безопасности в Москве[2]. В числе других материалов он был использован сотрудниками НКВД в конце 30-х годов и в 1940 г. для обоснования необходимости его ареста [1, т. 8, л. 124,144; 2]. В постановлении чекистов от 6 августа 1940 г. отмечалось: "Парижская газета «Пари Миди» в феврале м-це 1933 г. в момент нахождения ВАВИЛОВА в Париже поместила интервью своего корреспондента с ВАВИЛОВЫМ, в котором от имени ВАВИЛОВА было сделано заявление такого содержания: «Я служу не правительству, а моей стране. Я раньше был царским приват-доцентом, а остался жить в своей стране, которая является по-прежнему Россией" [2, л. 835-836].

Сравнение этого отрывка с соответствующим местом публикации свидетельствует о весьма произвольном обращении сотрудников НКВД с текстом интервью. В качестве цитаты они приводили не текст, а передавали общий смысл сказанного. Судя по карандашным подчеркиваниям (их десять) и пометками на полях, в интервью тщательно выискивался криминал.

В Париж Вавилов заехал в феврале 1933 г. на обратном пути из Америки. Как официальный представитель СССР он принимал в США участие в работе VI Международного конгресса генетиков, а затем по поручению Наркомздрава провел экспедиционные сборы семян хинного дерева, хлопчатника и зерновых культур в Мексике, Перу, Боливии, Эквадоре, Аргентине, Уругвае, Бразилии, а также на Кубе и Тринидаде. В Париже Вавилов по предложению Общества культурных связей с СССР прочел три лекции [1, т. 4, л. 77].

Публикуемый материал интересен не только с чисто биографической точки зрения, ценными сведениями о пребывании ученого в Париже. Он дает представление о его взглядах и общих представлениях об «аграрной революции», о путях решения человечеством продовольственной проблемы и достижения гармоничного развития. Высказывания Вавилова существенно расходились с концепцией И.В. Сталина и его окружения.

Из Франции Н.И. Вавилов отправился в Германию. В Галле он прочел лекции о развитии советской агрономической науки, осветил вопросы происхождения культурных растений, кстати, затронутые также и в публикуемом интервью [1, т. 4 с. 77]. Это была его последняя зарубежная поездка. После 1933 г. путь Вавилову за границу был навсегда закрыт. Он стал «невыездным». Не исключено, что какую-то роль в этом сыграло и публикуемое ниже интервью.

Ю.Н. ВАВИЛОВ,
доктор физико-математических наук,
Я.Г. РОКИТЯНСКИЙ,
кандидат исторических наук

[1] Впервые опубликовано в журнале «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК», 1997, том 67, № 11, с. 1032-1039.

[2] Следует отметить, что перевод интервью, сделанный в НКВД, был недостаточно квалифицированным (академик Е.Л. Фейнберг назвал его «корявым»). Ю.В.

Литература

1. Центральный архив ФСБ России. № Р-2311.
2. *Вавилов Ю.Н., РокитянскийЯ.Г.* Голгофа. Архивные материалы о последних годах жизни академика Вавилова // Вестник РАН. 1993. № 9. С. 835-836.

ИНТЕРВЬЮ В ПАРИЖСКОМ ТАКСИ

Перевод с французского *Статья из газеты «Пари Миди» от 14 февраля 1933 г.*

«ЧЕЛОВЕК НЕ ЗАКОНЧИЛ ПЕРВОЙ ФАЗЫ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ», – ГОВОРИТ НАМ ПРОФЕССОР – ДОКТОР ВАВИЛОВ...

...Который является директором ленинградского Института прикладной ботаники. (С портретом проф. – доктора ВАВИЛОВА)

Французский Комитет научных связей с Россией и г-н АЛЬКЬЕ – энергичный директор Национального агрономического института – организовали первую публичную лекцию г-на ВАВИЛОВА.

Член Академии наук СССР, директор Института прикладной ботаники в Ленинграде, доктор – профессор ВАВИЛОВ является в настоящее время одним из первых ученых мира.

Г-н АЛЬКЬЕ был так любезен, что устроил мне возможность поговорить несколько минут с его ленинградским коллегой.

В назначенный час он ждет меня в вестибюле большого отеля на левом берегу реки, где он остановился.

При моем входе он встает. Он говорит по-французски бегло, почти без всякого акцента.

– Я чрезвычайно занят. Жизнь коротка. Я должен побывать в Пастеровском институте. Возьмем такси, а по дороге вы будете задавать мне вопросы.

Есть люди, благословенные богами, ум которых освещает все их лицо. Без вмешательства каких-либо канцелярий они входят в жизнь, эти великие работники умственной категории. Они редки. И вот один из них. Совершенно бесспорно.

– В 1916 г., в царское время, вы уже являлись служащим императорского правительства?

– Что за интерес? В Европе вы всегда говорите о правительстве. В России, даже в царское время, мы говорили о государстве. В 1916 г. я уже был на государственной службе. Это верно. Как ассистент профессора. Я остался на службе у государства, русского государства, у государства моей родины. Это вполне естественно. В настоящее время я являюсь директором института, похожего на ваш Агрономический институт.

– Вы много путешествовали?

– Это самое интересное. Я посетил более 50 стран, их самые недоступные районы. Я побывал в Алжире, Тунисе, Марокко, на французском берегу Сомали, в Абиссинии, Афганистане, Японии, Китае, Индии[1]. Я возвращаюсь из Южной Америки. Я исследовал почти все страны этого нового и еще девственного материка, наибольшую часть его протяжения. Я только что облазил на спине мула горы Боливии и Перу. Я провел шесть месяцев вдали от всякой цивилизации.

– Почему?

– Я чрезвычайно честолюбив. Меня интересует мировая аграрная философия. Я хочу написать книгу и придумал к ней название: «Мировые ресурсы земледелия». Мне нужны документальные данные.

– Какой практический результат может получиться от ваших путешествий?

– Мои путешествия могут иметь только один практический результат. Я сказал – «философия». Я говорил вам об аграрной философии. Я должен был бы сказать: марксистская аграрная философия.

– Определите точнее.

– Я процитирую вам Маркса: «Прежде ученые изучали мир, чтобы его понять; мы изучаем его, чтобы его изменить»[2].

– Чтобы улучшить его?

– Это само собою разумеется.

– Каким образом вы улучшите мировое земледелие?

– Прежде всего нужно определить происхождение растений. Они почти все происходят с тропических гор. Даже пшеница и рожь.

– Что вы сделаете затем?

– Существуют два метода. Один метод – эмпирический, осуществимый немедленно, и, впрочем, уже употреблявшийся во Франции. Это метод скрещивания. Например, я видел в Японии апельсины по 2 кг; в Китае – редьку весом в 15 кг; в Афганистане, где я встретился с французской делегацией и путешествовал вместе с ней, я обнаружил гигантскую белую и фиолетовую морковь. Скрещивая семена этих растений с семенами выродившихся растений, культивируемых в Европе, можно будет значительно улучшить национальное производство. И это уже делают.

– Есть еще другой метод?

– Да. Это метод международный. Вы можете сейчас считать его утопией. Это – будущее. Это – столетний план.

– Столетний?

– Понадобится сто лет для того, чтобы применить мой метод.

– В чем же он состоит?

– Специализация при помощи естественных районов. Каждый район должен интенсивно культивировать то растение, которое ему лучше всего подходит. В особенности нужно будет развивать земледелие в тропических странах.

– Разве они не культивированы?

– Я возвращаюсь из Бразилии. Я нашел там плодороднейшие в мире земли, которые не только не возделаны, но даже пустынны. В настоящее время возделаны 7% всей суши земного шара.

– Таким образом, вы хотите сказать, что 93% суши не возделаны?

– Это факт. Есть место, много места на земле для лиц, имеющих охоту для этого. Земля может производить в десять раз больше, чем сейчас. Со времени войны Канада удвоила площадь своих возделанных земель. В России эта площадь увеличилась на 30%. Благодаря ирригации. В районе Волги были орошены 4 миллиона гектар.

– Каковы были бы результаты вашего столетнего плана?

– Они были бы неисчислимы. Ведь уже сахар с Явы и с Кубы стоит в три раза дешевле, чем в других местах. Человек является биологической разновидностью, которая находится лишь в первой стадии своей истории. Она еще сконцентрирована в своей колыбели, в Южной Азии, где находится половина всего населения земного шара. Это население следует распределить пропорционально ресурсам Земли. Тропические страны имеют еще неэксплуатируемые аграрные богатства. Развивая средства транспорта, являющиеся источником богатства, человек лишает себя их прибыльности, парализуя их таможенными барьерами. Нужно уничтожить эти барьеры для гармоничного развития всего человечества, для блага всех людей.

Вот и Пастеровский институт.

Проходя через собачник, конюшню, обезьяний садок, мы ищем профессора МЕТАЛЬНИКОВА[3], преемника МЕЧНИКОВА[4].

Мы поднимаемся по крутой лестнице. Мы справляемся на каждом этаже. Нас посылают все выше.

– МЕТАЛЬНИКОВ, как ПАСТЕР[5], работает под крышей. Вот это здесь. Оба профессора целуются.

ВАВИЛОВ, который хочет реформировать всемирное земледелие, и МЕТАЛЬНИКОВ, который хочет улучшить сопротивляемость животных и людей всяким заболеваниям.

Доктор-профессор ВАВИЛОВ оборачивается ко мне:

– Простите меня, сударь, жизнь коротка, время не терпит!

Жан-Анри МОРЭН.
Центральный архив ФСБ России.
№ Р-2311. Т. 8. Л. 18-21.
Машинопись с карандашными подчеркиваниями
сотрудника НКВД.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В составленном Вавиловым перечне стран, где он побывал, Индия не значится. – ЦА ФСБ России, № Р-2311. Т. 4. Л. 85.

[2] Имеется в виду 11-й тезис К. Маркса о Людвиге Фейербахе (апрель 1845 г.), где говорилось: «Философы различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» *(Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. 2 изд. Т. 3. С. 4).

[3] Метальников Сергей Иванович – биолог, иммунолог, с 90-х годов профессор Института Пастера в Париже.

[4] Мечников Илья Ильич (1845–1916) – биолог. Нобелевский лауреат 1908 г., с 1888 г. заведующий лабораторией Института Пастера в Париже. Н.И. Вавилов посвятил ему свой труд «Иммунитет растений к инфекционным заболеваниям».

[5] Пастер Луи (1822–1895) – основоположник современной микробиологии и иммунологии, с 1854 г. иностранный член, а с 1893 г. почетный член Петербургской АН.

Публикация и примечания
Ю.Н. ВАВИЛОВА,. Я.Г. РОКИТЯНСКОГО

КНИГА «СУД ПАЛАЧА». НИКОЛАЙ ВАВИЛОВ В ЗАСТЕНКАХ НКВД. (СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО Н.И. ВАВИЛОВА)[1]

Напомню читателю, что мой отец был посмертно реабилитирован в первую волну реабилитации жертв сталинских репрессий, еще до XX съезда КПСС, состоявшегося в феврале 1956 года. На съезде, как известно, Н.С. Хрущев произнес знаменитый сенсационный доклад «О культе личности Сталина». Однако, как уже рассказывалось в начале книги, вплоть до лета 1987 г., совпавшего с годом столетия со дня рождения моего отца, в СССР цензура (она называлась Главлитом) запрещала рассказывать в печати, по радио и телевидению о его аресте, мучительных многочасовых допросах в тюрьме на Лубянке, приговоре к расстрелу, кончине от голода и болезней в Саратовской тюрьме.

Юбилей 100-летия со дня рождения Н.И.Вавилова широко отмечался как в нашей стране, так и в ряде других стран. ЮНЕСКО объявила 1987 год годом Николая Вавилова. Этот год удачно совпал с укреплением в нашей стране гласности после прихода к власти М.С. Горбачева.

Еще до юбилея, летом 1987 г., удалось получить из архива КГБ копии писем моего отца из Бутырской тюрьмы в Москве и из Саратовской тюрьмы к Лаврентию Берия. Я помню свои тяжелые переживания, испытанные при первых прочтениях письма из Саратовской тюрьмы. Отец писал Берии, что обвинения его в измене Родине и шпионаже, предъявленные ему на «суде», продолжавшемся несколько минут 9 июля 1941 г., «построено на небылицах, лживых фактах и клевете». Он писал, что тяжелейшие условия его заключения в камере смертников, «несмотря на большую выносливость, привели его к заболеванию цингой». Н.И. написал Берии, что «был бы счастлив отдать себя полностью Родине, умереть за полезной работой для моей страны в трудную ее годину». Он просил и умолял Берия о «смягчении своей участи, выяснении своей дальнейшей судьбы (… …) о разрешении общения в той или иной форме с семьей, о которой он не имел сведений более полутора лет». Здесь следует сказать, что Н.И.Вавилов был лично знаком с Берией. В годы, когда Берия был первым секретарем ЦК ВКП(б) Грузии, он вынужден был обращаться к нему за содействием в организации на территории советских субтропиков в Абхазии и Аджарии посадок субтропических растений, таких, например, как хинное дерево, тунговое дерево, необходимых для медицины и лакокрасочной промышленности. В то время не было синтетических красок для окраски автомобилей.

Впервые письмо отца к Берии от 25 апреля 1942 года было опубликовано в Ленинградской молодежной газете «Смена» в августе 1987г., а затем в книге «Жизнь коротка, надо спешить», вышедшей в свет летом 1990 года в издательстве «Советская Россия» в серии «Публицистика классиков науки» благодаря настойчивости редактора издательства Марины Черниковой. Она ранее была редактором двух изданий воспоминаний о Н.И.Вавилове его соратников и учеников. Воспоминания были опубликованы в «Советской России» в 1963 и 1973 годах под названием «Рядом с Н.И. Вавиловым».

Целый ряд важных документов, связанных с арестом отца, из следственного дела, были опубликованы мною совместно с научным обозревателем журнала «Вестник Российской Академии наук» Я.Г. Рокитянским в 1993 и в 1996-м гг. в упомянутом журнале, а также в журнале «Наука и жизнь».

[1] Книга опубликована издательством «Academia». М., 1999 (1-е изд.), 2-ое изд. 2000 г.

Еще до этих публикаций, в феврале 1992 г., в русскоязычной газете «Новое русское слово», выходящей в Нью-Йорке, была напечатана большая статья о трагедии моего отца. Авторами статьи были писатель Семен Резник, опубликовавший биографическую книгу «Николай Вавилов» в популярной серии «Жизнь замечательных людей» в 1968 г., и автор настоящей книги. Статью в «Новом русском слове» мы назвали «Удар в лицо цивилизации». Так оценил действия советских властей, собиравшихся арестовать Н. Вавилова, американский генетик Ч. Давенпорт, написавший письмо Госсекретарю США с просьбой защитить трех советских генетиков – Вавилова, Агола и Левита. Подлинник его письма вместе с отпиской чиновника из Госдепартамента США был обнаружен мною в Национальном архиве США в Вашингтоне[1]. В статье также использовались документы из архива КГБ, где хранится следственное дело моего отца.

Мне было очень тяжело начать подробное ознакомление со следственным делом отца, поэтому я долго не решался пойти в библиотеку Архива ФСБ и начать читать его дело. Я пошел туда лишь летом 1995 г., хотя доступ к следственному делу был для меня разрешен значительно раньше. Среди работников Архива ФСБ я встретил очень хорошее, чуткое и внимательное к себе отношение.

Один из них, консультант Архива ФСБ полковник В.А. Гончаров, опубликовал в 1998 г. книгу «Просим освободить из тюремного заключения» (Письма в защиту репрессированных). Это – письма-обращения многих известных ученых, деятелей культуры, военных к руководителям СССР, в органы прокуратуры, Верховный Совет. Среди авторов писем Н.И. Вавилов, С.И. Вавилов.

Следственное дело Н.И. Вавилова состоит из десяти томов. Из них три тома – так называемые оперативные материалы – в них содержатся доносы на моего отца и материалы слежки за ним, начавшейся с 1930 года. Мне до сих пор не разрешено ознакомление с этими томами.

В 1996 г. мною и Я.Г. Рокитянским в «Вестнике РАН» была опубликована часть документов, копии которых я получил в период работы в библиотеке Архива ФСБ, а также из архива Президента РФ. Название публикации: «Знания, брошенные в огонь». Такое название связано с тем, что в публикации в частности содержится документ, свидетельствующий еще раз до какой степени беспредела и варварства доходили действия сталинских карательных органов. В постановлении, подписанном сотрудниками НКГБ, 29 июня 1941 года, то есть еще до «суда» над Вавиловым, состоявшемся 9 июля 1941 г., постановляется: «Уничтожить, как не имеющие ценности», огромное число бесценных научных материалов Николая Ивановича, изъятых при обысках на его квартирах в Ленинграде и Москве, и в его служебных кабинетах. Среди уничтоженных научных документов 92 папки материалов по экспедициям и поездках в Абиссинию, США, Англию, Японию и другие страны, 90 записных книжек и блокнотов с записями, много фотоснимков, грамоты и др. По-видимому, тогда же была уничтожена рукопись книги «История развития мирового земледелия», написанная отцом. Об этой книге Николай Иванович писал в письме Берии 25 апреля 1942 г.: «Во время пребывания во Внутренней тюрьме НКВД, во время следствия, когда я имел возможность получить бумагу и карандаш, мною написана большая книга «История мирового земледелия» (Мировые ресурсы земледелия и их использование), где главное внимание уделено СССР».

Я имею ксерокопию подлинника письма отца к Берии из Саратовской тюрьмы. Обращает на себя внимание четкость присущего ему почерка, что показывает помимо ясности и логичности содержания этого письма, что, если бы Берия действительно осу-

[1] Письмо Ч. Давенпорта Госсекретарю США о репрессиях известных генетиков Н.И. Вавилова, И.И. Агола и С.Г. Левита публикуется в настоящей книге.

ществил предоставление моему отцу «полной возможности научной работы как академику», о чем ему заявил уполномоченный Берии 5-го и 15-го октября 1941 г., он мог бы еще жить и работать. Интересно, что возможность написать письмо Берии из Саратовской тюрьмы была ему предоставлена всего через два дня после его избрания иностранным членом знаменитого Лондонского Королевского общества (Английской Академии наук). Очевидно Берия сразу же узнал об этом важном факте и дал указание начальнику Саратовской тюрьмы разрешить Н.И. Вавилову написать письмо в Москву на его имя. Я думаю, что Берия сообщил Сталину о факте избрания Н.И. в Королевское общество. Сталин скорее всего посоветовал Берии не выпускать моего отца из тюрьмы, наоборот способствовать его скорейшей кончине с тем, чтобы чудовищные условия содержания Вавилова в Саратовской тюрьме остались навсегда не известны мировой научной общественности в Англии и США.

В статье «Знания, брошенные в огонь» опубликовано также ранее засекреченное письмо Сталину вице-президента ВАСХНИЛ А. Бондаренко и Климова, секретаря парткома ВАСХНИЛ, в котором Н.И. Вавилов был подвергнут критике якобы за разрыв между теорией и практикой и за «враждебное отношение к мероприятиям, проводимым партийной частью Президиума ВАСХНИЛ». В письме указанных лиц Сталину утверждалось, что «Вавилов всюду твердит о своем стремлении в Индию, Персию, Китай – куда угодно за границу, что убеждает в его стремлении – подальше от СССР».

В 1998 г. Я.Г. Рокитянскому удалось получить грант Российского фонда гуманитарных исследований на подготовку к публикации следственного дела Н.И. Вавилова. Составителями книги были Я.Г. Рокитянский, Ю.Н. Вавилов и В.А. Гончаров. Я.Г. Рокитянский написал для книги обстоятельный биографический очерк, в котором использовал материалы следственного дела и ряд малоизвестных публикаций, указал на ошибки, допущенные в книге писателя Марка Поповского «Дело академика Вавилова» и в книге известного биолога-эмигранта Валерия Сойфера «Власть и наука» (История генетической дискуссии в СССР). Общий тираж нашей книги, озаглавленной «Суд палача» (Н.И. Вавилов в застенках НКВД), был всего 1000 экземпляров.

В октябре 1999 года в зале Института общей генетики им. Н.И.Вавилова состоялась презентация книги. Я не предполагал, что на презентацию придет много людей. Однако, почти весь зал был заполнен. К сожалению, в основном пришли люди пожилого и среднего возраста. Молодых людей было маловато. Это, в первую очередь, связано с резким постарением контингента институтов Российской Академии наук: начиная с 1992 г., как известно, происходил массовый отток молодых ученых из научно-исследовательских институтов. Талантливые молодые научные сотрудники либо уезжали на Запад, либо уходили в бизнес, ввиду резкого уменьшения финансирования науки и нищенских окладов ученых. Во вторую очередь – со значительным падением интереса молодежи к истории советской науки.

На презентации книги «Суд палача» выступили Я.Г. Рокитянский, директор Института общей генетики академик Ю.П. Алтухов, сын А.В. Чаянова, В.А. Чаянов, профессор П.В. Флоренский, внук известного философа, ученого и священника Павла Флоренского, представитель общества «Мемориал», и я. Мне очень хотелось пригласить на презентацию Н.И.Колесникова. В 1954-1955 гг. он работал следователем по важнейшим делам при Главном военном прокуроре вооруженных сил Союза ССР и был помощником Главного военного прокурора, майором юстиции. Ему было поручено осуществить реабилитацию Н.И. Вавилова. Николай Иосифович Колесников провел очень большую работу по реабилитации моего отца. Вплоть до осени 1999 г. я, к сожалению, не знал даже имени и отчества Колесникова и жив ли он. В справке, присланной им моей матери, датированной 20 августа 1955 года, не было даже его иници-

алов. Я узнал его телефон, позвонил ему, он подошел к телефону, но, к моему большому сожалению, оказалось, что он почти потерял память и с большим трудом разговаривал. Я поговорил с его женой Тамарой Карповной, пригласив ее на презентацию книги. Она пришла в Институт общей генетики и выступила, справедливо пожурив меня за то, что я не познакомился с ее мужем раньше.

Разговор о книге «Суд палача» был продолжен позже, в декабре 1999 г. в общественном центре музея имени А.Д. Сахарова. Директор центра Ю. Самодуров, глубоко чтящий Н.И. Вавилова, привел на презентацию всех сотрудников центра.

Разговор о книге происходил также 26 ноября 1999 г. на Вавиловских чтениях во Всероссийском институте растениеводства имени Н.И. Вавилова в Санкт-Петербурге.

При чтении следственного дела моего отца следует иметь в виду, что в протоколы его допросов, призванных доказать его вину, заносились только те материалы, которые подтверждали заранее сфабрикованную следователями (и их консультантами) версию.

РСФСР

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

ЮБ № 046178

Гр. Вавилов Николай Иванович

умер(ла) 2/VIII-1942 г. второго августа тысяча девятьсот сорок второго года

(цифрами год, месяц и число)

возраст 55 лет

Причина смерти не установлена

о чём в книге записей актов гражданского состояния о смерти 1955 года октября месяца 22 числа произведена соответствующая запись за № 734

Место смерти: город, селение не установлено

район ... область, край,

республика

Место регистрации: г. Ленинград Дзержинского р-на

(местонахождение бюро ЗАГС)

Дата выдачи 26 октября 1955 г.

Заведующий бюро записей актов гражданского состояния

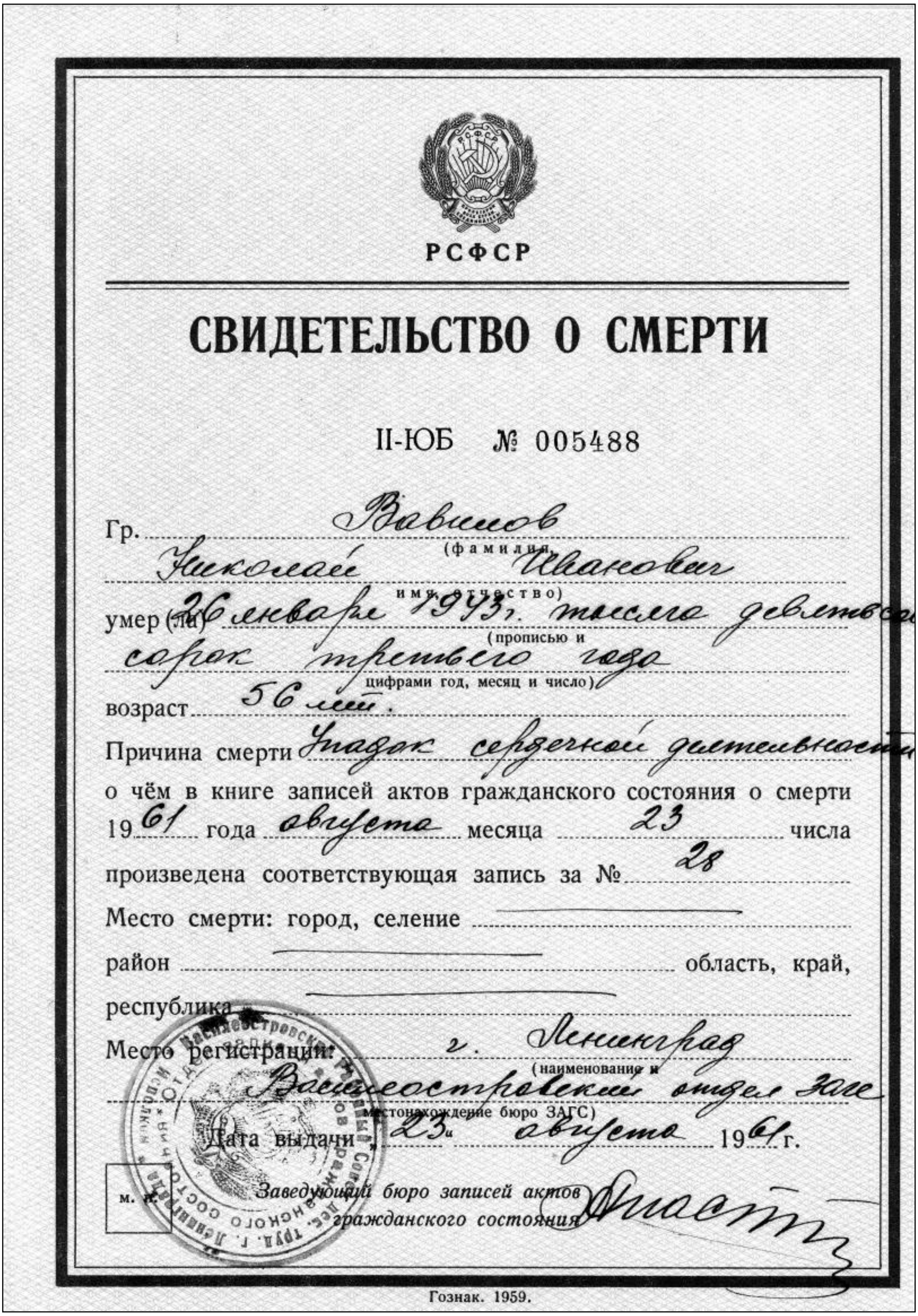
Москва 1961 г. Сентября мес. 13 дня. Первая Московская Государственная Нотариальная контора свидетельствует верность настоящей ФОТО-копии. Взыскано госуд. пошлины 20 коп. ФОТО бумага 30 коп.

Нотариус Реестр ф. № 2047

Москва 1971 г. Января мес. 8 дня. Первая Московская Государственная Нотариальная контора свидетельствует верность настоящей ФОТО-копии. Взыскано госуд. пошлины 20 коп. ФОТО бумага 30 коп.

Нотариус Реестр ф. №

Свидетельство о смерти Н.И. Вавилова, выданное Е.И. Барулиной-Вавиловой в г. Ленинграде в 1955 году после реабилитации Н.И. Вавилова. В свидетельстве указана неправильная дата смерти и нет сведений о месте и причине смерти Н.И. Вавилова.



РСФСР

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

II-ЮБ № 005488

Гр. Вавилов
(фамилия)
Николай Иванович
(имя, отчество)
умер (ла) 26 января 1943 г. тысяча девятьсот
(прописью и
сорок третьего года
цифрами год, месяц и число)
возраст 56 лет.
Причина смерти Упадок сердечной деятельности
о чём в книге записей актов гражданского состояния о смерти
19 61 года августа месяца 23 числа
произведена соответствующая запись за № 28
Место смерти: город, селение ———
район ——— область, край,
республика ———
Место регистрации: г. Ленинград
(наименование и
Василеостровский отдел ЗАГС
местонахождение бюро ЗАГС)
Дата выдачи „23" августа 1961 г.

М. П.

Заведующий бюро записей актов гражданского состояния [signature]

Гознак. 1959.

Свидетельство о смерти Н. И. Вавилова. 26 января 1943 г., выданное Ю.Н. Вавилову в 1961-м году.

ПИСЬМО Ю.Н. ВАВИЛОВА М.А. СУСЛОВУ

тов. Кулакову Ф.Д.
М. Суслов
26 января 1965 г.

Члену Президиума ЦК КПСС
Тов. М.А. Суслову
от сына академика Н.И. Вавилова
Ю.Н. Вавилова

Глубокоуважаемый Михаил Андреевич!

Как мне стало известно от директора Института истории естествознания и техники АН СССР члена-корреспондента АН СССР Б. М. Кедрова в декабре месяце 1964 года в Архиве ВАСХНИЛ были уничтожены материалы, связанные с деятельностью академика Н.И. Вавилова, представляющие большой интерес для истории советской биологии.

Сведения о ликвидации в Архиве ВАСХНИЛ по крайней мере значительной части архивных материалов, связанных с деятельностью Н.И. Вавилова, подтвердил заведующий архивом Академии наук СССР Б.В. Левшин. Обращаюсь к Вам с просьбой: разрешить передачу оставшихся в Архиве ВАСХНИЛ документов, связанных с деятельностью Н.И. Вавилова, в архив АН СССР, поскольку там уже имеется значительное количество материалов, связанных с деятельностью Н.И. Вавилова в АН СССР. Прошу Вас также разрешить передачу архивных материалов, связанных с деятельностью Н.И. Вавилова, хранящихся во Всесоюзном институте растениеводства в Ленинграде, в Ленинградское отделение архива АН СССР. Согласие со стороны Архива АН СССР о приеме на хранение указанных документов имеется.

Прошу Вас также дать указание о привлечении к ответственности лиц, виновных в ликвидации материалов о деятельности Н.И. Вавилова.

С уважением, научный сотрудник Физического института им. П.Н. Лебедева АН СССР

п/п Ю.Н. Вавилов

Мой домашний адрес: Москва В-232, Сокольническая слободка, д. 14/18, кв. 48.

ОБМЕН ПИСЬМАМИ МЕЖДУ Т. Д. ЛЫСЕНКО И И. В. СТАЛИНЫМ В ОКТЯБРЕ 1947 г.*

Разрушительное влияние деятельности Т. Лысенко и его приспешников на советскую сельскохозяйственную науку, биологию, прежде всего – генетику, нанесшее урон советскому сельскому хозяйству, оказывалось в течение очень длительного времени [1 – 8]. Этот период значительно превышает тридцать лет: он начинался с середины 30-х гг. сильной поддержкой Лысенко советским руководством и лично Сталиным и не закончился прекращением этой поддержки после отставки Хрущева в октябре 1964 г. За время господства Лысенко в советской сельскохозяйственной и биологической науке сформировалось большое число ученых низкой квалификации, сделавших карьеру на восхвалении антинаучных взглядов Лысенко. Эти ученые продолжали работать и преподавать уже после падения Лысенко. Таким образом, можно утверждать, что пагубное влияние «лысенковщины» проявляется в России и сейчас, в начале XXI века.

Публикуемое впервые письмо Лысенко Сталину датировано 27 октября 1947 г., ответ Сталина Лысенко – 31 октября 1947 г.

Эти документы обнаружены в Архиве Президента Российской Федерации в фонде И. В. Сталина[1]. Они почти полвека считались секретными и были рассекречены только в конце 1995 г.

Читатель получает возможность ознакомиться с взаимоотношениями Сталина и Лысенко примерно за год до «исторической» сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 г., приведшей, как известно, к разгрому генетики в СССР.

Сталин придал письму Лысенко столь большое значение, что приказал разослать его копии всем членам и кандидатам в члены Политбюро ЦК ВКП(б), секретарям ЦК ВКП(б), а также министрам сельского хозяйства и совхозов и академику Н. В. Цицину, который ранее, до Великой Отечественной войны, поддерживал Лысенко[2], для ознакомления, сообщив им, что поставленные в письме Лысенко вопросы будут обсуждаться в Политбюро. Соответствующая записка Сталина тоже публикуется.

Историкам советской биологии известно, что вскоре после Великой Отечественной войны, в период с 1945 до августа 1948 гг., положение Лысенко пошатнулось [3; 4; 5]. В ЦК ВКП(б) и правительство в эти годы поступило большое число писем от компетентных ученых-аграрников, других специалистов сельского хозяйства с резкой критикой деятельности Лысенко и его сотрудников, приносящей большой урон сельскому хозяйству СССР [4]. Руководителям страны и в прокуратуру были направлены даже рукописи книг профессоров А. А. Любищева и В. П. Эфроимсона [9], в которых анализировался ущерб, наносимый государству рекомендациями Лысенко для сельскохозяйственной практики.

Известно, что в 1946 – 1947 гг. секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов, в то время главный идеолог партии, и его сын Ю. А. Жданов, с декабря 1947 г. возглавлявший Отдел науки ЦК ВКП(б), были настроены критически ко многим сторонам деятельности Т. Лысенко [4; 5].

Однако Лысенко продолжал пользоваться большой поддержкой Сталина, о чем свидетельствуют и публикуемые ниже архивные материалы. В 1947 г. Лысенко, хотя и подвергался обоснованной критике со стороны ученых-аграрников, специалистов по генетике и селекции, тем не менее занимал высокое положение: он был президентом ВАСХНИЛ (с 1938 г.), академиком АН СССР (с 1939 г.), директором Института гене-

---

* Ранее письмо Т. Лысенко И. Сталину и ответ Сталина были опубликованы в журнале «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ», 1998, N 2.

[1] Архив Президента Российской Федерации. Ф. N 45. Оп. N 1. Д. 154. Л. 75-76; 83-106.

[2] Впоследствии Н.В. Цицин пересмотрел свое отношение к деятельности Лысенко. В ответном письме от 5 февраля 1948 г., адресованном И.В. Сталину и А.А. Жданову, Н.В. Цицин подверг рекомендации и взгляды Лысенко резкой критике.

тики АН СССР (с сентября 1940 г., заняв место арестованного Н. И. Вавилова). С 1939 г. он стал членом Президиума АН СССР. Лысенко также был не только депутатом Верховного Совета СССР (с 1937 г.), но и членом Президиума Верховного Совета СССР. В момент ареста Н. И. Вавилова он был заместителем Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР. В 1945 г. он получил звание Героя Социалистического Труда.

Как видно из публикуемого письма Лысенко Сталину, семена для испытания ветвистой пшеницы были получены им от самого Сталина. Сталину же семена эти были переданы из Кахетии (Восточная Грузия). Весьма подробно роль ветвистой пшеницы в карьере Т. Лысенко в послевоенные годы при жизни Сталина описана в капитальном труде В. Н. Сойфера [4]. Он справедливо отметил, что Лысенко, согласившись работать по заданию Сталина с ветвистой пшеницей, заведомо шел на обман – и Сталина, и руководства страны. Дело в том, что о бесперспективности этого сорта он знал еще в 1937 г. из опытов своего отца с ветвистой пшеницей. Но Лысенко должен был играть «ва-банк». Интересно, что о нецелесообразности широкого внедрения ветвистой пшеницы в растениеводство было известно еще в XIX в. [4]. Соратники Н. И. Вавилова в конце 20-х – начале 30-х гг. также показали невозможность увеличить урожайность путем внедрения этого сорта [10].

Современная ситуация с использованием ветвистой пшеницы в селекции обрисована в справке, представленной профессором, зав. кафедрой селекции и семеноводства полевых культур Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева Ю.Б. Коноваловым (см. Приложение 1). Как следует из этой справки, культивирование ветвистой пшеницы на значительных площадях нецелесообразно ввиду целого ряда отрицательных качеств ветвистой пшеницы – таких, как мелкость зерна, потребность в очень плодородной почве для обеспечения ветвистости. Эти отрицательные качества ветвистой пшеницы в конечном счете приводили к тому, что обычная, неветвистая пшеница значительно превосходила по урожайности ветвистую.

Во втором разделе письма Лысенко обращает внимание Сталина на необходимость более широкого культивирования каучуконосных растений в СССР. В довоенные и первые послевоенные годы синтетический каучук, производимый химическим путем, еще не получил широкого применения в производстве автомобильных и авиационных шин. Заметим, однако, что на целесообразность широкого использования в народном хозяйстве каучуконосных растений обратил внимание значительно раньше Лысенко Н. И. Вавилов. В своей статье, опубликованной вскоре после длительной экспедиции в Северную и Центральную Америку в 1930 г., Н. И. Вавилов писал о необходимости широкого культивирования каучуконосных растений тау-сагыза и кок-сагыза в советской Средней Азии и субтропиках [11].

В третьей части письма Сталину Лысенко пропагандирует посевы озимой пшеницы по стерне — агроприем, рекомендованный Лысенко для широкого внедрения в колхозах и совхозах Сибири во время его эвакуации в Омск в период Отечественной войны. Этот прием, предложенный Лысенко якобы впервые, на самом деле был не новым (см. Приложение 2). Он, как и «чудодейственная» ветвистая пшеница, не давал широко разрекламированного Лысенко положительного эффекта.

Заключая письмо, Лысенко подчеркивает коренное отличие мичуринской генетики от менделевско-моргановской генетики: своей теоретической основой он называет примитивный псевдоламаркизм. По Лысенко, менделизм-морганизм в западных капиталистических странах используется исключительно для реакционных целей, евгеники, расизма и т. д. ... Буржуазная генетика не вносит вклад в сельскохозяйственную практику. Подлинная наука о живой природе строится только в СССР. Этим Лысенко аргументирует в обращении к Сталину необходимость административного вмешательства в дело воспитания кадров биологов, агрономов и животноводов.

Сталину письмо Лысенко очень понравилось, о чем свидетельствует публикуемый ответ генсека и рассылка письма Лысенко по указанию Сталина всем членам и кандидатам в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Обращает на себя внимание, что ответное письмо Сталина Лысенко было написано не позднее чем через три дня после получения письма «народного академика», а также весьма уважительное обращение Сталина к Лысенко по имени и отчеству. Известно, что так Сталин обращался к своим корреспондентам крайне редко. Это публикуемое впервые письмо еще раз свидетельствует о доверительном отношении Сталина к Лысенко.

Из заключительного абзаца письма Сталина видно, что еще почти за год до «исторической» сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 г., проведенной при полном одобрении и поддержке «великого вождя народов», Сталин считал, что «мичуринская (читай – «лысенковская») установка является единственно верной научной установкой».

В заключение хотелось бы напомнить о роли, которую, при одобрении и поощрении Сталина, сыграли Т. Лысенко и его главный идеолог И. Презент в аресте и гибели своего основного научного оппонента и антипода – Н. И. Вавилова. Опубликованные нами в последние годы документы [12, 13] показывают, что одним из оснований для ареста Н. И. Вавилова и его приговора к расстрелу было обвинение в том, что он ведет борьбу против теории и работ Лысенко и Цицина.

Несмотря на большое число публикаций в отечественной и зарубежной литературе, посвященной анализу деятельности Т. Лысенко, новые документальные материалы, связанные с взаимоотношениями Лысенко и Сталина, несомненно, представляют интерес не только для истории советской науки, но и для историков сталинской диктатуры.

Автор благодарен заведующему Архивом Президента Российской Федерации А. В. Короткову, сотруднику этого архива С. А. Мельчину за помощь в работе, а также профессору Ю. Б. Коновалову за справки по вопросам, затронутым в письме Т. Д. Лысенко, включенные в качестве приложений к настоящей публикации.

Ю. Н. Вавилов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Медведев Ж.* Взлет и падение Лысенко. М., 1993.
2. *Joravsky D.* The Lysenko affair. Chicago-London, 1970; 2 ed. 1986.
3. *Фролов И. Т.* Философия и история генетики. Поиски и дискуссии. М, 1988.
4. *Сойфер В. Н.* Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. Л., 1989.
5. *Дубинин Н. П.* Генетика – страницы истории. Кишинев, 1990.
6. *Александров В. Я.* Трудные годы советской биологии. Записки современника. СПб., 1992.
7. *Graham L.* Science in Russia and the Soviet Union. A short history. New York, 1993.
8. *Левина Е. С.* Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский. Москва, 1995.
9. *Эфроимсон В. П.* О Лысенко и лысенковщине // ВИЕТ. 1989. № 1-4.
10. *Туманян М.* Ветвистая мягкая пшеница // Тр. по прикладной ботанике, генетике и селекции, 1934. Сер. 5. № 2.
11. *Вавилов Н. И.* Проблема растительного каучука в Северной Америке. Современное состояние использования диких каучуконосных растений и культура их в Северной Америке под углом решения проблемы растительного каучука в СССР // Тр. по прикладной ботанике, генетике и селекции. Т. XXVI. 1931. Вып. 3. С. 201-267. (Опубликовано также в *Вавилов Н. И.* Избранные труды: В 5 т. Т. V. М., 1965. С. 474-508.)
12. *Вавилов Ю. Н., Рокитянский Я. Г.* Голгофа. Архивные материалы о последних годах академика Вавилова (1940-1943) // Вестник РАН. 1993. № 9.
13. *Вавилов Ю. Н., Рокитянский Я. Г.* Несколько новых страниц из жизни академика Н. И. Вавилова // Вестник РАН. 1996. № 7.

ТОВАРИЩУ ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ СТАЛИНУ ОТ АКАДЕМИКА Т. Д. ЛЫСЕНКО

I. ОТЧЕТ И ПЛАН РАБОТЫ С ВЕТВИСТОЙ ПШЕНИЦЕЙ

Полученные мною от Вас семена ветвистой пшеницы, называемой теперь «кахетинской», как я Вам уже сообщал, испытывались:

а) в Одессе, на полях Всесоюзного селекционно-генетического Института;

б) в Омске, на полях Сибирского научно-исследовательского Института зернового хозяйства;

в) в Шадринском районе Курганской области, в колхозе «Завет Ильича», колхозником Мальцевым Т. С.;

г) под Москвой, на экспериментальной базе Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина «Горки Ленинские» и

д) понемногу в ряде других мест.

В Одессе из высеянных 55 килограммов семян получен урожай только 4,2 центнера с площади 0,8 гектара, т. е. с гектара, примерно, 5 центнеров. На этом поле, где была высеяна указанная пшеница, от начала весны и до уборки хлебов не выпало ни одного дождя. Там же в засушливых условиях наши обычные неветвистые яровые пшеницы дали урожай по 8 – 10 центнеров с гектара.

Данная яровая ветвистая пшеница для юга Украины является позднеспелой. Позднеспелые же пшеницы на юге и во влажные годы, как правило, не дают хороших урожаев из-за высокой температуры воздуха во время налива зерна. Поэтому в указанных районах высевают раннеспелые яровые пшеницы, которые обычно дают здесь хорошие урожаи.

Выполняя Ваши требования по гибридизации ветвистой пшеницы с обычными хорошими морозостойкими озимыми сортами, мы в настоящее время уже имеем в осеннем посеве по несколько тысяч гибридных растений на полях в Одессе, Омске и под Москвой. Применяем все свои знания, чтобы скорее иметь новый озимый сорт ветвистой пшеницы, хорошо зимующей в степных условиях Украины.

В Одессе осенью 1947 года нами высеяны также и озимые ветвистые пшеницы, взятые из мировой коллекции. Но вряд ли они в неизменном виде, будучи южного происхождения, смогут ежегодно хорошо переносить зимовку. Поэтому-то нами и обращено большое внимание на гибридизацию ветвистой пшеницы с местными хорошо зимующими сортами.

В Сибири (Омск) было высеяно ветвистой пшеницы 55 килограммов. Но так как эта пшеница оказалась позднеспелой, к тому же в этом году лето в Сибири было холодное, то ее посев не успел до заморозков созреть. Но можно предполагать, что при более раннем посеве и в яровизированном виде она успеет созреть и в Сибири. Поэтому ее там будет целесообразно испытать и в будущем году.

Наиболее интересные результаты из опытов этого года с ветвистой пшеницей получены нами на экспериментальной базе Академии, под Москвой, в «Горках Ленинских».

Эти опыты буквально раскрыли мне глаза на многие важнейшие явления в деле выращивания хлебов. Только после того, как Вы обратили мое внимание на ветвистую пшеницу и передали мне ее семена, по-настоящему занявшись этим делом, я понял много нового в деле селекции зерновых хлебов.

В «Горках Ленинских», под Москвой, было посеяно семян ветвистой пшеницы 59 килограммов. Со всех опытов получено 16 с лишним центнеров зерна. В зависимости от плодородия почвы участков, на которых высеивались семена, урожаи получились резко различные, в переводе на гектар – от 4,5 центнеров до 30 центнеров с лишним. Были небольшие участки, где урожай в переводе на гектар доходил до 50 центнеров. Но нужно

иметь в виду, что судить о значении ветвистой пшеницы только по полученным нами величинам урожая будет неправильно. Такое суждение будет далеко не полным. Сами по себе полученные урожаи ничего особенного не представляют, так как они в значительной степени случайны. В 1947 году мы не ставили своей задачей получение высокого урожая с единицы площади. Наша цель была – получше изучить, понять практическую ценность ветвистой пшеницы, произвести побольше скрещиваний ее с озимыми сортами и одновременно побольше размножить семян ветвистой пшеницы.

Гибридных семян ветвистой пшеницы с озимыми хорошо зимующими сортами, как я уже говорил, получено довольно много, несколько десятков тысяч. Нынешней осенью эти семена уже высеяны.

Размножение семян произведено также неплохо. Мы имеем теперь семян ветвистой пшеницы 20 центнеров, из которых 4 центнера в Одессе и 16 центнеров в «Горках Ленинских», под Москвой.

На экспериментальной базе Академии в «Горках Ленинских» тов. Авакян А. А. в одном из опытов по размножению ветвистой пшеницы из 200 граммов высеянных семян получил урожай зерна 327 килограммов, т. е. в 1635 раз больше, чем было высеяно. Такой коэффициент размножения пшеницы, мне кажется, до сих пор не был известен. Получить его у обычной неветвистой пшеницы трудно, вернее, практически невозможно, у ветвистой же пшеницы довольно легко. Можно утверждать, что из килограмма семян ветвистой пшеницы, рассаженных с целью размножения на хорошем участке площадью в 0,5 гектара, получение 15 центнеров семян не встретит никаких особенных затруднений и не потребует особых усилий.

Главные выводы, к которым мы пришли в результате изучения ветвистой пшеницы в 1947 году, следующие:

1) ветвистая пшеница может давать очень высокие урожаи, порядка 50 – 100 – 150 и больше центнеров с гектара;

2) селекционная работа с зерновыми хлебами во многих случаях требует коренных изменений.

Для проверки первого вывода нами намечено поставить опыт, с целью получения в 1948 году на экспериментальной базе Академии, под Москвой, среднего урожая в 100 центнеров с гектара зерна ветвистой пшеницы с площади в 10 гектаров. Для этой цели выделен участок, где два года был клевер с тимофеевкой. На каждый гектар этого участка перед осенней пахотой внесено по 20 тонн органических удобрений, по 5 центнеров суперфосфата и по 2 центнера калийной соли. И это все, что мне кажется нужным в отношении плодородия участка для получения намеченного 100-центнерового урожая с гектара. Если это дело подтвердится (в чем я уверен не без оснований), то в 1949 году на экспериментальной базе Академии можно будет такой же урожай (примерно 100 центнеров с гектара) получить с площади в 100 гектаров и в ста подмосковных колхозах с площади примерно в 500 гектаров. Семена для посева этих площадей у нас должны быть из урожая 1948 года.

В случае получения намеченного урожая в 1949 году, можно будет в 1950 году в Московской области засеять ветвистой пшеницей 15 тысяч гектаров. Если это дело еще раз подтвердится, то в 1951 году, засевая только 50 тысяч гектаров, можно будет иметь 500 тысяч тонн пшеницы для Москвы, выращенной на относительно небольшой площади в подмосковных колхозах.

По данному конкретному вопросу не буду пока что дальше фантазировать. Но эта фантазия буквально меня захватила, и я прошу Вас разрешить нам проведение этой работы в 1948 году, а потом, в случае удачи этого опыта, помочь нам в деле дальнейшего развертывания этой работы.

Конечно, такого рода работа будет касаться не только подмосковных районов.

Перехожу теперь ко второму выводу, который нами получен в результате изучения ветвистой пшеницы, а именно, к вопросу о коренных изменениях (в ряде случаев) направления селекционной работы с зерновыми хлебами. Этот вопрос тесно связан с первым, т. е. получением высоких урожаев пшеницы.

Ветвистая пшеница показала чрезвычайную отзывчивость на условия питания. Эта отзывчивость в несколько раз выше, чем у обычных неветвистых пшениц.

Обычная наша пшеница, в зависимости от условий плодородия участка, где она произрастает, в колосе имеет от 15 до 50 зерен и очень редко – 60 зерен. Вес зерен одного колоса бывает от 0,5 грамма до 1,5 граммов, в редких колосьях вес зерна доходит до 2 граммов.

Ветвистая пшеница в зависимости от условий плодородия участка может иметь в колосе от 15 до 200 зерен и вес зерен с одного колоса от 0,5 грамма до 7 и даже до 10 граммов. Чем плодороднее участок, тем не только больше число зерен в колосе, но и зерна значительно крупнее.

Если взять отношение средних урожаев зерна на один колос, в зависимости от плодородия участков, то у обычной неветвистой пшеницы оно будет примерно как 1:4. В плохих условиях в колосе будет примерно 0,5 грамма зерна, в хороших – около 2 граммов.

В этих же условиях у ветвистой пшеницы отношение средних урожаев зерна на колос будет как 1:14 и даже как 1:20. В плохих условиях урожай зерна одного колоса будет 0,5 грамма и в хороших условиях 7 – 10 граммов.

Отсюда мы делаем вывод: в колхозах и совхозах НА ХОРОШИХ УЧАСТКАХ много (в несколько раз) недобирают (недовыращивают) урожай зерна пшеницы только потому, что высевают не ветвистые формы, а обычные. Растения с обычными неветвистыми колосьями в 3-4 раза хозяйственно менее эффективно используют хорошие условия питания, которые бывают на плодородных участках. Наши обычные формы пшеницы плохо приспособлены к использованию повышенного для них питания. В данном случае я говорю не о каких-то особенных по плодородию участках, а о тех, где колхозы и совхозы обычно получают урожай в 25 – 30 центнеров с гектара.

В этих условиях растения обычной, неветвистой пшеницы жиреют, растут в солому и полегают. Вместо урожая в 40 – 50 центнеров с гектара, который, казалось бы, можно было получить от этих сортов пшениц, в случае полегания получается только 25 и в лучшем случае 30 центнеров.

Отсюда – десятки лет агрономическая наука почти безуспешно бьется над вопросом борьбы с полеганием, не видя того, что растения наших обычных неветвистых пшениц по структуре своего колоса не могут нормально использовать предоставляемую им в изобилии пищу. Поэтому они жиреют, растут в солому, ненормально развиваются и в результате полегают. Это не значит, что при посевах пшеницы им нужно избегать хороших плодородных участков или не создавать все большего и большего плодородия почвы. Как раз наоборот. Но нужно знать, что современные формы наших пшениц во многих случаях не только непригодны для грядущей в ближайшие годы улучшенной агротехники, но они уже во многих случаях отстали и от современных условий.

Высевать нашу современную пшеницу НА ХОРОШИХ УЧАСТКАХ – это все равно что на хорошие первоклассные совхозные или колхозные молочные фермы ставить стадо коров не высокомолочных пород, а захудалых коров бывших бедняцких крестьянских хозяйств. Конечно, в хороших условиях содержания эти коровы значительно повысят удой, удвоят и утроят его. Но этот повышенный удой все же будет далеким от величины 5-6 тысяч литров в среднем на корову в год. А ведь такие удои в 5-6 тысяч литров в среднем на корову получаются в Караваевском совхозе из года в год. Но для этого там была создана новая, высокомолочная, приспособленная к данным условиям

порода скота (костромская порода).

Мне стало совершенно ясно, что наши формы пшениц с таким колосом хорошо приспособлены только для участков с таким плодородием почвы, где обычно получаются урожаи в 10 – 15 центнеров с гектара. На участках же, где почвы более плодородные, наши обычные распространенные формы пшениц, хотя и повышают урожай до 30 – 40 и очень редко до 50 центнеров с гектара, но это повышение урожая в несколько раз меньше того, что можно получить соответственно созданному плодородию.

В этих случаях для повышения урожая узким местом являются формы наших пшениц, несоответствие строения их колоса условиям плодородия.

Настало время перестроить нашу селекционную работу так, чтобы сорта создавались не только соответственно климатическим условиям районов (как это делается до сих пор), но и соответственно плодородию почвы, соответственно условиям, создаваемым хорошей агротехникой.

Для повышения урожайных возможностей наших сортов пшениц необходимо обратить внимание селекционных станций на изменение структур колоса. Нужно создать сорта с более мощными колосьями, в том числе и с ветвистыми.

Само собою разумеется, что эти новые сорта должны быть так же приспособлены к районным климатическим условиям, как и ныне существующие сорта.

Основной и наиболее быстрый путь создания таких сортов – это массовая гибридизация районных, приспособленных к климатическим условиям озимых и яровых пшениц с крупноколосыми и ветвистыми пшеницами, которые сами по себе, будучи инорайонными, во многих случаях не приспособлены к климатическим условиям новых для них районов.

В этом деле необходимо обратить сугубое внимание на соответствующее выращивание растений. И родительские растения, и, особенно, их гибриды надо культивировать на хороших агротехнических фонах.

При гибридизации надо применить разработанную у нас технику массового получения гибридных семян. Гибридных семян пшеницы в год скрещивания нужно получать десятки тысяч, а не 50 – 100 штук, как это до сих пор принято на селекционных станциях. Разработанная у нас техника массового получения гибридных семян пшеницы позволяет это сделать без особых затрат труда и средств.

Селекционные станции Министерства сельского хозяйства СССР, по моему убеждению, должны как можно скорее стать на этот путь работы. Требуется также значительное улучшение научных основ испытания сортов, с целью более верной и быстрой их рекомендации производству.

Можно с уверенностью утверждать, что там, где теперь у нас получаются урожаи пшеницы в 25 – 30 центнеров с гектара, ветвистая пшеница, будучи приспособлена к климатическим условиям района, может давать 50 – 70 центнеров. В тех же условиях, где обычная пшеница дает, соответственно агротехническим условиям, плодородию почвы, 7 – 10 центнеров с гектара, там и ветвистая пшеница больше не даст и уже через два-три года превратится в неветвистую, выродится, что и было при многократных пробах ее культивирования как в нашей стране, так и за границей.

II. О СЫРЬЕВОЙ БАЗЕ НАТУРАЛЬНОГО КАУЧУКА

Думаю, что не ошибусь, если скажу, что для нашей страны крайне необходима, и чем скорее, тем лучше, мощная и устойчивая база растительного каучука.

Однако если и далее будет продолжаться такое состояние каучуководства, какое имеет место в настоящее время, то, думаю, вряд ли можно будет обеспечить получение больших масс натурального каучука.

Дикие заросли натуральных каучуковых растений были открыты в нашей стране в 1930-31 гг. В первоначальный период работы по освоению каучуконосных растений этому делу оказывалось большое внимание со стороны руководящих органов. Но так как способы возделывания каучуконосных растений не были разработаны, то урожаи их в колхозах и совхозах оказывались низкими. Кроме того, ежегодно был большой процент гибели посевов. Следствием этого явилось как бы неверие в возможность получения в нашей стране больших масс сырья для производства натурального каучука. Внимание к каучуководству было ослаблено. Крайне нужное и теперь уже вполне возможное дело каучуководства пущено на самотек. Между тем, если бы были к каучуководству должное внимание и забота, то мощную сырьевую базу можно было бы в ближайшее время создать.

Новый гнездовой способ посева кок-сагыза вполне удался. Практика его применения в течение последних трех лет колхозами Киевской области показала возможность превращения культуры кок-сагыза из трудоемкой в обычную пропашную культуру типа картофеля с получением средних урожаев в размере 20 – 30 центнеров корней с гектара, вместо урожаев в недалеком прошлом 1,8 – 2 центнера с гектара. Отдельные звенья колхозов Киевской области за последние три года получают урожай корней кок-сагыза по 30 – 100 центнеров с гектара. Это говорит о том, что есть возможность получения в производственных условиях по 50 – 100 и даже по 200 килограммов натурального кок-сагызного каучука с гектара.

Еще более перспективным способом возделывания кок-сагыза я считаю посадку его корневыми черенками. При этом способе намного будет увеличен сбор каучука с гектара, и одновременно намного будут снижены затраты сил и средств на единицу площади.

Большие возможности в деле создания мощной сырьевой базы для производства натурального каучука открываются путем внедрения в производство другого каучуконоса – ТАУ-САГЫЗА. Это – многолетнее растение, по каучуконосности превышающее кок-сагыз более чем в два раза, как выяснилось, обладает очень ценным свойством – самовозобновления плантаций из корешков, остающихся в почве после выкопки урожая корней.

Так как тау-сагыз легко мирится с засушливыми условиями, то, используя это замечательное свойство естественного возобновления (после выкопки), есть возможность заложить большие массивы плантаций тау-сагыза в засушливой степной части Украины и в других районах, если удастся, то и в Сибири.

Мне представляется, что такие плантации можно будет эксплуатировать в течение многих десятилетий, путем периодической копки отдельных частей массивов, которые через 3 – 4 года в результате естественного возобновления будут снова готовы для эксплуатации. На уход за такими многолетними плантациями требуется мало труда и средств. Одна-две тракторных культивации достаточны для ухода за многолетними тау-сагызными плантациями. Эти затраты труда и средств на единицу площади при возделывании тау-сагыза меньше, чем затраты на зерновые хлеба. Поэтому такие плантации в полузасушливых, неорошаемых степных районах можно (я думаю, что обязательно нужно) иметь на многих сотнях тысяч гектаров. Это были бы постоянные заросли сырья натурального каучука.

Наконец, третьим реальным источником получения своего натурального каучука является культура гваюлы, возделываемой в Азербайджане.

Однако культура гваюлы незаслуженно занимает ничтожные по размеру площади (около 1500 гектаров), в то время как ее посадки без особого затруднения могли бы быть развернуты в значительно больших размерах.

В нашей стране уже имеются все научно-агрономические предпосылки для того, чтобы создать мощную сырьевую базу натурального каучука высокого качества и относительно дешевого по затратам труда.

Но для того, чтобы это превратилось в действительность, необходимы особые государственные меры. Нужно, чтобы каучуконосы были не бросовой культурой. Просто больно, что мы до сих пор не имеем настоящей сырьевой базы каучука, а главное, если так будет продолжаться, то навряд ли она скоро и будет.

Смею просить Вас поручить, кому Вы найдете нужным, рассмотреть специально вопрос о состоянии каучуководства, с тем, чтобы этому делу было уделено особое внимание.

III. О СТЕРНЕВЫХ ПОСЕВАХ ОЗИМОЙ ПШЕНИЦЫ В СИБИРИ

Считаю своим долгом довести до Вашего сведения, что опыт посева озимой пшеницы по стерне (по необработанному жнивью яровых хлебов) в открытых степных районах Сибири и в этом году дал хорошие результаты.

В Омске, на полях Научно-исследовательского института зернового хозяйства на площади 35 гектаров посева озимой пшеницы по стерне урожай получен в среднем по 16 центнеров с гектара.

В Карагандинском совхозе Министерства внутренних дел на площади около 2 тысяч гектаров получен урожай в среднем не менее 10 центнеров с гектара (точных сведений об урожае этого хозяйства я не имею).

Озимая пшеница для Сибири крайне нужна. Внедрение посевов по стерне озимой пшеницы в Сибири вполне удовлетворяет и государственным и колхозным требованиям районов Сибири. Этот способ культуры озимой пшеницы не только не мешает, но, наоборот, по ряду моментов способствует увеличению урожайности яровой пшеницы.

До сих пор в открытых (безлесных), суровых по зимовке, районах Сибири, Центрального и Северного Казахстана никому еще не удавалось при существовавших способах ее возделывания выращивать из года в год озимую пшеницу. Ежегодно, или почти ежегодно, озимая пшеница зимой погибала.

Теперь уже вскрыты причины гибели в Сибири посевов озимой пшеницы. Обнаружена также неизвестная ранее возможность высокой стойкости растений пшеницы против сильных морозов в условиях Сибири. Эти возможности не могли быть использованы при старом способе возделывания озимой пшеницы, перенесенном из европейской части Союза в Сибирь. Поэтому озимой пшеницы и не было в степных районах Сибири.

Новый способ возделывания озимой пшеницы в Сибири нами достаточно проверен. В результате его применения уже пять лет озимая пшеница хорошо переносит зимовку и ее посевы на участках, хотя бы слегка удобренных, дают хорошие урожаи.

Озимая пшеница для Сибири, Центрального и Северного Казахстана крайне нужна, и ее там можно иметь.

Накопленный по этому вопросу богатейший материал дает мне все основания настойчиво это утверждать.

Просьба, если Вы найдете нужным, поручить представить проект решения по вопросу о внедрении стерневых посевов озимой пшеницы в Сибири.

***

Дорогой товарищ СТАЛИН! Считаю необходимым кратко остановиться и на теоретических биологических концепциях, которые я разделяю и из которых исхожу как в вышеизложенном плане практических работ, так и во всех других своих работах.

Я являюсь поборником положения, что первопричиной новообразования пород растений и животных, а также закрепления свойств этих пород, является их измененный образ жизни в новых условиях внешней среды.

Это положение дает мне ясное представление о том явлении, которое называют консерватизмом растительных и животных форм и о способах преодоления этого консерватизма.

Общеизвестно, что растительные и животные формы в своем построении приспособлены к своим условиям жизни и сопротивляются, не поддаются воздействию новых, не свойственных им условий жизни.

Несмотря на это, в природе, даже без вмешательства человека, новые условия жизни раньше или позже, но обязательно ломают старый тип развития растительных и животных форм и создают новое построение этих форм, соответственно воздействию новых условий жизни.

Поэтому мы в научное определение понятия живого тела или организма обязательно включаем и необходимые условия для жизни этого тела, необходимые условия для жизни растений и животных. Растительные и животные формы только в единстве с необходимыми для них условиями внешней среды являются живыми формами. При нарушении этого единства они, или отдельные участки их тела, перестают быть живыми, становятся мертвыми. Наоборот, те элементы мертвой внешней среды, которые включаются в живое тело, ассимилируются живым телом, из мертвого состояния переходят в живое.

Первоисточником живой природы является мертвая природа. Живые тела растительных и животных форм активно строят сами себя из ассимилируемой ими пищи, из свойственных им элементов внешней среды. Но и внешняя среда не пассивна в отношении живого тела. Ее элементы, даже не будучи свойственны данному живому телу, нередко воздействуют на живое тело, и оно вынуждено ассимилировать их и этим изменять свою форму, свою наследственность.

От таких воздействий, как прямых, так и косвенных, в организме в наибольшей степени, но далеко не абсолютно, защищены те части или органы тела, которые дают начало новому поколению.

Умение преодолевать эту защиту путем соответствующего воздействия, а не только ожидать случайных прорывов этой защиты (отбор природных мутаций) – и есть умение ломать консерватизм наследственности растительных и животных форм и направленно изменять наследственность растений и животных.

В этом и заключается коренное отличие нашей мичуринской генетики от менделевско-моргановской генетики, которая нацело отрицает какую бы то ни было качественно-специфическую роль образа жизни и условий жизни в построении наследственности живого тела. К сожалению, менделевско-моргановские воззрения, являющиеся, как я глубоко убежден, ложными и вредными, до сих пор преподаются студентам почти во всех наших биологических и сельскохозяйственных вузах. Это является источником широкого распространения среди наших профессоров, биологов и ученых метафизического по своему существу учения о наследственности живых тел. Ложные и вредные установки нео-вейсманизма (менделизма-морганизма) продолжают оказывать влияние на научно-практическое построение селекционно-семеноводческой работы в растениеводсве и племенного дела в животноводстве. Это не в малой степени является причиной отставания результатов селекционно-семеноводческой работы в растениеводстве и племенной работы в животноводстве от запросов и потребностей колхозно-совхозной практики.

Смею утверждать, что менделизм-морганизм, вейсманистский неодарвинизм, это буржуазное метафизическое учение о живых телах, о живой природе разрабатывается в западных капиталистических странах не для целей сельского хозяйства, а для реакционных целей евгеники, расизма и т. п. Никакой связи между сельскохозяйственной практикой и теорией буржуазной генетики там нет.

Подлинная наука о живой природе, творческий дарвинизм – мичуринское учение строится только у нас, в Советском Союзе. Пусть эта наука из-за своей относительной молодости еще слаба, но она верна в своей основе. Она детище социалистического, колхозного строя. Поэтому она по своей теоретической глубине и практической действенности так сильна, в сравнении с буржуазным лжеучением, что метафизикам менделистам-морганистам, как зарубежным, так и в нашей стране, остается только клеветать на нее, с целью торможения развития этого хорошего действенного учения.

Дорогой Иосиф Виссарионович! Если мичуринские теоретические установки, которых мы придерживаемся и на основе колхозно-совхозной практики развиваем, в своей основе правильны, то назрела уже необходимость нашим руководящим органам образования и сельского хозяйства сказать свое веское слово, внести резкий перелом в дело воспитания наших кадров биологов, агрономов и животноводов.

Метафизическое учение о живых телах – морганизм-менделизм, вейсманистский неодарвинизм преподается во всех вузах, мичуринское же учение – советский дарвинизм почти нигде не преподается.

Прошу Вас, товарищ Сталин, помочь этому хорошему, нужному для нашего сельского хозяйства делу.

Дорогой Иосиф Виссарионович! Спасибо Вам за науку и заботу, преподанную мне во время Вашего разговора со мной в конце прошлого года по ветвистой пшенице.

Этот разговор я все больше и больше осознаю. Вы мне буквально открыли глаза на многие явления в селекционно-семеноводческой работе с зерновыми хлебами.

Детально изучая ветвистую пшеницу, я понял многое новое, хорошее. Буду бороться, чтобы наверстать упущенное и этим быть хоть немного полезным в большом деле – в движении нашей прекрасной Родины к изобилию продуктов питания, в движении к коммунизму.

Академик Т. Д. Лысенко
27/X-1947г.

АКАДЕМИКУ Т. Д. ЛЫСЕНКО

Уважаемый Трофим Денисович!

Вашу записку от 27.X.1947 г. получил. Большое Вам спасибо за записку. Очень хорошо, что Вы обратили, наконец, должное внимание на проблему ветвистой пшеницы. Несомненно, что если мы ставим себе задачу серьезного подъема урожайности пшеницы, то ветвистая пшеница представляет большой интерес, ибо она содержит в себе наибольшие возможности в этом направлении.

Плохо, что Вы производите опыты с этой пшеницей не там, где это «удобно» для пшеницы, а там, где это удобно Вам как экспериментатору. Пшеница эта – южная, она требует удовлетворительного минимума солнечных лучей и обеспеченности влагой. Без соблюдения этих условий трудно раскрыть все потенции этой пшеницы. Я бы на Вашем месте производил опыты с ветвистой пшеницей не в Одесском районе (засушливый район!) и не под Москвой (мало солнца!), а, скажем, в Киевской области или в районах Западной Украины, где и солнца достаточно, и влага обеспечена. Тем не менее,

я приветствую Ваш опыт в подмосковных районах. Можете рассчитывать, что правительство поддержит Ваше начинание.

Приветствую также Вашу инициативу в вопросе о гибридизации сортов пшеницы. Это – безусловно многообещающая идея. Бесспорно, что нынешние сорта пшеницы не дают больших перспектив, и гибридизация может помочь делу.

О каучуконосах и посевах озимой пшеницы по стерне поговорим в ближайшее время в Москве.

Что касается теоретических установок в биологии, то я считаю, что мичуринская установка является единственно научной установкой. Вейсманисты и их последователи, отрицающие наследственность приобретенных свойств, не заслуживают того, чтобы долго распространяться о них. Будущее принадлежит Мичурину.

С уважением И. Сталин
31.X.47 г.

№ П44. 25 ноября 1947 года.

Членам и кандидатам в члены политбюро ЦК ВКП(б):

тт. Андрееву, Берия, Вознесенскому, Ворошилову, Жданову, Кагановичу, Маленкову, Микояну, Молотову, Сталину, Хрущеву, Булганину, Косыгину, Швернику.

Секретарям ЦК ВКП(б): тт. Кузнецову, Попову, Суслову, тт. Бенедиктову, Скворцову, Цицину.

Ввиду принципиальной важности и актуальности затронутых в нем вопросов рассылается членам и кандидатам в члены Политбюро настоящая записка академика Лысенко от 27.X.47 г. для ознакомления. В свое время поставленные в записке вопросы будут обсуждаться в Политбюро.

И. Сталин
Публикация Ю. Н. Вавилова

ПРИЛОЖЕНИЕ №1

О ветвистой пшенице

Ветвистая пшеница, о которой говорится в публикации, принадлежит другому ботаническому виду *(Triticum turgidum)*, чем обычно возделываемые в России (а также широко во всем мире) мягкая (*T. aestivun)* и твердая *(T. durum)* пшеницы. (Первая преимущественно используется для выпечки хлеба, вторая – для изготовления макарон.) У пшеницы тургидум встречаются как обычные, так и ветвистые разновидности. Крупные ветвистые колосья с числом зерен в 3-4 раза большим, чем в колосьях обычных разновидностей, создают иллюзию очень урожайной культуры. Обычно зерно в них мелкое, а сама ветвистость возможна только на очень плодородной почве при редком стоянии растений. При попытке увеличить норму высева (загустить посев) образуются неветвистые колосья. Вот почему обычная, неветвистая пшеница значительно превосходит по сбору зерна с гектара ветвистую – тургидум. К тому же тургидум экологически тяготеет к южным приморским зонам и плохо приспособлен к климату Центральной России. Этим недостатком в полной мере страдает и Кахетинская ветвистая – местный сорт Грузии, о котором идет речь в публикации. Н. И. Вавилов неоднократно указывал также на низкие хлебопекарные качества, свойственные виду тургидум.

Вид тургидум потенциально высокопродуктивен и в современной селекции используется в скрещиваниях. В частности, известный селекционер И. Г. Калиненко со-

здал на Дону сорта озимой тургидной высокоурожайной пшеницы. Но они имеют обычный простой колос.

Ю. Б. Коновалов

ПРИЛОЖЕНИЕ №2

О посевах озимых по стерне в Сибири, предложенных Т. Д. Лысенко

Посев озимых по стерне в Сибири, предложенный Т. Д. Лысенко в 40-е гг. (справедливости ради нужно заметить, что такие посевы пробовали делать и до Т.Д.Лысенко), – прием, имеющий под собою некоторое основание. Опуская подробности, можно указать на главные доводы в пользу стерневых посевов и, в то же время, на главные причины их неудач. Стерня накапливает снег, который удерживает температуру почвы в зоне узла кущения озимых на более высоком уровне, чем на обычных посевах. Кроме того, посев в плотную почву предохраняет от так называемого «выпирания» растений, связанного с увеличением объема замерзшего верхнего слоя почвы и имеющего следствием разрыв корневой системы и гибель растений. Но посев по стерне исключает борьбу с сорняками, которая при обычной агротехнике сводится к лущению (поверхностному рыхлению), провоцирующему прорастание семян сорняков, всходы которых затем уничтожаются вспашкой. При посеве по стерне для борьбы с сорняками может помочь применение гербицидов, но в то время их не было. Кроме того, имевшиеся сорта озимой пшеницы не обладали достаточно высокой морозостойкостью, и стерневые посевы в условиях суровых сибирских зим не обеспечивали их перезимовки. Более морозостойкими были посевы ржи. Надо отметить также, что при сухой погоде посев по стерне в почву, иссушенную предыдущей культурой, вообще не давал всходов. В результате ничего, кроме засорения полей, стерневые посевы озимых в то время не дали. Проблематичны они и сейчас: слишком суровы сибирские зимы. Впрочем, новые сорта, применение специальных стерневых сеялок и гербицидов дают больше шансов на успех.

Ю. Б. Коновалов

Глава 3. СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ О Н.И. ВАВИЛОВЕ

НИКОЛАЙ ВАВИЛОВ – ПИОНЕР ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ РАСТЕНИЙ МЕКСИКИ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

(Выступление Ю.Н. Вавилова на Конгрессе латиноамериканистов в Москве в 2001 г.)

Ю.Н. Вавилов[1], Л.Е. Горбатенко[2]

Николай Вавилов был биологом, генетиком, биогеографом, исследователем растений, историком земледелия. Известно, что его важнейшей заслугой было открытие на земном шаре центров происхождения и разнообразия культурных растений, «Вавиловских центров», содержащих генетические ресурсы, необходимые для питания населения Земли. Эти центры были открыты благодаря многочисленным трудным и рискованным экспедициям Вавилова и его сотрудников по странам пяти континентов во вторую половину двадцатых и начала тридцатых годов XX века. Вавилов был первым, кто осознал необходимость сохранения для настоящих и будущих поколений человечества генетического разнообразия растений путем создания их генбанков.

Еще во время своей длительной поездки в США и пребывания в Европе на обратном пути в Россию (1921-1922) Н.И. Вавилов получил возможность предварительного знакомства с растениеводством, ботанической флорой и культурой индейцев Мексики, Центральной и Южной Америки по литературе и музейным коллекциям Чикаго, Нью-Йорка, Сан-Франциско, Лондона, Парижа и Берлина.

Он пришел к заключению, что страны Центральной и Южной Америки обладают растениями, сильно отличающимися от растений Старого Света.

Для подробного исследования растительных ресурсов Латинской Америки Н.И. Вавилов организовал несколько советских экспедиций в эти страны. По его инициативе в 1925 году советская ботаническая экспедиция, возглавляемая Ю.В. Вороновым, сотрудником вавиловского института, была послана в Латинскую Америку. Участником экспедиции был С.М. Букасов, близкий сотрудник Вавилова, в будущем ставший выдающимся специалистом по генетике и селекции картофеля. Эта экспедиция была первой после революции 1917 года поездкой советских ученых в Латинскую

---

[1] Физический институт им. П.Н. Лебедева, Москва, Россия.
[2] Всероссийский институт растениеводства им. Н.И. Вавилова, Санкт-Петербург, Россия.

Америку. В 1927 г. в Перу, Боливии и Чили работала экспедиция С.В. Юзепчука, также соратника Вавилова.

Н.И. Вавилов высоко оценил результаты двух экспедиций. В своей работе «Мексика и Центральная Америка как главный центр происхождения культурных растений » (1931) он писал, что советские экспедиции собрали много очень важных разновидностей, которые сильно изменили наши взгляды не только о разновидностях, но и о видах важнейших культурных растений Латинской Америки. Он также подчеркнул, что «новые виды дикого и культурного картофеля, открытые советскими учеными, ныне вовлечены в практическую селекцию в нашей стране и других странах».

Благодаря своим собственным исследованиям и экспедициям, а также экспедициям своих коллег, Н.И.Вавилов еще в 1926 г. впервые сформулировал теорию центров происхождения и разнообразия культурных растений на земном шаре.

В 1930 и 1932-1933 гг. Н.И.Вавилов предпринял свои собственные экспедиции в Мексику, Центральную и Южную Америку. На рисунке 1 показаны его маршруты 1930 и 1932-1933 гг. в США, Мексику, Центральную и Южную Америку. На карте цифры обозначают города, посещенные Н.И.Вавиловым: см. перечень городов на отдельном листе.

Экспедиции Вавилова в Центральную и Южную Америку помогли ему усовершенствовать концепцию о центрах происхождения и разнообразия культурных растений для Западного полушария. Вавилов установил на территории Северной и Южной Америки два главных центра. Эти центры охватывают горные области Кордильер в Северной и Южной Америке.

Н.Вавилов писал: «Новый Свет характеризуется поразительной локализацией главных центров земледельческой культуры. Они включают Центральную Америку, Мексику и центральную часть Анд, включая Эквадор, Перу и Боливию [1]». «Карликовые республики Центральной Америки – Коста-Рико и Сальвадор – по площади составляя 1/100 США, писал Вавилов, – по числу видов превышают число видов всей Северной Америки: США вместе с Канадой и Аляской» [2].

Первый Вавиловский центр в Латинской Америке: Центрально-Американский центр, включающий южные области Мексики, Гватемалу, Гондурас, Сальвадор и Антиллы. В этом центре можно найти ряд важнейших культурных растений Нового Света, прежде всего кукурузу, которая в американских странах имеет такое же важнейшее значение, как пшеница в Старом Свете. Цивилизация майя была бы невозможна без кукурузы. Этот центр дал человечеству такие растения как какао, батат (сладкий картофель), важнейшие виды хлопка (упланд, бурбон), тропические культуры (папайя, авокадо, кактус, и другие).

Культурные растения Центрально-Американского центра перечислены на рисунке 2.

Второй Вавиловский центр в Западном полушарии – Южно-Американский Центр или Андский центр.

Главные культурные растения центра смотри на рисунке 3.

Огромное значение для мирового растениеводства, особенно европейского и советского, имело открытие (Вавиловым и его коллегами) большого числа видов и разновидностей картофеля на территории Перу, Боливии и Чили. Это открытие стало революцией в систематике и селекции картофеля. Оно позволило получить разновидности иммунные к инфекционным заболеваниям, морозоустойчивые и высокопродуктивные.

Отметим, что в Боливии Н.Вавилов нашел хинное дерево на склоне Анд на высоте 1500 метров. Кора хинного дерева содержит алкалоид, необходимый для изготовления антималярийных лекарств.

В 1932 г. Н.Вавилов, несмотря на занятость руководством нескольких институтов и ВАСХНИЛ, посетил и обследовал страны Южной Америки: Перу, Боливию, Чили, Бразилию, Аргентину, Уругвай, Кубу, Тринидад и Пуэрто-Рико.

Это была его последняя поездка в страны Западного полушария.

Его маршрут, как можно видеть на карте, был очень велик. Такое большое путешествие требовало самолетов. Результатом последней зарубежной экспедициии Вавилова было более точное определение Центров происхождения и разнообразия культурных растений в Западном полушарии. Он собрал важнейший семенной материал для мировой коллекции руководимого им института в Ленинграде и установил новые научные связи с латиноамериканскими учеными. Видные ученые Индии М.С.Сваминатан и С.Ян писали: «Благодаря своей дальновидности и мудрости Н.И.Вавилов был одним из тех биологов, которые поняли, что создание коллекций и сохранение широкого генетического разнообразия разновидностей является наиболее эффективным способом предотвращения безвозвратной биокатастрофы [3]».

Опыт и теоретические обобщения Н.Вавилова и его коллег были использованы учеными многих стран (не только советскими и латиноамериканскими), но и учеными Швеции, Германии, Великобритании, США и других стран.

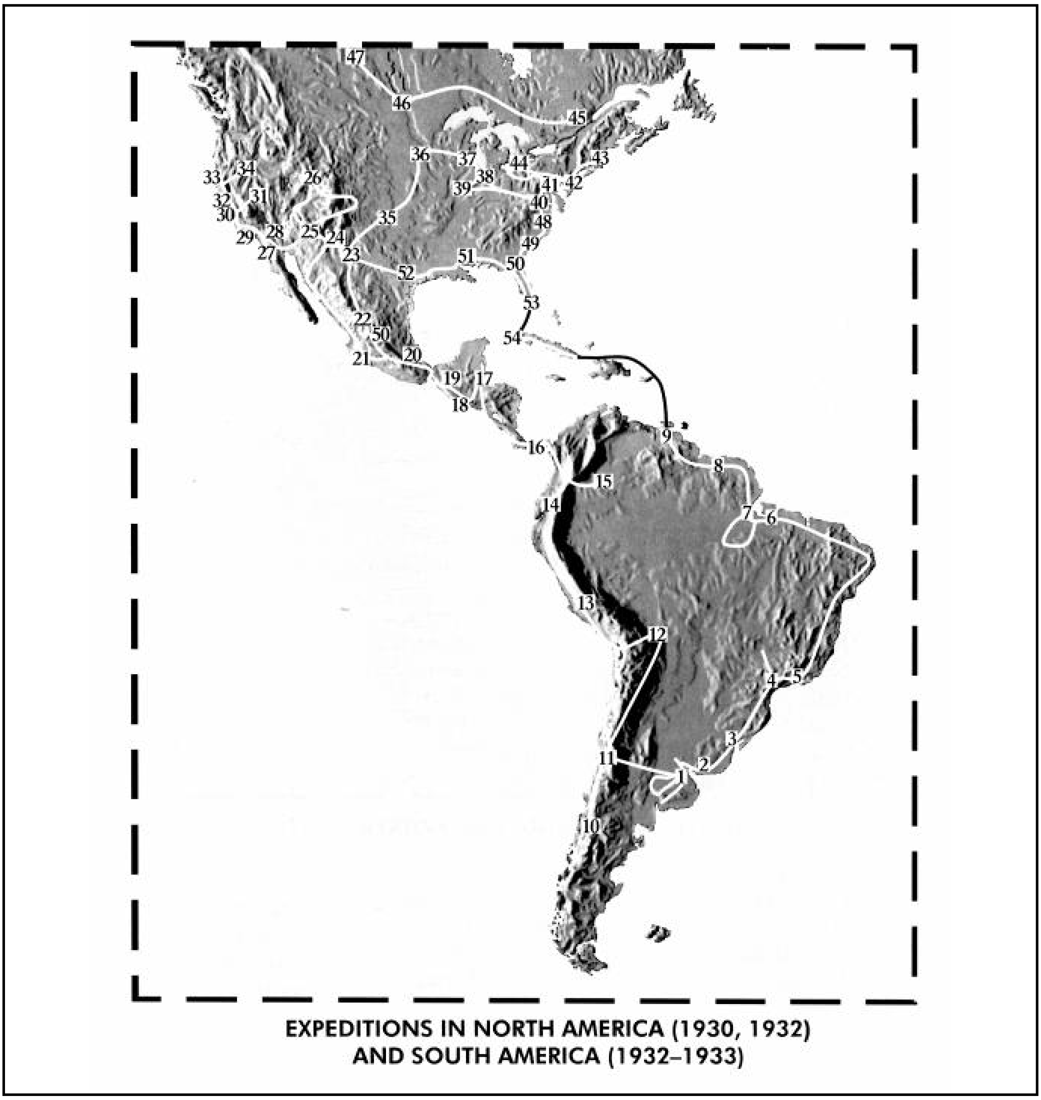
Многие страны начали посылать экспедиции в Латинскую Америку с целью собрать и использовать все ценное, созданное природой в странах Латинской Америки.

Свои основные исследования мировых генетических ресурсов растений Н.Вавилов сочетал с изучением истории земледелия. Для истории земледелия Латинской Америки большое значение имеет работа Вавилова «Великие земледельческие культуры доколумбовой Америки и их взаимоотношения», опубликованной впервые в 1939 г. в Известиях географического общества СССР [4]. В этой работе Н.И.Вавилов изложил результаты своих исследований земледелия доколумбовой Америки, его эндемичных растений, взаимосвязь между земледельческими центрами Северной и Южной Америки.

Н.И.Вавилов сделал вывод, в частности, что культуры майя и ацтеков возникли без влияния Старого Света, и что человечество обязано им введению в практику таких важных культурных растений как кукуруза, хлопок, какао и других.

СПИСОК ГОРОДОВ, ПОСЕЩЕННЫХ Н.И. ВАВИЛОВЫМ ВО ВРЕМЯ ЭКСПЕДИЦИИ В СЕВЕРНУЮ АМЕРИКУ (1930, 1932 гг.) И ЮЖНУЮ АМЕРИКУ (1932-1933 гг.).

1.	Буэнос-Айрес	2.	Монтевидео	3.	Порто-Алегро
4.	Сан-Пауло	5.	Рио-де-Жанейро	6.	Белем
7.	Река Амазонка	8.	Парамарибо	9.	Остров Тринидад
10.	Пуэрто Монти	11.	Сантьяго	12.	Лапас
13.	Лима	14.	Квито	15.	Богота
16.	Панама	17.	Пуэрто-Кортес	18.	Банья
19.	Гватемала	20.	Торрсон	21.	Гвадалахара
22.	Гуаймас	23.	Эль-Пасо	24.	Туксон
25.	Феникс	26.	Солт Лейк Сити	27.	Мексикали
28.	Сан-Диего	29.	Лос-Анджелес	30.	Мерсет
31.	Окленд	32.	Сан-Франциско	33.	Сакраменто
34.	Чико	35.	Оклахома Сити	36.	Сан-Паул
37.	Мэдисон	38.	Чикаго	39.	Сан-Люис
40.	Вашингтон	41.	Филадельфия	42.	Нью-Йорк
43.	Бостон	44.	Кливленд	45.	Оттава
46.	Виннипег	47.	Принс Альберт	48.	Ричмонд
49.	Чарльстон	50.	Джексонвиль	51.	Нью-Орлеан
52.	Сан-Антонио	53.	Майами	54.	Гавана



Карта Северной, Центральной и Южной Америки с указанием городов, которые посетил Н.И. Вавилов

СПИСОК КУЛЬТУРНЫХ РАСТЕНИЙ ДВУХ АМЕРИКАНСКИХ ЦЕНТРОВ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И РАЗНООБРАЗИЯ КУЛЬТУРНЫХ РАСТЕНИЙ

Растения Центрально-Американского центра, включая Южную Мексику

Амаранч Бобы (разнообразные) Кукуруза Какао Анакард
Хлопок Гайава Папайя Красный перец Кабачки
Батат (сладкий картофель) Табак Помидоры

Растения Южно-Американского центра (Перу, Боливия, Эквадор)

Бобы Какао Кукуруза Хлопок Гуава Папайя Красный перец
Картофель Хинное дерево Кабачки Табак Помидоры
Бразильский орех Анакард Каучук Ананас

ССЫЛКИ

1. *Н.И.Вавилов*. Ботанико-географические основы селекции. Академик Н.И.Вавилов. Избранные труды, т.II, 1960, стр.52.
2. *M.S.Swaminathan and S.Jana,* BIODIVERSITY. Implications for global food security., Edited by M.S. Swaminathan and S.Jana, Macmillan India Press, Madras, 1992.
3. *Н.И.Вавилов*. 1939. Великие земледельческие культуры доколумбовой Америки и их взаимоотношения. «Известия географического общества СССР», т.LXXI, вып.10. Академик Н.И. Вавилов. Избранные труды, т.II, 1960, Москва-Ленинград, стр.159-180.

РАБОТЫ Н.И. ВАВИЛОВА О КУЛЬТУРНОЙ ФЛОРЕ КИТАЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ МИРОВОГО РАСТЕНИЕВОДСТВА[1]

Ю.Н. Вавилов, Физический институт им. П.Н. Лебедева РАН
В.А. Драгавцев, Всероссийский институт растениеводства им. Н.И. Вавилова

Н.И. Вавилов, будучи признанным экспертом в области мировой растениеводческой науки, уделял большое внимание особенностям культурной флоры Китая и возможности ее использования для растениеводства многих стран. Об этом свидетельствуют его многочисленные публикации. В хорошо известной работе Н.И. Вавилова «Ботанико-географические основы селекции растений» (опубликовано в: «Теоретические основы селекции...», том 1, 1935 г., см. также «Избранные труды Н.И. Вавилова», том II, 1960 г.) он подчеркнул исключительную роль Китайского центра происхождения культурных растений. Эта работа содержит большой список важнейших культур, эндемичных для этого центра: 136 видов растений, включающих такие культуры как просо, гречиха, соя, другие бобовые культуры, многие корнеплоды и фруктовые растения. Список составлен с использованием коллекций, собранных самим Н.И. Вавиловым и другими сотрудниками вавиловского института растениеводства.

Китайской культурной флоре посвящены две неопубликованные при жизни Н.И. Вавилова статьи: «Новые данные о культурной флоре Китая и ее значение для советской селекции» и «Эндемичные пшеницы (Китая) и их значение для селекции» – Изв. АН СССР, Серия биол., 1958, стр. 744-751. В этих двух работах (1939 г.) Вавилов еще раз подчеркнул специфическую роль Китайского центра культурных растений среди других мировых центров происхождения и разнообразия культурных растений.

«Культурная флора Китая уникальна и сильно отлична по составу от других первичных очагов мирового земледелия» – писал Вавилов.

«По богатству эндемичных видов Китай выделяется среди других мировых центров, многие растения здесь представлены поразительным разнообразием форм: соевые бобы, хурма, цитрусовые» (там же).

Согласно подсчетам Вавилова происхождение более двухсот видов растений связано с Китаем. Он указал на исключительные перспективы для советских субтропиков таких китайских культур как чай, многочисленные цитрусовые, хурма, тунговое дерево и бамбук.

В посмертно изданной книге «Мировые ресурсы и сорта хлебных злаков, зерновых бобовых, льна и их использование в селекции» (1957, 1964) Вавилов описал агроэкологические особенности различных областей Китая и агрономических зон Японии. Он охарактеризовал регионы Китая, принимая во внимание климат, почвы и географические условия этих территорий.

[1] Тезисы доклада на XXII-ом международном конгрессе по истории науки. Пекин, июль 2005 г.

В своей неоконченной книге «Пять континентов» (первое издание: 1962) Н.И. Вавилов описал свои путешествия в Западный Китай (Синцзян), Тайвань и Японию, предпринятые с целью изучения культурных растений этих стран.

Путешествия и исследования Вавилова и его соратников показали исключительную ценность генетического разнообразия сельскохозяйственных культур Китая, включая Тайвань и Японию. Это разнообразие было использовано в 20-м веке и будет использовано теперь в 21-м веке для экологического и социального развития стран мира.

НАУЧНЫЕ СВЯЗИ Н.И. ВАВИЛОВА С УЧЕНЫМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ[1]

Н.И. Вавилов осуществлял тесные научные связи с британскими учеными на протяжении всей своей научной деятельности, начиная со своего первого длительного пребывания в Англии в 1913-1914 годах. Ряд его важных работ, в частности расширенное издание закона Гомологических рядов в наследственной изменчивости, был издан в 1922 году в Англии [Journal of Genetics 1922, 12(1)].

Целью его первой поездки в Англию после окончания Сельскохозяйственного института в Москве в 1911 году была работа под руководством одного из основоположников генетики Вильяма Бэтсона. Н.И. Вавилов продолжил свою работу в институте Джона Иннеса в Мертоне, в окрестности Лондона, по теме, начатой в Москве по иммунитету растений.

Работа была опубликована в Англии в 1914-м году (Journal of Genetics, 1914, v 4, N 1). Ее название «Иммунитет к грибным заболеваниям как физиологический критерий в генетике и систематике на примере хлебных злаков». Он работал по этой теме некоторое время в Кембридже под руководством профессоров Р. Пеннета и Р. Биффена. В начале 1914 года Вавилов начал работать в Лондонском университете и в гербарии и библиотеке знаменитого ботанического сада Кью Гарден в Лондоне.

После вынужденного возвращения в Россию в 1914 году из-за начала мировой войны Н.И. Вавилов продолжал считать себя учеником Бэтсона и гордился этим. Во время своего первого пребывания в Англии он установил научные и дружеские контакты с видными английскими учеными Дарлингтоном и Холдейном. После возвращения в Россию он продолжил свои научные контакты путем переписки. В письме к Бэтсону от 5 октября 1922 года он писал: «Мертон и его жители столь дороги мне, что я имею живой интерес ко всему, что касается моих английских друзей». В этом письме он также напомнил, что в 1922 он посетил Бэтсона вместе с профессором Ячевским во время возвращения в Европу из Америки. В письме Бэтсона Вавилову от 11 января 1924 года он писал, что «очень рад, что Российское общество натуралистов избрало его своим членом». В том же году Бэтсон был избран иностранным членом Российской академии наук.

В своем письме Бэтсону от 11 марта 1925 года Вавилов сообщил, что он возвратился из трудного и опасного путешествия в Афганистан. Он писал: «Несколько недель тому назад я возвратился из Афганистана, где находился шесть месяцев. Было трудно добиться получения разрешения на доступ в Афганистан, так как условия путешествия в этом году были неблагоприятными в связи с различными военными обстоятельствами. Тем не менее мое путешествие было достаточно успешным. Я объехал всю страну, все ее агрономические зоны, четыре раза пересек Гиндукуш, видел даже Кафиристан и собрал большое количество образцов растений».

В 1925 году Бэтсон посетил Ленинград и Москву в связи с празднованием двухсотлетия Российской академии наук.

---

[1] Опубликовано в журнале «LINNEAN» в 1994 году.

В своем письме супруге Беатрис из Ленинграда от 5 сентября 1925 года он писал, что вавиловская коллекция семян «насчитывает 13 тысяч образцов пшеницы и других культур и является великолепной». В следующем письме жене 10 сентября также из Ленинграда было написано: «Я рад, что сюда приехал, я узнал кое-что новое и помимо всего я рад, что увидел работу Вавилова и его институт, который действительно хорош и который может превратиться в прекрасный институт, если Вавилов использует свой шанс».

В 1926 году Н.И. Вавилов приехал в Англию для получения виз в ряд Средиземноморских стран, ближнего Востока и Африки, а также для организации экспедиций в эти страны. Он работал в библиотеках Британского музея, а также Министерства колоний и науки. В своей книге «Пять континентов» (опубликованной в Италии, на английском языке в 1999-м году, он писал: «С помощью друзей в Лондоне, особенно доктора Даниэля Холла, знаменитого британского агронома и бывшего директора Ротамстедской опытной станции я получил визы в Палестину и остров Крит». В университете Рединга у Н.И. Вавилова были тесные научные взаимоотношения с профессором Джоном Персивалем, с которым он обменивался образцами пшениц. В письме 3 декабря 1927 года он написал: «Большое спасибо за образцы пшениц, которые Вы прислали мне из Бирмы и Кашмира, и за копии работ».

В 1930 году Вавилов снова посетил Англию перед своей длительной поездкой в Северную и Центральную Америку и в Мексику. Во время пребывания в Англии он участвовал в V-м Международном Ботаническом конгрессе в Кембридже, проходившем 16-23 августа и сделал доклад «Линеевский вид как система». Он также участвовал в работе Международного агрономического конгресса в Лондоне и сделал доклад «Дикие родичи плодовых деревьев Туркестана и Кавказа и проблема происхождения плодовых деревьев». В следующий 1931 год мой отец снова прибыл в Англию на самолете для участия во втором Международном Конгрессе по истории науки (29 июня – 3 июля). Главой советской делегации был Николай Бухарин, известный политический деятель, сначала лишенный поддержки Сталина, а затем арестованный и расстрелянный в 1938 году. На конгрессе Вавилов выступил с докладом «Проблема происхождения мирового земледелия в свете новейших исследований». В этом докладе он показал, что мировые центры происхождения и разнообразия культурных растений, открытые им, совпадают с областями возникновения мирового земледелия.

Последняя (перед арестом) работа Н.И. Вавилова «Новая систематика культурных растений» (в книге «Новая систематика», редактор Джон Хегсли, Кларендон пресс, 1940) была опубликована в Англии.

Первый некролог Н.И. Вавилова был опубликован также в Англии во всемирно известном журнале «Nature». Авторами некролога был генетик Дарлингтон и селекционер хлопка Харланд, работавший в институте Джона Иннесса в 1939-1953 годы. Оба автора были близкими друзьями Вавилова. Некролог был написан очень эмоционально. В нем они говорят о важности деятельности Вавилова для растениеводства и селекции. Я приведу цитату из некролога: «В теории Вавилов совершил первый большой шаг вперед по сравнению с Декандолем, а для практики он заложил основу всего будущего улучшения зерновых растений. Его коллекция картофеля, например, привела к организации коллекции картофеля Британской империи, которая теперь является основой для выращивания картофеля в Британии и в других странах». В конце некролога Дарлингтон и Харланд написали: «И, хотя в последующие после кончины годы советские власти вспоминали о Н.И. Вавилове редко – за границей его слава неуклонно росла».

В 1942 году Лондонское Королевское общество (Английская академия наук) избрала его своим иностранным членом, не зная, что он в это время находился в саратовской тюрьме. В 1948 году Нобелевский лауреат, крупнейший английский ученый физиолог, Президент лондонского королевского общества в 1940-1945 гг., сэр Генри Дейл направил письмо Президенту академии наук СССР (Президентом академии в это время был брат Николая Вавилова Сергей Вавилов, мой дядя). Это письмо было опубликовано в газете «Таймс» и выходившей в Москве газете «Британский союзник». В этом письме Генри Дейл сообщил, что он отказывается быть почетным членом советской академии наук в знак протестка против ареста Н.И. Вавилова, а также в связи с разгромом советской генетики после Августовской сессии ВАСХНИЛ в 1948-м году. Сессия была организована Трофимом Лысенко. Из этого письма стало известно, что Королевское общество обращалось много раз к советскому правительству и академии наук СССР, спрашивая о судьбе Н.И. Вавилова, но не получило ответа.

Интерес к научной и общественной деятельности Н.И. Вавилова проявляли не только ученые, но и британские писатели и журналисты. В моей домашней библиотеке сохранилась книга «Советская наука», написанная в 1936 году известным английским писателем популяризатором науки Джоном Гровсером (J.G. Growther), Kegan Paul French, Трубнер & Co. Ltd., London 1936). Книга была подарена ее автором моему отцу. В книге несколько страниц были посвящены Н.И. Вавилову. Он (Гровсер) писал: «Президентом ВАСХНИЛ является Н.И. Вавилов, один из наиболее замечательных людей в Советском союзе и во всем мире. Его обаяние, дар руководства, энергия и интеллектуальная сила делала каждого его другом, а его достижения вызывали всеобщее восхищение. Сейчас ему около пятидесяти лет. Несмотря на огромное число лиц, с которыми он общается, и дел, которые он совершает, он помнит почти каждого человека, его нужды и всегда дает дружеский и вдохновляющий совет. Обычно он спит очень мало, однако не бывает нервным и возбужденным». Гровсер встречался с Н.И. Вавиловым в Москве и Ленинграде в 1935 году.

В заключение я хочу поблагодарить миссис Розмари Харвей, архивиста института Джона Иннесса, за предоставление мне копий писем Вильяма Бэтсона к его жене.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ АЛЬБЕРТА ГОРА[1]

Ю.Н. Вавилов, Э.Н. Мирзоян

AL GORE. EARTH IN THE BALANCE: ECOLOGY AND THE HUMAN SPIRIT.

Boston, N.Y., L.: Houghton Mifflin Company, 1992. 407 p.

АЛ. ГОР. ЗЕМЛЯ В РАВНОВЕСИИ. ЭКОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ДУХ. БОСТОН, Н. Й.,

Хайтон Миффлин Компани, 1992. 407 с.

Понятие «экология» не сходит со страниц газет, научных и популярных изданий, с экранов телевизоров, прочно вошло в лексикон политических и общественных деятелей. Одна за другой появляются книги, содержащие анализ тяжелейших экологических проблем современной цивилизации. Для всех уже ясно, что угроза глобальной экологической катастрофы, к сожалению, реальна, и что избежать ее можно, лишь объединив духовные и материальные ресурсы человечества. В разных странах пути такого объединения понимаются пока по-разному. Книга сенатора (а ныне вице-президента США) Альберта Гора рассказывает о том, как видятся экологические проблемы планеты в высших эшелонах государственной власти самой богатой страны мира. Сразу же отметим: и в США единой точки зрения на сей счет не существует.

Как известно, очень тяжелая экологическая обстановка наблюдается во многих областях и регионах бывшего СССР, в ряде европейских постсоциалистических стран, а также большинстве развивающихся государств. Достаточно сказать, что одна Украина выбрасывает в воздух в восемь раз больше загрязнений, чем все Соединенные Штаты Америки, а предельно допустимая концентрация (ПДК) вредных для здоровья человека примесей в воздухе и воде во многих городах упомянутых районов Земли в несколько раз превышает нормы.

Гор передает впечатление одного из визитеров от посещения румынского города Копса Мика (Copsa Mica), «черного города»: «... деревья и трава запачканы в копоти, как будто были опущены в чернила. Даже лошади не могут находиться здесь более двух лет, иначе они умирают» (р. 81). Или такой пример. В северной части Чехословакии воздух загрязнен столь сильно, что правительство платит любому, кто собирается там жить больше десяти лет, деньги, которые называют «похоронными».

В августе 1990 г. Гор побывал на Аральском море и принял участие в работе конференции по проблеме спасения Арала. В главе «Корабли в пустыне» автор повествует об ужасных последствиях преступно непродуманной системы ирригации хлопковых полей в обширных областях нескольких среднеазиатских республик, примыкающих к Аральскому морю. В результате использования больших масс воды рек Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи для орошения хлопковых полей уровень воды Арала за последние 20 лет катастрофически понизился (на 14 метров); объем воды озера, некогда богатого рыбой, сократился на две трети, а площадь – на 44%. В результате Арал превратился в зону экологической катастрофы. Население прилежащих к нему территорий подвержено заболеваниям брюшным тифом, раком пищевода и гепатитом из-за большого содержания в воде остатков пестицидов и других химикатов, смываемых в реки с орошаемых полей.

[1] Опубликовано в журнале «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК», том 63, №10, 1993.

Разумеется, в развитых странах – США, Японии, Англии – немало собственных экологических проблем, но вместе с тем здесь за последнее время удалось добиться впечатляющих успехов. В качестве примеров Гор приводит американский промышленный Питсбург, когда-то известный своими тяжелыми туманами, а сейчас считающийся одним из наиболее чистых городов мира, и Лондон, экологическая ситуация в котором значительно улучшилась по сравнению с убийственным смогом 50-х годов.

В рецензируемой книге, вышедшей в свет накануне кампании выборов президента США, содержатся серьезные упреки в адрес администрации Дж. Буша. По словам Гора, она уделяла недостаточно внимания необходимым изменениям политики правительства в области охраны окружающей среды. Автор выступает за пересмотр деятельности в этой сфере правительств всех стран мира, призывая добиваться гармонизации отношений общества и природы. И это не просто политический прием, позволяющий обнаружить слабое место противника. Это честная позиция человека и политика, на протяжении четверти века размышлявшего над проблемами, которые обсуждаются в его книге. Гор возмущен пассивностью многих руководителей ведущих держав перед лицом надвигающейся катастрофы, считая, что выбор варианта ничего не делать в ответ на быстро растущую очевидность необходимости срочных мер есть на самом деле выбор безрассудного разрушения окружающей среды, ведущего к близкой катастрофе.

Как вспоминает автор, его ранние представления о защите природы исчерпывались заботами о предохранении почвы от эрозии на семейной ферме. В начале 60-х годов мать Гора оценила содержавшееся в книге Р. Карсон (R. Carson) предупреждение о недопустимости злоупотребления ДДТ и пестицидами. Позже на экологических размышлениях Гора отразилась война во Вьетнаме, в частности, применение в ходе ее гербицидов (agent Orange), вызывавших генетические изменения. Он изучает последствия «химической революции», способствовавшей введению в широкий оборот во всем мире таких соединений, как гербициды, пестициды, фунгициды и др. Интерес к этим вопросам Гор сохранил и после избрания его в Конгресс США. В 1978 г. он направил своим коллегам с фермы в штате Теннеси письмо, в котором рассказал о болезни ее обитателей, вызванной загрязнениями пестицидами, скапливающимися близ их участка.

Гор был инициатором приглашения профессора Ревеля (Revelle) на первые слушания в Конгрессе, посвященные глобальному потеплению, и надеялся, что сообщенные ученым сведения потрясут присутствующих. Этого, однако, не случилось, потрясенным оказался лишь один Гор. После данного инцидента он начал серьезно изучать как эту, так и некоторые другие экологические проблемы. Гор собирает необходимую информацию, вникая в результаты исследований, перечитывая массу книг и журналов, беседуя по всей стране с экспертами, стремясь уяснить себе, как можно преодолеть глобальный экологический кризис. Оказалось, что большинство людей мыслило об окружающей среде в локальных региональных рамках, а таким путем невозможно достичь понимания глобальных процессов. К началу 80-х годов ему стало ясно, что взаимодействие общества с природой следует рассматривать комплексно.

В марте 1987 года А. Гор, уже будучи сенатором, решил выставить свою кандидатуру на выборах президента США. В предисловии к книге он пишет, что одной из основных причин такого шага была попытка привлечь внимание американского общества к кризису окружающей среды как к политической проблеме. В речи при выдвижении своей кандидатуры он говорил о глобальном потеплении, истощении озонового слоя и всеобщем заболевании (загрязнении) окружающей среды, подчеркнув, что, наряду с контролем за ядерным оружием, эти проблемы будут центральными во время его избирательной кампании. Однако ведущие политические обозреватели США и пресса объявили их выходящими за пределы даже второстепенных интересов большинства избирателей.

Сначала в качестве члена палаты представителей в Конгрессе, а затем сенатора, главы комитета Конгресса по экологии Гор приложил немало усилий для охраны природы как в США, так и за их пределами: выдвинул ряд законодательных предложений, активно участвовал во многих национальных и международных встречах по экологии. Весной 1990 г. вместе с другими сенаторами он организовал первую межпарламентскую конференцию по глобальным проблемам окружающей среды, которая прошла в Вашингтоне. На ней присутствовали парламентарии из 42 стран.

Начав с частных вопросов, Гор в конце концов пришел к выводу: сохранение среды обитания человечества зависит в значительной степени от нашей способности восстановить баланс между хищническим аппетитом цивилизации применительно к ресурсам и хрупким планетарным экологическим равновесием. Он осознал, что глубокое понимание экологических проблем невозможно, если не вникнуть в подлинную суть нашей цивилизации и в ее отношение к природе. «Здание цивилизации, – читаем в книге, – стало удивительно сложным, но по мере того, как оно совершенствуется, мы сильнее ощущаем растущий отрыв от наших корней на Земле, утрату связи с остальной природой» (p.1).

Отмечая, что цивилизация по-прежнему взирает на планету как на скопление ресурсов, Гор возлагает часть вины за подобное отношение на науку. Он констатирует, что не в последнюю очередь вследствие научно-технической революции наше знание о естественной природе организовано в виде все более сужающихся отсеков и что в своем очаровании отдельными фрагментами природы мы забываем обозреть целое. Между тем экологическая перспектива раскрывается только с познания того, как различные части природы взаимодействуют в качестве целостной системы, стремящейся к равновесию. Включая в понятие «целое» природу и общество, Гор подчеркивает: цивилизация составляет неотъемлемую часть целостного мира. Человечество оказывает сильное влияние на природу, и если мы этого не поймем, если уже сегодня не вникнем в отдаленные последствия нашей нынешней деятельности, то не сможем осознать реальную опасность, которую таит в себе нарушение планетарного экологического равновесия. Мы ощущаем беспокойство из-за утраты связи с природой и в то же время испытываем паралич, порожденный старым высокомерием и старым образом мышления, мешающими найти решение возникшей дилеммы.

Свою задачу вице-президент США видит в том, чтобы преодолеть этот затянувшийся паралич и попробовать выработать план выхода из кризиса. Разделяя мнение Махатмы Ганди, Гор убежден: положительные сдвиги в окружающем нас мире возможны только в том случае, если люди, призывающие к борьбе за это, самоусовершенствуются. «Каждый из нас призван нести большую личную ответственность за ухудшение мировой окружающей среды, обязан обратить суровый взгляд на свой образ мышления и действий, которые ведут к тяжелому кризису» (p. 12), – пишет автор. При этом он выступает за широкое и тесное международное сотрудничество. «Мы все должны стать партнерами в смелых усилиях фундаментально изменить нашу цивилизацию» (p. 14).

Не ограничиваясь общими соображениями, Гор разворачивает перед читателями широкий план действий, называя его новым глобальным планом Маршалла, который, в отличие от старого, рассчитанного на обеспечение экономического прогресса Европы, исходит из того, чтобы глобальная экономика включала в свою сферу и такие регионы, как Африка и Южная Америка, чтобы теперь аналогичный эффект был бы достигнут в мировом масштабе. Намеченная грандиозная программа опирается, считает Гор, на три важных выбора, которые человечество сделало в последние годы: демократию как предпочтительную форму политической организации общества; динамичный свободный рынок как предпочтительную форму экономической организации; самосознание людей, ощущающих себя частью мировой цивилизации.

По мнению автора, его план призван решить следующие стратегические задачи.

• Стабилизировать народонаселение мира с помощью политики, разработанной для создания в каждой стране благоприятных демографических условий, необходимых для перехода от динамического равновесия на уровне высокой рождаемости и смертности к стабильному динамическому равновесию на низком уровне рождаемости и смертности, характерного для большинства индустриально развитых стран.

• Создать в короткие сроки новые технологии (особенно в таких областях, как энергетика, транспорт, сельское хозяйство, строительство), которые обеспечивали бы сохранение окружающей природы.

• Произвести всестороннее и повсеместное изменение в «правилах пути», посредством которых мы ограничиваем наше воздействие на окружающую среду.

• Провести переговоры для принятия нового пакета международных соглашений, предусматривающих механизмы ограничений и запретных мер, согласованное планирование, стимулы, штрафы и взаимные обязательства, необходимые для успеха генерального плана.

• Выработать программу сотрудничества в деле воспитания граждан планеты на основе природоохранных знаний, в частности, посредством распространения информации о локальных, региональных и глобальных угрозах окружающей среде (p. 305 – 307).

Гор подробно анализирует содержание каждой задачи и обсуждает возможности ее решения. Пожалуй, наибольший интерес представляет его мнение относительно необходимости кардинального изменения экономических правил того пути, по которому движется человечество, или по крайней мере большинства правил, присущих рыночной экономике и детерминирующих эффективность нашего выбора. Говоря об ошеломляющей победе свободной рыночной экономики над коммунизмом в глобальной войне мировоззрений, автор предупреждает, что философия рыночной экономики также должна быть подвергнута изменениям с точки зрения глобальных проблем и процессов цивилизации. За этим предостережением стоит опыт работы в Объединенном экономическом комитете, где он пытался собрать все формулы (положения) современных вариантов экономической теории, которые необходимо изменить с тем, чтобы устранить серьезные препятствия на пути рыночной экономики. Гор пришел к выводу, что для каждой формулы, не учитывающей экологический вред, нужно искать замену, опираясь на соответствующий метод оценки экологических последствий рыночных отношений. Применение подобного метода связывается им с возможностью вычисления ценности окружающей среды и не в последнюю очередь – с преодолением эгоистических устремлений промышленных корпораций.

В книге упоминается 100-летний план развития технологий, который был выработан в Японии в интересах улучшения окружающей среды и который потребует существенной перестройки в области экономики. Японцы сумели опровергнуть популярный в США меркантилистский лозунг: «Что хорошо для Дженерал Моторс, то хорошо и для Америки». Подчеркивая данное обстоятельство, автор преследует цель возбудить энергию правительства США, направив ее на выработку национальной программы, способной предотвратить дальнейшее ухудшение окружающей среды. Он предлагает кардинальные изменения в подходах к экономике, считая необходимым включить в определение национального валового продукта стоимость и прибыль, полученные в результате сохранения окружающей среды. Точно так же следует изменить определение производительности (продуктивности): оно должно отражать улучшение или ухудшение окружающей среды.

Новый глобальный план Маршалла предполагает создание определенных социальных и политических условий для его реализации. Среди них социальная справедливость, права человека, адекватное питание, забота о здоровье и приюте, высокий уровень грамотности, политические свободы, сотрудничество и ответственность. Ведущую

роль в осуществлении своего плана Гор отводит США. Однако, будучи опытным политиком, он предвидит немалые трудности, и может быть, одна из главных состоит в том, что прежде чем пригласить мир следовать за собой, самим Соединенным Штатам еще предстоит внести ценности окружающей среды в свои экономические решения.

Для поиска причин, вызывающих кризис природы, Гор побывал на всех континентах, совершил путешествие на атомной подводной лодке в Антарктиду, где наблюдал в ледниковой толще следы вредных выбросов воздуха, был и в Арктике, на Северном полюсе. В тропических лесах Бразилии, вблизи экватора, он видел регулярно заволакивающие небо большие тучи смога, вызванного сжиганием леса.

Необходимо отметить, что Гор описывает природу Земли удивительно образным, поэтическим языком. Он вспоминает, как его взволновали первые поразительные снимки нашей планеты, плывущей в темном космическом пространстве, которые были сделаны американскими астронавтами с борта корабля «Аполлон», какой хрупкой в своей красоте показалась на этих фотографиях Земля.

Гор принадлежит к категории крупнейших политических деятелей США, прекрасно понимающих, что человечество не выживет, если на Земле не прекратятся войны, не угаснет национальная вражда и не исчезнет расовая дискриминация. Он отдает дань глубокого уважения тем, чья деятельность направлена на благо всех жителей планеты. Так, Гор высоко оценивает научное наследие Н.И. Вавилова, называя открытые им мировые центры сортовых богатств (генов) культурных растений великими генетическими сокровищами; восхищается героизмом советских людей, спасших ценой собственных жизней в осажденном Ленинграде вавиловскую коллекцию семян. Кстати, одному из авторов данной рецензии во время поездки в США в 1992 г. посчастливилось лично познакомиться с А. Гором и убедиться в его дружеском, теплом отношении к русским ученым.

В своей книге Гор уделяет существенное внимание современной физической картине мира и прежде всего имеющей определяющее значение для экологии теории открытых систем. В образной и популярной форме он обсуждает границы существования различных структур, наличие порогов неустойчивости для экосистем, особенности качественных скачков в окружающей среде, возникновение состояний хаоса. С этим связана и суть общей концепции книги – мы являемся свидетелями и участниками начавшегося процесса нарушения экологического баланса, существовавшего на нашей планете.

Экологи давно изучают воздействие промышленности, сельского хозяйства, вооружения на окружающую среду и уже не раз предупреждали общественность о грозящей катастрофе. Гор, пройдя долгий и сложный путь исканий, пришел к аналогичным выводам. Можно посетовать, что в его книге не учтены закономерности организации и эволюции биосферы, опыт синтеза учения о биосфере В.И. Вернадского и экологические закономерности организации живого мира. Однако к чести Гора он, в отличие от множества политических деятелей, ограничивающихся декларативными высказываниями о пользе экологии, разработал (хорошо продуманную научно, политически и экономически) программу, которая дает прекрасную основу для обсуждения проблем глобальной экологии в практическом плане при участии ученых, политиков, промышленников и военных.

Некоторые предложения Гора могли бы быть реализованы незамедлительно. К ним, в первую очередь, относится введение экологических знаний в дошкольное воспитание, среднее и высшее образование. Тесты на экологические знания должны стать обязательными при назначении на государственные должности. Необходимо ужесточить законодательство, направленное на сохранение природной среды, и повысить ответственность государственных деятелей за судьбы биосферы. На международных

форумах чаще должны звучать голоса экологов, призванных информировать общественность о состоянии окружающей среды, о тенденциях развития процессов, обеспечивающих равновесие нашей планеты, о новых теоретических и практических изысканиях, способствующих устранению диссонансов из взаимодействия природы и общества. Нельзя забывать негативный опыт человечества, который свидетельствует, что сами по себе политические и экономические программы не в состоянии привести к успеху, когда речь идет о сохранении экологического равновесия на планете. Цель эта может быть достигнута только в том случае, если подобные программы опираются на законы организации и развития живой природы, биосферы и исходят из этих законов.

Книга Гора, человека и политического деятеля, искренне заинтересованного в будущем не только своей собственной страны, но и всего мира, позволяет надеяться, что подлинный союз науки и демократии, науки и политики, науки и экономики будет достигнут в интересах выживания цивилизации.

Ю.Н. ВАВИЛОВ
доктор физико-математических наук,
Э.Н. МИРЗОЯН
доктор биологических наук

ВЕЛИКИЙ ТВОРЕЦ НАУКИ, ОН ЩЕДРО ДАРИЛ ЛЮДЯМ СВОЕ ТЕПЛО

М.Г. ЗАЙЦЕВА, доктор биологических наук[1]

Мне не довелось работать с Николаем Ивановичем Вавиловым, но встречала я его неоднократно. Мой отец, Гавриил Семенович Зайцев, и Николай Иванович были ровесниками и учились в одно время в «Петровке». Хотя они не были однокурсниками, но в студенческую пору были знакомы. Правда, в то время они не были близкими друзьями. Их дружба зародилась позже, когда в 1916 году Николай Иванович заехал на Голодностепскую опытную станцию, где уже в течение двух лет после окончания института работал Гавриил Семенович. В тот вечер, как вспоминала моя мама, они допоздна засиделись в кабинете отца, обсуждая результаты двухлетней его работы. Тогда они оба поняли, что являются единомышленниками в науке. Их роднила также самоотверженная увлеченность делом, которому они служили. Не случайно, что вскоре между ними завязалась переписка, продолжавшаяся до смерти Гавриила Семеновича.

Сейчас опубликовано около 40 писем Н.И. Вавилова к Г.С. Зайцеву (журнал «Природа», N4, 1977, с.96-115; «Научное наследство», т.5, Н.И. Вавилов. Из эпистолярного наследия 1911 — 1928 гг., «Наука», М., 1980). А письма Гавриила Семеновича до сих пор не найдены: по-видимому, после ареста Николая Ивановича они канули в недрах НКВД. Осталось лишь свидетельство Николая Ивановича: «...Я с 1916 вел довольно большую переписку с Гавриилом Семеновичем...Надо сказать, что письма Гавриила Семеновича были, в сущности, всегда как бы отчетом. Эти письма бывали иногда в 12-15 страниц и письма эти являлись всегда целым событием. Они передавались из одной секции в другую. Все те, кто интересовался хлопчатником или общим изучением культурных растений, всегда находили в этих письмах чрезвычайно интересные подходы, и, попросту говоря, эти письма были обычно целым событием, которое подвигало работу института» («Природа», N4, 1977, с. 101).

Николай Иванович привлек Гавриила Семеновича к работам, разворачивавшимся в Институте прикладной ботаники. Начиная с 1923 года, отец, после завершения полевых

[1] Выступление на вечере, посвященном братьям Николаю и Сергею Вавиловым 6 января 1989 г. в Ленинграде в конференц-зале АН СССР.

работ, зимой уезжал в Ленинград к Вавилову. Работа в библиотеке и лабораториях, участие в семинарах перемежались с длительными задушевными беседами с Николаем Ивановичем. В письмах к маме отец восторженно отзывался о Николае Ивановиче, сравнивал его с пушкинским Моцартом и добавлял: «Мне нравится в нем то, что он ведет себя так же, как если бы мы были студентами в Петровке и по-товарищески беседовали обо всем, что влезет в голову при свободно развивающемся, непринужденном разговоре... Он очень компанейский человек и очень прост, несмотря на свою «всемирность».

Встречи с Николаем Ивановичем продолжались и во время его посещений Ташкента. Приезжая в Среднюю Азию, Николай Иванович постоянно останавливался в нашем доме, в кабинете отца.

Имя Николая Ивановича Вавилова я помню ровно столько лет, сколько помню себя. Это имя часто произносилось в нашей семье. Произносилось с особым уважением, которое чувствовали даже мы — дети.

К какому времени относится моя первая встреча с ним? Очевидно, к 1924 году. В тот год он останавливался у нас дважды — по пути в Афганистан и после возвращения из этой знаменитой экспедиции. Но об этом мне пришлось узнать позже от родителей. В то время я не могла еще многого запомнить, а тем более понять и оценить. Сейчас по письмам Николая Ивановича можно судить, какое большое значение он придавал этой экспедиции и какие препятствия пришлось преодолеть для ее организации. Экспедиция планировалась еще в 1923 году, но сорвалась из-за политических осложнений. Николай Иванович не терял оптимизма. В ноябре 1923 года он пишет Гавриилу Семеновичу: «Я определенно решил ехать весной в Афганистан. Пока в средствах отказано, но мы готовы с Букиничем ехать в самом скромном виде, хотя бы с минимальной суммой, которую скроим из отдельных сумм путем распродажи части имущества» («Научное наследство», т.5, с. 133).

Кстати, спутника Николая Ивановича по афганской экспедиции инженера-ирригатора Д.Д. Букинича (1882 — 1939) рекомендовал Гавриил Семенович. Однако весной 1924 года снова осложнение, и Николай Иванович пишет 22 апреля 1924 года отцу письмо с просьбой о содействии: «...вопрос с визами и с впуском нас в Афганистан чрезвычайно осложнился. Афганский посол не решился сам выдать нам визы, заявил, что это дело Кабула, а так как вопрос будто бы сложный, нужно сноситься почтой; почта идет из Москвы до Кабула 40 дней, то, понятно, что и ответ будет не раньше июля месяца. Несмотря на все наши старания и настойчивость, — мы сделали со своей стороны все, что только от нас зависело, — добиться визы не смогли, и самый вопрос о въезде в Афганистан еще проблематичен... Покорнейшая просьба к Вам ориентироваться насчет Афганистана и, буде есть возможность, оказать содействие проникновению туда. Вам как местному жителю, всех и все знающему, это виднее... Готовим эмиру афганскому коллекцию хлебов России. Бояться нас нечего. Словом, похлопочите, так как пока что вопрос с проникновением в Афганистан стоит открытым» (Там же, с. 162).

Когда Николай Иванович проник, наконец, в Афганистан, он регулярно сообщал отцу о всех этапах своего маршрута («...пишу из Кабула, попасть в который было восьмилетней мечтой»), поручал его заботам посылки с собранными материалами («...прошу Вас немедленно ... зайти в НКИД в Ташкенте и получить почту: два ящика, зашитые в мешки полосатые, весом по 1,5 пуда каждый и один мешок двойной упаковки весом тоже около 1,5 пуда... Очень прошу Вас взять под свою защиту эти материалы...»), обращался с просьбой об экстренной финансовой помощи («Трагедия с финансами. Путешествие здесь дороже, чем предполагали... Очень прошу Вас, если найдется малейшая возможность, одолжите мне 500-600 рублей в форме, какой найдете удобной, переслав ее экстренным порядком в Кабул... полпреду Старку для меня» — все цитаты из журнала «Природа», N4, 1977).

После возвращения из Афганистана Николай Иванович просил отца обработать собранные материалы по хлопчатнику. В результате в книге Н.И. Вавилова и Д.Д. Букинича «Земледельческий Афганистан» раздел о хлопчатнике написан Г.С. Зайцевым.

Гораздо лучше помню я появление Николая Ивановича у нас в следующем, 1925 году. В память об этом событии сохранились фотографии, сделанные самим Николаем Ивановичем. Я хорошо помню, как он собрал нас, ребятишек, на крыльце дома и, поставив на штатив фотоаппарат, сделал несколько снимков. На одном из них он сам с тремя загорелыми дочерна малышами. Почему-то этот большой и очень занятый человек нашел время, чтобы не только запечатлеть компанию маленьких сорванцов, но и выслать потом из далекого Ленинграда сделанные им снимки.

Появление Николая Ивановича в доме всегда было большим праздником не только для старших, но и для нас, детей. В доме всегда создавалась атмосфера какой-то радостной приподнятости, света, недаром много лет спустя, простая женщина, помогавшая маме по хозяйству, вспоминая былое, как-то сказала мне: «А помнишь, когда Вавилов-то к вам приезжал! Ведь это, как солнышко всходило». Молодая девушка в то время, приехавшая из глухой деревни и едва научившаяся у моей мамы читать и писать, она, конечно, не могла ни в коей мере представить, что значит Вавилов в науке. Но впечатление, которое он оставлял о себе, наверно, трудно точней определить.

С нами, мелкотой, Николай Иванович никогда не говорил снисходительно, глядя сверху вниз. Он обращался с нами, как с равными и при этом с большой теплотой. Не случайно письма Гавриилу Семеновичу из Ленинграда или даже из далеких путешествий он часто заканчивал приветом Мане и Ване или «цветку Иван-да-Марья». И совсем неважно было для него, писавшего из Кабула, что старшему из тех, кому он посылал привет, едва минуло пять, а другой всего три года.

Только став взрослой, я поняла, что для Николая Ивановича стоил внимания каждый человек, как бы он мал ни был по своему возрасту или положению.

Осенью 1928 года стало известно, что Николай Иванович приедет не один, а со своим сыном Олегом[1]. Конечно, этого приезда мы ждали с особым нетерпением. Каков он, сын Николая Ивановича? И вот они оба у нас — Николай Иванович, как всегда приветливо улыбающийся, и с ним темноволосый крепко сложенный мальчуган, очень похожий на своего папу. В доме радостная суматоха. В конце обеда на столе появляется большое блюдо клубники, немало удивившее Николая Ивановича: ведь на дворе ноябрь! После обеда Николай Иванович с отцом уходят на поля и в лабораторию. Это как обычно: главное в жизни — дело. А наше дело пока — игры.

Никто тогда не мог предполагать, что эта встреча Николая Ивановича с Гавриилом Семеновичем будет последней... По пути на Первый Всесоюзный съезд генетиков и селекционеров, не доехав до Ленинграда, отец скончался в Москве от гнойного аппендицита 17 января 1929 года. Мы, дети, не были освобождены от скорбного долга прощания и проводов отца. Этот морозный январский день врезался в памяти на всю жизнь.

Траурный митинг в Главном Хлопковом Комитете. На сцене сменяются выступающие. А вот и Николай Иванович, совсем необычный. Говорит взволнованно, прерывающимся голосом, на глазах слезы... Потом Николай Иванович напишет большой некролог, дав ему подзаголовок «Памяти друга»[2].

[1] О.Н. Вавилов (1918—1946) — старший сын Николая Ивановича, физик, сотрудник ФИАН, участник первых памирских экспедиций по исследованию космических лучей. Трагически погиб при невыясненных обстоятельствах во время отпуска в горах Кавказа. — Ред.

[2] Некролог «Г.С. Зайцев (1887—1929). Памяти друга» перепечатан в сборнике публицистических работ: Н.И. Вавилов «Жизнь коротка, надо спешить», изд. «Сов. Россия», М., 1990 — Ред.

В те годы провожающие за гробом шли пешком. Только мы, дети, были в машине позади идущих... Путь от Армянского переулка до Новодевичьего кладбища далек, а зимний день короток, и на кладбище оказываемся уже при наступлении сумерек. Закутанные до глаз, промерзшие на 25-градусном морозе, слышим первые удары мерзлой земли о крышку гроба — и вдруг кто-то берет нас за руки и бежит вдоль дорожки — это Николай Иванович.

С того тяжкого дня прошло не более трех недель. И вдруг из Ленинграда посылка. В ней книги Марка Твена «Приключения Тома Сойера», «Приключения Гекльберри Финна», «Принц и нищий», «Маугли» Киплинга с великолепными рисунками Ватагина и «Земледельческий Афганистан»... Это Николай Иванович, не всегда успевавший пообедать, нашел время, чтобы позаботиться о детях, лишившихся отца. Эти книги с дарственными надписями Николая Ивановича до сих пор как дорогие реликвии хранятся в нашей семье. Заботы Николая Ивановича не ограничились только этим. Нужно было хлопотать о пенсии — писать различные письма, ходатайства, следить за прохождением дела в правительственных инстанциях. Все это он взял на себя, при этом он регулярно сообщал маме о результатах.

После смерти отца мы переехали из Ташкента в Москву. Библиотека его и все материалы в соответствии с завещанием были отправлены в Институт прикладной ботаники. Николаю Ивановичу очень хотелось, чтобы мама и мы посмотрели, как все присланное размещено в руководимом им Институте. Неоднократно он приезжал к нам, чтобы увезти всех в Ленинград. Но так случилось, что при жизни его нам так и не удалось туда попасть. Выросшие в теплом Узбекистане, в непривычном московском климате мы часто простужались и болели.

Приезд Николая Ивановича в нашу московскую квартиру всегда был большой радостью для нас. Появлялся он неожиданно. Телефона у нас не было, да и если бы он и был, то, наверное, не всегда Николай Иванович мог бы заранее известить о своем визите. Жизнерадостный, с большими добрыми глазами, он расспрашивал о наших делах и много оживленно рассказывал о своих путешествиях в Китай, Японию, а позже в Южную Америку. Нам неизменно давался совет учить иностранные языки. Мы тогда занимались английским, но, конечно, как многие дети, порою с ленцой. Нам стыдно было в этом признаваться и мы понимали, что если Николай Иванович так говорит, то нужно подтянуться. От мамы мы знали, что сам Николай Иванович знал много языков и каждый раз, собираясь в очередную экспедицию, осваивал новый, чтобы иметь возможность обходиться без переводчика.

После переезда в Москву мы подружились с Олегом и часто с ним виделись. Он учился в школе, которая тогда носила имя Фритьофа Нансена. Эта школа была рядом с нашим домом. Олег часто после занятий забегал к нам, а порой мы отправлялись к нему на улицу Заморенова на Красной Пресне, а позже на Брестскую. В одном из разговоров с Олегом как-то выяснилось, что Николай Иванович, приезжая в Москву, расспрашивает Олега о нас. Однажды осенью 36-го года мы приехали к Олегу и встретились с Николаем Ивановичем. В это время в московских кинотеатрах шел «Петр Первый». Николай Иванович, забрав всех, повез на Пушкинскую площадь в кинотеатр «Центральный». Сеанс окончился около десяти вечера, но, несмотря на поздний час, Николай Иванович пригласил всю компанию в кафе на улице Горького. Мы учились в первую смену, нужно было рано вставать, но лишний часок провести с Николаем Ивановичем даже без обещанного мороженого стоило того, чтобы завтра не выспаться, и мы с восторгом приняли его предложение. Но наряду с мороженым был и серьезный разговор. Мы были в последних классах школы. Нужно было выбирать дорогу. Первый вопрос Николая Ивановича был обращен к моему брату — ему остава-

лось меньше года до выпуска. Выяснив все, что касалось брата, Николай Иванович обратился ко мне с вопросом, каковы мои интересы, планы, чему я хочу учиться. Я ответила, что мне бы хотелось заняться биологией. Окончательного решения, куда пойти, у меня еще не было. Николай Иванович коротко заключил наш разговор: «Значит — в Университет». Я никогда не пожалела о том, что последовала его совету.

Олег жил со своей мамой — Екатериной Николаевной Сахаровой и бабушкой Александрой Михайловной. Бабушка — небольшого роста, круглолицая, с большими темно-карими, светившимися добротой глазами. По ее лицу было видно, что в молодости она была красива. Одетая в черное, она была в постоянных хлопотах и заботах. Конечно, одним из предметов ее забот был внук Олег, стеснявшийся перед своими сверстниками ее опеки. К приезду Николая Ивановича у нее всегда бывали припасены хорошие шоколадные конфеты. Нередко ведь кусочек шоколада заменял ему обед.

Иногда в комнате Александры Михайловны встречались два ее сына. Однажды мы оказались при такой встрече. Сергей Иванович устроился на сундучке в углу комнаты перед дверью. Николай Иванович сидел за столом у окна. Бабушка хлопотала, угощая всех собравшихся. Братья обсуждали своих сыновей. Сергей Иванович показывал английские и французские книги, купленные у букинистов для Виктора. Он говорил, что сын любит читать. Николай Иванович заметил, что Олег не столь прилежен в изучении иностранных языков. Он увлечен другим.

Время наступало очень трудное, и Николай Иванович с несвойственной ему грустью сказал, что, садясь в Ленинграде в поезд, он никогда не бывает уверен, что доедет до Москвы... Нам он советовал быть осторожными и, взяв небольшой листок бумаги, написал несколько строк по-английски:

If you your lips
Will keep from slips
Five things you must beware:
Of whom you speak,
To whom you speak,
And how, and when, and where[1].

Да, он пытался уберечь других и в том числе нас, детей. Но себя-то он не берег. В то время сражения с Лысенко приняли опасный оборот. И, понимая это, он продолжал сражаться, не изменяя своим убеждениям.

На третьем курсе биофака происходило распределение по специальностям. Мне хотелось посоветоваться с Николаем Ивановичем. Я не раз звонила Олегу, чтобы узнать, когда он будет в Москве. Но встретиться с Николаем Ивановичем мне так и не удалось. Он мелькнул в Москве и уехал в экспедицию на Западную Украину. Вскоре мы услышали ужасную весть. Теплились надежды на его спасение, но никаких утешительных вестей не поступало.

Началась война, эвакуация. Мы с мамой уехали с университетом. Брат был на фронте. И вот весной 43-го года университет наконец возвратился в Москву. В конце января 44-го года мой брат на несколько дней приехал с фронта. Олег пришел его проводить. Это была первая наша встреча с довоенной поры. Он возмужал и стал еще больше походить на отца. Первый вопрос ему задает мама: «Олег, как папа?» — «Папа? Плохо — он умер...» «Где и когда?» — говорит мама.«В Саратове, ровно год назад, 26 января, — отвечает Олег,— я ездил туда. Он умер от голода. В Саратове была Елена

[1] Если вы хотите, чтобы с ваших губ не соскользнуло ничего лишнего, вы должны позаботиться о пяти вещах: о ком вы говорите, кому, как, когда и где.

Ивановна, но она ничего не могла сделать». Это известие потрясло нас: умер в тюрьме от голода человек, вся жизнь которого была посвящена созданию прочных основ нашего сельского хозяйства. Он тратил свои силы, чтобы можно было накормить всех! О нем теперь говорят: гений. Конечно, гений. Ведь он дал начало стольким направлениям в науке. А я думаю еще: нет, не только гений, но человек, у которого всегда хватало времени сделать добро. И как же нужно было не любить наш народ и Россию, чтобы погубить этого замечательного ее сына.

Как я уже говорила, мне приходилось встречаться и с Сергеем Ивановичем, и, мне кажется, братья были очень близки в своем демократизме и радушии, это были люди, которые всегда находили время делать добро, всегда были щедры на теплое отношение к окружающим. Это были необычайно светлые люди, которых забыть невозможно, не могут их забыть все те, кто с ними встречался.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА Н.И. ВАВИЛОВА СО СТАЛИНЫМ В КОРИДОРЕ КРЕМЛЯ

Незадолго до своей кончины в 1999 г. мой двоюродный брат Виктор Сергеевич Вавилов (1921-1999) рассказал мне, как в 1931 г.[1] мой отец неожиданно встретился со Сталиным в коридоре Кремля. Виктор Вавилов был свидетелем рассказа об этой встрече моего отца своему брату Сергею на квартире С.И. Вавилова в Ленинграде. Ниже следует рассказ В. С. Вавилова.

«В коридоре Кремля[2] дядя Коля остановился и наклонился, открыв свой большой портфель (обычно портфель был наполнен журналами и книгами). Он собирался достать из портфеля документ, необходимый для разговора с кем-то из кремлевских руководителей. Вдруг дядя Коля увидел приближающегося к нему Сталина. Дядя Коля понял, что Сталин его узнал, перехватив его взгляд. Дядя Коля хотел поздороваться со Сталиным и что-то ему сказать. Однако Сталин, увидев его, быстро исчез, войдя в одну из дверей в коридоре. Дядя Коля ждал его некоторое время, но Сталин так и не вышел из комнаты. У дяди Коли возникло неприятное ощущение. Он почувствовал, что Сталин его испугался.» Наверное, Сталин подумал, что Вавилов достает из портфеля пистолет, чтобы в него стрелять. Это представляется теперь вполне правдоподобным. Мы знаем, что Сталин был подвержен параноидным ощущениям, что на него готовится покушение.

---

[1] Этот эпизод произошел на самом деле не в 1931-м году, а на несколько лет позже, скорей всего в 1934-м году, так как известно, что мой отец рассказал об этом известному генетику Г. Меллеру, вскоре после встречи со Сталиным. Меллер же находился в СССР с 15 ноября 1933 г. по 22 сентября 1935 г.

[2] Вплоть до 1935 года Н.И. Вавилов был членом ЦИК СССР и имел постоянный пропуск для входа в Кремль. Вплоть до убийства С.М. Кирова в декабре 1934 г. лицам с постоянными пропусками можно было входить в Кремль с портфелем.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ – ВОСПОМИНАНИЕ Н.Г. ЛОЗОВОГО[1]

Николай Иванович Вавилов является великим ученым, поэтому каждый эпизод из его жизни нужно помнить. Об одном из таких случаев я и хочу рассказать.

Это было в 1937 или 1938 году. Вавилов проездом находился на Северном Кавказе, в Ставрополе. И он выступал в Ставропольском педагогическом институте, куда, вероятно, был приглашен кафедрой ботаники. Собрание вел профессор ботаники, армянин. Мне запомнилось, с каким восторгом он слушал Вавилова, впрочем, вся аудитория находилась под обаянием выступления Вавилова. Говорил Николай Иванович удивительно просто. Это не была лекция, не был доклад, это была запоминающаяся на всю жизнь задушевная беседа. Мы видели перед собою человека, всей душой преданного своему делу, делу улучшения работы с растениями, с природой, человека настоящей науки, который каждого хотел привлечь к этому великому делу.

Присутствовали главным образом студенты-ботаники, но были и некоторые педагоги других специальностей. Помню, был здесь Карп Георгиевич Черный, который в институте читал западноевропейскую литературу, замечательный лектор и педагог. Я тогда учился на факультете языка и литературы и был преподавателем в средней школе села Дербетовка Ставропольского края. Таким образом, я был филолог, а не ботаник, но очень интересовался работами Вавилова.

С того времени прошло более пятидесяти лет, но то, о чем говорил Вавилов, запомнилось мне так, как будто бы это было вчера. Вот что рассказывал нам тогда Вавилов. В горах, на альпийских лугах, т.е. на большой высоте над уровнем моря, встречаются гигантские растения. Особенно красивы там огромные зонтичные цветы. Интересно, что в низменных местах встречаются растения такого же вида, но только не крупные, а самые обыкновенные.

И вот что замечательно: у огромных зонтичных, растущих на альпийских лугах, оказывалось в клетках, в ядрах клеток, удвоенное количество хромосом. Так, например, если у обыкновенных растений было в клетке 12 хромосом, то у растений такого же вида, растущих на большой высоте, в клетке было уже 24 хромосомы. Николай Иванович говорил, что изучив и разобравшись в этих явлениях, мы сможем изменять величину и качество интересующего нас растения, мы сможем, так сказать, «брать саму природу за рога», но тут же Николай Иванович добавил, что это дело требует огромной и напряженной работы, что «легче выиграть двести тысяч» (выражение, которое он использовал несколько раз в данной лекции), мы слушали Николая Ивановича, как зачарованные, и нам виделись ослепительные альпийские луга на высоких горах, сверкающее голубое небо и огромные цветы.

Какие-то условия, какие-то силы оказывали чудотворное воздействие на эти растения, в результате чего у них удваивалось количество хромосом в каждой клетке и они вырастали такими огромными. Значит, и мы сможем изменять природу растения, выводить новые сорта, хотя для этого потребуется много труда. Мы все тогда были потрясены рассказами Николая Ивановича. Многие задавали ему вопросы. Правда чувствовалось, что у Вавилова есть и противники, враги новых исканий, есть люди, которые боятся истины, правды в науке. Ведь это было почти за два года до того, как Николай Иванович был арестован. Он был арестован в 1940 г., подвергался неслыханным издевательствам, в 1943 г. Вавилов трагически умер в тюрьме, но в те годы я еще ничего не знал о судьбе Николая Ивановича, все это скрывалось.

Потом началась Великая Отечественная война. Я был призван в действующую армию, после демобилизации, осенью 1945 г., я приехал в Сухум.

Как-то мне на глаза попалась журнал-газета «Британский союзник», которая выходила во время войны на русском языке. И в этой газете запрашивалось о судьбе Ни-

[1] Текст воспоминаний Н.Г. Лозового получен от А.Н. Лозового в декабре 2002 года.

колая Ивановича Вавилова. Говорилось, что ученый Вавилов признан Почетным членом Британской Академии Наук, выражалось беспокойство в связи с его исчезновением, что стало известно уже в мировых ученых кругах. Ответа на этот запрос, очевидно, не последовало, во всяком случае, как я ни старался, не смог его нигде встретить. Тогда еще я не знал, что Вавилов уже погиб.

Осенью того же 1945 года я встретился в Сухумском ВИРе (Всесоюзный институт растениеводства) с ботаником Василием Кондратьевичем Лапиным. Мы разговорились о Вавилове, о его лекциях, об альпийских цветах. Лапин сказал, что он работает в этом направлении над цитрусовыми, старается вывести новые сорта больших размеров. Ему удалось удвоить количество хромосом в клетке цитрусового растения. На «Красной поляне» — это высокогорная местность на Черноморском побережье — растет цветок, который называется «безвременник великолепный». Выкапывают и привозят его клубнелуковицу (Лапин тотчас же показал мне ее). Она похожа на каштан, только меньших размеров. Из луковицы безвременника Лапину удалось добыть особое вещество — колхицин. Под его воздействием в испытуемых клетках цитрусовых удваивалось количество хромосом и происходило преобразование растения. Вот об этом-то и рассказал мне Василий Кондратьевич Лапин, который был близок по своим взглядам Вавилову и шел в науке по его стопам.

Наступил 1948 год. В это время по всей стране неистовствовала травля так называемых «морганистов». Возглавлял эту гнусную кампанию Т.Д. Лысенко, имя которого и до сих пор числится в ряду советских академиков.

Лысенко травил и уничтожал многих выдающихся советских ученых-биологов, в том числе и Вавилова. Волна эта докатилась и до Абхазии, до Сухума. Я узнал, что плантации, где Лапин проводил свои испытания, были уничтожены. Цитрусовые, которые уже давали плоды больших размеров, были вырублены, а сам Лапин уехал на Украину. Больше мне ничего не удалось узнать о его судьбе.

Прошло несколько лет, и мне довелось побывать в высокогорной и прекрасной местности, близ Сухума, в селеньи Псху. Это долина, окруженная горными хребтами и бурными реками, и вот как-то, бродя по этой долине, я обратил внимание на красивые цветы светло-фиолетового цвета, шестилепестковые, похожие на маленькие тюльпаны. Примечательно, что росли они иногда на довольно чистых местах, под деревьями. Причем у этих цветов не было ни одного листика, только стебель. Они своеобразно поднимались из земли, как восковые палочки. И вдруг меня что-то взволновало, какое-то интуитивное чувство. Я решил откопать корешок этого цветка. Корешок оказался небольшой луковицей, похожей на каштан. Да, это был тот самый “безвременник великолепный”, с которым работал Лапин. Я очень заинтересовался этим цветком, решил разузнать о нем поподробнее. И вот что я узнал. В конце лета, в августе, из земли появляются цветы безвременника. Листьев нет. Потом завязь опускается в луковицу, а стебелёк цветка бесследно погибает. Весной на этом месте появляется кустик сочной растительности. Листья похожи на листья небольшого тюльпана. Появляется и стебелёк с завязью, похожий на стручок. В стручке маленькие чёрные семена. Крестьяне называют это растение «дважды цветущим». Но, конечно, цветет оно в конце лета, а созревает весной. Я собрал несколько луковиц безвременника и посадил у себя в саду. Осенью появились красивые цветы. Я не ботаник и не мог провести какие-либо опыты с этими растениями. Но они глубоко волновали меня. Это была светлая память о замечательных людях, которых мне довелось встретить в жизни: о великом ученом Н.И. Вавилове и о его последователе, тоже замечательном ученом В.К. Лапине.

Лозовой Н.Г.
(Лозовой Николай Григорьевич (1901–1992),
воспоминания написаны в 1980 годах)

Глава 4. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИМЕНИ И НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ Н.И. ВАВИЛОВА В НАШЕЙ СТРАНЕ

КОМИССИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ПО НАУЧНОМУ НАСЛЕДИЮ Н.И. ВАВИЛОВА

М.Е. Раменская, Ю.Н. Вавилов

Тотчас после реабилитации Н.И. Вавилова его друзья и ученики стали готовить к печати его труды. Две монографии, не опубликованные до ареста ученого, были заранее полностью подготовлены к печати Е.И. Барулиной–Вавиловой и соратниками Н.И. Вавилова – Ф.Х. Бахтеевым и Т.К. Лепиным. Они увидели свет одна в 1957, вторая в 1964 г. [1, 2]. В 1962 г. вышла в свет сохраненная с большим для себя риском в машинописи стенографисткой-машинисткой А.С. Мишиной, проработавшей с Н.И. Вавиловым с 1938 по 1940 гг., не законченная Н.И. Вавиловым и частично утраченная научно-популярная книга «Пять континентов»[1] [3]. Стали готовить к переизданию и опубликованные работы, ставшие библиографической редкостью. Появились в печати и первые статьи об Н.И. Вавилове [4, 5 и др.]. В 1957 г. Географическое и Ботаническое общества в Ленинграде и Московское общество испытателей природы в столице провели заседания, посвященные 70-летию со дня рождения ученого, впервые после гибели отдав дань его памяти. К 75-летию Н.И. Вавилова читатель получил его первое монографическое жизнеописание [6] и первые материалы к его библиографии [7]. В 1963 г. опубликован первый сборник воспоминаний о Н.И. Вавилове [8]. С 1959 по 1965 гг. вышло в свет пятитомное издание Избранных трудов Н.И. Вавилова. Имя и труды ученого были введены заново в научный оборот. Но после долгих лет активно проводимой в государственном масштабе дискредитации классической генетики и идей Н.И. Вавилова необходима была пропаганда этих идей. Необходимо было учесть, собрать, сберечь и по возможности обнародовать архивные документы и материалы. Наконец, путем организации мемориальных мероприятий, издания научно-популярных и художественных произведений, а также включением в школьную программу надо было отдать должное деятельности Н.И. Вавилова и возбудить к нему интерес общественности. Такая работа была бы весьма затруднительна без органа, имеющего официальный статус.

[1] Часть рукописи удалось сохранить также Е.И. Барулиной-Вавиловой.

Толчком и поводом к созданию такого органа послужило то обстоятельство, что, напуганный слухами о восстановлении генетики И. Презент приступил в конце 1964 г. к уничтожению материалов в архивах ВАСХНИЛ, связанных с Н.И. Вавиловым.

В декабре 1964 г. это стало известно одному из авторов данного текста (Ю.В.). Момент уничтожения – конец 1964 года – был выбран не случайно. Как известно, в октябре 1964 года был отстранен от власти и отправлен на пенсию Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев. Лысенко пользовался большим покровительством Хрущева, хотя большинство ученых – биологов и сельскохозяйственного профиля – уже давно убедились в бесплодности и вредности его «научных» концепций и рекомендаций в области растениеводства и животноводства, а также в лженаучности его «общебиологических законов»: например, «закона жизни биологического вида», опубликованного даже в газетах «Правда» и «Известия» при поддержке сельскохозяйственного отдела ЦК КПСС и лично Н.С. Хрущева.

После отставки Н.С. Хрущева стало очевидно, что Лысенко будет подвергнут резкой критике, особенно в Академии наук СССР. Президент АН СССР академик М.В. Келдыш, другие крупнейшие ученые как биологи, так и физики и химики: академики В.А. Энгельгарт, Б.Л. Астауров, Н.П. Дубинин, И.Е. Тамм, А.Д. Сахаров, Н.Н. Семенов, И.Л. Кнунянц и многие другие прекрасно знали о бесплодной и вредной деятельности Лысенко и его соратников.

Ярые сторонники Т. Лысенко в ВАСХНИЛ И.И. Презент и другие, сделавшие на поддержке Лысенко свои карьеры, понимали, что отстранение от власти Н. Хрущева неизбежно приведет к потере Лысенко и лысенковцами власти в стране, отстранению их от занимаемых важных постов, разоблачению их роли в гибели крупных советских ученых: прежде всего, Н.И. Вавилова и его ближайших соратников, репрессиях других ученых биологов. В архиве ВАСХНИЛ хранились многие письменные материалы[1], однозначно компрометирующие Т. Лысенко, показывающие травлю им, президентом ВАСХНИЛ с 1938 года, Н.И. Вавилова и его соратников, принятием Президиумом ВАСХНИЛ под руководством Т. Лысенко решений, делающих фактически невозможной работу руководимых Н.И. Вавиловым институтов: растениеводства в Ленинграде и Института генетики в Москве. Эти материалы лысенковцам необходимо было изъять из архива ВАСХНИЛ и уничтожить.

Об уничтожении многих документов и материалов, связанных с деятельностью Н.И. Вавилова, стало известно сотруднику Института истории естествознания и техники С.Р. Микулинскому, впоследствии директору этого института.

Узнав об уничтожении материалов о Н.И. Вавилове в архиве ВАСХНИЛ, Ю.Н. Вавилов, написал письмо члену политбюро ЦК КПСС М.А. Суслову с просьбой принять меры к сохранению материалов и документов его отца. Как недавно стало известно благодаря сотруднику Института истории естествознания Ю.И. Кривоносову, Суслов дал указание проверить сведения, сообщенные в письме Ю.Н. Вавиловым.

Микулинский подтвердил в письме в ЦК КПСС факт уничтожения материалов, связанных с деятельностью Н.И. Вавилова, в архиве ВАСХНИЛ.

Помимо письма М.А. Суслову Ю.Н. Вавилов решил сообщить о факте уничтожения в ВАСХНИЛ архивных материалов, касающихся его отца, вице-президенту Академии наук СССР Н.Н. Семенову. Ему (Ю.В.) было известно, что Николай Николаевич Семенов всячески поддерживал биологов, противостоящих Лысенко. Во время встречи с Ю.Н. Вавиловым он позвонил президенту Академии М.В. Келдышу с

[1] В частности, копия письма И. Презента В.М. Молотову в 1939 году. В этом письме-доносе Н.И. Вавилов был обвинен в якобы антисоветской деятельности. В конце письма стояла подпись Т. Лысенко после слов «с текстом письма согласен».

ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА ССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 8 июля 1966 г. № 476
г. Москва

Об организации Комиссии по сохранению и разработке научного наследия академика Н.И. Вавилова (представление Секции химико-технологических и биологических наук)

Учитывая большое значение, которое имеют для развития науки труды и материалы, связанные с жизнью и деятельностью академика Н.И. Вавилова, Президиум Академии наук СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Организовать при Отделении общей биологии Комиссию по сохранению и разработке научного наследия Н.И. Вавилова в следующем составе:

1.	Сукачев В.Н.	- академик, председатель
2.	Иванов Н.Р.	- доктор сельскохозяйственных наук, Всесоюзный институт растениеводства, ученый секретарь
3.	Бахтеев Ф.А.	- доктор биологических наук, Ботанический институт им. В.Л. Комарова АН СССР
4.	Вавилов Ю.Н.	- кандидат физико-математических наук, Физический институт им. П.Н. Лебедева АН СССР
5.	Дубинин Н.П.	- академик
6.	Жуковский П.М.	- действительный член ВАСХНИЛ

\- 2 -

7. Лебедев Д.В. - Ботанический институт им.В.Л.Комарова АН СССР

8. Левшин Б.В. - Архив АН СССР

9. Майсурян Н.А. - действительный член ВАСХНИЛ

10. Поповский М.А. - писатель

П. Внести соответствующее дополнение в постановление Президиума АН СССР от 16 августа 1963 г. № 559.

Президент
Академии наук СССР
академик - М.В.Келдыш

И.о.главного ученого секретаря
Президиума Академии наук СССР
член-корреспондент АН СССР - Г.Д.Афанасьев

АН СССР № 1401-2,т. 50
11.УП.66г. з.

просьбой срочно принять Ю.Н. Вавилова. К сожалению, Мстислава Всеволодовича в это время не было в президиуме Академии наук. Николай Николаевич позвонил первому вице-президенту АН В.А. Кириллину с просьбой принять Ю.Н. Вавилова. Услышав о факте уничтожения архивных материалов, связанных с Н.И. Вавиловым, В.А. Кириллин произнес в адрес Лысенко и его окружения: «гангстеры» и сказал, что необходимо организовать комиссию Академии наук с главной задачей сбора и сохранения всех материалов, касающихся жизни и деятельности Н.И. Вавилова. Таким образом, академик В.А. Кириллин был инициатором создания Комиссии АН СССР по сохранению и разработке научного наследия Н.И. Вавилова.

Комиссия по сохранению и разработке научного наследия академика Н.И. Вавилова АН СССР была образована 8 июня 1966 г. постановлением Президиума АН СССР (ПАН) № 476. В ее состав было включено 10 человек:

академик В.Н. Сукачев, председатель,

доктор сельскохозяйственных наук Н.Р. Иванов, ученый секретарь,

членами Комиссии стали:

академик Н.П. Дубинин (1907–1998),

академик ВАСХНИЛ Н.А. Майсурян (1896–1967),

ученик Н.И. Вавилова селекционер и растениевод Ф.Х. Бахтеев (1902–1983),

генетик Д.В. Лебедев,

академик ВАСХНИЛ, бывший директор (1951–1960) ВИР ботаник П.М. Жуковский (1888–1975),

сын Н.И. Вавилова физик Ю.Н. Вавилов,

историк-архивист Б.В. Левшин,

писатель М. Поповский.

С основания и поныне Комиссия не имеет ни помещения, ни штатных единиц, но имеет богатый актив помощников и прочный контакт с научными обществами, институтами Академии наук и Всероссийским институтом растениеводства им. Н.И. Вавилова, Тимирязевской сельскохозяйственной академией, Саратовским аграрным университетом им. Н.И. Вавилова.

Все время деятельности Комиссии можно разделить на периоды – первый московский (1966–1969), ленинградский (1969–1978) и второй московский (с 1978 года), который, в свою очередь, можно разбить на периоды до и после начала 1991 года.

В центре первого периода была подготовка и проведение 80-летнего юбилея Н.И. Вавилова, хотя этим деятельность Комиссии не ограничивалась. К юбилею были подготовлены научные заседания с выставками фотографий Н.И. Вавилова и литературы о нем в Москве и Ленинграде и проделана огромная работа по сбору материалов об ученом. Так, В.Н. Сукачев разослал во все учреждения, связанные с биологией, запросы о таких материалах и воспоминаниях. Н.Р. Иванов занялся учетом литературы, архивных материалов и фотографий. Ф.Х. Бахтеев, М. Поповский и Ю.Н. Вавилов посетили Саратов и установили, что место захоронения Н.И. Вавилова найти невозможно, т.к. похоронен он был в общем рве; удалось лишь установить приблизительное место, где хоронили заключенных в годы войны. Об этих и других достижениях Комиссии общественность узнала на юбилейных заседаниях. Тогда же она узнала о том, что имя Н.И. Вавилова присвоено Всесоюзному обществу генетиков и селекционеров (ВОГиС) и любимому детищу Н.И. Вавилова – Всесоюзному институту растениеводства (ВИРу), а также об учреждении Академией наук премии имени Н.И. Вавилова. Помимо этого, к юбилею была выпущена биобиблиография ученого [9], конверт с его портретом, его именем названы улицы в Ленинграде, Саратове и Алма-Ате. В те же годы благодаря деятельности активного помощника Комиссии Ю.И. Полянского главные открытия Н.И. Вавилова: Закон гомо-

логических рядов в наследственной изменчивости и Центры происхождения и разнообразия культурных растений были включены в программу средней школы.

Главным публикатором материалов, связанных с Н.И. Вавиловым, был в этот период М.А. Поповский. Им напечатана книга для юношества [10], серия статей в журналах и газетах и большая повесть о последних годах деятельности ученого [11]. В эту пору М. Поповский вел активную переписку с учениками и соратниками Н.И. Вавилова и беседовал со многими из них. Все они, как и члены Комиссии, главным считали саму возможность публикаций об ученом, щедро делились добытыми ими сведениями, безвозмездно и без расписок передавали обнаруженные материалы. Своим публикациям Поповский придал некоторую сенсационность: он стал проводить версию о том, что именно Н.И. Вавилов выдвинул Т.Д. Лысенко и дал ему ту силу, с помощью которой впоследствии был уничтожен. С возражением выступил Ж. Медведев [12], но М. Поповскому удалось убедить значительную часть общественности в правильности своей версии. Отмечая это, хотелось бы подчеркнуть, что деятельность Лысенко – явление социальное. К тому, что власть для подавления свободной научной мысли избрала орудием именно Лысенко, ни Н.И. Вавилов, ни какой-либо другой ученый не имеет отношения. Писателю или журналисту простительно этого не понимать. Хуже, что мнение М. Поповского стали разделять некоторые историки науки [13]. В 1965 г. М. Поповскому удалось проникнуть, как он пишет, каким-то чудом, в архив КГБ и ознакомиться со следственным делом Н.И. Вавилова. После этого он делал доклады во многих институтах ВАСХНИЛ, АН СССР и других о преследованиях Н.И. Вавилова, его аресте и гибели. Выступления М. Поповского вызывали большой интерес. В результате ему было запрещено печататься и в 1974 г. он был вынужден покинуть СССР. Переданные ему разными лицами документы он взял с собой (так, дневники экспедиции в Абиссинию у нас опубликованы по ксерокопиям [14]). В опубликованной за рубежом книге он продолжал проводить свою версию и даже назвал книгу «Беда и вина Н.И. Вавилова». Отечественный читатель смог ознакомиться с ней под другим названием только в 1991 году [15].

Второй период деятельности Комиссии начинается с постановления АН СССР № 635 от 26 июня 1969 г. Председателем на место покойного академика В.Н. Сукачева был назначен директор Ботанического института АН СССР член-корреспондент АН Ал.А. Федоров (1906–1982), его заместителем – М.С. Яковлев. Ученый секретарь Н.Р. Иванов и все члены комиссии, работавшие ранее (кроме М. Поповского), оставлены в списке, введены новые лица: Ан.А. Федоров (1908–1987), М.И. Хаджинов (1899–1980), А.Н. Лутков (1901–1970), директор ВИР Д.Д. Брежнев (1905–1982) и сотрудник Архива АН СССР Н.Я. Московченко. С февраля 1967 г., когда умер В.Н. Сукачев, и до нового 1978 г. Комиссией фактически руководил ближайший ученик Н.И. Вавилова Н.Р. Иванов. Он вел всю работу между заседаниями Комиссии, привлекал к ее работе всех деятельных учеников Н.И. Вавилова, выявлял документы и фотографии, консультировал авторов статей и книг и составителей сборников, посвященных Н.И. Вавилову, прочитывал рукописи, давал материалы и советы. Сейчас трудно сказать, какие из них были бы значительно хуже, а какие вовсе бы не увидели света, если бы не Николай Родионович, который никогда не беспокоился о том, чтобы было упомянуто его имя в публикации, выходу которой он содействовал. В эти годы Н.Р. Ивановым выявлено большое число писем Н.И. Вавилова зарубежным авторам, сделаны их фотокопии и организован перевод.

В течение ленинградского периода решениями заседаний Комиссии в ее ряды были включены организатор мемориальных мероприятий в Саратове доцент Саратовского

сельскохозяйственного института ботаник В.И. Стуков[1], историк-архивист В.Д. Есаков, сотрудник ВИР А.М. Горский и сотрудник географического факультета МГУ М.Е. Раменская. За эти годы Комиссии удалось собрать средства на памятник Н.И. Вавилову в Саратове. Однако, ввиду того, что на постановку памятника на улицах города было необходимо разрешение Совета Министров РСФСР, которого получить не удалось, памятник решено было установить на кладбище. Поскольку сведения о месте захоронения отсутствовали, памятник был установлен на самом почетном месте кладбища у входа. Памятник Н.И. Вавилову (скульптор К.С. Суминов) был открыт в дни конференции, посвященной 50-летию открытия Закона гомологических рядов в наследственной изменчивости (1970). С 1972 г. ежегодные Вавиловские чтения стали проводиться в ВИРе, а к 85-летию и 90-летию ученого проведены Всесоюзные научные конференции. Были открыты первые мемориальные доски – в Саратове возле аудитории университета (ныне Большая физическая), где был впервые доложен Закон гомологических рядов; в Ленинграде на здании ВИР, в Полтаве на здании опытной станции, где Н.И. Вавилов стажировался в 1910 г., и в Москве на здании, где размещался руководимый Н.И. Вавиловым Институт генетики. В 1975 г. на телеэкраны вышел подготовленный под руководством членов комиссии Н.П. Дубинина и Ф.Х. Бахтеева первый научно-популярный фильм об ученом и его открытиях «Человек для человечества». Организованы и постоянные экспозиции, посвященные Н.И. Вавилову, в ВИРе и в Саратове в здании СХИ[2], где Н.И. Вавилов преподавал до 1921 года, и временная – в Саратовском Краеведческом музее. Вышло в свет большое число публикаций.

По инициативе Комиссии, при активной поддержке академика Б.Л. Астаурова (1904–1974), Отделение общей биологии АН 17 мая 1974 г. постановило поручить ВОГиС проведение ежегодных Вавиловских чтений по очереди в разных городах страны.

После конференции 1977 г., посвященной 90-летию ученого, Н.Р. Иванов разослал членам и активистам Комиссии письма с просьбой прислать предложения о мероприятиях к 100-летнему юбилею Н.И. Вавилова. Ответы на эти письма он прочесть не успел: бессменный секретарь Комиссии и самый активный ее деятель Н.Р. Иванов скончался 2 января 1978 г. Вскоре председатель Комиссии Ал.А. Федоров обратился в Академию наук с заявлением о том, что Комиссия выполнила свою миссию и должна быть распущена. Под давлением Комиссии и осознав близость столетнего юбилея Н.И. Вавилова, Ал.А. Федоров все же отказался от своего заявления, но и отказался от работы председателя. Три года Комиссия готовила программу 100-летнего юбилея Н.И. Вавилова, не имея председателя, которым должен быть авторитетный ученый, свободно входящий на прием к Президенту Академии – по крайней мере, ее член-корреспондент. Поэтому после избрания членом-корреспондентом АН СССР Иосифа Абрамовича Рапопорта (1979), многие члены Комиссии предложили ему, непримиримому борцу за генетику, быть председателем Комиссии. Иосиф Абрамович ответил, что для него это большая честь. Он был утвержден в качестве председателя обновленной Комиссии постановлением Президиума АН № 13-11-1200 от 14 января 1981 г. Было назначено два заместителя председателя: И.А. Захаров в Ленинграде (ныне зам. директора Института общей генетики имени Н.И. Вавилова в Москве, член-корреспондент РАН) и В.Ф. Любимова в Москве (она скончалась в 2002 году) и два ученых секретаря: Д.В. Лебедев[3] в Ленинграде и М.Е. Раменская в Москве. Помимо прежних членов Комиссии в нее были включены академик Д.К. Беляев (1917–1986), действительные члены АМН Н.П. Бочков и А.А. Прокофьева–Бельговская (1903–1984), директор ВИР В.Ф. Дорофеев, президент АН Молдавской ССР

[1] Ныне почетный профессор Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова.

[2] Ныне Саратовский государственный аграрный университет им. Н. Вавилова.

[3] Д.В. Лебедев скончался в 2000 году.

А.А. Жученко, генетик животных Е.Т. Васина–Попова, ботаник и географ Л.Е. Родин (1912–1985), член-корреспондент АН В.А. Струнников.

В 1982 г. был организован юбилейный оргкомитет по празднованию столетия со дня рождения Н.И. Вавилова под председательством вице-президента АН СССР Ю.А. Овчинникова. В него были включены самые активные члены Комиссии, влиятельные лица из Президиумов АН СССР и ВАСХНИЛ, энергичные молодые ученые.

К юбилею было выпущено 6 тематических сборников с трудами Н.И. Вавилова по развивавшимся им научным направлениям: генетике [17], селекции [18], организации науки [19], иммунитету растений [20], географии культурных растений, включая переиздание «Пяти континентов» [21,22]; кроме того, была переиздана книга А.Г. Грум-Гржимайло о сборе Н.И. Вавиловым мировой коллекции культурных растений [23] и составлен сборник о современном состоянии основанных или развивавшихся Н.И. Вавиловым научных направлений [24]. К юбилею были подготовлены и вышли в свет также научная биография Н.И. Вавилова [25], сборник очерков, воспоминаний и материалов о нем [26]. В Киеве издательством «Наукова думка» была опубликована книга воспоминаний ближайшей сотрудницы Н.И. Вавилова Е.Н. Синской [27]. В академической серии «Научное наследство» вышел второй том писем ученого, направленных им отечественным адресатам в 1929–1940 гг. [28]. Первый том, готовившийся еще при жизни Н.Р. Иванова тем же составителем В.Д. Есаковым, вышел в свет еще в 1980 г. [29]. Это вывело В.Д. Есакова в число главных публикаторов Комиссии и вдова Н.Р. Иванова, К.В. Иванова, передала ему для публикации практически все письменные материалы, собранные первым Ученым секретарем Комиссии.

К сожалению, все перечисленные книги, готовившиеся к печати до перестройки, были старательно лишены материалов, касающихся травли Н.И. Вавилова Т. Лысенко и лысенковцами, его ареста и гибели. Зато самый скромный толчок со стороны Комиссии вызвал лавину самых острых публикаций в периодической печати, так как юбилей пришелся на момент крутого подъема гласности и разоблачений неприглядных действий советской системы в сталинские времена. Фигура Н.И. Вавилова, самого крупного из тысяч репрессированных ученых, оказалась лучшим примером для этих разоблачений. Так что после юбилея встала новая задача: оттенить научную деятельность Н.И. Вавилова, чтобы гражданин и жертва режима не заслонили бы великого ученого.

За несколько лет до столетия со дня рождения Н.И. Вавилова его имя было присвоено Институту общей генетики АН СССР и Сельскохозяйственному институту в Саратове (ныне объединенный с двумя другими институтами сельскохозяйственной направленности вошел в состав Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова).

Однако не все, что было к юбилею намечено, удалось осуществить. Так, из четырех памятников было заложено только два: в Саратове и в Полтаве. Намеченные Комиссией международные мероприятия, кроме относящихся к странам СЭВ, натолкнулись на сопротивление, как потом выяснилось, со стороны ЦК КПСС (в основном с.х. отдела ЦК). Включение юбилея Н.И. Вавилова в календарь памятных дат ЮНЕСКО состоялось не по инициативе АН СССР, а благодаря инициативе Л.Е. Родина, а также работников ЮНЕСКО, в частности, профессора физика Ю.В. Новожилова. Лишь на юбилейное заседание в Москве было приглашено несколько крупных иностранных ученых (доктор Сваминатан из Международного института риса, доктор Харлан из США, доктор Мак-Кей из Швеции, а также ряд ученых из стран СЭВ, включая доктора Штуббе из ГДР). Зато в Болгарии, ГДР и Чехословакии так же, как в Москве, Ленинграде, Саратове, Полтаве и других городах СССР были проведены научные сессии, посвященные Н.И. Вавилову. На большинстве их члены Комиссии выступили с докладами. Та-

кая же сессия была проведена и Лондонским Линнеевским обществом, членом которого был в свое время Н.И. Вавилов [30].

В течение первых трех лет после юбилея Комиссия в основном готовила последние намеченные к юбилею издания (например, [25], [27] и др.) и подводила итоги юбилея. Из новых дел она в 1988 г. поддержала предложение старшего научного сотрудника Института истории естествознания и техники бывшего зав. Отделом внешних сношений Академии наук С.Г. Корнеева об издании международной переписки Н.И. Вавилова.

В первые дни 1991 г. Комиссия проводила в последний путь своего председателя И.А. Рапопорта, скончавшегося 31 декабря 1990 г. По ее предложению Отделение Общей биологии АН СССР (ООБ) постановлением № 59 от 8 июня 1991 г. назначило председателем Комиссии директора Главного ботанического сада Академии члена-корреспондента АН СССР Л.Н. Андреева (ныне – академика). В состав Комиссии помимо прежних ее членов были введены принятые на предшествующих заседаниях: наиболее активные члены юбилейного Оргкомитета Т.Б. Авруцкая, П.П. Бережной, С.И. Демченко и академик АН УССР А.А. Созинов; представитель ТСХА профессор Ю.Б. Коновалов и другие. По должности в число членов Комиссии включили руководителей организаций, носящих имя Н.И. Вавилова: ИОГен, ВОГиС (последняя аббревиатура сохранилась, теперь она читается Вавиловское общество генетиков и селекционеров) и ВИР (Всероссийский институт растениеводства).

В этом составе Комиссия работает в новых экономических и политических условиях. В связи с ними, Вавиловские чтения вместо ежегодных в разных городах стали проводиться в Москве раз в два года в виде заказных докладов с последующей публикацией. Конференции же, посвященные развитию идей Н.И. Вавилова, регулярно, не реже раза в 5 лет, проводятся в Саратове (бывший Сельскохозяйственный институт, ныне Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова).

В 1994 г. ВИР торжественно отметил свое (с основания Бюро по прикладной ботанике) столетие, к которому была приурочена научная конференция и ряд изданий, в том числе готовившийся к 100-летию Н.И. Вавилова сборник биографий «Соратники Н.И. Вавилова» [31]. В сборнике удалось отдать должное 73 ботаникам, агрономам, селекционерам и генетикам, в том числе 23 репрессированным в 1930 – 40-е годы.

Пользуясь открывшимися возможностями, члены Комиссии публикуют новые документы, касающиеся борьбы Н.И. Вавилова за генетику и преследований ученого со стороны государства. Среди этих публикаций следует отметить издание почти целиком следственного дела Н.И. Вавилова (архив ФСБ не позволил ознакомиться лишь с оперативными материалами: доносами и перепиской НКВД с руководством страны [32]). К сожалению, комментарии слишком кратки (так, М. Поповский писал, что на некоторых документах следственного дела Н.И. Вавилова видны следы крови). Именной указатель не только отсутствует, но русское написание имен иностранных ученых, которых в книге упомянута не одна сотня, не расшифровывается. Но сам факт публикации настолько важен, что этими недостатками можно пренебречь.

В 1993 г. Комиссия направила своих членов М.Е. Раменскую и Г.В. Сережкину в помощь группе по изданию Международной переписки Н.И. Вавилова. В 2005-м году благодаря огромным самоотверженным усилиям, скончавшегося в этом году С.Г. Корнеева было завершено все издание. Вышел в свет последний 6-ой том. Издание содержит материалы архива Бюро прикладной ботаники – ВИР, хранящиеся в архиве ЦГАНТД СПб, письма, обнаруженные И.А. Захаровым и Ю.Н. Вавиловым в архивах Англии и США, письма из США, полученные Т.К. Лассан через американского историка науки М. Адамса, письма, переданные семьей М.О. Шаповалова в архив РАН (пе-

реданы для публикации Г.А. Савиной) и отдельные письма, присланные учеными из других стран. Издание содержит обширный справочный аппарат.

После избрания губернатором Саратовской области выпускника Саратовского СХИ Д.Ф. Аяцкова многолетние усилия В.И. Стукова увенчались успехом: в 1997 г. в 110-ю годовщину со дня рождения Н.И. Вавилова в Саратове в центре города открыт памятник Николаю Ивановичу. Предварительно проведенный конкурс выиграл автор памятника на кладбище К.С. Суминов.

В Москве благодаря многолетним усилиям Комиссии наконец в январе 2006 года была установлена мемориальная доска на здании, где располагалось Коммерческое училище, давшее среднее образование братьям Н.И. и С.И. Вавиловым (ныне там находится Московский государственный лингвистический университет).

Недавно одной из школ Саратова, школе N 66, ведущей активную краеведческую работу и пропаганду знаний о Н.И. Вавилове, присвоено имя ученого. Комиссия поддерживает с этой школой многолетнюю связь. В настоящее переломное время, когда рухнули прежние идеалы, а новые не установились, значение пропаганды среди школьников знаний о таких людях как Н.И. Вавилов очень велико и Комиссии следовало бы проводить ее шире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вавилов Н.И. Мировые ресурсы сортов хлебных злаков, зерновых бобовых, льна и их использование в селекции. Опыт агроэкологического обозрения важнейших полевых культур. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 463 с.

2. Вавилов Н.И. Мировые ресурсы сортов хлебных злаков, зерновых бобовых, льна и их использование в селекции. Пшеница. М., Л.: Наука, 1964. 123 с.

3. Вавилов Н.И. Пять континентов: повесть о путешествиях в поисках новых растений. М.: Географгиз, 1962. 255 с.

4. Баранов П.А., Лебедев Д.В. Забытые страницы из биографии И.В. Мичурина: И.В. Мичурин и Н.И. Вавилов. // Ботанический журнал. 1955. Т.40, № 5. С.752-757.

5. Базилевская Н.А. Николай Иванович Вавилов (1887 – 1943) // Выдающиеся отечественные ботаники. М., 1957.

6. Ревенкова А.И. Николай Иванович Вавилов (1887 – 1943). М.: Сельхозгиз, 1962, 271 с.

7. Николай Иванович Вавилов / Вступит. статья П.А. Баранова; библиогр. сост. Р.И. Горячевой, Л.М. Жуковой // Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. биол.наук. Вып. 6. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 90 с.

8. Рядом с Н.И. Вавиловым. Сб. воспоминаний (составитель Ю.Н. Вавилов). М.: Сов. Россия, 1963. 222 с.

9. Николай Иванович Вавилов /Вступит. статья Ал.А. Федорова. Библиогр. сост. А.И. Горячевой, Л.М. Жуковой. (материалы к биобиблиогр. ученых СССР. Сер. биол. наук. Генетика. Вып.1). М.: Наука, 1967. 131 с.

10. Поповский М. Надо спешить! Путешествия академика Н.И. Вавилова. М.: Дет. лит., 1968. 223 с.

11. Поповский М. 1000 дней академика Вавилова. Документальная повесть. // Простор. 1966. № 7. С. 4-27; № 8. С. 98-118.

12. Медведев Ж. У истоков генетической дискуссии (рец). // Новый мир. 1967. № 4. С. 226-234.

13. Сойфер В. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М.: Лазурь, 1993. 706 с.

14. Вавилов Н.И. Страна для философии земледелия замечательная. Из Абиссинского дневника Н.И. Вавилова // Природа. 1987. № 10. С. 46-56.

15. Поповский М. Дело академика Н.И. Вавилова. М.: Книга, 1991. 304 с.

16. Знать всю правду // Литературная газета. 1988. 10 февраля.

17. Вавилов Н.И. Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости. Л.: Наука, 1987. 256 с.
18. Вавилов Н.И. Теоретические основы селекции. // М.: Наука, 1987. 511 с.
19. Вавилов Н.И. Организация сельскохозяйственной науки в СССР. М.: Агропромиздат, 1987. 384 с.
20. Н.И. Вавилов. Иммунитет растений к инфекционным заболеваниям. М.: Наука, 1986. 519 с.
21. Вавилов Н.И. Происхождение и география культурных растений. Л.: Наука, 1987. 439 с.
22. Вавилов Н.И. Пять континентов. Л.: Наука, 1987. 211 с.
23. Грум-Гржимайло А.Г. В поисках растительных ресурсов мира. Изд. 2-е. Л.: Наука, 1986. 151 с.
24. Вавиловское наследие в современной биологии. М.: Наука, 1989. 368 с.
25. Бахтеев Ф.Х. Николай Иванович Вавилов. Новосибирск: Наука, СО, 1987. 271 с.
26. Николай Иванович Вавилов. Очерки, вопоминания, материалы. М.: Наука, 1987. 487 с.
27. Синская Е.Н. Воспоминания об Н.И. Вавилове. Киев, Наукова Думка, 1991. 23 с.
28. Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия 1929 – 1940 г.г. (сер. Научное наследство, т. 10) М.: Наука, 1987. 493 с.
29. Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия 1911 – 1928 г.г. (сер. Научное наследство, т.5) М.: Наука, 1980. 427 с.
30. Preface N. J. Vavilov Gentenary Simposium. Ed. By 7 Hawkes and D.R. Harris // Biol. J. of the Linnean Soc. 1990.Vol. 39, № 1. P. 1. Весь номер посвящен симпозиуму (с. 1-95).
31. Соратники Н.И. Вавилова. Исследователи генофонда растений. СПб, 1994. 607 с.
32. Суд палача. Николай Иванович Вавилов в застенках НКВД. М.: academia, 1999/ с. ? . Изд. 2. М.: academia, 2000. 552 с.
33. Николай Иванович Вавилов. Научное наследие в письмах. Т. I. Петроградский период: 1921–1927. М.: Наука, 1994. 556 с. Т.II. 1927–1930. М.: Наука, 1997. 638 с. Т.III. 1931–1933. М.: Наука, 2000. 588 с. Т. IV. 1934–1935. М.: Наука, 2001. 324 с., Т. V. 1936–1937. М.: Наука, 2002, 478 с. Т. VI. 1938–1940. М.: Наука, 327 с.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.И. ВАВИЛОВА

В 1967 г. к 80-летию Н.И. Вавилова решением советского правительства Всесоюзному институту растениеводства (ВИР) было присвоено имя Н.И. Вавилова. До вынужденного ухода Н.С. Хрущева на пенсию в октябре 1964 г. это было невозможно. Лысенко, пользовавшийся большой поддержкой Хрущева, безусловно воспротивился бы присвоению ВИРу имени Н.И. Вавилова.

В ряде городов страны – Москве, Ленинграде, Саратове и других – в конце ноября (25 ноября день рождения Н.И.) или в декабре состоялись заседания, посвященные 80-летию со дня его рождения.

В Москве юбилейное заседание было организовано девятью научными обществами и учреждениями: отделением общей биологии АН СССР, московским отделением Всесоюзного общества генетиков и селекционеров, Научным Советом по проблемам генетики и селекции АН СССР, Московским обществом испытателей природы, Всесоюзной Академией сельскохозяйственных наук имени Ленина (ВАСХНИЛ), московским отделением Всесоюзного ботанического общества, московским отделением Географического общества СССР, Тимирязевской сельскохозяйственной академией, биолого-почвенным факультетом Московского государственного университета.

В большом зале Дома ученых собралось свыше 800 человек, научных сотрудников и селекционеров, современников и соратников Николая Ивановича, его учеников, почитателей и последователей, а также молодежи. На сцене висел большой портрет Н.И. Заседание открыл вступительным словом президент Академии наук СССР академик М.В. Келдыш, пользовавшийся в те годы всеобщей известностью и почетом. Он был трижды Героем Социалистического Труда, членом ЦК КПСС, его называли Главным теоретиком космонавтики. М.В. Келдыш в своем выступлении в частности сказал: «... разносторонняя и плодотворная деятельность Николая Ивановича Вавилова и его огромные по значению научные открытия послужили основой для успешного решения многих практических проблем народного хозяйства СССР (...) . Н.И. Вавилов своими блестящими открытиями и теориями достойно отстаивал и укреплял ведущее положение советской биологии в течение всей своей преждевременно оборвавшейся жизни».

Бурей аплодисментов встретили участники заседания сообщение академика Келдыша о присвоении Президиумом АН СССР имени Н.И. Вавилова Всесоюзному обществу генетиков и селекционеров. Первым президентом общества был единогласно избран академик Б.Л. Астауров, выступивший на этом заседании.

В Ленинграде с 11 по 15 декабря 1967г. в помещении театра имени Комиссаржевской проходила, посвященная Н.И. Вавилову, Юбилейная сессия АН СССР и ВАСХНИЛ. На сессию прибыли видные ученые из многих республик Советского Союза, социалистических стран, а также стран Западной Европы.

Прибыв в Ленинград, я был приятно взволнован, когда, сойдя с поезда на перрон Московского вокзала в Ленинграде, услышал громкое объявление по микрофону о том, что участников Юбилейной сессии, посвященной Н.И. Вавилову, просят пройти в комнату, расположенную в правой части вокзала.

ФИЛЬМЫ О Н.И. ВАВИЛОВЕ

В семидесятые-восьмидесятые годы и в начале девяностых годов яркая подвижническая и героическая жизнь моего отца, его вклад в советскую и мировую науку, трагическая судьба привлекли внимание кинематографистов. Был создан целый ряд научно-документальных и публицистических фильмов, ему посвященных. Они были показаны по центральным, республиканским и областным каналам телевидения. Мне довелось помогать создателям этих фильмов предоставлением фотографий, консультациями, даже участием в фильме московской киностудии им. Горького «Искупление», в котором одна часть посвящена моему отцу. Еще до появления этих фильмов о Н.И. Вавилове Центральной студией документальных фильмов был выпущен фильм «Человек и хлеб», посвященный труженикам села, их трудной доле, тяжелой борьбе за урожай на колхозных полях. Я был приглашен на предварительный просмотр этого фильма в связи с тем, что в фильме говорилось и о моем отце. Значительную часть текста фильма хорошо и даже проникновенно читал народный артист СССР Михаил Ульянов, незадолго до этого великолепно сыгравший главную роль председателя разоренного войной колхоза в художественном фильме «Председатель», получив за эту роль Ленинскую премию. В фильме «Человек и хлеб» автор текста устами М. Ульянова говорил о Н.И. Вавилове, как говорится, во весь голос, подчеркивая его огромный вклад в теорию и практику советской селекции растений, создание высокоурожайных, устойчивых к трудным климатическим условиям России сортов растений. Во время просмотра фильма я познакомился с Михаилом Ульяновым. Помню, что он спросил меня: «Кто из двух братьев старше, Николай или Сергей?». Оказалось, что Михаил Алексан-

дрович полагал, что физик С.И. Вавилов старше брата Николая. Я ему сказал, что на самом деле Николай Иванович старше Сергея Ивановича на три с половиной года.

В середине семидесятых годов начал работать над фильмом о Н.И. Вавилове Саратовский кинодокументалист Дмитрий Луньков, лауреат Государственной премии. Он отобрал у меня много фотографий. Луньков собирался показать роль Н.И. в фундаментальной науке, а также значение его деятельности для практики советского растениеводства. Однако оказалось, что из-за недостатка времени, ввиду жестких сроков сдачи готового фильма заказчику – Саратовскому телецентру – Лунькову пришлось почти весь сорокаминутный фильм посвятить диалогу двух ученых, хорошо знавших Вавилова, академика-генетика Н.П.Дубинина и соратника Н.И. Ф.Х.Бахтеева.

В своей книге «Наедине с современником. Заметки режиссера документальных телефильмов» Д. Луньков правильно написал, что: «В учении Вавилова есть три пункта, которые как глыбы, выделяются на фоне всего им сделанного: закон гомологических рядов, теория мировых центров происхождения культурных растений и чисто генетические идеи». И далее, пишет Д. Луньков: «Размышляя над фильмом, я нарочно сосредоточился только на них». Для обсуждения значения этой, как говорит Луньков, «триады открытий Вавилова» он и пригласил участвовать в фильме Н.П.Дубинина и Ф.Х. Бахтеева, одобривших эту линию фильма.

В 1985 г. по советскому телевидению был показан второй фильм о Н.И. Вавилове «Звезда Вавилова», имевший гораздо больший успех, чем фильм Д. Лунькова. Сценарий фильма был написан Сергеем Дяченко и режиссером А. Борсюком. Фильм был выпущен Украинской студией документальных фильмов и был удостоен Государственной премии Украинской ССР. Его многократно показывали по разным каналам ТВ и особенно часто в канун 100-летия со дня рождения Н.И., в ноябре 1987 г. В фильме было рассказано о многочисленных путешествиях Вавилова по многим труднодоступным районам земного шара, подчеркнуто значение собранной им и его соратниками и последователями мировой коллекции культурных растений. Было рассказано о героизме сотрудников вавиловского института (ВИР) в Ленинграде в Ленинградскую блокаду во время Отечественной войны. Оставшиеся в голодном городе сотрудники умирали от голода, но сохранили мировую коллекцию растений от крыс и голодных людей.

В фильме была впервые показана борьба Н. Вавилова с лысенковской лженаукой. Часть текста фильма была с пафосом произнесена народным артистом СССР Алексеем Баталовым[1].

По инициативе ряда московских ученых, в декабре 1985 г. в Центральном лектории Всесоюзного общества «Знание» в Политехническом музее происходила демонстрация и обсуждение фильма «Звезда Вавилова». После демонстрации фильма в полностью заполненном публикой зале происходило обсуждение, в котором приняли участие видные ученые, сидевшие за длинным столом на сцене Политехнического музея.

После выступления всех ораторов на сцену выбежал известный генетик Владимир Павлович Эфроимсон. В.П. Эфроимсон был одним из самых смелых борцов с лысенковской лженаукой. За борьбу с Лысенко Эфроимсон был в 1949 г. вторично арестован и находился в тюрьме вплоть до 1955 г.

Во время своего выступления Владимир Павлович был очень взволнован и буквально прокричал свою речь в микрофон. Эта речь была записана на диктофон. Вот ее полный текст.

«Я пришел сюда, чтобы сказать правду. Мы посмотрели этот фильм ... Я не обвиняю ни авторов фильма, ни тех, кто говорил сейчас передо мной ... Но этот фильм –

[1] Сценарий фильма был опубликован С. Дяченко в 1988 году. Издательство искусство: «Звезда Вавилова». В книге есть предисловие академика философа И.Т. Фролова.

неправда. Вернее – еще хуже. Это – полуправда. В фильме не сказано самого главного. Не сказано, что Вавилов не трагический случай в нашей истории. Вавилов – это одна из многих десятков миллионов жертв самой подлой, самой бессовестной, самой жестокой системы. Системы, которая уничтожила, по самым мягким подсчетам, пятьдесят, а скорее – семьдесят миллионов ни в чем не повинных людей. И система эта – сталинизм. Система эта – социализм. Социализм, который безраздельно властвовал в нашей стране, и который и по сей день не обвинен в своих преступлениях. Я готов доказать вам, что цифры, которые я называю сейчас, могут быть только заниженными.

Я не обвиняю авторов фильма в том, что они не смогли сказать правду о гибели Вавилова. Они скромно сказали – «погиб в Саратовской тюрьме»... Он не погиб. Он – сдох! Сдох как собака. Сдох он от пеллагры – это такая болезнь, которая вызывается абсолютным, запредельным истощением. Именно от этой болезни издыхают бездомные собаки...Так вот : великий ученый, гений мирового ранга, гордость отечественной науки, академик Николай Иванович Вавилов сдох как собака в Саратовской тюрьме...И надо, чтобы все, кто собрался здесь, знали и помнили это...

Но и это еще не все, что я хочу вам сказать...

Главное. Я – старый человек. Я перенес два инфаркта. Я более двадцати лет провел в лагерях, ссылке, на фронте. Я, может быть, завтра умру. Умру – и кроме меня вам, может быть, никто и никогда не скажет правды. А правда заключается в том, что вряд ли среди вас, сидящих в этом зале, найдется двое-трое людей, которые, оказавшись в застенках КГБ, подвергнувшись тем бесчеловечным и диким издевательствам, которым подвергались миллионы наших соотечественников, и продолжают подвергаться по сей день лучшие люди нашей страны, – вряд ли найдется среди вас хоть два человека, которые не сломались бы, не отказались бы от любых своих мыслей, не отреклись бы от любых своих убеждений... Страх, который сковал людей, – это страх не выдуманный. Это реальный страх реальной опасности...И вы должны это понимать.

До тех пор, пока страной правит номенклатурная шпана, охраняемая политической полицией, называемой КГБ, пока на наших глазах в тюрьмы и лагеря бросают людей за то, что они осмелились сказать слово правды, за то, что они осмелились сохранить хоть малые крохи достоинства, до тех пор, пока не будут названы поименно виновники этого страха, – вы не можете, вы не должны спать спокойно. Над каждым из вас и над вашими детьми висит этот страх. И не говорите мне, что вы не боитесь...Даже я боюсь сейчас, хотя – моя жизнь прожита. И боюсь я не смерти, а физической боли, физических мучений...

Палачи, которые правили нашей страной, – не наказаны. И до тех пор, пока за собачью смерть Вавилова, за собачью смерть миллионов узников, за собачью смерть миллионов умерших от голода крестьян, сотен тысяч военнопленных, пока за эти смерти не упал ни один волос с головы ни одного из палачей – никто из нас не застрахован от повторения пройденного... Пока на смену партократии у руководства государства не встанут люди, отвечающие за каждый свой поступок, за каждое свое слово – наша страна будет страной рабов, страной, представляющей чудовищный урок всему миру...

Я призываю вас – помните о том, что я сказал вам сегодня. Помните! Помните!».

МНОГОСЕРИЙНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ «НИКОЛАЙ ВАВИЛОВ»

После появления на телевизионных экранах Советского Союза нескольких документально-публицистических фильмов, посвященных целиком или частично моему отцу, кинорежиссер Александр Прошкин, известный созданием таких фильмов, как многосерийный телевизионный фильм «Михайло Ломоносов» и фильм «Холодное лето 1953 года», по заказу Центрального телевидения СССР приступил к работе на студии «Мосфильм» над многосерийным фильмом «Николай Вавилов». В качестве авторов сценария он привлек биолога по специальности и публициста Сергея Дяченко и драматурга и поэта Юрия Арабова.

На главные роли А.А. Прошкину удалось пригласить известных актеров. Н.И. Вавилова хорошо сыграл литовский актер Костас Сморигинас. Роль моей мамы была поручена актрисе Ирине Купченко, Трофима Лысенко прекрасно сыграл знаменитый украинский актер Богдан Ступка. В роли секретаря моего отца, многим смотревшим фильм, запомнилась колоритная игра ныне очень известной, теперь международной актрисы, Ингеборге Дапкунайте.

Однажды я был приглашен посмотреть съемки фильма в одном из павильонов студии «Мосфильм». В павильоне «Мосфильма» была воссоздана обстановка ленинградской квартиры моего отца, кремлевский кабинет Сталина. В перерыве между съемками я разговаривал с А.А. Прошкиным и некоторыми актерами – Богданом Ступкой и другими. Б. Ступка был хорошо загримирован на роль Лысенко. Помню, что я испытал ощущение неприязни и опасения, как бы соприкосновения с подлинным Лысенко, погубившим моего отца.

В целом мне фильм понравился, хотя я не согласен с некоторыми местами сценария, особенно связанными с С.И. Вавиловым. Обращает внимание большая несхожесть актера, игравшего роль моего дяди С.И. Вавилова с подлинным Сергеем Ивановичем.

БРИТАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО
Москва
30 ноября 1987 г.

ИНФОРМАЦИЯ СОТРУДНИКА БРИТАНСКОГО ПОСОЛЬСТВА В МОСКВЕ С.БАТТА (S.J. BUTT) О ПРОВЕДЕНИИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ЮБИЛЕЯ 100-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.И. ВАВИЛОВА[1]

1. Столетняя годовщина со дня рождения выдающегося советского генетика Николая Вавилова, подвергнутого гонениям в конце тридцатых годов и затем арестованного и умершего в тюрьме, была широко отмечена здесь в Советском Союзе. Столетие пришлось на 25 ноября. Интерес прессы к жизни и судьбе Вавилова нарастал за последние несколько месяцев (см. мои письма в сентябре и 1 октября), и почти каждая национальная газета (например, «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Сельская жизнь», «Литературная газета» и другие) опубликовала одну или больше статей о нем на этой неделе. Такой же интерес к его судьбе проявили журналы: статьи в «Науке и жизни», 10 и 11 номера, «Огонек» 47/87 и «Природа» 10/87, посвятившая Вавилову целый номер, особенно интересны.

[1] Копия информационного письма С. Батта получена Ю.Н. Вавиловым в ноябре 1993 г. в Лондонском Королевском обществе. Перевод с английского Ю.Н. Вавилова.

2. Хотя Вавилов был реабилитирован в середине 50-х годов, полная история его судьбы оставалась нераскрытой вплоть до недавнего времени. Теперь же история советской генетики развернута как история борьбы добра и зла при Сталине. Лысенко является «плохим человеком», а Вавилов – «хорошим», и он стал наиболее известной жертвой сталинизма, по-видимому, в связи с тем, что он не был политиком, но был выдающимся ученым < ... >.

3. «Огонек» совместно с большим собранием писем в «Науке и жизни» дает, по-видимому, наиболее интересную и правдивую подборку документов и репортажей. Статьи начинаются с письма человека, который был в тюрьме с Вавиловым. Далее опубликована статья Сергея Дяченко, сделавшего документальный фильм о Вавилове. Статья содержит историю его преследований и долгой борьбы с Лысенко. Лысенко помогал Исайя Презент, имевший исключительный талант выдергивать из произведений классиков философско-материалистическое обоснование чего угодно. Лысенко создал свои собственные генетические теории и начал вести войну против Вавилова. В этом Лысенко имел поддержку Сталина, и она кончилась преследованием Вавилова и его коллег и их обличением со стороны некоторых сотрудников вавиловских институтов. Дяченко приводит текст одного такого клеветнического доноса, написанного Г.Шлыковым, который был руководителем отдела Всесоюзного института растениеводства вплоть до своей кончины в 1979 году. Президент Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина (ВАСХНИЛ) Муралов был арестован и расстрелян после обвинений Лысенко и Презента в 1937 г. В 1938–1939 «преследование Вавилова и его единомышленников приобрело бесстыдный характер». По мере исчезновения около Вавилова его коллег позиция Вавилова становилась все более опасной, но, несмотря на то, что Лысенко был сталинским фаворитом, Вавилов настойчиво защищал свою позицию, критикуя Лысенко за затаскивание науки назад к началу XIX века. Академик Митин поддерживал лысенковские взгляды, утверждая, что < ... > Вавилов был реакционером. (Митин – один из главных академических демагогов сталинизма, умер в начале этого года, а его некролог был подписан Лигачевым, Яковлевым и Зимяниным). Вавилов продолжал борьбу, критикуя Лысенко в письме в Центральный комитет. Он был арестован во время полевой экспедиции в августе 1940 года.

4. Следователем по делу Вавилова был некий А.Г. Хват. (Об этой фамилии Дьяченко говорит с иронией, как о чрезвычайно удачно его (Хвата) характеризующей.) Хват получил звание полковника, а затем ушел на почетную пенсию, он еще жив. Вавилов был вынужден стоять многие часы вплоть до конца допросов, проводимых Хватом. Вавилов был подвергнут суду в июле 1941года и обвинен в членстве в «Трудовой крестьянской партии», в попытке разрушить советское сельское хозяйство, в шпионаже, и был приговорен к расстрелу. «Огонек» публикует письмо Вавилова, в котором он просит дать ему возможность работать и получить известие о своей семье. Спустя шесть месяцев он умер.

5. Брат Н.И. Вавилова стал Президентом Академии наук и, согласно Дяченко, совершил секретное посещение Саратова (где Н.И.Вавилов умер) в тщетных поисках его могилы. Старший сын Н.И.Вавилова Олег пытался получить сведения о судьбе отца, и в 1945 году (1946-ом – *Ю.В.*) Олег, опытный альпинист был убит во время экспедиции на Кавказ.

6. Вторая статья в «Огоньке» Алексея Аджубея содержит письма, которые добавляют еще больше деталей к биографии Вавилова. Она включает в себя текст письма, посланного сэром Генри Дейлом (ранее Президент Королевского Общества) в сентябре 1948 г., в котором он объяснил причины почему он больше не хочет быть почетным членом Академии наук СССР, которым он был избран в 1942 г. Эти причины сосредо-

тачиваются на судьбе Н. Вавилова, и он пишет: «Насколько я знаю, Королевское общество все еще официально не информировано жив ли этот выдающийся русский академик, избранный почетным членом Королевского Общества». Королевское Общество услышало неофициально о судьбе Вавилова и возвышении Лысенко. «С большим сожалением я должен просить вас исключить меня из списка почетных членов вашей Академии».

7. < ... >

8. Все эти статьи добавляют массу деталей. Большая статья академика Тахтаджана сообщает, например, что дело против Вавилова уже было подготовлено в марте 1939 года и что Берия сделал требуемые «практические заключения» (оргвыводы). Он (Тахтаджан) добавляет, что экзекуция Вавилова была отложена на полтора года. Статья Тахтаджана также содержит детали перемещений Вавилова в различные тюрьмы.

9. Юбилейная речь Никонова (действующий Президент ВАСХНИЛ) («Известия», 24 ноября). Он < ... > сказал, что «Я уполномен заявить, что в истории ВАСХНИЛ имеется такой печальный факт как сессия ВАСХНИЛ в августе 1948 года (когда лысенкоизм достиг своей кульминации). Я уполномочен заявить, что действующий Президиум академии осуждает, отметает и не признает лысенкоизм. В Академии, ее институтах созданы здоровые условия, которые исключают все признаки монополизма». Это интересное заявление, показывающее, что наследие Лысенко в ВАСХНИЛ изжито.

ЧАСТЬ III. СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ – УЧЕНЫЙ, ОРГАНИЗАТОР НАУКИ, ЧЕЛОВЕК

Наряду с Ломоносовым С.И. Вавилова будут считать одним из великих создателей науки в СССР
английский физик и общественный деятель
Джон Бернал

ПРИХОДИТСЯ ПОВТОРЯТЬ[1]

ЕЩЕ РАЗ ОБ ОТКРЫТИИ ИЗЛУЧЕНИЯ ВАВИЛОВА–ЧЕРЕНКОВА И О ПЕРВОМ ДИРЕКТОРЕ ФИАН С.И. ВАВИЛОВЕ

Б.М. Болотовский, Ю.Н. Вавилов, А.Н. Киркин

Мы хотим перелистать некоторые страницы истории отечественной науки, связанные с именем Сергея Ивановича Вавилова (1891 – 1951), выдающегося русского физика и организатора науки. Это вызвано двумя причинами. В настоящее время, трудное для отечественной науки, важно вспомнить роль С. И. Вавилова в ее развитии и, в частности, в образовании Физического института им. П. Н. Лебедева в его современном виде. Кроме того, мы хотим обратить внимание иностранных ученых на почти полное отсутствие упоминания имени С. И. Вавилова на Западе. На наш взгляд эта несправедливость вызвана незнанием, которое следует исправить.

Основные работы С. И. Вавилова относятся к физической оптике и люминесценции. Принципиальной особенностью его работ было стремление изучить прежде всего механизмы и общие законы люминесценции, а не ее внешние проявления. К сожалению, это не сразу было понято и оценено физиками, в том числе в нашей стране (см. письмо П. Л. Капицы Э. Резерфорду 1936 года [1]). С. И. Вавилов открыл ряд фундаментальных законов люминесценции, обнаружил первый нелинейный эффект в оптике. Он стал основателем отечественной школы люминесценции.

С. И. Вавилов сыграл решающую роль в открытии и интерпретации излучения Вавилова–Черенкова, одного из замечательных достижений физики XX века. Этот термин предложил в 1956 г. И. М. Франк, впоследствии Нобелевский лауреат, чтобы подчеркнуть роль С. И. Вавилова в открытии этого излучения. К сожалению, на Западе оно называется просто «излучение Черенкова». Это связано с недостаточной

[1] Журнал «Краткие сообщения по физике» № 3,4 – 1995.

осведомленностью иностранных ученых в истории открытия. Оказывается, что она недостаточно известна и в нашей стране [2], тем более – новому поколению ученых. Поэтому на этой истории стоит остановиться подробнее. П. А. Черенков был аспирантом и выполнял научную тему «Изучение свечения растворов ураниловых солей под действием γ-лучей», когда в 1933 – 34 г. обнаружил новое необычное излучение. Эксперименты были основаны на использовании разработанного С. И. Вавиловым метода фотометрии по порогу зрительного ощущения глаза, адаптированного к полной темноте. После первых экспериментов С. И. Вавилов сделал вывод, что обнаруженное П. А. Черенковым свечение не было люминесценцией [3], предложил контрольные опыты для проверки этой гипотезы и в ряде случаев сам принимал в них участие. Он был первым, кто понял, что зарегистрированное излучение было инициировано комптоновскими электронами, выбитыми из атомов под действием γ-квантов. С. И. Вавилов привлек к обсуждению этого эффекта И. М. Франка и И. Е. Тамма, разработавших теорию эффекта. Нобелевская премия по физике за 1958 г. за открытие и объяснение этого эффекта была присуждена только П. А. Черенкову, И. М. Франку и И. Е. Тамму, так как посмертно она не присуждается. Подробности этих событий описаны И. М. Франком (см. [4], стр. 9), а также Н. А. Добротиным, свидетелем открытия с первых опытов, и Е. Л. Фейнбергом, свидетелем дальнейшего развития событий с 1935 г. и создания в 1937 г. его теории (см. [4], стр. 251 и [5]).

В изданной на Западе научной и справочной литературе имя С. И. Вавилова практически отсутствует. Мы понимаем, что в связи с тем, что за много лет в издававшейся на Западе литературе (статьях в физических журналах и монографиях) установился термин «эффект Черенкова», изменить его в мировой литературе нереально. Однако мы считаем, что важная роль С. И. Вавилова в открытии эффекта должна быть отражена, по крайней мере, в издаваемых за рубежом учебниках, справочниках и энциклопедиях. Это нисколько не уменьшит роль П. А. Черенкова, но будет актом справедливости к его учителю. О выдающейся роли С. И. Вавилова в открытии эффекта написал сам П. А. Черенков (см. [4], стр. 217).

Из рассмотрения истории открытия эффекта Вавилова–Черенкова видно, что «... вся история этого открытия представляет собой прекрасный пример коллективного труда, из которого нельзя устранить вклад ни одного из его участников» [5]. Открытию эффекта несомненно способствовала благоприятная обстановка, сложившаяся в это время в институте. Создание Физического института им. П. Н. Лебедева в его современном виде – замечательная заслуга С. И. Вавилова. Сейчас этот институт, давший шесть[1] нобелевских лауреатов, известен во всем мире.

С. И. Вавилов возглавил физический отдел Физико-математического института Академии наук в 1932 г. в Ленинграде. Тогда отдел состоял всего из полутора–двух десятков сотрудников и аспирантов. Многие ожидали, что в первую очередь С. И. Вавилов будет развивать исследования в оптике, близкой ему области физики. Однако он понимал необходимость создания современного физического института широкого профиля, в частности – развития работ по физике атомного ядра. Еще до переезда института в Москву он пригласил для этих исследований И. М. Франка, а П. А. Черенкову предложил тему в промежуточной области между люминесценцией и ядерной физикой.

Начавшиеся преобразования были продолжены после переезда института в 1934 г. в Москву и выделения его в самостоятельный Физический институт им. П. Н. Лебедева. Этот год фактически является годом образования ФИАНа. Для развития физических исследований на современном научном уровне С. И. Вавилов пригласил в институт известных

[1] В 2003-м году Нобелевской премией был удостоен седьмой ученый ФИАНа В.Л. Гинзбург.

физиков, экспериментаторов и теоретиков, специалистов в различных областях физики. Уже в 1935 г. в институте работали Л. И. Мандельштам, Н. Д. Папалекси, Г. С. Ландсберг, И. Е. Тамм, В. А. Фок, М. А. Леонтович и другие известные физики. Впоследствии при активной поддержке С. И. Вавилова была создана школа физики космических лучей. Ее возглавил приглашенный в институт Д. В. Скобельцын.

Создание уникального в отечественной и мировой науке института широкого физического профиля способствовало выполнению в нем работ высочайшего научного уровня. В частности, для открытия и объяснения эффекта Вавилова–Черенкова потребовались глубокие знания С. И. Вавилова в области оптики и люминесценции, экспериментальное искусство П. А. Черенкова, свобода и смелость научного мышления И. М. Франка и И. Е. Тамма, давших теоретическое объяснение эффекта. К 1951 г., когда ФИАН переехал с Миусской площади в его современное главное здание за Калужской заставой (переезд осуществлялся как раз в год смерти Вавилова), он в несколько десятков раз вырос по числу сотрудников и площади помещений по сравнению с 1932 г. К этому времени в институте велись исследования по многим основным направлениям физики. Заложенный при создании института принцип полифизичности развития естественно приводил к появлению новых научных направлений, органическому сочетанию экспериментальных и теоретических исследований. Необходимость более широких исследований по ряду новых направлений привела к образованию на основе лабораторий ФИАН новых институтов. В настоящее время – это Институт физики Земли (он образовался из сейсмологического института, созданного в 1928 г. на основе Физико-математического института), Институт физической химии, Научно-исследовательский институт ядерной физики при МГУ, Акустический институт, лаборатории высоких энергий и нейтронной физики (фактически – институты) Объединенного института ядерных исследований в Дубне, Институт спектроскопии, Институт ядерных исследований РАН, Институт общей физики.

С 1945 по 1951 г. С. И. Вавилов был президентом Академии наук СССР. Он согласился занять эту должность вскоре после окончания Второй мировой войны в трудный для страны период. В случае отказа от должности президента отечественную науку и культуру ожидали большие потрясения – следующим кандидатом был намечен зловещий Вышинский [6]. Удивительно, что в эти тяжелейшие годы С. И. Вавилову удалось много сделать для развития науки – были значительно улучшены оснащение научных исследований приборами, материальный уровень научных работников, развилось издательское дело.

Интересно сравнить научно-организационную деятельность С. И. Вавилова в эти годы с тем, что делается для отечественной науки и культуры в настоящее время, а ведь вряд ли условия в конце 40-х – начале 50-х годов были более благоприятными. Интересно привести слова Сергея Ивановича, сказанные однажды, году в 1948, его сотруднику В. В. Антонову–Романовскому, обратившемуся к Вавилову с каким-то мелким организационным вопросом и не заметившему его особенно озабоченного состояния. Сергей Иванович грустно посмотрел на него и сказал: «Эх, Всеволод Васильевич, мне сейчас советскую физику спасать надо!...» (см. [4], стр. 208). По-видимому, было бы фантастикой услышать такие слова в наше время – а жаль.

Став президентом Академии наук, С. И. Вавилов принес себя в жертву для спасения нашей науки и культуры. Работая на износ на посту президента Академии наук, С. И. Вавилов был вынужден идти на чудовищные компромиссы. Ему пришлось согласиться на эту должность всего через 2,5 года после гибели в сталинской тюрьме его брата Николая Ивановича Вавилова (1887 – 1943), выдающегося русского биолога. По-видимому, и личная судьба Сергея Ивановича могла в любой момент закончиться трагически. Но он не заботился о самом себе – у него было высочайшее чувство ответ-

ственности за судьбу науки и культуры в стране, чувство долга перед Родиной. А в невиновности брата Сергей Иванович всегда был уверен. Он заботился о семье брата после его ареста и смерти. Он помог его младшему сыну Юрию получить образование и стать физиком, помогал старшему сыну Николая Вавилова – Олегу, талантливому физику, погибшему при неясных обстоятельствах в 1946 г.

Рассматривая личность Сергея Ивановича Вавилова, можно сказать, что в своем поведении он руководствовался принципами христианской морали. Е. Л. Фейнберг говорит, что «... это была личность из рода тех, которые бывали в эпоху Возрождения», сравнивает его с Г. Галилеем [6]. В заключение приведем слова английского ученого Джона Бернала, сказанные после скоропостижной кончины С. И. Вавилова, в статье, посвященной его памяти [7]: «Он умер на посту, по всей вероятности в результате переутомления. Однако проделанная им работа на благо Родины превосходит выпадающую на долю одного человека». По его мнению, наряду с Ломоносовым С. И. Вавилова будут считать одним из великих создателей науки в России.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Капица П. Л. Письма о науке. 1930 - 1980. М., Московский рабочий, 1989, стр.62.
[2] Фриш С. Э. Природа, N 12, 88 (1990).
[3] Вавилов С. И. Докл. АН СССР, **2,** N 8, 457 (1934).
[4] Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания. 3 изд., М., Наука, 1991.
[5] Добротин Н. А., Фейнберг Е. Л., Фок М. В. Природа, N 11, 58 (1991).
[6] Фейнберг Е. Л. Наука и жизнь, N 8, 34 (1990).
[7] Bernal J.D. Nature, **168,** no. 4277, 679 (1951).

Поступила в редакцию 6 марта 1995 г.

Письмо в редакцию американского журнала «Physics Today» – «Физика сегодня» сотрудников Физического института Российской академии наук Б.М. Болотовского и Ю.Н. Вавилова[1]

«СЕРГЕЙ ВАВИЛОВ, ПОЧИТАЕМЫЙ В РОССИИ, ВСЕ ЕЩЕ МАЛО ИЗВЕСТЕН НА ЗАПАДЕ»

По многим причинам история науки в бывших коммунистических странах недостаточно известна на Западе. В частности, мы хотели бы обратить внимание на отсутствие достаточной информации о Сергее Ивановиче Вавилове (1891 – 1951), выдающемся физике и организаторе науки.

Вавилов известен своими работами по физической оптике, особенно люминесценции. В своей лаборатории он и его сотрудники исследовали различные люминесцентные вещества и разработали методы определения их основных параметров. Эти методы стали классическими. Вавилов сформулировал основные законы люминесценции. Под его руководством была создана большая школа ученых, продолжающая делать важные работы в этой области в наше время.

Одним из наиболее значительных достижений Вавилова было создание в начале тридцатых годов Физического института имени Лебедева. Этот институт, в котором учёные получили шесть[2] Нобелевских премий, известен во всем мире. Вавилов был директором института с момента его основания вплоть до своей кончины.

Вавилов сыграл решающую роль в открытии и интерпретации излучения Вавилова–Черенкова (известного на Западе как излучение Черенкова). Как хорошо известно, это излучение нашло многочисленные применения в так называемых черенковских счетчиках – важным инструментом, используемым в физике высоких энергий и астрофизике.

Павел Алексеевич Черенков был аспирантом, работающим над своей кандидатской диссертацией, когда он обнаружил это необычное излучение. Вавилов, его научный руководитель, не только предложил тему диссертации и разработал программу и метод, но сам принимал участие в измерениях. После первых экспериментов Вавилов сделал вывод – на базе законов люминесценции им установленных, – что слабое голубое излучение чистых жидкостей, обнаруженное Черенковым, не являлось люминесценцией.

Вавилов был первым, кто понял что свечение в экспериментах Черенкова было инициировано комптоновскими электронами, выбиваемыми из атомов под действием γ-излучения радиоактивных источников. Он подключил к обсуждению этого явления двух других ученых из своего института, Илью Михайловича Франка и Игоря Евгеньевича Тамма, которые сформулировали полную теорию этого излучения. Их теория была полностью подтверждена в многочисленных экспериментах, а Черенков, Франк и Тамм были награждены в 1958 году Нобелевской премией.

Как организатор науки и Президент Академии наук СССР Вавилов внес огромный вклад в развитие науки в трудный период вскоре после окончания второй мировой войны.

Благодаря своим глубоким знаниям, он четко замечал тенденции в развитии современной физики. Несмотря на то, что он был специалистом в оптике, Вавилов поддерживал в Физическом институте имени Лебедева исследования в различных разделах физики. В частности, считал очень важным развитие ядерной физики. Он был руководителем аспирантов в этой области и организатором первой советской конфе-

---

[1] Опубликовано в журнале «Physics Today». December, 1995. Перевод с английского Ю. Н. Вавилова.

[2] В настоящее время семь, см. сноску на стр. 219.

ренции по ядерной физике. При его активной поддержке в Физическом институте имени Лебедева была создана школа физиков в области исследования космических лучей. Она возглавлялась Дмитрием Владимировичем Скобельцыным, приглашенным в институт Вавиловым.

Вавилов был добрым, отзывчивым человеком. В своем поведении он придерживался принципов христианской морали. Он был братом Николая Ивановича Вавилова (1887 – 1943), выдающегося биолога, скончавшегося в сталинской тюрьме и дядей одного из авторов настоящего письма. Этот автор вспоминает с глубокой благодарностью большую помощь, оказанную его дядей Сергеем ему и его матери после ареста и смерти отца. Он помог ему получить образование и стать физиком. Он также помогал старшему сыну Н.И. Вавилова – Олегу, талантливому физику, погибшему при неясных обстоятельствах.

Сергей Вавилов написал несколько прекрасных научных книг по оптике и теории относительности, а также великолепную научную биографию Исаака Ньютона. Эта книга была издана несколько раз в Советском Союзе, но, к сожалению, практически неизвестна на Западе.

В многочисленных энциклопедиях и учебниках по физике, просмотренных одним из авторов (Ю.В.) в библиотеках и книжных магазинах США и Великобритании, Вавилов редко упоминается в связи с открытием, сделанным Черенковым и им совместно. Заметным исключением является короткая статья о Вавилове в 13-м томе «Биографического словаря ученых» Шрибнера (1975), в которой открытие названо эффектом Вавилова–Черенкова. Такие несправедливости должны быть устранены.

С другой стороны, «Краткая энциклопедия Макмиллана», опубликованная в Лондоне в 1993-м году, содержит статью о Черенкове, в которой упоминается немецкий физик нобелевский лауреат Джеймс Франк, хотя он не имеет отношения к открытию эффекта Вавилова–Черенкова.

Когда Тамм получал Нобелевскую премию в 1958-м году, приблизительно через семь лет после кончины Вавилова, он вежливо упрекнул шведов в выборе терминологии, сказав: «Я должен заметить, что в Советском Союзе мы называем это излучение – излучением Вавилова–Черенкова, а не просто черенковским излучением, с целью подчеркнуть определяющую роль Сергея Вавилова в открытии этого излучения» [1]. Тем не менее, мы сознаем, что «Эффект Черенкова» является принятым термином в несоветских и нерусских физических журналах и книгах и нереалистично ожидать изменения термина в мировой литературе.

Однако мы полагаем, что важнейшая роль Вавилова в открытии черенковского излучения должна быть чаще и полнее отражена в западных учебниках, энциклопедиях и справочниках. Такая коррекция не уменьшит роли Черенкова, который сам писал о выдающейся роли Вавилова в открытии эффекта [2]. Скорее, это будет представлять запоздалый акт справедливости по отношению к его учителю.

ССЫЛКИ

1. П.А. Черенков, И.Е. Тамм, И.М. Франк, Нобелевские лекции. Физматгиз, Москва (1960).
2. П.А. Черенков. «Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания», Наука, Москва (1991), стр. 220.

Отклик английских физиков R.G. Brown* and E.R. Pike** на письмо в редакцию журнала «Physics Today» Б.М. Болотовского и Ю.Н. Вавилова[1]

ЕЩЕ РАЗ О ВКЛАДЕ ВАВИЛОВА В ФИЗИКУ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Ю.Н. Вавилов, племянник Сергея Вавилова, в своем письме совместно с Б.М. Болотовским в журнал «Physics Today» декабрь 1995 (раздел «Письма», стр.11) призывает к более полному признанию на Западе роли С. Вавилова в открытии черенковского излучения, а также других его достижений.

Мы согласны с тем, что Сергей Вавилов был выдающейся фигурой в физике 20-го века, и, в частности, мы поддерживаем пожелание, чтобы термин «излучение Вавилова–Черенкова» использовалось более широко на Западе.

Однако Юрий Николаевич и его коллега не сказали в своем письме, что Сергей Вавилов, по-видимому, был первым ученым, наблюдавшим нелинейный оптический эффект. Он в 1926 году совместно с Вадимом Леонидовичем Левшиным обнаружил уменьшение поглощения света в урановом стекле с увеличением интенсивности света с длиной волны 454 нм от источника света высокой интенсивности – искры [1]. Именно Вавилов ввел термин «нелинейная оптика» в научную литературу в разделе своей книги «Микроструктура света».

Мы включили перевод этого раздела в нашу статью, озаглавленную «История оптики и оптоэлектроники в двадцатом веке», в которой мы обсуждаем роль Вавилова [2]. В нашем обсуждении открытия черенковского излучения мы указываем, что Вавилов был автором статьи в 1934 году [3], которая была сразу же опубликована вслед за экспериментальной статьей Павла Черенкова, его аспиранта [4], в Докладах Академии наук СССР, в которой он правильно постулировал, что быстрые электроны являются источником нового явления.

Мы также хотели бы обратить внимание ваших читателей на два полезных набора биографических статей о Вавилове, появившихся в «Успехах физических наук» в 1973 и 1975 годах [5].

Очерки включают в себя две статьи Ильи Франка, коллеги Вавилова, который в 1958 году разделил Нобелевскую премию с Черенковым и Игорем Таммом, а также собственные воспоминания Вавилова, озаглавленные «Воспоминания физика». (Очерки можно прочитать в журнале «Советская физика» – «Успехи», англоязычная версия русского журнала, публикуемая американским институтом физики [6].)

ССЫЛКИ

1. С.И. Вавилов, В.Л. Левшин, Цайтшрифт фюр физикс, т.35, с 920 (1926).
2. R.G.W. Brown, E.R.Pike, in Twentieth Century Physics, B.Pippard, A.Pais, L.Brown, eds, Bristol (England) Boston, Institute of Physics/ American Institute of Physics (1995), p.1385.
3. С.И. Вавилов, Доклады Академии наук СССР, т. 11, стр. 457 (1934).
4. П.А. Черенков, Доклады Академии наук СССР, т. 11, стр. 451 (1934).
5. Успехи физич. наук, т.111, стр. 702 (1973); т. 114, стр. 533 (1974).
6. Soviet Physics. Uspechi, т.16, стр. 702 (1974); т.17, стр. 950 (1975).

---

* Университет Ноттингема.
** Лондонский университет.
[1] Опубликовано в журнале «Physics Today», сентябрь 1996, стр. 120-122.

БРАТЬЯ НИКОЛАЙ И СЕРГЕЙ ВАВИЛОВЫ И ДИКТАТУРА СТАЛИНА[1]

В.М. Болотовский и Ю.Н. Вавилов

Показана роль Сталина в преследовании и убийстве Н.И. Вавилова. Обсуждается трагическая роль С.И. Вавилова, президента Академии наук СССР в первые послевоенные годы. Мы указываем на тенденционное описание жизни и деятельности С.И. Вавилова в некоторых статьях историков науки.

Жизнь и деятельность русских ученых братьев Вавиловых, биолога Николая Ивановича (1887–1943) и физика Сергея Ивановича (1891–1951), интересна не только для истории биологии и физики, но также для истории сталинской диктатуры.

Н.И. Вавилову посвящено много книг, журнальных и газетных статей в СССР, а затем в России. Большое число публикаций было посвящено Н. Вавилову в 1987 году, в год его столетия. Как раз в год столетия Н. Вавилова, благодаря «гласности» в СССР (следует отметить, что «гласность» была большим достижением Горбачева), впервые в нашей стране была опубликована правда о последних годах его жизни.

Интерес к жизни, деятельности и трагической судьбе Н.И. Вавилова остается и сейчас.

Одним из примеров является публикация в Риме в 1997-м году перевода популярной книги Н. Вавилова на английском языке «Пять континентов»[2].

Книга посвящена описанию многих его экспедиций, которые помогли ему сформулировать теорию центров происхождения и разнообразия культурных растений и собрать самую большую в мире коллекцию семян культурных растений. Коллекция была спасена во время блокады Ленинграда в 1941-1944 годах, благодаря героизму вавиловских соратников, сотрудников созданного Вавиловым Института растениеводства.

Несколько статей, посвященных С.И. Вавилову, появилось недавно в России и США.

Тенденциозная по нашему мнению статья была опубликована о деятельности С.И. Вавилова в качестве президента Академии наук СССР в течение первых пяти с половиной лет после Второй мировой войны [1].

Научная, научно-организационная и общественная деятельность братьев Вавиловых происходила в чрезвычайно трудный и трагический период в России: период двух революций 1917 года, последующей Гражданской войны, сталинской диктатуры с беспрецедентным числом жертв.

Известно, что оба брата, Николай и Сергей, с энтузиазмом встретили Февральскую революцию 1917 года, скинувшую самодержавие.

Однако они отрицательно отнеслись к большевистской революции 1917 года. В дальнейшем они поняли, что, если они остались в России (оба брата были патриотами и отказались от лестных предложений работать на Западе), то должны неизбежно сотрудничать с правительством, как и многие другие большие ученые: И.П. Павлов, В.И. Вернадский, Н.Е. Жуковский, А.П. Карпинский, А.Ф. Иоффе, А.Н. Крылов, П.Л. Капица, А.Е. Ферсман и другие. В 1925 году Н.И. Вавилов с помощью Н.П. Горбунова (который был близок к В.И. Ленину), управляющего делами Совнаркома, организовал Институт прикладной ботаники, в дальнейшем Всесоюзный институт растениеводства (ВИР), в настоящее время Всероссийский институт растениеводства имени Н.И. Вавилова. В 1929 году Н.И. Вавилов был назначен первым президентом Всесоюзной академии сельскохозяйствен-

[1] Доклад, представленный Ю.Н. Вавиловым XX-ому Международному Конгрессу по истории науки (Льеж, июль 1997).

[2] Книга была опубликована Международным институтом генетических ресурсов растений в Риме.

ных наук (ВАСХНИЛ), он был президентом ВАСХНИЛ вплоть до лета 1935 года, когда был смещен с этого поста сталинским политбюро.

С.И. Вавилов после избрания в 1932-м году академиком стал директором Физического института Академии наук. В дальнейшем институт получил имя П.Н. Лебедева, хорошо известного русского физика. С 1932 года СИ. Вавилов был также назначен научным руководителем Государственного оптического института, который после кончины С. Вавилова был назван Государственным оптическим институтом имени С.И. Вавилова.

О недоброжелательном отношении Сталина к Н.И. Вавилову теперь хорошо известно – см. книги Ж. Медведева, Д. Журавского, С. Резника, М. Поповского, В. Сойфера (2 – 6)[1].

Однако вплоть до недавнего времени были недоступны и не опубликованы архивные материалы, показывающие роль Сталина в понижении статуса Н.И. Вавилова как лидера агрономической и биологической науки в СССР, стимулировании слежки за ним НКВД, разрешения его ареста и приговора к расстрелу. За последние несколько лет один из авторов данного доклада (Ю. Вавилов) опубликовал совместно с Я. Рокитянским материалы из фонда Сталина (архив Президента РФ) и архива ФСБ [8, 7]. Эти засекреченные около 60 лет документы заполняют «белые пятна» о роли Сталина в преследовании, аресте, приговоре и кончине Н.И. Вавилова в саратовской тюрьме.

Еще в 1930-м году в связи с арестом известных экономистов Н. Кондратьева, А. Чаянова, Громана и др. Сталин заявил, что необходимо расстрелять Кондратьева, Громана и других. Заметим, что одним из многих поводов ареста Н. Вавилова было якобы его членство в «антисоветской, антиреволюционной крестьянской партии», организованной А. Чаяновым [8]. Необходимо сказать, что такая партия никогда не существовала. Н.И. Вавилов был знаком с Н. Кондратьевым и дал ему рекомендательное письмо для поездки в США, чтобы он познакомился с экономикой США [9]. Сильное ухудшение в 1935-м году позиций Н.И. Вавилова как лидера агрономической науки в России было не случайным. Сталин и его окружение не доверяли Вавилову, в связи с тем, что он сложился как ученый еще до революции и совершенствовал свое образование в Англии и Германии (1913–1914). Кроме того, Н. Вавилов был сыном крупного русского предпринимателя и торговца.

Известно, что уже в 1931-м году ОГПУ, затем НКВД начало секретное наблюдение за Н.И. Вавиловым. Вплоть до настоящего времени лишь часть документов была рассекречена. Среди архивных документов, впервые опубликованных, содержится письмо (фактически донос Сталину, написанный в 1935-м году А. Бондаренко, в то время вице-президента ВАСХНИЛ, и Климовым, парторгом ВАСХНИЛ. Авторы этого письма, засекреченного в течение 60-ти лет, заявили, что недопустимо, чтобы Н.И. Вавилов оставался президентом ВАСХНИЛ, так как он поддерживает «врагов народа», а также из-за других проступков, стремления поехать в экспедицию в Индию и др.

Из опубликованных нами документов видно, что во второй половине 1933 года или начале 1934 года НКВД послало письмо Сталину, в котором Н. Вавилов и другие известные ученые в области агрономии академик Тулайков и профессор Лискун обвинялись в участии в контрреволюционной организации [7].

На письме Бондаренко и Климова Сталин написал: «Членам Политбюро», а также подчеркнул некоторые фразы письма. Как видно из архивных документов фонда Сталина, копии указанного письма были посланы всем членам и кандидатам в члены Политбюро, а также будущему наркому НКВД Н. Ежову.

[1] Информацию о Н. Вавилове как об антиподе Лысенко, о его научных достижениях и трагедии можно найти также в книге Лорена Грема, «Science in Russia and Soviet Union», Cambridge University Press, 1993.

Решение сместить Н.И. Вавилова с поста Президента ВАСХНИЛ было принято по инициативе Сталина на заседании Политбюро, в конце весны 1935 года [7].

Среди впервые опубликованных документов отметим также решение, подписанное сотрудниками НКВД, об уничтожении материалов Н.И. Вавилова, изъятых во время обысков в его квартирах и служебных кабинетах.

Среди этих материалов были экспедиционные дневники, фотографии, письма, книги, карты, дипломы об избрании Н.И. Вавилова членом зарубежных научных обществ и академий и другие материалы, принадлежащие Н.И. Вавилову.

Сергей Иванович Вавилов был выдающимся физиком, организатором науки и популяризатором науки. В настоящее время институт истории науки и техники Российской академии наук носит его имя. С. Вавилов был одним из наиболее образованных людей своего времени. Дмитрий Лихачев, знаменитый русский ученый, Президент фонда культуры СССР, а затем России, считал, что С.И. Вавилов был крупнейшей фигурой науки и культуры СССР.

С.И. Вавилов внес важный вклад в физику XX-го века [11]. Он сыграл определяющую роль в открытии эффекта Вавилова–Черенкова: свечение, возникающее, когда заряженная частица движется в прозрачном веществе со скоростью, превышающей скорость света в этом веществе [12]. В настоящее время черенковские счетчики, основанные на эффекте Вавилова–Черенкова, находят широкое применение в экспериментах по физике высоких энергий и в астрофизике.

Сосредоточим теперь внимание на несправедливость оценки деятельности С.И. Вавилова в качестве президента Академии наук СССР. Такая тенденциозность и несправедливость имела место недавно в статье А. Кожевникова [1], а ранее в книге «Архипелаг Гулаг» А.И. Солженицына.

А.И. Солженицын полагает, что согласие С.И. Вавилова стать президентом АН СССР в 1945-м году является конформизмом по отношению к сталинскому режиму. Он называет С. Вавилова «слугой Сталина», который уничтожил его великого брата.

Хорошо известный физик И.М. Франк, ученик С. Вавилова и нобелевский лауреат считает мнение А. Солженицына о СИ. Вавилове несправедливым.

И.М. Франк рассуждает: зададим вопрос о том, что могло случиться, если б С.И. Вавилов отказался от предложения правительства, поддержанное Сталиным и скорей всего им инициированное, возглавить Академию наук.

В этом случае Франк не исключает арест Вавилова[1]. В любом случае СИ. Вавилов был бы смещен с поста директора Физического института им. П.Н. Лебедева (ФИАНа), своего любимого детища[2]. Участь Физического института им. Лебедева и его научного персонала в случае смещения Вавилова с поста директора института была бы печальной. В ФИАНе СИ. Вавилов собрал много великолепных физиков: Л. Мандельштам, Н. Папалекси, И. Тамм, М. Леонтович, Г. Ландсберг, В. Фок, Д. Скобельцын, В. Гинзбург, А. Прохоров, А. Сахаров, В. Векслер, П. Черенков.

В период возглавления Академии наук С.И. Вавилов помог спасти советскую физику от разгрома, который хотели произвести ортодоксальные советские философы.

Название статьи А. Кожевникова в американском журнале [1]: «Президент сталинской Академии наук» вызывает протест. Действительно, – не корректно так называть Академию, членами которой были такие знаменитые ученые как: И. Павлов, В. Вернадский, А. Карпинский, Л. Мандельштам, И. Тамм, В. Фок, Л. Ландау, П. Капица, А. Колмогоров, Н. Семенов, Д. Прянишников (учитель Н.И. Вавилова, который, по-видимому, спас его от расстрела).

---

[1] И.М. Франк вспоминает, что С.И. Вавилов не исключал возможность своего арестам в период его президентства.

[2] С.И. Вавилов оставался директором ФИАН вплоть до своей кончины в 1951 году.

Необходимо также сказать, что когда С.И. Вавилов думал с тревогой о предложении сталинского правительства возглавить Академию наук он также думал об участи семьи своего любимого брата; жены и двух сыновей. Один из них: Олег Вавилов, старший сын, работал в ФИАНе и был очень талантливым физиком; другой, Юрий, один из авторов настоящего доклада, был школьником.

После ареста брата жизнь Сергея Вавилова стала трагичной. Мы имеем об этом достаточно подтверждений. В частности, известно о его письме к Сталину, написанному в 1949-м году. В этом письме он просил Сталина реабилитировать своего брата посмертно. С.И. Вавилов также написал Сталину, что, если Николай Вавилов не будет реабилитирован, то он не может быть президентом Академии наук СССР [13]. Известно, что в это время Академия наук при поддержке правительства и лично Сталина предполагала избрать С. Вавилова президентом Академии наук на второй срок. Известно также, что Сталин не ответил С. Вавилову на письмо, но на письме была резолюция Берии: «Отказать» (в просьбе о реабилитации Н.И. Вавилова, Ю.В.) [13].

Еще в 1948-м году вскоре после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года, разгромившей советскую генетику, С.И. Вавилов получил письмо из Англии от нобелевского лауреата сэра Генри Дейла, физиолога и президента Лондонского королевского общества в 1940-1945 гг.

В этом письме Г. Дейл информировал С.И. Вавилова, что он вынужден отказаться от иностранного членства в Советской академии наук в знак протеста против разгрома советской биологии, организованного Т. Лысенко, а также ареста Николая Вавилова (выбранного в 1942-м году в Королевское Общество). Письмо Г. Дейла было опубликовано в лондонской газете «Таймс», а также в переводе на русский язык в выходившей в Москве газете «Британский союзник» [14].

Известно, что С.И. Вавилов тяжело переживал арест брата и его кончину в январе 1943 года в саратовской тюрьме [10].

Мы надеемся, что трагедия братьев Вавиловых в будущем привлечет внимание крупных драматургов. Эта трагедия заслуживает пера драматурга уровня Шекспира.

ССЫЛКИ:

1. A. Kozevnikov, Isis, 87 (1996), 18-50.
2. Ж.А. Медведев. Взлет и падение Лысенко. Москва, Книга, 1993.
3. D. Joravsky, The Lysenko affair Chicago-London The University of Chicago Press, 1970.
4. С. Резник. Дорога на эшафот, Париж–Нью-Йорк, Третья волна, 1983 г.
5. М. Поповский. «Дело академика Вавилова». Москва, Книга, 1991.
6. В. Сойфер. Власть и наука (история разгрома совесткой генетики). США, Изд-во Эрмитаж.
7. Ю.Н. Вавилов, Я.Г. Рокитянский. «Знания, брошенные в огонь». Новые страницы биографии академика Н.И. Вавилова. Вестник РАН, т. 66, N 7 (1996).
8. Ю.Н. Вавилов, Я.Г. Рокитянский. «Голгофа академика Вавилова»: архивные материалы по его последним годам жизни (1940–1943). Вестник РАН, т. 63, N 9 (1993).
9. Николай Иванович Вавилов. «Научное наследство в письмах (международная переписка)». Москва, 1994.
10. Сергей Иванович Вавилов. «Очерки и воспоминания». Москва, Наука, 1991.
11. R. Pike, R.G.W. Brown. «Еще о вкладе Вавилова в физику 20-го века». «Physics Today» (сентябрь 1996).
12. B.M. Bolotowsky, Yu.N. Vavilov. «Sergei Vavilov honored in Russia, still little known in the West», Physics Today, vol. 48, N 12 (1995), p. 11-13.
13. В. Сенников. Архив РАН. Фонд С.И. Вавилова.
14. Н.И. Вавилов. «Жизнь коротка». Советская Россия, 1990.

ВОСПОМИНАНИЕ СОТРУДНИКА ФИАН ПОЛКОВНИКА ФСБ В ОТСТАВКЕ В.Ф. СЕННИКОВА

По набору ЦК КПСС, после окончания 2-х годичных специальных курсов, я был направлен в 1954 году на работу в Министерство Государственной безопасности (МГБ) СССР. Первое поручение мне и моим товарищам, окончившим аналогичные курсы, было заняться изучением архивных материалов на осужденных в прошлые годы к ВМН на предмет возможной их реабилитации. Этим вопросом мы занимались весь 1955 год.

Среди множества этих материалов, мне особенно запомнились письма, адресованные лично Сталину, а именно:

1. Письмо президента Академии наук СССР, академика С.И. Вавилова, написанное им в 1949 году на имя И.В. Сталина с просьбой реабилитировать его брата ак. Н.И. Вавилова. Письмо довольно длинное. В нем С.И. Вавилов писал о том, как они вместе проводили детские годы, какое большое влияние Н.И. Вавилов оказал на него, как он помогал ему, что без этой помощи он не состоялся бы, как крупный ученый. В письме подробно описывалась жизнь и работа Н.И. Вавилова, его открытость, прямота в суждениях. С.И. Вавилов категорически отрицал приписанные враждебные действия со стороны Н.И. Вавилова, заявляя, что это клевета.

В конце письма С.И. Вавилов написал: «Если мой брат Н.И. Вавилов не будет реабилитирован, я не могу быть президентом АН СССР». Письмо С.И. Вавилова было написано от руки.

2. Письмо заведующего Теоретическим отделом ФИАН ак. И.Е. Тамма. Письмо написано от руки, в отношении реабилитации брата, бывшего главного инженера Березниковского химзавода, обвиненного во вредительстве.

3. Письмо матери бывшего Первого секретаря ЦК ВЛКСМ Косарева о реабилитации своего сына. Письмо написано рукописно.

На всех, перечисленных выше письмах, была резолюция Л.П. Берия: «Отказать». О том, что указанные письма были доложены И.В. Сталину никаких отметок, тем более росписи Сталина не было.

Н.И. Вавилов был посмертно реабилитирован в августе 1955 года. В том же году был реабилитирован брат академика И.Е. Тамма.

В.Ф. Сенников

Подпись руки В.Ф. Сенникова заверяю
Зав. канцелярии ФИАН Л.И. Тихомирова

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ – УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК: ВЗГЛЯД С ПОРОГА XXI ВЕКА[1]

Б.М. Болотовский, Ю.Н. Вавилов, А.Н. Киркин

Рассматривается научная, организационная и общественная деятельность С.И. Вавилова с использованием документов и публикаций, обнародование которых стало возможным в последнее десятилетие.

О жизни и деятельности Сергея Ивановича Вавилова (1891–1951), выдающегося русского физика, академика, Президента АН СССР (1945–1951), автора классических работ в области физической оптики и люминесценции, казалось бы, подробно рассказано во многих опубликованных материалах (имеются в виду вышедшая тремя изданиями книга воспоминаний о нем [1], два издания книги В.Р. Келера в биографической серии ЖЗЛ, а также две книги Л.В. Левшина – «Сергей Иванович Вавилов» [3] и «Свет – мое призвание» [4] – и многочисленные журнальные статьи). Однако некоторые стороны его жизни во всех этих публикациях освещены недостаточно или совсем не освещены, и это обстоятельство не дает возможности тем, кто не знал Сергея Ивановича лично, составить себе о нем более или менее цельное представление.

К столетию со дня рождения С.И. Вавилова вышел в свет третьим дополненным изданием сборник «Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания». Редактором и составителем этого издания, как и двух предыдущих, был ученик Сергея Ивановича Вавилова, лауреат Нобелевской премии академик И.М. Франк. В сборнике содержится его большая прекрасная статья о жизни и деятельности С.И. Вавилова ([1], стр. 9-65), в которой Франк смог впервые подробно рассказать о трагической стороне жизни Вавилова в годы сталинской диктатуры. Нет сомнения в том, что испытания, выпавшие на долю Вавилова в эти годы, и привели к его преждевременной кончине.

Третье издание «Очерков и воспоминаний» вышло из печати в 1991 г. За прошедшие с того времени семь лет стали известны новые материалы, существенно дополняющие то, что мы знаем о С.И. Вавилове. Эти материалы (по крайней мере часть из них) будут использованы в нашей работе. Однако даже если не учитывать этих недавно ставших известными подробностей жизни Вавилова, все же есть немало причин, по которым предлагаемая вниманию читателя статья оправдана и необходима. К числу таких причин относятся: неосведомленность довольно многих физиков бывшего СССР (прежде всего, молодого поколения, для судьбы которого особенно важно сохранить лучшие традиции российской науки) о вкладе Вавилова в науку, в частности, в открытие излучения Вавилова–Черенкова, малая известность Вавилова в дальнем зарубежье, а также несправедливые упреки Вавилову, содержащиеся в ряде публикаций [5, 6] – обвинение его чуть ли не в прислужничестве сталинскому режиму.

Дополнительным стимулом для написания статьи явились бурные преобразования в СССР и России, произошедшие уже после написания И.М. Франком упомянутой выше статьи (1990 г.). Эти преобразования сделали наше общество более открытым, привели к значительному ослаблению или даже к уничтожению цензуры, к появлению невозможной ранее гласности. С другой стороны, кризис в экономике повлек за собой резкое ухудшение условий и даже угрозу существования российской физики, не так давно занимавшей одно из первых мест в мире. В ряде публикаций принижаются достижения отечественной науки за советский период, тенденциозно и необъективно оценивается деятельность отдельных ученых, в том числе С.И. Вавилова. А ведь следует

[1] Дополненный и исправленный вариант статьи, опубликованной в журнале «Успехи физических наук», **168**, № 5, 551–570 (1998), изданный отдельной брошюрой в ФИАНе в 1998 году.

помнить, что достижения физики в нашей стране того времени были в немалой степени обеспечены как научной деятельностью Вавилова, так и его работой по воспитанию научной молодежи, и его большой организационной деятельностью как создателя Физического института Академии наук СССР и научного руководителя Государственного оптического института, а затем и как президента Академии наук СССР.

Мы надеемся, что данная статья будет представлять интерес и для иностранных читателей, которым история науки в России известна весьма слабо, а иногда представляется в искаженном виде. Многие научные достижения и некоторые открытия мирового уровня, сделанные в России в советский период, оказались малоизвестными и недооцененными на Западе. Это касается и отдельных ученых, сделавших большой вклад в мировую науку. В качестве примеров можно привести открытие Л.И. Мандельштамом и Г.С. Ландсбергом комбинационного рассеяния света, которое на Западе носит название рамановского рассеяния, и открытие электронного парамагнитного резонанса Е.К. Завойским.

В наших предыдущих публикациях о С.И. Вавилове [7, 8] мы говорили, что этот ученый, именем которого в нашей стране названо открытие (эффект Вавилова–Черенкова), удостоенное после его смерти Нобелевской премии по физике (1958), почти не известен на Западе. Наши публикации отчасти достигли своей цели. Английские физики Э. Пайк и Р. Браун [9] согласились с нашей оценкой научных достижений С.И. Вавилова, назвали его выдающейся личностью в физике XX века и поддержали пожелание более широкого использования термина «излучение Вавилова–Черенкова» на Западе[2]. Они отметили также, что С.И. Вавилов был, по-видимому, первым ученым, наблюдавшим еще в 1926 году [10] (совместно с В.Л. Левшиным) нелинейный оптический эффект – уменьшение поглощения уранового стекла при увеличении интенсивности источника света – за много лет до появления лазеров. Впервые было показано на опыте, что световая волна достаточно большой интенсивности, проходя через поглощающую среду, меняет ее оптические свойства. В книге «Микроструктура света» [11], о которой будет подробнее сказано ниже, Вавилов ввел термин «нелинейная оптика». Обобщая полученные в [10] результаты, он написал: «"Нелинейность" в поглощающей среде должна наблюдаться не только в отношении абсорбции. Последняя связана с дисперсией, поэтому скорость распространения света в среде, вообще говоря, также должна зависеть от световой мощности. По той же причине в общем случае должна наблюдаться зависимость от световой мощности, т.е. нарушение суперпозиции, и в других оптических свойствах среды – в двойном преломлении, дихроизме, вращательной способности и т. д.» (суть принципа суперпозиции состоит в том, что результирующий эффект от нескольких независимых воздействий представляет собой сумму эффектов, вызываемых каждым воздействием в отдельности. – *Прим. авт.*) Заканчивая цитируемую здесь главу «Пределы выполнения оптического принципа суперпозиции», Вавилов пишет: «...При прохождении через вещество суперпозиция может резко нарушаться, что определяется квантовыми свойствами света и вещества». Заметим, что работы в области нелинейной оптики, интенсивное развитие которых в начале 60-х годов связано с появлением лазеров, вызывают значительный интерес и в настоящее время, а изучение и применение нелинейных оптических эффектов переросло оптику и интересует ученых и других специальностей.

Для того, чтобы лучше понять мировоззрение Вавилова в зрелые годы, обратимся к началу его творческой деятельности. В 1909 году он поступил в Московский универ-

[2]В этой связи показательно, что нашу недавнюю публикацию о С.И. Вавилове в журнале Physics Today [7] редакция журнала назвала «Сергей Вавилов, знаменитый в России, все еще недостаточно известен на Западе».

ситет и окончил его в 1914 г. В своей автобиографии [12] Вавилов пишет: «События 1910-1911 гг., когда большинство либеральной профессуры покинуло университет в связи с политикой министра народного просвещения Кассо, существенно отразились на мне. Я перенес исследовательскую работу в частную лабораторию профессора П.Н. Лебедева, перешедшую после его смерти под руководство профессора П.П. Лазарева. Из этой лаборатории вышли мои первые печатные работы (1913 и 1914 гг.). В виде протеста я отказался после окончания университета остаться при кафедре для подготовки к профессорской деятельности и по существовавшим тогда законам должен был поступить на военную службу. Вскоре разразилась война и я попал на фронт и пробыл с конца июля 1914 г. по февраль 1918 г. в различных инженерных частях (саперный батальон, военно-дорожный отряд, радиодивизионы). В феврале 1918 г. я был взят немцами в плен в г. Двинске, но через два дня бежал. На фронте я закончил одну экспериментально-теоретическую работу по вопросу о частоте колебаний нагруженной антенны». Интересно, что еще в молодые годы С. Вавилов проявил разносторонние интересы и способности. В 1914 и 1916 гг. он опубликовал в «Известиях Общества преподавателей графических искусств» два прекрасных очерка о городах Италии, написанных на основе своих путешествий по Италии в студенческие годы.

Всю свою жизнь С.И. Вавилов работал в России (за исключением полугодовой поездки в Германию к П. Прингсгейму в 1926 г.). В 30-е годы, годы его наиболее активной экспериментальной деятельности, когда он еще не был чрезмерно обременен административными обязанностями, он выполняет фундаментальные работы в области физической оптики и люминесценции. В числе наиболее известных работ по физической оптике – открытие первого нелинейного оптического эффекта – отклонения от закона Бугера у уранового стекла при высоких интенсивностях света, исследования квантовых флуктуаций света, проводившиеся Вавиловым в ГОИ, начиная с 1932 г., и, наконец, знаменитое открытие совместно с П. Черенковым эффекта Вавилова–Черенкова в 1933 г. Работы Вавилова по люминесценции стали сейчас классическими и мы не будем говорить о них подробно. Отметим лишь, что без глубокого знания им этой области физики открытие Вавиловым и Черенковым эффекта, названного впоследствии их именами, было бы невозможным. В 1958 г. П.А. Черенков, И.М. Франк и И.Е. Тамм были удостоены Нобелевской премии по физике за открытие и объяснение этого эффекта. К сожалению, С.И. Вавилов не дожил до этого времени (Нобелевская премия посмертно не присуждается).

Ниже мы коснемся истории открытия эффекта Вавилова–Черенкова, который на Западе называют эффектом Черенкова, забывая о роли Вавилова в его открытии, что, по мнению практически всех русских ученых, некорректно. Пока же ограничимся тем, что приведем мнение Л.И. Мандельштама, одного из авторитетнейших современников этого открытия. В своих воспоминаниях С.М. Райский пишет [13]: «Одним из оппонентов на защите П.А. Черенковым его знаменитой диссертации был Л.И. Мандельштам. Я сидел в столовой Мандельштамов, когда Леонид Исаакович закончил писать свой отзыв и вышел из кабинета. Он дал мне прочесть свой отзыв. Прочитав, я задал вопрос, почему в отзыве о диссертации П.А. Черенкова такое большое место занимает С.И. Вавилов. Леонид Исаакович ответил: "Роль Сергея Ивановича в открытии эффекта такова, что ее следует указывать всегда, когда идет речь об этом открытии". Объективности ради отметим, что значение этого открытия было оценено не всеми. В.Л. Гинзбург вспоминает [14, 15], что, подписывая письмо в Нобелевский комитет с представлением на И.Е. Тамма, И.М. Франка и П.А. Черенкова ("наверху" было решено выдвигать только П.А. Черенкова, а в письме утверждалось, что Нобелевскую премию надо присуждать всем троим), Л.Д. Ландау сказал, «...что не очень-то це-

нит эффект Вавилова–Черенкова (я знал это и раньше, а Ландау говорил не для того, чтобы иметь предлог не подписать письмо). Но он готов подписать письмо, если вместо “нужно присудить” мы напишем “если уж присуждать (if awarded), то всем троим (Тамму, Франку и Черенкову)”». Ландау подписал письмо с этой поправкой и, по мнению В.Л. Гинзбурга, его поведение в этом деле было безукоризненным. Следует к этому добавить, что некоторые известные физики (в частности Ф. Жолио-Кюри, П.Л. Капица [16, с. 65] и др.) в первые годы после открытия излучения Вавилова–Черенкова скептически относились к результатам, полученным в ФИАНе.

Стоит особо сказать об экспериментальном мастерстве Вавилова, тем более, что об этой стороне его научной деятельности упоминается редко. Его экспериментальные разработки и полученные с их помощью результаты вызывают восхищение. Вавилов совместно со своим ассистентом Е.М. Брумбергом разработали фотометрический метод гашения, в котором человеческий глаз используется как прибор для измерения предельно малых интенсивностей света. Метод позволяет определять не только яркость, но и спектральный состав слабого излучения на пороге зрения. Последнее особенно поразительно, потому что человеческий глаз, наблюдая слабое излучение, не различает цвета («ночью все кошки серы»). В этом методе глаз, адаптированный на темноту, был применен в качестве приемника света. Вавилов воспользовался тем обстоятельством, что у человеческого глаза, адаптированного на темноту, чувствительность многократно возрастает. В частности, как им было показано, для зеленой области спектра число световых квантов, соответствующих пороговому значению зрительного восприятия, составляет в среднем 20 для различных наблюдателей. Этим методом исследовались квантовые флуктуации слабого излучения. Этим же методом воспользовался и Черенков, исследуя свойства нового свечения. Другого метода, пригодного для этих целей, тогда просто не существовало.

Достижения Вавилова тем более заслуживают признания, что условия для экспериментальной работы в России были значительно хуже, чем в Европе. В первой половине 1926 года Вавилов работал в Берлине в лаборатории Прингсгейма, известного своими работами в области люминесценции. Исследования Вавилова в Берлине в значительной своей части представляли собой продолжение (а иногда и повторение) работ, начатых в Москве, – правда, повторение и продолжение на лучших, более точных оптических приборах (которых в России тогда не было) и с более чистыми в химическом отношении красителями. Сохранились письма, написанные Вавиловым из Берлина своему коллеге и ближайшему сотруднику В.Л. Левшину. Некоторые из этих писем приведены в книге «Сергей Иванович Вавилов», написанной Л.В. Левшиным, сыном В.Л. Левшина ([3], стр. 355-380). В письме из Берлина в марте 1926 г. Вавилов пишет: «Был на днях с Прингсгеймом у Цейсса и опять облизывался. Господи боже ты мой, чего у них только нет. Дуги эти самые на каждом столе, поляризационные установки, интерферометры...» ([3], стр. 365). Но, как часто бывало в России, ограниченные материальные возможности стимулировали развитие изобретательности. В другом письме говорится об отношении Вавилова к экспериментальной работе ([3], стр. 360): “...Работаю каждый день, но коэффициент полезного действия небольшой, так как каждую мелочь приходится сдавать механику, а это в среднем потерянный день”.

Во время этой командировки в Германию Вавилов познакомился со многими выдающимися физиками: среди них А. Эйнштейн, М. Борн, М. Лауэ, Дж. Франк, О. Ган, Л. Мейтнер и др. Будучи скромным человеком и еще достаточно молодым, Вавилов постеснялся докладывать на семинаре о своих работах в присутствии, как он писал В.Л. Левшину, «“всего Олимпа”: А. Эйнштейна, В. Нернста, М. Планка, М. Лауэ, В. Боте и др.» (письмо от 13 мая 1926 г. [3]). Сергей Иванович попросил доложить о своих рабо-

тах, проведенных в Москве, Прингсгейма. В этом сообщении рассказывалось, в частности, и о работе по поглощению света в урановом стекле, ныне признанной классической (упомянутые выше английские физики Пайк и Браун отмечают это не только в [9], но и в обзоре [17], посвященном истории оптики XX века). Как писал Вавилов Левшину, их работы понравились «самому Эйнштейну».

Командировка Вавилова в Германию совпала с «золотым периодом» в истории физики XX века – созданием и утверждением теории относительности и квантовой механики. Вавилову посчастливилось в Берлине и Геттингене слушать лекции о квантовой механике и теории относительности непосредственно от таких корифеев как Планк, Гейзенберг и Борн, а хорошее знание немецкого языка позволило ему усвоить основные представления «новой физики» из уст самих ее создателей.

Как и многие другие физики-экспериментаторы того времени и современные, Вавилов стремился исследовать вещество в экстремальных условиях, разрабатывая для этой цели специальные приборы и экспериментальные методы. На первый взгляд, результаты Вавилова в достижении предельных экспериментальных параметров могут показаться скромными – с точки зрения современного физика, работающего с совершенной лазерной техникой, конденсированная дуга, использовавшаяся Вавиловым и Левшиным в качестве источника света при наблюдении первого нелинейного оптического эффекта, является примитивным научным прибором; никому не придет в голову сейчас, когда существуют чувствительные ФЭУ, регистрировать одиночные фотоны глазом. Однако о режиме счета фотонов с помощью ФЭУ в 30-е годы нечего было и говорить, а лазеры, давшие бурное развитие нелинейной оптике, появились только в начале 60-х годов. Поэтому можно сказать, что результаты работ Вавилова в физической оптике и люминесценции – выдающиеся достижения, ставшие возможными в то время благодаря его экспериментальному мастерству.

Фундаментальные работы Вавилова в области физической оптики и люминесценции общепризнаны в нашей стране. Недаром ему посвящена традиционная «Вавиловская конференция по нелинейной оптике», проводимая в Новосибирске по инициативе Р.В. Хохлова (1926–1977), выдающегося физика, знаменитого своими работами именно в нелинейной оптике. Научные достижения Вавилова в области люминесценции хорошо известны и нет необходимости говорить о них подробно. Следует только подчеркнуть, что он является основателем отечественной школы люминесценции и ученые, воспитанные его учениками, работают сейчас не только в Москве и Санкт-Петербурге, но также во многих городах России и бывших советских республиках.

Итоги исследований Вавилова и его сотрудников за 30 лет работы в области физической оптики и люминесценции подведены в монографии «Микроструктура света» [11], законченной им в августе 1950 г. и вышедшей в свет незадолго до его кончины. Книга состоит из нескольких частей: (1) экспериментальные исследования квантовых флуктуаций света визуальным методом, (2) о предпосылках и некоторых выводах элементарного учения об интерференции света, (3) свойства света, излучаемого поглощающей средой. При тогдашнем уровне экспериментальной техники Вавилов с сотрудниками открыл первый нелинейный оптический эффект, провел экспериментальную проверку принципа суперпозиции. Видно, что Вавилов был идейно готов к открытиям, совершившимся с середины 60-х после изобретения лазеров – исследованию нелинейных оптических эффектов, когерентности света, сжатого света, кооперативных оптических эффектов и т.д. Несомненно, что высочайший уровень – можно сказать: высочайшая культура оптических исследований в ФИАНе, в чем немалая непосредственная заслуга С.И. Вавилова, способствовали развитию в ФИАНе работ в области квантовой

электроники, отмеченных присуждением Нобелевской премии по физике Н.Г. Басову и А.М. Прохорову (1964).

С.И. Вавилов был не только выдающимся ученым. Начиная с 1932 г. и до конца жизни, ему пришлось уделять сначала большую, а потом и основную часть времени научно-организационной работе и подготовке научных кадров. В 1932 г., вскоре после избрания действительным членом АН СССР, он стал научным руководителем Государственного оптического института (ГОИ) и возглавил физический отдел Физико-математического института АН СССР в Ленинграде (а с 1934 г., после выделения физического отдела в самостоятельный институт и переезда его вместе с Академией наук в Москву, стал директором Физического института АН СССР – ФИАНа, которому по инициативе С.И. Вавилова присвоено имя П.Н. Лебедева). Роль Вавилова в научной жизни и развитии ФИАНа и ГОИ громадна [1, 7, 18, 19]. В частности, физический отдел Физико-математического института, состоявший в 1932 г. в Ленинграде из полутора-двух десятков сотрудников и аспирантов, вырос в уникальный в отечественной и мировой науке институт широкого физического профиля, знаменитый ФИАН. К 1951 г., когда ФИАН переехал с Миусской площади в его современное главное здание за Калужской заставой (переезд осуществлялся как раз в год смерти Вавилова), институт в несколько десятков раз вырос по числу сотрудников и площади помещений по сравнению с 1932 г. К этому времени в институте велись исследования по большинству основных направлений физики. Заложенный при создании института принцип полифизичности естественно приводил к появлению новых научных направлений, органическому сочетанию экспериментальных и теоретических работ. Необходимость более широких исследований по новым направлениям привела к образованию на основе лабораторий ФИАНа ряда новых институтов. Организация работ в новых областях физики и вообще создание ФИАНа как полифизического института – значительная заслуга Вавилова как директора института. На первых порах многих сотрудников удивляло, что Вавилов поддерживал исследования не только в близких ему областях, оптике и люминесценции, но инициировал работы и в других областях, в частности, в физике атомного ядра и космических лучей[3], в физике твердого тела, в радиофизике и в теоретической физике. ФИАН создавался как институт, ведущий фундаментальные исследования по многим направлениям. Однако каждый раз, когда появлялась необходимость в проведении прикладных работ, жизненно важных для обороны страны, институт включался в эти работы, так что на счету ФИАНа немало успешно решенных прикладных задач (в частности, участие в создании термоядерного оружия).

Интересно рассмотреть сохранившийся в архиве ФИАНа план научной работы института (тогда еще физического отдела Физико-математического института) 1933 г. ([18], препринт ФИАН №224, с. 21–22), составленный после того, как С.И. Вавилов стал его директором. Вавилов принимал непосредственное участие в разработке этого плана. В частности, план содержит тему “Исследование оптимальных условий образования сцинтилляций под действием X-лучей [рентгеновских лучей и гамма-квантов, *примеч. ред.*] в жидких растворах урановых солей”, исследование которой привело к открытию эффекта Вавилова–Черенкова, удостоенного Нобелевской премии. Многие темы этого плана определили научные работы института на многие годы, а некоторые из них актуальны и в наше время.

[3] Широта мышления С.И. Вавилова, понимание важности развития в нашей стране новых направлений в физике проявились и в том, что по его инициативе в 1940 году на физическом факультете МГУ была создана кафедра ядерной физики и радиоактивных излучений, которую возглавил будущий академик Д.В. Скобельцын, кстати, приглашенный для работы в ФИАНе также Вавиловым. Впоследствии на базе этой кафедры в 1946 г. в МГУ были созданы Научно-исследовательский институт ядерной физики (НИИЯФ) и Отделение ядерной физики на физическом факультете.

В ФИАНе всегда внимательно следили за разработкой новой техники. После появления ракет, ФИАН поставил вопрос об использовании ракетной техники для проведения научных исследований. В книге о С.П. Королеве [20] Я. Голованов пишет: "В то время, когда он (С.П. Королев – *Прим. авт.*) работал в казанской шараге, Физический институт Академии наук поставил вопрос о проектировании ракеты, способной поднять на высоту 40 километров приборы, измеряющие космическую радиацию. В апреле 1944 года под руководством Павла Ивановича Иванова, одного из ведущих сотрудников лаборатории Тихонравова, такую ракету начали проектировать, а в июле проект уже был готов. В декабре в скромном кабинете Сергея Ивановича Вавилова в Физическом институте Академии наук Иванов рассказал о своем проекте". Аппаратура для этих измерений была разработана докторантом С.И. Вавилова С.Н. Верновым с сотрудниками. Первые (правда, неудачные) пуски ракет с установленной на них аппаратурой состоялись в июне 1946 г. под Ленинградом. Летом 1947 г. разговор Вавилова о запуске ракет с научной аппаратурой состоялся уже с С.П. Королевым в Подлипках. Речь шла о возможности установки аппаратуры на "больших ракетах", запускавшихся на полигоне Капустин Яр. Заметим, что необходимость научного исследования стратосферы С.И. Вавилов понял задолго до этих событий – он был председателем оргкомитета Всесоюзной конференции по изучению стратосферы, которая состоялась в марте–апреле 1934 г. в Ленинграде. На этой конференции сделал доклад и С.П. Королев, будущий Главный конструктор советской ракетной и космической техники.

Интересно отметить, что пути С.И. Вавилова и С.П. Королева пересекались и позже. Из приведенных в книге [20] Я. Голованова данных видно, что Вавилов, работая на посту президента Академии наук СССР, не только помогал развитию ракетной техники, но и способствовал развитию биологических исследований в этой области задолго до первого полета человека в космос. Вот что пишет об этом автор, записывая воспоминания профессоря В.И. Яздовского: «Думаю, что подготовка к полету Юры началась примерно за 12 лет до его старта...

12-летний Гжатский школьник Юраша (так называла его мама) Гагарин не мог знать, сколь важное для него совещание состоялось в красивом особняке на Ленинском проспекте Москвы. В кабинете президента Академии наук СССР Сергея Ивановича Вавилова сидели Сергей Павлович Королев и Владимир Иванович Яздовский. Сначала говорили в основном Вавилов с Королевым – о развитии нынешней ракетной техники: до каких высот уже возможно добраться, о том, какую аппаратуру в первую очередь надо поднять в стратосферу и как ее оттуда вернуть...

– А вас, Владимир Иванович, мы просим возглавить биологические исследования. – Вавилов обернулся к Яздовскому. – Вероятно, вам понадобится помощь различных учреждений биологического и медицинского профиля. Андрей Николаевич Туполев рассказывал, что вы хорошо умеете организовывать исследования как раз в условиях реального полета. Подберите людей, заказывайте аппаратуру. В средствах обещаю особенно вас не стеснять. И давайте начинать... (уже 22 июня 1951 г. состоялся полет собак на высоту 100 км с возвращением – *Прим. авт.*).

Описывая окончание этой встречи, Я. Голованов пишет: "Сергей Иванович неторопливо проводил гостей до приемной. Он никогда никуда не торопился, а потому никогда не опаздывал и успевал сделать больше людей торопившихся". Эту характерную черту характера Вавилова описывают многие знавшие его люди. В частности, А.М. Прохоров пишет: «...знавшие Вавилова люди вспоминают, что несмотря на огромную занятость, он никогда не производил впечатления спешащего человека и в то же время был чрезвычайно точен и никогда не опаздывал» [21].

ФИАН оправдал надежды своего создателя. Еще при жизни Сергея Ивановича институт выдвинулся в число мировых лидеров по многим направлениям физической науки. Уже после кончины С.И. Вавилова пятеро сотрудников ФИАН получили Нобелевские премии по физике – знак высшего международного признания. И.Е. Тамм, И.М. Франк и П.А. Черенков были удостоены Нобелевской премии за открытие и объяснение эффекта Вавилова–Черенкова (будь жив Сергей Иванович, он разделил бы с ними этот успех). Позднее Н.Г. Басов и А.М. Прохоров получили Нобелевскую премию за фундаментальные работы в области квантовой электроники и создание на их основе мазеров и лазеров. А ведь в ФИАНе были сделаны и другие открытия, которые по своему значению сравнимы с только что упомянутыми. Достаточно указать на открытие В.И. Векслером принципа автофазировки. Сюда также следует отнести предложение И.Е. Тамма и А.Д. Сахарова по управляемому термоядерному синтезу. Кстати сказать, не пятеро, а шестеро сотрудников ФИАН получили Нобелевские премии. Шестым стал А.Д. Сахаров, получивший Нобелевскую премию Мира. Трудно найти другой институт, в котором работали бы шесть лауреатов Нобелевской премии[1].

Удивительно, что в тяжелейшие для страны тридцатые годы в ФИАНе удалось создать доброжелательную обстановку, способствовавшую плодотворной научной работе. Значительная заслуга в том принадлежит Вавилову. Это хорошо видно из публикации Г.Е. Горелика «Москва, физика, 1937 год» [22], в которой анализируется стенограмма заседания актива ФИАНа, состоявшегося вскоре после февральско-мартовского 1937 г. пленума ЦК ВКП(б), на котором Бухарин и Рыков были исключены из партии и в качестве японо-немецких агентов переданы органам НКВД. На этом собрании Вавилову хватило совести и смелости проявить человечность к арестованному в августе 1936 г. Б.М. Гессену (он называл «разоблаченного врага народа» по имени-отчеству, взял на себя ответственность за его приглашение в ФИАН на должность заместителя директора), защитить подвергавшихся нападкам со стороны партийных ортодоксов И.Е. Тамма (его брат, главный инженер Березниковского химзавода, был арестован) и Г.С. Ландсберга, не дал развязать в институте кампанию, подобную той, что проходили по всей стране. Конечно, на этом собрании, как и во многих других выступлениях в качестве директора института, а позже и президента АН СССР, Вавилову приходилось произносить ритуальные слова (в первой половине своего выступления на активе ФИАНа он цитировал речь Сталина на пленуме), но таково было время и уйти от этого человеку, занимавшему высокий административный пост, было практически невозможно. Столь удивительная для того (да и для нашего) времени обстановка в институте контрастировала с тем что происходило, например, в Московском университете (см., например, [23, с. 70–71]). Поэтому не удивительно, что Вавилову удалось пригласить в ФИАН таких выдающихся физиков, как Л.И. Мандельштам, Н.Д. Папалекси, Г.С. Ландсберг, И.Е. Тамм, В.А. Фок, Н.Н. Андреев, М.А. Леонтович, и создать в институте условия, столь не похожие на общественно-политическую обстановку того времени в стране.

Вспоминая об этом времени, И.М. Франк писал: «....В молодости мне посчастливилось в том отношении, что уже в студенческие годы я попал в среду, в которой истинное научное влияние воспринималось особенно интенсивно и разносторонне. Я имею в виду научную школу Л.И. Мандельштама, к которой принадлежали мои непосредственные учителя и выдающиеся физики С.И. Вавилов, Г.С. Ландсберг и И.Е. Тамм – ученые, столь различные по своей индивидуальности. Была, однако, особенность, характерная для всей этой школы, – это непрерывное научное общение. Вопросы теории и

[1] Настоящая статья была опубликована в 1998 году. В октябре 2003 г. Нобелевская премия по физике «за пионерский вклад в теорию сверхпроводимости и сверхтекучести» была присуждена сотруднику ФИАН с 1938 года академику В.Л. Гинзбургу. Таким образом сотрудники ФИАН получили 7 Нобелевских премий.

результаты эксперимента неизменно и постоянно обсуждались, и эти разговоры (они происходили и вне научных семинаров), частые и длительные, никто не считал потерей времени. Первое время мне казалось удивительным, что столь выдающиеся люди часы своего драгоценного времени, в которые они могли бы сделать нечто замечательное, тратят на разговоры, в которых немалое внимание уделяется тому, что не получилось или оказалось ерундой. В то время я не понимал и того, что в этих беседах часто излагались новые идеи задолго до их опубликования и, разумеется, без опасения, что их опубликует кто-то другой. Причем никто не жалел усилий, чтобы помочь формированию нового в понимании, совершенно не думая о соавторстве. В той моральной атмосфере, которая была свойственна школе Л.И. Мандельштама, это было более чем естественно.

Непрерывное обсуждение новых работ и соображений, связанных с ними, в беседах с коллегами и учениками было характерно для С.И. Вавилова до конца его жизни. Вполне естественно, что я знал о работе П.А. Черенкова с самого ее начала и во всех подробностях. Вскоре С.И. Вавилов познакомил меня с Черенковым, а после моего перехода в ФИАН началось и наше тесное научное общение. После переезда в 1934 году Академии наук в Москву С.И. Вавилов не раз говорил об этих работах с И.Е. Таммом, постоянно общался с ним и я. Без этих многократных совместных обсуждений не родилась бы работа, которой посвящена эта статья...». И далее: «...С.И.Вавилов увлек меня своим интересом к работе П.А. Черенкова...»

Приведенные отрывки взяты из статьи И.М. Франка «О когерентном излучении быстрого электрона в среде», помещенной в книге «Воспоминания о И.Е. Тамме» [24]. И.М. Франк до конца своих дней относился к С.И. Вавилову с любовью и уважением, как к любимому учителю. Как уже нами отмечалось, под редакцией Франка был составлен, издан, а затем и дважды переиздан сборник воспоминаний о С.И. Вавилове. С каждым новым изданием сборник дополнялся, материал перерабатывался. В третьем издании одна из лучших статей принадлежит составителю, И.М. Франку. Последнее издание воспоминаний о С.И. Вавилове Франк готовил к печати, будучи тяжело больным. Он боялся умереть до окончания этой работы. Доведя работу до конца, Илья Михайлович поднялся из-за стола, вышел из кабинета, с радостью сообщил родным о том, что книга подготовлена к печати и добавил: «Теперь можно и умереть». И через несколько дней умер...

Качества С.И. Вавилова как научного руководителя и организатора науки отметил также профессор Дж. Бернал, известный как своими работами по кристаллографии и рентгеноструктурному анализу, так и своей общественной деятельностью. В номере журнала *Nature* от 20 октября 1952 г. в статье, посвященной Вавилову, Бернал писал: «... Он не подавлял других и не навязывал им своих мнений. Его авторитет был основан на рациональности суждений и на порядочности».

Мы уже упоминали, что в 1935 г. в ФИАНе работали Мандельштам, Папалекси, Ландсберг, Тамм, Фок, Леонтович и другие известные физики. Стремление Сергея Ивановича создать сильный научный коллектив было реализовано в полной мере. Известный математик, механик и кораблестроитель академик А.Н. Крылов следующим образом прокомментировал подход Вавилова к подбору сотрудников: «Да, Сергей Иванович замечательный человек. Он организовал институт и не побоялся пригласить туда физиков сильнее себя» ([25], с. 35).

В 1936 году по приглашению Вавилова в ФИАН пришел В.И. Векслер, тогда молодой начинающий физик, а впоследствии один из известнейших исследователей в физике высоких энергий, создатель знаменитого принципа автофазировки, на основе которого работают все современные ускорители. О том, какую роль в его судьбе сыграл созданный Вавиловым ФИАН, Векслер сказал на церемонии вручения ему и американскому физику

Э. МакМиллану премии «Атом для мира» [26]: «...Счастливым для меня обстоятельством явилось то, что с 1936 г. я еще совсем молодым специалистом был приглашен на работу в Физический институт имени П.Н. Лебедева Академии наук СССР, в котором работали такие замечательные советские ученые, как академики С. Вавилов, Л. Мандельштам, И. Тамм и многие другие, и, наконец, человек, которого я считаю своим учителем и которому обязан очень многим, – академик Д. Скобельцын.

Замечательная атмосфера безграничной преданности науке, царившая в этом институте, возможность постоянного живого контакта с этими выдающимися учеными и окружавшими меня друзьями и сверстниками по лаборатории И. Франком и П. Черенковым, впоследствии Нобелевскими лауреатами; профессорами С. Верновым, Н. Добротиным, внимание и помощь со стороны теоретиков, в первую очередь Е. Фейнберга, М. Маркова, а также участие в работах большой группы талантливых физиков молодого поколения – вот далеко не полный перечень людей, с которыми я десятилетиями связан совместной работой и которые, безусловно, имеют основания считать наши успехи общими...»

В своей статье "С.И. Вавилов в ФИАНе" ([1], с. 210) В.И. Векслер писал: «...Первое наиболее сильное впечатление произвело на меня то, что Сергей Иванович держался необыкновенно просто и доброжелательно...» *(Здесь говорится о впечатлении от первой беседы с С.И. Вавиловым, в которой решался вопрос о поступлении В.И. Векслера на работу в ФИАН. – Прим. авт.)*

«...Впечатление удивительной простоты Сергея Ивановича осталось у меня на всю жизнь. Впоследствии я много раз убеждался, что простота в обращении со всеми людьми независимо от их рангов, ученых званий и возраста, постоянная доброжелательность к людям были наиболее привлекательными чертами Сергея Ивановича...»

П.А. Черенков в своих воспоминаниях отметил ([1], с. 220): «...Результаты всех этих трудов Сергея Ивановича Вавилова стали фундаментом современного учения о люминесценции. На базе этого фундамента стало возможным одно из важнейших открытий современной физики – открытие излучения заряженных частиц сверхсветовой скорости.

Не останавливаясь на деталях этого открытия, я хотел бы сказать, что оно могло осуществиться только в такой научной школе, как школа С.И.Вавилова, где были изучены и определены основные признаки люминесценции и где были разработаны строгие критерии различения люминесценции от других видов излучения. Не случайно поэтому, что даже в такой крупной школе физиков, как парижская, прошли мимо этого явления, приняв его за обычную люминесценцию».

В 1945 году в аспирантуру ФИАН поступил инженер Ульяновского патронного завода А.Д. Сахаров. Его руководителем в аспирантуре был И.Е. Тамм. Впоследствии А.Д. Сахаров сыграл огромную роль в развитии науки и в общественной жизни в нашей стране. В своих воспоминаниях, описывая годы пребывания в аспирантуре ФИАН, Сахаров пишет и о Сергее Ивановиче Вавилове. Приведя здесь фрагменты из воспоминаний Сахарова, относящиеся к Вавилову [27], предварительно отметим, что Сахаров приехал в Москву с женой и маленькой дочкой, жилья в Москве не имел, снимал комнату то у одних, то у других хозяев, вечно нуждался в деньгах и в продуктах для семьи (тогда еще была карточная система).

«В январе 1947 года, – пишет А.Д. Сахаров, – по ходатайству Института нам предоставили номер в гостинице Академии наук (формально это был "Дом для приезжающих ученых". Но там было большинство таких, как я, к тому же не имеющих никакого отношения к Академии). Номер мне оплачивал ФИАН, частично или полностью – сейчас не помню. По поводу этого дела я ходил к директору ФИАНа, известному оптику академику

Сергею Ивановичу Вавилову; Сергей Иванович был родным братом другого академика, еще более известного – Николая Ивановича Вавилова, биолога, арестованного и погибшего в заключении за несколько лет до этого. Эта история была одной из самых ужасных страниц в многолетней трагедии советской биологии. Сергей Иванович вскоре стал (или уже тогда был) президентом Академии наук. При этом он регулярно – минимум раз в неделю – встречался с Т.Д. Лысенко, членом Президиума АН, который был одним из главных виновников гибели его брата. Представить, как это происходило, мне трудно...

...Вавилов был доброжелательным человеком, в личном общении – мягким и добрым. Он, в качестве депутата Верховного Совета СССР, очень много общался с избирателями, приезжавшими к нему с жалобами и просьбами. Что это было такое – я легко могу себе представить по своему личному опыту "Комитета прав человека" в 70-х годах. У него в столе лежали заготовленные заранее конверты с деньгами (из его президентской зарплаты), и он, не имея в большинстве случаев реальной возможности помочь несчастным людям иначе, давал многим эти деньги. Это стало известно, и ему пытались это запретить. Вавилов был, кроме ФИАНа, директором еще одного института, ко всем своим обязанностям относился чрезвычайно рьяно, самоотверженно (тут я могу сравнить его только с еще одним, в некоторых отношениях совсем другим, человеком – с Юлием Борисовичем Харитоном, научным руководителем учреждения, где я потом проработал много лет). К личным делам сотрудников Сергей Иванович относился всегда с большой заботливостью, он глубоко и искренне любил науку и был прекрасным ученым-оптиком, а также хорошим популяризатором. В качестве президента ему приходилось много выступать с официальными речами. В одной из них он назвал Сталина "корифеем науки", этот пущенный им в ход эпитет стал почти что частью официального титула (видимо, понравился).

Судьба двух братьев – умирающего от голода при чистке нечистот в Саратовской тюрьме и осыпанного всеми почестями президента – была парадоксом, крайностью даже в то время, но и было в этом что-то очень характерное.

Сергей Иванович, и раньше относившийся ко мне внимательно, хорошо запомнил мою жилищную проблему. Мне говорил потом Игорь Евгеньевич, что это сыграло некоторую роль в моей дальнейшей судьбе».

Сахаров ошибался, когда писал, что термин "корифей науки" по отношению к Сталину был пущен в ход Вавиловым. Сергей Иванович по должности своей был обязан в речах и статьях восхвалять Сталина. Он это и делал тогда, когда нельзя было этого избежать. Ему принадлежат такие статьи как "Научный гений Сталина", "Наука сталинской эпохи" и др. Что же касается оборота "корифей науки", то, по свидетельству доктора исторических наук В. Есакова [28], «...этот титул появился задолго до избрания Сергея Ивановича президентом – в год сталинского шестидесятилетия. Одним из первых, если не самым первым, назвал Сталина корифеем науки тогдашний первый секретарь МК и МГК ВКП(б) А.С. Щербаков. В своей статье "ВКП(б) – неприступная крепость", опубликованной в декабрьские дни 1939 года, он писал, что Сталин «творчески обогатил революционную теорию, как подлинный корифей науки двинул вперед теорию марксизма-ленинизма». Этот эпитет был подхвачен многими из тех, кто славословил вождя, в том числе и учеными. А в день 60-летия Сталина Общее собрание Академии наук СССР направило ему приветствие как «величайшему мыслителю нашего времени и корифею передовой науки». Таким образом, С.И. Вавилов лишь повторял уже широко известное определение – прием, который он ... использовал всякий раз, когда надо было "соответствовать"...».

В различных публикациях особый интерес вызывает назначение Вавилова президентом АН СССР. Так, А.И. Солженицын, осуждающий его за этот поступок, пишет [5]:

«...Академик Сергей Вавилов после расправы над своим великим братом пошел в лакейские президенты Академии наук». Однако автор не подкрепляет эти хлесткие слова аргументами. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

С.И. Вавилов стал президентом в июле 1945 г. Часто обсуждается вопрос: почему Вавилов согласился на предложение (одобренное Сталиным) занять эту должность (после этого избрание в Академии становилось формальным)? Но интересен и другой вопрос: почему именно Вавилову было сделано предложение? Ответить на него однозначно вряд ли возможно. По нашему мнению, одной из главных причин было то, что Великая Отечественная война, в которой победа была достигнута ценой полной мобилизации человеческих и материальных ресурсов в нашей стране и громадных потерь, показала, что без развития науки (в том числе фундаментальной, являющейся основой для большинства прикладных исследований, технических и военных разработок) СССР вряд ли сможет удержаться в роли великой мировой державы. Конечно для усиления влияния на Академию наук и ученых Сталин мог сделать президентом Академии наук верного человека (например, А. Вышинского или Т. Лысенко; среди физиков, знавших С. Вавилова, возможность назначения их на эту должность в случае отказа Вавилова рассматривается как одна из причин, побудивших Вавилова согласиться на предложение). Однако в данной ситуации требовался не администратор, способный затягивать гайки, а авторитетный ученый, желательно представитель естественных наук (этого требовали основные задачи, в том числе разработка атомной проблемы, которая к этому времени стала актуальной), обладающий организационными способностями. (Аналогичные ситуации возникли в начале войны в армии и оборонной промышленности – когда появлялась необходимость спасать страну, пришлось поступиться принципами и выпустить из заключения многих руководителей оборонных отраслей и оставшихся в живых видных военных.)

Следует также заметить, что С.И. Вавилов был избран президентом АН СССР 17 июля 1945 г., всего за три недели до взрыва американской атомной бомбы 6 августа в Хиросиме. По-видимому, при выдвижении Вавилова на пост президента АН СССР высшим руководством страны было учтено, что хотя он не был специалистом в области физики атомного ядра, однако благодаря широкому кругозору Вавилов был знаком с ядерной проблематикой – ведь как мы уже указывали выше, именно по его инициативе в ФИАНе еще в тридцатые годы начали развиваться работы по ядерной физике. В этой связи интересно, что в 1940 году С.И. Вавилов был включен в состав Комиссии по проблеме урана наряду с В.И. Вернадским, А.Ф. Иоффе, П.Л. Капицей, И.В. Курчатовым и другими [29]. Председателем комиссии стал директор Радиевого института АН СССР академик В.Г. Хлопин. В качестве одной из основных задач, поставленных перед Комиссией, было определение тематики научно-исследовательских работ институтов АН СССР в области изучения урана. Кроме того, по инициативе Вавилова в начале работ над созданием ядерного оружия в 1946 г. при президиуме Академии наук (решением И.В. Сталина) создается Ученый совет, на который возлагается руководство работами институтов Академии наук и министерств по изучению атомного ядра и использованию ядерной энергии в технике, химии, биологии и медицине; Сергей Иванович и возглавил этот совет. С.И. Вавилов имел авторитет среди ядерщиков, о чем свидетельствует тот факт, что его имя упоминается в известном письме Г.Н. Флерова, с которым он обратился в середине 1942 г. к И.В. Сталину, отмечая необходимость продолжать заниматься проблемой урана в военное время и предлагая создать для решения этого вопроса совещание на высшем уровне с участием ведущих ученых в этой области ([30], с.41–42).

На роль человека, способного организовать науку в новых условиях, прекрасно подходил С.И. Вавилов. Эта точка зрения подтверждается цитируемыми в книге Д.А. Волкогонова [31] краткими характеристиками академиков, рассматривавшихся в

качестве претендентов на должность президента АН СССР. Справка с характеристиками была подготовлена Л.П. Берия по требованию Сталина. Назначению на эту должность не помешала судьба репрессированного брата, про которого в характеристике С.И. Вавилова говорится “Брат – Вавилов Н.И. – генетик, арестованный в 1940 г. за вредительство в сельском хозяйстве, осужден на 15 лет, умер в Саратовской тюрьме...” [31]. Заметим, что Сталин “любил”, когда ближайшие родственники высоких государственных деятелей были репрессированы (Калинин, Молотов и др.).

И все же почему С.И. Вавилов согласился стать президентом Академии наук в то время, когда его брат, выдающийся биолог-генетик Н.И. Вавилов (1887-1943), был репрессирован сталинским режимом? Но ведь Вавилов шел служить не Сталину, а стране, науке. В невиновности же брата он никогда не сомневался. Мы считаем важным привести до сих пор не публиковавшиеся сведения, предоставленные В.Ф. Сенниковым, занимавшимся в 1955 г. в Министерстве Государственной безопасности СССР изучением архивных материалов на предмет возможной реабилитации осужденных в прошлые годы к высшей мере наказания. Сенников вспоминает [32], что среди множества этих материалов ему особенно запомнилось письмо академика С.И. Вавилова, адресованное “лично Сталину” и написанное им в 1949 г. с просьбой реабилитировать его брата, академика Н.И. Вавилова. В письме подробно описывалась жизнь и работа Н.И. Вавилова, его открытость, прямота в суждениях. С.И. Вавилов категорически отрицал приписанные его брату враждебные действия, заявляя, что это клевета. В конце письма С. Вавилов написал: “Если мой брат Н.И. Вавилов не будет реабилитирован, я не могу быть президентом АН СССР”. На письме была резолюция Л. Берия: “Отказать”. О том, что письмо было доложено И. Сталину, никаких отметок, а также росписи Сталина не было.

Заканчивая обсуждение этого вопроса, мы приведем мнение И.М. Франка ([1], стр. 47), который считал, что назначение С.И. Вавилова президентом АН СССР было тогда (1945 г.) неизбежно: “Многие задают теперь вопрос: как мог согласиться С.И. Вавилов стать президентом, когда его любимый брат погиб в тюрьме? Тех, кто это спрашивает, уместно спросить: а что было бы, если бы он отказался? Не знаю, оставили бы его в живых, как П.Л. Капицу, проявившего строптивость.

...Если бы Сталин даже его не уничтожил, то он, безусловно, был бы низложен и отстранен от всех должностей, в частности, от своего любимого детища – Физического института Академии наук СССР. Уверен, что Сергей Иванович меньше всего заботился о самом себе. У него было высочайшее чувство ответственности за судьбу науки и культуры. Уверен, что без него Физический институт был бы объявлен вражеским гнездом. Было хорошо известно, что мы – его ученики, люди лично ему преданные в жизни и в науке – многим ему обязаны. Защитить нас от неизбежных репрессий он бы уже не имел возможности.

...В то время вся государственная, общественная и партийная система была такова, что любое движение руки, любое слово Сталина было непреложным законом. Мне не известно ни одного случая, когда кто-либо отказывался выполнить указание Сталина”.

В годы работы на посту президента АН СССР (1945–1951) Вавилову удалось много сделать для развития науки – были значительно улучшены оснащение научных институтов приборами, материальное положение научных работников, развилось издательское дело, – в чем также немалая заслуга Вавилова. Интересно сравнить научно-организационную деятельность Вавилова с тем, что делается для отечественной науки и культуры в настоящее время, – а ведь вряд ли условия после окончания войны, в конце 40-х – начале 50-х годов, были более благоприятными. (В то время, как уже отмечалось выше, руководство страны не жалело средств на науку, точнее говоря, на те области науки, от которых зависело военно-политическое могущество Советского Союза. Однако одновременно в

послевоенные годы усиливался идеологический зажим, что привело к разгрому целого ряда научных направлений и даже физику поставило под угрозу разгрома.) Приведем слова Сергея Ивановича, сказанные однажды, году в 1948-м, его сотруднику В.В. Антонову-Романовскому, обратившемуся к Вавилову с каким-то мелким организационным вопросом и не заметившему его особенно озабоченного состояния. Сергей Иванович грустно посмотрел на него и сказал: "Эх, Всеволод Васильевич, мне сейчас советскую физику спасать надо!..." ([1], с. 208). Было бы удивительно услышать такие слова в наше время – а жаль! В наши дни российскую физику тоже "спасать надо", хотя и не по тем причинам, что в 1948 г. Слова Вавилова, вероятнее всего, относились именно к идеологическому прессу, угрожавшему в то время гибелью всей передовой науке. Как раз в это время началась травля М.А. Маркова, опубликовавшего в журнале "Вопросы философии" статью "О природе физического знания" [33], глубокий философский анализ новой физики – квантовой механики. Статье было предпослано предисловие С.И. Вавилова. Он писал, что вопросы, разбираемые в статье Маркова, очень существенны для понимания новой физики, что по этим вопросам могут быть высказаны и другие мнения, что интерпретация Маркова может вызвать дискуссию. Вавилов как раз и призывал к серьезному обсуждению, к тому, "..чтобы эта дискуссия не свелась к наклеиванию клеймящих ярлыков..". К великому сожалению, статья Маркова, про которую и сегодня можно сказать, что она дает основы понимания квантовой физики, подверглась шумной и низкопробной критике со стороны некомпетентных и недобросовестных, но очень голосистых погромщиков [34]. Эту "дискуссию", а по существу – травлю профессора М.А. Маркова можно рассматривать как предвестник совещания по философским вопросам физики, которое предполагалось провести в 1949 г. и которое могло иметь разрушительные последствия для советской физики (аналогичные событиям, последовавшим в биологии после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г.), но, к счастью, не состоялось. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Положение С.И. Вавилова, президента Академии наук, в этой кампании было очень сложным. Он и министр Высшего образования С.В. Кафтанов – авторы письма от 3 декабря 1948 г. секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову с просьбой разрешить созвать Всесоюзное совещание заведующих кафедрами физики университетов и вузов [35]. Идея этого совещания исходила из высших партийно-государственных кругов. Это видно из решения Секретариата ЦК от 4 декабря 1948 г. [36], принятого на следующий день после написания письма, которое С.И. Вавилов, по-видимому, был вынужден подписать. В этом решении подготовка постановления ЦК ВКП(б) по данному вопросу была поручена заведующему отделом пропаганды и агитации Д.Т. Шепилову и министру Кафтанову. Для подготовки совещания постановлением Министерства высшего образования и Академии наук СССР [37] от 17 декабря 1948 г. был создан Оргкомитет, а председателем его назначен А.В. Топчиев, зам. министра высшего образования. Из приведенных в [28] архивных документов следует, что С.И. Вавилов приложил большие усилия для переноса совещания на более поздний срок, а затем и отмене его. 31 января 1949 г. по его предложению ЦК ВКП(б) был решен вопрос о переносе срока проведения совещания физиков на 21–27 марта. Тем временем оргкомитет проводил активную работу по подготовке совещания. С.И. Вавилов не участвовал в работе оргкомитета и не был ни на одном из его заседаний. К нему ездили А.В. Топчиев и Б.М. Вул, с которыми он обсуждал тезисы своего доклада и пожелания членов оргкомитета. Первый вариант представленного Вавиловым доклада "Философские проблемы современной физики и задачи советских физиков", главного из десяти намеченных докладов, бурно обсуждался на заседаниях оргкомитета 16 и 18 февраля 1949 г. и вызвал серьезные возражения его членов. С.И. Вавилов представил второй вариант доклада, даже согласился изменить его название на "Идеологические проблемы...", но сделал в тексте лишь минимальные изменения. Автор статьи [28] обращает внимание на организационные изменения, про-

исходившие в это же время в Президиуме АН СССР. В январе 1949 г., на который первоначально было назначено совещание физиков, С.И. Вавилов обратился в ЦК ВКП(б) с предложением об организации в Президиуме АН СССР специального секретариата. 26 февраля 1949 г., получив одобрение Сталина, ЦК ВКП(б) принял решение о создании Ученого секретариата Президиума АН СССР. На него был возложен контроль за выполнением планов научно-исследовательских работ, проводимых институтами, и заданий Правительства, подбор кадров. Главным ученым секретарем этого органа был назначен А.В. Топчиев, в число ученых секретарей вошел заведующий сектором науки ЦК ВКП(б) Ю.А. Жданов. В [28] делается вывод, о том, что гигантский “слалом”, который пришлось проделать Вавилову в условиях жесткого тоталитаризма, создание Ученого секретариата Президиума АН СССР и явились причиной отмены планировавшегося совещания физиков, «... оно стало не столь актуальным, поскольку “идеологизаторы” получили доступ к управлению наукой». Обсуждая возможные причины отмены всесоюзного совещания физиков – упомянутые выше усилия С.И. Вавилова и активную позицию, занятую И.В. Курчатовым и другими физиками, работавшими над созданием атомной бомбы – автор отдает предпочтение первой из них. По его мнению, вмешательство И.В. Курчатова защитило физико-математические науки в 1951–52 гг., в период жестокой идеологической борьбы с идеализмом, а в 1949 г., в самый разгар работ над бомбой, никто не позволил бы атомщикам отвлекаться на мелочи. В работе [23] высказывается другая точка зрения. Автор считает, что совещание отменили, чтобы предотвратить его пагубные последствия для советской физики и разработки атомной проблемы, и отменить такое совещание мог только сам Сталин. На наш взгляд, эта точка зрения имеет серьезные основания. При этом И.В. Курчатову и другим влиятельным атомщикам не было необходимости сильно отвлекаться от своих рабочих проблем для отмены совещания, достаточно было мнение о пагубности этого совещания своевременно довести до сведения Берия, чтобы оно было сообщено Сталину. Из опубликованных в [30] (см., например, с. 234) данных видно, что работа по созданию бомбы была в это время в полном разгаре, большинство принципиальных вопросов было решено и, несмотря на серьезные трудности, встречавшиеся в работе, вопрос стоял лишь в окончательных сроках сдачи изделия. Это должны были понимать и Берия и Сталин. Однако не исключено, что административные усилия Вавилова также оказали влияние на отмену совещания. Во всяком случае, он встретил отмену совещания с огромным облегчением.

Нынешнее положение нашей науки существенно отличается от того, каким оно было во времена Вавилова. В науке нет сейчас и тени того идеологического засилья, которое существовало в послевоенные годы. Теперь беда другая – государство отпускает на науку совершенно недостаточные средства, так что под вопрос ставится не только возможность развития науки, но само ее существование.

К сожалению, мало известно и недостаточно говорится о том, что удалось сделать С.И Вавилову для отдельных ученых в тяжелые довоенные и послевоенные годы. А.А. Капица, вдова П.Л. Капицы, вспоминает, что в той ситуации, когда Петр Леонидович был отстранен от преподавания на физико-техническом факультете МГУ (после скандала, разразившегося в 1949–1950 гг. в связи с его неучастием в юбилейных собраниях, посвященных 70-летию со дня рождения И. Сталина, и отказом от участия в разработке атомной бомбы), “...ему очень помог С.И. Вавилов. Он все, что мог, делал для Петра Леонидовича, но никогда этого не афишировал. Я думаю, многое из того, что для нас в те годы делал Вавилов и что только сейчас стало известно, Петр Леонидович не знал” [38]. В июне 1950 г. приказом директора Института кристаллографии АН СССР А.В. Шубникова П. Капица был зачислен “на должность старшего научного сотрудника с исполнением обязанностей консультанта”. А.В. Шубников вспоминает ([1], стр. 171), что “когда под давлением сверху Президиум Академии наук был

вынужден уволить одного из самых известных наших академиков из директоров созданного им института, Сергей Иванович, в обход постановления Президиума, просил меня облегчить положение ученого, зачислив его в штат руководимого мною в то время учреждения. Отказать Сергею Ивановичу в этой просьбе я, естественно, не мог". Напомним, что Капица был отстранен от должности директора Института физических проблем в августе 1946 г. постановлением Совмина СССР, подписанным Сталиным ([37], стр. 473-475). Менее известно участие С.И. Вавилова (так же как и П.Л. Капицы) в судьбе И.В. Обреимова, арестованного в 1938 г. по обвинению в антисоветской пропаганде и обратившегося в апреле 1940 г. к Вавилову с письмом с просьбой "озаботиться о его научном наследстве" [12]. Уже в 1942 г., вскоре после освобождения Обреимова из заключения в мае 1941 г., Вавилов подписал отзыв о научных работах Обреимова в связи с выдвижением его Бюро физико-математического отделения АН СССР кандидатом в действительные члены Академии наук СССР [12] (избран же академиком он был лишь в 1958 г.). Совсем мало кому известно участие С.И. Вавилова в судьбе С.М. Рытова (впоследствии, в 1968 г., избранного членом-корреспондентом АН СССР), приговоренного в 1937 г. к двум годам лишения свободы по обвинению в хранении оружия. Вспоминая эту историю, Сергей Михайлович говорит о поддержке М.А. Леонтовича и активном заступничестве С.И. Вавилова (обратившегося прямо к А.Я. Вышинскому) ([39], с. 46). В результате горсуд постановил считать приговор условным, а в 1939 г. Верховный Совет снял судимость.

Интересно поведение Вавилова в событиях, разыгравшихся в связи с изданием в 1949 году пятого тома полного собрания трудов Л.И. Мандельштама. В результате развязанной кампании (ее истинная причина – "борьба с космополитизмом") и обвинений в идеализме весь отпечатанный и переплетенный тираж пятого тома "Трудов" пошел под нож. С.М. Рытов, редактировавший уничтоженный вариант тома, вспоминает: «... Но лекции надо было спасти и где-то "в верхах" удалось протащить предложенное С.И. Вавиловым компромиссное решение вопроса: в следующем, 1950 г., вышел новый, "исправленный", вариант этого тома. "Исправления" и примечания вносил я сам, что дает мне возможность точно указать, в чем они заключались» ([39], с. 55) (составили они примерно 1,5 страницы текста, в качестве редактора тома вместо С.М. Рытова был указан М.А. Леонтович, из состава комиссии по изданию "Трудов" исчезли В.Л. Гинзбург, С.Э. Хайкин и С.М. Рытов, но, самое главное, – книгу удалось сохранить!).

Из приведенных выше примеров видно, каких трудов стоило С.И. Вавилову, работая с начала тридцатых годов на высоких должностях директора ФИАНа (и научного руководителя ГОИ), а позже – президента Академии наук, приносить большую пользу институтам, отечественной науке, помогать конкретным людям и сохранить при этом порядочность и достоинство. Конечно, при этом приходилось идти на компромиссы, произносить ритуальные речи, и, иногда, в безвыходных ситуациях, подписывать непопулярные документы (постановление Президиума АН СССР от 20 сентября 1946 г., одобряющее решение Правительства о руководстве Института физических проблем и постановляющее снять П.Л. Капицу с должности директора Института физических проблем, было подписано президентом АН СССР С.И. Вавиловым, о чем подробнее будет сказано ниже).

В течение многих лет С.И. Вавилов был не только руководителем двух ведущих физических институтов, но и уделял большое внимание организации научных работ в стране, развитию высшего образования и подготовке научных и инженерных кадров, внедрению научных достижений, развитию культуры. Эта деятельность была настолько обширной, что практически не оставляла времени для личной научной работы. Это

видно из докладной записки, посланной им в Президиум АН СССР в 1936 г., по поводу возможности совмещения им многочисленных обязанностей, выполняемых в Академии ([12], с. 118–120). В этой записке С. Вавилов не ограничивается своей частной проблемой. Он пишет: "...Тривиальная истина, что опорой Академии должны быть академики, т.е. лица достаточно высокого научного уровня, не должна очутиться в положении парадокса. Академики должны иметь достаточную возможность *лично* вести научную работу и достаточно много *читать*, чтобы иметь право оставаться академиками. Для меня совершенно ясно, что академики должны много руководить, учить и реально участвовать в организационной работе, но все это возможно только при условии достаточной личной научной работы и работы над собой по повышению собственных знаний..." Эти мысли он иллюстрирует на своем примере и показывает, что на личную работу у него остается примерно 50 часов в месяц, из них ни минуты на свою собственную экспериментальную работу, делаемую не чужими руками аспирантов и лаборантов, а своими собственными. В связи с этим Вавилов просит освободить его от части обязанностей, исполняемых им в Академии. Однако в дальнейшем научно-организационные нагрузки Вавилова не уменьшились, а с 1945 г. к ним прибавилась должность президента АН СССР. К сожалению, интенсивная научно-организационная деятельность, которую С.И. Вавилов вел с начала 30-х годов на протяжении примерно 20 лет, ограничила возможности для его индивидуальной научной работы и не позволила ему полностью раскрыться как ученому, не говоря уже о том, что постоянная перегрузка подтачивала его здоровье. Но иначе Вавилов поступить не мог, он был человеком долга и личные интересы никогда не были для него главными.

Педагогическая деятельность С.И Вавилова не столь широко известна, и это естественно, потому что с середины 30-х годов при его занятости и разъездах между Москвой (ФИАН) и Ленинградом (ГОИ) она была практически невозможна. В разные годы он преподавал в Московском высшем зоотехническом институте, Московском высшем техническом училище и в Московском университете. В МГУ Вавилов работал беспрерывно с 1919 по 1932 г. Он руководил студенческими занятиями в Физическом практикуме, читал ряд специальных курсов, а впоследствии, став в 1928 г. заведующим кафедрой общей физики, читал курс общей физики и обширный курс физической оптики. В должности заведующего кафедрой С.И. Вавилов полностью реорганизовал курс общей физики, который до него (по-видимому, со смерти А.Г. Столетова) был в полном упадке. Курс и, главное, общее направление его изложения, радикально изменились и были выведены на уровень XX века. Существенно, что эта реформа была произведена Вавиловым в полном научном контакте с развивавшейся в МГУ с 1925 года школой академика Л.И. Мандельштама. По свидетельству И.А. Яковлева, старейшего профессора Физического факультета МГУ, "сравнительно кратковременная работа Сергея Ивановича Вавилова заведующим кафедрой общей физики в Московском университете (1929–1932) дала результаты, которые послужили основой физического образования студентов вплоть до начала 70-х годов" [40]. С.И. Вавилов был замечательным лектором, это отмечают все, кто его слушал, но он также старался побудить слушателей и к самостоятельному изучению классиков, и к чтению физических журналов. И.А. Яковлев вспоминает, что уже на первой лекции С.И. Вавилов сказал, что все понять и всему научиться по одним лекциям нельзя и надо самостоятельно читать научную литературу. Он рекомендовал труды классиков науки – Майкельсона, Эйнштейна, Лоренца, Друде, посоветовал читать физические журналы –"Успехи физических наук" и немецкие.

Для своих слушателей С.И. Вавилов ввел систему написания кратких рефератов на ключевые для оптика темы: "фазовая и групповая скорость распространения волн"; "опыт Майкельсона и преобразование Лоренца"; "скорость света в движущейся среде –

опыты Физо и Фуко" и т.д. Он прочитал все рефераты и обсуждал их индивидуально с каждым автором.

Изложение курса общей физики С.И. Вавилов сделал более детальным и менее описательным, чем раньше, включил в курс вывод многих важных физических соотношений. В частности, это коснулось кинетической теории, изложение которой стало подробнее и глубже, сопровождалось максвелловским выводом закона распределения молекул по скоростям.

После С.И. Вавилова кафедру общей физики последовательно возглавляли С.Э. Хайкин, П.Н. Беликов, С.Г. Калашников, В.И. Иверонова, которые до 1972 года смогли поддержать уровень преподавания общей физики в МГУ на уровне, достигнутом Вавиловым.

О работе С.И. Вавилова в МГУ имеются многочисленные воспоминания (см., например, И.М. Франк [1, с. 186–198], В.А. Фабрикант [1, с. 199–200]). В частности, И.Л. Фабелинский вспоминает [41]: "... В начале занятий для знакомства студентов с частью тех проблем, которые предстоит изучать, С.И. Вавилов прочел блестящую лекцию о природе сил. Студенты были потрясены предметом и очарованы лектором и, разумеется, расставаться с ним не хотелось." К сожалению, курсы лекций, читавшихся Вавиловым, не были изданы. Интересно отметить, что с именем Вавилова связано создание сборника задач по общему курсу физики [42], одного из лучших в нашей стране. В предисловии к четвертому изданию этой книги издательство «Наука» отмечает, что составление этого сборника задач было начато на физическом факультете МГУ по инициативе академика С.И. Вавилова. Добавим еще, что Вавилов участвовал в организации Московского физико-технического института. Он председательствовал на заседании Правления Высшей Физико-Технической Школы СССР 10 апреля 1946 г., протокол которого опубликован в [43]. На этом заседании присутствовали академики А.И. Алиханов, С.И. Вавилов, И.В. Виноградов, П.Л. Капица, И.В. Курчатов, Н.Н. Семенов, С.А. Христианович, а также С.В. Кафтанов и Д.Ю. Панов. На заседании были избраны заведующие специальностями школы (Физика атомного ядра – И.В. Курчатов, Физика низких температур – П.Л. Капица, Оптика – С.И. Вавилов, Физика горения и взрыва – Н.Н. Семенов, Радиофизика – Н.Д. Папалекси, Аэродинамика – С.А. Христианович), был утвержден список кафедр Школы, избраны заведующие кафедрами, утверждена общая структура учебного плана. По-видимому, авторитет С.И. Вавилова был нужен для организации учебного заведения нового типа. Принять же непосредственное участие в ее учебной работе он не смог из-за большой занятости (напомним, что в это время он уже был не только директором двух институтов, но и президентом Академии наук).

С.И. Вавилов много сделал для развития культуры в нашей стране. В частности, по его инициативе стала издаваться серия "Литературные памятники". Рассказывая о С.И. Вавилове как инициаторе серии "Литературные памятники" [1, стр. 292–293], Д.С. Лихачев, отмечая постоянную внутреннюю заинтересованность Вавилова во всем, что касалось нашей культуры, пишет: "...Он интересовался всеми культурными начинаниями в нашей стране и во многих случаях выступал как их инициатор." Там же говорится: «В замысле серии глубоко отразилась замечательная личность Сергея Ивановича. Если бы существовал обычай посвящать серии каким-нибудь выдающимся деятелям культуры, я бы назвал нашу серию так: "Серия Литературные памятники имени президента АН СССР академика С.И. Вавилова". Каждый выпуск серии (а их уже вышло более трехсот) – это память о С.И. Вавилове». Подчеркнем, что Д.С. Лихачев говорит здесь о С.И. Вавилове не как об ученом-физике, президенте АН СССР, а как о выдающемся деятеле культуры.

Говоря об участии С.И. Вавилова в издательской деятельности, следует напомнить, что он принимал в ней участие с молодых лет – вначале как референт и рецензент, затем как переводчик и редактор, а в послевоенные годы – как организатор издательской деятельности. Начиная с 1918 года, он опубликовал в журнале «Успехи физических наук» несколько десятков рефератов и рецензий, в том числе на работы А. Эйнштейна, Н. Бора, М. Планка, В. Гейзенберга и всегда был в курсе последних научных новостей. Эти рефераты и рецензии были очень полезны для читателей журнала (в УФН С.И. Вавилов опубликовал также несколько оригинальных работ).

Развитие издательской деятельности в стране – одно из конкретных важнейших свершений Вавилова в течение его работы президентом АН СССР. Его активность в этой области не ограничивалась серией "Литературные памятники" и выходила за рамки Академии наук. Говоря об издательстве Иностранной литературы, образованном в 1946 г., А.А. Гусев пишет ([39], с. 123), что создание его связывают с инициативой академика С.И. Вавилова. Именно он рекомендовал кандидатов на должности заведующих научными редакциями издательства. В частности, на должность заведующего физической редакцией был утвержден М.А. Леонтович, математической – А.Н. Колмогоров. Издательство публиковало не только научную, но и художественную переводную литературу. Говоря о редакционной работе Вавилова следует также упомянуть, что в 1939–1951 гг. он был ответственным редактором "Журнала экспериментальной и теоретической физики", в 1945–1951 гг. – главным редактором журнала "Доклады Академии наук СССР", в 1945–1951 гг. – главным редактором второго издания Большой советской энциклопедии, для которой написал большое число статей.

Серия "Литературные памятники", а также другие серийные издания ("Научное наследство", "Классики науки"), основанные С.И. Вавиловым, были организованы с большим фондом внештатной зарплаты ([44], с. 56–57). Это дало возможность получить в них работу ряду ранее репрессированных ученых, которых не брали на штатную работу в других организациях (М.Е. Раменская, автор цитируемой публикации в [44], упоминает литературоведа М.К. Азадовского, историка А.И. Доватура, языковеда С.П. Маркиша). По инициативе С.И. Вавилова были созданы Всесоюзный институт научно-технической информации и Всесоюзный научно-исследовательский институт патентной информации (они начали работать после его смерти). В этих институтах большое число референтов и экспертов работает на договорных началах. Для многих научных работников сотрудничество в этих организация было заметным материальным подспорьем. По-видимому, задумывая такие принципы организации работы, Сергей Иванович учитывал свой опыт реферирования и рецензирования научных работ в УФН и других изданиях в молодые годы.

С.И. Вавилов уделял большое внимание истории науки и популяризации научных знаний. Им написаны статьи о Ф. Гримальди, Х. Гюйгенсе, М. Фарадее, А. Майкельсоне, И. Ньютоне, Л. Эйлере, М.В. Ломоносове, П.Н. Лебедеве, П.П. Лазареве и других ученых. К 300-летию И. Ньютона он написал прекрасную книгу [45] о жизненном пути и научных трудах гениального английского физика и математика. Книгу о Ньютоне С.И. Вавилов писал в годы войны, в грозные дни Сталинградской битвы, и она была издана в начале 1943 г. Следует здесь отметить, что материалы к написанию этой книги Вавилов собирал в течение многих лет. В частности, он перевел на русский язык и издал две книги Ньютона: книгу "Оптика или трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света" (перевод с третьего английского издания. Москва, 1927) и "Лекции по оптике" (Издано в сборнике Академии Наук "Памяти Исаака Ньютона. 1643–1943"). Книга С.И. Вавилова "Исаак Ньютон" в нашей стране издавалась четыре раза, последний раз в 1989 г. В дополнении к четвертому изданию В.Л. Гинзбург отмечает, что даже спустя почти 50 лет после написа-

ния книги, она “в целом не устарела и остается лучшей из известных нам кратких и популярных биографий Ньютона”. Работы Вавилова по истории естествознания составляют большую часть III тома собрания его сочинений.

Многочисленные новые факты, ставшие известными в последние десять лет, позволяют полнее судить об общественно-политической позиции С.И. Вавилова. Оценивая его отношения с властями («боярским домом», как он их называл) в должности руководителя ФИАНа и ГОИ, а также президента АН СССР, понимаешь, что им руководило не беспокойство за свою личную безопасность, а забота о возглавлявшихся им научных коллективах, людях, чьи судьбы зависели от его собственной. В связи с этим характерна роль Вавилова в освобождении П.Л. Капицы от должности директора Института физических проблем в 1946 г. Соответствующее постановление Президиума АН СССР от 20 сентября 1946 г. (см. [38], стр. 476) действительно было подписано С.И. Вавиловым как президентом АН СССР, однако решение это было принято Советом Министров СССР и подписано Сталиным еще 17 августа 1946 г. (см. [38], стр. 473–475). Фактически подпись Вавилова означала, что Академия Наук ознакомлена с решением Совета Министров. Что еще мог сделать Вавилов? Единственной альтернативой было уйти с поста президента. Но это не помогло бы Капице, а скорее всего навредило бы ему. Вряд ли после этого нашелся бы какой-либо другой руководитель Академии, кто подобно Вавилову стал бы реально помогать опальному Капице. Вспоминая о П.Л. Капице, В.Вс. Иванов пишет [46]: «...Когда я познакомился с ним в начале 50-х годов, он был в опале у Сталина и мог вести работу только у себя на Николиной Горе, где он возле дачи оборудовал достаточно сложную лабораторию (на деньги, которые ему дал из своих личных – никому не подотчетных – фондов тогдашний президент Академии наук С.И. Вавилов, брат загубленного Сталиным гениального биолога)».

С.И. Вавилов выступал в защиту репрессированных ученых, но эта его деятельность не столь известна как, скажем, аналогичная деятельность П.Л. Капицы. Однако в последнее время опубликованы данные, свидетельствующие о его участии в судьбах незаконно репрессированных. Выше уже говорилось о защите С.И. Вавиловым И.Е. Тамма и Г.С. Ландсберга, подвергшихся нападкам на собрании актива ФИАНа в разгар репрессий 1937 г., его ходатайствах за С.М. Рытова и И.В. Обреимова. Следует также упомянуть письмо С.И. Вавилова заместителю министра Государственной Безопасности СССР С.И. Огольцову с просьбой снять с доктора географических наук П.Н. Каптерева ограничения, которые он имел в связи с бывшей судимостью [47], письмо С.И. Вавилова и известного астронома академика Г.А. Шайна, написанное в 1938 г. Прокурору А.Я. Вышинскому с просьбой о пересмотре дела арестованных научных работников Пулковской Обсерватории [48].

Совместное обращение С.И. Вавилова и Г.А. Шайна было не единственным совместным обращением С.И.Вавилова вместе с другими членами Академии в защиту преследуемых ученых. В 1939 г. он, а также А.Ф. Иоффе, А.Н. Крылов, Н.И. Мусхелишвили, В.А. Фок и П.Л. Капица написали письмо наркому НКВД Л.П. Берия с просьбой пересмотреть дела известных физиков В.К. Фредерикса, Ю.А. Круткова и П.И. Лукирского ([12], с. 194; [50]). Это обращение спасло жизнь Круткову и Лукирскому. В [44] приведены данные о том, что С.И. Вавилов помогал устроиться на работу ученым, пострадавшим в результате гонений со стороны Т.Д. Лысенко и его сторонников.

В 1947 году С.И. Вавилов выступил против того, чтобы подвергнуть так называемому “суду чести” члена-корреспондента АН СССР генетика Н.П. Дубинина за выступление на страницах зарубежной печати с критикой антинаучных взглядов Т.Д. Лысенко [49]. Такие публикации объявлялись в то время антипатриотическими и антигосударственными. Можно смело утверждать, что по мере того, как становятся из-

вестными все новые документы, относящиеся к деятельности С.И. Вавилова, приведенные здесь данные об этой стороне его жизни наверняка скоро пополнятся.

Работа на посту президента АН СССР в тяжелейших условиях режима в стране в этот период сильно подорвала здоровье Сергея Ивановича и привела к его кончине за два месяца до шестидесятилетия.

Один из авторов настоящей статьи (**Ю.В.**) вспоминает, что Сергей Иванович летом 1950 года сказал ему: "Должность президента Академии собачья, и я променял бы ее на работу водопроводчика" ([1], с. 158). И.М. Франк в этой же связи писал: «Уже будучи Президентом АН СССР, он говорил мне: "Каждый раз, когда вызывают в Кремль, не знаю, вернусь ли я оттуда домой или отвезут на Лубянку". Позже аналогичные слова во всеуслышание произнес Хрущев, и они стали общеизвестными» [1].

Ряд критических замечаний в адрес С.И. Вавилова содержится в воспоминаниях известного оптика С.Э. Фриша [51], а также в статье историка науки А. Кожевникова [6]. С. Фриш, как можно видеть из его воспоминаний, считает С.И. Вавилова карьеристом, скрытным человеком, равнодушным к людям. С. Фриш не был близко знаком с С.И. Вавиловым и свои заключения составил на основе косвенных свидетельств. Время тогда было такое, что откровенно говорить с малознакомым человеком было порой смертельно опасно. По-видимому, Фриш в оценке Вавилова исходил из соображений, подобных тем, что изложены в книге М. Монтеня "Опыты". Монтень писал, что если он даже хорошо знаком с человеком и хорошо к нему относится, он начинает пересматривать свое отношение, если этому человеку сопутствуют быстрое возвышение, слава и почет. Можно понять такую точку зрения, но следует заметить, что одно дело – пересматривать отношение, а другое дело – менять его в худшую сторону; С.И. Вавилов не дал никаких поводов для той неприязни, которая выражена в воспоминаниях С.Э. Фриша. Один из авторов настоящей статьи (**Б.Б.**), высоко оценивая воспоминания С.Э. Фриша, вместе с тем выразил несогласие с той оценкой, которую Фриш дал Вавилову (см. послесловие [52] к воспоминаниям С. Фриша, напечатанным первоначально в журнале *Природа*). Фриш также считает, что роль Вавилова в открытии и объяснении эффекта Вавилова–Черенкова сильно преувеличена. Эта точка зрения несправедлива, и она расходится с мнением непосредственных участников и свидетелей открытия. Примерно так же можно истолковать те замечания, которые содержатся в статье [6]. Они столь же безосновательны. Ниже мы еще коснемся этого вопроса.

Отметим здесь, что П.Л. Капица, никогда не скрывавший своего мнения, первоначально столь же неприязненно относился к С.И. Вавилову. Но более близкое знакомство с Сергеем Ивановичем совершенно изменило отношение к нему Капицы. В связи с неожиданной кончиной Вавилова Капица писал: "Воистину можно сказать, что Сергей Иванович отдал все свои силы нашей стране и науке" ([38], с. 440). Но к такому мнению о Сергее Ивановиче Вавилове П.Л. Капица пришел не сразу. В марте 1936 года в письме к Э. Резерфорду П.Л. Капица резко и пренебрежительно отозвался о С.И. Вавилове как о человеке и ученом ([16], с. 64–65).

В примечаниях к этому письму П.Е. Рубинин, составитель сборника и в течение многих лет референт П.Л. Капицы, пишет: "...Что же касается С.И. Вавилова, то следует отметить, что работы, о которых с такой иронией пишет Капица, привели к открытию так называемого эффекта Вавилова–Черенкова".

П.Л. Капица жил достаточно долго, чтобы убедиться в несправедливости своего отношения к С.И. Вавилову. Мы уже писали о той помощи, которую С.И. Вавилов, как президент Академии, оказал Капице после того, как тот оказался в опале. В.Л. Гинзбург со слов академика Б.П. Захарчени рассказал об одном эпизоде, относящемся как раз к тому времени, когда Капица был снят с поста директора Института физических проблем. Сер-

гей Иванович упомянул в кругу своих учеников о том, как он ездил на Николину Гору, на дачу П.Л. Капицы, чтобы выяснить, в какой помощи тот нуждается. Один из слушателей не удержался и сказал: "Сергей Иванович, вы же знаете, как Капица к вам относится, тем не менее вы к нему поехали, вы ему помогаете. Зачем вы это делаете?" Сергей Иванович ответил: "Считайте то, что я делаю, местью интеллигентного человека".

* * *

Если говорить о том, что нового внес двадцатый век в физику, то, пожалуй, все согласятся, что важнейшими достижениями являются теория относительности и квантовая механика (может быть, точнее было бы сказать «квантовая физика», а не "квантовая механика"). Конечно, и другие области физической науки развивались и обогащались новыми открытиями, но теория относительности и квантовая физика знаменовали новую ступень знания, связанную не только с объяснением фактов, до этого непонятных, но с изменением самого физического мировоззрения, с коренным пересмотром основных физических понятий. Пересмотр этот был до того радикальным, что многие, и среди них даже выдающиеся физики, отказывались принять новое знание. Здесь уместно напомнить, слова одного из творцов квантовой физики, Макса Планка. Он говорил: «Великая научная идея редко внедряется путем постепенного убеждения и обращения своих противников, редко так бывает, что "Савл становится Павлом". В действительности дело происходит так, что оппоненты постепенно вымирают, а растущее поколение с самого начала осваивается с новой идеей....»

По важнейшим вопросам теории относительности и квантовой механики то и дело вспыхивали оживленные физические дискуссии. Это было вполне естественно и даже необходимо для развития физической науки. Но в Советском Союзе нередко в обсуждение чисто научных вопросов властно и губительно вмешивалась государственная идеология. Такое вмешательство не является чем-то новым в истории науки, свойственным только условиям жизни в Советском Союзе того времени. Ф. Франк в своей книге «Философия физики» отмечает, что каждый раз, когда объективное знание вступает в противоречие с философскими догмами, приверженцы этих догм склонны скорее отвергнуть и запретить новое знание, нежели отказаться от своих догматических воззрений. Классический пример – преследование Галилея судом инквизиции. Взгляды Галилея, относящиеся к строению солнечной системы, были объявлены несовместимыми с христианской религией и потому ложными. Много лет спустя, когда в правоте Галилея уже никто не сомневался, религиозный запрет на его высказывания все еще не был снят. Этот запрет продержался несколько сот лет и был снят в самое последнее время. "Дело Галилея" отражено в прекрасном стихотворении Леонида Мартынова:

Отмечали
Вы, схоласты,
Птолемея
Юбилей.
Но дошла к вам
Лет так за сто
Весть, что прав был
Галилей.
Но
Плечами вы пожали:
Мол, отрекся Галилей!
Отмечать
Вы продолжали
Птолемея Юбилей.

В Советском Союзе официальным философским мировоззрением был диалектический материализм. Он был объявлен единственно правильным, научно обоснованным, передовым учением, и все отклонения от него беспощадно искоренялись. При обсуждении какой-либо физической теории достаточно было кому-нибудь заявить, что эта теория противоречит диалектическому материализму, чтобы теория была поставлена под подозрение, подверглась запрету, а ее сторонники понесли наказание. При этом вопрос о том, соответствует теория диалектическому материализму или противоречит ему, решали люди невежественные, не знавшие ни физики, ни диалектического материализма, ни вообще философии, но тем не менее официально признанные как выдающиеся знатоки философии и естествознания. Эти люди могли городить любую нелепицу, и власть относилась ко всему, что они утверждали, с доверием и вниманием. Можно даже сказать, что эти люди выступали от имени власти. Каков был уровень этих выступлений? Трудно сказать, чего в них было больше – демагогии или невежества. Вот пример. В печально известной дискуссии 1948 года о положении в биологической науке выступил один из ведущих “философов” Советского Союза академик М.Б. Митин. Он назвал классическую генетику бухаринским уклоном в биологической науке. Казалось бы, что общего у генетики с политическими воззрениями Бухарина, одного из лидеров Советского Союза и большевистской партии до середины тридцатых годов, когда Бухарин был арестован, предан суду по надуманному обвинению и казнен по приказу Сталина, который видел в Бухарине противника и соперника. Н.И. Бухарин был далек от генетики и вообще от биологии. Но у М.Б. Митина, когда он упомянул имя Бухарина в сочетании “бухаринский уклон”, был точный расчет. Имеет Бухарин отношение к биологической науке или не имеет – это было не главное. А главное было в том, что за дискуссией о положении в биологической науке следил Сталин. Более того, было известно Митину, что Сталин еще до начала дискуссии высказался в поддержку Лысенко, противника классической генетики, который и организовал эту дискуссию, имея целью разгромить генетику и поставить ее под официальный запрет. Зная, что исход дискуссии предрешен, Митин счел возможным и полезным опорочить генетику еще и с политической точки зрения, связав ее с ненавистным Сталину именем Бухарина.

Не только Митин на этой дискуссии выступал против классической генетики, большинство участников составляли сторонники Лысенко, и участь формальной генетики была предрешена. Для генетики в Советском Союзе наступило время “полного прекращения” (по выражению М.Е. Салтыкова-Щедрина), и это время растянулось на полтора десятилетия, а те, кто занимался формальной генетикой, подверглись разного рода репрессиям. “Идеалистическая” наука генетика уступила место “материалистической” лысенковской биологии.

Здесь уместно задать вопрос: может ли естественно-научная теория быть материалистической или идеалистической? По нашему мнению, при анализе естественно-научной теории можно лишь ставить вопрос, правильна или неправильна эта теория. Верен или неверен физический закон (скажем, закон Бойля–Мариотта) – это физик может проверить и решить, используя находящиеся в его распоряжении приборы. А вот вопрос о том, является ли закон Бойля–Мариотта материалистическим или идеалистическим – этот вопрос физик решить не может. Нет таких физических приборов, которые бы могли ответить на этот вопрос, и потому в пределах физики он не имеет смысла. То же самое относится и к химии, и к биологии, и вообще ко всем естественным наукам.

И тем не менее и теория относительности, и квантовая механика в Советском Союзе неоднократно подвергались неосновательной критике и зачислялись в разряд физического идеализма. В числе критиков были и физики, не понимавшие теорию относительности и квантовую механику, были и философы, которые не знали физики, но зато знали назубок диалектический материализм в объеме четвертой главы “Краткого курса

истории ВКП(б)", написанной Сталиным (или кем-то для Сталина), и считали, что этого вполне достаточно для решения всех естественно-научных вопросов. Их громкие и невежественные выступления нередко пользовались поддержкой со стороны руководства страны, а это означало, что важнейшие научные направления могли быть поставлены под запрет, а ученые, которые вели исследования в этих упраздненных областях, могли лишиться работы, а иногда и свободы.

Существует широко известное, часто употребляемое и безусловно справедливое высказывание: "знание – сила". Знание – действительно сила. Но из того, что сказано выше, следует, что невежество – это тоже сила, причем нередко невежество оказывается посильнее знания.

В Советском Союзе существовало идеологическое обоснование для административного, вненаучного решения научных проблем. Как известно, марксистское учение считало основной движущей силой в развитии общества классовую борьбу. Классовый подход был положен в основу внутренней и внешней политики Советского государства. При этом нередко классовая борьба усматривалась даже в таких областях, где ее не было и быть не могло, в том числе и в естественных науках. Утверждалось – и было опасно возражать – что естественные науки также являются ареной классовой борьбы. Некоторые естественные науки были отвергнуты как "буржуазные", например, кибернетика (о ней так и писали в энциклопедии: "буржуазная лженаука"). Генетику академик Митин назвал "бухаринским уклоном в биологии", о чем уже было сказано выше. Академик Лысенко ввел такое понятие, как "кулаки в биологической науке". Это словосочетание он употребил в своем докладе на всесоюзном съезде колхозников-ударников в присутствии Сталина, сидевшего в президиуме. Когда Лысенко в своем докладе сказал, что кулаки существуют не только в сельском хозяйстве, но и в биологической науке, Сталин прервал его словами: "Браво, товарищ Лысенко!". Говоря о кулаках в науке, Лысенко имел в виду приверженцев формальной генетики, и в том числе (а вероятнее всего, и в первую очередь), – великого биолога и генетика Николая Ивановича Вавилова, родного брата Сергея Ивановича. Это он был "кулаком в биологической науке".

Очень вероятно, что и Сталин, одобряя слова Лысенко, подумал о Н.И. Вавилове. Сталин недолюбливал Н.И. Вавилова.

Известно, как поступила Советская власть с кулаками – с теми крестьянами, которые были отнесены к классу кулаков (таких было от 10 до 15 миллионов). Их лишали всего достояния, высылали в Сибирь или на Север, где они гибли от голода и невыносимых условий жизни, а немалое их число было арестовано и расстреляно. В этом отношении участь ученого, провозглашенного "кулаком в науке", мало чем отличалась от судьбы крестьянина, признанного деревенским кулаком. Трагическая судьба Николая Ивановича Вавилова и его ближайших соратников (как и ряда других ученых самых разных специальностей) может служить тому печальным доказательством.

Кстати говоря, не только против биологов, но и против физиков выдвигались вроде бы возражения философского характера, а на самом деле – политические обвинения. Например, в середине 30-х годов Игорь Евгеньевич Тамм, выдающийся физик, впоследствии учитель академика А.Д. Сахарова и лауреат Нобелевской премии, опубликовал статью "О задачах философов-марксистов в области физики". В этой статье он сетовал на полное незнание физики многими философами, и как раз теми, кто занимался философией физики. Особенно плохо обстояло дело со знанием теории относительности и квантовой механики. В статье приводились примеры невежественных высказываний (конечно, с указанием авторства) и содержался призыв к философам изучать новую физику. В ответ один из обиженных философов написал большую статью под заголовком "Как Тамм критикует марксистов". В этой статье Тамм обвинялся, ни много

ни мало, в меньшевиствующем идеализме. Не просто в идеализме, а именно в меньшевиствующем. Так сказать, идеалист с меньшевистским уклоном. Казалось бы, какая связь между физической наукой и меньшевиками? Но у обвинителя был определенный расчет. Поскольку меньшевики в свое время были разгромлены, автор привлекал внимание общественности к тому обстоятельству, что по крайней мере один меньшевик еще остался цел. А это – непорядок.

Введя понятие “кулаков в науке” и ругая тех, кого он относил к этой категории, Лысенко тем самым как бы причислял себя к “трудовому крестьянству в биологии”. Оба эти термина – и “кулак в науке” и “трудовое крестьянство в науке” – лишены всякого смысла. Термин “трудовое крестьянство в науке” звучит настолько бессмысленно, что он и не употреблялся. Термин же “кулак в биологической науке” приобрел зловещую известность. Если тебя назвали “кулаком в науке”, надо было немедленно начинать сушить сухари. Тот же, кто за неимением других аргументов выдвигал против своих научных противников политические обвинения, нередко тем самым обеспечивал поддержку себе в своей карьере со стороны всемогущей власти. Однако, поддержка в карьере – это одно дело, а научные успехи – совсем другое. Какие могут быть успехи у человека, который ввел в оборот термин “кулак в биологической науке” и этим понятием пользовался в научных дискуссиях?

Рассказывают, что академик Д.Н. Прянишников, не признававший Лысенко и возражавший ему даже тогда, когда другие боялись это делать, на одной из своих лекций получил записку: “Ученики Лысенко с вами не согласны”. Прянишников прочитал записку вслух и сказал: “Здесь какое-то недоразумение. У Лысенко нет учеников. Чему он может научить? У него есть только сторонники”. Д.Н. Прянишников был отважный человек. Он не побоялся выдвинуть Николая Ивановича Вавилова на Сталинскую премию (высшую в то время научную премию страны) после того, как тот был арестован и сидел в тюрьме. За свои действия Прянишников явным образом не пострадал. Он был слишком заметным человеком. Но его пример – исключение, а не правило. После сессии ВАСХНИЛ (Всесоюзная Академия сельскохозяйственных Наук им. В.И. Ленина), проведенной в августе 1948 г. и посвященной разгрому классической генетики, были уволены с работы сотни научных работников. Генетика была вычеркнута из учебных программ в средней школе и высших учебных заведениях. Ущерб, нанесенный развитию биологии в стране, был огромен. Тем не менее, государственные и партийные руководители Советского Союза расценили итоги сессии ВАСХНИЛ как большое научное достижение.

Чего можно было ждать от дискуссии по новой физике (по теории относительности и квантовой механике), если бы такая дискуссия состоялась? Такого же или подобного разгрома науки, как в биологии. А ведь эта дискуссия готовилась на всесоюзном уровне.

Была еще одна причина, до некоторой степени объясняющая те бедствия, которые пришлись на долю науки. Руководители Советского Союза – Ленин, а затем и Сталин, и их ближайшие соратники – не доверяли интеллигенции, были о ней весьма низкого мнения. В разделении на “своих” и “чужих” интеллигенция сразу же попала в разряд “чужих”. Такое отношение было вызвано свойственной интеллигенции независимостью суждений, а также, как считал Ленин, неспособностью интеллигенции к действию. Многие представители интеллигенции были репрессированы – арестованы, высланы из России, попали в разряд “лишенцев”, т.е. были лишены гражданских прав, а их дети не принимались в высшие учебные заведения. Само слово “интеллигент” приобрело предосудительный оттенок. В ходу было выражение “гнилая интеллигенция”. Один из авторов (**Б.Б.**) помнит, как один партийный работник говорил про другого: “Не следо-

вало мне выдвигать его на должность секретаря парткома. Он всего четыре месяца как избран, а уже про него начинают поговаривать, что он интеллигент".

Член Центрального Комитета КПСС писатель В. Кочетов в своих романах нередко изображал людей интеллигентного труда как носителей различных пороков. На один из его романов известный литературовед З. Паперный написал пародию. В пародии про одного из героев – интеллигента – было сказано, что он обладал "характерным гнилым запахом изо рта, по которому сразу можно узнать интеллигента". Эта фраза довольно точно передавала отношение Кочетова к интеллигенции. З.Б. Паперный был уважаемым человеком, участником Великой Отечественной войны, известным литературоведом. Однако, он был исключен из рядов Коммунистической партии за то, что таким путем вступился за интеллигенцию, а также за то, что написал пародию на произведение члена ЦК партии.

Старожилы ФИАНа помнят Г.М. Коваленко, кандидата физико-математических наук, сотрудника лаборатории полупроводников. В годы Великой Отечественной войны он был секретарем партийной организации ФИАНа, позднее заведовал аспирантурой. Он и сам прошел аспирантуру ФИАНа, причем поступил в нее примерно в то же время, что и П.А. Черенков, только руководителем Черенкова стал С.И. Вавилов, а руководителем Коваленко – Г.А. Гамов. Одному из авторов (**Б.Б.**) Коваленко рассказал, что перед зачислением в аспирантуру он и еще несколько молодых людей, окончивших высшие учебные заведения и тоже поступавших в аспирантуру, были вызваны в районный комитет партии на беседу с секретарем. Тот, в частности, сказал: "В науке сейчас затхлая атмосфера. Нужно открыть форточку и впустить в науку свежий воздух". Без сомнения, секретарь имел в виду то, о чем уже говорилось выше: интеллигенции доверять нельзя, за нею нужен глаз да глаз.

Сделанное нами обширное отступление может показаться не имеющим отношения к жизни и деятельности Сергея Ивановича Вавилова. Однако, по нашему мнению, без такого отступления невозможно понять многих событий в жизни Вавилова. Он жил в описанное время, испытывал те же самые трудности как ученый и как интеллигент, да еще отвечал не только за себя лично, а за судьбу больших научных коллективов, а потом и всей Академии Наук. Это было непросто в то время, а зачастую и опасно. С точки зрения партийных ортодоксов он был человек ненадежный – из купеческой семьи (не из рабочей, не из крестьянской), сын купца первой гильдии, уехавшего за границу после революции, родной брат врага народа, "кулака в науке", погибшего в саратовской тюрьме в 1943 году. И не отрекся ни от отца, ни от брата, помогал двум осиротевшим племянникам. Елена Ивановна, вдова Н.И. Вавилова, в письме из Саратова С.И. Вавилову, написанном в 1943 г., пишет: "...без вашей помощи нам бы не просуществовать это время..." ([1], с. 156). И при этом С.И. Вавилов вел напряженную и плодотворную научную работу – в частности, заложил основы учения о люминесценции, провел вместе с В.Л. Левшиным первые опыты по нелинейной оптике, вместе с П.А. Черенковым, И.Е. Таммом и И.М. Франком совершил открытие, удостоенное Нобелевской премии. И кроме того, стоял за новую физику, пропагандировал физические основания теории относительности и способствовал более глубокому пониманию физических основ квантовой механики – а ведь обе эти области знания неоднократно объявлялись идеалистическими.

В 1928 году вышла книга С.И. Вавилова "Экспериментальные основания теории относительности". Книга открывается портретом А. Майкельсона. Как оптик по специальности, С.И. Вавилов мог лучше других оценить красоту и точность интерференционного опыта Майкельсона, о котором в книге сказано, что "на его основе и формулированы основные постулаты специальной теории относительности". В предисловии Вавилов писал: "...Главная цель книги – выяснить, насколько прочны эмпирические ос-

нования теории, а следовательно, и она сама. В правильности математического строения теории, непрерывно анализируемого и разрабатываемого, нет оснований сомневаться. Философские споры об относительности, пространстве и времени не имеют отношения к вопросу о точности теории". В конце предисловия выражается благодарность И.Е. Тамму, с которым автор обсуждал содержание книги.

Главы книги снабжены эпиграфами из книги И. Ньютона "Математические начала натуральной философии". С.И. Вавилов очень удачно, прямо-таки мастерски подобрал эти эпиграфы. В предисловии он говорит об этом: "Эпиграфы из Ньютона напоминают, что многие постулаты и следствия теории относительности не казались совсем неожиданными и неприемлемыми даже создателю классической физики". Выбранные высказывания Ньютона очень красноречивы и носят характер пророчеств. Вот, например, эпиграф к разделу "Относительность первого порядка": "Распознание истинных движений отдельных тел и точное разграничение их от кажущихся очень трудно, ибо части неподвижного пространства, в котором совершаются истинные движения тел, не ощущаются нашими чувствами". Эпиграф к разделу "Опыт Майкельсона, его повторения и аналоги" гласит: "Может оказаться, что в действительности не существует покоящегося тела, к которому можно было бы относить места и движения прочих тел". Еще один эпиграф: "Не действуют ли тела на свет на расстоянии и не изгибают ли этим действием его лучей; и не будет ли, при прочих равных условиях, это действие сильнее всего на наименьшем расстоянии?"

Прекрасное знание современного материала и истории физики в этой небольшой (165 стр.) книге сочеталось с мастерским изложением. Она является одной из первых книг по теории относительности, написанных на русском языке.

Что касается квантовой механики, С.И. Вавилов не считал себя таким же знатоком в этой области, как в оптике. Поэтому он сам никогда не взялся бы написать что-либо, посвященное физическим основам квантовой физики. Однако он проявлял живой интерес к этому разделу физического знания и охотно обсуждал принципиальные вопросы квантовой теории. Ему как оптику легко было освоиться с волновыми аспектами теории, такими, как проникновение частицы через потенциальный барьер, соотношение неопределенности и т.д. И он хотел, чтобы эти идеи были изложены доступно и на достаточно высоком уровне. Это объясняет его обращение к М.А. Маркову с просьбой написать статью, о которой мы уже упоминали выше. В своих воспоминаниях о С.И. Вавилове академик М.А. Марков, в свое время аспирант Вавилова, пишет ([1], с. 261; см. также [33]): «Как-то в конце 1946 года Сергей Иванович обратился ко мне с просьбой написать брошюру, как он сказал, "о ваших взглядах на философские проблемы квантовой механики". "Это не только моя личная просьба", – подчеркнул Сергей Иванович. Я упорно отказывался, но Сергей Иванович был настойчив......я понял, что не могу больше сопротивляться и приступил к работе».

Ясно написанная и очень содержательная статья Маркова появилась в Журнале "Вопросы философии" [33]. Теперь, много лет спустя, оглядываясь назад, можно только одобрить инициативу С.И. Вавилова. Статье Маркова в журнале было предпослано предисловие, написанное Вавиловым, который чувствовал себя ответственным за судьбу статьи. В предисловии отмечалась важность темы, отдана была дань познаниям автора статьи в этой области, а также была выражена надежда, что статья вызовет обсуждение по существу затронутых вопросов, обсуждение на более высоком уровне, чем это делалось ранее, и что оно не сведется к наклеиванию ярлыков. Эта надежда не оправдалась.

Одному из нас **(Б.Б.)** М.А. Марков рассказывал, что перед тем, как отдать свою статью в редакцию журнала "Вопросы философии", он дал ее почитать А.А. Максимо-

ву, который тогда считался ведущим партийным специалистом в области философии естествознания.

Новой физики Максимов не понимал (как, впрочем, и “старой”, классической) и свое непонимание прикрывал громкой фразой. Но Марков опасался, как и С.И. Вавилов, навешивания политических ярлыков – Максимов был мастером в таких делах – и хотел себя обезопасить.

Максимову статья понравилась, он похвалил ее и сказал, что статью безусловно надо опубликовать. Марков на это заметил с опаской: “Ругать будут”. На это А.А. Максимов возразил: “Ничего, у нас тоже зубы есть!”.

После того, как статья вышла из печати, А.А. Максимов первым и с большим шумом доказал, что у него действительно есть зубы. Он вонзил свои зубы в профессора М.А. Маркова – опубликовал против него статью, полную громкой ругани. Разразился буквально шквал шумной и невежественной критики. Редколлегия журнала “Вопросы философии” была расформирована, главный редактор смещен. Маркова обвиняли в физическом идеализме, и судьба его висела на волоске. Сергею Ивановичу Вавилову, несомненно, пришлось приложить немало усилий, чтобы оставить Маркова сотрудником ФИАНа.

С того времени прошло полвека. Статья М.А. Маркова “О природе физического знания” и теперь не устарела, она читается с интересом и служит доказательством того, что Сергей Иванович Вавилов был совершенно прав, уговаривая М.А. Маркова эту статью написать.

В своих воспоминаниях, помещенных в [1], В.И. Векслер пишет, касаясь статьи М.А. Маркова: “Сергей Иванович очень ценил оригинальность и глубину мышления Моисея Александровича и стал настаивать, чтобы тот опубликовал свою работу. Когда эта статья была опубликована, она вызвала яростные нападки. Дело дошло до того, что в ВАКе возникли осложнения при присвоении М.А. Маркову звания профессора, хотя в то время он уже был широко известным ученым. Сергей Иванович очень нервничал и волновался за М.А. Маркова, понимая, что невольно стал виновником такой ситуации. В конце концов, только благодаря в высшей степени решительным действиям Сергея Ивановича, нападки на М.А. Маркова были прекращены”.

К этому месту составитель книги И.М. Франк добавил следующее примечание: “Опасения М.А. Маркова, что его работа явится объектом недоброжелательной критики со стороны реакционной части философов, полностью оправдались. Свои воспоминания В.И. Векслер продиктовал своей жене в 1966 году в короткий период улучшения своего здоровья после инфаркта. Хочу добавить то, о чем не только Векслер в 1966 году, но и я в 1981 г. еще не могли сказать (в 1981 году вышло второе издание книги [1] – *Прим. авт.*). Примерно в то время, когда происходила печальная эпопея со статьей М.А. Маркова, происходили события, которые могли обернуться трагедией для физики. Группа физиков и философов готовила сессию на манер пресловутой сессии ВАСХНИЛ, на которой была разгромлена генетика. Предполагалось предать анафеме всех физиков, признававших квантовую механику и теорию относительности, как идеалистов и космополитов. Несомненно, они опирались на чью-то высокую поддержку. Думаю, С. И. Вавилов очень нервничал, опасаясь, что события могут пройти мимо него и примут тяжелейшую форму для науки и ученых. Однако, видимо, было достаточно авторитетно доложено, что без признания квантовой механики и теории относительности атомную проблему не решить. По указанию Сталина подготовку сессии прекратили, и трагедии не произошло. Теперь об этом можно вспоминать”. По-видимому, лицом, доложившим руководству о крайней несвоевременности “дискуссии” по новой физике, был академик И.В. Курчатов. Но и С.И. Вавилов делал, что мог для того, чтобы затянуть подготовку сессии, по возможности вообще отменить ее, а если это не удастся, то провести ее с наименьшим ущербом для физики.

* * * *

Роль Сергея Ивановича Вавилова в открытии и объяснении эффекта Вавилова–Черенкова в России общепризнанна. Он задумал исследование – люминесценция растворов ураниловых солей под действием жесткого гамма-излучения, – которое и было предложено П.А. Черенкову в качестве темы для кандидатской диссертации. Черенков обнаружил, что под действием гамма-излучения светятся не только растворы, но и чистые растворители. Это обстоятельство сильно обескуражило П.А. Черенкова, так как свечение чистых растворителей мешало наблюдать свечение растворов. Черенков даже сначала решил, что порученное ему исследование невыполнимо [53, 54]. Тогда С. И. Вавилов предложил Черенкову исследовать подробнее свечение чистых растворителей. Черенков провел серию стандартных измерений, разработанных в лаборатории Вавилова для определения параметров люминесценции. По результатам этих измерений Вавилов заключил, что найденный Черенковым эффект не есть люминесценция, и предложил первое объяснение – источником излучения являются электроны, выбиваемые из атомов жидкости гамма-лучами. Вавилов предположил, что выбитые электроны тормозятся в жидкости и возникающее при этом излучение – так называемое тормозное излучение – как раз и наблюдал Черенков. В дальнейшем выяснилось, что тормозное излучение не может объяснить наблюдаемого свечения, и в этом отношении С.И. Вавилов ошибался. Но его предположение о том, что источником излучения являются электроны, выбитые из атомов гамма-лучами, оказалось правильным и определило весь ход дальнейших исследований. С.И. Вавилов все время был в курсе экспериментов, проводимых Черенковым, сам нередко принимал участие в измерениях, привлек к обсуждению результатов Тамма и Франка, которые и дали полное теоретическое объяснение явления.

Объяснение, данное И.М. Франком и И.Е. Таммом, на первый взгляд противоречило и классической электродинамике, и теории относительности. Именно, утверждалось, что источником излучения являются электроны, движущиеся в преломляющей среде равномерно и прямолинейно со скоростью, превышающей скорость распространения света в этой среде. До этого было хорошо известно и ни у кого не вызывало сомнений, что равномерно движущийся заряд не излучает. Столь же хорошо было известно, что теория относительности не допускает движения материальных тел со скоростью, превышающей скорость света. Объяснение Франка и Тамма, казалось, противоречило этим положениям. Но прошло некоторое время, и всем стало понятно, что никакого противоречия ни с электродинамикой, ни с теорией относительности нет. Открытие было признано, хотя перед этим немало физиков, и среди них такие выдающиеся, как Ф. Жолио-Кюри и П.Л. Капица, сомневались в измерениях П.А. Черенкова (они, тем не менее, оказались безупречными, хотя и проводились в труднейших условиях, на пороге зрения), сомневались и в утверждении С.И.Вавилова, что речь идет о важном открытии, и в объяснении И.М. Франка и И.Е. Тамма.

Кстати сказать, Сергей Иванович был одним из первых, кто признал и оценил теорию Франка и Тамма. Он почти сразу же предложил очень наглядную демонстрацию, которая поясняла эффект Вавилова–Черенкова с помощью гидродинамической аналогии. Он взял плоскую стеклянную кювету, налил в нее воды, а под кюветой поместил зажженную электрическую лампочку, так что на потолке получилась проекция кюветы с водой. Потом он взял остро отточенный карандаш и быстро провел острием по поверхности воды в кювете. На потолке ясно были видны две волны, расходящиеся под острым углом от “траектории” острия.

В настоящее время эффект Вавилова–Черенкова нашел широкое применение в физике высоких энергий. Черенковские счетчики для регистрации быстрых частиц имеются в арсенале любой научно-исследовательской лаборатории, тематика которой

включает ядерную физику, физику высоких энергий или физику космических лучей. В современной физике возникла целая идеология, обязанная своим происхождением открытию эффекта Вавилова–Черенкова, но выходящая далеко за рамки этого эффекта и основанная на общих свойствах явлений, происходящих в случае синхронизма между волной и порождающим ее источником (или между волной и синхронно движущейся системой, которая способна взаимодействовать с этой волной). Можно с полной определенностью сказать, что без участия С.И. Вавилова это открытие не могло бы быть сделано, так же, как и без участия П.А. Черенкова, И.М. Франка и И.Е. Тамма.

И все же при жизни Сергея Ивановича Вавилова, несмотря на то, что первостепенная роль его в открытии для всех сколько-нибудь причастных к этому делу была совершенно ясна, открытое явление получило название "эффект Черенкова", причем первым, кто использовал это название, был, по-видимому, сам Сергей Иванович Вавилов. Только спустя двадцать три года после открытия, когда это название – эффект Черенкова – получило международное признание и утвердилось в научной литературе, и спустя шесть лет после кончины С.И.Вавилова, в Советском Союзе ученики и сотрудники Сергея Ивановича решили восстановить справедливость и стали употреблять название "эффект Вавилова–Черенкова". Но это название утвердилось только в советской научной литературе, да и то, к сожалению, не всегда, а на Западе по-прежнему эффект называют "эффектом Черенкова".

Один из авторов (**Б.Б.**) слышал от Михаила Николаевича Аленцева, ближайшего сотрудника С.И. Вавилова, что люди, знакомые с обстоятельствами открытия, не раз высказывали Сергею Ивановичу свое мнение о том, как надо было назвать обнаруженное явление. Но С.И. Вавилов каждый раз решительно отказывался связать название эффекта со своим именем. Почему он так поступал? Может быть, он не считал обнаруженный эффект сколько-нибудь важным явлением? Такое предположение следует решительно отвергнуть. К тому времени эффект Вавилова–Черенкова еще не нашел теоретического объяснения. Многие видные ученые вообще сомневались в том, что эффект существует, не доверяли экспериментам Вавилова и Черенкова. И в кандидатской диссертации П.А. Черенкова рассматривалась только люминесценция ураниловых солей под действием жесткого гамма-излучения. Сохранилась характеристика П.А. Черенкова, написанная его научным руководителем С.И. Вавиловым к защите кандидатской диссертации, где С.И. Вавилов пишет, что П.А. Черенков за время пребывания в аспирантуре выполнил порученное ему исследование – речь идет о люминесценции ураниловых солей – и, кроме того, открыл новый эффект, природа которого пока не нашла объяснения, но нет сомнения в том, что этот эффект будет играть важную роль в ядерной физике. Из этих слов видно, что С.И. Вавилов полностью отдавал себе отчет в значении открытия. Почему же он возражал, когда ученики предлагали ему связать эффект с его именем? Поведение С.И. Вавилова в данном случае объяснялось тем, что он явно недооценивал свою роль и участие в работе. В значительной мере эта, если можно так сказать, само-недооценка была обусловлена его личной скромностью

Говорят, что скромность украшает человека. Но это высказывание нуждается в уточнениях применительно к конкретным случаям. И нередко так бывает, что скромность одного человека украшает другого человека.

Другой причиной, по которой С.И. Вавилов недооценивал значение своего участия в работе, была необычайная широта его познаний – не только в оптике, но в физике вообще, в истории науки, философии. На фоне этих познаний, на фоне широкой картины естественно-научного знания его собственные научные результаты представлялись ему сравнительно малозначащими. В то же время, он с большим вниманием относился к результатам, полученным другими исследователями. Он был очень щепетилен в вопросах научного

приоритета, цитирования, в своих публикациях всегда ссылался на предшественников. Можно сказать, что он больше ценил науку в себе, чем себя в науке.

В связи с обсуждением вопроса о научном приоритете и авторстве интересно процитировать письмо, написанное С.И. Вавиловым В.Л. Левшину примерно за две недели до отъезда из Берлина ([2], с. 376). Оно характеризует его отношение к этому вопросу. Вавилов сообщает о разговоре с Прингсгеймом: «...Занятный разговор вчера я с ним имел. Подходит со сконфуженным видом и говорит, что собирается вести деловой разговор. Смысл разговора был примерно такой: "Вы вот без меня эти вещи сделали, а давайте публиковать вместе". Я, разумеется охотно согласился, потому что, во-первых, пустяк, о котором особенно и разговаривать не стоит, и, во-вторых, из дипломатических соображений – для нас с Вами такое совместное публикование будет только полезно. Работа тесно связана с нашей предыдущей, наши фосфоры и наш метод (спектрофотометр). Смешно только, что инициатива с его стороны идет...».

Невозможно себе представить, что Сергей Иванович Вавилов в своей лаборатории мог сделать подобное предложение кому-нибудь из своих сотрудников.

Имя С.И.Вавилова в мировой науке имело не меньше веса, чем имя Прингсгейма, и если бы С.И. Вавилов отказался включить П. Прингсгейма в число авторов своей и В.Л. Левшина работы, это было бы, может быть, более понятно, чем его согласие. Но для Вавилова, конечно, важен был научный результат, им полученный, а вот соображения приоритета не имели для него абсолютного значения. И самым главным для него в разговоре с Прингсгеймом было то, что открывалась возможность плодотворного научного сотрудничества с выдающимся оптиком (пускай даже тот таким странным порядком увеличивал число своих печатных трудов).

Трудно сказать, какое название в конце концов получит эффект Вавилова–Черенкова. Возможно, что на Западе так и останется прежнее название – эффект Черенкова. И дело в конечном счете не в названии. Следует только помнить, что С.И. Вавилов сыграл определяющую роль в открытии этого эффекта. По нашему мнению, название "эффект Вавилова–Черенкова" никак не умаляет вклада, сделанного П.А. Черенковым, но более справедливо отражает роль С.И. Вавилова в открытии, исследовании и объяснении этого явления.

* * * * *

Современная физика представляет собой очень разветвленную и обширную область знания. Ученые, работающие в одной из областей физики, с трудом могут дать оценку работ, ведущихся в другой области. "Своя" область исследования всегда ближе исследователю ("своя рубашка ближе к телу"), поэтому есть опасность того, что оценка достижений в "чужой" области может оказаться неправильной, несправедливо пренебрежительной. То же самое можно сказать и об оценке душевных качеств того или иного человека – те, кто его близко не знают (или не знали), легко могут ошибаться, имея о человеке лишь случайные и отрывочные сведения.

В нашей статье мы привели ряд фактов, которые не были известны ранее или известны узкому кругу лиц; об этих фактах нельзя было сообщать в печати. Мы надеемся, что приведенные в статье материалы и соображения помогут широкому кругу читателей лучше понять, почему ученики и сотрудники Сергея Ивановича Вавилова (да и все, кому приходилось иметь с ним дело) относились к нему с любовью, уважением и благодарностью, как относятся к знающему учителю, заботливому руководителю, мудрому советчику и человеку безупречной порядочности.

Авторы благодарны В.Л. Гинзбургу и Е.Л. Фейнбергу, прочитавшим работу в рукописи и высказавшим полезные замечания.

Мы выражаем глубокую благодарность Ивану Алексеевичу Яковлеву за его советы, которые помогли улучшить нашу статью, а также за воспоминания, которыми он с нами щедро поделился и которыми мы воспользовались в нескольких местах. Разумеется, он не несет ответственности за те недостатки и недоговоренности, которые остались в нашей работе. Мы будем благодарны читателям за добавления и замечания.

Мы благодарны О.Н. Крохину за полезные советы, которыми мы воспользовались при подготовке настоящего варианта статьи, а также П.Е. Рубинину и М.А. Киркину за ценные замечания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания, 3 изд., Москва, Наука, 1991.
2. В.Р. Келер. Сергей Вавилов. Москва, Молодая гвардия, 1975.
3. Л.В. Левшин. Сергей Иванович Вавилов, Москва, Наука, 2003.
4. Л.В. Левшин. Свет мое призвание: Страницы жизни акад. С.И. Вавилова, Москва, Московский рабочий, 1987.
5. А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ, Москва, центр Новый Мир, 1990, т. 2, стр. 426.
6. A. Kojevnikov, Isis, vol. 87, pp. 8-50 (1996).
7. Б.М. Болотовский, Ю.Н. Вавилов, А.Н. Киркин, Краткие сообщения по физике, № 3-4, 85-89 (1995); B.M. Bolotovskii, Yu.N. Vavilov, and A.N. Kirkin, Bulletin of the Lebedev Physics Institute, no. 3-4, pp. 32-36 (1995).
8. B.M. Bolotowsky and Yu.N. Vavilov, Physics Today, December, 1995, pp. 11, 13.
9. E. Pike and R. Brown, Physics Today, September 1996, pp.120, 122.
10. S.I. Wawilow and W.L. Lewschin, Z. Phys., vol. 35, pp. 920-936, 1926.
11. С.И. Вавилов, Микроструктура света (Исследования и очерки), Изд-во АН СССР, 1950.
12. Физики о себе, Ленинград, Наука, 1990.
13. Академик Л.И. Мандельштам. К 100-летию со дня рождения, Москва, Наука, 1979, с. 219.
14. Воспоминания о Л.Д. Ландау. Москва, Наука, 1988, с. 84.
15. В.Л. Гинзбург. О науке, о себе и других. Москва, Наука, Физматгиз, 1997.
16. П.Л. Капица. Письма о науке, 1930–1980, Московский рабочий, 1989.
17. R.G.W. Brown and E. Pike, A History of Optical and Optoelectronic Physics in the Twentieth Century, in Twentieth Century Physics, Philadelphia, IOP Publishing, 1995, p. 1403.
18. И.Р. Геккер, А.Н. Стародуб, С.А. Фридман, Препринт ФИАН № 224, Москва, 1985; Препринт ФИАН № 78, Москва, 1989.
19. 50 лет Государственного Оптического института им. С.И. Вавилова, Ленинград, Машиностроение, 1968.
20. Я. Голованов. Королев: Факты и мифы, Москва, Наука, 1994, с. 406.
21. А. Прохоров. “Возвеличивший знание: к 90-летию со дня рождения Сергея Ивановича Вавилова” Неделя, № 14 (1098), с. 8–9, 1981.
22. Г.Е. Горелик, «Москва, физика, 1937 год», в сб. Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР, Москва, Наука, 1995, с. 54-75.
23. А.С. Сонин, Физический идеализм, Москва, Физматгиз, 1994.
24. Воспоминания о И.Е. Тамме, Москва, ИЗДАТ, 3 изд., 1995, с. 347.
25. Е.Л.Фейнберг, Наука и жизнь, 1990, №8, с. 34-40.
26. Воспоминания о В.И. Векслере, Москва, Наука, 1987, с. 281.
27. А.Д. Сахаров. Воспоминания, Москва, Права человека, 1996, т. 1, с. 115-117.
28. В. Есаков, Наука и жизнь, № 11, с. 110-118 (1991).
29. Д.Н. Трифонов, в сб. История советского атомного проекта: документы, воспоми-

нания, исследования. Москва, Янус-К, 1998, вып. 1, с.50–57.
30. Создание первой советской атомной бомбы. Москва, Энергоатомиздат, 1995.
31. Д.А. Волкогонов. Триумф и трагедия. И.В.Сталин. Политический портрет. Изд. АПН, Москва, 1989.
32. В.Ф. Сенников, Архив РАН, фонд 596, опись 2, дело 133В, лист 1.
33. М.А. Марков, Вопросы философии, 1947, №2.
34. М.А. Марков, Размышляя о физиках, о физике, о мире..., Москва, Наука, 1993.
35. Архив МГУ, ф. 596, оп. 2, ед. хр. 173, л. 7-9.
36. РГАСПИ, ф. 4, оп. 4, ед. хр. 775, л. 146.
37. ГАРФ, ф. 9396, оп. 1, ед. хр. 229, л. 67-68.
38. Петр Леонидович Капица: Воспоминания. Письма. Документы, Москва, Наука, 1994, с. 88.
39. Воспоминания об академике М.А. Леонтовиче, Москва, Наука, 1996.
40. И.А.Яковлев. Вестник Академии Наук, март 1991 года, стр.132.
41. Г.С. Ландсберг. Очерки и воспоминания: К 100-летию со дня рождения, Москва, Наука, 1993, с. 136
42. С.П. Стрелков, Д.В. Сивухин, В.А. Угаров, И.А. Яковлев. Сборник задач по общему курсу физики. Механика, Москва, Наука, 1977, 4 изд.
43. А.А. Щука. Физтех и физтехи, Долгопрудный, Вестник ВВЦ, 1996, с. 317-319.
44. Братья Николай и Сергей Вавиловы. Москва, Физический ин-т им. П.Н. Лебедева, 1994, 2 изд., с. 39-40.
45. С.И. Вавилов. Исаак Ньютон, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1943.
46. В.Вс. Иванов, Наше наследие, № 1, с. 3-7 (1989).
47. В. Гончаров, Источник, № 1, с. 88-89 (1996).
48. Архив АН СССР, ф. 596, оп. 3, д. 17, л. 2-3.
49. А.С. Сонин, В.Я. Френкель. Всеволод Константинович Фредерикс: 1885–1944, Москва, Наука, Физматгиз, 1995, с.117.
50. РГАСПИ, ф.17, оп.125, д.547, л.151 – 152.
51. С.Э. Фриш, Природа, № 12, с. 88 (1990).
52. Б.М.Болотовский. «Записи, воссоздающие время». Природа, 1990, No.12, стр.97; “Глазами сотрудников ФИАН”. Природа, 1991, №3, стр.117.
53. А.Н.Горбунов, Е.И. Тамм. Вступительная статья в сб. Павел Алексеевич Черенков (1904–1990) (Материалы к биоблиографии ученых СССР. Сер. Физики, вып. 39), Москва, Наука, 1997.
54. Н.А. Добротин, Е.Л. Фейнберг, М.В. Фок. «Письмо в редакцию журнала Природа». Природа, 1991, №11, стр.58.

СЕРГЕЙ ВАВИЛОВ: СВЕТИЛО РУССКОЙ ФИЗИКИ

Б.М. Болотовский, Ю.Н. Вавилов, А.П. Шмелева

Ввиду малой известности статьи о С.И. Вавилове, опубликованной в журнале «ЦЕРН Курьер» в 2004 году (N 10) в связи с 70-летием современного ФИАН, её авторы решили опубликовать её перевод и издать в виде препринта ФИАН, приведя также текст статьи на английском языке.

Статья в «ЦЕРН Курьере», международном печатном органе физиков в области физики высоких энергий, знаменательна тем, что в ней подчёркивается роль С.И. Вавилова в развитии советской ядерной физики. До недавнего времени об этом было мало известно. Это связано с тем, что главным направлением научной деятельности С.И. Вавилова была физическая оптика. Однако С.И. Вавилов, будучи учёным широкого круга интересов, ещё в начале 30-х годов прошлого века понял огромное значение новой тогда отрасли физики – ядерной физики, и всячески способствовал её развитию в СССР.

Название статьи было предложено редакцией «ЦЕРН Курьер». Оно указывает, наряду с самим фактом публикации статьи в столь престижном, широко распространяемом журнале, на высокую оценку на западе С.И. Вавилова как выдающегося учёного и организатора науки.

Перевод и оригинальный текст статьи публикуется с любезного разрешения редакции «ЦЕРН Курьер».

Сергей Вавилов родился и Москве в 1891 году. Его отец, процветающий текстильный предприниматель, дал хорошее образование двум своим сыновьям и надеялся, что они унаследуют и продолжат его бизнес. Однако братья решили стать учёными: Николай – биологом, а Сергей в 1909 году поступил на физико-математический факультет Московского университета. Будучи студентом второго курса, он начал работать в лаборатории Петра Николаевича Лебедева (1866-1912), знаменитого благодаря своим экспериментам по световому давлению на твёрдые тела и газы. Вавилов стал большим поклонником стиля работы Лебедева – интересом к фундаментальным проблемам физики, сочетавшимся с тщательными экспериментами.

После окончания университета с отличием в 1914 году С. Вавилов был призван на военную службу; спустя месяц началась Первая мировая война. Вавилов служил в различных технических подразделениях. К концу 1917 года Вавилов был взят в плен. Он был допрошен немецким офицером, который, к счастью, оказался физиком, и они провели всю ночь в дискуссиях по физике, особенно по новой теории света Макса Планка. Утром немецкий офицер помог Вавилову бежать из плена и в феврале 1918 года он появился в Москве. Его отец в это время потерял всё своё состояние и эмигрировал из России, но Сергей и Николай не захотели покинуть свою страну: они осознали, что должны сосуществовать с Советским правительством как это сделали многие русские учёные. Правительство решило использовать учёных и технических специалистов «несмотря на то, что они были пропитаны капиталистической идеологией». 1920-е годы, несмотря на гражданскую войну, голод и экономический коллапс, были периодом большой свободы для русских учёных.

ЗАКОН БУГЕРА И НЕЛИНЕЙНАЯ ОПТИКА

В 1918 году С.И. Вавилов начал работать в Институте физики и биофизики, возглавляемом Петром Петровичем Лазаревым, учеником Лебедева, который предложил Вавилову заняться проблемами физической оптики. Вавилов также читал лекции в Московском университете. С самого начала работы в институте Лазарева Вавилов был очарован фундаментальными вопросами природы света. Он начал с исследования фотолюминесценции растворов красителей и в 1919 году задумал идею эксперимента для подтверждения квантовой теории света Макса Планка путём измерения коэффициента поглощения света в оптических средах. Согласно закону Бугера, этот коэффициент

не зависит от интенсивности света; однако, если теория Планка верна, то возможно наблюдать квантовые флуктуации при очень малых или очень высоких интенсивностях света, нарушающих закон Бугера. Используя растворы красителей, Вавилов и его студенты подтвердили закон Бугера в большом интервале мощностей падающего света 10^{11}–10^{8} эрг/см^{2}/сек и в 1920 году опубликовали отрицательный результат; они не увидели нарушения закона Бугера.

В течение последующих лет Вавилов и его соратники установили принципиальные законы люминесценции, введя термин «выход люминесценции» как отношение энергии люминесценции к энергии возбуждающего света. Они также исследовали механизмы гашения люминесценции, и Вавилов осуществил пионерские работы по разработке новых и экономичных источников света – люминесцентных ламп.

Продолжая исследование квантовой природы света, Вавилов решил использовать оптическую среду с очень долгоживущими состояниями молекулярных возбуждений с целью осуществить возможность нарушения закона Бугера при больших интенсивностях. После долгого поиска его группа нашла урановое стекло, в котором возбуждение состояния длится в сотни тысяч раз дольше, чем в растворах красителей, и в 1926 году Сергей Вавилов и Вадим Лёвшин наконец обнаружили нарушение закона Бугера при высоких интенсивностях света. Они нашли уменьшение поглощения света урановым стеклом при больших интенсивностях. Этот эффект, теперь называемый как фоторефрактивный эффект, был объяснён как результат депопуляции основного состояния пучком падающего света. Вавилов ввёл термин «нелинейная оптика», которая с тех пор стала специальным разделом физики.

В начале 1930-х годов политическая обстановка в СССР резко ухудшилась в связи с усилением власти Сталина. Много учёных в Москве, Ленинграде и других городах были репрессированы. В марте 1931 года академик Лазарев был внезапно арестован и затем выслан на Урал. Его коллеги, включая Вавилова, потеряли работу в институте. Сергей Иванович остался профессором Московского университета. Академия наук рекомендовала Вавилова в действительные члены Академии наук СССР, желая спасти научную школу Лебедева–Лазарева. В 1932 году он был избран академиком. Приблизительно в это же время директор Оптического института в Ленинграде Дмитрий Рождественский пригласил Вавилова возглавить научное руководство институтом с целью спасти научную программу от стремления правительства направить исследования института целиком на разработку оптической аппаратуры, в первую очередь, для военных целей. Вавилов принял предложение Рождественского, и в 1932 году был назначен главой исследований в Государственном оптическом институте. В тот же год Вавилову предложили возглавить небольшой физический отдел Академии наук в Ленинграде. Он пригласил несколько молодых физиков и организовал исследования свойств нейтронов, исследования люминесценции, вызванной облучением, а также цветных кристаллов.

ЭФФЕКТ ВАВИЛОВА–ЧЕРЕНКОВА

В 1932 году Сергей Вавилов и Евгений Брумберг разработали фотометрическую технику, используя человеческий глаз как прибор для измерений слабых световых интенсивностей, близких к порогу зрения. Этот визуальный фотометрический метод был очень полезен в то время, когда ещё не существовали фотоэлектронные умножители. Метод был использован в экспериментах 1932-1941 гг., подтвердивших статистически и характер флуктуации в согласии с идеями квантовой теории.

Эта же визуальная техника играла важнейшую роль в открытии эффекта Вавилова–Черенкова. В 1933 году Вавилов предложил своему аспиранту Павлу. Черенкову тему кандидатской диссертации: «Люминесценция растворов ураниловых солей под

действием жёстких гамма-лучей». Задачей работы было произвести сравнение свойств люминесценции раствора ураниловой соли в серной кислоте под действием гамма-излучения с ранее изученной люминесценцией такого же раствора под действием света и рентгеновского излучения.

Наблюдаемый синий свет был очень слабым, и, чтобы адаптировать глаза, Черенков должен был находиться в тёмной комнате в течение часа и больше. В процессе измерений Черенков обнаружил, что свечение испускается не только раствором соли, но также и чистой серной кислотой. Эта ситуация показалась большой неприятностью для Черенкова, так как он подумал, что свечение растворителя будет большим фоном, затрудняя исследование люминесценции ураниловой соли. Он даже просил изменить ему тему диссертации. Но Вавилов убедил Черенкова продолжать эксперимент, произведя тщательную очистку кислоты. Когда эта очистка не помогла, Вавилов предложил проверить, испускают ли свет другие чистые растворители. Черенков исследовал 16 различных растворителей очень высокой чистоты и нашёл, что все чистые жидкости излучали свет с почти одинаковой интенсивностью под действием γ-лучей. Несмотря на попытки погасить излучение различными способами, таинственное излучение продолжало оставаться.

Вавилов проанализировал все измерения и пришёл к твёрдому заключению: «Это не люминесценция, это новое оптическое явление, неизвестное науке».

В 1934 году Академия наук переехала из Ленинграда в Москву, и возглавляемый Вавиловым физический отдел Физико-математического института также переехал в Москву и занял здание института Лазарева. С.И. Вавилов был назначен директором нового института с целью превратить маленький физический отдел в институт, охватывающий наиболее важные разделы физики. Он получил финансовую поддержку правительства и начал организовывать новый Физический институт Академии наук. Вавилов предложил присвоить институту имя Петра Николаевича Лебедева. Он пригласил выдающихся ученых возглавить отделы института, а также принял на работу несколько превосходных молодых физиков.

Несмотря на то, что 1930-е годы были годами политических преследований в СССР, С.И. Вавилов сумел сохранить положительную обстановку в Институте имени П.Н. Лебедева, способствуя возможности продуктивной работы. Позднее Владимир Векслер писал: «Я был счастлив, что, будучи молодым учёным, был приглашён в 1936 году в штат института им. П.Н. Лебедева. Вдохновляющая атмосфера полной отдачи науке превалировала в институте. Моё первое впечатление от Вавилова было, что он был очень приветлив и держался просто».

В лаборатории атомного ядра Вавилов и Черенков продолжали исследовать детали нового излучения. Они установили, что излучение испускается в узком конусе, близком к направлению падающего пучка γ-лучей и поляризовано в этом направлении. Магнитное поле отклоняло излучение, подтвердив утверждение Вавилова, что оно вызвано заряженными частицами. Вавилов постоянно обсуждал результаты экспериментов с теоретиками института, склоняя их к работе по теории эффекта. Наконец, Илья Франк и Игорь Тамм заинтересовались и в 1937 году дали полную теоретическую интерпретацию. «Вавилов увлёк меня своим восхищением экспериментами Черенкова», – писал Франк позже. В 1946 году Вавилов, Черенков, Франк и Тамм были награждены Государственной премией СССР по науке (Сталинской премией) за это открытие, а в 1958 году, через семь лет после смерти Вавилова, Черенков, Франк и Тамм получили... Нобелевскую премию по физике. В своей Нобелевской лекции Тамм сказал: «Я должен может быть объяснить, что мы в СССР употребляем наименование «Вавилова–Черенкова излучение» вместо «Черенковское излучение» с целью подчеркнуть определяющую роль покойного профессора С. Вавилова в открытии этого излучения».

В 1930-е годы советские ядерные физики достигли высокого уровня исследований, в основном в Ленинградском физико-техничесом институте, Радиевом институте и в Харьковском политехническом институте. После посещения СССР в 1936 году Виктор Вайскопф писал: «Советские физики не отстали в своём понимании структуры ядра». В 1938 году С.И. Вавилов направил в Президиум Академии наук доклад о ядерной физике. Президиум АН СССР решил создать Комиссию по ядерной физике под председательством Вавилова. Среди членов комиссии были Абрам Иоффе, Игорь Курчатов, Абрам Алиханов, Владимир Векслер и Илья Франк,

Вавилов считал, что для экспериментов по ядерной физике требуется ускоритель более крупный, чем ускоритель Радиевого института на 10 МэВ, поэтому он организовал в ФИАНе «циклотронную группу» из молодых физиков, целью которой было найти способ создания большого циклотрона. Когда сотрудники группы рассказали Вавилову о больших трудностях, он ответил: «Я не думаю, что нет возможности перепрыгнуть через релятивистский барьер». В 1944 году Векслер написал две свои знаменитые работы о принципе фазовой стабильности, используемого во всех современных ускорителях. Вавилов немедленно представил эти работы к публикации, и было принято решение начать в ФИАНе конструирование синхротрона на 30 МэВ.

В эти годы С.И. Вавилову были нанесены тяжёлые удары: арест, а затем кончина его старшего брата Николая (1887 – 1943), выдающегося растениевода и генетика. Братья любили друг друга и оказывали друг на друга большое влияние. Оба обладали энциклопедическими знаниями, прекрасной памятью, продуктивной энергией и личным обаянием, глубокой преданностью науке. В 1920-е годы и начале тридцатых Николай сделал блестящую научную карьеру в России. Он был выбран президентом Сельскохозяйственной академии и стал директором Института растениеводства в Ленинграде и Института генетики в Москве. Им было организовано множество экспедиций по земному шару и создана огромная коллекция семян. Он также сохранил и основал много опытных станций в различных районах СССР и руководил программой их работы. Однако Николай приобрёл врагов, руководимых агрономом Трофимом Лысенко и марксистским философом Исааком Презентом. Лысенко обещал быстрый подъём урожайности по сравнению с медленным процессом систематической гибридизации и селекции. Начиная с 1935 года, Николай вынужден был выносить постоянные обвинения в приверженности к «идеалистическим» менделевским теориям. Сотни его коллег и последователей были лишены возможности преподавать и вести научную работу; многие были арестованы, а некоторые расстреляны. Агрономическая программа Н.И. Вавилова была ликвидирована, и в 1940 году он был арестован, подвергнут пыткам и приговорён к расстрелу за «саботаж в советском сельском хозяйстве и шпионаж в пользу Англии». (Он работал по генетике в Великобритании в 1913-1914 гг.) Годом позже приговор был заменён на 20 лет принудительного труда, в 1943 году он скончался от голода в тюрьме города Саратова. После смерти Николая Ивановича Сергей Иванович помогал семье брата, и два сына Н.И. Вавилова стали учёными в области физики космических лучей в ФИАНе.

Не все науки пострадали так тяжело как биология, но марксистские философы атаковали «идеализма, присущий квантовой механике и теории относительности. В 1937–1938 гг. многие физики были арестованы, Лев Ландау провёл один год в тюрьме. С.И. Вавилов защитил Григория Ландсберга, Тамма (его брат, главный инженер химического завода, был арестован) и других, в частности, Сергея Рытова, арестованного в 1937 году, написав письмо прямо Генеральному прокурору. Рытов был освобождён в 1939 году.

НА ПУТЯХ К ВОДОРОДНОЙ БОМБЕ

Узнав в 1939 году об открытии деления ядра, советские физики немедленно приступили к исследованию нового явления экспериментально и теоретически. Многие ученые, включая Иоффе и Капицу, относились скептически к возможности использования атомной энергии, но Тамм в августе 1939 гола, услышав от Якова Зельдовича и Юлия Харитона об их вычислениях числа нейтронов, испускаемых при делении, сказал: «Вы знаете, что означает это открытие? Оно означает, что может быть создана бомба, которая сможет разрушить город в пределах радиуса десяти километров» (Халловей, 1994). Советские руководители в это время думали, что ядерная физика – бесполезная наука, но Вавилов имел мнение, что вбудущем она будет играть очень важную роль. Сам он возглавлял отдел физики атомного ядра ФИАНа вплоть до 1938 года и создал группу учёных, в которую входили Франк и Векслер. Позже, в 1945 году, инженер с оружейного завода Андрей Сахаров стал аспирантом Тамма.

22 июня 1941 года немецкие войска неожиданно перешли советскую границу и быстро дошли до Ленинграда и Москвы. Правительство вынуждено было организовать эвакуацию жизненно необходимых организаций на восток страны. К концу июля ФИАН был эвакуирован в Казань, а Оптический институт (ГОИ) из Ленинграда в город в трёхстах километрах от Казани. Вавилов был назначен советником по оптической промышленности Государственного комитета обороны (уполномоченным ГКО). Многие исследовательские программы были изменены на военные задачи.

В 1942 году Советское правительство одобрило исследовательскую программу по созданию атомной бомбы и назначило во главе неё Игоря Курчатова. После окончания войны Вавилову было предложено (приказано) участвовать в государственной программе по созданию ядерного оружия, и он убедил Тамма создать специальную группу с включением Виталия Гинзбурга и Сахарова. В 1948 году Вавилов написал правительству, информируя его, что в группе Тамма получены значительные результаты по разработке физических принципов водородной бомбы. Группа была направлена в секретный город Арзамас-16, и 12 августа 1953 года первая в мире компактная водородная бомба, которая могла быть доставлена самолётом или ракетой, была успешно испытана в СССР к большому удивлению западных физиков. Ранее, в 1950 году, Тамм и Сахаров создали теоретическую базу для создания контролируемой термоядерной реакции, так что термоядерная энергия могла быть использована для мирных целей. Двадцать пять лет спустя, Сахаров, сыгравший решающую роль в разработке советской водородной бомбы, был награждён Нобелевской премией мира за защиту прав человека, начиная с 1960 года. Он был шестым физиком ФИАНа, награждённым Нобелевской премией. (В 1964 году Александр Прохоров и Николай Басов получили Нобелевскую премию по физике за создание генераторов, базирующихся на мазер-лазерном принципе.)

БОЛЕЕ ЧЕМ ФИЗИК (ИЛИ НЕ ТОЛЬКО ФИЗИК)

С.И. Вавилов был избран президентом Академии наук СССР в июле 1945 года. Многие академики думали, что не было другого ученого такого высокого культурного уровня и такого искусного администратора как Вавилов, и некоторые из них рекомендовали его в качестве президента АН СССР. Однако его избрание могло состояться, если это будет выбор Сталина. С.И. Вавилову было очень трудно согласиться стать президентом академии, так как его брат Николай Иванович был убит сталинским режимом.

По мнению близких к С.И. Вавилову людей, он принял пост президента потому, что считал своим долгом служить науке и нации, а не Сталину. В период, когда он был президентом Академии, С.И. Вавилов осуществил многое, чтобы улучшить положение

науки в России – улучшилось снабжение лабораторий оборудованием и инструментами, заработная плата учёных была увеличена.

Вавилов инициировал создание десятков новых научных и культурных институтов, издательств и обществ, но он понимал, что это можно сделать, если только коммунистическая партия считала их полезными политически или для военных целей. Он приходил к соглашению с властями, чтобы получить поддержку. Поступая так, он часто действовал против своей совести и шёл на неприятные компромиссы. Академик Л.А. Орбели сказал в 1945 году: «С.И. Вавилов – жертва. Он стоял во главе Академии, чтобы спасти то, что ещё можно было спасти». Было общеизвестно, что С.И. Вавилов был добрым и отзывчивым человеком, и если он имел возможность помочь кому-либо написанием или подписанием письма, или нахождением места для работы, он это делал.

Сергей Иванович Вавилов внёс большой вклад в развитие Государственного оптического института, который теперь носит его имя, а также ФИАНа.

Всю свою жизнь он сильно интересовался историей и популяризацией науки. Им написаны книги по оптике, научные биографии Галилея, Гримальди, Гюйгенса, Фарадея, Майкельсона, Ньютона, Эйлера, Ломоносова, Лебедева, Лазарева и других. Он также перевёл «Оптику» Ньютона и «Лекции по оптике» Лукреция, «De rerutn Natura» с латинского на русский и опубликовал их со своими комментариями.

Должность президента Академии наук СССР в период жестокого диктаторского сталинского режима была причиной ужасного стресса. Здоровье С.И.Вавилова было сильно подорвано. Он скончался от сердечного приступав 1951 году за два месяца до дня своего шестидесятилетия (и на два года раньше смерти Сталина).

И.М. Франк сохранял уважение и любовь к своему любимому учителю до конца своих дней. Он собрал и издал сборник воспоминаний о С.И. Вавилове, который затем дважды переиздавался. Во время работы над третьим изданием в 1991 году И.М. Франк уже был очень болен и опасался, что умрёт, не окончив работу. Закончив рукопись, он вышел из своего домашнего кабинета, весело информируя свою семью, что книга окончена, добавив: «Теперь, наконец, я могу умереть». Он умер спустя несколько дней. И.М. Франк писал: «То, что он (С.И. Вавилов) сделал в период своего пятилетнего президентства, является столь прекрасным и обширным, что будущие поколения будут вспоминать с уважением и благодарностью».

Вступительная статья и перевод Ю.Н. Вавилова.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

М.В. Алфимов и др. 2001. 110 лет со дня рождения С.И.Вавилова. УФН, т. 171, с. 1071-1090.

Loren Graham R. 1993. Наука в России и Советском Союзе (Cambridge University Press).

Дэвид Холловей. 1997. «Сталин и бомба», Изд-во Сибирский хронограф, Новосибирск.

Vavilov S.I. 1947. Newton and the Atomic Theory/ The Royal Society/ Newton Tercentenary Celebrations (Cambridge, Roge Society).

Ю.Н. Вавилов. 2004. «В долгом поиске» «Книга о братьях Николае и Сергее Вавиловых» (ФИАН, Москва).

НЕЛЕГКАЯ ДОЛЯ БЫТЬ ИЗБРАННЫМ[1]

Своими великими свершениями Сергей Иванович Вавилов, как и его брат – великий генетик, остался в памяти потомков

Почти в одно время с парадом Победы в июне 1945 года состоялась юбилейная сессия Академии наук СССР, посвященная 220-летию со дня ее основания. Гостей было много, только из-за рубежа в страну победителей приехала сотня с лишним светил науки. Доклад читает президент В. Комаров, в 1943 году награжденный Звездой Героя Социалистического Труда. Ему 75. Он должен был переизбираться еще в декабре 1941 года, но война спутала все планы: переизбрали в мае 1942 года. Владимир Леонтьевич болен: у него экзема в тяжелой форме – и практически всю войну он руководит наукой из дома, лежа в постели. Доклад на юбилейной сессии он читает тихим голосом, с трудом, без энтузиазма. Сталин смотрел косо: «У академии великой страны такой президент?». Через несколько дней Комаров вынужден написать просьбу освободить его от должности по состоянию здоровья. На июль назначены выборы нового президента АН СССР. Берия лично составляет список возможных кандидатур. Неожиданно предложение баллотироваться на высокую должность получает известный физик Сергей Вавилов. Неожиданно – потому что это могло быть решением только Сталина, так как в то время такими вопросами занимался лично он. Почему он так решил – и сегодня неизвестно. Но уже тогда многим было известно, что с согласия того же Сталина в 1940 году, был арестован и осужден старший брат Сергея Ивановича – всемирно известный растениевод и генетик Николай Иванович Вавилов.

За девять дней до выборов под грифом «Совсекретно. Особая папка» Сталину, Молотову и Маленкову была разослана справка 2-го управления НКГБ СССР «О научной и общественной деятельности действительных чпенов АН СССР». В ней были даны характеристики 22 возможных кандидатов в президенты АН.

В частности, было написано: «Вавилов Сергей Иванович – директор Физического института АН СССР, 1891 года рождения, беспартийный, академик с 1932 года, заместитель директора Государственного оптического института. В период Отечественной войны –уполномоченный Государственного комитета обороны по оптической промышленности. Автор широко известных научных работ по флуоресценции (создал теорию), по изучению природы света. Автор многих книг и переводов (Труды Ньютона). Участник международных конгрессов. Политически настроен лояльно. Вавилов обладает организационными способностями и находится в хороших взаимоотношениях с большинством ученых АН и пользуется у них авторитетом. В обращении прост, в быту скромен. Вавилов сейчас находится в расцвете своих творческих сил и ведет лично научно-исследовательские работы. Имеет крупных учеников и последователей. Известен в СССР и за границей. Брат Вавилова С.И. – Вавилов Николай Иванович – генетик, в 1940 году был арестован и осужден на 15 лет за вредительство в сельском хозяйстве. Находясь в Саратовской тюрьме, в январе 1943 года умер.

Лысенко Трофим Денисович – член Президиума АН СССР, 1898 года рождения, украинец, беспартийный, академик с 1939 года, заместитель Председателя Верховного Совета СССР, директор Института генетики АН СССР, президент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина.

Известен достижениями в области растениеводства, автор теории стадийного развития растений.

[1] Статья написана при участии Ю.Н. Вавилова и опубликована в еженедельной газете научного сообщества «Поиск» N 28-29 (842-843). 22 июля 2005 г.

Среди биологов АН СССР Лысенко авторитетом не пользуется, в том числе и у академиков В. Комарова и Л. Орбели, причем последние приписывают ему арест Н. Вавилова. В ВАСХНИЛ против Лысенко ведется борьба группы академиков во главе с академиком Прянишниковым Д.Н.».

(Полный текст справки опубликован в журнале «Исторический архив» №2, 1996.)

Как видим, Наркомат госбезопасности дал достаточно объективную информацию. В этой справке не отмечены только феноменальная память и работоспособность С. Вавилова, знание им английского, немецкого, французского, итальянского и польского языков.

Недавно на заседании Президиума РАН в связи с 60-летием Победы академики вспоминали, что С. Вавилов, помня о гибели брата, не хотел соглашаться на избрание. Но к нему пришли коллеги-ученые: «Если не вы, будет Лысенко...» А вот этого, видимо, Сергей Иванович в память о брате допустить не мог. Новым президентом АН СССР 17 июля 1945 года был почти единогласно избран С.Вавилов. Академик Л.Орбели сказал тогда: «Сергей Вавилов – жертва. Он стал во главе академии, чтобы спасти то, что еще может быть спасено».

Сергею Вавилову не раз приходилось делать трудный выбор. В начале 1918 года, когда отец – богатый московский купец 1-й гильдии – потерял всю собственность и эмигрировал, братья Николай и Сергей решили не покидать Родину. Остались многие другие крупные ученые старшего поколения: И. Павлов, В. Вернадский, Н. Жуковский, А. Карпинский, А. Крылов, А. Ферсман... За плечами Сергея Ивановича был уже физический факультет МГУ, блестяще оконченный перед самым началом Первой мировой войны. Он был призван в армию и служил всю войну в инженерных войсках. Однажды попал в плен, но допрашивавший его офицер тоже оказался физиком. Проговорив с ним всю ночь о теории Макса Планка, немец утром помог С. Вавилову бежать. Вернувшись в Москву в 1918 году, Вавилов ведет исследования в лаборатории П. Лазарева, а для заработка трудится приват-доцентом в МГУ и МВТУ. Вскоре он задумал экспериментально проверить новую тогда квантовую теорию света и успешно вел эти исследования в течение многих лет. В 1926 году С. Вавилов с В. Левшиным обнаружили одно из явлений «нелинейной оптики» (термин ввел Вавилов). Развитие этой новой ветви в оптике привело позже к созданию лазеров и мазеров (Нобелевская премия 1964 года, полученная сотрудниками ФИАН А. Прохоровым и Н. Басовым). Сергей Вавилов также занимался изучением основных законов люминесценции и был пионером создания в СССР нового экономичного источника света – люминесцентных ламп. В 1934 году аспирант Вавилова П. Черенков, изучая люминесценцию, обнаружил необычное голубое свечение чистых жидкостей. Вавилов, проанализировав результаты, пришел к выводу, что это новое неизвестное науке оптическое явление. В своей публикации он высказал предположение, что оно вызывается быстрыми электронами. Позже это подтвердилось. Полная теория излучения Вавилова–Черенкова была развита И. Таммом и И. Франком. Основанные на этом излучении детекторы элементарных частиц вот уже много лет широко применяются в физике высоких энергий на ускорителях и в астрофизике. В 1946 году четыре автора (Вавилов, Черенков, Тамм и Франк) за это открытие получили Сталинскую премию, а в 1958 году трое последних авторов были удостоены Нобелевской премии. Вавилова уже не было в живых, а посмертно Нобелевские премии не присуждаются. С. Вавилов был не только известным исследователем. С 1932 года и до конца жизни он много времени уделял организационной деятельности в науке. В 1932-1945 годах он был научным руководителем ГОИ в Ленинграде (ныне носящий его имя). Несмотря на неоднократные попытки властей превратить ГОИ в прикладной институт в основном для военных нужд, С. Вавилов всеми способами

поддерживал и руководил и чисто научными направлениями. С 1932 года он начинает создавать в Москве Физический институт АН СССР (ФИАН), становится его первым директором и остается им до конца своей жизни. В ФИАНе были созданы лаборатории по главнейшим направлениям физики, для руководства которыми он привлекает ведущих ученых. Несмотря на политические преследования в стране, Вавилову удается создать в институте здоровый климат. И. Франк вспоминал: «Мне повезло, что я молодым ученым был приглашен в ФИАН в 1936 году, где царила атмосфера глубокой увлеченности наукой». В первые годы С. Вавилов сам руководил помимо лаборатории люминесценции лабораторией атомного ядра ФИАН и настойчиво поддерживал в то время молодую и, как считалось, неперспективную область физики. Его усилия увенчались большими успехами ФИАН в этой области. В 1944 году сотрудник ФИАН В. Векслер опубликовал свою знаменитую статью о принципе «фазовой стабильности», используемом с тех пор во всех современных ускорителях частиц. Группа теоретиков ФИАН (И. Тамм, А. Сахаров, В. Гинзбург и др.) внесла решающий вклад в создание советской водородной бомбы, которая успешно была испытана 12 августа 1953 года к большому удивлению западных физиков.

Всю жизнь отдыхом для Сергея Ивановича было посещение букинистических магазинов и покупка книг, в основном по истории науки и культуры. Он сам написал целый ряд научных биографий знаменитых ученых (Галилей, Ньютон, Фарадей, Эйлер, Ломоносов, Лебедев, С. Ковалевская и др.). Перевел с латинского языка на русский книги Ньютона по оптике, труд Лукреция «О природе вещей» и опубликовал их со своими комментариями. К концу жизни закончил монографию «Микроструктура света».

В годы работы президентом академии (1945-1951) Сергею Ивановичу удалось много сделать для развития науки. Были созданы новые исследовательские институты (например, Институт истории естествознания и техники, Институт прикладной физики, занимавшийся исследованиями по инфракрасной технике и оптоэлектронике). Были значительно улучшены оснащение институтов приборами и материальное положение сотрудников. Вавилов всячески поддерживал на первой стадии деятельность С. Королева и его сотрудников по организации полетов ракет. Активно занимался Вавилов научным книгоиздательством – он был председателем Редакционно-издательского совета АН, главным редактором 2-го издания Большой Советской Энциклопедии, а также редактором и членом редколлегий ряда журналов (например, «Журнала экспериментальной и теоретической физики», «Приборы и техника эксперимента», «Природа») и серий изданий (например, «Классики науки»).

Однако быть президентом АН СССР Вавилову досталось во время тяжелейшей сталинской диктатуры. Постоянно шло политическое преследование целых групп населения, готовились и проводились сессии, на которых искоренялась «буржуазная идеология» и подвергались разгрому научные школы выдающихся советских ученых. В 1947 году – филологическая школа академика Марра, в 1948-м – школы генетики Н. Вавилова и Н. Кольцова, в 1950-м – физиологическая школа И. Павлова, возглавлявшаяся в то время академиком Л. Орбели. Все эти сессии заканчивались шельмованием соответствующих научных исследователей. Лишались работы и арестовывались многие ученики и сторонники этих научных школ, а сами школы переставали существовать. С марта 1949 года готовилось проведение Всесоюзного совещания по философским проблемам физики. В «идеализме» обвинялись квантовая механика и теория относительности. Объединенными усилиями Сергея Ивановича Вавилова и Игоря Васильевича Курчатова, бывшего главой ядерной программы СССР, удалось предотвратить разгром физики. Совещание так никогда и не было проведено. Конечно, для Сталина ядерная программа была важнее, чем идеологическая победа.

С. Вавилов говорил своему любимому ученику Илье Франку, которому доверял полностью: «Каждый раз, когда вызывают в Кремль, не знаю, вернусь ли домой или отвезут на Лубянку». Всем было известно, что Сергей Иванович отзывчивый и обязательный человек. Многие обращались к нему за помощью. Он выручал репрессированных ученых и их близких, подписывал письма, давал деньги из президентской зарплаты, звонил в инстанции, устраивал потерявших работу, поддерживал семью репрессированного брата. День его был уплотнен до предела. Однако необходимость участвовать в официальных мероприятиях, произносить ритуальные фразы восхвалений «великому т. Сталину», лавировать и подписывать документы, противные его совести, несмотря на благую цель продвижения своих предложений в организации научных учреждений – все это было постоянным стрессом. Постоянной была также боль от страшной судьбы брата, которая не утихала с годами. Узнав в 1943 году о смерти Николая в Саратовской тюрьме, он записал в своем дневнике: «Реакция – самому умереть любым способом».

Он выбрал способ: работать до изнеможения. Так, осенью 1950 года секретарь Сергея Ивановича в Ленинграде сообщила в Москву, что при посещении ГОИ С. Вавилову стало очень плохо, но он запретил об этом говорить. На обращении Сергея Ивановича к Сталину с просьбой о реабилитации Николая Ивановича, который продолжал оставаться «врагом народа», Берия наложил резолюцию: «Отказать».

В последний день своей жизни 24 января 1951 года Сергей Иванович как обычно в 9 часов утра был в ФИАНе, в 13 – в Президиуме АН, где допоздна вел прием. Уходя, сказал: «Завтра как всегда буду к часу». Он не дожил двух месяцев до своего шестидесятилетия – ночью скончался от сердечного приступа. Врачи обнаружили на его сердце 9 рубцов – следы, судя по всему, девяти инфарктов.

Академик Илья Франк собрал и трижды издавал «Сборник очерков и воспоминаний» о своем любимом учителе С. Вавилове. Он писал: «Все, что Сергей Иванович сделал для науки и ученых, вызывает у наших современников искреннюю признательность. То, что он совершил в период своего пятилетнего президентства, столь прекрасно и обширно, что будущие поколения будут вспоминать с уважением и благодарностью».

Борис БОЛОТОВСКИЙ,
Алевтина ШМЕЛЕВА

ОФИЦИАЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО
о присвоении названия малой планете

ИТА ITA

г.Санкт-Петербург "1" февраля 1993 г.

Институт теоретической астрономии Российской Академии Наук (ИТА РАН), возглавляющий в России работы по изучению и каталогизации малых планет Солнечной системы, от имени Международного Астрономического Союза (МАС) настоящим свидетельствует, что **МАЛАЯ ПЛАНЕТА**, зарегистрированная в международном каталоге малых планет под № 2862 и имевшая ранее предварительное обозначение 1977 JP, получила **ИМЯ** Vavilov в честь Николая Ивановича и Сергея Ивановича Вавиловых

Официальное сообщение МАС:

(2862) Vavilov = 1977 JP

Discovered 1977 May 15 by N.S.Chernykh at the Crimean Astrophysical Observatory.

Named in memory of Academician Nikolaj Ivanovich Vavilov (1887-1943), prominent botanist and geneticist, who organized and participated in many botanical expeditions to the various parts of the globe. He established the Soviet collection of plant cultures that includes more than 300 000 samples. The planet also honors his brother, Academician Sergej Ivanovich Vavilov (1891-1951), president of the U.S.S.R. Academy of Sciences from 1945 until his death, renowned for his work in the field of physical optics.

Источник: Minor Planet Circular № 11157 от "18" Sept. 1986 г.

Официальный перевод этого сообщения на русский язык:

Малая планета 2862 Вавилов открыта 15 мая 1977 г. Н.С.Черных в Крымской астрофизической обсерватории. Названа в честь академика Николая Ивановича Вавилова (1887-1943), замечательного ботаника и генетика, организатора и участника многих ботанических экспедиций в различные районы земли. Он основал советскую коллекцию растительных культур, содержащую более 300000 образцов. Планета названа также в честь его брата, академика Сергея Ивановича Вавилова (1891-1951), президента АН СССР с 1945 г. до конца жизни, прославившегося своими работами в области физической оптики.

Директор ИТА РАН (подпись) (А.Г.Сокольский)

Академия наук СССР — Институт теоретической астрономии

ВОСПОМИНАНИЕ О С.И. ВАВИЛОВЕ*

Ю. Н. Вавилов

Дядю Сережу я впервые увидел в 1932 г., когда он приехал в Ленинград, став научным руководителем Государственного оптического института (ГОИ) и директором физического отдела Физико-математического института АН СССР. Некоторое время, до получения квартиры, он жил у нас в доме, на углу Невского и улицы Гоголя, но я его видел редко. Он, по-видимому, рано уходил на работу и поздно возвращался. В это время мне было всего четыре года. Помню, что дядя подарил мне набор оловянных солдатиков.

Позднее, когда я стал ходить в школу, мы бывали в гостях у дяди Сережи и его супруги Ольги Михайловны в их квартире на Васильевском острове, на Биржевой линии, рядом с ГОИ. Там мне довелось познакомиться с ближайшими соратниками и друзьями Сергея Ивановича по ГОИ: Ильей Васильевичем Гребенщиковым[1] и Георгием Георгиевичем Слюсаревым[2], у которого была очень милая супруга Акилина Ильинична, а также их симпатичными сыновьями — Сережей Гребенщиковым и Сережей Слюсаревым. Сын дяди Сережи, мой двоюродный брат Виктор, был очень с ними дружен.

Дядя Сережа спрашивал меня: интересно ли мне учиться в школе, нравится ли мне учительница и есть ли у меня в школе друзья.

Он весело смеялся, когда узнал, что мои друзья по школе имели смешные фамилии. Один из них был Неля Конфисахар, другой — Герман Яговдик.

Уже после войны, в один из краткосрочных приездов в Ленинград из Москвы, дядя Сережа пригласил маму и меня встретить Новый 1947-ой год у него дома. Гостей было мало, кроме нас — только И. В. Гребенщиков и Г. Г. Слюсарев с супругами, жившие в одном доме с Сергеем Ивановичем.

Дядя Сережа был весел и очень раскован, часто шутил. Помню, что минут через сорок после наступления Нового года гости разошлись по домам. Мы с мамой, Гребенщиковы и Слюсаревы, зная, как был перегружен Сергей Иванович, старались не злоупотреблять его гостеприимством, дать ему возможность получше отдохнуть за ночь. Мы знали, что и в наступивший первый день Нового года Сергей Иванович будет напряженно работать. Ушли домой мы с мамой в очень хорошем настроении.

Сталинский режим, виновный в гибели миллионов людей, принес трагедию и в нашу семью. 6 августа 1940 г. моего отца арестовали в Черновцах во время экспедиции в Западную Украину. В это трудное время Сергей Иванович вплоть до своей кончины в 1951 г. оказывал моей матери и мне огромную поддержку.

В октябре сорокового года мама ездила хлопотать в Москву об освобождении отца. Она побывала и у Сергея Ивановича, который значительное время проводил в столице, будучи директором ФИАНа. Он очень тяжело переживал арест брата.

Дядя Сережа ходил к президенту Академии наук В. Л. Комарову, и они вместе составили письмо Сталину с просьбой об освобождении Н. И. Вавилова, при этом, по

* Это воспоминание было написано по просьбе любимого ученика Сергея Ивановича – академика, И.М. Франка и впервые было опубликовано в 3-ем издании Сборника, изданном И.М. Франком: «Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания». Изд-во Наука, Москва, 1991 г. Как написал сын И.М. Франка А.И. Франк: «Он (И.М. Франк, Ю.В.) до конца дней своих оставался верным памяти учителя. На протяжении 40 лет после его смерти он не жалел сил и времени для любой работы так или иначе связанной с именем Сергея Ивановича».

[1] И. В. Гребенщиков был широко известным химиком-технологом, академиком АН СССР, одним из организаторов производства оптического стекла в СССР.

[2] Профессор Г. Г. Слюсарев — один из ведущих специалистов по расчету оптических систем.

рассказу бывшего помощника Комарова А. Г. Чернова, Сергей Иванович плакал. В письме Н. П. Дубинину в 1975 г. Чернов вспоминал, что ходатайство Комарова Сталин направил Берии, (очевидно с резолюцией отказать освободить моего отца, Ю.В.) о чем ему (Чернову) сообщил помощник Сталина Поскребышев. Увы, в Архиве Академии наук ни этого письма, ни писем С. И. Вавилова нет. Они бесследно исчезли. Нет и ряда других писем в защиту арестованных ученых, о существовании которых мы знаем.

Из ныне опубликованного письма Н. И. Вавилова на имя Берии из Саратовской тюрьмы известно, что утром 15 октября 1941 г. к Николаю Ивановичу, находившемуся в Бутырской тюрьме в Москве, приходил представитель Берии и обещал, что ему будет предоставлена работа с использованием его как специалиста[3]. Однако ввиду форсирования немецкого наступления на Москву 16 октября 1941 г. Николай Иванович был этапирован в Саратов, где находился в тюрьме, в тяжелейших условиях, до своей кончины! 26 января 1943 г. Возможность работать по специальности вопреки обещаниям ему так и не предоставили.

Недавно мне стало известно, что в реабилитационном деле Н. И. Вавилова имеется записка Виктора Александровича Веснина, написанная на бланке депутата Верховного Совета СССР, президента Академии архитектуры. Он просил Генерального прокурора СССР принять мою маму, хлопотавшую об освобождении отца. Жены В. А. Веснина и С. И. Вавилова, Ольга Михайловна и Наталья Михайловна, были сестрами. Ходатайство было написано по просьбе Сергея Ивановича.

В.А. Веснин послал также письмо члену Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву, курировавшего в ЦК сельское хозяйство и сельхозакадемию (ВАСХНИЛ), в котором очень высоко оценил научную деятельность Н.И. Вавилова, ее значения для нашей страны и уверенность в его невиновности. В то тяжелейшее время сталинской диктатуры это был мужественный акт.

Как мы знаем теперь, к сожалению, ходатайства многих лиц об освобождении Николая Ивановича, даже смелые действия академика Д. Н. Прянишникова, оказались безрезультатными.

Начало войны застало нас с мамой в Подмосковье в поселке Ильинское по Казанской железной дороге, где мы жили у знакомых. Много раз я видел огненное зарево над Москвой, вызванное немецкими бомбежками и стрельбой наших зениток. Бесчисленное множество товарных составов, до отказа заполненных срочно призванными на фронт новобранцами, проносилось мимо станции...

Где-то в конце июля — начале августа брат мамы профессор К.И. Барулин, очень заботившийся о нас, организовал нашу эвакуацию в Саратов, куда мы благополучно доехали поездом. Мы не знали, что отец с конца октября 1941 г. находился в тюрьме буквально в километре от нашего дома.

О смерти отца мама и Сергей Иванович узнали в июле 1943 г. от моего старшего брата Олега Николаевича Вавилова, приехавшему в июле 1943 года в Саратов. Он прислал телеграмму дяде Сереже в Йошкар-Олу. Она хранится в фонде С. И. Вавилова в Архиве АН в Москве. Там же есть несколько писем моей мамы к Сергею Ивановичу и даже моя открытка, посланные из Саратова в Йошкар-Олу во время войны. Мне мама сказала о кончине отца только в конце 1943 года.

В Саратов мы приехали без теплых вещей, почти без денег, и маму не принимали на работу. В трудные военные годы нашей жизни в Саратове материальная и моральная помощь Сергея Ивановича была неоценимой. У меня хранятся копии упомянутых пи-

[3] Как известно, 9 июля 1941 г. Н. И. Вавилов был приговорен Особым совещанием к высшей мере наказания — расстрелу. Однако приговор не был приведен в исполнение.

сем и моей открытки к С. И. Вавилову, а также несколько писем дяди Сережи к маме в период войны.

Сергей Иванович, зная, как тяжело было маме в Саратове, заботился о моем питании и одежде, приглашал меня приехать на лето 1942 г. в Йошкар-Олу. О себе мама не беспокоилась: все ее помыслы были о судьбе мужа и единственного сына.

В своей открытке от 20 июля 1942 г. я писал:

«Дорогой дядя Сережа! Большое спасибо тебе за приглашение приехать на лето к вам. Но я решил поехать с мамой в деревню, так как не хочется оставлять ее одну в Саратове. К тому же меня, наверное, возьмут (в конце лета) со школой работать в колхоз. В деревню мы едем вверх по Волге, в 150 километрах от Саратова, к маминым знакомым. Там, говорят, неплохо с продовольствием, во всяком случае лучше, чем тут, в Саратове...»

Приведу несколько строк из письма моей матери к Сергею Ивановичу из Саратова от 7 декабря 1943 г.:

«Деньги от Вас получаем регулярно. Не нахожу слов, чтобы выразить Вам свою глубокую благодарность. Без Вашей помощи нам бы не просуществовать это время...».

Дальнейшая моя судьба сложилась удачно благодаря огромной поддержке Сергея Ивановича.

Кончилась война, и вот летом 1945 г. в наш дом на Первомайской улице в Саратове почтальон приносит телеграмму с грифом «Правительственная». В этой телеграмме было напечатано приблизительно следующее: «Научному сотруднику Академии наук СССР Ю. Н. Вавилову надлежит выехать в Ленинград вместе с матерью к месту работы». Подпись: вице-президент Академии наук СССР генерал-полковник Л. Орбели. Леон Абгарович Орбели, знаменитый физиолог, брат академика Иосифа Абгаровича Орбели, которого многие ленинградцы старшего поколения знали как директора Эрмитажа, прекрасно относился к моему отцу. Он знал, что отец ни в чем не виноват и понимал подлинные причины его ареста и гибели.

Эта телеграмма, конечно, организованная С. И. Вавиловым, была необходима для въезда в еще закрытый Ленинград. Когда мы ехали с мамой на поезде, то беспокоились, что при проверке документов может возникнуть трудная ситуация, так как мне было всего 17 лет и выглядел я юнцом, да и был еще школьником, явно не похожим на «научного сотрудника». Но в стране царила эйфория в связи с победой над Германией, и никаких проверок не было.

Приехали мы в Ленинград, а жить нам негде — наша квартира занята. И тут опять помог дядя Сережа. Он поговорил с Е. А. Толмачевой-Карпинской, дочерью первого советского президента Академии наук А. П. Карпинского,— и она любезно согласилась освободить нам с мамой временно одну из двух квартир, занимаемых семьей А.П. Карпинского в известном доме Академии наук на Васильевском острове у моста «Лейтенанта Шмита», где 26 мемориальных досок, посвященных знаменитым русским и советским ученым, жившим в этом доме, а также квартира-музей И.П. Павлова.

В Ленинграде я окончил 10 классов с серебряной медалью и поступил на физический факультет ЛГУ. На третьем курсе в 1949 г. у нас проходило распределение по специальностям. У меня возникло желание поступить на кафедру «Строение вещества» (ядерная физика) профессора Б. С. Джелепова. Ядерная физика заинтересовала меня еще в школе в Саратове, после прочтения книги А. К. Вальтера «Атака атомного ядра», оказавшейся в городской детской и юношеской библиотеке.

Для зачисления на эту кафедру полагалось заполнить специальную анкету, где была графа, в которой мне пришлось написать, что «отец был под следствием, остальное мне неизвестно». То, что отец умер, мне стало известно от брата Олега, т. е. неофи-

циально. Заранее можно было ожидать, что получится неудача с моей попыткой поступления на кафедру, которая требовала допуска к закрытым работам. Действительно, через некоторое время меня вызвал декан физического факультета Краев и заявил, что мне необходимо менять специализацию. На мой вопрос: «Почему?» — Краев резко ответил: «Не спрашивайте! Меняйте специальность!» Вскоре в Ленинград приехал дядя Сережа. Я ему рассказал о своей неудаче, но ни о чем не просил.

Через полтора месяца меня вызвали в ректорат расписаться в получении допуска к секретным работам и сказали, что я могу учиться на кафедре «Строение вещества». Этого, как потом выяснилось, добился Сергей Иванович. Летом 1950 г. после окончания 4-го курса я был направлен на студенческую практику на Памирскую высокогорную научную станцию ФИАНа, где принял участие в работах по исследованию широких атмосферных ливней космических лучей.

Работы эти проводились под общим руководством академика Д. В. Скобельцына и Г. Т. Зацепина. Непосредственным моим руководителем по работе на Памире был Г. Б. Христиансен, в то время аспирант Д.В. Скобельцына.

Подготовка аппаратуры к экспедиции на Памир проводилась в Москве в старом здании ФИАНа на 3-й Миусской улице. Месяца полтора я жил на квартире дяди Сережи в доме возле бывшей Собачьей площадки на Арбате (угол улицы Вахтангова и Дурновского переулка)[4].

В это время особенно ощущались внимание, забота и теплота по отношению ко мне Сергея Ивановича. В субботу дядя Сережа брал меня с собой на дачу в Мозжинку под Звенигородом. Там он много работал, заканчивая свою книгу «Микроструктура света», обобщавшую тридцатилетнюю работу в области микрооптики. Отдыхом для Сергея Ивановича было чтение художественной литературы на разных европейских языках. Любил он и детективы; рекомендовал мне читать Агату Кристи на английском. Книжки были привезены его сыном Виктором из США, куда он ездил в 1946 г. на полгода как секретарь Д.В. Скобельцына, работавшего советским представителем в комиссии ООН по атомной энергии.

В Мозжинку к Сергею Ивановичу приезжали его ученики и соратники. Мне довелось там познакомиться с Ильей Михайловичем Франком и Эдуардом Владимировичем Шпольским.

Находясь на даче Сергей Иванович иногда прогуливался по близлежащему лесу, любил собирать грибы. Помню, как он был доволен, когда я нашел несколько белых.

Как-то на дороге из Мозжинки в Москву, в автомобиле (Зисе 110), дядя Сережа сказал мне, что «должность президента Академии наук собачья» и он променял бы ее на работу водопроводчика. Быть президентом АН СССР в 1945—1951 гг., в период широких сталинских кампаний в науке, было ему чрезвычайно тяжело[5].

Вспоминается мне также поездка с Сергеем Ивановичем по книжным магазинам Москвы в одно из воскресений. Мы заезжали в несколько букинистических магазинов. Работники магазинов хорошо знали Сергея Ивановича и очень приветливо его встречали, знакомя с новыми поступлениями.

Из бесед с С. И. Вавиловым и работниками ФИАНа мне было известно, что он очень интересовался работами лаборатории космических лучей на Памирской станции и хорошо знал ее сотрудников. Наиболее способным он считал Г. Т. Зацепина, что прекрасно подтвердилось впоследствии.

[4] К большому сожалению, этот дом, в котором до С.И. Вавилова жил также В. И. Вернадский, был разрушен в 60-е годы в связи с реконструкцией Арбата и строительством проспекта Калинина.

[5] Подтверждением может служить эпизод, рассказанный С. П. Капицей со слов его отца (см. предисловие к статье А. С. Сонина в «Природе», 1990, № 3. с. 97). За несколько дней до кончины Сергея Ивановича академик Петр Леонидович Капица был у него в гостях в его доме на Арбате. Сергей Иванович говорил о страшной ситуации, в которой оказались ученые. «Вавилов был настолько откровенен, что Петра Леонидовича это поразило до глубины души, тем более, что большой близости между ними никогда не было...».

В течение всего периода своей учебы: на физическом факультете ЛГУ я постоянно чувствовал заботу о себе Сергея Ивановича. Часто приходили ко мне бандероли с книгами по физике и математике, отправляемые из Москвы по его просьбе его секретарем в Президиуме АН СССР Н.Л. Строгановой-Тимофеевой. После окончания ЛГУ я был рад поступить в аспирантуру ФИАНа в лабораторию космических лучей, возглавляемую профессором Н. А. Добротиным. Моим руководителем стал Г. Т. Зацепин. Это произошло в 1952-м году, к сожалению, уже после неожиданной кончины Сергея Ивановича 25 января 1951 г.

Фактически он после войны был самым близким мне человеком, не считая матери. Я очень любил Сергея Ивановича. Его преждевременная кончина, как и гибель отца, для меня и мамы была тяжелым горем.

ИЗ СПРАВКИ НАРКОМАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР О НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ЧЛЕНОВ АКАДЕМИИ НАУК СССР[1]

№812/Б *8 июля 1945 г.*

Сов[ершенно] секретно

Особая папка

Комаров Владимир Леонтьевич — президент Академии наук СССР, 1869 года рождения, беспартийный, академик с 1920 года.

Комаров В. Л. по специальности ботаник, известен как знаток восточноазиатской флоры, автор большого числа работ по систематике, вопросам видообразования, эволюции растений и по ботанической географии.

Президент Академии наук с 1936 года, дважды лауреат Сталинской премии, Герой Социалистического Труда, почетный президент Всесоюзного географического общества, член-корреспондент Французского географического общества, Американской академии политических и общественных наук, почетный член Болгарской академии наук.

Комаров свыше 25 лет тяжело болен (экзема кожи), что ограничивает его научную и общественную деятельность. Физическое состояние его настолько плохое, что он без посторонней помощи не может передвигаться.

На Комарова имеют влияние не столько ученые, сколько его окружение — жена, помощник [А. Г.] Чернов и секретарь [Б. А.] Шпаро.

Комаров неприязненно относится к академику-секретарю Академии наук академику Бруевичу и академику Байкову.

В последнее время со стороны ученых высказывается мнение, что в связи с плохим физическим состоянием президента Комарова ему следовало бы подать в отставку.

Байков Александр Александрович — член Президиума Академии наук СССР, 1870 года рождения, русский, беспартийный, академик с 1932 года, депутат Верховного Совета СССР, лауреат Сталинской премии, Герой Социалистического Труда, заслуженный деятель науки. До мая 1945 года — первый вице-президент Академии наук СССР. Председатель Всесоюзного совета научных инженерно-технических обществ.

Специальность — металлургия. Крупнейший ученый в области физической химии и ее приложения в изучении металлургических процессов. Его работы об общих принципах

[1] Полный текст справки опубликован в журнале «Исторический архив», №2, 1996 г. Справка НКГБ была направлена Сталину, Молотову и Маленкову за неделю до выборов нового президента АН СССР. Как известно, новым президентом АН СССР 17 июля 1945 года был почти единогласно избран С.И. Вавилов. **Добавление ко 2-му изданию:** Известно, что одним из академиков, голосовавшим против, был П.Л. Капица, другим Т.Д. Лысенко.

диссоциации и о контактных явлениях в пламени под влиянием твердых тел помогли определить закономерность физико-химических процессов. Точно так же работы Байкова в области изучения сплавов меди и сурьмы и о превращениях в сплавах железа с углеродом – общепризнаны и служат руководством в дальнейших научных изысканиях.

По данным агентуры, Байков А.А. в течение длительного времени научной работой не занимается и не руководит никакими научно-исследовательскими работами в Академии наук СССР. По характеру неуживчив, с большим числом академиков находится в неприязненных отношениях, в том числе с академиком Комаровым В.Л., в обращении груб и не общается в быту с учеными Академии наук, систематически в больших дозах употребляет алкоголь.

Вавилов Сергей Иванович – директор Физического института Академии наук СССР, 1891 года рождения, беспартийный, академик с 1932 года, заместитель директора Государственного оптического института, депутат Верховного Совета РСФСР, лауреат Сталинской премии, член Московского общества испытателей природы.

По специальности Вавилов – физик. Автор широко известных научных работ по флюоресценции (создал теорию), по изучению природы света. Автор многих книг и переводов (труды Ньютона).

Участник международных конгрессов. Политически настроен лояльно. В период Отечественной войны – уполномоченный Государственного комитета обороны по оптической промышленности.

Вавилов обладает организационными способностями и находится в хороших взаимоотношениях с большинством ученых Академии наук СССР и пользуется у них авторитетом. В обращении прост, в быту скромен.

Вавилов сейчас находится в расцвете своих творческих сил и ведет лично научно-исследовательские работы. Имеет крупных учеников и последователей. Известен в СССР и за границей.

Брат Вавилова С.И. — Вавилов Николай Иванович – генетик, в 1940 году был арестован и осужден на 15 лет за вредительство в сельском хозяйстве. Находясь в Саратовской тюрьме, в январе 1943 года умер.

Лысенко Трофим Денисович – член Президиума Академии наук СССР, 1898 года рождения, украинец, беспартийный, академик с 1939 года, Герой Социалистического Труда, заместитель Председателя Верховного Совета СССР, директор Института генетики Академии наук СССР, президент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина, дважды лауреат Сталинской премии.

Специальность – генетик, агробиолог. Известен достижениями в области растениеводства, автор теории стадийного развития растений.

Среди биологов Академии наук СССР Лысенко авторитетом не пользуется, в том числе и у академиков Комарова В.Л. и Орбели Л. А., причем последние приписывают ему арест Вавилова Н. И.

Лысенко, в свою очередь, в Биологическом отделении Академии наук держится особняком и не стремится найти с ведущими учеными-биологами контакта в работе. В прошедшей юбилейной сессии Академии наук участия не принимал, за исключением нескольких минут на торжественном заседании.

В Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина против Лысенко ведется борьба группой академиков во главе с академиком Прянишниковым Д. Н.

Начальник 2 Управления НКГБ *Федотов*

Верно: *Соколов.*

Разослано:

т. Сталину, т. Молотову, т. Маленкову

ГАРФ. Ф.9401. Оп.2. Д.97. Л.283-299. Заверенная копия. Машинопись.

С.И. ВАВИЛОВ И СУДЬБА СЕМЬИ Н.И. ВАВИЛОВА*

Ю.Н. Вавилов

Имена замечательных русских ученых Николая Ивановича и Сергея Ивановича Вавиловых еще долго будут привлекать внимание как биографов и историков науки, так и просто любознательных людей. Каждый прошел свой «крестный путь». Все меньше круг людей, знавших их лично, поэтому каждое свидетельство бесценно. Сегодня своими воспоминаниями делится сын Н.И. Вавилова Юрий Николаевич.

Мой отец был арестован 6 августа 1940 года в предгорьях Карпат, в нескольких десятках километров от города Черновцы, во время экспедиции в Западную Украину[1]. Его привезли в Москву во внутреннюю тюрьму НКВД на Лубянке, где почти за год следствия он пережил около 400 мучительных многочасовых допросов (1700 часов), проходивших часто в ночное время и с применением побоев[2].

9 июля 1941 года решением Военной коллегии Верховного суда СССР он был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу (вместе со своими ближайшими соратниками Г.Д. Карпеченко и Л.И. Говоровым). В приговоре Вавилов объявлялся одним из руководителей никогда не существовавшей антисоветской организации «Трудовая Крестьянская партия». В нем было также записано, что « ... Вавилов, используя служебное положение президента Сельскохозяйственной академии, директора Института растениеводства, директора Института генетики и, наконец, вице-президента ВАСХНИЛ и члена Академии наук СССР, проводил, в интересах антисоветской организации, широкую вредительскую деятельность, направленную на подрыв и ликвидацию колхозного строя и развал и упадок социалистического земледелия в СССР»[3].

Позже, уже из Саратовской тюрьмы, Н.И. Вавилов написал Л.П. Берии письмо, где есть такие строки: «... на суде, продолжавшемся несколько минут, в условиях военной обстановки, мною было заявлено категорически о том, что это обвинение построено на небылицах, лживых фактах и клевете, ни в какой мере не подтвержденных следствием. <.. .> Перед лицом смерти, как гр-н СССР и как научный работник, считаю своим долгом перед родиной заявить, ...что я никогда не изменял своей родине и ни в помыслах, ни делом, непричастен к каким-либо формам шпионской работы в пользу других государств. Я никогда не занимался контрреволюционной деятельностью, посвятив себя всецело научной работе»[4].

В день приговора отец обратился в Верховный Совет с мольбой о помиловании[5]. Такие же прошения подали Карпеченко и Говоров. На заседании Президиума Верховного Совета 26 июля 1941 года прошения были рассмотрены и отклонены[6]. 28 июля 1941 года Карпеченко и Говорова расстреляли. Исполнение приговора Вавилову было приостановлено, но лишь через год, 29 июня 1942 года, высшую меру ему заменили двадцатью годами исправительно-трудовых лагерей[7]. По-видимому, это было связано с

[*] Статья опубликована в журнале «Человек», N 4, 2002 г. Она также напечатана в сборнике «Исследования по истории физики и механики». 2001 г. М., Наука, 2002 г. под названием «С.И. Вавилов и судьба семьи Н.И. Вавилова».

[1] Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД. М., 2000. С. 72.

[2] Эти цифры назвал сам Н.И. Вавилов в письме к Берии, см.: Вавилов Н.И. Жизнь коротка, надо спешить. М., 1990. С. 637.

[3] Суд палача. С. 516.

[4] Там же. С. 519.

[5] Там же. С. 516.

[6] Государственный архив Российской Федерации Ф. Р7523сч. Оп. 66. Д. 8. Л. 82.

[7] Суд палача. С. 524.

тем, что 23 апреля 1942 года Вавилова избрали иностранным членом Лондонского Королевского общества (академии наук Великобритании). То был акт международного признания его научных заслуг.

Из того же письма известно, что 15 октября 1941 года от имени Берии Николаю Ивановичу дали обещание, что ему «будет предоставлена полная возможность научной работы как академику». Немецкие войска в это время уже вплотную приблизились к Москве, в городе началась эвакуация. Узников московских тюрем спешно отправляли в разные тюрьмы и лагеря на восток страны.

В тот же день, 15 октября, Вавилова этапировали в Саратовскую тюрьму, где в камере смертников, в тяжелейших условиях он прожил год и три месяца. Фактически один вид смертной казни был заменен другим. 26 января 1943 года отец скончался в больнице Саратовской тюрьмы № 1, по официальному документу от крупозного воспаления легких[8], фактически же от дистрофии, вызванной голодом.

Вскоре после ареста Николая Ивановича Сергей Иванович и тогдашний президент АН СССР В.Л. Комаров написали Сталину письмо о необоснованности ареста. Об этом рассказал в своих воспоминаниях помощник президента А. Г. Чернов[9]. Текст и судьба этого письма неизвестны – нельзя исключить, что Комаров побоялся его отправить.

Недавно бывший сотрудник архива ФСБ В.А. Гончаров обнаружил в следственном деле Н.И. Вавилова письмо известного архитектора, депутата Верховного Совета СССР, академика, президента Академии архитектуры СССР В.А. Веснина, адресованное секретарю ЦК и члену Политбюро ВКП(б) А.А. Андрееву, человеку из ближайшего окружения Сталина, курировавшему сельское хозяйство и сельскохозяйственную науку[10]. Вот текст этого письма:

«4 октября 1940 г.

Глубокоуважаемый Андрей Андреевич,

Препровождаю Вам письмо, полученное мною от жены академика Николая Ивановича Вавилова – Елены Ивановны Барулиной–Вавиловой.

Арест Н.И. Вавилова явился для меня полной неожиданностью.

Я близко знаю Н.И. Вавилова более 20 лет. На моих глазах он вырос в крупнейшего советского ученого с мировым именем. Знаю его как честнейшего советского гражданина с громадным энтузиазмом и полной преданностью отдававшего свои силы на служение советской науке и Родине.

Поэтому поддерживаю просьбу жены Н.И. Вавилова о Вашем содействии в скорейшем выяснении дела Н.И. Вавилова.

Депутат Верховного Совета Союза ССР

В.А. Веснин»

Именно Сергей Иванович посоветовал моей маме обратиться к Веснину с просьбой написать письмо в «высокие сферы» (жены С.И. Вавилова и В.А. Веснина были сестрами).

В конце мая 1941 года я окончил пятый класс, и мы с мамой приехали из Ленинграда в подмосковный поселок Ильинское по приглашению жены Г.Д. Карпеченко Галины Сергеевны, чтобы провести лето на даче ее родителей. Будучи сами родственниками арестованного, они не побоялись пригласить нас к себе. Это приглашение спасло меня и маму от неизбежной гибели в блокадном Ленинграде, так как эвакуировать семью бывшего директора Института растениеводства (ВИРа) новая, уже лысенковская ад-

---

[8] Там же. С 528.

[9] Сергей Иванович Вавилов Очерки и воспоминания. М., 1991 С 155.

[10] ЦА ФСБ РФ. Ф. 3 ос. Оп. 7. Д. 3 Л. 65.

министрация института, конечно, не стала бы. Отмечу, что большинство сотрудников ВИРа очень быстро прекратило контакты с мамой, опасаясь преследований НКВД.

В Ильинском, в 40 км от Москвы по Казанской железной дороге, нас застала война. С большими трудностями в конце лета нам удалось уехать в Саратов, где жила сестра мамы П.И. Барулина.

В Саратове мы оказались без теплой одежды, почти без денег. Попытки мамы устроиться на какую-нибудь посильную работу (она была инвалидом 1-й группы) оказались тщетными.

Спас нас Сергей Иванович. Мама написала ему несколько писем, где сообщала о нашем бедственном положении. Сергей Иванович немедленно откликнулся. Он стал посылать маме денежные переводы и даже каким-то образом передал обувь для меня.

В военные годы С.И. Вавилов как заместитель директора и научный руководитель Государственного оптического института (ГОИ) работал в Йошкар-Оле, куда был эвакуирован из Ленинграда институт, имевший важнейшее оборонное значение, а также в Казани, как директор Физического института Академии наук (ФИАНа), эвакуированного из Москвы. Весной 1943 года Сталин назначил С.И. Вавилова уполномоченным Государственного комитета обороны по оптической промышленности. Огромный объем работы, ответственность, которые лежали на Сергее Ивановиче, не мешали ему помнить и заботиться о людях.

Мы с мамой не знали, что отец с конца октября 1941 года находился в Саратовской тюрьме, примерно в километре от нашего дома. Упомянутое выше письмо отца к Берии заканчивается так: «Прошу и умоляю Вас о смягчении моей участи, о выяснении моей дальнейшей судьбы, о предоставлении работы по моей специальности... и о разрешении общения в той или иной форме с моей семьей (жена, два сына – один комсомолец, вероятно на военной службе, и брат – академик-физик), о которых не имею сведений более полутора лет»[11].

О месте заключения отца каким-то образом узнал летом 1943 года мой старший брат по отцу Олег Вавилов[12], тогда уже научный сотрудник ФИАНа, работавший в то время в Казани. В начале июля Олег неожиданно приехал в Саратов. Он взял меня с собой в областное управление НКВД Саратовской области. Я помню, как в окошке дежурного ему ответили, что справку об отце можно получить только в Москве. Однако Олегу все же каким-то образом удалось узнать, что отец умер в Саратовской тюрьме, и точную дату его кончины – 26 января 1943 года.

Из Саратова на свой московский адрес, где жила также его мать, 7 июля 1943 года Олег дал телеграмму о кончине отца. Вот ее текст: «Умер 26 января. Телеграммы мне шлите Саратов, Главпочтамт, до востребования, Олег»[13]. Двумя днями раньше, 5 июля Олег сообщил о кончине отца телеграммой дяде в Йошкар-Олу.

Лето 1942 года Сергей Иванович предложил мне провести у него в Йошкар-Оле. В его архиве сохранилась моя открытка от 20 июля 1942 года:

«Дорогой дядя Сережа! Большое спасибо тебе за приглашение приехать на лето к вам. Но я решил поехать с мамой в деревню, так как мне не хочется оставлять ее одну в

---

[11] Суд палача. С. 521.

[12] Олег – сын Н.И Вавилова от первого брака, родился 7 ноября 1918 года в Москве. Его мама Екатерина Николаевна Сахарова.

[13] Эта телеграмма хранится в личном архиве жены Олега Николаевича Вавилова Лидии Васильевны Курносовой. Я о ней узнал только в 2000 году.

Саратове. Там в деревне, говорят, неплохо с продовольствием, во всяком случае лучше, чем тут в Саратове...» [14].

Приведу также несколько строк из письма мамы от 7 декабря 1943 года, также им сохраненного:

«Деньги от Вас получаем регулярно. Не нахожу слов, чтобы выразить Вам свою глубокую благодарность. Без Вашей помощи нам бы не просуществовать это время...»[15]. Помощь нам Сергея Ивановича в военные годы просто неоценима.

Кончилась война, но Сергей Иванович продолжал заботиться о нас. Неожиданно в конце июля 1945 года в наш дом на Первомайской улице в Саратове почтальон принес телеграмму с грифом «Правительственная». В телеграмме говорилось, что «сотруднику Академии наук СССР Ю.Н. Вавилову надлежит выехать в Ленинград с матерью к месту работы». Подпись – вице-президент Академии наук СССР генерал-полковник Л.А. Орбели. Это была подпись знаменитого физиолога, ученика И.П. Павлова академика Леона Абгаровича Орбели. Орбели хорошо знал и ценил моего отца, был уверен в его невиновности, понимал подлинные причины его гибели.

Никаким сотрудником Академии наук я в то время, в 17 лет, конечно, не был. Телеграмму организовал С.И. Вавилов, ставший 17 июля 1945 года президентом Академии наук СССР. Она была необходима для въезда в Ленинград, который летом 1945 года еще оставался закрытым городом.

Как мне стало известно только в 70-е годы из сохранившегося в архиве Академии наук письма моей мамы Л.А. Орбели, написанного в мае 1944 года, через три с половиной месяца после снятия блокады Ленинграда, она просила помочь ей вернуться в Ленинград из Саратова. Главная причина ее стремления в Ленинград была в том, как она писала Орбели, что «пока еще не поздно, спасти ценнейшую библиотеку Николая Ивановича. Мой долг – спасти и сохранить его рукописи, работы, пока они не погибли».

В конце июля мы приехали в Ленинград, задержавшись на несколько дней в Москве. Мама побывала у Сергея Ивановича и узнала, что жить в Ленинграде нам негде – наша квартира по решению властей занята известной балериной Н.М. Дудинской. Разрешение труднейшего квартирного вопроса, связанного еще и с пропиской, также было невозможно без Сергея Ивановича. По его просьбе управляющий делами ленинградского отделения АН СССР И.А. Ванин обратился к Е.А. Толмачевой–Карпинской (дочери первого советского президента Академии наук А.П. Карпинского), и она согласилась освободить для нас временно (как потом оказалось, на целых пять лет) меньшую из двух своих квартир на углу 7-й Линии Васильевского острова и Набережной лейтенанта Шмидта, в знаменитом доме Академии наук. На стенах этого дома 26 мемориальных досок, посвященных жившим в нем знаменитым ученым, включая И.П. Павлова. В 1950 году И.А. Ванин, опять по просьбе Сергея Ивановича, помог нам получить двухкомнатную квартиру в Басковом переулке. В то время получение квартиры семьей «врага народа» считалось фантастикой.

Благодаря организованному Сергеем Ивановичем возвращению в Ленинград мама смогла начать подготовку к печати сохранившейся рукописи Н.И. Вавилова «Мировые ресурсы зерновых культур и льна и их использование в селекции». Для этого она провела большую работу вместе с учеником и соратником отца Ф.Х. Бахтеевым и другими сотрудниками Института растениеводства и Ботанического института. Опубликована книга была только в 1957 году, в Ленинградском отделении издательства АН СССР, за месяц до кончины мамы.

---

[14] Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания М , 1991. С 156.

[15] Там же.

К счастью, библиотека, а также многие рукописи Николая Ивановича сохранились. Его библиотеку перед освобождением квартиры вывезли и сберегли сотрудники Всесоюзного географического общества.

Сравнительно быстрое издание «Избранных трудов Н.И. Вавилова» в пяти томах, в 1959 – 1965 годах, также было ускорено возвращением мамы в Ленинград. Как соратник отца и доктор биологических наук, она была членом редколлегии первого тома «Избранных трудов», целиком включившего в себя его знаменитую книгу «Земледельческий Афганистан». Впервые она была издана в 1929 году по материалам полугодовой экспедиции в Афганистан 1924 года, за которую как за географический подвиг Николай Иванович получил Золотую медаль им. Н.М. Пржевальского.

В 1946 году я окончил десятый класс школы с серебряной медалью и был зачислен без экзаменов на физический факультет ЛГУ. На третьем курсе у нас происходило распределение по специальностям. Я очень хотел поступить на кафедру «Строение вещества» профессора Б.С. Джелепова и заниматься ядерной физикой. Для этого требовалось получение специального допуска, поэтому надо было заполнять анкету, в соответствующей графе которой мне пришлось написать, что «отец был под следствием, остальное мне неизвестно» (о смерти отца официальных документов мы так и не имели). Положительного решения ждать, конечно, не приходилось. Действительно, через некоторое время меня вызнал декан факультета Краев и заявил, что надо менять специализацию. На вопрос: «Почему?» Краев резко ответил: «Не спрашивайте». Пришлось мне согласиться на другую, «открытую» специализацию: «электрофизика».

Вскоре в Ленинград приехал Сергей Иванович, и я рассказал о своей неудачной попытке попасть на кафедру Б.С. Джелепова, но ни о чем его не просил. Примерно через полтора месяца меня вызвали в ректорат и попросили расписаться в получении допуска к секретным работам. Это означало возможность учиться на кафедре «Строение вещества». Вскоре я узнал от двоюродного брата Виктора, сына Сергея Ивановича, что с моим делом дядя Сережа обратился с запиской к самому Берии. Скорее всего, он передал записку через генерала госбезопасности Ф.П. Малышева, курировавшего в то время ряд важных работ ФИАНа оборонного характера. У Сергея Ивановича были хорошие отношения с Малышевым, в узком кругу он называл его «безопасным генералом».

Летом 1950 года после окончания 4-го курса физфака я был направлен кафедрой «Строение вещества» на преддипломную практику на Памирскую высокогорную научную станцию ФИАНа, где принял участие в исследовании широких атмосферных ливней космических лучей. Эти работы проводились под общим руководством академика Д.В. Скобельцына и Г.Т. Зацепина. Моим непосредственным руководителем на Памире был Г.Б. Христиансен, в то время аспирант Д.В. Скобельцына. Замечу, что допуск к секретным работам пригодился и здесь – он был необходим для работы в ФИАНе.

Экспедиция на Памир готовилась в старом здании ФИАНа на 3-й Миусской улице в Москве. Тогда я более месяца жил у дяди Сережи в двухэтажном доме* возле бывшей Собачьей площадки на Арбате. В это время особенно ощущались его внимание, теплота и забота обо мне. В субботу он брал меня с собой на дачу в Мозжинке, иногда по воскресеньям я ездил с ним по книжным магазинам Москвы.

Однажды в автомобиле, когда мы возвращались из Мозжинки в Москву, Сергей Иванович сказал мне, что должность президента Академии наук «собачья», и он с радостью променял бы ее на работу водопроводчика. Работать ему было чрезвычайно тя-

---

* Этот дом, вплоть до своей кончины в январе 1945 года занимал академик В.И. Вернадский. К большому сожалению этот дом был снесен при реконструкции Арбата в шестидесятые годы. С.И. Вавилов занял в этом доме только второй этаж.

жело. Это были годы господства в советской биологии лженаучных концепций Лысенко, годы после печально известной августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года, закончившейся разгромом советской генетики. Фактически были лишены работы многие ученики и сторонники его брата, перестала существовать наука, которую создавал и развивал Николай Иванович Вавилов. Ближайший ученик Сергея Ивановича, впоследствии Нобелевский лауреат, академик, бесконечно ему преданный Илья Михайлович Франк вспоминал: «О пресловутой сессии ВАСХНИЛ он говорил мне как о самых тяжелых днях своей жизни»[16]. Через два года состоялась еще одна, так называемая Павловская сессия Академии наук, на которой уничтожалась замечательная школа русской физиологии во главе с Л.А. Орбели.

С.И. Вавилов был настроен резко против Лысенко. Еще в 1945 году он писал в ЦК партии о нежелательности повторного избрания Лысенко в состав президиума Академии наук. Надо ли говорить, что этот призыв остался без ответа. Противостоять Лысенко значило противостоять самому Сталину и тем самым подвергать опасности всю Академию наук.

Вот что писал по этому поводу И.М. Франк в большой статье, посвященной С.И. Вавилову, которую закончил перед самой своей кончиной в 1990 году: «Бесспорно, что все происходившее делалось по прямому указанию Сталина. Сергей Иванович, конечно, понимал, что изменить ситуацию невозможно. При этом просто ученый мог говорить так, как подсказывала ему его совесть, обрекая опасности гонений прежде всего только самого себя. Но Сергей Иванович стоял во главе всей науки. Именно чувство ответственности за нее лишило его выбора. Если бы назначенный им президент выступал против Лысенко, т.е. по существу против воли самого Сталина, то это, вероятно, было бы расценено как вражеская вылазка, причем не только Вавилова, но всех ученых, которых он представлял. Страшно подумать, какой удар мог быть тогда нанесен науке. С.И. Вавилов мог жертвовать собой, и в сущности он это делал (ведь жить ему оставалось менее трех лет), но ставить под удар всю науку и других ученых для него было неприемлемо. Все, что он сделал ради науки и ученых, вызывает у наших современников искреннюю признательность».

Нередко задают вопрос: «Как мог С.И. Вавилов согласиться на санкционированную Сталиным должность президента Академии наук СССР после гибели любимого брата?» Как теперь стало известно[17], в июле 1945 года Сергей Иванович узнал, что реальным кандидатом на пост президента Академии наук мог стать А.Я. Вышинский, «страшная личность», выступавший государственным обвинителем на фальсифицированных политических процессах 1936 – 1938 годов.

Еще об одном письме Сергея Ивановича Сталину рассказал мне полковник ФСБ в отставке В.Ф. Сенников, в течение многих лет связанный с ФИАНом. По моей просьбе он записал свои воспоминания. Вот фрагмент из них:

«По набору ЦК КПСС, после окончания двухгодичных специальных курсов, я был направлен в 1954 году на работу в Министерство Государственной Безопасности (МГБ) СССР. Первое поручение мне и моим товарищам, окончившим аналогичные курсы, было заняться изучением архивных материалов на осужденных в прошлые годы к ВМН на предмет возможной их реабилитации. Этим вопросом мы занимались весь 1955 год.

Среди множества этих материалов мне особенно запомнились письма[18], адресованные лично Сталину, а именно:

[16] Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания М-, 1991 С. 49

[17] Фейнберг Е.Л. Эпоха и личность. М., 1999. С. 161.

[18] В.Ф. Сенников вспоминает также о других письмах с подобными просьбами, в частности о письме И.Е. Тамма о посмертной реабилитации его брата.

Письмо президента Академии наук СССР академика С.И. Вавилова, написанное им в 1949 году на имя И.В. Сталина с просьбой реабилитировать его брата академика Н.И. Вавилова. Письмо довольно длинное. В нем С.И. Вавилов писал о том, как они вместе проводили детские годы, какое большое влияние С.И. Вавилов оказал на него, как он помогал ему, что без этой помощи он не состоялся бы как крупный ученый. В письме подробно описывались жизнь и работа Н.И. Вавилова, его открытость, прямота в суждениях. С.И. Вавилов категорически отрицал приписанные враждебные действия со стороны Н.И. Вавилова, заявляя, что это клевета.

В конце письма С.И. Вавилов написал: «Если мой брат Н.И. Вавилов не будет реабилитирован, я не могу быть президентом АН СССР». Письмо С.И. Вавилова было написано от руки. На всех перечисленных выше письмах стояла резолюция Л.П. Берии «Отказать». О том, что указанные письма были доложены И.В. Сталину, никаких отметок, тем более росписи Сталина, не было»[19].

Н.И. Вавилов был посмертно реабилитирован 20 августа 1955 года.

Как вспоминал И.М. Франк, С.И. Вавилов, согласившись стать президентом Академии наук, «несомненно знал, что эта ноша будет непосильной, особенно в условиях диктатуры Сталина. Согласившись стать президентом, он подписывал себе смертный приговор. <...> Некоторые из встречавшихся с Вавиловым-президентом говорили о том, что работая так, как он работал, Сергей Иванович сознательно шел навстречу своей смерти. Слишком тяжела была ноша и слишком много было такого, с чем приходилось мириться, поскольку оно исходило от Сталина и приносило тяжелую душевную боль»[20].

Сергей Иванович заботился обо всех ближайших родственниках арестованного брата. Кроме меня и моей мамы он особо заботился о его старшем сыне, которого отец очень любил. Олег же не просто был привязан к отцу, он его обожал. Николай Иванович брал его с собой во многие поездки по Советскому Союзу на опытные станции Института растениеводства. Он побывал с отцом на Кавказе, в Средней Азии, в Хибинах.

В 1931 году Николай Иванович взял его на Международный конгресс по истории науки в Лондоне. Об этом он написал в письме своему хорошему знакомому, американскому ученому М.Л. Мартини: «Мой мальчик Олег растет хорошо и довольно хорошо знает английский. В прошлом году я брал его с собой в Лондон на несколько дней, и теперь он знает, что такое путешествовать одному в большом городе. Надеюсь, что когда-нибудь возьму его с собой в США»[21].

Олег с детства любил технику, с увлечением конструировал радиоприемники. В 1936 году он поступил на физический факультет Московского университета и окончил его весной 1941 года. Сергей Иванович помог ему стать сотрудником ФИАНа, где он очень скоро проявил себя как очень талантливый экспериментатор в области физики космических лучей. В двух высокогорных научных экспедициях ФИАНа на Памире Олег быстро сделал хорошую экспериментальную работу и в декабре 1945 года блестяще защитил кандидатскую диссертацию. После многолетней непрерывной напряженной работы он уехал в альпинистский лагерь Алибек на Кавказе и погиб там 4 февраля 1946 года при невыясненных до конца обстоятельствах. С большой вероятностью, как показали обнаруженные в 2007 году в государственном архиве РФ документы, это было заказное политическое убийство.

---

[19] Архив РАН. Фонд 596. Оп.2.Д.133В. Л 1.

[20] Сергей Иванович Вавилов М.1991. С 47.

[21] Письмо Н.И Вавилова М.Л Мартину. Октябрь 1932. Международная переписка Н. И. Вавилова М., 1998. Т. 3. Письмо № 139.

Недавно сотрудник Института истории естествознания и техники Ю.И. Кривоносов обнаружил в Российском государственном архиве социально-политической истории письмо с грифом «совершенно секретно», написанное 26 января 1948 года академиком-секретарем президиума АН СССР Н.Г. Бруевичем секретарю ЦК КПСС А.А. Кузнецову[22]. В нем Бруевич сообщает, в частности, что С.И. Вавилов пытался установить моей маме, Елене Ивановне Барулиной–Вавиловой, пенсию как вдове академика. Ведь Н.И. Вавилов, несмотря на арест, не был лишен звания действительного члена Академии наук СССР.

Сергей Иванович не побоялся хлопотать о пенсии, невзирая на грозившие ему в связи с этим крупные неприятности. После ареста Н.И. Вавилова, в период его мучительного заключения он делал все возможное для спасения брата, оказывал огромную помощь его семье в суровых условиях сталинской диктатуры, постоянно подвергая себя риску. Его беспрецедентная помощь позволила мне, до реабилитации отца считавшемуся сыном «врага народа», успешно окончить школу, возвратиться вместе с матерью в родной Ленинград, а затем, уже после кончины дяди, поступить в аспирантуру ФИАНа и работать в этом, одном из лучших центров физической науки в СССР, в своей любимой области – физике космических лучей.

Известие о внезапной кончине Сергея Ивановича 25 января 1951 года, всего за два месяца до его шестидесятилетия, стало огромным личным горем для меня и мамы. Я срочно выехал из Ленинграда в Москву. Прощаясь с дядей Сережей в Колонном зале Дома Союзов, где был установлен утопающий в цветах гроб с его телом, я был свидетелем нескончаемого потока людей, пришедших с ним проститься. Среди этих людей были не только ученые из Москвы, Ленинграда, многих других городов Советского Союза, но и инженеры и техники, военные и рабочие. Сергей Иванович был широко известен, многие люди относились к нему с любовью, испытав на себе или зная по рассказам его доброту и отзывчивость.

Память о Сергее Ивановиче была для моей мамы и остается для меня столь же свята, как и память об отце.

[22] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.82. Оп. 2 Д. 390. С 141-148.

БРАТЬЯ ВАВИЛОВЫ: ЖИЗНЬ И ТРАГЕДИЯ[1]

Николай был почти на четыре года старше Сергея — в детстве это очень много. Семья Вавиловых жила в Москве на Средней Пресне. Николай имел твердый характер, был смел и решителен, и ему нередко приходилось защищать младшего брата от пресненских мальчишек, вступая за него в драку.

Отец — Иван Ильич Вавилов — обычно не вмешивался в воспитание детей, предоставив это матери. Александра Михайловна Вавилова (1868—1938), урожденная Постникова, дочь художника-гравера Прохоровской мануфактуры, была добрым, обаятельным человеком, образцовой хозяйкой. Дети ее обожали, а она особенно нежно относилась к младшему сыну. В неоконченной автобиографии Сергей Иванович писал: «Мать замечательная, редкостная по нравственной высоте... окончила только начальную школу, и весь смысл жития ее была семья... Мать любил я всегда глубоко... Мало таких женщин видел я на свете».

Николай, по свидетельству самого Сергея Ивановича в набросках неоконченной автобиографии, опубликованной впервые И. М. Франком, сильно влиял на интеллектуальное развитие Сергея в период его детства и юности. Сергей Иванович пишет, что брат много читал и рассказывал ему содержание интересных книг, например, повести о Петре Великом. Из автобиографии Сергея Ивановича мы узнаем, что, учась вместе с братом в коммерческом училище, под его влиянием увлекся химией, вместе с ним начал ставить химические опыты и посещать лекции крупных ученых в Народном университете Шанявского.

Там же читаем: «Естествоиспытателем с широкими интересами и горизонтами я стал вполне годам к пятнадцати. Я прочитал Тимирязева, Мечникова, обзавелся определителями растений. Принимал я большое участие в микробиологических опытах Николая». По примеру брата он устроил домашний литературный и философский кружок. «Обсуждали классиков. Например, трилогию А. К. Толстого».

Из-за незнания латинского языка мой отец не смог поступить в Московский университет, где требовалось сдать вступительный экзамен по латыни. Сергей же Иванович учел опыт брата и самостоятельно изучил латинский язык еще в коммерческом училище и был принят на физико-математический факультет Московского университета.

Интересно, что в письме президента АН СССР С. И. Вавилова Сталину в 1949 году (его читал сотрудник КГБ СССР В. Ф. Сенников в 1955 году, в год реабилитации Н. И. Вавилова) говорилось, что только помощь и поддержка Николая позволили ему стать крупным ученым. Целью письма была просьба о посмертной реабилитации брата, без которой Сергей Иванович отказывался оставаться на посту президента Академии наук.

Как отмечал один из биографов С. И. Вавилова, профессор Леонид Вадимович Левшин, «всю последующую жизнь братья были очень близки между собой, а также проявляли трогательную взаимную заботу». Так, в письме к будущей жене, моей матери, отец во время длительной командировки в США и Европу в 1921 году писал: «Для Сергея достал книжку, которую он одобрит: отчеты всех физиков о новейших работах Wilhelm Institute, Эйнштейна и прочих. Только что вышла, но боюсь посылать по почте. Очень дорогая, 6 долларов (по нынешнему курсу более 60. — Ю. В.), и в ней кое-что для меня».

Любимый ученик Сергея Ивановича, выдающийся физик, нобелевский лауреат Илья Михайлович Франк писал о Вавиловых: «Они, братья, были очень дружны и чрез-

---

[1] Статья опубликована в журнале «Наука и жизнь» № 1, 2007.
На Вавиловских чтениях 2006 г., посвященных С.И. Вавилову, опубликованное позже сообщение Ю.Н. Вавилова было названо: «Роль Н.И. Вавилова в жизни и научном пути С.И. Вавилова».

вычайно высоко ценили талант друг друга». Многие лица, знавшие Н. И. Вавилова, вспоминали, что он в ответ на похвалу в свой адрес часто говорил: «Я-то что! Вот Сергей — это голова!» Об отношении Сергея Ивановича к брату писал и другой выдающийся ученый, также выходец из ФИАНа, академик Владимир Иосифович Векслер: «Я много раз и в разное время слышал его слова, полные преклонения перед талантом и ролью Николая Ивановича в науке».

В журнале «Вопросы истории естествознания и техники» № 2,2004 г. впервые опубликованы потрясающие дневники моего дяди за наиболее тяжелый период его жизни, связанный с арестом и гибелью любимого брата.

13 августа 1940 года, после ареста брата, он записал: «За эти дни сколько перемен и самое страшное несчастье. У брата Николая 7-го на квартире был обыск. Сам он сейчас во Львове. Значит, грянет арест, значит, рушится большая нужная жизнь, его и близких! За что? Всю жизнь неустанная, бешеная работа для родной страны, для народа. Вся жизнь в работе, никаких других увлечений. Неужто это было не видно и не ясно всем? Да что же еще нужно и можно требовать от людей? Это жестокая ошибка и несправедливость. Тем более жестокая, что она хуже смерти. Конец научной работы, ошельмование, разрушение жизни близких. Все это грозит. Эта записная книга выходит полной горя: смерть матери, сестры, теперь ужас, нависший над братом. Думать о чем-нибудь другом не могу. Хорошо, что мать умерла до этого, и так жаль, что сам не успел умереть. Мучительно все это, невыносимо».

Запись от 5 мая 1941 года: «Безнадежная тоска, опускающая руки, трагическая судьба Николая, ни минуты не выходящая из головы и парализующая все».

Находясь вместе с Государственным оптическим институтом (ГОИ) в эвакуации в Йошкар-Оле, 29 августа 1941 года он написал: «Тяжело невыносимо. Во сне видел Николая, исхудавшего, с рубцами запекшейся крови».

«13 октября 1941 г., Йошкар-Ола. Сегодня узнал из письма Елены Ивановны[1] о печальной и мрачной участи Николая. Страшно и грустно безгранично. С какой бы радостью завтра не проснулся. Никогда этого не забуду».

«5 июля 1943 г., Йошкар-Ола. Страшная телеграмма от Олега[2] о смерти Николая. Не верю. Из всех родных смертей самая жестокая. Обрываются последние нити. Реакция — самому умереть любым способом. А Николаю так хотелось жить. Господи, а может, все это ошибка?»

«26 октября 1943 г., Йошкар-Ола. Получил приглашение в НКВД. Пришла бумага относительно Николая о его смерти 26 января в Саратове, Прочел и расписался. Последняя тоненькая ниточка надежды оборвалась. Надо понять полностью — Николай умер. Опасаюсь, что сойду с ума. Смерть Николая поставила последнюю точку в той пронзительной, безотрадной картине».

В годовщину кончины брата—26 января 1944 года: «Сегодня год со дня смерти Николая. Как он умирал? Ничего не известно».

Сергей Иванович Вавилов умер 25 января 1951 года, не дожив всего два месяца до своего шестидесятилетия. Его внезапная преждевременная кончина, вне всякого сомнения, связана с чрезвычайно тяжелыми переживаниями в связи с арестом и гибелью горячо любимого брата.

Часто задают вопрос: что делал Сергей Иванович для спасения брата после его ареста? А. Г. Чернов, помощник президента Академии наук В. Л. Комарова, а письме к генетику академику Н. П. Дубинину вспоминал, как вскоре после ареста Н. И. Вавилова был свидетелем прихода моего дяди к В. Л. Комарову. Они вместе составляли текст

[1] Елена Ивановна Барулина — жена Н. И. Вавилова, мать Ю. Н. Вавилова.

[2] Олег Вавилов – старший сын Н. И. Вавилова, физик, сотрудник фИАНа.

письма Сталину с просьбой об освобождении Николая Ивановича, и при этом Сергей Иванович плакал. Но Комаров так и не отправил это письмо Сталину — побоялся.

Близким к Сергею Ивановичу сотрудникам ГОИ, находившимся вместе с ним в эвакуации, было известно и о его личном письме Сталину, написанном весной 1943 года о необходимости скорейшего освобождения брата. Он тогда еще не знал, что Николай умер в саратовской тюрьме 26 января.

В истории Родины, в нашей памяти и памяти наших потомков имена братьев Николая и Сергея Вавиловых будут неразрывно связаны.

Доктор физико-математических наук
Ю. ВАВИЛОВ

ЛИТЕРАТУРА

Болотовский Б. М., Вавилов Ю. Н., Киркин А. Н. **Сергей Иванович Вавилов — ученый и человек: взгляд с порога XXI века.** — М: Успехи физических наук, 1998, т. 168, № 5/ ФИАН им. П. Н. Лебедева.

Келер В. Р. **Сергей Вавилов.** — М.: Молодая гвардия, 1975. — (Сер. ЖЗЛ).

Левшин Л. В. **Сергей Иванович Вавилов.** 2-е изд. — М.: Наука, 2004.

Левшин Л. В. **Свет — мое призвание.** — М.: Московский рабочий, 1987. — (Сер. «Творцы науки и техники»).

Фейнберг Е. Л. Эпоха и личность. **Физики: Сборник.** — М.: Физматгиз, 2003.

Публикации журнала «Наука и жизнь»

Дергачева Л. **Академик Н.И. Вавилов.** — 1968, № 1.

Письма академика Н. И. Вавилова. — 1969, № 9 (публикация Ю.Н. Вавилова).

Памяти Н. И. Вавилова — 1972, № 11.

Басов Н. **Первый директор ФИАНа.** — 1981, № 3.

Алексеев В. **Страницы жизни великого биолога.** — 1985, № 8.

Енкен В. **Встречи с Н. И. Вавиловым.** — 1987, № 7.

Шанц Н. **В Аризоне** (воспоминания американского ученого о Н. И. Вавилове). — 1987, № 7.

Викторов Б. **Возвращение имени.** — 1988, № 5.

Фейнберг Е. **Девять рубцов на сердце** (о С. И. Вавилове). — 1990, № 8.

Есаков В. **Мифы и жизнь** (к биографии С. И. и Н.И. Вавиловых). — 1991, № 11.

Гинзбург В. **Новелла о двух директорах** (к биографии С. И. Вавилова и Д. В. Скобельцына). — 1992, № 1.

Филоненко И. **Осужденная идея** (к 50-летию со дня трагической гибели Н. И. Вавилова). — 1993, № 2.

Вавилов Ю., Рокитянский Я. **Голгофа** (о последних годах жизни академика Н. И. Вавилова). — 1994, № 8.

ИНФОРМАЦИЯ О ВЫСТУПЛЕНИИ Ю.Н. ВАВИЛОВА НА СЕМИНАРЕ «НАУКА И ОБЩЕСТВО» В ЕВРОПЕЙСКОМ ЦЕНТРЕ ЯДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (ЦЕРН) В БЮЛЛЕТЕНЕ ЦЕРН N 47/2002.

РЕЗЮМЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ Ю.Н. ВАВИЛОВА НА СЕМИНАРЕ «НАУКА И ОБЩЕСТВО» В ЦЕРН 21 НОЯБРЯ 2002 г.

Четверг 21 ноября
Начало в 16 часов 30 мин. * Главная аудитория 500
Работа и жизнь С.И. Вавилова
Ю.Н. Вавилов
Организатор Джеймс Джиллис (James Gillies).

Сергей Иванович Вавилов (1891-1951) был выдающимся русским физиком и президентом Академии наук СССР. Его жизнь представляет интерес не только для истории физики, но также для истории советского общества. Он совершил фундаментальные исследования по физической оптике и люминесценции. Его наиболее известными открытиями были: обнаружение нелинейного оптического эффекта в 1926-м году и открытие излучения Вавилова—Черенкова в 1934-м году. В 1932-м году он был назначен научным руководителем исследований в Государственном оптическом институте (ГОИ) в Ленинграде.

В 1934-м году он становится организатором и первым директором Физического института имени П.Н. Лебедева академии наук СССР (ФИАНа) в Москве. С.И. Вавилов внес огромный вклад в развитие исследований и рост обоих институтов. ГОИ способствовал появлению в России современной оптической промышленности, которой ранее у нее вообще не было.

Под руководством С.И. Вавилова ФИАН вырос от маленькой лаборатории до мультидисциплинного института, каковым он является в настоящее время. С.И. Вавилов внес большой организационный вклад в развитие в СССР ядерной физики и физики космических лучей.

В июле 1945 года С.И. Вавилов был избран президентом Академии наук СССР. Будучи президентом Академии наук, С.И. Вавилов много сделал для развития науки в СССР: значительно улучшилось оснащение институтов современными научными приборами; значительно возросла зарплата научных работников, число научных публикаций сильно возросло. Вавилов также заботился об организации всей советской науки, развития высшего образования в стране, практическому использованию достижений фундаментальной науки.

К несчастью, огромные административные нагрузки не оставляли ему достаточно время для собственных исследований. Однако Вавилов не мог изменить эту ситуацию: он был цельной натурой и у него общественные интересы превалировали над личными.

Будучи президентом Академии наук в период жестокого сталинского режима в стране, уничтожевшего его старшего брата, биолога Николая Вавилова, он испытывал постоянный стресс. Здоровье его было сильно подорвано и он скончался за два месяца до своего шестидесятилетия.

В выступлении Ю.Н. Вавилова будет содержаться краткий обзор богатых событиями жизни С.И. Вавилова и, в частности, все еще недостаточно известные подробности открытия излучения Вавилова—Черенкова.

Перевод *Ю.Н. Вавилова*

ВОСПОМИНАНИЕ О Е.Л.ФЕЙНБЕРГЕ. «БОЛЬШОЙ ПОЧИТАТЕЛЬ БРАТЬЕВ С.И. И Н.И. ВАВИЛОВЫХ»

Ю.Н. Вавилов

О Евгении Львовиче, как известном физике ФИАН, я впервые узнал в 1950 году, просматривая в библиотеке ФИАН сборник под названием «Мезон», (издан в 1947 году) посвященный различным вопросам физики космических лучей. В этом сборнике была большая статья Евгения Львовича, посвященная распаду μ-мезона.

Среди других авторов сборника были такие выдающиеся физики ФИАН как И.Е.Тамм, М.А.Марков, В.Л.Гинзбург, С.З.Беленький.

В этот 1950 год я был студентом 4-го курса и приехал из Ленинграда в Москву для прохождения преддипломной практики в ФИАНе, сначала в Москве, а потом на Памирской высокогорной научной станции ФИАН.

Большинство физиков знают о чрезвычайной многогранности научной деятельности Евгения Львовича как физика: он хорошо известен как крупнейший специалист в области радиофизики, автор известной монографии «Распространение радиоволн вдоль земной поверхности». Несмотря на то, что первое издание книги было в 1961 году, эта книга была переиздана в 1999 году ввиду важности развитой Е.Л. теории распространения радиоволн и для настоящего времени. О новой публикации этой книги я узнал в одно из посещений Евгения Львовича на его квартире, увидя книгу на его рабочем столе. Я поздравил Е.Л. в связи с выходом в свет нового издания книги. Этому событию, как было видно, Е.Л. был очень рад.

Е.Л.Фейнберг мне был особенно известен как специалист в области ядерной физики и физики космических лучей.

Помимо уже упомянутой работы о распаде мюона, Е.Л. опубликовал ряд работ по множественному рождению частиц при взаимодействии адронов высоких энергий.

Я помню его выступления в бурных дискуссиях с участием С.Н. Вернова и Г.Т. Зацепина, о файер-боллах на семинарах лаборатории космических лучей в конференц-зале ФИАНа. Тогда, в пятидесятые – семидесятые годы этот семинар был фактически общемосковским семинаром по космическим лучам.

Евгений Львович много сделал для подготовки молодых ученых института. Так, например, программа кандидатского минимума по физике была составлена при его большом участии.

В период моей аспирантуры в лаборатории космических лучей ФИАН мой руководитель Г.Т. Зацепин для экзамена по физике космических лучей по программе кандидатского минимума дал мне тему доклада: «Образование электрон-позитронных пар гамма-квантами».

В докладе надо было рассказать о квантовой теории этого эффекта. Пришлось основательно изучить некоторые параграфы известной книги Гайтлера «Квантовая теория излучения».

Во время экзамена (председателем экзаменационной комиссии был Е.Л.Фейнберг) я очень волновался, но мой доклад прошел хорошо и после дополнительных вопросов я получил общую оценку «отлично». На протяжении всего экзамена я чувствовал очень благожелательное отношение Евгения Львовича.

В марте 1958 года я защищал в ФИАНе кандидатскую диссертацию. После выступлений официальных оппонентов академика Груз.ССР Э.Л.Андроникашвили и Л.И. Сарычевой выступил Евгений Львович. Он хорошо оценил диссертацию, в част-

ности одобрил проведенный в диссертации расчет распределений потоков энергии на периферии широких ливней по недавно созданной Ландау гидродинамической теории множественного рождения частиц в акте сильных взаимодействий при высоких энергиях. Мне было очень приятно услышать похвалу от Е.Л.

Постепенно за многие годы работы в ФИАНе у меня установились с Евгением Львовичем теплые дружеские отношения. Помню, что в период, когда я очень интересовался процессом прямого (быстрого) рождения мюонов, Е.Л. дал мне прочитать свою статью, еще в рукописи, написанную его рукой, посвященную статистическому механизму рождения прямых лептонов.

Евгений Львович был большим почитателем моего дяди С.И. Вавилова, а также отца, Н.И. Вавилова.

Особо хочется отметить большую роль Е.Л.Фейнберга в опровержении необоснованных нападок на доброе имя Сергея Ивановича, вынужденного согласиться с предложением правительства (фактически самого Сталина) стать президентом Академии наук СССР в июле 1945 года, всего через два с половиной года после трагической кончины его брата, в саратовской тюрьме. Арест моего отца, как теперь известно, был одобрен Сталиным. Более того, Сталин отклонил его просьбу о помиловании после приговора к расстрелу.

В своей известной прекрасной книге «Эпоха и личность» о знаменитых физиках 20-го века, которых Е.Л. лично знал, он посвятил С.И. Вавилову великолепные 50 страниц, куда включил ранее опубликованные им в журналах статьи о С.И. Вавилове, значительно их дополнив.

В этой книге Евгений Львович назвал С.И. Вавилова «физиком божьей милостью». И далее в той же книге: «Он (С.И. Вавилов) был предан культуре, прошлой и настоящей – всего человечества». «Его эрудиция в области искусства, литературы, истории была необъятна». Я был очень признателен Евгению Львовичу, подарившему мне два издания своей книги.

Евгений Львович очень подробно и убедительно показал в своей книге необоснованность мнений о С.И. Вавилове, как о человеке якобы верно служившему Сталину, а также неправильности его противопоставления брату, Н.И. Вавилову.

Е.Л. Фейнберг писал: что «С.И. Вавилов был вынужден называть Сталина «корифеем науки» как и некоторые другие лица, ранее придумавшие этот термин». В книге Е.Л. в этой связи сказано: «Это было унижением, на которое С.И. Вавилов шел, чтобы иметь возможность сделать для нашей науки то огромное дело, которое он совершил».

Мне известно, что Евгений Львович потратил много времени, рассказывая известному кинорежиссеру Александру Прошкину о С.И. Вавилове в период работы Прошкина над многосерийным фильмом «Николай Вавилов», в котором одна из серий была целиком посвящена С.И. Вавилову.

Я очень благодарен Е.Л. также за теплые слова о моем отце, которые содержатся в его книге «Эпоха и личность».

В своей книге «В долгом поиске» (книга о братьях Н.И. и С.И Вавиловых) к одной из глав я дал эпиграфом слова из мемуаров Е.Л.: «В наши дни судьбу Николая Ивановича Вавилова вполне правомерно сопоставляют с судьбой Джордано Бруно».

Мне было очень приятно, что на мой юбилей в 2003 году пришел Евгений Львович вместе со своим большим другом Виталием Лазаревичем Гинзбургом.

В заключение хочу повторить несколько слов из своего выступления на юбилее Евгения Львовича в 2002 году по случаю его девяностолетия: «Я очень благодарен Е.Л. в частности за то, что он воспитал таких великолепных учеников как Д.С.Чернавский, И.М.Дремин и покойный Г.А.Милёхин».

Я был очень дружен с талантливым физиком, рано умершим Г.А. Милёхиным и дружу с Д.С. Чернавским, И.М. Дреминым и И.И. Ройзеным. Эти ученики Евгения Львовича помогали мне в моей научной работе ценными советами, консультациями и в других делах.

Память о Евгении Львовиче, светлом, благородном человеке, одним из тех выдающихся фиановских физиков, кто был лицом ФИАНа, как в период его расцвета, так и в трудные годы после развала Советского Союза и нашей науки, навсегда сохранится в наших сердцах.

СЛОВО ПАМЯТИ БРАТЬЕВ ВАВИЛОВЫХ*

И.М. Франк[1]

6 января 1989 года Ленинградское отделение Советского фонда культуры провело вечер, посвященный памяти выдающихся ученых — братьев Вавиловых, Николая Ивановича и Сергея Ивановича. Приглашение принять участие в этом вечере получил и Илья Михайлович Франк. Приехать в Ленинград он не смог, но счел своим долгом подготовить текст выступления, который передал участникам вечера — сыну Н.И. Вавилова Юрию Николаевичу и его коллеге по работе в ФИАН Вадиму Матвеевичу Максименко.

На вечере, проходившем в конференц-зале Ленинградского отделения АН СССР, В.М. Максименко от имени академика И.М. Франка зачитал «Слово памяти братьев Вавиловых».

Текст готовился для устного выступления, автор предполагал в дальнейшем его дополнить и доработать для публикации. С согласия И.М. Франка в еженедельнике «Дубна» (№5, 11 февраля 1989 года) было напечатано «Слово памяти братьев Вавиловых» в том виде, в каком оно было прочитано в Ленинграде.

Мировая наука и вместе с ней все мы уже отмечали сто лет со дня рождения великого ученого Николая Ивановича Вавилова. Приуроченный к этой дате сборник «Николай Иванович Вавилов. Очерки, воспоминания, материалы» был напечатан в 1987 году издательством «Наука». Несмотря на это наш долг по увековечиванию памяти Николая Ивановича выполнен не полностью.

О нем пишут сейчас и, несомненно, будут продолжать писать еще долго. Каждый из тех, кто знал братьев Вавиловых, работал вместе с одним из них или учился у них, не может не сохранить до конца своей жизни благодарную память о них. Обаяние их личностей и их влияние на окружающих были исключительными. Как объяснить это тем, кто на себе не испытал их влияния, я не знаю. Надеюсь только, что кто-то из тех, кто будет жить после нас, найдет те точные и яркие слова, которые дойдут до сердца каждого, кто их услышит и поможет пониманию секрета их обаяния. Уверен, что подвиг жизни замечательных ученых и патриотов братьев Вавиловых забыт не будет. О каждом из них еще многое предстоит сказать.

---

* Данный текст был опубликован в еженедельнике «Дубна» (N 5, 11 февраля 1989 года), а также в книге «И.М. Франк. К 90-летию со дня рождения», Дубна, ОИЯИ, 1998.

[1] Илья Михайлович Франк (1908 — 1990), выдающийся советский физик, ученик С.И. Вавилова, академик, лауреат Нобелевской премии. Нобелевская премия И.М. Франку была присуждена в 1958 году за создание вместе с И.Е. Таммом теории эффекта Вавилова—Черенкова *(примеч. Ю.Н. Вавилова)*.

Далеко не каждому известному ученому суждена такая славная судьба — оставаться современником развития науки и культуры через десятилетия после своей смерти, хотя, конечно, никто не должен быть забыт.

Специалисты еще долго будут изучать научное наследство Николая Ивановича. Многие из трудов братьев Вавиловых нуждаются в переиздании.

На мою долю не выпало счастья быть знакомым с Николаем Ивановичем, но я многое знал о нем от его любимого брата Сергея Ивановича, с которым познакомился еще студентом в двадцатые годы, у которого учился и рядом с которым работал до конца его жизни.

Чем дольше и чем ближе я знал Сергея Ивановича, тем больше поражался разносторонности его знаний в области физики, умению всегда быть в курсе всех новостей научной литературы. Обширность его знаний в области истории науки и культуры и богатство его памяти были поразительными. Изданная им в тяжелые годы войны к 300-летию со дня рождения Ньютона книга «Исаак Ньютон», пожалуй, лучшая книга об ученом, которую мне довелось читать. Думаю, что о С.И.Вавилове как историке науки до сих пор сказано мало. Об этом еще необходимо писать. Недостаточно изучен и огромный вклад Сергея Ивановича в развитие советской науки и культуры в первые послевоенные годы.

Как бы ни был занят Сергей Иванович, а в последние годы жизни объем его работы был колоссален, он всегда находил время для неторопливых бесед с нами, расспрашивая о том, чем мы заняты, и делясь своими идеями и замыслами, многие из которых остались незавершенными. Жизнь его оборвалась рано.

Сейчас я думаю о том, что сравнительно скоро, 24 марта 1991 года, исполнится сто лет со дня рождения Сергея Ивановича. Очень хотелось бы, чтобы к этой дате вышел третьим изданием сборник «Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания». Первое издание было напечатано в 1979 году и второе — к 90-летию со дня рождения Сергея Ивановича в 1981 году. Оба издания содержат мое предисловие и мою вступительную статью «Что мы хотим рассказать о Сергее Ивановиче Вавилове».

У меня нет никаких оснований отказываться от чего-либо содержавшегося в моей статье, но я хотел бы дополнить ее тем, о чем ранее сказать было трудно. Я намерен это сделать в ближайшее время, считая эту работу своим долгом.

Не знаю, сумею ли найти и сказать слова, правильно отражающие мои чувства любви и уважения к памяти братьев Николая и Сергея Вавиловых.

Несколько слов о сборнике, который хотелось бы переиздать. Ко времени юбилея Сергея Ивановича в 1991 году пройдет уже свыше сорока лет после его скоропостижной кончины — 25 января 1951 года. Необходимо понимать, что основными читателями книги будут те, кто никогда не встречался с Сергеем Ивановичем и, быть может, не очень много о нем знают. И не все будет легко им объяснить: за сорок лет наша жизнь сильно изменилась, изменились и мы сами. Читателям книги надо в первую очередь рассказать, кем был Сергей Иванович как человек и ученый. Не случайно в обоих изданиях сборника, посвященного С.И.Вавилову, основное место занимают личные воспоминания его друзей и учеников. Именно эту часть книги дополнять теперь особенно трудно.

Круг лиц, близко знавших как Сергея Ивановича, так и Николая Ивановича, очень сузился. Многих из тех, кто успел оставить о них свои воспоминания, также уже нет с нами. Но то, что они успели написать, будет читаться и поможет нам больше узнать о братьях Вавиловых. Они, братья, были очень дружны и чрезвычайно высоко ценили талант друг друга. Николаю Ивановичу еще до своего ареста пришлось пережить многое. Бесследно исчезали близкие ему видные ученые, в виновность которых он наверняка не верил. Но он работал, ни в чем не изменяя своим научным принципам, продол-

жая выполнять свой патриотический долг служения стране и науке. В 1940 году его, как мы знаем, арестовали.

Надо ли говорить, какой трагедией это было для Сергея Ивановича. Конечно, ни тогда, ни позже у него не возникало даже тени подозрения в том, что Николай Иванович может быть в чем-то виновен. Он много раз говорил об этом нам, работавшим рядом с ним. Тяжелое потрясение, связанное с этим трагическим событием, несомненно, сказалось на состоянии его здоровья и, несомненно, укоротило и без того невероятно трудную его жизнь. Писать об этом еще недавно было непросто. Все же академик Векслер в своих воспоминаниях, написанных незадолго до своей смерти, в 1966 году сказал такие слова, которые мне удалось опубликовать.

Сергей Иванович говорил, в частности, мне, что не может и мысли допустить о виновности брата. Он настолько любил Николая Ивановича, что это сказалось не только на его душевном состоянии, но и на здоровье в течение последующих лет. Не помню когда, но он говорил мне, что истина всегда в конце концов берет верх над ложью, но иногда для этого не хватает человеческой жизни. Да, жизни Сергея Ивановича не хватило. После его кончины прошли еще годы до тех пор, пока Николай Иванович был посмертно реабилитирован. Почему судьба его брата не постигла самого Сергея Ивановича, как и многое другое из событий того времени, объяснить нельзя. Сказанное о влиянии пережитого на состояние его здоровья — не просто слова. Уже в следующем, 1941 году, он впервые почувствовал себя плохо. На здоровье он никогда никому не жаловался и категорически отказывался показаться врачу. Думаю, это был единственный раз, когда мне пришлось прибегнуть к обману, и не без помощи его секретаря Анны Илларионовны нам все же удалось отвезти Сергея Ивановича в поликлинику Академии наук. Его немедленно уложили в больницу. Не знаю наверное, но думаю, что это было начало той болезни сердца, которая унесла его в могилу.

Шли последние предвоенные дни. Не понимаю, как это могло произойти, но с начала войны Сергей Иванович вновь руководит Физическим институтом и готовит его к эвакуации в Казань. При этом Государственный оптический институт, в котором Сергей Иванович также был руководителем, эвакуировали из Ленинграда в город Йошкар-Ола. У Сергея Ивановича была тяжелейшая жизнь, так как он вынужден был бывать и в Казани, и в Йошкар-Оле и ездить, стоя в переполненном вагоне поезда, а бытовые условия в то время были очень тяжелыми. От работавших в Йошкар-Оле я знаю, что Сергей Иванович послал ходатайство в защиту Николая Ивановича. Ни в одном из доступных нам архивов найти это письмо не удалось, но ведь и до сих пор нет доступа ко многому. Реакция на письмо Сергея Ивановича последовала довольно быстро. Он получил экстренный вызов в Москву. Провожавшие его не без основания опасались, что участь Сергея Ивановича решена и обратно он уже не вернется. Однако действия Верховного были не просто жестоки — они были непредсказуемы. Сергей Иванович оказался назначенным уполномоченным Государственного Комитета Обороны по оптической промышленности. Он с честью выполнял свой патриотический долг и, несомненно, внес большой вклад в дело обороны страны. Жизнь его стала еще труднее, но главные беды были впереди.

Через несколько лет победоносно завершилась Великая Отечественная война. Перед страной стояла огромная задача по восстановлению народного хозяйства. Естественно, что высокие требования предъявлялись и к науке. Нужно было не просто залечивать раны, нанесенные войной, — нужно было поднять науку на новый, более высокий уровень, необходимый для решения таких грандиозных задач, как проблема атомной энергии и освоение космоса.

Президент Академии наук, известный ученый Владимир Леонтьевич Комаров был болен. Он уже отошел от руководства наукой, подал в отставку и вскоре скончался. Выборы президента в то время были простой формальностью. Вопрос решал персонально Сталин. Почему он остановился на кандидатуре беспартийного ученого, Сергея Ивановича Вавилова, было непонятно. Были ли у него другие кандидаты на этот пост, мы никогда не узнаем, хотя среди них могли оказаться такие страшные люди, как Вышинский или Лысенко. Тем, кто не жил в те годы, вероятно, трудно понять, что указания вождя обсуждать было невозможно, — их нужно было беспрекословно выполнять, другой возможности просто не было. Но еще при жизни Сергея Ивановича нам стало понятно, что сам он сознавал, на что обрекает его пост президента Академии наук. Он видел сложность и масштаб задач, стоящих перед наукой, трезво учитывал обстановку периода культа личности Сталина, в которой их предстоит решать и жертвой которого он мог стать в любой день.

Вспоминая теперь объем работы, выполняемой каждодневно Сергеем Ивановичем, невольно думаешь, что, став президентом, он сознательно шел навстречу своей смерти. Но еще при жизни ему пришлось пережить страшные дни сессии ВАСХНИЛ 1948 года, завершившей разгром биологической науки, о которой говорил с ужасом, а также различного рода кампании борьбы с низкопоклонством и космополитизмом и т.п. Он не был в состоянии их предотвратить, но делал все возможное, чтобы помочь тем, кто подвергался гонениям и проработкам. После его смерти я встречал людей, которые говорили: «Знаете, а меня спас Сергей Иванович».

Не знаю, когда и как ему стало известно о смерти своего любимого брата, но это была незаживающая рана. Не могу восстановить в памяти и то, когда Сергей Иванович сказал мне проникнутые болью слова: «Меня уверяли, что Николай Иванович содержится в хороших условиях, а теперь выяснилось, что умер он в тюрьме от истощения». Ходатайства Сергея Ивановича не только остались безрезультатными, но его еще и обманывали. Оставаясь по-прежнему таким же простым, внимательным и доступным в отношении всех, кто к нему обращался, он был совершенно беспощаден к самому себе. Будучи тяжело больным, он до последнего дня своей жизни не отказался ни от какой из своих многочисленных обязанностей. Подвиг, совершенный им ради развития науки и культуры, огромен. Выполняя его, он считал это патриотическим долгом, ради которого жертвовал своей жизнью. Не только мы, но и будущие поколения будут хранить благодарную память о братьях Вавиловых.

1989 г.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. И. ВАВИЛОВА[1]

1. Роскин А. Караваны, дороги, колосья. М., Изд. «Молодая гвардия», 1932.
2. Вопросы эволюции, биогеографии, генетики и селекции. Сборник, посвященный 70-летию со дня рождения академика Н.И. Вавилова. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1960.
3. Ревенкова А. И. Николай Иванович Вавилов. М., Сельхозиздат, 1962.
4. Рядом с Н. И. Вавиловым. Сборник воспоминаний/ сост. Ю. Н. Вавилов. М., «Сов. Россия», 1963.
5. Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилов. Научная сессия, посвященная 75-летию со дня рождения Н. И. Вавилова. М., Л., Наука, 1966. Отв. редактор Л. Е. Родин.
6. Поповский М. А. Надо спешить! Путешествия академика Н. И. Вавилова. М., Дет. лит., 1968.
7. Резник С. Е. Николай Вавилов, М., «Молодая гвардия», 1968 (Жизнь замечательных людей).
8. Мир идей Вавилова. /Сост. Ал. Канторович. М., Знание, 1968.
9. Н. И. Вавилов и сельскохозяйственная наука, М., Изд. Колос, 1969.
10. Рядом с Н. И. Вавиловым. Сборник воспоминаний. Изд. 2-е./Сост. Ю. Н. Вавилов. М., Сов. Россия, 1973.
11. Короткова Т. И. Н. И. Вавилов в Саратове (1917 – 1921). Докум. очерки. Саратов. Приволжское кн. изд-во, 1978.
12. Андреева Е. В. Неутомимый следопыт. Л., Дет. лит., 1979.
13. Голубев Г. Н. Великий сеятель: Николай Вавилов. Страницы жизни ученого. М. Молодая гвардия, 1979.
14. Николай Иванович Вавилов. Научное наследство. Том 5. Из эпистолярного наследия, 1911 – 1928 гг., Сост. В. Д. Есаков, М., Наука, 1980.
15. Медников Б. Н. Закон гомологической изменчивости: к 60-летию со дня открытия Н. И. Вавилова. Изд. «Знание», М., 1980.
16. Бальдыш Г. М. Посев и всходы. М., Знание, 1983.
17. Резник С. Е. Дорога на эшафот. Изд. «Третья волна». Париж – Нью-Йорк, 1983.
18. Грум-Гржимайло А. Г. В поисках растительных ресурсов мира. Некоторые научные итоги путешествий акад. Н. И. Вавилова, Наука, Лен. отд., 1986 (Изд. 2-е, доп.).
19. А.П. Дергачева. Проблемы философии в творчестве академика Н.И. Вавилова. Кишинев, Штиница, 1986.
20. Бойко В. В., Виленский Е. Р. Николай Иванович Вавилов. М., Агропромиздат, 1987.
21. Зигуненко С. Н., Малов В. И. Н. И. Вавилов. М., «Просвещение», 1987.
22. Научное наследство. Т. 10. Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия: 1929 – 1940 гг., Сост. В. Д. Есаков, М., Наука, 1987.
23. Бальдыш Г. М., Панизовская Г. И. Николай Вавилов в Петербурге-Петрограде-Ленинграде. Л., Лениздат, 1987.
24. Николай Иванович Вавилов. Материалы к биоблиографии ученых СССР, Изд. 3-е. М., «Наука», 1987.
25. Николай Иванович Вавилов (к 100-летию со дня рождения. Материалы к биобиблиографии деятелей с.х. науки. ВАСХНИЛ, Ц. НСХБ.ЛО ЦНСХБ). Л. 1987.
26. Николай Иванович Вавилов. Очерки, воспоминания, материалы, Составитель Ю.Н. Вавилов (при участии Е. С. Левиной, В. Д. Есакова). М., Наука, 1987.

[1] Перечислены только книги, целиком посвященные Н. И. Вавилову.

27. Природа 1987, N 10, посвящен Н. И. Вавилову.
28. Короткова Т. И. Идти впереди жизни (Страницы саратовской биографии Н.И. Вавилова. Саратов. Приволжское кн. изд-во, 1987.
29. О.Н. Шадыро. Гомологические ряды изменчивости в биологии и химии (к 100-летию со дня рождения Н.И. Вавилова). Минск, Изд-во Университетское, 1987.
30. Николай Иванович Вавилов (к 100-летию со дня рождения). Сборник. Сост. В. И. Иванов. М., Изд-во «Знание», 1987.
31. Латинская Америка в трудах и творческом наследии академика Н. И. Вавилова. М., АН СССР. Институт Латинской Америки. Отв. Ред. А. И. Сизоненко, 1987.
32. Бахтеев Ф. Х. Николай Иванович Вавилов. Новосибирск, «Наука». Сибирское отделение, 1988.
33. Дяченко С. С. «Звезда Вавилова» (киносценарий фильма «Звезда Вавилова») М., Изд-во «Искусство», 1988.
34. Эволюционные исследования. Вавиловские темы. Сборник научных трудов. АН СССР. Дальневосточное отделение. Биологопочвенный институт. Владивосток, 1988.
35. Вавиловское наследие в современной биологии. Отв. ред. В. К. Шумный. Составители: Е. В. Левитес, А. А. Родина. М., «Наука», 1989.
36. Н. И. Вавилов. Жизнь коротка, надо спешить. Публицистика классиков науки. Составители Ю. Н. Вавилов, М. Е. Раменская. М., Изд. «Сов. Россия», 1990.
37. Поповский М. А. Дело академика Вавилова, М., «Книга», 1991.
38. Синская Е. Н. Воспоминания о Н. И. Вавилове. Киев, «Наукова Думка», 1991.
39. Ивин М. Е. Судьба Николая Вавилова. Изд. “Советский писатель”. Ленинградское отделение. Л., 1991.
40. Соратники Николая Ивановича Вавилова, исследователи генофонда растений. С-Пб. ВИР, 1994.
41. Братья Николай и Сергей Вавиловы. М., ФИАН, 1994 (редактор В.М. Максименко).
42. Николай Иванович Вавилов: Научное наследие в письмах. Международная переписка. Под общей редакцией акад. Р. В. Петрова, акад. В. К. Шумного, акад. РАСХН А. А. Жученко. Москва, «Наука»

Том I, 1994.	1921 – 1927	Отв. ред. чл.-корр. РАСХН В. А. Драгавцев
Том II, 1997.	1927 – 1930	Отв. ред. чл.-корр. РАН Л. Н. Андреев
Том III, 2000.	1931 – 1933	Отв. ред. акад. Ю. П. Алтухов
Том IV, 2001.	1934 – 1935	Отв. ред. акад. С. В. Шестаков
Том V, 2002.	1936 – 1937	Отв. ред. акад. В. К. Шумный
Том VI, 2003.	1938 – 1940	Отв. ред. акад. А. А. Жученко

43. Н. И. Вавилов. Документы. Фотографии. Составители Н. Я. Московченко, Ю. А. Пятницкий, Г. А. Савина. Российская академия наук. Архив. С.-Пб., 1995.
44. Демченко О. А. Изучение жизни и творчества Н. И. Вавилова в школе и вузе: Учеб.-метод. пособие/Пед. ин-т Сарат. гос. ун-та. Саратов, 1998 (ч. 1).
45. Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД. Биографический очерк. Документы. Сост. Рокитянский Я. Г., Вавилов Ю. Н., Гончаров В. А. М., «Academia», Изд. 1, 1999. Изд. 2, 2000 г.
46. Николай Иванович Вавилов и страницы истории советской генетики. Автор-составитель, член-корр. РАН И. А. Захаров. РАН. Ин-т общей генетики им. Н. И. Вавилова. М., 2000.
47. Бережной П. П., Удачин Р. А. На костре. Книга об академике Н. И. Вавилове, М., Изд. «Барс», 2001.
48. Николай Иванович Вавилов. К 115-летию со дня рождения. Библиографический указатель. Саратов 2002 г. Издание Саратовского гос. аграрн. ун-та.

49. Рокитянский Я.Г. «Николай Вавилов. Историческая драма». М., Изд. «Academia», 2003; 2004 г. – 2-ое изд.
50. Рокитянский Я.Г. Сын гения. Олег Николаевич Вавилов. Журнал «Человек» 2003, N 6, с. 111-130; 2004, N 1, с. 141-153.
51. Глазко В.И. Николай Иванович Вавилов и его время. Хроника текущих событий, Киев, PANOVA, 2005.
52. Ольга Дряновска. Николай Иванович Вавилов. НУ, София, 1987.
53. Ревенкова А.И. Н.И. Вавилов. Земиздат, 1969 г. (на болгарском языке).
54. Golubev G. The great sower: Pages from the life the scientist, M., Изд. Мир, 1987.
55. Golubev G. Nikolai Vavilov el gran sembrador. M., Изд. Мир, 1987.
56. Loskutov Igor G., Vavilov and his institute, International Plant Genetic Resource Institute, Rome, Italy, 1999.
57. Материалы Международной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения Н.И. Вавилова; «Научное наследие Н.И. Вавилова – фундамент отечественного и мирового сельского хозяйства»; 27-28 ноября 2007 г.: ФГОУ ВПО Российский Государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева, М., 2007.
58. Мир идей Николая Ивановича Вавилова. ФГОУ ВПО РГАУ–МСХА им. Тимирязева. М., 2007.
59. Николай Иванович Вавилов. Библиографический указатель выдающихся выпускников и профессоров Петровской, Тимирязевской академии. Сост.: В.И. Глазко, Н.В. Дунаева, Г.А. Драгавцев, В.И. Глазко. ЦНБ им. Н.И. Железнова РГАУ–МСХА им. К.А. Тимирязева. М., 2007.
60. Зыбина С.П. Воспоминания о Н.И. Вавилове. РГАУ–МСХА им. К.А. Тимирязева. М., 2007.
61. Известия Тимирязевской с/х академии N 5, 2007 (номер целиком) посвященный Н.И. Вавилову (воспоминания, очерки, научные статьи).
62. Кузнецов Н.И.Ю Федосеева В.И., Савельев С.И. Николай Иванович Вавилов: феномен ученого, человека-гуманиста. К 120-летию со дня рождения, 2-е изд. доп. под ред. С.И. Савельева. ФГОУ ВПО, Саратовский ГАУ. Саратов, 2007.
63. Николай Иванович Вавилов. Библиографический указатель 1910–2007. Сост. Н.А. Смоленникова, О.А. Злобина, Е.Ю. Ивойлова, Т.Н. Осеева, В.И. Стуков. ФГОУ ВПО «Саратовский ГАУ». Саратов, 2007.
64. Письма, воспоминания, очерки. Избранное. Сост.: Васильева А.А., Стуков В.И. ФГОУ ВПО «Саратовский ГАУ». Саратов, 2007.
65. Студенческий и экскурсионный дневники Н.И. Вавилова. Воспоминания, материалы, очерки. Сост. О.А. Палимпсестова, Н.И. Дубровина, В.И. Стуков. ФГОУ ВПО Саратовский ГАУ. Саратов, 2007.
66. Вишнякова М.А. «Милая и прекрасная Леночка...» Елена Барулина – жена и соратник Николая Вавилова. Изд-во «Серебряный век». Санкт-Петербург, 2007.
67. Генетические ресурсы культурных растений в XXI веке: состояние, проблемы, перспективы. Тезисы докладов Вавиловской Международной конференции. Санкт-Петербург, 26-30 ноября 2007 г. СПб, ВИР, 2007.
68. Вклад Н.И. Вавилова в изучение растительных ресурсов Таджикистана. Материалы научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения академика Н.И.Вавилова (г. Душанбе, 30 октября 2007 г.). Редактор академик АН Республики Таджикистан Х.Х. Киримов. Изд-во «Дониш Душамбе», 2007.
69. Щедрая и обаятельная натура Н.И. Вавилова к 120-летию со дня рождения. Журнал «Природа» N 11, 2007, с. 63–74. Там же М.А. Вишнякова «Святая святых души» (о жене Н.И. Вавилова – Е.И. Барулиной–Вавиловой), с. 75–82.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. И. ВАВИЛОВА[1]

1. Памяти Сергея Ивановича Вавилова, Сборник, М., Академия наук СССР, 1952.
2. Труды сессии, посвященной памяти академика Сергея Ивановича Вавилова. М., Оборонгиз, 1953.
3. Келер В. Р. Сергей Вавилов, М., «Молодая гвардия», 1961 (Жизнь замечательных людей).
4. Болотовский Б. М. Свечение Вавилова – Черенкова. М., «Наука», 1964.
5. Кравец Т. П. От Ньютона до Вавилова; Очерки и воспоминания. М., «Наука», 1967.
6. Зрелов В. П. Излучение Вавилова – Черенкова и его применение в физике высоких энергий. В 2-х томах. М., Атомиздат, 1968.
7. Келер В. Р. Сергей Вавилов, М., Молодая гвардия, 1975 (Жизнь замечательных людей), Изд. 2-е, доп.
8. Левшин Л. В. Сергей Иванович Вавилов, М., «Наука», 1977.
9. Сергей Иванович Вавилов. Материалы к биобиблиографии ученых СССР, Изд. 3-е; М., «Наука», 1979.
10. Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания, М., «Наука», 1979.
11. Сергей Ив. Вавилов. Сб. статей, сост. Фабрикант В. А. М., «Знание», 1981 г.
12. Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания; М., «Наука», 1981, Изд. 2-е, доп.
13. Келер В. Р. Сергей Вавилов, М., Детская литература, 1984.
14. Левшин Л. В. Свет мое призвание. М., «Московский рабочий», 1987.
15. Франк И. М. Излучение Вавилова – Черенкова. Вопросы теории; М., «Наука», 1988.
16. Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания; М., «Наука», 1991 (изд. 3-е, доп.).
17. Братья Николай и Сергей Вавиловы. М., ФИАН, 1994 (2-е Изд.).
18. Б. М. Болотовский, Ю. Н. Вавилов, А. Н. Киркин. Сергей Иванович Вавилов – ученый и человек: взгляд с порога XXI века. Физический институт им. П. Н. Лебедева РАН, М; 1998.
19. Оптический вестник, N 99, 2001, Спб, Бюллетень оптического общества им. Д. С. Рождественского посвящен С. И. Вавилову.
20. Исследования по истории физики и механике 2001; 110-летие академика С. И. Вавилова (Труды юбилейной конференции; М., «Наука», 2002).
21. Левшин Л. В. Сергей Иванович Вавилов; М., «Наука», 2003.
22. В.Л. Гинзбург. Эффект Вавилова–Черенкова в книге «О науке, о себе и о других». М., Физматгиз, 2003 г., стр. 76-83. О Сергее Ивановиче Вавилове, стр. 325-331, там же.
23. Е.Л. Фейнберг. Эпоха и личность. Физики. М., Физматгиз, 2003. Изд. 2-ое. Вавилов Сергей Иванович стр. 197. Девять рубцов на сердце стр. 197. Сергей Иванович Вавилов и его время стр. 212. Вавилов и вавиловский ФИАН стр. 222. Что породило Вавиловых стр. 244.
24. Ю.С. Осипов, В.Л. Гинзбург, О.Н. Крохин, Бонч-Бруевич. 110 лет со дня рождения С.И. Вавилова. УФН, т. 171, 2001.
25. В.М. Болотовский, Ю.Н. Вавилов, А.П. Шмелева. Сергей Вавилов: светило русской физики. Москва, РАН, Физический институт им. П.Н. Лебедева, 2005.
26. С.И. Вавилов. Дневники 1939–1951 гг. Вопросы истории и естествознания и техники, N 2, 2004 г.

---

[1] Перечислены книги, целиком посвященные С. И. Вавилову, либо его открытию (эффект Вавилова – Черенкова). Исключение сделано для очень важных публикаций академиков В.Л. Гинзбурга и Е.Л. Фейнберга.

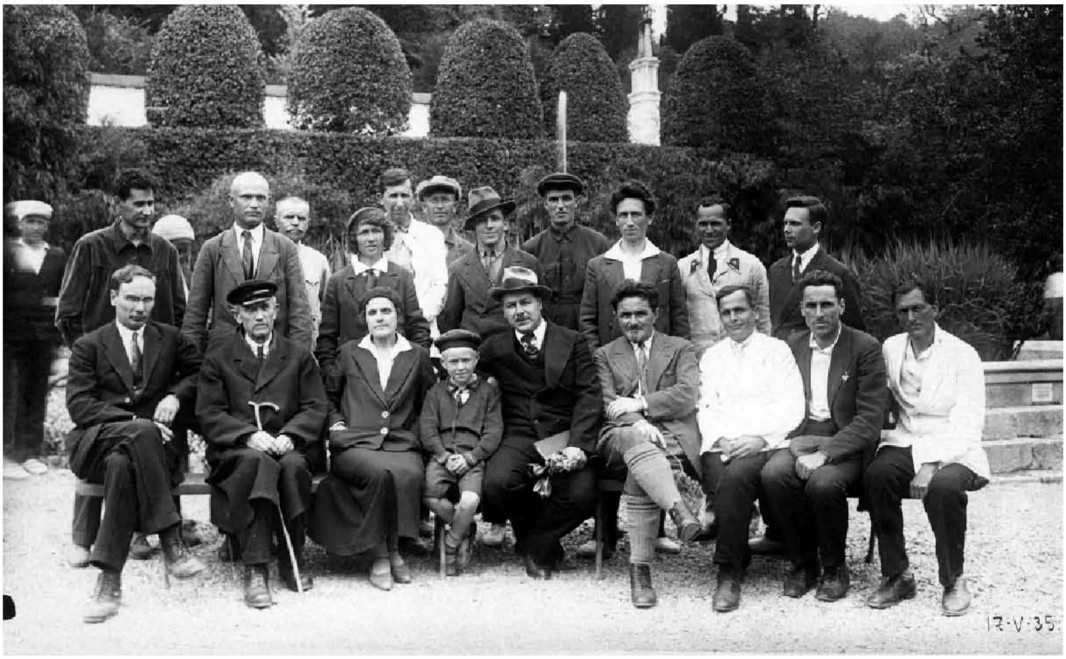
27. Письмо С.И. Вавилова В.А. Веснину. Вопросы истории и естествознания и техники, N 2, 2004 г.
28. Из воспоминаний Ольги Михайловны Вавиловой–Багряновской. Вопросы истории и естествознания и техники, N 2, 2004 г.
29. Прочитанные книги. Вопросы истории и естествознания и техники, N 2, 2004 г.
30. В.Н. Орел, Ю.И. Кривоносов. Послесловие. Вопросы истории и естествознания и техники, N 2, 2004 г.
31. Сергей Иванович Вавилов. Новые штрихи к портрету. М., 2004 г. РАН, Физический институт им. П.Н. Лебедева. Составитель В.М. Березанская.
32. Ю.И. Кривоносов. «Письма к самому себе». Неизвестный Сергей Иванович Вавилов. «Человек», N 6, с. 133-149, 2004; N 1, с. 70-85, 2005.
32. Ю.Н. Вавилов. Братья Вавиловы: жизнь и трагедия. «Наука и жизнь», N 1, с. 84–87.

Семья Ивана Ефремовича Барулина.
Слева направо: И. Е. Барулин, сын Коля, жена Мария Федоровна, дочери Лена, Полина, сын Костя.

Е. И. Барулина, 1926 г.

Н.И. Вавилов, Е.И. Барулина–Вавилова (справа) в Италии, 1927 г.

Е.И. Барулина, 1926 г.



Н.И. Вавилов и Е.И. Барулина–Вавилова (между ними их сын Юрий)
среди сотрудников Никитского ботанического сада в Крыму, 1935 год.

Встреча Н.И. Вавилова со школьниками старших классов. На руках у него сын Юрий.
Всесоюзный институт растениеводства, Ленинград 1935 г.

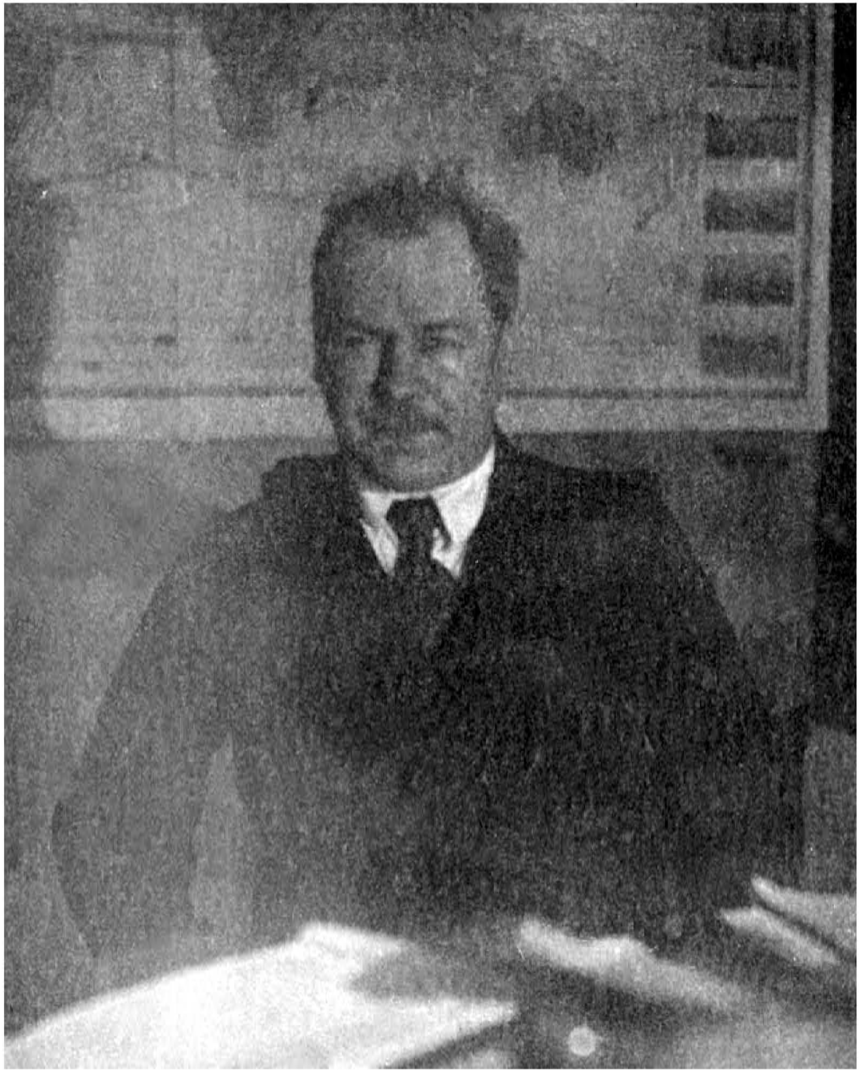
Н.И. Вавилов в кабинете директора ВИР. 1935 г. В нижней половине фотографии карта Вавиловских центров происхождения и разнообразия культурных растений (фото из болгарского журнала).

Е.И. Барулина–Вавилова с Г.Д. Карпеченко в вегетационном домике. Начало тридцатых годов. Детское село (с 1937 г. г. Пушкин).

Е.И. Барулина–Вавилова с братьями. г. Пушкин 1936 г. Слева К.И. Барулин, справа Н.И. Барулин.

Георгий Дмитриевич Карпеченко с женой Галиной Сергеевной. Ленинград 1938 г.

Н.И. Вавилов, рядом с ним Е.И. Барулина–Вавилова, Е.С. Кузнецова и др. на Пушкинской станции ВИР 1939 г.



Н.И. Вавилов в домашнем кабинете. Ленинград. 1939 г. Фото Ю. Вавилова.

Е.И. Барулина–Вавилова около дома для сотрудников Пушкинского отделения ВИР. Лето 1939 года. Фото Юрия Вавилова.

Е.И. Барулина–Вавилова с сыном Юрой. Ленинград. Март 1941 г.
(спустя семь месяцев после ареста Н.И. Вавилова)

Юра Вавилов на лыжной прогулке – зима – 1939–1940 гг.
Фото В. С. Вавилова.

Дом для сотрудников Пушкинского отделения ВИР. Современный вид.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО при АКАДЕМИИ НАУК СССР

БОЛЬШОЙ ЗАЛ — ЛЕКТОРИЙ им. Ю. М. ШОКАЛЬСКОГО — БОЛЬШОЙ ЗАЛ

Демидов пер., 8-а — Тел. 555-76 и 2-74-65

Трамваи: 1, 2, 3, 7, 8, 13, 14, 15, 21, 22, 29, 37, 39, 40, 42 — Автобусы: 1, 2, 4, 5, 9, 15 — Троллейбусы: 1 и 4

22 МАЯ
5-я лекция из цикла „КИТАЙ“
„В КИТАЙ ЧЕРЕЗ МОНГОЛИЮ И МАНЬЧЖУРИЮ“ (1926 г.)
(КИТАЙ НОВЫЙ)
Читает действит. член Географического Общества, академик В. М. АЛЕКСЕЕВ

27 МАЯ
6-я лекция (повторная) из цикла „МИРОВЫЕ СТОЛИЦЫ“
„ТОКИО“
Читает действит. член Географического Общества А. Г. ЯЦЕВИЧ

25 МАЯ
Лекция
„Мое путешествие в Бразилию“
Читает председатель Географического Общества, академик Н. И. ВАВИЛОВ

28 МАЯ
8-я лекция из цикла „МИРОВЫЕ СТОЛИЦЫ“
„МОСКВА — столица мира“
Читает действит. член Географического Общества А. Г. ЯЦЕВИЧ

ЛЕКЦИИ ИЛЛЮСТРИРУЮТСЯ ДИАПОЗИТИВАМИ

Начало в 7 ч. 30 м. веч. | Предварительная продажа билетов в помещении Географического Общества ежедневно с 4 ч. дня до 8 ч. веч., кроме общевыходных дней | Цена билета 1 рубль

ленгорлит 19/IV-40 г. — типо-лаб. книг'а, ул. Дзержинского, 34 и 39 — 1/8 а. л. — зак. 2541 тир. 1000

Извещение об общедоступных лекциях в Географическом обществе СССР, 1940 год.

Дом 152 по Первомайской улице в Саратове, где в 1941–1945 годах жили Е.И. Барулина–Вавилова и Юрий Вавилов. Фотография сделана в конце девяностых годов, незадолго до сноса дома.

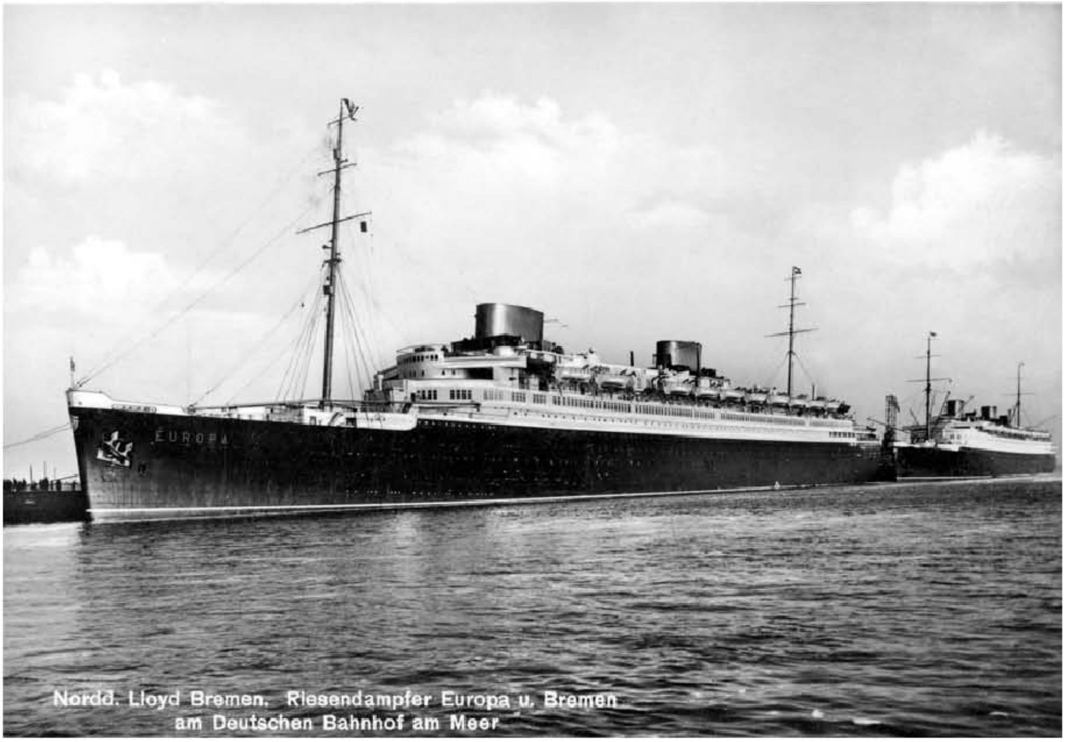
Средняя школа г. Саратова №21.

Дом на углу набережной лейтенанта Шмидта и 7-й линии Васильевского острова в Ленинграде, в котором в 1945–1950 гг. проживали Е.И. Барулина–Вавилова и Юрий Вавилов.

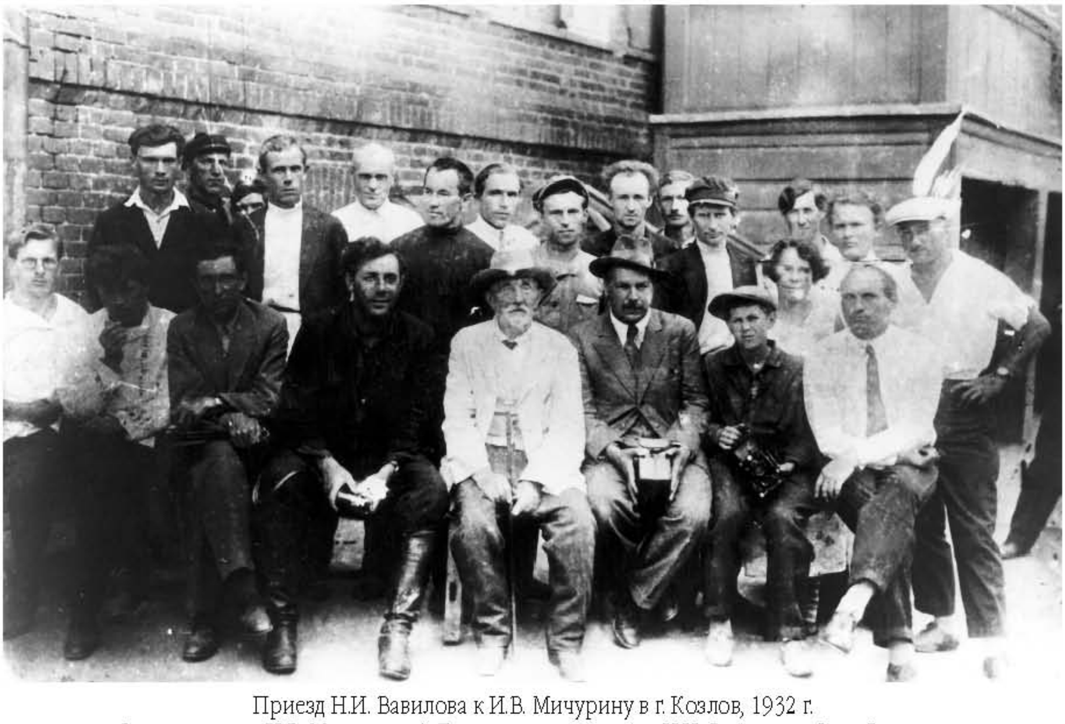
Ю.Н. Вавилов с сенатором Альбертом Гором.
5 февраля 1992 г., Вашингтон.

Ю.Н. Вавилов с директором Библиотеки конгресса США Джеймсом Биллингтоном, апрель 1999 г., Вашингтон.

Святослав Рерих в саду своего дома в Бангалоре.
Апрель 1980 г. (фото Ю.Н. Вавилова).



Теплоход "Европа", на котором Н.И. Вавилов плыл в 1930 г. в США.



Приезд Н.И. Вавилова к И.В. Мичурину в г. Козлов, 1932 г.
Сидят слева от И.В. Мичурина А. Бондаренко, справа — Н.И. Вавилов и Олег Вавилов.

Н.И. Вавилов, Т.Г. Морган и Н.В. Тимофеев-Ресовский
на VI Международном генетическом конгрессе в США, г. Итака, 1932 г.

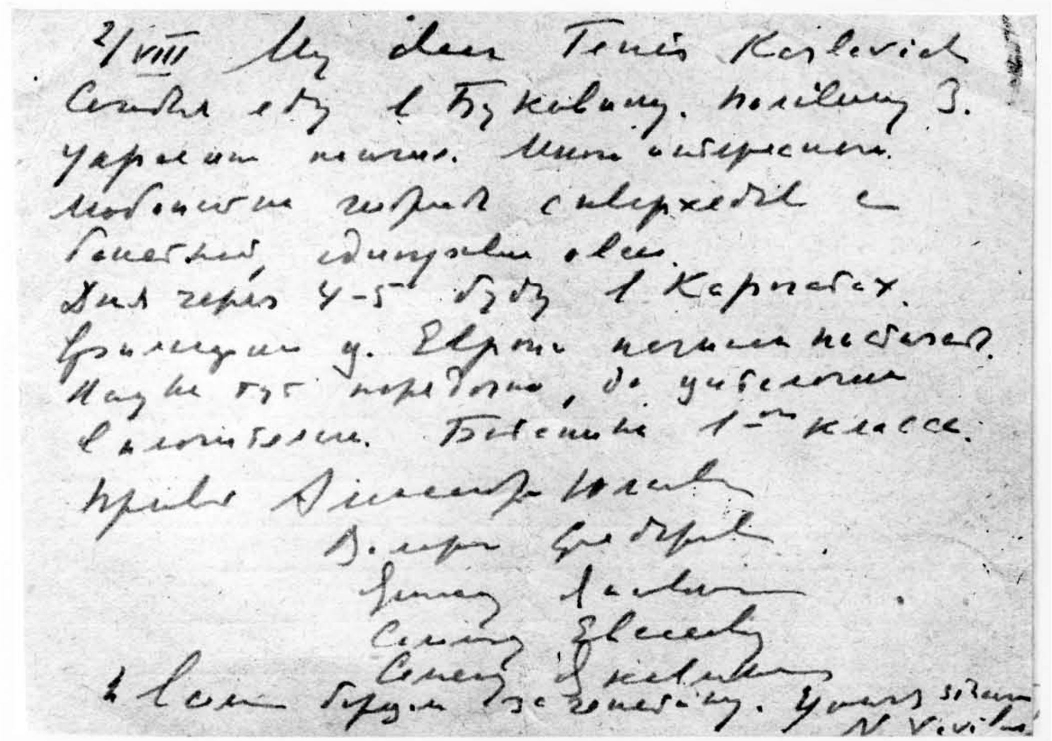
Слева Т. Добржанский, его супруга; Н.И. Вавилов, Г.Д. Карпеченко в гостях у Добржанских. США, 1932 г.

Приезд Н.И. Вавилова в Одесский селекционно-генетический институт.
Слева направо: Т.Д. Лысенко, ...; директор института Сапегин, Н.И. Вавилов и другие.

Н.И. Вавилов в оранжерее Института генетики АН СССР. 1939 г.

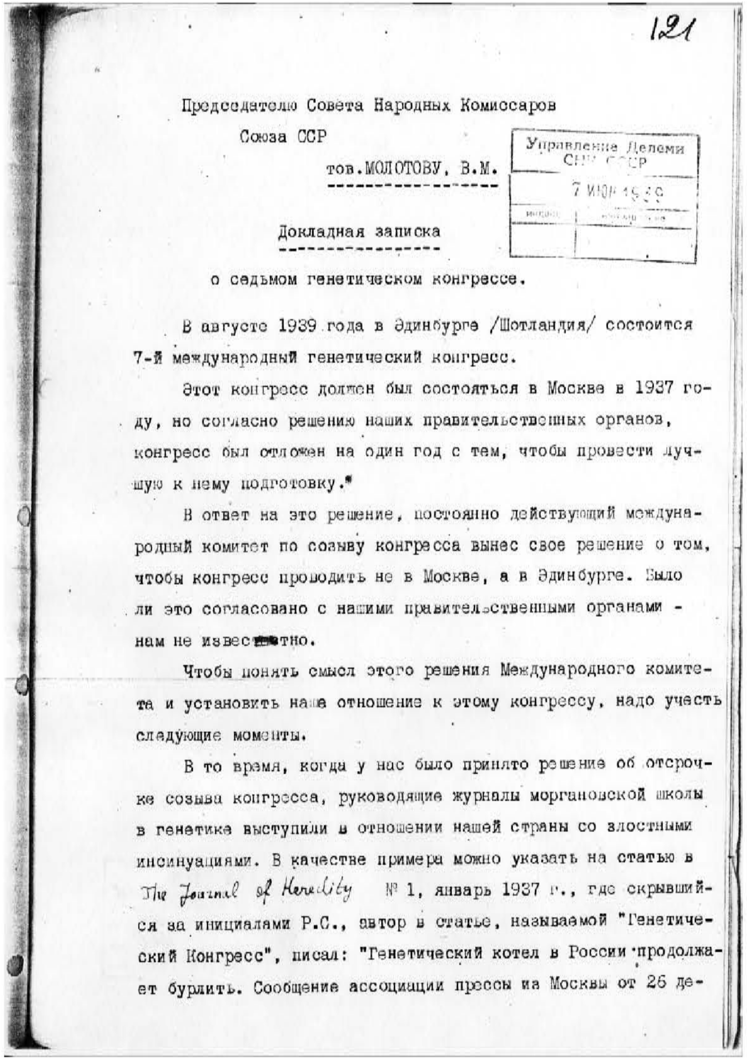
Н.И. Вавилов на выставке, посвященной 100-летию со дня рождения Н.М. Пржевальского, в Географическом обществе СССР среди его сотрудников., 1939 г.

Приезд президента ВАСХНИЛ Т.Д. Лысенко в Пушкинское отделение ВИР.
Н.И. Вавилов (второй справа), рядом Т.Д. Лысенко в черном костюме, осень 1939 г.



2/VIII My dear Timofei Karlovich
Сегодня еду в Буковину.
Дней через 4-5 буду в Карпатах.
Yours sincerely
N Vavilov

Открытка, посланная Н.И. Вавиловым своему соратнику по Институту генетики АН СССР
Т.К. Лепину 2-го августа 1940 г. за 4 дня до ареста.



Председателю Совета Народных Комиссаров

Союза ССР

тов. МОЛОТОВУ, В.М.

Управление Делами СНК СССР
7 ИЮН 1939

Докладная записка

о седьмом генетическом конгрессе.

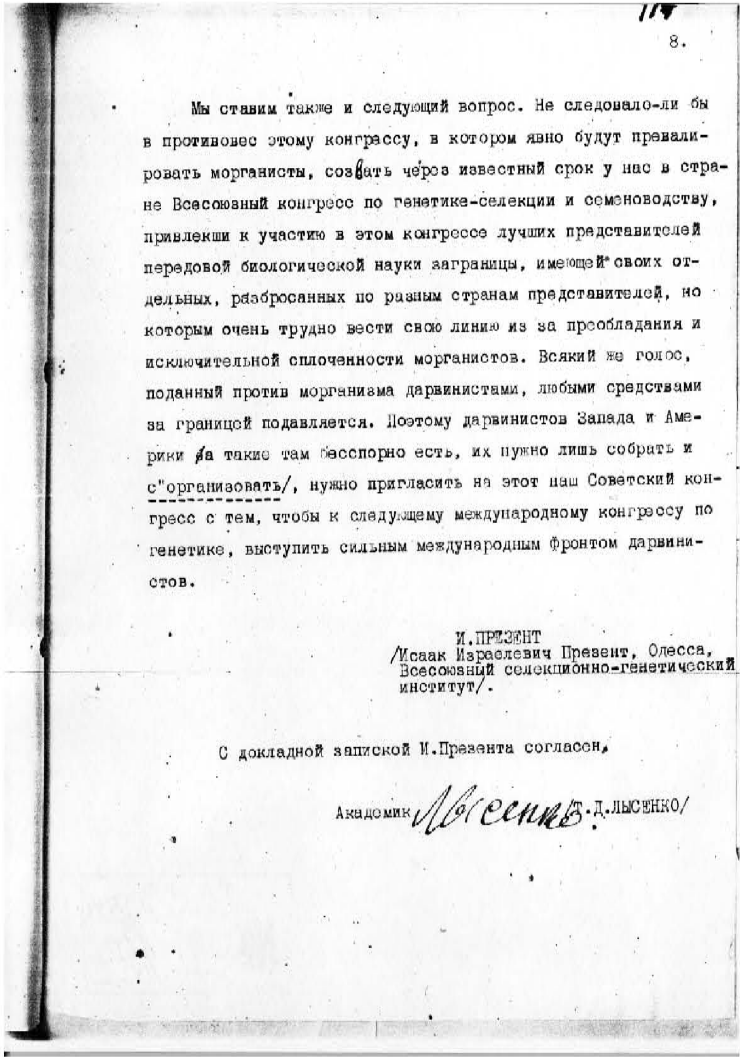
В августе 1939 года в Эдинбурге /Шотландия/ состоится 7-й международный генетический конгресс.

Этот конгресс должен был состояться в Москве в 1937 году, но согласно решению наших правительственных органов, конгресс был отложен на один год с тем, чтобы провести лучшую к нему подготовку.

В ответ на это решение, постоянно действующий международный комитет по созыву конгресса вынес свое решение о том, чтобы конгресс проводить не в Москве, а в Эдинбурге. Было ли это согласовано с нашими правительственными органами - нам не известно.

Чтобы понять смысл этого решения Международного комитета и установить наше отношение к этому конгрессу, надо учесть следующие моменты.

В то время, когда у нас было принято решение об отсрочке созыва конгресса, руководящие журналы моргановской школы в генетике выступили в отношении нашей страны со злостными инсинуациями. В качестве примера можно указать на статью в The Journal of Heredity № 1, январь 1937 г., где скрывшийся за инициалами Р.С., автор в статье, называемой "Генетический Конгресс", писал: "Генетический котел в России продолжает бурлить. Сообщение ассоциации прессы из Москвы от 26 де-



8.

Мы ставим также и следующий вопрос. Не следовало-ли бы в противовес этому конгрессу, в котором явно будут превалировать морганисты, созвать через известный срок у нас в стране Всесоюзный конгресс по генетике-селекции и семеноводству, привлекши к участию в этом конгрессе лучших представителей передовой биологической науки заграницы, имеющей своих отдельных, разбросанных по разным странам представителей, но которым очень трудно вести свою линию из за преобладания и исключительной сплоченности морганистов. Всякий же голос, поданный против морганизма дарвинистами, любыми средствами за границей подавляется. Поэтому дарвинистов Запада и Америки /а такие там бесспорно есть, их нужно лишь собрать и с"организовать/, нужно пригласить на этот наш Советский конгресс с тем, чтобы к следующему международному конгрессу по генетике, выступить сильным международным фронтом дарвинистов.

И. ПРЕЗЕНТ
/Исаак Израелевич Презент, Одесса, Всесоюзный селекционно-генетический институт/.

С докладной запиской И. Презента согласен,

Академик /Т.Д. ЛЫСЕНКО/

Первая и последняя страница письма И.И. Презента В.М. Молотову, одобренное и подписанное Т.Д. Лысенко
(письмо получено в Управлении делами Совета Народных комиссаров 7 июня 1939 г.)

НКВД СССР

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:
1. Фамилия	Вавилов
2. Имя и отчество	Николай Иванович
3. Год и место рождения	Родился в 1887 году г. Москва — область (край) — район село — гор. —
4. Постоянное местожительство (адрес)	Ленинград ул. Гоголя 2 кв 13
5. Профессия и специальность	агроном — ботаник академик
6. Последнее место службы и должность или род занятий	а) учреждение Академия Наук СССР Институт Генетики и Академия с. х. наук им. Ленина Предприятие Вице-президент Академии с. х. наук им. Ленина б) должность директор Всесоюзного Института Растениеводства в) звание академик трех советских академий г) в систему какого Наркомата, или другого руководящего органа входит учреждение (предприятие) СНК СССР (Акад. Наук СССР) и Наркомзем СССР (Акад. с. х. наук) д) если не работает — когда уволен „ " 19 г.
7. Партийная принадлежность	а) в прошлом } беспар. б) в настоящее время } билет №
8. Национальность	русский
9. Гражданство (при отсутствии паспорта, указать какой документ удостоверяет гражданство)	а) гражд. (подд.) СССР б) паспорт № кем выдан выдан в Ленинграде Октябрск. Отделением в 1936 г.

Анкета арестованного Н.И. Вавилова.

ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:
10. Образование (подчеркнуть и указать, что закончил)	Высшее, среднее, низшее высшее Тимирязевская с.х. Акад. (быв. Моск. С.Х. Институт)
11. К какой общественной группе себя причисляет (подчеркнуть)	Рабочих, служащих, колхозников, единоличников, кустарей, свободных профессий, служителей культа, иждивенцев, прочих.
12. Социальное происхождение (кем были отец и мать)	мещанин
13. Имущественное положение и чем занимался до 1929 года	а) имущ. полож. профессор служащий в научно-исследов. Институт б) занятие
14. То же до 1917 года	а) имущ. полож. преподаватель Тимирязевск. с.х. Акад. б) занятие
15. Служба в царской армии и чин	не служил
16. Служба в белой армии (какой) и чин	не служил
17. Категория воинского учета (запаса)	по возрасту (53 г.) не состою на учете
18. Участие в к-р восстаниях и бандах (когда и где)	нет
19. Судимости (состоял ли под судом и следствием, где, когда, за что, приговор)	нет
20. Примыкал ли к антисоветским партиям и организациям (меньшевики, с-р, анархисты, троцкисты, правые, националисты и т. д.), где и когда	нет

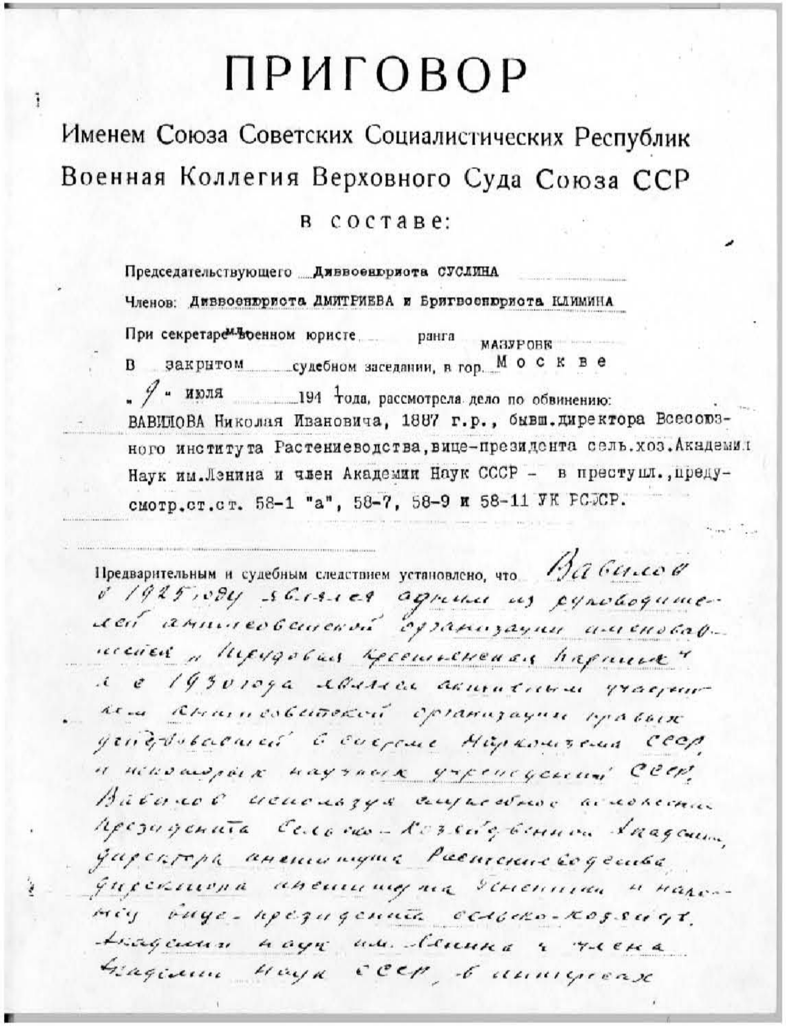
Анкета арестованного Н.И. Вавилова.

117

ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:
21. Состав семьи (о каждом указывать фамилию, имя, отчество, возраст, место работы и должность, адрес)	отец Иван Ильич Вавилов занимался торгово-промышленной деятельностью умер в 1928 г. мать Александра Михайловна Вавилова урожд. Постникова дочь ремесленника. Умерла в 1939 г. муж жена Елена Ивановна Вавилова-Барулина д-р с.х. наук, по болезни не служит в последние годы дети 1. сын Олег 22 лет — студент Московского университета — комсомолец 2. сын Юрий 13 лет ученик 5-го класса в Ленинградской школе братья (сестры) брат Сергей Иванович Вавилов, академик, директор Института физики Академии наук, депутат Верховного Совета РСФСР. две сестры (Лидия и Александра) обе врачи умерли, первая в 1914 г., вторая в 1940 г.

Личная подпись арестованного Николай Вавилов

Анкета арестованного Н.И. Вавилова.

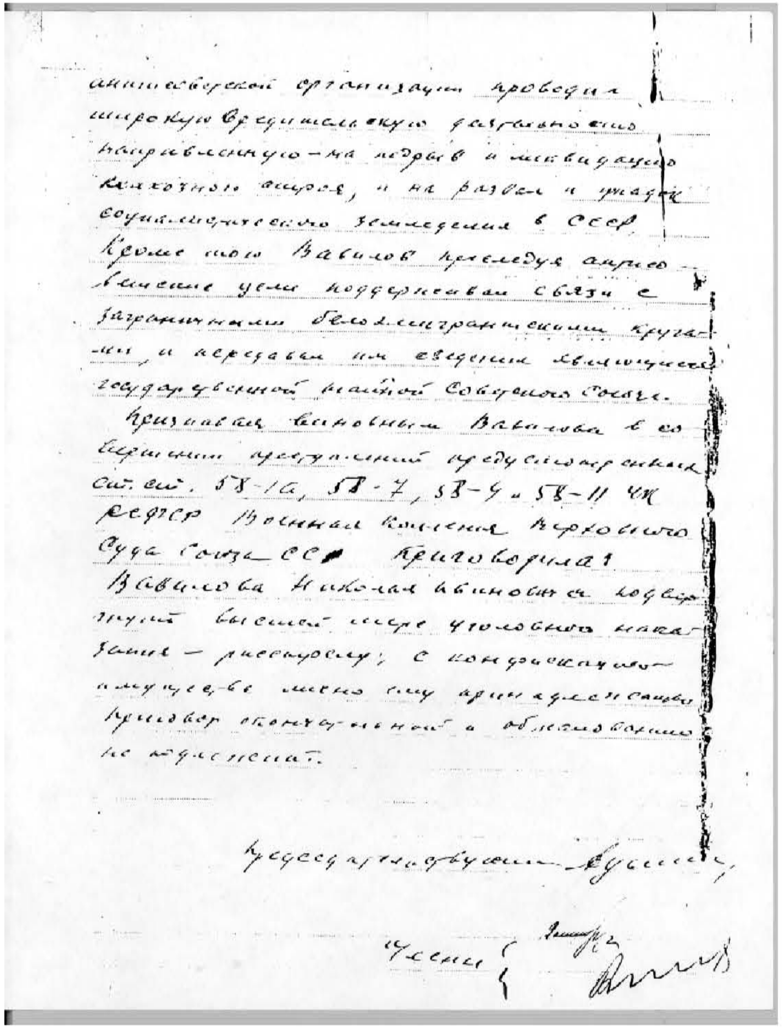


ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик
Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР
в составе:

Председательствующего Диввоенюриста СУСЛИНА
Членов: Диввоенюриста ДМИТРИЕВА и Бригвоенюриста КЛИМИНА
При секретаре мл. военном юристе ранга МАЗУРОВЕ
В закрытом судебном заседании, в гор. Москве
„9" июля 1941 года, рассмотрела дело по обвинению:
ВАВИЛОВА Николая Ивановича, 1887 г.р., бывш. директора Всесоюзного института Растениеводства, вице-президента сель.хоз. Академии Наук им. Ленина и член Академии Наук СССР – в преступл., предусмотр. ст.ст. 58-1 "а", 58-7, 58-9 и 58-11 УК РСФСР.

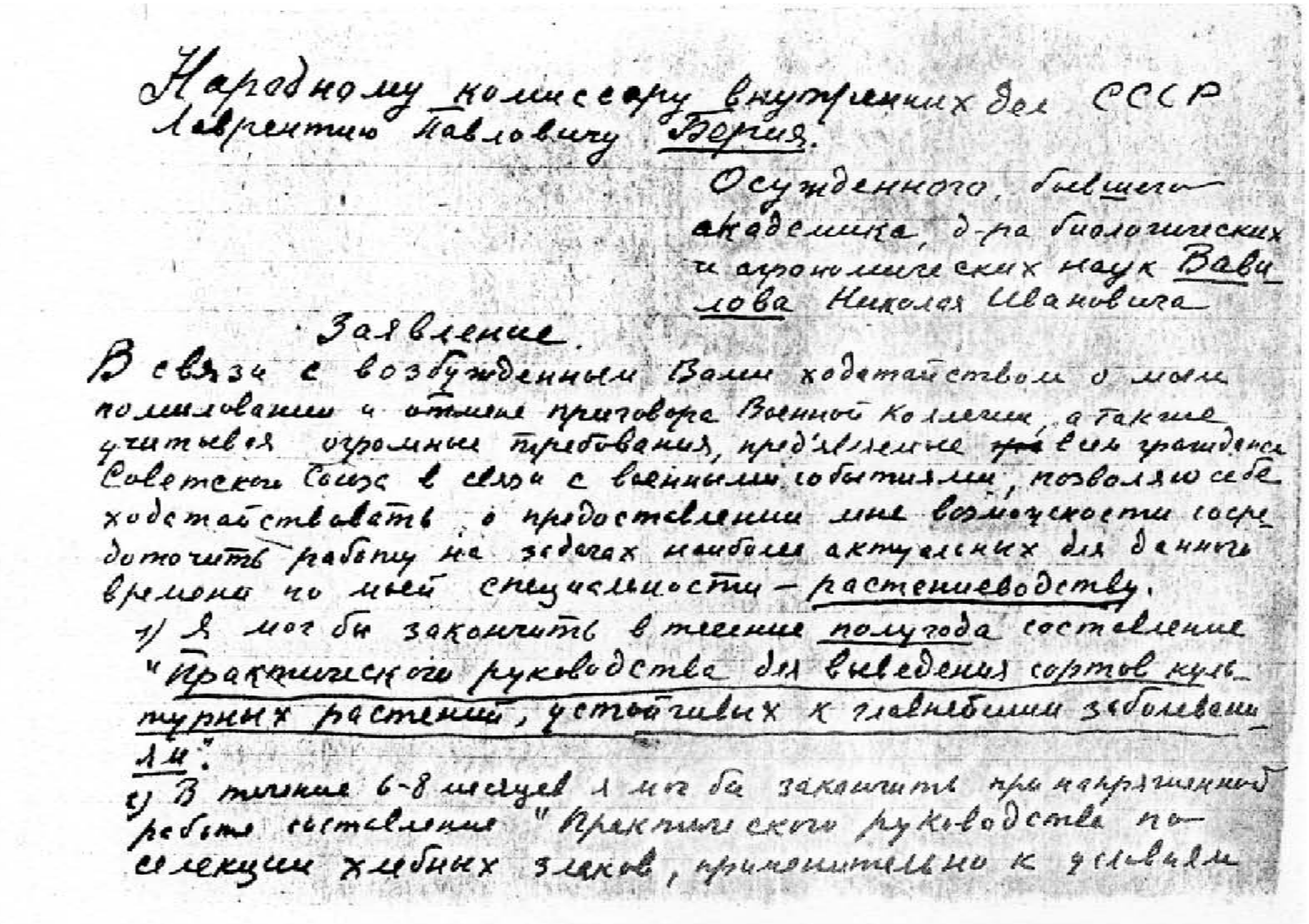
Предварительным и судебным следствием установлено, что Вавилов с 1925 году являлся одним из руководителей антисоветской организации именовавшейся „Трудовая крестьянская партия" а с 1930 года являлся активным участником антисоветской организации правых действовавшей в системе Наркомзема СССР и некоторых научных учреждений СССР. Вавилов используя служебное положение президента Сельско-Хозяйственной Академии, директора института Растениеводства, директора института Генетики и наконец вице-президента сельско-хозяйст. Академии наук им. Ленина и члена Академии Наук СССР, в интересах



антисоветской организации проводил широкую вредительскую деятельность направленную на подрыв и ликвидацию колхозного строя, и на развал и упадок социалистического земледелия в СССР.
Кроме того Вавилов преследуя антисоветские цели поддерживал связи с заграничными белоэмигрантскими кругами, и передавал им сведения являющиеся государственной тайной Советского Союза.
Признавая виновным Вавилова в совершении преступлений предусмотренных ст. ст. 58-1а, 58-7, 58-9 и 58-11 УК РСФСР Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила:
Вавилова Николая Ивановича подвергнуть высшей мере уголовного наказания – расстрелу, с конфискацией имущества лично ему принадлежащего.
Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Председательствующий – Суслин
Члены { Дмитриев, Климин

Приговор Н.И. Вавилову.



Народному комиссару внутренних дел СССР
Лаврентию Павловичу Берия.

Осужденного, бывшего
академика, д-ра биологических
и агрономических наук Вавилова Николая Ивановича

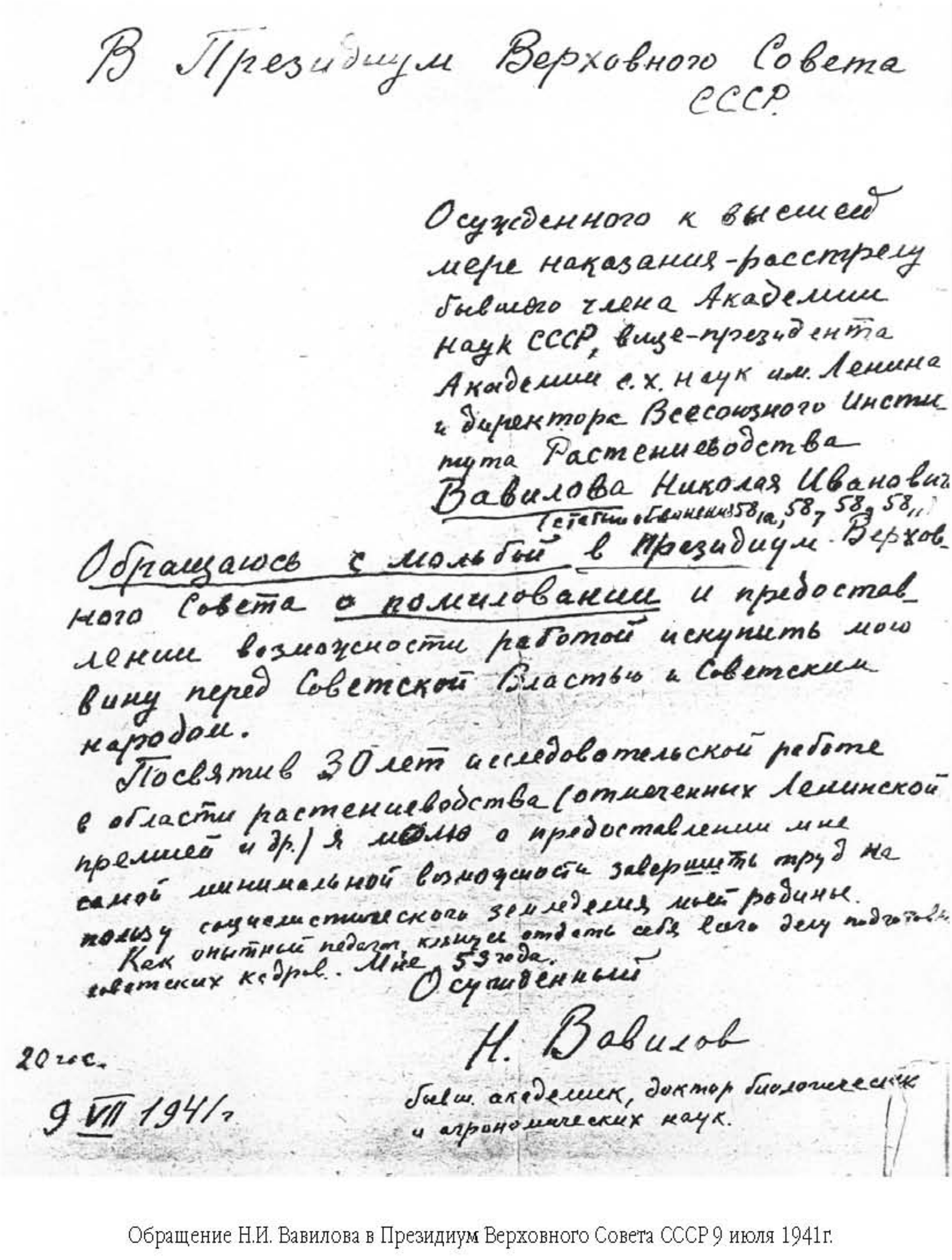
Заявление.

В связи с возбужденным Вами ходатайством о моем помиловании и отмене приговора Военной коллегии, а также учитывая огромные требования, предъявляемые ко всем гражданам Советского Союза в связи с военными событиями, позволяю себе ходатайствовать о предоставлении мне возможности сосредоточить работу на задачах наиболее актуальных для данного времени по моей специальности — растениеводству.

1) Я мог бы закончить в течение полугода составление "Практического руководства для выведения сортов культурных растений, устойчивых к главнейшим заболеваниям".

2) В течение 6-8 месяцев я мог бы закончить при напряженной работе составление "Практического руководства по селекции хлебных злаков, применительно к условиям

Начало заявления Н.И. Вавилова Л.П. Берии: 8 августа 1941 года.



В Президиум Верховного Совета СССР

Осужденного к высшей мере наказания - расстрелу бывшего члена Академии наук СССР, вице-президента Академии с.х. наук им. Ленина и директора Всесоюзного Института Растениеводства Вавилова Николая Ивановича (статьи обвинения 58 1а, 58 7, 58 9, 58 11)

Обращаюсь с мольбой в Президиум Верховного Совета о помиловании и предоставлении возможности работой искупить мою вину перед Советской Властью и Советским народом.

Посвятив 30 лет исследовательской работе в области растениеводства (отмеченных Ленинской премией и др.) я молю о предоставлении мне самой минимальной возможности завершить труд на пользу социалистического земледелия моей родины.

Как опытный педагог клянусь отдать себя всего делу подготовки советских кадров. Мне 53 года.

Осужденный

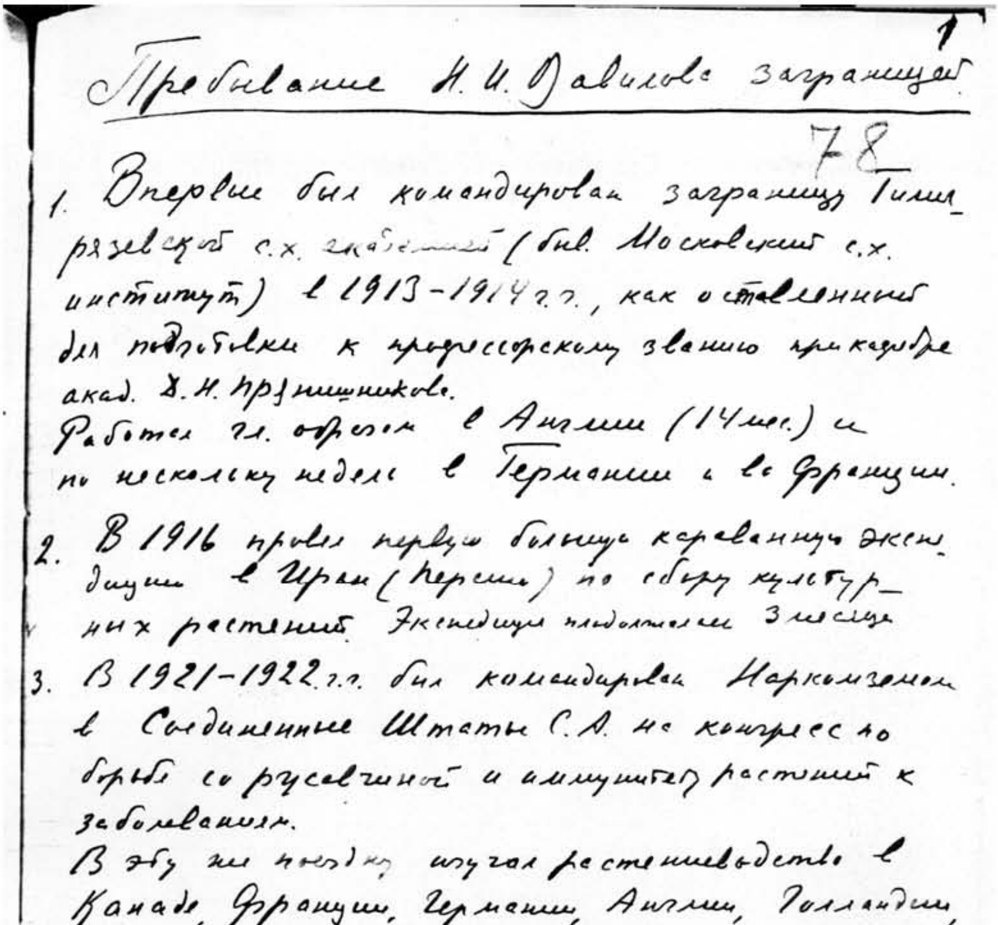
Н. Вавилов

бывш. академик, доктор биологических и агрономических наук.

20 час.

9 VII 1941 г.

Обращение Н.И. Вавилова в Президиум Верховного Совета СССР 9 июля 1941г.


1

Пребывание Н.И. Вавилова заграницей

78

1. Впервые был командирован заграницу Тимирязевской с.х. академией (быв. Московский с.х. институт) в 1913–1914 г.г., как оставленный для подготовки к профессорскому званию при кафедре акад. Д.Н. Прянишникова.
Работал гл. образом в Англии (14 мес.) и по несколько недель в Германии и во Франции.

2. В 1916 провел первую большую караванную экспедицию в Иран (Персию) по сбору культурных растений. Экспедиция продолжалась 3 месяца.

3. В 1921–1922 г.г. был командирован Наркомземом в Соединенные Штаты С.А. на конгресс по борьбе со ржавчиной и иммунитету растений к заболеваниям.
В эту же поездку изучал растениеводство в Канаде, Франции, Германии, Англии, Голландии, Швеции и Дании. Помимо того приобрел за это время заграницей огромное количество образцов семян. Всего пробыл в командировке 8 месяцев.

4. В 1924 г. провел совместно с инженер-агрономом Д.Д. Букиничем большую экспедицию в Афганистан, охватившую впервые все земледельческие районы этой страны (5500 клм. караванным путем). Экспедиция продолжалась 5½ месяцев.

5. В 1926–1927 г.г. провел большую экспедицию (в значительной мере караванным путем) по сбору болезнеустойчивых и засухоустойчивых сортов растений в следующих странах: Алжир,

О пребывании Н.И. Вавилова за границей.
Текст, написанный Н.И. Вавиловым во время заключения во внутренней тюрьме НКВД

Тунис, Марокко, Сирия, Палестина, Трансиордания, Абиссиния, Эритрея, Испания, Италия (включая Сицилию и Сардинию), Греция и остр. Кипр.

79

Проездом для получения виз был в Египте, во Франции и в Сомали Французском и участвовал на международной конференции в Риме по пшенице, где сделал доклад "Мировые зерновые ресурсы пшеницы".
Экспедиция продолжалась 16 месяцев.

6. Осенью 1927 г. был командирован на Международный Конгресс Генетики в Берлин, где на общем собрании делал доклад "Географическая теория происхождения культурных растений". Также участвовал на международной конференции по сельскому хозяйству в Риме, где сделал доклад "Географические опыты с полевыми культурами". Вся командировка продолжалась 2½ недели.

7. В 1929 г. провел большую караванную экспедицию по сбору культурных растений в Западном Китае, а также изучал растениеводство Японии (включая Формозу и Корею). Читал лекции в университетах Киото и Тайбэя. Экспедиция продолжалась 8 месяцев.

8 В 1930 г. был командирован на Международный Конгресс по садоводству в Лондон, где выступил с докладом "О происхождении европейских плодовых деревьев".
Отсюда (из Лондона) был направлен НКЗ СССР на международную конференцию по сельскому

хозяйству, и в США (Итака), где сделал доклад "Агрономическая наука и социалистическое земледелие". 90

После этих конгрессов направился в Мексику для сбора интересовавших меня каучуковой промышленности семян каучуконосной гваюлы, а также провел сборы семян хлопчатника и кукурузы в Гватемале и в Британском Гондурасе, где расположена одна из лучших интродукционных станций. На обратном пути изучал субтропическое хозяйство Флориды и Калифорнии.
Командировка продолжалась 3½ месяца

9. В 1931 г. читал лекции по растениеводству в Дании (Копенгаген) по приглашению и на средства Датского Ботанического Общества и в Швеции в Физиографическом О-ве.

В том же году участвовал и выступил с докладом на тему "Современное состояние наших знаний по истории мирового земледелия" — на Лондонском конгрессе по истории наук. А также ~~участвовал~~ был на Международной Колониальной выставке в Париже, уделившей много внимания мировому земледелию.
Всего был в командировке 6 недель.

10. В 1932–1933 был делегирован как официальный представитель СССР на VI Международный Конгресс генетики в США.

(Итак, где был избран вице-президентом Конгресса.

После этого изучал орошаемое зерновое хозяйство Канады и западных районов США.

Из США направился по поручению НКЗ СССР в Южную Америку для сбора семян хинного дерева, хлопчатника и зерновых культур. Провел экспедиционные сборы семян в Мексике (Юкатан), в Перу, Боливии, Эквадоре, Чили, Аргентине, Уругвае, Бразилии, на островах Куба и Тринидад.

Всего пробыл в командировке 8 месяцев, собрал большой сортовой материал. Добыл все стандартные сорта зерновых и масличных культур Аргентины – 200 пудов)

На возвратном пути читал лекции в Нью Йорке в Ботаническом Обществе С. Америки, три лекции в Париже по предложению Общества культурных связей с СССР и в Германии в Академии наук в Галле. Лекции были посвящены развитию советской агрономической науки и специальным вопросам по географии и происхождению культурных растений, над которыми давно работаю.

13 VIII 1940 г. Н Вавилов

Сов.секретно. 36

экз.№ 1.

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е № 9/124сс

Президиума Верховного Совета СССР

" 26 " июля 1941 года.

Голосовали "за" т.т.: Бадаев А.Е., Горкин А.Ф., Каганович Ю.М., Калинин М.И., Маленков Г.М., Москатов П.Г., Николаева К.И., Сталин И.В. и Шкирятов М.Ф.

С л у ш а л и:	П о с т а н о в и л и:
Ходатайства о помиловании:	
1. ПУЛЬНАРОВИЧА Владислава Юзефовича, ЩЕПАНСКОГО Ивана-Леона Михайловича и РЕГНЕРА Рудольфа Юзефовича, осужденных 16 мая 1941 года приговором Военного Трибунала 6 Армии Киевского особого военного округа к высшей мере наказания: Пульнарович и Щепанский по ст.16-54-1 "а" УК УССР и Регнер по ст.54-1 "а" УК УССР.	Ходатайства о помиловании Пульнаровича В.Ю., Щепанского Ивана-Леона Михайловича и Регнера Р.Ю. отклонить.
283. ВАВИЛОВА Николая Ивановича, осужденного 9 июля 1941 года приговором Военной Коллегии Верхсуда СССР в гор.Москве к высшей мере наказания по ст.ст.58-1"а", 58-7, 58-9 и 58-11 УК РСФСР.	Ходатайство о помиловании Вавилова Н.И. отклонить.
361. ПОЛУБИНСКОГО Антона Леопольдовича, осужденного 16 июля 1941 года приговором Военной Коллегии Верхсуда СССР в гор.Москве к высшей мере наказания по ст.ст.58-2, 58-6 ч.1,58-8 и 58-11 УК РСФСР.	Оставить в силе приговор о применении высшей меры наказания к Полубинскому А.Л.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР - (М.Калинин) М.Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР - (А.Горкин) А. Горкин

Фонд Р7523сч опись 66 дело 8

Сов.секретно 35

С п р а в к а

к постановлению Президиума Верховного Совета СССР № 9/124сс от 26 июля 1941 года

Члены Президиума Голосовали "За"т.т.:

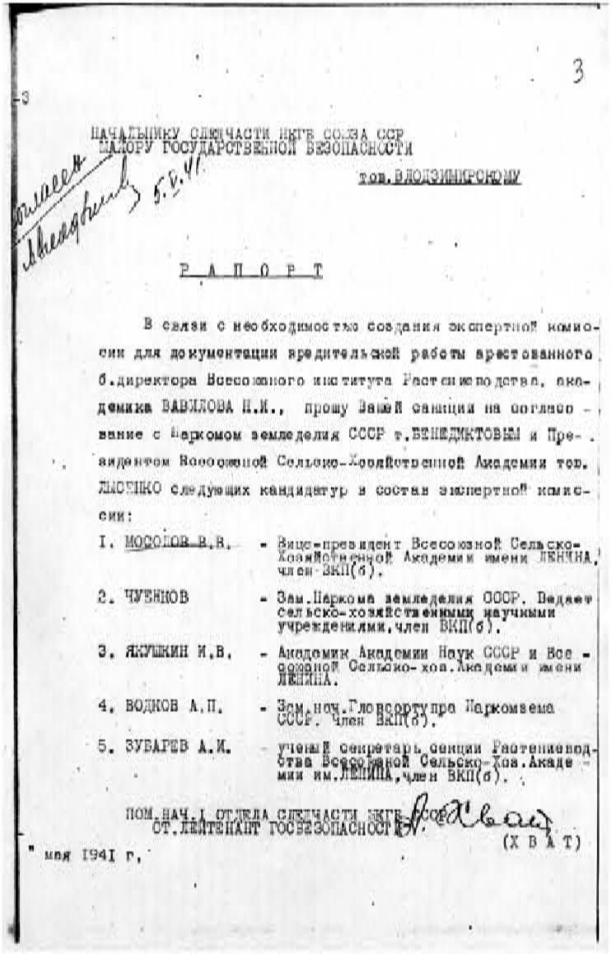
1. Бадаев А.Е. - тел.верт.28-49
2. Буденный С.М. - в командировке
3. Горкин А.Ф. - лично
4. Каганович Ю.М. - тел.верт.24-08
5. Калинин М.И. - лично
6. Маленков Г.М. - лично
7. Москатов П.Г. - тел.верт.23-15
8. Николаева К.И. - -"- 23-07
9. Сталин И.В. - лично
10. Шкирятов М.Ф. - лично

Верно: Горкин

26 июля 1941 года

ВС-2/ 78сс

Постановление Президиума Верховного Совета СССР об отклонении ходатайства Н.И. Вавилова о помиловании.



3

НАЧАЛЬНИКУ СЛЕДЧАСТИ НКГБ СОЮЗА ССР
МАЙОРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

тов. ВЛОДЗИМИРСКОМУ

Согласен
Меркулов 5.V.41

РАПОРТ

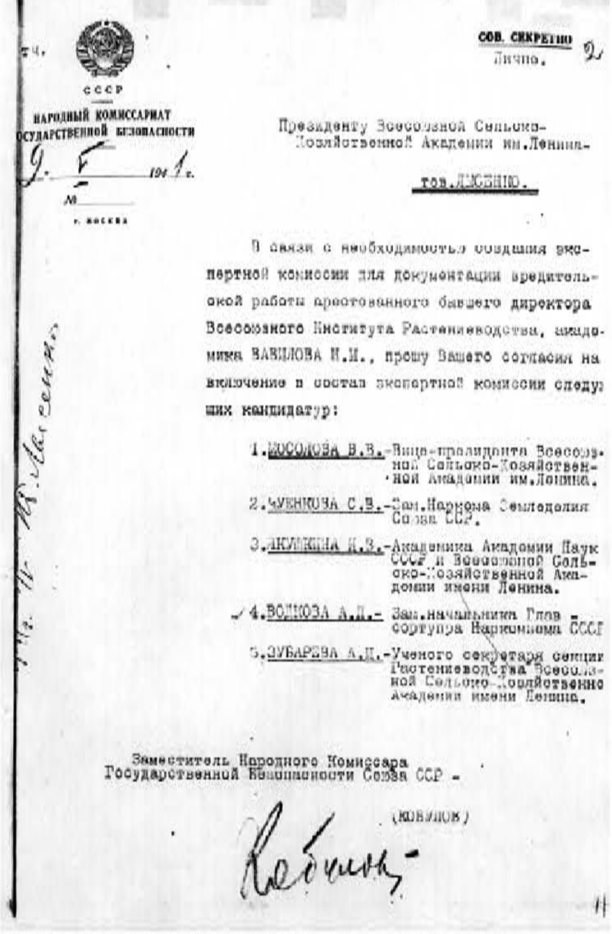
В связи с необходимостью создания экспертной комиссии для документации вредительской работы арестованного б. директора Всесоюзного института Растениеводства, академика ВАВИЛОВА Н.И., прошу Вашей санкции на согласование с Наркомом земледелия СССР т. БЕНЕДИКТОВЫМ и Президентом Всесоюзной Сельско-Хозяйственной Академии тов. ЛЫСЕНКО следующих кандидатур в состав экспертной комиссии:

1. МОСОЛОВ В.В. – Вице-президент Всесоюзной Сельско-Хозяйственной Академии имени ЛЕНИНА, член ВКП(б).
2. ЧУЕНКОВ – Зам. Наркома земледелия СССР. Ведает сельско-хозяйственными научными учреждениями, член ВКП(б).
3. ЯКУШКИН И.В. – Академик Академии Наук СССР и Всесоюзной Сельско-хоз. Академии имени ЛЕНИНА.
4. ВОДКОВ А.П. – Зам. нач. Главсортупра Наркомзема СССР. член ВКП(б).
5. ЗУБАРЕВ А.И. – ученый секретарь секции Растениеводства Всесоюзной Сельско-Хоз. Академии им. ЛЕНИНА, член ВКП(б).

ПОМ. НАЧ. I ОТДЕЛА СЛЕДЧАСТИ НКГБ СССР
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ (ХВАТ)

" мая 1941 г.

Рапорт следователя НКГБ А. Хвата Влодзимирскому
в связи с созданием экспертной комиссии по делу Н.И. Вавилова.



СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
9 V 1941 г.
№
г. Москва

СОВ. СЕКРЕТНО
Лично. 2

Президенту Всесоюзной Сельско-Хозяйственной Академии им. Ленина –

тов. ЛЫСЕНКО.

В связи с необходимостью создания экспертной комиссии для документации вредительской работы арестованного бывшего директора Всесоюзного Института Растениеводства, академика ВАВИЛОВА Н.И., прошу Вашего согласия на включение в состав экспертной комиссии следующих кандидатур:

1. МОСОЛОВА В.В. – Вице-президента Всесоюзной Сельско-Хозяйственной Академии им. Ленина.
2. ЧУЕНКОВА С.В. – Зам. Наркома Земледелия Союза ССР.
3. ЯКУШКИНА И.В. – Академика Академии Наук СССР и Всесоюзной Сельско-Хозяйственной Академии имени Ленина.
4. ВОДКОВА А.П. – Зам. начальника Главсортупра Наркомзема СССР
5. ЗУБАРЕВА А.И. – Ученого секретаря секции Растениеводства Всесоюзной Сельско-Хозяйственной Академии имени Ленина.

Заместитель Народного Комиссара
Государственной Безопасности Союза ССР – (КОБУЛОВ)

Письмо заместителя Народного комиссара Госбезопасности СССР Кобулова Т.Д. Лысенко о составе экспертной комиссии по делу Н. И. Вавилова. На документе слева видна подпись Т.Д. Лысенко о согласии с составом комиссии (враждебной Н. И. Вавилову).

К о п и я.

УПРАВЛЯЮЩЕМУ ПОХОРОННОГО БЮРО г. САРАТОВА
тов. БОЧАРОВУ В.Ф.
Здесь.

на № 237/п от IO/X-I962 г.

Академик ВАВИЛОВ Николай Иванович, I887 года рождения умер 26 января I943 года от упадка сердечной деятельности и похоронен на кладбище гор. Саратова.

Место погребения нам неизвестно.

НАЧАЛЬНИК ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ
П/Я УШ 382/ст. I УООП
Сароблисполкома- // В.АНДРЕЕВ /

Копия верна: Ивлиева (Ивлиева)

Письмо начальника Саратовской тюрьмы В. Андреева управляющему похоронным бюро г. Саратова о дате смерти и захоронении Н.И. Вавилова.

ПРОКУРАТУРА
Союза Советских
Социалистических Республик

ГЛАВНАЯ
ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА

„29" августа 1955 г.
№ 8г-39773-40.

Москва, центр, ул. Кирова, 41.

Исп. вх. №

Гр-ке БАРУЛИНОЙ-ВАВИЛОВОЙ Елене Ивановне.

г.Ленинград, Басков переулок, дом 35, кв.15.

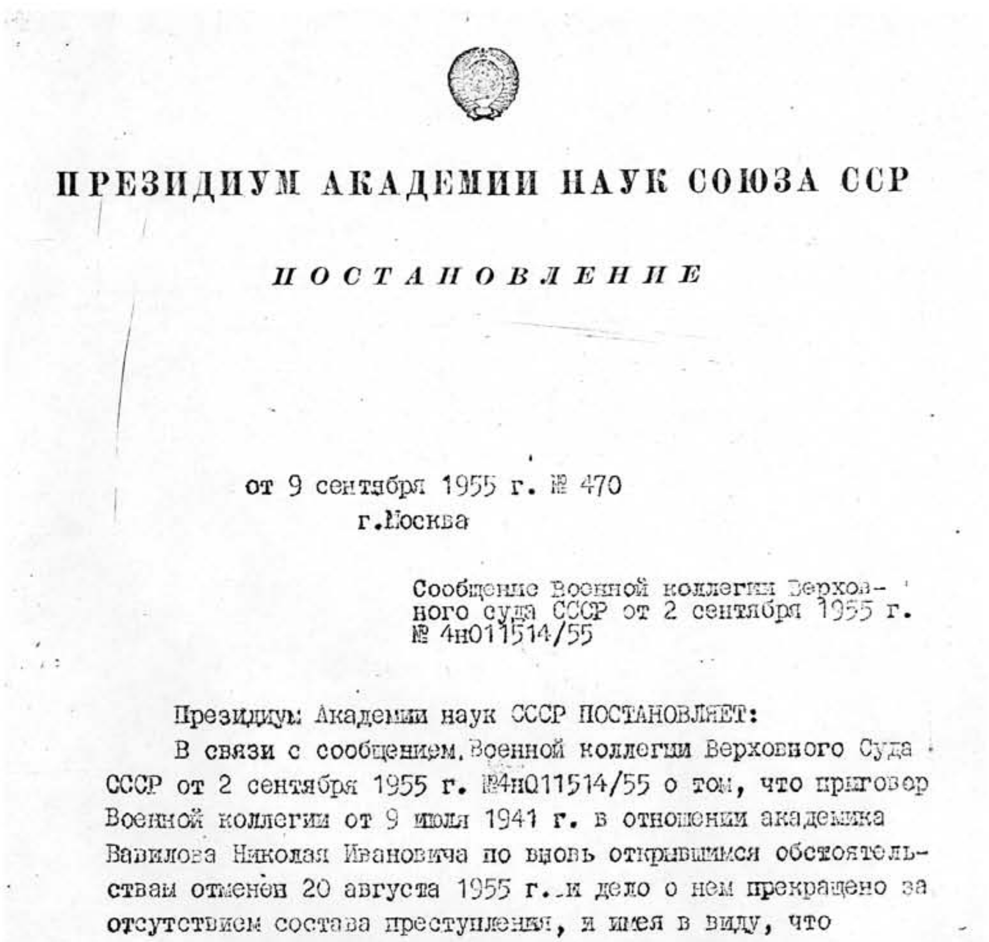
Сообщаю, что Ваша жалоба в отношении ВАВИЛОВА Николая Ивановича разрешена. 20 августа 1955 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 9 июля 1941 года в отношении ВАВИЛОВА Н.И. отменен и дело о нем прекращено за отсутствием состава преступления.

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР ОТДЕЛА ГВП
МАЙОР ЮСТИЦИИ /КОЛЕСНИКОВ/

При ответе ссылайтесь на наш номер и дату

ТУ

Сообщение Главной военной прокуратуры о реабилитации Н.И. Вавилова.



ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА ССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 9 сентября 1955 г. № 470
г.Москва

Сообщение Военной коллегии Верховного суда СССР от 2 сентября 1955 г. № 4н011514/55

Президиум Академии наук СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

В связи с сообщением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 2 сентября 1955 г. №4н011514/55 о том, что приговор Военной коллегии от 9 июля 1941 г. в отношении академика Вавилова Николая Ивановича по вновь открывшимся обстоятельствам отменен 20 августа 1955 г. и дело о нем прекращено за отсутствием состава преступления, и имея в виду, что Н.И.Вавилов не лишен Общим Собранием АН СССР звания академика, восстановить его посмертно в списках академиков Академии наук СССР.

П.п. И.о.президента
Академии наук СССР
академик – И.П.Бардин

Главный ученый секретарь
Президиума Академии наук СССР
академик – А.В.Топчиев

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Протокольный
ОТДЕЛ

АН СССР. № 1266.5. 9.IX.55г.

2-я тип. Издат. АН СССР. Москва. Зак. 6775. Тир. 3000

Постановление Президиума АН СССР о восстановлении Н.И. Вавилова (посмертно) в списках академиков АН СССР.

Следователь Главной военной прокутары СССР, майор юстиции Н.И. Колесников, осуществивший реабилитацию Н.И. Вавилова.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГЛАВНАЯ
ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА
«18» марта 2002 г.
№7 уа-39773-40
103160, Москва, К-160,
Хользунов пер., д.14

Уважаемый Юрий Николаевич!

Ваше обращение от 22.01.2002 г. поступило в Главную военную прокуратуру и рассмотрено.

По Вашей просьбе направляется копия письма академика В.А. Веснина от 8 октября 1940 г. дежурному прокурору Прокуратуры СССР.

Одновременно сообщаю, что такого документа как «письмо следователя ГВП майора юстиции Колесникова Н.И. о необходимости привлечь к уголовной ответственности следователя НКВД А.Г. Хвата», о котором Вы пишете в своем заявлении, в материалах надзорного производства по делу Н.И. Вавилова нет.

В отношении Хвата А.Г. сообщаю, что проведенным в 1957 г. Главной военной прокуратурой расследованием установлено, что в его действиях содержится состав преступления, предусмотренного ст. 193-17, п. «а» УК РСФСР, т.е. злоупотребление властью, совершенное из соображений личной заинтересованности и повлекшее за собой тяжелые последствия. Однако, в соответствии со ст. 2-5 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» постановлением от 6 сентября 1957 г. уголовное дело в отношении Хвата А.Г. на основании п. 6 ст. 4 УПК РСФСР прекращено.

Приложение: копия письма В.А. Веснина на 1 листе.

Ст. военный прокурор
отдела реабилитации
полковник юстиции **А.В.Чураков**

Ответ Главной военной прокуратуры РФ на обращение Ю.Н. Вавилова.

Члены Комиссии Академии наук СССР по сохранению научного наследия Н.И. Вавилова.
Слева - направо: В.Д. Есаков, А.М. Горский, Н.Р. Иванов (ученый секретарь комиссии),
Ю.Н. Вавилов, М.Е. Раменская.

Ю.Н. Вавилов, З.В. Вавилова (справа) на открытии XIV Международного генетического конгресса
в Москве в зале Кремлевского Дворца съездов, 1978 г.

Группа участников XIV Международного генетического конгресса в Москве (1978) у здания Тимирязевской сельскохозяйственной академии. В центре Н.В. Тимофеев-Ресовский. Слева от него (крайний) проректор ТСХА Синюков, рядом с ним американский биограф Н.И. Вавилова Б. Коэн с супругой. Справа от Тимофеева-Ресовского — профессора А.И. Атабекова и Ю.Б. Коновалов. Во втором ряду слева – направо: В.И. Стуков, А.Б. Белоглазова, Т.И. Никишанова, Ю.Н. Вавилов, ...

Ю.Н. Вавилов с Искреном Азмановым, биографом болгарского генетика Дончо Костова, соратника и друга Н.И. Вавилова у мавзолея Георгия Димитрова. София, 1980 г.

Открытие мемориальной доски на доме в Ленинграде, где с 1928 по 1940 годы жил Н.И. Вавилов.
На переднем плане слева направо Б.Л. Астауров (второй), Ю.Н. Вавилов, И.А. Захаров, Н.А. Базилевская.

Ю.Н. Вавилов и профессор Ганс Штуббе во время симпозиума,
посвященного 100-летию со дня рождения Н.И. Вавилова. Гатерслебен (ГДР), декабрь 1987 г.

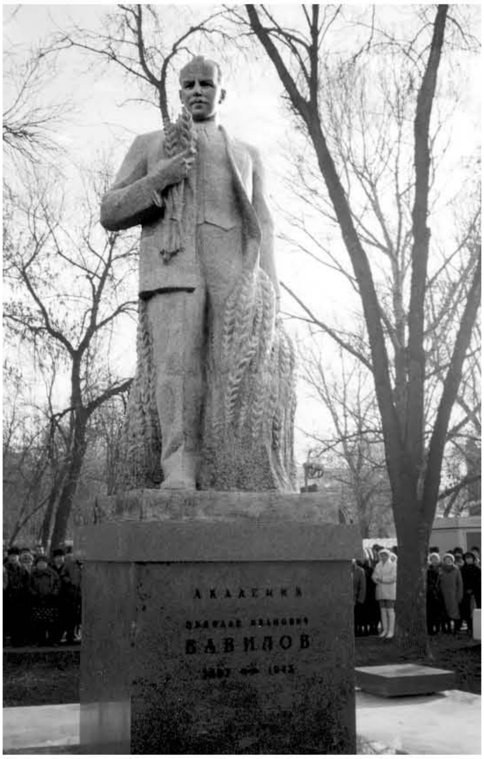
Торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения Н.И. Вавилова в Центральном концертном зале г. Москвы («Россия»).

Ю.Н. Вавилов (в центре), ректор Черновицкого университета С.С. Костышин (в светлом костюме) и зав. отделом науки Черновицкого обкома КПСС во время съемок фильма «Искупление» (август 1988 г.).

Актер Костас Сморигинас в роли Н.И. Вавилова. Фильм "Николай Вавилов".

Актер Богдан Ступка в роли Т. Лысенко. Фильм "Николай Вавилов".

В музее трудовой славы Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Слева направо: О.Н. Бычкова, Ю.Н. Вавилов, ..., А.В. Пошатаев, Ю.Б. Коновалов, ноябрь 1991 г. с фотографией группы: Н.И. Вавилов, Д.Н. Прянишников, И.И. Туманов — подарок Ю.Н. Вавилова музею ТСХА.



Открытие памятника Н. И. Вавилова в Саратове 25 ноября 1997 г.

Ю.Н. Вавилов выступает в Саратовском сельскохозяйственном институте (ныне Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова) на заседании, посвященном 110-ой годовщине со дня рождения Н.И. Вавилова (ноябрь 1997 г.).

Ю.Н. Вавилов около автобуса линии Грейхаунд. США во время поездки из Лос-Анджелеса в Вашингтон, апрель 1999.

Ж.А. Медведев и Ю.Н. Вавилов у стенда, посвященного 110-ой годовщине со дня рождения Н. И. Вавилова, в Институте общей генетики имени Н. И. Вавилова РАН, 2001 г.

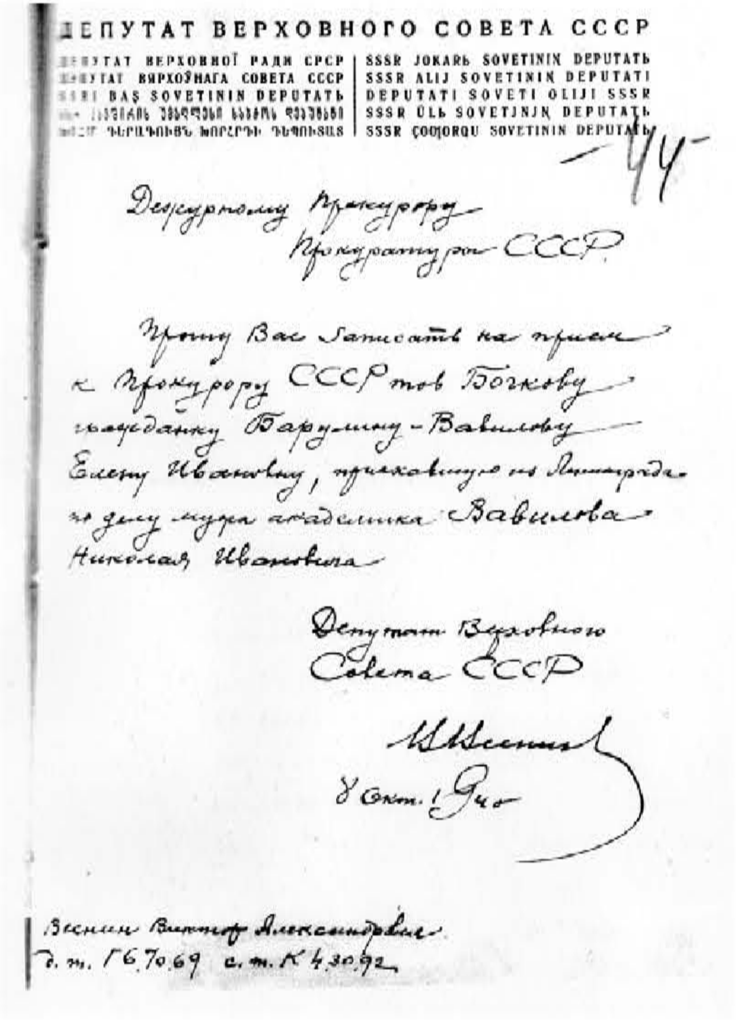
С.И. Вавилов на фронте 1-ой мировой войны, второй слева в первом ряду 1915–1916 г.

С.И. Вавилов (справа во втором ряду), Д.В. Скобельцын (рядом с С.И. Вавиловым).
В первом ряду слева направо: Ф. Жолио–Кюри, А.Ф. Иоффе, Ирен Кюри.

Н.И. Вавилов с сыном Олегом 1927–28 гг.

Олег Николаевич Вавилов, 1938 г.

С.И. Вавилов, 1938 г.



ДЕПУТАТ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

ДЕПУТАТ ВЕРХОВНОЇ РАДИ СРСР | SSSR JOKARЬ SOVETININ DEPUTATЬ
ДЕПУТАТ ВЯРХОЎНАГА СОВЕТА СССР | SSSR ALIJ SOVETININ DEPUTATI
SSRI BAŞ SOVETININ DEPUTATЬ | DEPUTATI SOVETI OLIJI SSSR
SSSR ÜLЬ SOVETJNJN DEPUTATЬ
SSSR ÇOOJORQU SOVETININ DEPUTATЬ

44

Дежурному Прокурору
Прокуратуры СССР.

Прошу Вас записать на прием к Прокурору СССР тов Бочкову гражданку Барулину-Вавилову Елену Ивановну, приехавшую из Ленинграда по делу мужа академика Вавилова Николая Ивановича

Депутат Верховного
Совета СССР

[signature]

8 окт. 1940

Веснин Виктор Александрович.
д. т. Г6.70.69 с. т. К4.30.92

Письмо академика В.А. Веснина в Прокуратуру СССР.

В день избрания С.И. Вавилова президентом Академии наук (17 июля 1945).
Слева направо: С.И. Вавилов, Л.А. Орбели, Н.Д. Зелинский, Д.Н. Прянишников.

Депутат Верховного Совета СССР С.И. Вавилов. На заседании Верховного Совета СССР. 1947 г.

С.И. Вавилов во время празднования 150-летия А.С. Пушкина. Пушкинские горы. Июнь 1949.

С.И. Вавилов и академик И.В. Гребенщиков с венком от Академии наук СССР на могилу А.С. Пушкина. Июнь 1949 г.

С.И. Вавилов в Физическом институте им. П.Н. Лебедева. Январь 1951 г. за несколько дней до кончины .
(Фото Л.В. Сухова)

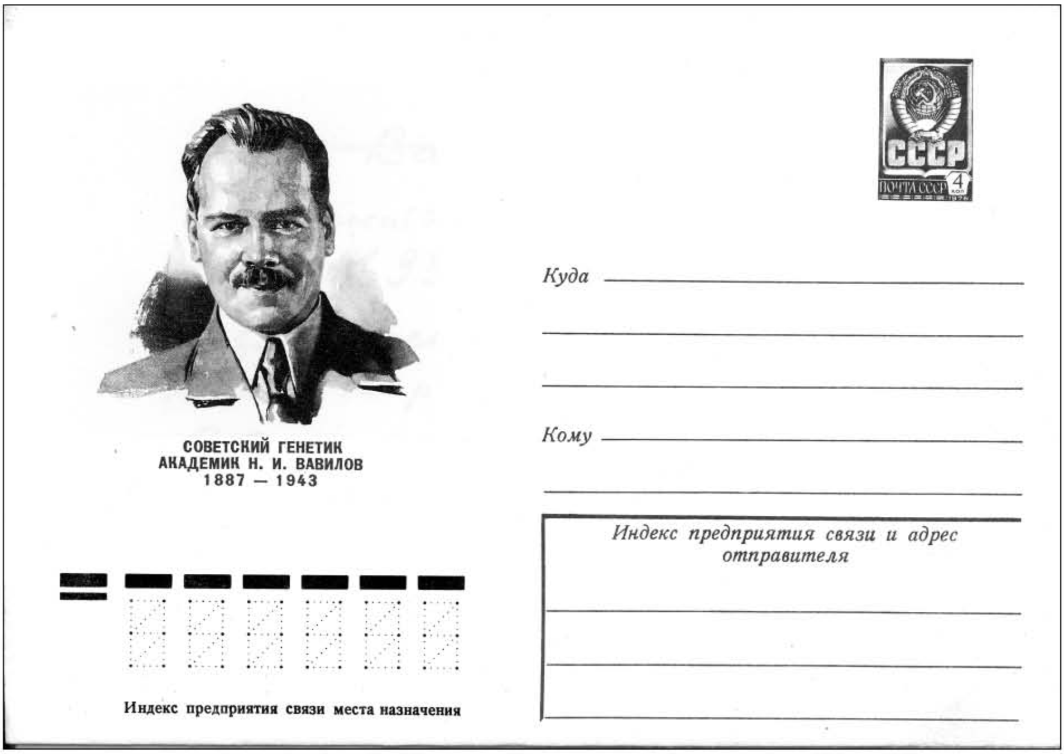
Прощание с С.И. Вавиловым в Колонном зале Дома Союзов 28 января 1951 г.
Сидят справа налево: Ю.Н. Вавилов, В.С. Вавилов, О.М. Вавилова, Е.М. Багряновская, Н.М. Веснина.

Портрет С.И. Вавилова на фасаде Дома Союзов во время прощания с ним в Колонном зале январь 1951 г. (фото Ю.Н. Вавилова).

В почётном карауле у гроба С.И. Вавилова в Колонном зале Дома Союзов. Слева направо Василевский А.М., министр вооружённых сил СССР, маршал Советского Союза; Соколовский В.Д., заместитель министра вооружённых сил Союза ССР, маршал Советского Союза; Штеменко С.М., начальник генерального штаба вооружённых сил Союза ССР, генерал армии (кинохроника).

Е.И. Барулина-Вавилова и Ю.Н. Вавилов — аспирант Физического института им. П.Н. Лебедева АН СССР. Ленинград 1955.

В.С. Вавилов и Ю.Н. Вавилов поздравляют академика Д.В. Скобельцына с 90-летием со дня рождения, 24 ноября 1982 г.



Ю.Н. Вавилов с семьей. Слева направо: жена З.В. Вавилова, дочь Маша, дочь Лена, 1964 г.

Содержание

Аннотация ... 4
Предисловие ... 5
Предисловие ко второму изданию ... 7

ЧАСТЬ I. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И ДНЕВНИКОВ АВТОРА КНИГИ ... 8

Глава 1. Из воспоминаний детства и юности ... 8

Детские годы в довоенном Ленинграде ... 8
Светлое детство (воспоминание Е.Ф. Лихонос) ... 10
Школьные годы в Ленинграде ... 12
Галина Сергеевна Карпеченко ... 16
Саратов ... 18
Письмо Юрия Вавилова из Саратова брату Олегу ... 23
Возвращение в Ленинград ... 23

Глава 2. Встречи в дальнем зарубежье ... 26

Встреча со Святославом Рерихом в Индии ... 26
Из американского дневника.
Первая поездка в США: ноябрь 1991–март 1992 ... 28
6 января 1992 г. ... 28
14 января 1992 г. ... 29
Встреча с сенатором Альбертом Гором, будущим вице-президентом США. 5 февраля 1992 г. ... 30
10 февраля 1992, Кембридж, штат Массачусетс ... 32
6 марта 1992 г. ... 32
Неожиданная встреча в Кембридже с профессором Поппенхаймером, знавшим Н.И. Вавилова ... 33
Объявление о выступлении Ю.Н. Вавилова в Чикагском университете. ... 36
Профессор Джек Хоукс – английский ученик Н.И. Вавилова ... 37
Академик Н.И. Вавилов (заметки Дж.Г. Хоукса о посещении СССР в 1938-м году) ... 38
Встреча с главным библиотекарем США Джеймсом Биллингтоном ... 42

ЧАСТЬ II. Н.И. ВАВИЛОВ: ПИСЬМА, ВЫСТУПЛЕНИЯ, ДОКУМЕНТЫ, СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ О НЕМ ... 44

Глава 1. Письма и выступления Н. И. Вавилова ... 44

Из Москвы в Саратов Елене Ивановне Барулиной (1.10.1920 г.) ... 44
Письмо Н.И. Вавилова Е.И. Барулиной из Москвы в Петроград за два месяца до отъезда в первую командировку в США (26.06.1921 г.) ... 46
Письмо Н.И. Вавилова Е.И. Барулиной из США в Ленинград (24.08.1930 г.) ... 47
Письмо Н.И. Вавилова Е.И. Барулиной из Вашингтона в Ленинград (16.09.1930 г.) ... 48
Рефлекс свободы (письмо Н.И. Вавилова П.П. Подъяпольскому) ... 49

Письмо Н.И. Вавилова Е.И. Барулиной
из Москвы в Ленинград (23.06.1931 г.) ... 51
Письмо Н.И. Вавилова Е.И. Барулиной (15.08.1932 г.) ... 51
Два письма Н.И. Вавилова Е.И. Барулиной от 03.09.1932 г. ... 52
Письмо Н.И. Вавилова сыну Олегу за три дня до ареста ... 53
Письмо Н.И. Вавилова секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву,
наркому земледелия И.А. Бенедиктову (1940 г.) ... 53
Из письма Н.И. Вавилова секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву
(15.07.1939 г.) ... 56
Телеграмма Н.И. Вавилова председателю Совнаркома СССР
В.М. Молотову (4 мая 1940 г.) ... 58
За два месяца до ареста (письмо Н.И. Вавилова Дончо Костову
от 25.05.1940 г.) ... 58
О состоянии научно-исследовательской работы
и о повышении квалификации научных кадров
(доклад Н.И. Вавилова 15 марта 1939 г.) ... 61

Глава 2. Документы из архивов ... 90
Отчет в ЦК ВКП(б) о командировке Н.И. Вавилова
в Северную и Южную Америку (август 1932 г.–февраль 1933 г.) ... 90
«Это не только национальное самоубийство, но и удар в лицо
цивилизации» (неизвестное письмо американского ученого
в защиту советских генетиков) ... 101
Государственному секретарю
Вашингтон, Д.К. (Дистрикт Колумбия. – Ю.В.) ... 102
Ответ Госдепартамента США американскому генетику
профессору Ч.Б. Давенпорту на его письмо
на имя Госсекретаря от 17 декабря 1936 года ... 103
Роль Трофима Лысенко в аресте и гибели Н.И. Вавилова
и его ближайших соратников Карпеченко Г.Д.,
Говорова Л.И., Левитского Г.А. ... 104
Письмо Т. Лысенко в Главную военную прокуратуру
в связи с подготовкой реабилитации Н.И. Вавилова ... 107
Письмо председателя КГБ В. Семичастного Н. Хрущеву ... 107
Заявление Н.И. Вавилова Л.П. Берия из Бутырской тюрьмы ... 109
Заявление Н.И. Вавилова на имя Л.П. Берия
из Саратовской тюрьмы ... 110
Письмо Е.И. Барулиной–Вавиловой главному прокурору
Союза ССР тов. Бочкову (октябрь 1940 г.) ... 112
Письмо Е.И. Барулиной–Вавиловой
академику А.Н. Крылову в связи с арестом Н.И. Вавилова ... 114
Голгофа (архивные материалы
о последних годах жизни Н.И. Вавилова) ... 115
Знания, брошенные в огонь
(документы из архивов ФСБ и президента РФ (фонд Сталина)) ... 137
Письмо Н.И. Вавилова в ОГПУ ... 143
Письмо вице-президента ВАСХНИЛ А. Бондаренко и парторга
ВАСХНИЛ С. Климова Сталину (27.03.1935 г.) ... 144

Постановление НКГБ об уничтожении материалов, изъятых у Н.И. Вавилова 147
Справка о приостановлении приговора Н.И. Вавилову 148
Письмо Нобелевского лауреата Г. Дейла президенту Академии наук СССР о выходе из состава иностранных членов АН СССР 151
Из письма Ю.Н. Вавилова писателю Аркадию Ваксбергу 152
Ответ А. Ваксберга Ю. Вавилову 153
Воспоминание С.Э. Шапошниковой об этапировании Н.И. Вавилова в Саратовскую тюрьму 153
Из воспоминаний Ирины Казимировны Янковской (Пиотровской) 154
Из документов, полученных Ю.Н. Вавиловым в архиве ФСБ (из протокола допроса И.В. Якушкина) 154
Интервью Н.И. Вавилова в парижском такси (февраль 1933 г.) 157
Книга «Суд палача». Николай Вавилов в застенках НКВД (следственное дело Н.И. Вавилова) 161
Свидетельство о смерти Н.И. Вавилова 2 августа 1942 г., выданное Е.И. Барулиной–Вавиловой в г. Ленинграде в 1955 году после реабилитации Н.И. Вавилова 165
Свидетельство о смерти Н.И. Вавилова 26 января 1943 г., выданное Ю.Н. Вавилову в 1961-м году 166
Письмо Ю.Н. Вавилова М.А. Суслову об уничтожении в архиве ВАСХНИЛ материалов, связанных со взаимоотношениями Вавилова и Лысенко 167
Обмен письмами между Т. Д. Лысенко и И.В. Сталиным в октябре 1947 г. 168
Письмо товарищу Иосифу Виссарионовичу Сталину от академика Т. Д. Лысенко 171
Письмо Сталина академику Т. Д. Лысенко 178

Глава 3. Статьи и воспоминания о Н.И. Вавилове 181
Ю.Н. Вавилов, Л.Е. Горбатенко. Николай Вавилов – пионер исследования генетических ресурсов растений Мексики, Центральной и Южной Америки 181
Ю.Н. Вавилов, В.А. Драгавцев. Работы Н.И. Вавилова о культурной флоре Китая и ее значении для мирового растениеводства (тезисы доклада) 185
Ю.Н. Вавилов. Научные связи Н.И. Вавилова с учеными Великобритании 186
Рецензия Ю.Н. Вавилова и Э.Н. Мирзояна на книгу Альберта Гора ... 189
Великий творец науки, он щедро дарил людям свое тепло (воспоминание о Н.И. Вавилове М.Г. Зайцевой) 194
Неожиданная встреча Н.И. Вавилова со Сталиным в коридоре Кремля 199
Николай Иванович Вавилов – воспоминание Н.Г. Лозового 200

Глава 4. Восстановление имени и научного наследия Н.И. Вавилова в нашей стране 202
Комиссия Российской Академии наук по научному наследию Н.И. Вавилова 202

Юбилейные заседания, посвященные 80-летию со дня рождения Н.И. Вавилова 212
Фильмы о Н.И. Вавилове 213
Многосерийный художественный фильм «Николай Вавилов» 216
Информация сотрудника Британского посольства в Москве С.Батта (S.J. Butt) о проведении в Советском Союзе юбилея 100-летия со дня рождения Н.И. Вавилова 216

ЧАСТЬ III. СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ – УЧЕНЫЙ, ОРГАНИЗАТОР НАУКИ, ЧЕЛОВЕК 219
Приходится повторять (статья Б.М. Болотовского, Ю.Н. Вавилова и А.Н. Киркина о С.И. Вавилове) 219
«Сергей Вавилов, почитаемый в России, все еще мало известен на Западе» (письмо Б.М. Болотовского и Ю.Н. Вавилова в журнал «Physics Today») 223
Еще раз о вкладе Вавилова в физику двадцатого века (письмо английских физиков в журнал «Physics Today») 225
Братья Николай и Сергей Вавиловы и диктатура Сталина (доклад Ю.Н. Вавилова на конференции по истории науки в Льеже (Бельгия)) 226
Воспоминание сотрудника ФИАН полковника ФСБ в отставке В.Ф. Сенникова о письме С.И. Вавилова Сталину в 1949 году 230
Сергей Иванович Вавилов – ученый и человек: взгляд с порога XXI века (статья Б.М. Болотовского, Ю.Н. Вавилова и А.Н. Киркина) 231
Сергей Вавилов: светило русской физики (статья Б.М. Болотовского, Ю.Н. Вавилова и А.П. Шмелевой) 264
Нелегкая доля быть избранным (статья Б.М. Болотовского и А.П. Шмелевой) 270
Официальное свидетельство о присвоении названия малой планете имени братьев Вавиловых 274
Воспоминание о С.И. Вавилове Ю.Н. Вавилова 275
Из Справки Наркомата государственной Безопасности СССР о научной и общественной деятельности действительных членов Академии наук СССР (июль 1945 г.) 279
С.И. Вавилов и судьба семьи Н.И. Вавилова (статья Ю.Н. Вавилова) 281
Братья Вавиловы: жизнь и трагедия (статья Ю.Н. Вавилова) 289
Информация о выступлении Ю.Н. Вавилова на Семинаре «Наука и Общество» в Европейском центре ядерных исследований (ЦЕРН) в Бюллетене ЦЕРН N 47/2002 292
Воспоминание о Е.Л. Фейнберге. «Большой почитатель братьев С.И. и Н.И. Вавиловых» 293
Слово памяти братьев Вавиловых (академик И.М. Франк) 295
Литература о жизни и деятельности Н. И. Вавилова 299
Литература о жизни и деятельности С. И. Вавилова 302
Именной указатель 308

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абакумов В.С. 154
Абдулов Н.П. 111
Авакян А.А. 173
Авдулов Н.П. 136
Авдулов П.П. 127, 133
Авруцкая Т.Б. 209, 211
Агол И.И. 30, 35, 42, 102, 103, 104, 141, 163
Адамс Д. 42
Адамс М. 211
Аджубей А.И. 217
Азадовский М.К. 247
Азманов И. 6, вклейка
Албогачиев 142
Александров А.Б. 128, 136
Александров Е.Б.
Александров В.Я. 171
Алексеев В. 291
Алексеева Т.В. 296, 300
Аленцев М.Н. 260
Алиханов А.И. 248, 267
Алтухов Ю.П. 6, 164, 300
Алфимов М.Б. 269
Алькье 159
Амусин А. 120, 122, 144
Андреев А.А. 53, 56, 60, 125, 148, 180, 274, 282
Андреев В. вклейка
Андреев Е.В. 297
Андреев Л.Н. 211, 300
Андреев Н.Н. 237
Андреева Е.В. 299
Андроникашвили Э.Л. 293
Антонов–Романовский В.В. 222, 242
Антропов В.И. 79, 88
Арабов Ю. 217
Артемов П.И. 129, 136
Астауров Б.Л. 204, 208, 209, 212, вклейка
Атабекова А.И. вклейка
Аухаген 126
Ахметьев М.И. 7
Аяцков Д.Ф. 21, 210

Бабич А.Г. 55
Багряновская Е.М. вклейка
Базилевская Н.А. 54, 105, 211, вклейка
Байдин А.И. 124
Байков А.А. 277, 279, 280
Байков А.И. 14
Балеранд (Скворцова) Е.А. 6, 43
Бальдыш Г.М. 299
Баранов П.А. 211
Барулин И.Е. 7, 18, вклейка
Барулин К.И. 18, 22, 23, 276, вклейка
Барулин Н.И. 18, вклейка
Барулина–Вавилова Е.И. 8, 9, 10, 17, 20, 22, 44, 45, 46, 47, 48, 50, 51, 52, 288, 113, 114, 115, 139, 166, 167, 199, 203, 254, 280, 286, 290, вклейка
Барулина Е.И. вклейка
Барулина М.Ф. вклейка
Барулина П.И. 18, 21, 281, вклейка
Басов Н.Г. 234, 236, 266, 268, 269, 271, 288, 291
Баталов А. 214
Батт С. 217
Баур Э. 51
Бахтеев Ф.Х. 55, 108, 122, 143, 203, 205, 206, 207, 212, 215, 284, 300
Бейтсон В. (Бэтсон) 187
Беленький С.З. 293
Беликов П.Н. 248
Белицер А.В. 124, 125, 133, 135
Белоглазова А.Б. вклейка
Бельденкова А.Ф. 55
Беляев Д.К. 209
Белых Г.В. 7
Бенедиктов И.А. 53, 60, 180
Бербанк Л. 39
Бережная П.П. 209
Бережной П.П. 6, 143, 211, 298
Березанская В.М. 302
Березин П.Д. 7, 296, 300
Березовский Б.А. 31, 32
Бернал Д. 220, 221, 239
Берия Л.П. 106, 110, 111, 112, 118, 119, 134, 143, 154, 162, 163, 164, 180, 217, 227, 231, 242, 245, 250, 268, 273, 276, 279, 280, 281, 283, 287, вклейка
Биллингтон Джеймс 4, 6, 42, 43, вклейка
Биффин Р. 187
Богушевский 46
Бойко В.В. 122, 299
Бойль-Мариотт 252

Болотовский Б.М. 6, 43, 220, 221, 223, 224, 228, 229, 260, 261, 263, 273, 291, 302
Бондаренко А.С. 133, 138, 140, 141, 143, 145, 148, 151, 164, 228, вклейка
Бор Н. 102, 249
Бордаков Л.П. 111
Борлауг Н. 27
Борн М. 235, 247
Бородин И.П. 50
Борсюк А. 215
Боте В. 235
Бочков Н.П. 15, 113, 208, 209
Браун Р. 230, 233
Брежнев Д.Д. 208
Брежнев Л.И. 33, 109
Бруевич Н.Г. 279, 288
Брумберг Е.М. 234, 263, 265
Бруно Д. 91, 292
Бугер 231, 263
Букасов С.М. 39, 40, 41, 63, 64, 71, 72, 84, 86, 97, 182
Букинич Д.Д. 197
Булганин Н.А. 180
Бутаков Ю.Г. 90
Бухарин Н.И. 21, 51, 117, 125, 126, 135, 142, 149, 151, 188, 236, 253
Буш Джордж 191
Бушинский 46
Бычкова О.Н. вклейка
Бэтсон В 88, 152, 187, 188, 189

Вавилов В.С. 11, 30, 200, 275, вклейка
Вавилов И.И. 8, 135, 287
Вавилов О.Н. 13, 21, 22, 23, 46, 51, 53, 197, 198, 199, 218, 221, 223, 224, 227, 274, 277, 283, 287, 290, 301, вклейка
Вавилова А.И 45
Вавилова А.М. 8, 289
Вавилова Е.Ю. вклейка
Вавилова З.В. вклейка
Вавилова Л.И. 135
Вавилова О.М. 273, 275, 276, 302, вклейка
Вавилова М.Ю. вклейка
Ваксберг А. 154
Вайнштейн Б.К. 36
Вайскопф В. 32, 265
Вальгер А.К. 277
Вальдейер В. 87
Ванин И.А. 25, 284
Василевский А.М. вклейка
Васильев 134
Васильева А.А. 301
Васина–Попова Е.Т. 208
Ватагин В.А. 198
Вейгерт Ф. 224
Вейсман 80
Векслер В.И. 227, 236, 240, 258, 263, 264, 265, 267, 268, 272, 288
Вернадский В.И. 22, 116, 117, 141, 194, 226, 227, 242, 269, 276, 285
Вернов С.Н. 237, 240, 293
Веснин В.А. 274, 282, 302, вклейка
Веснина Н.М. 276, вклейка
Викторов Б.А. 107, 122, 291
Виленский Е.Р. 122, 299
Виллиамс Д. 28
Вильморен Р. 27
Виноградов В.К. 6
Виноградов И.В. 248
Вишнякова М.А. 301
Владко В. 12
Влодзимирский 134, вклейка
Водков А.П. 155, 156, 157
Вознесенский Н.А. 180
Волгин В.П. 146, 151
Волкогонов Д.А. 241, 263
Воробьев В.С. 7
Воронов Ю.В. 182
Ворошилов К.Е. 148, 180
Вотчал А.Е. 55
Вротняк А. 28
Вул Б.М. 245
Вульф Е.В. 39, 54, 84, 90
Вышинский А.Я. 242, 244, 249, 286, 298

Габер 100
Гагарин Ю.А. 237
Гайзенберг 249
Гайтлер 293
Галилей 106, 153, 221, 250, 252, 253, 267, 269, 272
Ган О. 233
Гандельсман 125, 133
Ганди И. 27
Ганди М. 192
Гаман А.Н. 147, 151

Гамов Г.А. 256
Гейзенберг В. 233, 247
Геккер И.Р. 262
Гессен Б.М. 236
Гете И. 8
Гилев М.И. 55
Гинзбург В.Л. 6, 219, 229, 234, 236, 246, 248, 250, 260, 262, 266, 270, 291, 292, 293, 302
Гитлер А. 153
Глазко В.И. 301
Говоров Л.И 12, 54, 105, 279
Говорова Г.Л 12
Гоголь Н.В. 8
Голованов Я. 235, 237, 262
Голубев Г.Н. 297, 299
Гольдшмидт 53
Гончаров В.А. 6, 143, 163, 164, 263, 282, 300
Гор Альберт 4, 6, 8, 29, 30, 190, 191, 192, 193, 194, 195, вклейка
Горбатенко Л.Е. 6, 182
Горбачев М.С. 17, 162, 226
Горбунов А.Н. 263
Горбунов Н.П. 225
Горелик Г.Е. 236, 262
Городецкий 133
Горский А.М. 207, вклейка
Горячева Р.И. 211
Гребенщиков И.В. 273, вклейка
Гребенщиков С.И. 275
Грем Л. 227
Гримальди Ф. 249, 269
Гровсер Д. 189
Громан 227
Грум-Гржимайло А.Г. 208, 212, 299
Гусев А.А. 249
Гусинский В.А. 32
Гюйгенс Х. 249, 269

Давенпорт Ч.Б. 31, 34, 102, 103, 104, 141, 163
Давид Р.Э. 128, 129, 136
Давыдов Г.М. 18
Давыдов М.П. 18
Дапкунайте И. 215
Дарлингтон 60, 187, 188
Дашин 133
Дейл Г. 152, 153
Демонзи 127
Демченко О.А.
Демченко С.И. 211
Дергачева А.П. 299
Дергачева Л. 291
Джана С. 186
Джелепов Б.С. 277, 285
Джиллис Дж. 292
Джуравский Д. 171
Дарвин Ч. 8, 39, 63, 81, 83, 84, 113, 151, 152
Дичбалис С. 6, 11
Димитров Г. вклейка
Дмитриев 130
Добротин Н.А. 219, 223, 238, 263, 279
Доватур А.И. 247
Домонский 127
Домрачев Д.В. 124, 135
Дорофеев В.Ф. 209
Драгавцев В.А. 6, 186, 300, 301
Дремин И.М. 292, 293
Друде 246
Дряновская О. 299
Дубинин Н.П. 16, 105, 107, 171, 204, 205, 207, 215, 249, 274, 290
Дубровина Н.И.
Дудинская Н.М. 25, 284
Дунаева Н.В. 301
Дэвид Х. 267
Дэйл Г.Г. 152, 153, 189, 218, 227
Дюма А. 20
Дяченко С.С. 215, 214, 215, 216, 218, 300

Ежов Н.И. 141, 148, 228
Ельцин Б.Н. 30
Енкен В. 291
Есаков В.Д. 6, 49, 207, 208, 210, 241, 263, 291, 299, вклейка

Жданов А.А. 180
Жданов Ю.А. 148, 169, 180, 245
Жолио–Кюри Ф. 234, 257, вклейка
Жукова Л.М. 211
Жуковский Н.Е. 227, 271
Жуковский П.М.84, 87, 90, 108, 205
Жученко А.А. 210, 300
Жюль Верн 12

Завадовский М.М. 145, 150
Завойский Е.К. 230
Зайцев Г.С. 195, 196, 197
Зайцева М.Г, 195
Захаров И.А. 4, 208, 210, 298, вклейка
Захарченя Б.П. 250
Зацепин Г.Т. 276, 278, 279, 285, 293
Зелинский Н.Д. вклейка
Зельдович Я.Б. 268
Зернов 46
Зигуненко С.Н. 299
Зимянин М.В. 218
Зихерман 134
Злобина О.А.
Золотарев 133
Зрелов В.П. 302
Зубарев А.И. 134, 155, 156, 157
Зыбина С.П. 301

Иванов В.И. 300
Иванов В.Вс. 263
Иванов Н.Н. 59, 69, 84, 87
Иванов Н.Р. 54, 205, 206, 207, 208, 209, вклейка
Иванова К.В. 208
Иверонов В.И. 248, 298
Ивин М.Е. 300
Ивоилова Е.Ю.
Ильин 147, 151
Иннес Д. 187, 188, 189
Иогансен В.Л. 88
Иорданова 134
Иоффе А.Ф. 225, 242, 250, 265, 266, вклейка
Ирашин 132, 136

Каблуков И.А. 34
Каганович Л.М. 148, 180
Калечиц 124
Калашников С.Г. 248
Калиненко И.Г. 181
Калинин М.И. 148, 241
Карсон Р. 191
Канторович А. 299
Капица П.Л. 220, 223, 226, 229, 232, 240, 242, 243, 244, 245, 246, 248, 249, 251, 252, 257, 260, 262, 266, 268, 278
Капица А.А. 244
Капица С.П. 278
Каптерев П.И. 248
Карпеченко В.Г. 6, 16, 24
Карпеченко Г.Д. 14, 17, 24, 40, 53, 59, 81, 82, 87, 89, 105, 133, 136, 281, 282, вклейка
Карпеченко Г.С. 16, 17, вклейка
Карпинский А.П. 23, 50, 225, 227, 271, 275, 284
Кафтанов С.В. 242, 244, 248
Кедров Б.М. 168
Келер В.Р. 231, 262, 291, 302
Келли Р.Ф. 104
Келдыш М.В. 204, 205, 214
Кельрейтер И.Г. 88
Керенский А.Ф. 142, 149, 151
Керк 99
Керкис Ю.Я. 60
Киевская Л.П. 143
Киплинг 198
Кириллин В.А. 121, 205
Киримов Х.Х. 301
Киркин А.Н. 6, 43, 220, 231, 262, 291, 302
Киркин М.А. 260
Киров С.М. 9, 200
Кирсанова Н.А. 25
Клебс Г.А. 82, 89
Климин 130
Климов С. 138, 140, 141, 148, 164, 228
Кнунянц И.Л. 204
Кобулов Б.З. 129, 134, вклейка
Ковалев Н.В. 51, 55, 128, 136
Ковалевская С.В. 272
Коваленко Г.М. 254
Кожевников А. 226, 227, 229, 249, 262
Кожухов И.В. 55
Колесник Н.Н. 60
Колесников Н.И. 105, 108, 133, 155, 157, 164, вклейка
Колесникова Т.К. 6, 165
Колмогоров А.Н. 229, 249
Колчинский Э.И. 144
Кольцов Н.К. 89, 270
Комаров А. 274
Комаров В.Л. 40, 57, 105, 152, 268, 270, 275, 279, 280, 290, 298
Кондратьев Н.Д. 116, 125, 135, 227, 226
Коновалов Ю.Б. 170, 171, 181, 211, вклейка

Константинов А.П.
Константинов Б.П.
Константинов П.Н. 126, 134, 136
Конфисахар Н. 12, 275
Коржинский С.И. 88
Корнеев С.Г. 209, 210
Королев С.П. 237, 270
Королева Н.С. 6
Коротков А.В. 6, 143, 171
Короткова Т.И. 6, 299, 300
Косарев А.В. 230
Косиор С.В. 148
Костина К.Ф. 54
Костов Д.С. 40, 59, 61, 146, 151, вклейка
Костова А.А. 60
Косыгин А.Н. 180
Костышин С.С. вклейка
Котельников К.А. 6
Коффод А.А. 126
Кошелев А. 149
Коэн Б. вклейка
Кравец Т.П. 302
Краев 278
Краевой 60
Крачковский И.Ю. 23
Крепс В.М. 138
Кривоносов Ю.И. 204, 285, 302
Кристи А. 278
Кропоткин П.А. 149, 151
Крохин О.Н. 6, 262, 302
Крутков Ю.А. 249
Крылов А.Н. 115, 227, 238, 250, 271
Крылов И.А. 24
Крю Ф. 89, 117
Крюков Н.А. 151
Крюков Ф.А. 54, 149
Кузнецов А.А. 288
Кузнецов В.А. 54, 125, 180
Кузнецов Н.И. 301
Кузнецова Е.С. 50, вклейка
Кулаков Ф.Д. 168
Кулешов Н.Н. 124, 125, 128, 133, 135
Культиасов М.В. 71
Купченко И. 215
Курносова Л.В. 22, 44, 45, 283
Курчатов И.В. 242, 245, 248, 257, 265, 267, 270
Кушнер Х.Ф. 60
Кюри И. вклейка
Кэссельбреннер 93

Лазарев П.П. 231, 249, 262, 263, 264, 265, 267, 271
Ламарк Ж.Б. 80, 152
Ландау Л.Д. 102, 229, 234, 262, 265, 267, 292
Ландсберг Г.С. 220, 229, 230, 236, 237, 238, 248, 262, 265
Ланжевен П. 127, 136
Лапин А.К. 128, 129, 136
Лапин В.К. 202
Лапин Т.К. 203
Лассан Т.К. 211
Лауэ М. 235
Лебедев Д.В. 144, 205, 207, 208, 209, 211
Лебедев П.Н. 14, 21, 32, 168, 182, 186, 218, 219, 225, 227, 231, 238, 249, 261, 262, 263, 264, 266, 267, 272, 289, 290, 299
Леваная Е.С. 297
Левина Е.С. 171, 299
Левит С.Г. 30, 35, 42, 102, 103, 104, 141, 163
Левитес Е.В. 300
Левитский Г.А. 15, 54, 105, 146, 150
Левитский И.Г. 16
Левицкий В.А. 6
Левшин Б.В. 6, 168, 205, 207
Левшин В.Л. 223, 225, 232, 235, 255, 261, 263, 265, 269
Левшин Л.В. 229, 262, 287, 291, 302
Леих Гарольд 43
Ленин В.И. 12, 111, 144, 153, 225, 255
Леонардо да Винчи 8
Леонтович М.А. 222, 229, 237, 238, 246, 249, 261
Лепин Т.К. вклейка
Лехнович В.С. 55
Лигачев 218
Лизгунова Т.В. 55
Лисицин 108
Лискун Е.Ф. 124, 135, 139, 145, 146, 150, 228
Лихачев Д.С. 42, 133, 226, 249
Лихонос Е.Ф. 10
Лихонос Ф.Д. 10
Лобашев М.Е. 87, 89
Лозовой А.Н. 201

Лозовой Н.Г. 201, 202
Ломоносов М.В. 215, 218, 221, 249, 267, 272
Лонгфелло Г. 34
Лоренц 248
Лоскутов И.Г. 301
Лукирский П.И. 249
Лукреций 270
Луньков Д. 215
Луппол И.К. 120, 131, 136
Лусс А.И. 60, 83, 90
Лутков А.Н. 40, 59, 208
Лысенко Т.Д. 9, 14, 30, 36, 39, 40, 42, 53, 60, 61, 71, 80, 81, 84, 90, 96, 105, 106, 107, 108, 109, 117, 118, 120, 122, 128, 129, 134, 138, 140, 141, 152, 153, 154, 157, 169, 170, 171, 172, 179, 181, 189, 199, 202, 204, 205, 206, 210, 214, 215, 216, 217, 225, 227, 228, 239, 242, 249, 251, 252, 254, 255, 267, 268, 270, 279, 280, 286, 296, вклейка
Любимова В.Ф. 208, 209
Любищев А.А. 169

Мазан 127
Мазуров 130, 131
Майкельсон А. 246, 249, 255, 269
Майн Рид 12
Майсурян Н.А. 205
Макаров Н.П. 45, 125, 135
Макмиллан 222, 240
Максименко В.М. 6, 7, 295
Максимов А.А. 258
Максимов А.Д. 149
Максимов Н.А. 125, 128, 135, 146, 150
Маленков Г.М. 180, 244, 270, 278, 279, 281
Малов В.И. 299
Малышев Ф.П. 285
Мальцев А.И. 87
Мальцев Т.С. 172
Мандельштам Л.И. 220, 227, 230, 234, 237, 239, 240, 244, 246, 262
Марголин Л.С. 129, 133
Маринин А.В. 6
Марк Твэн 198
Маркевич 125
Маркин С.П. 247
Марков М.А. 240, 244, 255, 256, 263, 293
Маркс К. 153, 160, 161
Марр Н.Я. 272
Мартини М.Л. 287
Мартынов Л. 252
Мартынов М.Д. 81, 89
Мацкевич В.И 10
Медведев Ж.А. 60, 122, 143, 171, 206, 208, 211, 227, 228, вклейка
Медников Б.Н. 299
Мейстер Г.К. 126, 128, 129, 136, 146, 148, 150
Мейтнер Л. 233
Меллер Г.Д. 30, 48, 82, 87, 89, 104, 146, 150, 200
Мельников 105
Мельчин С.А. 6, 143, 171
Мендель Г. 81, 88, 152
Меркулов В.Н. 131, 143
Месяц Г.А. 6
Метальников С.И. 126, 136, 161
Метлова Т.В. 6
Мечников И.И. 161, 289
Микеланджело Б. 8
Микоян А.И. 109, 148, 180
Микулинский С.Р. 204
Милехин Г.А. 292, 295
Милликен Р. 58
Милютин Т.П. 154
Минкевич И.А. 76, 88
Мирзоян Э.Н. 6, 31, 190, 195
Миронов 139, 140
Митин М.Б. 218, 251, 253
Михайлова Н.В. 6
Мичурин И.В. 21, 64, 69, 71, 83, 89, 90, 106, 128, 129, 136, 180, 211, вклейка
Мишина А.С. 5, 203
Молотов В.М. 13, 58, 60, 105, 106, 107, 117, 118, 139, 148, 180, 204, 241, 268, 278, 279, 281
Монтень М. 251
Морган Т. 87, 89, 152, вклейка
Мордвинкина А.И. 55
Морэн Жан-Анри 161
Московченко Н.Я. 6, 298
Мосолов В.В. 155, 156, 157
Мошков В.С. 55
Муралов А.И. 126, 128, 129, 133, 134, 136
Мусхелишвили Н.И. 250

Надсон Г.А. 87
Нансен Ф. 198
Некрич А.М. 33, 34, 35
Нернст В. 233
Неру Джавахарлар 27
Нидерхаузер 28
Никишанова Т.И. вклейка
Новожилов Ю.В. 210
Ньютон И. 81, 222, 249, 250, 255, 261, 267, 268, 269, 272, 280, 294, 299
Нуждин 60

Обреимов И.В. 246, 248, 250
Обручев В.А. 34
Оверчук Л.А. 29
Овчинников Ю.А. 208
Огольцов С.И. 248
Оношко 127
Орбели И.А. 275
Орбели Л.А. 22, 105, 153, 267, 269, 272, 277, 278, 282, 286, вклейка
Орджоникидзе С. 148
Орел В.Н.
Орлов Ю. 46, 102
Осеева Т.Н.
Осипов С.И 15, 16, 17
Осипов Ю.С. 6
Осипова Н.А. 16
Оснидская Л.
Оснидская И.
Остроградский М.В. 23

Павлов И.П. 23, 32, 49, 50, 116, 117, 141, 226, 227, 269, 272, 277, 284
Павлова Н.М. 55
Пайк Э. 230, 233
Палимпсестова О.А.
Пангало К.И. 70, 88
Панизовская Г.И. 299
Панкратьев 123
Панов Д.Ю. 248
Панова 299
Паншин И.В. 133
Папалекси Н.Д. 220, 229, 237, 239, 248
Паперный З.Б. 256
Пастер Л. 161
Патрушев В.И. 60
Пашкевич В.В. 87
Пашкина А.В. 21
Пеннет Р. 187
Переверзев Г.А. 55, 71
Переверзев Н.С. 129, 136
Персиваль Д. 188
Петров В.В. 23
Петров Р.В. 300
Петровский Л.П. 6, 34, 121, 148
Пиотровская И. 155
Писарев В.Е. 15, 78, 88, 123, 124, 125, 128, 133, 134, 135
Писарев Г.В. 15
Планк М. 235, 249, 250, 262, 264, 265, 271
По Э. 29
Поволоцкая Е.Е. 55
Подобедов 150
Подъяпольский П.П. 49
Подъяпольская Е.П. 49
Полянский Ю.И. 207
Понарина Е.А. 7
Поппенхаймер 31, 32
Попов В.А. 6
Попов Г.М. 180
Попов И.Г. 46
Попова Г.М. 54
Поповский М.А. 18, 21, 105, 107, 116, 120, 122, 138, 141, 143, 154, 164, 205, 206, 207, 208, 210, 211, 227, 228, 299, 300
Поскребышев А.Н. 274
Постников М.А. 7
Постышев П.П. 148
Поташникова Б.Г. 55
Пошатаев А.В. вклейка
Презент И.И. 106, 107, 204, 218, 265, вклейка
Пржевальский Н.М. 285, вклейка
Привалов 46
Прингсгейм П. 231, 234, 235, 261
Прокофьев 139, 140
Прокофьева–Бельговская А.А. 89, 208, 209
Пронина Г.И. 6
Прохоров А.М. 227, 234, 236, 262, 266, 268, 269, 271
Прошкин А.А. 217, 292
Прошкина Е.Ф. 12
Прянишников Д.Н. 107, 108, 109, 118, 145, 146, 150, 229, 255, 270, 276, вклейка
Птоломей 253

Пушкин А.С. 8, 12, 15, вклейка
Пятницкий Ю.А. 298

Разумов 39
Райский С.М. 232
Раменская М.Е. 6, 7, 29, 50, 203, 207, 208, 210, 249, 300, вклейка
Рапопорт И.А. 60, 208, 209
Ревель 191
Ревенкова А.И. 5, 122, 211, 299
Рединг 188
Резаева З.Ф. 120
Резерфорд Э. 220, 251
Резник С.Е. 5, 6, 28, 30, 122, 138, 143, 227, 228, 299
Рени Д. 26
Рерих Н.К. 27
Рерих С.Н. 4, 6, 26, 27, 28, вклейка
Рерих Ю.Н. 27
Решетников 129
Родин Л.Е. 208, 210, 299
Родина А.А. 300
Рождественский Д.С. 299
Рождественский Л.Д. 263
Розанова М.А. 54, 68, 82, 84, 87, 89
Ройзен И.И. 293
Рокитянский Я.Г. 6, 116, 121, 122, 137, 143, 158, 159, 161, 162, 163, 164, 172, 225, 228, 291, 298, 301
Роскин А. 299
Рубинин П.Е. 250, 262
Рубцов Г.А. 54
Рудзутак Я.Э. 148
Рузвельт Ф. 97
Рузин 123, 129
Рыбин В.А. 54, 59
Рыбников А.А. 46
Рыков А.И. 236
Рытов С.М. 244, 246, 250, 268
Рязанов Д.Б. 116, 120, 122

Сабирова С.Ф. 6
Савельев С.И. 301
Савина Г.А. 6, 62, 210, 298
Савич В.М. 111, 146, 150
Салтыков–Щедрин М.Е. 253
Самарин 128
Самодуров Ю.В. 165
Сапегин А.А. 88, вклейка
Сарычева Л.И. 293
Сахаров А.Д. 25, 102, 105, 107, 165, 204, 227, 236, 241, 255, 263, 268, 270
Сахаров В.В. 87
Сахарова А.М. 199
Сахарова Е.Н. 21, 46, 199, 283
Сваминатан М.С. 184
Семенов Н.Н. 204, 229, 246
Семичастный В.Е. 107, 108, 121
Сенин 133
Сенников В.Ф. 6, 228, 230, 231, 242, 263, 286, 289
Сервантес М. 15
Серебровский А.С. 104, 148, 151
Сережкина Г.В. 210
Сивухин Д.В. 263
Сидоров Б.Н. 134, 137
Сизов И.А. 124, 125, 133, 135
Сизоненко А.И. 6, 298
Синская Е.Н. 84, 90, 105, 108, 208, 210, 212, 298
Синюков М.И. вклейка
Скворцов А.К. 36, 42
Скворцов Б.В. 42
Скворцов Н.С. 180
Скобельцин Д.В. 220, 224, 229, 234, 240, 278, 285, 289, вклейка
Скотт В.12
Слюсарев Г.Г. 273
Слюсарев С.Г. 275
Слюсарева А.И. 275
Смирнов А.П. 125
Смит О.А. 6
Сморигинас К. 215, вклейка
Соболев С.Л. 138, 144, 145, 146, 150
Созинов А.А. 211
Сойфер В.Н. 30, 140, 143, 164, 170, 171, 212, 227, 228
Соколов 278
Соколовский В.Д. вклейка
Сокольский А.Д. 274
Сокулин Л. 18
Сокулин Н. 18
Сокулина И.Н. 18
Солженицын А.И. 11, 228, 227, 242, 262
Соловьев Ю.И. 144
Соломенцев М.С. 109

Сонин А.С. 262, 276
Сталин И.В. 4, 5, 13, 21, 23, 32, 34, 60, 91, 105, 106, 117, 119, 120, 135, 138, 139, 140, 141, 142, 144, 145, 147, 148, 154, 158, 164, 169, 170, 171, 172, 178, 179, 180, 188, 200, 218, 224, 225, 226, 227, 228, 231, 236, 239, 240, 241, 242, 243, 245, 250, 251, 253, 255, 257, 261, 263, 266, 267, 268, 270, 272, 273, 274, 278, 279, 280, 285, 286, 287, 291, 292, 298
Стародуб А.Н. 262
Стебут И.А. 149, 151
Стеклов В.А. 23
Стеклов Ю.М. 120, 122
Стеклер И. 43
Степанов Н.Л. 136
Степанова 132
Столетов А.Г. 245
Столетова Е.А. 54
Страус Д. 28
Страус М. 29
Стрелков С.П. 263
Строганова А.И. 297
Строганова-Тимофеева Н.Л. 279
Струнников В.А. 208
Стуков В.И. 209, 210, 212, 301, вклейка
Ступка Б. 217, вклейка
Сукачев В.Н. 205, 206, 207, 208
Суминов К.С. 207, 210
Супоницкая И.М. 43
Суслин 130
Суслов М.А. 168, 180, 204
Сыченко И.П. 132

Таланов В.В. 124, 128, 135, 146, 150
Тамм И.Е. 32, 204, 219, 221, 222, 224, 225, 226, 227, 230, 231, 232, 236, 237, 238, 241, 248, 253, 256, 257, 259, 260, 261, 264, 265, 265, 266, 268, 269, 271, 286, 293
Тамм Е.И. 263
Тарасенко Г.Г. 54
Тартаковский 125, 133
Тахтаджан А.Л. 105, 107, 122, 144, 217
Твен М. 198
Теодорович И.А. 125, 135
Термен А.С.
Тимирязев К.А. 38, 104, 136, 150, 170, 289
Тимофеев–Ресовский Н.В. 44, 143, 171, вклейка
Тихомирова Л.И. 231
Тихонравов 237
Толмачева–Карпинская Е.А. 24, 25, 277, 284
Толстой А.К. 289
Толстой Л.Н. 20
Тополь Э. 32
Топчиев А.В. 244, 245
Топчиев И.Н. 6
Топчиев Н.П. 6
Трифонов Д.Н. 134, 263
Тулайков Н.М. 111, 124, 125, 128, 135, 139, 148, 228
Туманов И.И. 59, вклейка
Туманян М. 171
Тупикова А.Ю. 59
Туполев А.Н. 236
Тюлина М.Д. 55
Тюмяков Н.А. 22
Тюрина Е.А. 6

Угаров В.А. 263
Удалов 123
Удачин Р.А. 298
Улам А. 34
Ульрих В.В. 131
Ульянов Г.А. 121
Ульянов М. 214
Ушаров 133

Фабрикант В.А. 248
Фабелинский И.Л. 248
Фаворский А.Е. 87
Фарадей М. 249, 269, 272
Федоров Ан.А. 207, 208, 209, 211
Федоров В.М. 6
Федосеева В.И. 301
Федотов В.С. 14, 40
Федотов А.В. 15
Федотов П.В. 105, 280
Фейербах Л. 161
Фейнберг Е.Л. 6, 91, 158, 219, 223, 238, 260, 261, 262, 263, 286, 291, 293, 302
Ферсман А.Е. 50, 226, 271

Физо 248
Филиппов Г.С. 87
Филипповский 119
Филоненко И. 291
Финн Г. 198
Флеров Г.Н. 241
Флоренский П.В. 164
Фляксбергер К.А. 79, 88, 127, 133, 136
Фок В.А. 222, 229, 237, 238
Фок М.В. 221, 250, 263
Форд Г. 101
Франк А.И. 275
Франк Д. 223, 233
Франк И.М. 218, 219, 221, 222, 224, 225, 226, 227, 229, 230, 231, 232, 236, 237, 238, 242, 248, 251, 255, 256, 257, 259, 260, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 272, 275, 276, 284, 286, 289, 295, 302
Франк Ф. 250
Фредерикс В.К. 249, 261
Френкель В.Я. 263
Френкель Я.И. 32
Фридман С.А. 262
Фриз Г.Д. 88
Фриш С.Э. 223, 251, 263
Фролов И.Т. 171, 215
Фуко 248

Хаджинов М.И. 208
Хайкин С.Э. 244, 246, 248
Хаксли Д. 40
Халловей Д. 268
Харвей Р. 189
Харис Ч. 28
Харитон Ю.Б. 239, 268
Харлан 210
Харланд Д. 146, 150, 188
Хачатуров С.П. 56
Хват А.Г. 105, 111, 118, 119, 134, 142, 145, 149, 218, вклейка
Хексли Д. 188
Хлопин В.Г. 241
Ходорковский М.Б. 32
Холдейн 187
Холин В. 121, 122
Холл Д. 188
Холмов Р.В. 233
Хоукс Д.Г. 37, 38
Христианович С.А. 248
Христиансен Г.Б. 276, 286
Хрущев Н.С. 27, 107, 108, 109, 162, 169, 180, 204, 213, 249
Худяков Д.С. 22, 23

Цейс 233
Цейтлин 55
Цион Р.А. 124, 133, 135
Цицин Н.В. 106, 129, 136, 169, 171, 180

Чаянов А.В. 116, 125, 134, 135, 164, 227, 226, 240
Чаянов В.А. 164
Черенков П.А. 219, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 230, 231, 232, 235, 236, 237, 239, 249, 250, 254, 256, 257, 259, 260, 261, 263, 264, 266, 269, 290, 293, 299
Чернавский Д.С. 292, 295
Черникова М.С. 29, 162
Чернобривенко И.С. 21
Чернов А.Г. 274, 279, 282, 288
Чернов М.А. 146, 151, 223
Черномырдин В.С. 31
Черный К.Г. 201
Чернышов А.А. 14
Чижевский А.Л. 147, 151
Чкалов В.П. 14
Чмора Н.Я. 53
Чубарь В.Я. 148
Чуенков С.В. 155, 156, 157

Шадыро О.Н. 300
Шайн Г.А. 250
Шанц Н. 291
Шаповалов М.О. 211
Шапошникова С.Э. 154, 155
Шванвич А.Б. 11, 21
Шванвич Б.Н. 11, 21
Шварцман Л. 142, 148, 153, 154
Шверник Н.М. 180
Шекспир У. 228
Шепилов Д.Т. 244
Шестаков С.В. 300
Шехурдин А.П. 128, 136
Шлипп 126

Шлыков Г.Н. 83, 84, 85, 90, 107, 153, 154, 216
Шмелева А.П. 6, 264, 273, 302
Шмук А.А. 60, 88
Шпаро Б.А. 279
Шпольский Э.В. 276
Шрибнер 222
Шрикантан 25
Штеменко С.М. вклейка
Штуббе Г. 209, вклейка
Шубников А.В. 246
Шумный В.К. 300
Шунденко С.Н. 83, 84, 85, 90, 105, 107

Щавинская 40
Щербаков А.С. 241
Щербина Д.М. 89
Щука А.А. 263
Щусев А.В. 14

Эгиз С.А. 54
Эйлер Л. 249, 267, 272
Эйнштейн А. 233, 246, 248, 249
Эйх 148
Эйхфельд И.Г. 70, 87, 88
Эллади Е.В. 55
Эмерсон 47
Эмме Е.К. 134
Энгельгарт В.А. 204
Энгельс Ф. 81, 161
Эфроимсон В.П. 169, 171, 215

Юзепчук С.В. 38, 41, 63, 86, 91, 183
Юровский Л.Н. 116

Яблоков А.В. 31
Яговдик Г. 12, 275
Яздовский В.И. 235, 236
Якимов 71
Яковлев А.Н. 218
Яковлев И.А. 248, 260, 261, 262, 263
Яковлев И.В. 246
Яковлев М.С. 208
Яковлев Я.А. 51, 111, 119, 125, 135, 140
Якубцинер М.М. 55
Якушевский Е.С. 55, 127, 141, 144
Якушкин И.В. 134, 137, 155, 157
Ян С. 184
Янковский В. 155
Янковская И.К. 155

Bernal J.D. 223
Brown L. 224
Brown R.G. 223, 226, 230, 262
Butt S.J. 216
Graham L. (Лорен Грем) 171, 225, 269
Growther J.G. 189
Harris D.R. 211
Hawkes J. 211
Kozevnikov A. 230
Jana S. 186
Joravsky D. (Журавский Д.) 225, 230
Pais A. 224
Pike E. 223, 226, 230, 262
Pike R. 228
Pippard B. 224
Swaminathan M.S. 186

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Вавилов Юрий Николаевич

В долгом поиске

Книга о братьях
Николае и Сергее Вавиловых

*Издание второе,
дополненное и переработанное*

Художественное редактирование и компьютерный дизайн П.Д. Березин
Техническое редактирование Т. Вал. Алексеева
Редактор Т.Викт. Алексеева

Подписано в печать 27.06.2008 г. Формат 70х100/16
П.л. 23,0. Тираж 500 экз. Заказ N .

Жизнь, научный и гражданский подвиг, трагическая судьба великого русского ученого Николая Ивановича Вавилова, приговоренного к расстрелу с согласия Сталина, давно вызывает большой интерес не только среди ученых в России и за рубежом, но и у значительно более широкого круга лиц.

Автор книги – сын Н.И. Вавилова Юрий Николаевич Вавилов – физик, доктор физико-математических наук, помимо своей основной работы способствовал изданию сохранившихся, ранее не опубликованных трудов отца, его международной переписки, собрал и опубликовал воспоминания его учеников и соратников, зарубежных ученых.

Книга содержит архивные документы, связанные с жизнью и деятельностью, арестом и заключением в тюрьму Н.И. Вавилова, обнаруженные Ю.Н. Вавиловым во многих архивах: ФСБ, Президента РФ (фонд Сталина), Архиве РФ, Главной военной прокуратуры РФ, Национальном архиве США, Архиве Лондонского Королевского общества и других. Ряд документов публикуется впервые.

В книге приводятся краткие воспоминания о жизни автора – его детских годах в Ленинграде, в военные годы в Саратове, а также рассказы о встречах автора во время зарубежных поездок с известными людьми: русским художником и общественным деятелем С.Н. Рерихом, сенатором и будущим вице-президентом США Альбертом Гором, директором библиотеки Конгресса США Джеймсом Биллингтоном и другими.

В книге публикуются статьи и воспоминания Ю.Н.Вавилова, посвященные его дяде, выдающемуся русскому и советскому физику Сергею Ивановичу Вавилову, оказавшему огромную помощь семье своего брата в тяжелые для нее годы.